

Евгений Александрович Мансуров
Психология творчества. Вневременная родословная таланта

ЕВГЕНИЙ МАНСУРОВ

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

ВНЕВРЕМЕННАЯ
РОДОСЛОВНАЯ ТАЛАНТА

*«Психология творчества: временная родословная таланта / Мансуров Е.А.»: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0653-2*

Аннотация

Е. Мансуров, автор популярной книги «Загадка Фишера», много лет освещал в СМИ историю компьютерных шахмат и однажды задался вопросом: «Может ли быть создан искусственный интеллект?». Ответ пришел через изучение другого вопроса: «А что есть интеллект природный, его способность к творчеству?» Так появилась новая книга, раскрывающая тайну творчества. Перед вами – обстоятельные экскурсии в историю развития интеллектуальной жизни человечества, своего рода коллекция исторических примеров, могущих повлиять на развитие внутренних талантов вдумчивых читателей.

Евгений Мансуров Психология творчества: временная родословная таланта

*Автор благодарит Ольгу Максимэн и Анну Иванову
за помощь в издании книги*

От автора. Размышление первое...

Взглянув на печальную «пирамиду не-творчества» (см. подробнее: Е. Мансуров «Психология творчества: Вневременная родословная таланта. Пирамида не-творчества») приходится констатировать, что история становления людей талантливых справедлива еще меньше, чем посмертная слава их произведений: нищета в быту, интриги завистников, гонения приверженцев старых догм, остракизмы «общественного мнения», тюрьмы, казни, самоубийства. Не очень-то обнадеживает и перспектива их посмертных скитаний, с отказом в погребении (Ж.-Б. Мольер, А. Лекуврер, Н. Паганини), с осквернением могилы (М. Нострадамус, О. Кромвель), с похищением гроба (Ч. Чаплин), с разграблением останков (Ф. Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Й. Гайдн, Н. Гоголь) и последующей «инвентаризацией» черепа и костей (А. Данте, Р. Санти, Р. Декарт).

Дабы избежать нездорового интереса к их «гниющей персти», многие великие предпочли после смерти кремацию и в завещаниях своих распорядились: развеять прах над лесом (Р. Музиль), над полем (К. Симонов), над холмами графства (Дж. Голсуорси), над поместьем, в котором жили (Э. Гарднер, Г. Грант, Э. Марроу, Дж. О'Кифф, Б. Поттер), над островом (М. Брандо), над рекой (М. Ганди, И. Ганди, Д. Энлай, Б. Кессиди), над морем (У. Каллас, Ю.Семенов), над проливом (И. Бергман), над океаном (А. Хичкок, С. МакКуин, Р. Оппенгеймер, Р. Хаббард, Р. Хадсон, У. Холден, У. Эббот); опустить урну с прахом в реку (А. Эйнштейн), в море (Ф. Энгельс, Ж. Габен, В. Гуффри); тайно захоронить в саду (Б. Шоу, О. Уэллс) или перед стенами крематория (Ш. О'Кейси, А. Тьюринг, Р. Франклин). Они словно тяготились грузом «мемориальной» памяти, предписывающей вспоминать их по ритуалу как точно «здесь» и в дни годовщин «всегда».

Еще при жизни, и без завещания, китайский философ Лао-Цзы (604–517 до н. э.) хотел «существовать вне времени». Покидая родину и в добровольном изгнании убегая от рода человеческого, он оставил на пограничном посту «послание о Дао де Дзин» – 5000 слов нового учения о путях добродетели. Меньше всего его заботили авторские права или суд потомков. «Он хотел исчезнуть и даже не оставить своего имени», – комментирует китайский историк. По странному сближению казалось бы разнородных событий, не имеющих ничего общего в своем первоисточнике, Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за май-октябрь 1876 года (Россия) писал: «Тут слышится душа именно возмущившаяся против «прямолинейности» явлений, не вынесшая этой прямолинейности... судьи и отрицатели жизни, негодующие на «глупость» появления человека на земле, на бестолковую случайность этого появления, на тиранию косной

причины, с которой нельзя помириться...»

Возможно, философу и должно стать первым, кто совершил «бегство от мира». Но он не оказался единственным одиноким чудаком. За ним последовали другие – великие и выдающиеся, кто хотел бы бросить все, чтобы стать ничем. И дело не в силе изысканной метафоры. Они, действительно, желали бы исчезнуть физически, без следа, намереваясь своим *абсолютным* уходом из этого плотного, сущего мира подчеркнуть необратимость утраты своего «дара нездешнего». Утраты, как известно, облагораживают натуры милосердные. И всегда остается надежда облагородить если не деяния своих современников, то хотя бы память потомков.

Ну, о том, что отзовется в памяти потомков, трудно судить даже тем, кто идет впереди. Но современники... каким образом можно облагородить дела и мысли их, племени самого подручного, идущего в ногу со временем? Они что, церемонятся с теми, кто путается под ногами? Или великодушны с теми, кто их обгоняет? Один из тех, кто их обгоняет, предлагал распознавать истинный гений по тому верному признаку, что «все тупоголовые соединяются в борьбе против него» (Дж. Свифт). Причем их ненависть к идущему впереди «прогресса ради», сравнима лишь с их алчностью в преследовании сиюминутных интересов... «О времена, о нравы!» – восклицал Марк Туллий Цицерон (106 – 43 до н. э.), бичуя свой развращенный век. Уже эти, пост-античные времена, казались просвещенному современнику упадком морали и гибелью милосердия. (Как будто и не было чаши с цикутой, выпитой Сократом)...

Франческо Петрарка (1304–1374) грешил на свое время – позднее Средневековье – со всеми «прелестями» борьбы с инакомыслием и казнью на костре за идеологические уклоны и отступления, – но не оставлял надежду на века *иные*, когда свет разума станет путеводной звездой даже для общества большинства. «Время, в которое я жил, – признается он в «Старческих письмах» (Италия, 1374 г.), – было мне всегда так не по душе, что я всегда желал бы быть рожденным в любой другой век, и чтобы забыть этот, постоянно старался жить душою в иных веках...»

Великий персидский поэт Джами (1414–1492) помнил и о казни Сократа, и о тех бедствиях духа, которые принесло крушение античного мира. Что же сулили новые времена? Вот как он отзывался о времени, в котором жил:

Я попал, словно жертва греховных затей,
В эту затхлую жизнь и томлюсь, как злодей.
Эй, палач! Я в последнем желании волен?
Дай же мне умереть, дай уйти от людей!

Любой другой век оставался в прошлом как еще одна неудачная попытка человечества последовать за путеводной звездой милосердия. Однако свет этой звезды, иногда приглушенный до призрачного мерцания, все же высвечивал силуэты *иных веков*. Хотелось верить, что в них можно жить – и не только душою...

Относительно «иных веков» много надежд подавала эпоха Возрождения. Венцом же Ренессанса можно считать жизнь и творчество великого Микеланджело (1475–1564). Конечно, его современники могли и ошибаться. Но вот свидетельствует уже наш современник: «Микеланджело принужден был жить в эпоху, которую он не мог не презирать, в мире, который не понимал его и которому он был не нужен...» (из книги Б. Бернсона «Живопись итальянского Возрождения», сов. изд. 1967 г.). А сам Микеланджело, раскрывая художественный смысл своей композиции «Ночь» (капелла Медичи: гробницы Лоренцо и Джулиано, Италия, 1524–1526 гг.), высказался, пожалуй, еще решительней, чем его позднейшие биографы:

Отрадней спать, отрадней камнем быть,
О, в этот век, преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать – удел завидный.
Прошу, молчи, не смей меня будить.

«Восстав от сна», не мог простить свой век – утренняя заря эпохи Возрождения! – и Леонардо да Винчи (1452–1519). Современники виделись ему не иначе, как «переработчиками пищи, наполнителями отхожих мест, потому что с их помощью ничего в мире не происходит; у них нет никакой доблести, и ничего от них не остается, кроме полных навозных ям». За презрением, граничащим с ненавистью и озлоблением, скрыта драма «лишнего человека», который был призван в этот мир, чтобы изменить его к лучшему. И оказался связанным по рукам и ногам законами «общества большинства» – интересами мировой политики, причудами местных князьков, обстоятельствами своей личной жизни. «Вряд ли Леонардо испытывал большую радость от того, что родился в свою эпоху, – пишет российский историк Дмитрий Петров. – Он был незаконно рожденным сыном не только Пьеро да Винчи, флорентийского нотариуса, но и всего Ренессанса. Красота истины, которой дышат все его работы, была недоступна даже лучшим из современников художника» (из очерка «Гений Леонардо», Россия, 2012 г.).

И Цицерон, и Ф. Петрарка, и Л. да Винчи, и М. Буонарроти со всей силой утонченных чувств и «жизнью души» искали забвения во вневременных сроках и верили, что кто-нибудь, когда-нибудь такое пристанище найдет. Возможно, они испытывали «фантомное наслаждение», когда, по аналогии с фантомной болью, покоя не давала светлая мечта, безжалостно сеченная из века в век. Ведь то, что отнимают, ценится дороже во сто крат, а экзекуторы всех родов и мастей не перестают напоминать, что «добродетели твоей убежища на земле не остается и, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения» (А. Радищев, 1790 г.).

Нет, гуманисты не сидели сложа руки, не предавались бесплодным воздыханиям. Они продолжали верить, бороться и искать. Но к чему действительно приводили их поиски? «Страны, где не царят злодеи, я не нашел», – с горечью констатировал средневековый азербайджанский поэт Хакани (1121–1199).

Все меньше иллюзий оставалось и у философа, писателя и математика Джероламо Кардано (1501–1576). Он видел, как светская власть и церковные соборы уничтожают «цветы милосердия» – и тихой обители для сердца отзывчивого не находил. «Лучше быть дикой серной, чем человеком, – писал он в трактате «О своих книгах» (Франция, 1571 г.). – И те, и другие в постоянной опасности. И те, и другие постоянно рискуют быть убитыми. Но человек живет в гораздо худших условиях, ибо он легче может быть схвачен, подвергается более длительным мучениям и более жестоким пыткам... И есть ли такой уголок на земле, где не принуждали бы делать зло и где царила бы безопасность?» (По поводу стенаний о засилии «злой природы» старый циник Ф. Ницше не без злорадства заметил: «Люди так надоели друг другу, что захотели непременно иметь такой уголок мира, куда человек не приходит со своими терзаниями. Так изобрели «добрую природу»...» – из трактата «Утренняя заря», Германия, 1880 г. До Ницше свое язвительное остроумие демонстрировал Ф. Вольтер: «Когда-нибудь я, быть может, набреду на планету, где царит полная гармония, но пока что мне никто не указал, где такая планета находится...»).

«Каждый человек ищет правды, но одному только Богу ведомо, кто эту правду нашел», – ходил по тому же «кругу» английский моралист лорд Честерфилд (1694–1773).

Трудно судить, насколько огрубел душой французский бытописатель нравов XVIII века Никола Шамфор (1741–1794), но он «страну милосердных» уже не искал, он считал род человеческий «дрянным уже по своей натуре» («Максимы и мысли», Франция, 1794 г.). К такому же неутешительному выводу склонялся и «философ пессимизма» Артур Шопенгауэр (1788–1860): «Наш мир – худший из возможных миров. Если бы в подтверждение этого взгляда я захотел бы привести изречения великих умов всех времен во враждебном оптимизму духе, то цитатам не было бы конца...»

Вот все же несколько цитат – таких же без конца, как и без начала :

- «Ты верным будь, но берегись коварства, // Оно присуще людям искони». «Кому пожаловаться ныне, коль род людской так обезлюдил // Что и подобья человека среди собратий не осталось». «Ты ищешь в мире человечность, но нет ее в людской природе» (поэт Хакани, Азербайджан, XII в.).

- «Разочарован я: порядочных людей // Не вижу наяву, не вижу в сновиденьях» (поэт Джамии, Персия, XV в.).

• «Нам врождена некая пагубная любовь стремиться больше к порокам, чем к добродетелям» (философ Л. Валла, Италия, XV в.).

• «Жизнь человека на Земле является не чем иным, как состоянием войны! Он должен поражать ничтожность лодырей, обуздывать нахальство, предупреждать удары врагов...» (философ и богослов Дж. Бруно, Италия, XVI в.).

• «О, жалкое человечество! О, испорченность! Кто бы стал жить среди людей? Кто – писать и творить для такого мира!» (моралист А. Шефтсбери, Англия, XVII–XVIII вв.).

• «Больше нет родины: от одного полюса до другого я вижу только тиранов и рабов» (философ и писатель Д. Дидро, Франция, XVIII в.).

• «Констатация житейских наблюдений И. Канта (XIX в.) откровенна и сурова: «Человек по природе зол»...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Предоставленный самому себе, человек всегда шел *лишь по пути беспредельного падения*» (философ П. Чаадаев, Россия, XIX в.).

• «Мир – это госпиталь неизлечимых...» (философ А. Шопенгауэр, Германия, XIX в.).

Именно в философии пессимизма нашли свое место такие классики, как Томас Гоббс (1588–1679) и упомянутый выше Фридрих Ницше (1844–1900). В «войне всех против всех», утверждали они, побеждает не тот, кто окажется ближе к небесам. И даже не тот, кто с них так неосторожно сойдет. Как печальна будет судьба падшего ангела, если он не постигнет силы принуждения «низких начал», если не признает «всепобеждающей квинтэссенции праха!» («Не сила побеждает, а бессилие утомляемости», – так оценивает результат *принуждения безнадежного* современный мыслитель Павел Таранов (Россия, 2000 г.).

Михаил Лермонтов (1814–1841), поднимавшийся, вслед за Пушкиным, «неизмеримо более сильную птицей» (В. Розанов), был таким «непонятливым» бунтарем. Русский мистик-духовидец Даниил Андреев (1906–1959) считал его «посланцем» или «миссионером», ибо «Ангел, несший душу поэта на землю и певший ту песнь, которой потом «заменить не могли ей скучные песни земли», есть не литературный прием, а *факт*». «Можно сказать, – отмечает современный литературовед Г. Иванов, – что Лермонтов – единственный на нашей планете человек, который при рождении слышал пение Ангела и не забыл его потом, а помнил или время от времени вспоминал, а мы все забыли навсегда. Отсюда вообще необыкновенная гениальность поэта, отсюда разрывающие его противоречия и отсюда же его богатырские силы, которые он не знал, куда здесь, на земле, приложить» (из сборника «100 великих писателей», Россия, 2009 г.).

Так избыток сил или их недостаток? Сила, желающая зла, но совершающая добро, или благие намерения, которыми выложена дорога в ад? В общем, образ Демона как опыт страдающей души, разрываемой непримиримыми противоречиями между «струей светлой, задушевной, теплой веры» и гнетущим мраком «низких начал», между «небесностью» художника-творца и «дрянным уже по своей натуре» родом человеческим. Первый, как выражение безмятежно-цельного человека, всегда пребывает в *безвременном состоянии*, когда «здесь» означает «везде», а «сейчас» понимается как «всегда». Следовательно, допустимо предположить, что постижение творческого процесса есть уже вхождение в эти «координаты вечности»:

Но не погибнет в веках талантом добытое имя:

Слава таланта и блеск вечным бессмертьем горят, –

чувствовал магию творчества римский поэт Секст Проперций (ок.49 – ок.15 до н. э.). Ныне это имя прочно забыто, но забвения избежали имена тех, чьи таланты он славил, относив всех творящих к *безвременному состоянию*. Роду же людскому, подтверждающему квинтэссенцию праха, присуще *состояние безвременья*, без ярких мыслей и дел, обессмертвивающих свое время, но с положенным пределом для каждого живущего человека. Точнее сказать, это – уходящее время, а значит, время ограничений с планкой предельной высоты полета для каждого. Ведь если вошедший в этот мир, значит смертный, даже несмотря на избыток богатырских сил. Михаил Лермонтов, будучи человеком живущим, с этими

противоречиями примириться не мог, да и не хотел. В стихотворении с нарочито временной пометой вместо названия «1831-го июня 11 дня» он признается в ошибочности своего рождения:

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнью иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальной мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них.

Альтернатива «бытия вообще» становилась альтернативой жизни: или благодать небесная, или ад земной! Не случайно бунт поэта против ограничения временными сроками бытия выражался в богоборческих тенденциях – в холодном и горьком скепсисе, пессимистических раздумьях, кутежах, эпатировании по-обывательски ограниченной публики и оппозиционировании склонным к подавлению инакомыслия властям. Но может быть, в основе своей это был бунт против *овеществленного* мира, мира сформировавшихся форм-ограничений с адресностью рождения и «адаптацией» способностей к нормам общественной жизни...

«Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом! Весело, нечего сказать...» Это уже Александр Пушкин (1799–1837), «инфант террибль» своего времени – неприкаянный, несошедшийся, невыездивший... Для урегулирования непростых отношений с властями В. Жуковский, раздраженный не меньше властей, предлагал ему «пожить в желтом доме». Иной же путь не сулил ничего, кроме реакции отторжения: «мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка!» «В двух случаях Пушкин продолжал бы жить, – комментирует Михаил Зощенко. – Первое – Пушкин отбрасывает политические колебания и, как скажем, Гёте, делается своим человеком при дворе. Второе – Пушкин порывает со двором и идет в оппозицию. Двойственное же положение, в котором находился поэт (кстати сказать, не только по своей воле), привело его к гибели» (из повести «Возвращенная молодость», СССР, 1933 г.).

Кстати, размышляя о диалоге «художник – власть» и видя в нем необходимость «равнодействующего начала», М. Зощенко не случайно вспоминает Иоганна Гёте (1749–1832). Но ведь и этот олимпиец, любимец богов и советник императоров, в трагедии «Торквато Тассо» (Германия, 1790 г.) говорит о своем, сокровенном:

Свободным быть хочу в стихах и мыслях:
В поступках мир довольно ставит мне преград.

«Меня всегда называли баловнем судьбы, – признавался И. Гёте на восьмом десятке лет (январь 1824 г.). – Я и не собираюсь брюзжать по поводу своей участи или сетовать на жизнь... Но если бы я мог ускользнуть от суеты деловой и светской жизни и больше жить в уединении, я был бы счастлив и, как поэт, стал бы значительно плодотворнее... Я благодарю провиденье за то, что в это насковозь искусственное время я уже не молод. Я бы не знал, как мне здесь жить...» (из книги И. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни», Германия, 1836 г.).

И все же, являя пример редкого жизненного успеха, Иоганн Гёте – *выжил*, добившись полного творческого самораскрытия. «В этом смысле Гёте был удачником из удачников, – констатирует российский культуролог Юрий Безелянский. – Крепкое здоровье позволило ему прожить долго. Реализовать практически полностью свой талант. Иметь прижизненную славу, не уступавшую, пожалуй, посмертной. Получить признание коллег. Жить в ладу с властью. Не знать, что такое нужда... Кому, скажите, такое выпадало в жизни?.. Он стоит как бы в стороне от жизненных невзгод, неурядиц и страданий» (из книги «Знаменитые писатели Запада: 55 портретов», Россия, 2008 г.).

Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь – *не выжили*. Так же, как Т.

Чаттертон, Э. Галуа, Н. Миклухо-Маклай, М. Глинка, М. Мусоргский, П. Чайковский, А. Иванов, В. Ван Гог, М. Врубель, В. Хлебников, С. Есенин, В. Маяковский, М. Цветаева, В. Высоцкий. «Этот список можно продолжать до бесконечности: М. Сервантесу пришлось изведать тюрьму. Дж. Байрон умер молодым от лихорадки. П. Шелли утонул молодым. Г. Лорка убит в молодом возрасте. О. Бальзака и Ф. Достоевского постоянно терзали долги... А душевные муки и терзания Льва Толстого?.. Г. Мопассана постигло безумие. А Чехова свела в могилу чахотка. В. Маяковский, С. Есенин, М. Цветаева покончили жизнь самоубийством...» (Ю. Безелянский, 2008 г.).

Такие разные судьбы – и один общий финал. Жизнь, оборванная на взлете или в зените творческого горения. Можно сказать, что их всех убило время, в которое они жили. Но жили-то они в разные времена... Какое-то вечное «темное» время для обладателей «нездешнего дара», – но со всеми признаками времени текущего. Оно исторично, оно прогрессивно и поступательно: здесь имеются Хронология и Периоды, отмеченные Реформами, Революциями или Битвами народов. Однако Артур Шопенгауэр (1788 – 1860), философ-скептик, отрицавший прогресс человечества, видел все те же театральные подмостки, ту же драму в калейдоскопе сменяющихся лиц: «Все о чем повествует история, это в сущности только тяжелый, долгий и смутный кошмар человечества...»

Да что Шопенгауэр! Еще древние, в лице философа и писателя Луция Аннея Сенеки (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.), верно подмечали, что «каждый упрекает свое столетие в таких пороках, как пренебрежение добрыми правами и все прочее, однако это свойства людей, а не времени: ни один век от вины не свободен» (из «Писем к Луциллию», Рим, ок. 60 г. н. э.).

Сальвадор Дали (1904–1989) света в конце тоннеля также не видел и в «Дневнике одного гения» (Испания, 1964 г.), высказался с позиций безнадежного пессимиста: «Если в наше время, которое едва ли не с полным правом можно назвать эпохой пигмеев, неслыханно скандальный факт существования гениев не заставляет избивать нас, словно бешеных собак, камнями или обречь на мучительную голодную смерть, то за это можно возблагодарить лишь одного Господа Бога».

Так почему же Оноре де Бальзак (1799 – 1850), долгие годы остававшийся «чернорабочим от журналистики», вслед за возвышенным Петраркой верил в предназначенность таланта и видел, прозревал сквозь века, луч ускользающей надежды? В предисловии к своему роману «Чиновники» (Франция, 1836 г.) он писал о вероятности «обратного» хода событий: «Богатство так легко обходится без славы, что и слава, надо надеяться, научится, в конце концов, обходиться без богатства».

Это предположение не лишено оснований. Во-первых, общество большинства, действительно, устроено так, что богатство и слава здесь пребывают на разных полюсах, но ни один закон старой морали не откажет в славе гордой безродной бедности. Не потому ли в пантеоне избранных так много представителей совсем не знатного родства, чье благосостояние зиждилось только на результатах их трудов:

«От благородства происхождения, от знатности и высокого положения родителей, имеющих средства, чтобы воспитать на них своего сына, от блестящего и славного Отечества, действительно, много зависит при достижении выдающегося положения, знатности и громкого имени у людей. Если же кто не обладает ни одним из указанных преимуществ, напротив, совершенно лишен их и, однако, при всех трудностях и препятствиях может создать себе известность и обратить на себя внимание тех, которые о нем слышат; если он может снискать себе славу во всем мире и стать известным настолько, чтобы сделаться предметом рассказов о нем совершенно особого рода, то тогда как же не удивляться такой личности, которая при своих самобытных необычайных дарованиях совершает такие великие дела и обладает независимостью речи, которая не должна вызывать к себе столь легкомысленного отношения?» (Ориген Адамантий, 2–3 вв. н. э., греческий философ.).

«Утешает мысль о грядущих поколениях: иногда подлинные почести, неожиданные, не подготовленные интригой, поднимаются на чердаки к беднякам, как Лафонтен, Жан-Жак Руссо, Прудон...» (А. Стендаль «Люди, о которых говорят», Франция, 1829 г.).

А есть еще и «во-вторых». Там, у истоков творчества, еще в действительной жизни, далекой от совершенств чистой морали, художник-творец черпает не только непобедимую

стойкость и художественную чуткость, но и *силу таланта*, дающую ему и вдохновение, и незримую власть. Власть мысли, которая может обойтись без власти кошелька. Которая может обойти все препятствия и победить нужду. Ибо талант – не деньги, это то «малое, но существенное», что не имеет товарной цены! Он не эквивалентен вещи, которую можно выставить на аукцион. Здесь не срабатывают законы рыночных отношений (оценивается не произведение, а его автор), здесь не приемлем кодекс высокого родства – «благородства происхождения, знатности, высокого положения и славного Отечества», да, да, и «славного Отечества», в чьем табели уже оставлено место для очередного государственного мужа из «когорты избранных». Действует система многолетнего исправного уложения, где все предопределено, но и она дает сбой в силу непредусмотренных причин («разве сиятельный граф умеет творить?»). Приходится признать правоту еретика Вольтера: «Ни в каком возрасте нельзя приобрести талант, которого мы лишены...» Но талант не отыщется и там, где вообще нет никаких лишений, кроме... отсутствия таланта! «Таланты – не дворянство, чтобы передаваться от поколения к поколению», – отмечает непредсказуемость природного дара философ Дени Дидро (1713–1784). Нельзя приказать как высочайшее соизволение: «Произвести на свет оригинальную и нетрадиционную идею!» Еще труднее исполнить приказ такие идеи не производить. Художник-творец не хочет быть «винтиком» в отлаженном механизме государственного устройства. Чудо-механик, поддерживающий государственный механизм в рабочем состоянии, не может ни обойтись без этой «детали», ни ее заменить. Создается впечатление, что «винтик» работает сам по себе, намного превышая возложенный на него функционал. Казалось бы, в «механизме» есть много куда более важных «деталей», красиво прилаженных и больших по объему. А вот работа одного уникального «винтика» может застопорить весь ход...

«Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? – нарушает все «табели о рангах» Александр Пушкин (1799–1837). – Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушающего действия типографического снаряда» (из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург», Россия, 1835 г.). Мудрость поколений, из коей черпал русский классик, еще более афористична: «Перья стреляют дальше нарезных пушек». К оружию приравнивается и перо писателя, и напечатанная книга его...

Выходит так, что художник-творец может позволить себе что-то больше, чем позволяет его официальный ранг какого-нибудь «коллежского регистратора», ибо за ним стоит сила типографического снаряда. А «действительный тайный советник», даже пользуясь всеми преимуществами высокого чина, так и не добьется контроля над свободой слова и регистрации права на мысль. Тот, кто в чинах небольших, обойдет все запреты цензуры и, рано или поздно, станет властителем дум.

«Сколько бы ни преследовали произведения, они возрождаются; писатель благодаря множеству изданий вторгается своей мыслью в жизнь», – совсем «по Пушкину» констатирует О.Бальзак (Франция, 1844 г.). Исаак Д'Израэли (1766–1848) даже признавал существование некоего интеллектуального привилегированного сословия, где уже само имя дает повод для почести, достигаемой во всяком случае не талантом соискательства чинов и наград. «Эта почать, – подчеркивает английский литератор, – имеет основанием не рождение, не официальное назначение, а общественное мнение; она нераздельна с именем, как его существенное качество; алмаз блестит, роза благоухает, и без этих качеств не может быть ни алмаза, ни розы» (из трактата «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

То «малое, но существенное», что представляет собой сила таланта («благоухание розы»), приводит, однако, к следующим противоречиям:

а) художник-творец формирует общественное мнение в недрах «общества большинства», сохраняя оппозиционность к нему;

б) даже самые воинственные и могущественные из людей не могут игнорировать труды художника-творца и даже заинтересованы в союзе власти и гения, ибо: «богачи и цари, оказывая почет философам, делают честь и им, и себе» (Плутарх, 1–2 вв. н. э.); «если в подобных людях (богачах и царях, с одной стороны, и деятелях науки и культуры, с другой – Е.

М.) не достаёт взаимного уважения, то это значит, что они не заслуживают названия великих» (И. Д'Израэли, 1795 г.);

в) даже признавая значимость научного или художественного произведения, «общество большинства» не всегда готово признать самого художника-творца.

В биографиях великих, сотканных из единства и борьбы противоречивых начал, примечательны случаи, условно говоря, под пунктом «б»: властитель подданных иногда обращается к властителю дум!

«Величайшие венценосцы моего времени, соревнуясь друг с другом, любили и чтити меня, – свидетельствовал поэт Франческо Петрарка (1304–1374). – Благоволением князей и королей и дружбою знатных я был почтен в такой мере, которая даже возбуждала зависть» (из «Письма к потомкам», Италия, 1374 г.). И ведь было же, было чему завидовать, видя такое конфиденциальное отношение к художнику-творцу! Признавая последних «учителям жизни», «путеводителями в высшие духовные сферы», короли, герцоги и другие представители царствующих домов приглашали их в свои владения и просили «погостить здесь подольше».

«Что может быть естественнее, – писал прусский король Фридрих II, обращаясь к Вольтеру (1750 г.), – если два философа, связанные одинаковыми предметами изучения, общностью вкусов и образа мыслей, доставляют себе удовольствие совместной жизни? Я уважаю вас как моего учителя в красноречии и знании; я люблю вас как добродетельного друга...»

Как друга и наставника звала в Россию французского энциклопедиста Жана Д'Аламбера (1717–1783) императрица Екатерина II, призывая его «воспитать наследника русского престола так, чтобы он мог осчастливить миллионы подвластных ему людей». К перспективе союза «князей» и «философов» просвещенный энциклопедист отнесся, однако, скептически и, не отрицая его обоюдных выгод, констатировал: «Первым необходимо образование, вторые нуждаются в покровительстве; те и другие жаждут славы» (из памфлета Ж. Д'Аламбера «Диалог Декарта с королевой Христиной при встрече их на Елисейских полях через 100 лет после смерти первого», Франция, 1750 г.).

Скепсиса станет, вероятно, меньше, если предположить, что обоюдные выгоды от нарождающегося союза превышают потребности удовлетворенного самолюбия. Этот союз может дать князю репутацию «философа на троне», а художнику-творцу, ставшему «другом королей», принести славу «короля ученых».

На примере самых, пожалуй, идеальных союзов – И. Гёте – герцог Веймарский Карл-Август и А. Гумбольдт – король Фридрих-Вильгельм III – можно увидеть, что приобретал, возвышаясь в своем значении, каждый:

«КНЯЗЬ» ПО ЖРЕБИЮ РОЖДЕНИЯ	«ФИЛОСОФ» ПО ВОЛЕ БОГА
<p>«Богато одарённый от природы, прекрасно образованный, тонкий знаток искусства, он стремился окружить себя наиболее ведающими представителями интеллигенции. Художники встречали в нём авторитетного критика, учёные — энциклопедиста, те и другие блестящего, остроумного, красноречивого собеседника...» (М. Энгельгардт, 1891 г.).</p> <p>«Если Гёте суждено было взойти в Веймаре яркою звездой, то молодой герцог Веймарский, Карл-Август, был, без сомнения, весьма недюжинная натура. Стремление к знанию, твёрдый самостоятельный характер и умение выбирать людей — таковы были характеристические черты этого государя, правившего маленькой, незначительной страной, но умевшего предать этой стране великое значение для всего образованного мира...» (Н. Холодковский, 1891 г.).</p> <p>«Если А. Гумбольдт чурался политики, то политика не хотела оставить в покое А. Гумбольдта. В июле 1808 года ему пришлось оторваться от своих научных занятий, чтобы сопровождать в Париж принца Вильгельма Прусского, который ездил туда для переговоров с Наполеоном. Гумбольдт, пользовавшийся большим значением в парижском обществе, знакомый с влиятельнейшими лицами Франции, должен был, так сказать, готовить почву для принца, что и исполнил с успехом... В 1818 году Гумбольдт был в Ахене, где в то время собирався конгресс для обсуждения французских дел и закрепления принципов священного союза... В 1822 году он отправился в Италию; встретившись в Вероне с королём, сопровождал его в поездке по Италии... Из Италии он вместе с королем отправился в Берлин, где прожил несколько месяцев... Фридрих-Вильгельм III был лично расположен к Гумбольдту, любил его беседу и дорожил его обществом...» (М. Энгельгардт, 1891 г.).</p>	<p>«Старик Гёте был недоволен сближением сына с владетельными особами. «Дальше от Юпитера — дальше от молнии», — говорил он. Но И. Гёте воспользовался приглашением герцога и был им весьма ласково принят. В Веймаре, куда Гёте прибыл 7 ноября 1775 года, он скоро сблизился со всем придворным обществом... тут он прожил большую часть своей жизни и создал свои капитальные произведения... Сближаясь всё более и более с герцогом, Гёте мало-помалу пришёл к окончательному решению относительно своей карьеры. Особым указом от 11 июня 1776 года Карл-Август назначил Гёте тайным легационным советником, дал ему место и право голоса в Государственном совете, с содержанием в 1200 талеров в год...» (Н. Холодковский, 1891 г.).</p> <p>«Влияние, которым пользовался А. Гумбольдт, давало ему возможность оказывать поддержку другим учёным — тому выхлопотать пенсию, другому субсидию на какое-нибудь учёное предприятие или дорогое издание и тому подобное...» (М. Энгельгардт, 1891 г.).</p> <p>«Житейская мудрость не заставила А. Гумбольдта кривить душой и не мешала откровенно высказывать свои мнения. Король ценил его знания, ум, блестящую беседу, а он ценил прогрессивную сторону деятельности короля и не хотел конфликтовать с ним, предпочитая своим личным влиянием бороться с влиянием людей, готовых заподозрить в излишнем либерализме самого монарха... Как говорил сам А. Гумбольдт, король «предоставлял ему полную свободу действий и уважал его дружбу с лицами, мнения которых не могли нравиться королю»... Высокое положение Гумбольдта, впрочем, не пострадало от смерти короля. Новый король Фридрих-Вильгельм IV, сохранил с ним наилучшие отношения...» (М. Энгельгардт, 1891 г.).</p>

Используемые источники: очерк Н. Холодковского «Иоганн-Вольфганг Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.; очерк М. Энгельгардта «А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность», Россия, 1891 г.

Разумеется, политические интересы всегда играют самую значительную роль, но они же могут и ограничивать до «регионального влияния» там, где возможности технологической мысли исчерпываются уровнем века действительного. А вот стремление «преодолеть предел обычного человеческого существования» (его Д'Аламбер объяснял «жаждой посмертной славы») имеют литературную специфику, ибо даже самые могущественные правители мира не мыслили успех своих преобразований без того, чтобы не придать своей стране «великое значение для всего образованного мира», без творческого отклика художника-творца. Ведь силой огня и меча можно усмирить старых и подвести под власть скипетра новых подданных. Можно круто изменить их судьбы, заставить поклоняться новым идолам и под страхом смерти

забыть старых. Можно внедрить культ Победоносного Имени – и толпы раболебствующих, принужденных силой или обманутых, слепо уверуют в незаменимость, избранность, исключительность «отца нации». Но раб – не сторонник, не единомышленник, не продолжатель правого дела. «Отец нации» рискует оказаться в «пустыне интеллектуального духа», получить «Африку души», когда «один в государстве своем имеет право следовать рассудку, а все другие обязаны следовать повелению, следовать тому, как другой мыслит, а не так, как самому хочется – скучно...» (А. Радищев, 1790 г.). И скучно, и одиноко. Так и путник, оказавшийся в безводной пустыне, испытывает острую потребность в источнике животворной силы... Умирая (1786 г.), тот же Фридрих II обмолвился с грустью безнадежно уставшего человека: «Я устал управлять рабами...» Признал ли он этим, что сила вольтеровских идей оказалась невелика или недостаточно велика, чтобы укрепить литературный характер его царствования? Ведь чтобы множить ряды не рабов, а идейных последователей, великий князь должен отражать дух эпохи и, что как раз и делает первый литератор своего времени, примирять с нею. Как долго, однако, можно карать и миловать от одного лица? Что рука, вызывающая слезы, может их и иссушить? Или рука, протягивающая голубя мира, никогда не берется за топор войны? Как обойти этот очевидный парадокс?

Парадокс в том, что именно «великий князь» пытается совместить «литературный» характер своего царствования с реальной политикой государства, рано или поздно сбивающейся на тропу войны. Рано, и едва ли даже поздно, с небес придется спуститься на землю, где так мало места «доброй природе». В этой связи культуролог Игорь Гарин констатирует: «Увы, благие намерения деятелей Просвещения и просвещенных государей, сталкиваясь с реалиями жизни, нередко приводили к плачевным результатам: спровоцированная Руссо французская революция завершилась кровавой резней и приходом Наполеона; Иосиф II умер, надломленный неудачами благородных порывов... а некоторые из «просвещенных» государей просто водили за нос самих просветителей, демонстрируя им «потемкинские деревни» и потемкинские же свободы...» (из книги «Что такое этика, культура, религия?», Россия, 2002 г.).

В «потемкинских деревнях» преуспела, говорят, Екатерина II, получившая однако титул «Северной Семирамиды» от философов эпохи Просвещения. «В этом отношении, – отмечает историк К. Валишевский, – видна резкая разница между первыми годами царствования Екатерины, по которым пробегал освежающий ветерок ее либеральных идей, и последовавшим за ним печальным временем реакции» (из книги «Роман одной императрицы», Франция, 1893 г.). Франциск I, боготворивший Леонардо да Винчи, отказался даже от «потемкинских свобод»: в конце своего правления (40-е годы 16-го века) он перестал покровительствовать радикально мыслящим гуманистам и начал открыто преследовать их. А Павел I и сын его Александр I, преемники русского трона после Екатерины II? Нет, кажется, монархов с более разной судьбой и степенью удачливости на ход государственных дел. Но сколько не свершившихся реформ ознаменовало конец их царствования, сколько светлых надежд «романтика на троне» погибло под спудом самодержавного скипетра! Один был «самым романтическим нашим императором» (А. Пушкин), другой приобрел репутацию мистика. И ведь оба желали только добра...

Политические воззрения прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (правил в 1840–1861 годах) носили еще более отчетливо отпечаток мистицизма, ибо естественное отношение короля к народу он ставил выше договорных, видя волю Проведения главенствующей над любым *писаным* законом. Высшая мудрость государственного уложения сводилась, по мысли этого монарха, к «старой, святой верности королю в кругу его вассалов», что, безусловно, вдохновлялось поэтикой средних веков. «Конечно, при таких воззрениях политика его была реакционной, – констатирует популяризатор науки М.А. Энгельгардт. – Но мягкосердечие и слабость характера мешали ему быть последовательным. Признавая себя непогрешимым в теории, он постоянно колебался на практике, уступал, когда требования становились слишком настойчивыми, но, уступив, постоянно возвращался к старому... Неслучайно письма А. Гумбольдта переполнены похвалами личным качествам короля и жалобами на его непоследовательность и противоречия. «Как жаль, что такой монарх пройдет так незаметно в истории!» – замечает он в одном из писем к Р. Бунзену... Политику его он сравнивает с

путешествием У. Парри к Северному полюсу: путешественники долгое время двигались по льду на север и в результате совершенно неожиданно для самих себя очутились на несколько градусов к югу, так как лед, по которому они шли, незаметно относился течением» (из очерка «А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

Быть может, это трагедия всех просвещенных монархов всех ушедших времен. «Ниже по течению» они оказывались неожиданно, но не случайно. Именно печальное время реакции, как правило, и предвосхищал «литературный» характер их царствования, начатого с первых, казалось бы плодотворных, идей...

Можно сетовать на «наивно-оптимистическое мировидение Просвещения», можно сокрушаться о непрочности самого «здания разума и прогресса». Так и делала Екатерина II, отвечая на упреки Д. Дидро в противоречии между ее «Наказом» (1767 г.), навеянными идеями Просвещения, и действительным характером царствования, завершившегося захватническими войнами и окончательным закрепощением крестьян. «Я часто и долго беседовала с Дидро, – вспоминала «Северная Семирамида». – Видя, что ни один из его обширных планов не исполняется, он с некоторым разочарованием указал мне на это. Тогда я объяснилась с ним откровенно: «Господин Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что подсказывал вам ваш блестящий ум. Но с вашими великими принципами, которые я очень хорошо себе уясняю, можно писать прекрасные книги, однако не управлять страной. Вы забываете в ваших планах различие нашего положения: вы ведь работаете на бумаге, которая все терпит, которая гибка, гладка и не ставит никаких препятствий ни вашему воображению, ни вашему перу. Между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, кожа которых чрезвычайно чувствительна и щекотлива...» «Если бы я руководствовалась его соображениями, – резюмировала российская императрица, «несчастливая в своем жребии», – то мне пришлось бы поставить все вверх дном в моей стране: законы, администрацию, политику, финансы, – и заменить все неосуществимыми теориями...» (из «Записок» графа Сегюра, Франция, 1827 г.).

Однако излишне утилитарный характер государственных преобразований (реакция консервативных кругов на рассеяние либеральных идей) чреват другой крайностью, извращающей «литературный» характер царствования до неузнаваемости. Пожалуй, и здесь поучителен пример Екатерины II. «Екатерина оказывала покровительство только официальной науке – другой она в пределах своего государства не допускала, – констатирует К. Валишевский. – Рядом с каждой проблемой философии, истории и даже географии она ставила вопрос государственного порядка и за спиной всякого ученого – политического агента. А от такой стерилизованной науки и нечего было ждать ничего, кроме напыщенной лести и высокопарных нелепостей» (из книги «Роман одной императрицы», Франция, 1893 г.).

Речь даже не о титуле «Северная Семирамида», так нравившемся Екатерине. Даже изысканная лесть в адрес августейшего лица есть следствие проводимой им политики, точнее отклик на ее запросы со стороны всех заинтересованных лиц. Даже непримиримый, казалось бы, критик всегда может найти общую платформу с носителем антагонистических идей, если знать ускользающий из анналов официальной хроники подтекст. На мнимую парадоксальность самой возможности нахождения «общих интересов» указывал, например, французский философ Никола Шамфор (1741–1794). «Примечательно, – пишет он в своих записках «Характеры и анекдоты» (1794 г.), – что у Жана-Батиста Мольера (1622–1673), не щадившего никого на свете, нет ни одного выпада против финансистов. Ходит слух, будто Мольер и другие комедиографы той эпохи получили на этот счет прямые указания Кольбера». Будучи влиятельным министром финансов (Франция, 1665 – 83 гг.), Жан-Батист Кольбер прекрасно сознавал, что интересы государственной политики «всегда были и остаются превыше всего», а услуги «заинтересованных лиц» должны превышать действия агентов ограниченного круга влияния, например, низкопоклонников-льстецов вокруг и вблизи трона какого-нибудь местечкового князька. Мера целесообразности не должна противоречить мере достаточности, а все, что находится за пределами образцовых норм (факт остается фактом: именно «Северная Семирамида» решила установить новый стандарт оценок, что способствовало «стерилизации» науки), должно быть поддержано силой убеждения. Другими словами, ведется поиск таких «политических агентов», которые могут убеждать, воздействуя силой своих способностей,

доказывая мощью своего ума...

И вот тогда... тогда скорее будет понято «утилитарное» желание августейшего лица «благодаря перу искусного летописца, увековечить и возвеличить себя и свое правление». Об этом публично говорил французский король Людовик XIV, похлопывая по плечу Жана-Батиста Мольера. Он не открыл ничего нового и, разумеется, ничего нового не завещал:

• Величайшего из античных поэтов, Марона Публия Вергилия (70–19 до н. э.), правитель Римской империи Октавиан Август считал лучшим пропагандистом своей государственной политики. «Вергилий искренне славил империю Августа, восхищался личностью своего покровителя, политическим и культурным расцветом Рима при Августе. С идеями и интересами Августа, отвечающими собственным наклонностям поэта, связаны все его основные произведения... Так, поэма «Энеида» своего рода «социальный заказ империи»... Это не только поэма об основании Рима, но также об исторической миссии, предназначенной ему роком и богами» (из статьи М. Николы «Вергилий», Россия, 2003 г.).

• Будучи главой придворных одописцев, азербайджанский поэт Хакани (1121–1199) не уставал прославлять правителя Ширваны, а когда в 1156 году он получил от него разрешение совершить паломничество в Мекку, то слагал хвалебные касыды всем правителям больших городов, встречавшихся на его пути. Когда же он отправился на службу к самому могущественному властителю Ближнего и Среднего Востока сельджукскому султану Санджару (1157 г.), то был остановлен на полпути правителем небольшого городка Рей (в окрестностях современного Тегерана), который, как все малоизвестные тираны, «желал с помощью панегириков сохранить для истории свое имя». «Почетный плен» в Рее спутал Хакани все планы: за это время султан Санджар был пленен восставшими племенами кочевников, и империя «великих Сельджуков» благополучно развалилась. Не достигнув цели, Хакани вернулся на родину в Шемаху. Ни с чем? Он остался великим поэтом и едва ли лишился практики придворного одописца!

• «Король Пруссии Фридрих II, похоже, испытывал восторженные чувства к Франсуа Вольтеру (1694–1778). Их первая встреча произошла 11 сентября 1740 года в замке Мойланд близ г. Клева. «Если я когда-нибудь прибуду во Францию, – сказал король, – первое, что я спрошу: «Где господин Вольтер?» Ни король, ни двор, ни Париж, ни Версаль, ни женщины, ни развлечения не будут интересоваться меня. Только Вы...»...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.). «Король, победоносно окончивший к концу 1740-х годов две войны и выигравший пять сражений, писал поэту, что теперь его честолюбие состоит в том, чтобы писать свой титул следующим образом: «Фридрих II, Божьей милостью король Пруссии, курфюрст Бранденбургский, обладатель Вольтера и проч»...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

Обладатель Вольтера... Важно не имя, важны принципы. Последователи «Короля-солнца» и «Фридриха Великого», искавшие Культ Поведоносного Имени, как-то сами оценили перспективы *союза* художника и власти, что было даже смелее, чем в теоретических рассуждениях Ж. Д'Аламбера о прочности (читай – «порочности») взаимных интересов. Всегда находились «объективные причины» и «особенности исторической эпохи», которые усиливали *взаимное уважение* художника-творца и власть придержащих, чтобы и те, и другие «заслуживали названия великих». Достижению цели как раз и способствуют *общие интересы* :

• «в описываемое время общество не могло обеспечить писателю самостоятельного существования: писатель искал поддержки в покровительстве сильных и благодарил за эту поддержку восхвалением покровителя» (С. Соловьев «История России с древнейших времен», т. 20, Россия, 1870 г.);

• «амбициозной правящей элите нужны «великие люди», которые свидетельствовали бы о величии их времени, – и карликов превращают в гигантов, ничтожеств возводят на пьедестал путем присуждения им при жизни званий классиков, лауреатов и т. д.» (Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

• Разумеется, можно привести немало доводов в пользу союза художника-творца и принца крови «по жребию рождения» или хотя бы оправдать его сложившимися обстоятельствами. Так ли уж часто художник-творец вообще имеет право выбирать, если не считать альтернативой право на нищету и безвестность?! «В старые времена, – замечает М.А. Энгельгардт, – когда

наука была в загоне, ее представителям волей-неволей приходилось ютиться около богатых и знатных меценатов. Астроном составлял гороскопы какой-нибудь владетельной особе, алхимик отыскивал для нее философский камень, доктор составлял эликсиры для поддержания ее здоровья и так далее. Позднее, когда наука приобрела независимое положение, погоня за высокими покровителями стала излишней, но сохранилась в силу «переживания», выражаясь в стремлении ученых обществ и учреждений избирать светлейших, сиятельнейших, превосходительнейших патронами президентами и почетными членами» (из очерка «Чарльз Лайель, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1893 г.).

• Именно в силу «переживания» Рене Декарт (1596–1650) занялся переустройством Шведской академии наук и учел пожелания своего высочайшего патрона, королевы Христины, чтобы обсуждение всех научных вопросов проводилось под председательством королевы и она же высказывала окончательное решение по спорным вопросам. «Вот она, чисто королевская задача!» – иронизировал по этому поводу англичанин Мэгеффи, приверженец парламентского стиля правления, как «многие сыны грубого Альбиона». Но отчаянных пересмешников было немного. Декарт, сын противоречивого 17-го века, жил и работал в такую эпоху, когда «король ученых «считался таковым только будучи «другом королей». По логике сопряжения «король – друг ученых» утверждался миф о *просвещенном* монархе: «Особы высокого происхождения не нуждаются в достижении зрелого возраста, чтобы превзойти ученостью и добродетелью прочих людей» (Р. Декарт).

• Отзвуком грядущего века может служить укор Николы Шамфора (1741–1794): «Было бы очень хорошо, если бы люди умели совмещать в себе такие противоположные свойства, как любовь к добродетели и равнодушие к общественному мнению, рвение к труду и равнодушие к славе...» (из записок «Максимы и мысли», Франция, 1794 г.). Однако «переживания» так и не стали пережитком даже *три* столетия спустя. Время как будто остановилось. Придворная дипломатия Рене Декарта по-прежнему современна. Погоня за высокими покровителями, чинами и наградами никогда не покажется излишней, пока имеется Влиятельный Патрон, ставший почетным членом Академии, а у Академика (он же Лауреат и Классик) не будет перспективы достичь положения Влиятельного Патрона.

Вот так в системе необщественного договора порой рождаются герои нашего времени! Согласно этой философии, факт как свидетельство действия считается таковым только после официального признания. Однако официальное признание не есть свидетельство неопровержимости факта. Чтобы скрыть противоречие, довести игру в факты до литературной виртуозности, «князь» и назначает «философа» придворным историографом («графом истории», как простодушно считал камердинер Н.М. Карамзина). Случай не такой уж и редкий. Невозможно как раз обратное: бесстрашные правдолюбцы летописей не пишут и при дворах долго не живут. Вот и Пьетро Аретино (1492–1556), охотно вступивший на службу сильным мира сего, не боялся обвинений в цинизме, когда откровенно писал: «Тем влиятельным особам, кто покупает славу, полагается оплачивать ее по настоящей цене. Цена же эта зависит не от их достоинств, а от доброй воли того, кто ее присуждает, ведь нашим бедным перьям («несчастные» императрицы, «бедные» создатели исторических повестей! – Е.М.) нелегко подымать с земли имя, словно налитое свинцом за нехваткой доблестей у его обладателя». Историограф выступает здесь как действенный творец исторических событий и даже как лицо, само причастное к ходу истории – «наблюдатель «минут роковых» и собеседник крупнейших исторических деятелей своей эпохи, судья, а не только знаток веков минувших» (Ю. Лотман, 1987 г.). Очевидно, что на такую роль надобен недюжинный талант, чье перо способно преодолевать «сопротивляемость времени»...

Перо-то, достойное века, всегда найдется, но будет ли век достоин искусного пера? Не правы ли Цицерон, Ф. Петрарка, М. Буонарроти, Дж. Кардано, И. Гёте, А. Пушкин, М. Лермонтов и С. Дали, видевшие в деяниях своего века «гибель милосердия»?

Если достоинства века сомнительны, литераторы с искусным пером (иногда с навыками разбитного подмастерья) поднимают сильных мира сего, как то и засвидетельствовал П. Аретино, «до высоты своего искусства».

Эксперимент, однако, сомнительный. Не отдает ли интеллектуально привилегированное сословие художников-творцов гораздо больше, чем возвращает обратно, оценивая выгоды

союза с властью предрержащими? Последние, казалось бы, делают рыцарский жест: «Богачи и цари, оказывая почет философам, делают честь и им, и себе». Но сразу же проглядывает и «обратная сторона медали»: «Философы, заискивая перед богачами, им славы не прибавляют, а вот себя бесчестят» (Плутарх, 1–2 вв. н. э.).

Обесчещенными оказываются те, у кого репутация и честь в общем-то есть, хотя бы вследствие избранного поприща. Ведь если *аристократия духа* «соединяет в себе понятия о силе и о чем-то избранном и лучшем» (П. Вяземский, 1852 г.), то это – *лучшая сила*. Но эту силу можно растратить по мелочам. Не так ли поступает человек, познавший нужду и отдающий золотник за пару медных грошей? И это не единственное, что можно увидеть на «обратной стороне медали».

Достойно ли большого мастера предлагать оптом и в розницу свой «нездешний дар»? Почему он забывает, что избранность таланта есть столь же случайный посыл судьбы, как и рождение вельможи в продолжение знатного рода? Он ли, служитель муз, истинный владелец сокровища, случайно найденного на перепутье дорог? Или то, что поднято с земли (под ногами – дар небесный), что досталось вперед заслуг (уверенность, что «могу творить!»), обычно ценится невысоко.

«Во весь рост, – констатирует искусствовед Н. Болдырев, – встает проблема внутреннего права пишущего на *силу*, скрытую в том или ином уже наработанном эпохами стилистическом приеме или методе... Все откровеннее литература становится игрой в литературу... Разрыв между реальной личностью пишущего и эстетико-культурной эмблематикой продукта, им создаваемого, становится подчас вопиющим» (из очерка «По лезвию бритвы», Россия, 1994 г.).

Однако почему сокрытие исторической правды (не только нарушение эстетико-культурной эмблематики) так «вопиет»?

«Если можно извинить нищенство, – осуждает конформизм писателя Оноре де Бальзак (1799–1850), – то ничем нельзя оправдать то выспрашивание похвал и статей, которыми занимаются современные авторы. Это тоже нищенство, пауперизм духа (от слова «пауперизм» – массовая нищета. – Е.М.)... Ложь и угодничество писак не могут поддержать жизни дрянной книги» (из очерка «Этюд о Бейле», Франция, 1840 г.).

Некоторые деяния «современных авторов» как будто не поддаются влиянию времени, а «дрянная книга» может выйти и из-под талантливого пера. Поднимая с земли имя, налитое свинцом, историограф-летописец роняет не только собственное достоинство, но и «суммарную ценность» созданных им вещей. А поскольку сила слова по-прежнему велика, от этих деяний искажается «суммарная ценность» всего общества. «В тогу гениев, – анализирует психолог Н. Гончаренко, – наряжают прежде всего стоящих у кормила власти и тех, кто первым возвестил миру об их гениальных способностях. Созданные таким образом державные гении уже силой указа делают гениями своих трубадуров. Но от союза двух псевдогениев гений не рождается... При этом дистанция между гением и тем, кого наряжают в его одежды, еще бульшая, чем между актером, выступающим в роли Юлия Цезаря, и реальным прототипом: актер на короткое время воплощается в образ героя, имитирует его действия и высказывает его мысли» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.). А что имитирует, какие мысли высказывает псевдогений, рожденный союзом власти временщика и придворного летописца? Нормальной ситуацию не назовешь. Подлинный талант зарывается в землю (там в грязи, он и был когда-то найден), а бриллиант, расцветенный всеми цветами радуги и ограненный искуснейшими мастерами, оказывается грубой фальшивкой! Здесь нет ни силы, ни изобретательности. Тем более речь не идет о *лучшей силе*...

Порок здесь кроется в меркантильности самого союза: как не высказать «мнения большинства» даже первому литератору своего века, если труд его «будет оплачен по настоящей цене»? Так, назначив Годфриду Лейбницу (1646–1716) пенсию в размере 2000 гульденов, Петр Великий прекрасно сознавал, что обеспечивает себе лучшую рекламу из всех возможных, ибо выбирает ученого, говорившего от лица всей просвещенной Европы: «Покровительство наукам всегда было моей главной целью, только недоставало великого монарха, который достаточно интересовался бы этим делом...» И вот такой великий монарх нашелся... А конфиденциант Екатерины II, барон М. Гримм, писал в 1763 году, имея в виду хвалебные отзывы Ф.Вольтера (1694–1778): «С тех пор, как Ваше Величество осыпали

милостями одного из знаменитейших философов Франции, все, кто занимается литературой и кто не считает Европу вполне погибшей, смотрят на себя, как на Ваших подданных». Еще раньше, 23 сентября 1762 года, Вольтер в письме к Д. Дидро сообщал о блестящем начале нового царствования в России: «Франция преследует философов, а скифы покровительствуют им». «Я до такой степени стал уверен в своих пророчествах, – льстил Вольтер Екатерине II в личном письме (1766 г.), – что смело предсказываю теперь Вашему Величеству наивеличайшую славу и наивеличайшее счастье». Когда же Вольтера стали упрекать в чрезмерности его похвал российской императрице, он с деланной наивностью ответил: «Что поделаешь! Я – человек зябкий, а русские дарят мне такие превосходные шубы...»

Не будем замечать лукавства «первого литератора своего века». К *нужному результату* приводили такие милости императрицы, как учреждение пенсий, раздача ценных подарков, дарение коллекций и библиотек. Чтобы добиться восторженных откликов о политике своих государств к подобным же «средствам убеждения» прибегали и Франциск I, и Карл V, и Иосиф II, и Густав III, и Фридрих II...

Сонмы Влиятельнейших Патронов, подпирющих и одновременно разрушающих основы государственного уложения, доводят политические интересы своей страны до абсурда, когда начинают действовать согласно «закономерности Шамфора»: «Тщеславие светских людей ловко пользуется тщеславием литераторов, которые создали не одну репутацию, тем самым проложив многим людям путь к высоким должностям; начинается все это с легкого ветерка лести, но интриганы искусно подставляют под него паруса своей фортуны» (из трактата Н. Шамфора «Максимы и мысли», Франция, 1794 г.).

«Комплименты всегда служат проводниками при взаимной эксплуатации; часто они служат и платой», – открывает на самую главную из дворцовых «тайн» историк К. Валишевский (1894 г.). Весь вопрос сводится к тому, как эти *комплименты* по достоинству оценить.

«Лесть – это низкопробная монета, – как будто вызывает к совести моралист лорд Честерфилд (1694–1773), – но при дворе без нее нельзя обойтись, это карманные деньги для каждого: обычай и общее согласие столь решительно пустили ее в обращение, что люди перестали замечать ее фальшь и на законном основании принимают» (из «Писем к сыну», Великобритания, изд. 1774 г.).

И принимают, и пользуются. Для достижения цели все средства хороши. Когда в 1780 году английский посланник Гаррис готовился к важной встрече с Екатериной II, он решил посоветоваться прежде с фаворитом Григорием Потемкиным. Задача стояла непростая: убедить русскую императрицу принять сторону Англии в ее столкновении с Францией. «Могу вам дать только один совет, – ответил фаворит. – Польстите ей. Ни один комплимент не может показаться излишним. Это единственное средство добиться от нее чего бы то ни было, но этим от нее можно добиться всего...» На значимость чувств и страстей при принятии ответственных решений еще более откровенно указывал французский посланник при Петербургском дворе (1785–1789 гг.) граф Луи-Филипп де Сегюр: «Если польстить любви Екатерины к славе, то можно совершенно сбить с толку всю ее политику». «Она верила всякой похвале, обращенной к ней, – на ту же «ахиллесову пяту» указывал и историк К. Валишевский (1894 г.). – В этом отношении в ней не было никакого недоверия и никакого ложного стыда».

Да отчего же стыд от чрезмерной похвалы, если «люди перестали замечать ее фальшь»?.. Однако в отношении правительницы полусвета, хитрой и проницательной, такое объяснение благоприятного исхода дел не представляется убедительным. Уникальность «взаимной эксплуатации», пожалуй, только в том, что она может осуществляться на договорной основе или действовать в *союзе*, сложившемся стихийно, но со всеми признаками прочности уз благодаря «сопряжению интересов».

«Взаимная эксплуатация» – это блеск носителя Имени на службе монаршего Двора и блеск монаршего Двора от причастности к нему носителя Имени. Это почет, начинающийся с принуждения, и принуждение, заканчивающееся почетом.

«Счастье литературы до Людовика XIV заключалось в том, что тогда ей не придавали большого значения, – ворчит старый скептик А. Стендаль. – «Держаться верных взглядов на литературные произведения» стало необходимым только в последние годы царствования

Людовика XIV, когда литература унаследовала почет, который этот король оказывал Расину и Депрео» (из статьи «О жизненном укладе и его отношении к литературе», Франция, 1823 г).

Но вместе с почетом литераторы получали и «номенклатурные льготы», ранее положенные только штатным царедворцам, – и становились не только «рабами этикета», но и пленниками собственных амбиций. «Покинуть двор хотя бы на один момент – значит отказаться от него, – пишет Жан Лабрюйер (1645–1696) о страстях гордого ума. – Придворный, бывший там утром, возвращается вечером, чтобы на следующий день снова туда явиться и показать себя» (из трактата «Характеры, или Нравы нашего века», Франция, 1688 г.). Так будет ли разборчив в средствах честолюбивый претендент, чтобы обеспечить себе место под солнцем? Средневековые замки с королевскими поварами и кучерами, камергерские ключи и почетные кресты надо было оправдывать, доказывая неценимость своих услуг и незаменимость мастера, их предоставляющего. «Предмет любви» становился больше «любящего сердца», искусство лести заставляло усомниться в искренности чувств.

Видимо, подозревая Ф. Вольтера в расчетливом цинизме (в своих мемуарах тот открыто писал, что «эпитеты нам ничего не стоили»), Фридрих II иногда платил ему той же монетой («обмануть в своих чувствах друга Вольтеру и Фридриху не удавалось никогда», – С. Цветков, 2011 г.). Когда французский философ впервые посетил его резиденцию в Рейнберге (Пруссия, 1750 г.) и пожелал получить дополнительную плату за проезд, король заметил в кругу своих приближенных: «Это слишком дорого для придворного шута». Вскоре шут был уподобен представителю животного мира: «У Вольтера все уловки обезьяны, но я не подам вида, что замечаю это, – он мне нужен для изучения французского стиля. Иногда можно научиться хорошему и от негодяя. Апельсин выдавливают, а корку отбрасывают». Позднее, когда Вольтер появился в разгар званного обеда, нарушив дворцовый этикет, Фридрих II встал из-за стола и написал мелом на камине: «Вольтер – первый осел». Однако немилость длилась недолго. На официальной церемонии, случившейся при дворе, монарх раскланялся перед ним со словами «мой Аполлон»...

«Несмотря на скрытую борьбу и плохо сдерживаемое раздражение, их отношения внешне оставались прекрасными, – констатирует современный историк Сергей Цветков. – Такие люди обмениваются колкостями в лицо и злословят друг о друге за глаза и, наконец, расстаются, раздраженные взаимными упреками... Но дальнейшие отзывы таких людей друг о друге полны самых высоких оценок добродетелей противной стороны... Их переписка длилась с небольшими перерывами 42 (!) года, до самой смерти Вольтера, и составила многотомное руководство для желающих усовершенствоваться в недостойном искусстве лести» (из книги «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

Понятно, что судьба заставляла Вольтера «перебегать от одного короля к другому, хотя он боготворил свободу». Но почему так желательны были все эти *жесты примирения* всесильному императору? Почему при всей «фальшивости чувств» он как будто не осознавал всей ложности своего положения?

С гением, острым на язык и уже ставшим «апостолом мысли», Фридрих II предпочитал не ссориться, помня о тех прецедентах, когда союз художника-творца и принца крови вдруг показывал свою разрушительную мощь:

«Государи приглашали к себе П. Аретино (1492–1556), заискивали перед ним, осыпали его дарами, отчасти ради его похвал, отчасти из страха перед его нападками... Язык его был не менее страшен, чем перо и... вместо благодарности находились слова хлесткие, как удар бича...» (из статьи Г. Мопассана «Аретино», Франция, 1885 г.).

«К 1745 году Вольтер (1694–1778) благодаря острому перу становится настолько известен и популярен как «просвещенный ум», что едва ли не все короли Европы приглашают философа к себе, французский двор начинает заигрывать с ним, его поддерживает фаворитка Людовика XV, всесильная мадам де Помпадур. Королевский двор обласкивал Вольтера всевозможными знаками внимания... Однако Вольтер не стал бы тем Вольтером, которого мы знаем, если бы позволил себя приручить. Его боевой запал по отношению ко всем государственным установлениям неустанно срабатывал, что вынуждало Вольтера скитаться по Европе» (из очерка Л. Калюжной «Вольтер», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.). «Моя должность, – писал Вольтер из Берлина в Париж (1750 г.), – заключается в том, чтобы ничего не

делать. Час в день я посвящаю королю, чтобы несколько сглаживать слог его произведений в стихах и прозе...» Он называл стихи короля «грязным бельем, которое отдается ему для стирки»...» (из очерка И. Каренина (В. Засулич) «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1893 г.). «Вольтер говорил про «Антимакиавелли» (1740 г.), сочинение короля прусского Фридриха II: «Он плюет на блюдо, чтобы отбить у других охоту к еде»...» (из сборника Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

«В России произведения Александра Дюма (1802–1870) начали переводиться сразу же после их появления во Франции. Дюма, зная о том, что его пьесы с успехом идут на петербургских сценах, мечтал получить от русского императора орден Святого Станислава (это был один из его «пунктиков» – страсть ко всякого рода знакам отличия). Писатель преподнес Николаю I свою драму «Алхимик» с посвящением, в котором называл царя «блистательным монархом-просветителем». Коронованный просветитель ордена, однако, не дал, решив, что «довольно будет перстня с вензелем». Дюма в долгу не остался и в 1840 году выпустил свой роман «Учитель фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге» – о конце царствования Александра I, восшествии на престол Николая, декабрьском восстании и сибирских рудниках, куда были сосланы мятежники. Таким образом, Европа узнала о том, что Николай I предпочитал держать от нее в тайне, – о дворянском заговоре и восстании 14 декабря 1825 года, а попутно и о дворцовых интригах, и об убийстве Павла I...». «Учитель фехтования» был запрещен в дореволюционной России и впервые вышел у нас в 1925 году» (из очерка Л. Калюжной «Александр Дюма», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.).

Но вернемся к мятежному Вольтеру... Прусский король оказался в затруднительной ситуации: с «властителем дум» он разговаривал не как вседержавный монарх, никогда не позволяющий в общении с подданным ноток интимной интонации, и, чтобы не попадать в досадное положение, стал отсылать на отзыв язвительного остролова все меньше «грязного литературного белья». По логике вещей такие посылки должны были сойти на нет. Карл V, опасаясь острых стрел П. Аретино, решил наоборот утяжелить полезный груз своих посланий, преследуя, правда, цель совсем иного рода. Однажды он послал Аретино богатое ожерелье, чтобы избежать его насмешек, а тот, небрежно подбрасывая драгоценность на ладони, заметил: «Эта вещица маловата, чтобы покрыть такую большую глупость...» (новая соль на раны, ибо накануне непобедимый король потерпел военное поражение)... «Если его ублажали недостаточно быстро, – комментирует Г. Мопассан, – или подарки, по его мнению, были слишком ничтожны, – он отсылал их обратно» (из статьи «Аретино», Франция, 1885 г.). Злые языки даже шептались, что пером Аретино «говорила сама ложь». Но кто мог бы оценить все последствия, если б оно говорило только правду?..

«О. Кромвель испугался, увидав «Океанию» Дж. Харрингтона (1611–1677), и боялся воздействия этой книги более, чем заговоров роялистов; Карл I трепетал при одном только имени этого писателя, и под влиянием страха и к чести гения было решено, что «писать – значит действовать»...» (И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения» Великобритания, 1795 г.). «Современники утверждают, что выход в свет первого сочинения Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) «Рассуждение о науках и искусстве» (1749 г.) произвел некоторое подобие революции... В своем новом произведении – «Общественный договор (1762 г.) он провозгласил право народов на восстание против несправедливого тиранического режима и установление республиканской формы правления. За 27 лет до штурма Бастилии Руссо отчетливо сформулировал священное право народов – свергать тиранов» (Т. Грудкина, сборник «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.). Что значит «действовать пером», понимала и Екатерина II. Литератор Александр Радищев (1749–1802), издавший в 1790 году «Путешествие из Петербурга в Москву», казался ей «бунтовщиком опаснее Пугачева».

«Речь идет о торжестве *магической риторики*, – рассуждает о жребии мастера слова наш современник, «архивариус» Александр Секацкий, – о временной (на сто лет) реставрации неодолимой силы вещего слова ... определившей саму эпоху Просвещения... В рамках данного феномена оказывается и трепет «просвещенных монархов» перед Вольтером, и бессилие элиты, всех этих принцев и герцогов, зачарованно взирающих, как *отточенная мысль* рубит сук, на котором они сидят, рубит многовековой ствол аристократии крови» (из очерка «Шамфор: судьба литератора», Россия, 2000 г.).

Если уж монаршие благодеяния направлены на то, чтобы «притупить отточенную мысль», то с первого литератора своего века надо снять хотя бы обвинение в одностороннем привнесении в этот союз изрядной доли расчетливого цинизма...

Творческая жилка – ведь деньги зарабатывают прославленные своим «даром нездешним» – обеспечивает художнику-творцу «чистый бизнес», что влияет и на философию успеха, в которой доллары, фунты стерлингов или рубли рассматриваются как средство для максимального самовыражения, раскрытия всей полноты и гармонии жизни. Во всяком случае, так утверждают сами богатые и знаменитые:

- «Когда у Софии Лорен появились деньги, она бросилась покупать сказочные наряды и меха, потом она обзавелась «кадиллаком» голубого цвета. «Так, на мой взгляд, должна была жить кинозвезда, – с улыбкой вспоминает о том времени актриса. – Тот, кто вышел из бедноты, далеко не сразу осознает, что богатством не следует кичиться...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Я ценю комфорт... я люблю быть в окружении людей преуспевающих, с широкими взглядами и интересами. Если проводить время с узколобыми, значит, сам такой...» (А. Шварценеггер).

- «Деньги – не главное в жизни, – говорил Брюс Ли, – но ты чувствуешь себя намного лучше, когда они у тебя есть». После ряда удачных картин Брюс Ли купил роскошный дом в престижном квартале Коулун Тонг (Гонконг), «мерседес» с откидным верхом (он также заказал «роллс-ройс» с золотой именной табличкой)... «Иногда ему хотелось удостовериться, что он и есть тот самый Брюс Ли, о котором все вокруг говорят, – рассказывает Андре Морган из «Голден Харвест». – Он выходил на улицу, и со всех сторон доносились восхищенные возгласы: «Брюс Ли! Брюс Ли!» На его лице играла довольная улыбка...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Денег у меня много, а времени, чтобы их тратить, все меньше. Я пою и наслаждаюсь той энергией, которую при этом получаю... Моя мечта – дожить до двухсот лет...» (Х. Иглесиас).

- «Деньги посыпались на меня, как из сломанного игрового автомата... Я подумал: теперь все будет как в сказке, жизнь станет как одна счастливая улыбка, ведь мне не придется каждый день бороться за кусок хлеба...» (С. Сталлоне).

- «В 1980-х годах искусство Э. Уорхола слишком коммерциализировалось. Он не возражал: «Я начал свою жизнь как коммерческий художник, иллюстратор, и я хочу ее закончить как художник-бизнесмен». Уорхол охотно превращал свое имя в популярную торговую марку... После смерти художника (1987 г.) газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Лучшее произведение Уорхола – это сам Уорхол...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Достигнув материального благополучия, недавние обитатели кварталов бедноты стремились распорядиться своим достатком как уважаемые буржуа, для которых роскошь становится необходимым атрибутом их жизни. Открывающиеся возможности ограничивались только их фантазией, а у талантливого художника-творца она, как известно, не имеет границ. Крупные банковские счета позволяли теперь реализовывать когда-то несбывшиеся детские мечты, юношеские идеалы, самые фантастические представления человека ограниченных финансовых возможностей о людях, достигших успеха, славы и преуспевания. В новую пору своей жизни они:

- покупали имение, в котором когда-то работали мальчишкой у помещика (И. Поддубный), «дом мечты», загаданный во владение еще в ранней юности (Ч. Диккенс) или «замок мечты» всей жизни (Э. Пресли, М. Джексон, Л. Оливье, С. Лорен, Д. Дассен, Мадонна и др.);

- как новоявленные рыцари, сэры и графы становились хозяевами экзотических замков, часто построенных по собственным проектам (А. Дюма, Рафаэль, Б. Челлини, П. Пикассо, С. Дали, Фаринелли, Г. Гендель, Э. Карузо, Гораций, У. Томсон, Д.-Ж. Ларрей, Ж.-М. Шарко, М. Твен, Дж. Лондон, С. Моэм, Р. Валентино, Ф. Синатра, Э. Пресли, Э. Тейлор, А. Челентано, Ш. Стоун, М. Джаггер, Э. Джон, А. Делон, М. Джексон, Б. Борг и др.);

- приобретали роскошные «кадиллаки», «мерседесы» или «роллс-ройсы» (П. Пикассо, Ч.

Чаплин, С. Дали, Ф. Синатра, С. Лорен, Э. Тейлор, М. Джаггер, Э. Пресли, Э. Джон, А. Шварценеггер, Б. Ли, М. Джордан и др.);

- заводили коллекции картин и антиквариата (Х. ван Рейбрандт, Г. Гендель, Н. Паганини, Э. Карузо, С. Дали, Ф. Синатра, Г. Гарбо, Э. Тэйлор, П. О'Тул, К. Денев, А. Делон, Дж. Николсон, Р. Нуреев, Ф. Меркьюри, Э. Джон, М. Джексон, Мадонна и др.);

- организовывали фирмы видео– и грамзаписи, кинокомпании (Ф. Дуглас, М. Пикфорд, Ч. Чаплин, Ф. Синатра, Пеле, Р. де Ниро, А. Делон, Б. Ли, Э. Пресли, А. Челентано, Ф. Меркьюри, Э. Джон, А. Шварценеггер, Ж. Депардье);

- обзаводились личными яхтами, самолетами и вертолетами (Г. Мопассан, У. Томсон, Ф. Синатра, П. Ньюмен, Х. Форд, Р. Марчиано, А. Шварценеггер, Б. Дэли, Е. Кафельников и др.);

- становились владельцами островов и побережий с пляжами (Р. Нуреев, Д. Дассен, М. Брандо, Х. Иглесиас, А. Шварценеггер);

- открывали аптечный (Л. Кранах Старший, Пеле), парфюмерный (К. Денев, М. Барышников, А. Делон, Э. Тейлор), модельный (Пеле, Ф. Синатра, Р. Нуреев, С. Лорен, А. Делон, А. Шварценеггер, Э. Джон, Ш. Стоун, К. Льюис, М. Джордан), рекламный (Э. Уорхол, Ф. Синатра, Б. Бардо, Пеле, М. Али, М. Барышников, Э. Пресли, Х. Иглесиас, Д. Копперфилд, М. Спитц, Д. Марадонна, М. Джексон, М. Джордан, У. Гретцки, К. Льюис, Б. Борг, и др.), ресторанный (Б. Уиллис, А. Шварценеггер, С. Сталлоне, М. Али, С. Бубка, Р. Де Ниро) винодельческий (Дж. Лондон, Ж. Депардье, П. Ришар) бизнес.

Как предприниматели иные художники-творцы разворачивались, пожалуй, еще шире, чем на своей творческой стезе. Во всяком случае, на новом поприще они демонстрировали самые неожиданные качества своего таланта. Риск, пьянящее чувство азарта – то неизбежное в атмосфере свободного предпринимательства, чего, быть может, им не доставало в творческих поисках, – теперь подталкивали *ищущих и находящих* свое место в жизни бросить вызов судьбе, всем мыслимым и немыслимым преградам, встречающимся на «пути к триумфу».

«Я хочу владеть миром, – не скрывает своих амбиций «самая деловая женщина Америки» Мадонна (р. 1959 г.). – Всякий раз, когда я достигаю новой вершины, перед моими глазами уже маячит другая, на которую я должна взобраться. И так без конца. Возможно, я должна успокоиться и удовлетвориться достигнутым, но я так не могу. Я должна идти дальше. Почему? Не знаю. Знаю только, что должна это сделать».

Как режет ухо это «я должна»! Что, срабатывает принцип «каждый миллионер мечтает стать миллиардером»? Справедливо ли с нашей стороны подозревать, что главным мотивом здесь остается меркантильный интерес, испокон веков скрепляющий союз художника и власти? Даже крупнейшие деятели современного шоу-бизнеса (до конца ли искренни они?) называют своим главным стимулом к деятельности – творчество, которое само по себе нельзя приобрести ни за какие деньги:

- «Чтобы выглядеть элегантно, необязательно носить драгоценности и меха. Любая женщина должна постичь тайн простоты. Я пришла к заключению, что главная цель моды – элегантность и стиль, под элегантностью же я понимаю классические традиции красоты и изящества, неподвластные времени» (С. Лорен).

- «Деньги важны для меня только в той степени, в какой они определяют мою свободу. Я могу хоть завтра отправиться в Сенегал, чтобы порыбачить в открытом море. Но мои запросы не так уж велики. Ни дворцы, ни яхты мне не нужны. Единственная роскошь, которую я могу себе позволить, – взять хороших музыкантов для записи песни» (Джо Дассен).

- «Деньги не очень важны для меня. Если у человека денег нет, ему кажется, что они значат все на свете. У меня нет ни яхт, ни драгоценностей. Роскошь для меня – иметь больше свободного времени...» (Д. Копперфилд).

- «Деньги всегда оставались для меня на втором плане, что, возможно, было одним из самых серьезных моих заблуждений. И иногда я думаю, что дал футболу все же больше, чем получил. Не потому, что я тщеславен, честно говоря, роль знаменосца не для меня. Конечно, титулы грели душу, но я их не эксплуатировал. Никогда не козырял ими, чтобы добиться благ больших, чем мне полагалось, никогда не давил при подписании контрактов. Опять же повторяюсь, футбол – дело коллективное, и не следует выпячивать свои достоинства. Пусть их оценят другие...» (А. ди Стефано).

• «Деньги осложняют жизнь хорошего актера. Нет ничего более идиотского, чем измерять успех кучей долларов. Я вырос в бедной семье, но чувствовал себя свободным, хотя и попадал в разные переделки... Я чувствовал себя не в своей тарелке, став вдруг знаменитым. Слишком резок был переход от безвестности к триумфу. Мир распахнул мне свои объятия, когда я еще был во вражде с ним... Сейчас я, кажется, вновь обрел свободу, и доллары к этому не имеют никакого отношения» (А. Пачино).

• «В декабре 2000 года сэр Энтони Хопкинс заявил о своем намерении покинуть шоу-бизнес («выйти из луча прожектора», как он выразился). Во всем мире это вызвало шок. «Я оглядываюсь назад и вижу пустыню... Боже мой... 35 лет из 60-ти – на что я их потратил? И что от меня останется? Парочка хороших фильмов, несколько плохих... Какого черта я все это делал?!» – сокрушался Хопкинс» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

«Срыв» Энтони Хопкинса по-человечески объясним. «Большие художники служили своему искусству бескорыстно и довольно редко рассматривали его как способ разбогатеть» – констатирует В. Петрушин в монографии «Психология и педагогика художественного творчества» (Россия, 2006 г.). А для философов, писателей и представителей науки шоу-бизнес неприемлем вообще в силу специфики их творческой деятельности (иначе неизбежен вопрос к самому себе: «Какого черта я все это делал?!»), и как раз у них, в среде служителей высокого искусства, бытует представление, что настоящий талант «должен жить без излишеств». Не убивают ли сверхгонорары само творчество? Не способствуют ли контакты с сильными мира сего моральному вырождению художника-творца? Несет ли он ответственность за «фальшивые ноты» своей музыки? Каким образом деятельность «первого литератора своего времени» влияет на моральное здоровье всей нации?.. Вечные вопросы, неразрешимые проблемы, «проклятые» противоречия... Нет, их не обходили молчанием. Обозначали недуги и прописывали курсы лечения. Увы, мудрость даже самых прозорливых не могла побороть саму болезнь...

Ж. Д'Аламбер предвидел, что в идеальном государстве, в этой мирной обители, «ни князьям, ни философам нечего желать и нечего ждать друг от друга; это в порядке вещей» (Франция, 1750 г.). В идеальном государстве – да. Однако какую эпоху можно считать свободной от противоречий, мздоимства, лжи и вероломства, можно охарактеризовать как торжество гуманизма? Слишком много крови и насилия приносят великие государственные преобразования. Оправдана ли их цена, если даже великие царства обращаются в тлен, а историю человечества движут великие властители дум, которые с порога отвергают договорные кодексы придворной морали, которые продолжают верить в «добрую природу» и «первозданный смысл» и которые, вопреки всем политическим системам, вопреки здравомыслию общества большинства, принуждающего признать «всепобеждающую квинтэссенцию праха», такую природу и такую «страну милосердных» создают! Сквозь плотный туман они видят великую цель, маяком освещающую их тернистый путь к истине. Их мужество, несгибаемая воля, готовность к самопожертвованию – поразительны. Это истинный подвиг, который совершается не «для», а «во имя», ибо никакие стимулы не подводят к сподвижничеству так непоколебимо, как власть *идеи*.

Когда в мае 1870 года королева Виктория намеревалась возвести Чарльза Диккенса (1812–1870) в дворянское достоинство, писатель ответил отказом. «Вы, вероятно, уже читали о том, что я собираюсь стать всем, чем королева может меня сделать, – предполагал он в письме к Г. Расдену (20 мая 1870 г.). – Если мои слова хоть что-нибудь да значат, поверьте, я не собираюсь становиться ничем, кроме того, что я есть, – до конца дней своих...» Нет, Диккенс не хотел нарушить этикет и этим обидеть кого-то из сильных мира сего. За *три недели* до своей кончины он как чуткий художник-творец с особенной силой прозревал координаты вечности, где «слава таланта и блеск вечным бессмертьем горят»!

Узнав о своем награждении орденом Почетного легиона (Франция, июнь 1870 г.), художник Гюстав Курбе (1819–1877) отправил в Министерство Наполеона III действительно непочтительный отклик: «Я никогда не принадлежал никакой школе, никакой церкви, никакому учреждению, никакой академии, и главное, никакому режиму, исключая режим свободы... Не следует ничего принимать от злополучной администрации, как будто специального задавшейся целью убить искусство в нашей стране... К тому же человек – это не титул и не орденская

лента, человек – это его поступки и побуждения...» (знакомое, очень знакомое слышится в этих словах, когда мы узнаем об отказе А. Солженицына от ордена «Святого апостола Андрея Первозванного» (Россия, 1998 г.): «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу...»). Дарители, разумеется, понимали, что нарушается не только «дворцовый этикет».

В ознаменование научных заслуг, способствовавших техническому прогрессу во всем мире, тогдашний первый министр Великобритании Роберт Пиль предлагал государственную пенсию физику Майклу Фарадею (1791–1867) и титул баронета изобретателю паровоза Джорджу Стефенсону (1781–1848). Оба ответили отказом, мотивируя свои решения тем, что «еще в состоянии заработать себе на жизнь, опираясь на собственные силы». Так же думал и естествоиспытатель Чарльз Лайель (1797–1875), решительно отказавшийся от места члена английского Парламента в пользу интересов науки. «Слава Богу, кажется, мне не придется иметь дело с политикой! – не сомневался он в правильности своего выбора. – Если вы хотите долго прожить и много наработать, пуще всего избегайте политической суеты... Я давно уже перестал заниматься общественными делами; нам, поставившим своей задачей разработку науки, незачем в них путаться...»

Бернард Шоу (1856–1950) отвергал любые почести, оказанные в «заслугу за старость» (он отказался от денег, предложенных ему как лауреату Нобелевской премии, 1925 г.), и со свойственной ему парадоксальностью придерживался того взгляда, что «титулы придуманы для тех людей, чьи заслуги перед страной бесспорны, но самой стране неизвестны». Действительно, что есть Имя, если его нельзя приравнять к Титулу? Но тогда зачем Титул, когда есть *такое* Имя?! («Человек – это не титул и не орденская лента, человек – это его поступки и побуждения»). Иногда говорят, почти всегда – *после*, что рядом с нами жил Человек-эпоха, который это время и творит. А комплимент «он шел в ногу со временем и пользовался всеми его благами» хорош только для среднестатистического представителя «общества большинства».

Отказ от привилегий, составляющих основу жизненного благополучия, удивителен уже в силу противоречия «естеству вещей». «Тела и души людей такого склада, – отмечал французский философ и историк Ипполит Тэн (1828–1893), – как будто созданы из гранита и мрамора, тогда как наши нынешние просто из мела и штукатурки».

Находясь в иной «системе координат», художник-творец и мыслит парадоксально, и созидает как-то иначе – в глубине кулис мировых событий, не оглушенный напором сиюминутных новостей, но с врожденным осознанием значимости каждой уходящей минуты. Может быть поэтому планка его устремлений как нигде и никогда высока – почти недостижима. В этой «недостижимости» он остается творцом завтрашнего дня, твердо зная, что день этот станет настоящим. И «прошлое» для него тоже в «сегодня» с наложением вето на успешность обиходных, практических дел. Что делать, «философ» редко сочетается с «практиком»! Дар мучительный, но неискоренимый, этот талант жертвенной не обустроенной жизни! Он же создает творческий парадокс: «Чем хуже жизнь, тем лучше стихи». Высшая же степень одаренности художника-творца свидетельствует, как правило, о «подлинном и полном уходе из мира действительного в мир мысли и мечты».

Остаются, правда, надежды на государя-реформатора, стоящего на степени высшей, степени «философа на троне», с коей может он «подействовать непосредственно на жребий государства и заготовить себе место в истории народа» (П. Вяземский, 1821 г.). «Как *простые* люди государи и князья должны понимать свое время, должны поставить себя на высоту своего века своим всеобъемлющим просвещением, своею непоколебимой правдою, – с энтузиазмом видел «строгую правду закона гражданского» русский поэт-романтик Василий Жуковский (1783–1852). – Как *представители народа* они должны жить его жизнью, т. е. уважать его историю, хранить то, что создали для него века, и не *самовластно*, а следуя указаниям необходимости, изменять то, что эти же творческие века изменили и что уже само собою стоять не может...» (из письма от 28 октября 1842 г.).

Примечательно, что *высота своего века*, определяемая «всеобъемлющим просвещением», задана как эталон еще философской мыслью античного мира. Это и «Диалоги» Платона (IV в. до н. э.), и «Лекции о политике» Аристотеля (IV в. до н. э.), и «Речи о царской власти» Диона

Хрисостома (II в. н. э.) – и т. д. и т. п. Современные философы с готовностью признают, что древние мудрецы «говорили дело» и старой полемики о желательности иметь просвещенных правителей – уже не затевают. «Если монарх ведет разумную политику, если он справедлив и честен, если прислушивается к словам и советам умнейших и достойнейших людей, – констатирует российский историк Владимир Миронов (р. 1940 г.), – то такой человек, монарх или президент, в самом деле большая находка и удача для великого государства» (из книги «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.).

Насколько оправданы *такие* ожидания? Был ли прав китайский философ Конфуций (551–479 гг. до н. э.), посетовавший перед смертью, что не нашлось ни одного умного правителя, который захотел бы стать его учеником?

• «Никогда еще Рим не был так могуч, как при принцепсе Марке Ульпии Траяне (правил в 98–117 гг.). Это был пик имперской славы. Границы Рима расширились необычайно. Простота обхождения привлекала к Траяну всех – от солдат и сенаторов до интеллектуалов. Став императором, он тем не менее ходил по Риму пешком, хотя другие прицепсы восседали в паланкине. В итоге те, как бы боясь равенства, теряли способность пользоваться своими ногами... Траян пришел к власти мирным путем, что было редким явлением для Рима. Он повел себя с людьми доброжелательно, «как отец с детьми»: считался с народом, сенаторами, был своим человеком и для воинов. Все его признавали, ибо император совсем не кичился властью, но всех считал «равными и себя таким же равным всем другим». Интересно взглянуть и на то, что выделяет историк Плиний-Младший среди заслуг правителя как его главные достижения... Для великого принцепса, коему суждено бессмертие, «нет другой, более достойной статьи расхода, как расход на подрастающее поколение...» При Траяне политика поддержки молодежи приняла устойчивый характер. Император «обеспечил их содержание», создал условия и для воспроизводства населения... Другой немалой заслугой императора стала забота о сельском хозяйстве. Он способствовал увеличению хлебных запасов государства, не подавлял людей новыми налогами. «Отсюда богатство, дешевизна, позволяющая легко сговориться продавцу с покупателем, отсюда всеобщее довольство и незнакомство с нуждой»... Чрезвычайно важным успехом стал триумф законности при Траяне. Ранее суды и властные лица творили все, что хотели. Произвол процветал «и в храмах, и на форуме». Любое достояние находилось под угрозой. По словам Плиния, Траян «выкорчевал это внутреннее зло и предусмотрительной строгостью обеспечил, чтобы государство, построенное на законности, не оказалось соvrащенным с пути законов»... Траян решился сделать то, что до него никто в Риме не делал: создал трибунал и «для правителей». Теперь могли быть посажены, говоря современным языком, и судьи, и прокуроры, чины милиции, и премьеры, ибо «никому не прощается его вина, за каждую полагается возмездие»...

Самое последнее, на что обратил внимание Плиний в его панегирике императору Траяну, так это на его отношение к ученым и учителям. Уже тогда у мудрейших представителей Рима выработалось понимание значимости этих ключевых фигур общественного прогресса... Траян поднял роль наук. Возможно, показательным моментом в его отношении к высшему разуму стало приближение к себе Диона Хрисостома (ок. 40–120 гг. н. э.), греческого оратора и философа из Прусы (Вифиния)... Талантливые государи умели с максимальной пользой для нужд страны использовать знания. Такой талант был у Траяна. Полагаю, во многом способность слушать великие умы и сделала из него великого императора... (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.).

• «Публий Элий Адриан (правил в 117–138) родился в Риме. Отец Публия был из рода Элиев (двоюродный брат Траяна). Юноша, поступив в школу, завершил обучение ранее обычных сроков – в 16 лет. Затем уехал в Афины, где занимался под руководством известного софиста Изея. Он был человеком безусловно талантливым... «Адриан в совершенстве усвоил научные занятия, образ жизни, язык и все образование афинян, – отмечал его биограф. – Он обладал способностями ко всем видам искусств. Столь изящную и блестящую натуру нелегко найти между людьми. Его память была невероятно обширна». При необходимости он мог прочесть любой стих, на шутку отреагировать шуткой или быстро парировать остроу. Ведь еще в молодости он познакомился с крупнейшими писателями того времени (Тацит, Плутарх, Квинтилиан, Ювенал). Аврелий Виктор писал о нем: «Он отлично знал греческую литературу, и

многие называли его Греком. Он воспринял от афинян их наклонности и нравы и не только овладел их языком, но и приобщился к их излюбленным занятиям: пению, танцам, медицине, был музыкантом, геометром, художником, ваятелем из меди и мрамора наравне с Поликлетом и Евфранором». ...Вскоре он поменял судейское кресло на службу в армии. Здоровая и требующая немалой выносливости атмосфера военного лагеря пошла ему на пользу... В битвах с воинственными даками Адриан проявил чудеса храбрости. К тому же его отличало прекрасное знание стратегии и тактики... В него поверили воины. В конце концов, они-то и сделали его императором.

Став императором, Адриан окружил себя умными учеными и литераторами – историк Светоний стал его секретарем, философ Эпиктет – его другом. В Риме он учредил институт Атенеум, где устраивали состязания поэты, выступали и читали лекции риторы и философы. И сенат Рима даже иногда назначал там свои заседания. Римские сенаторы хотели стать умнее и понимали, сколь важен дух наук... Адриан даже заставил чиновников учиться, что было делом неслыханным... Никто так не покровительствовал искусству, как он. Реставрация памятников культуры выходит в деятельности Адриана на первый план. В окрестностях Рима, в Тибуре (современный Тиволи) он выстроил себе величественную виллу, где воспроизвел все стили, воссоздал уголки разных стран (своего рода древний «Диснейленд»), и даже выстроил там «подземное царство». Он был храбр, разумен, щедр. В Галлии на него бросился раб, он уклонился от удара. Преступника схватили, но он сказал, что тот, видимо, болен, и распорядился отдать его не палачам, а врачу.

Адриан проявлял щедрость и благородство в политике, в том числе и в отношении простого люда. Он как мог заботился о плебсе, сжег на форуме долговые расписки, запретил забирать в личную казну имущество осужденных, отменил долги граждан императорской казне в 900 миллионов сестерциев... Он ценил и уважал человека, терпеть не мог пышности и блестящих свит, был справедлив и прост... Адриан был мудрым политиком и потому, что предпочел покончить с войной, смирившись с тем, что Парфия и Армения вновь обрели независимость. Пусть основой новой внешней политики страны станет вооруженный мир...

На каменной плите из форума Траяна имеется надпись в честь деяний Адриана, где сказано: сенат и римский народ выражают признательность Адриану. О нем у римлян сохранилась добрая память...» (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.).

«Если некто захотел бы выбрать пример для подражания, вероятно, им скорее всего мог бы стать Марк Аврелий. Императором он стал в 161 г. То было время, когда Римская империя достигла наибольших размеров...» (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.). «Один из римских историков пишет о глубокой грусти, охватившей Марка Аврелия после его усыновления Антонином Пием (римский император в 136–161 г. г. – *Е.М.*), предназначавшим его к власти вместе с другим пасынком, Луцием Вером. Этому сообщению веришь, когда смотришь на бюсты Марка Аврелия: одухотворенное раздумьями лицо, запущенная борода, утомленные чтением глаза... Этому человеку не могло быть знакомо властолюбие. Его царствование напоминало те далекие времена, когда боги и титаны сходили на землю, чтобы вызволить людей из полуживотного существования, дать им законы и обучить ремеслам и искусствам. Марк Аврелий был воплощением человечности, лучшим из людей, как сказал бы Платон. Его ум обнимал все отрасли управления огромной империей, душа была свободна от порочных наклонностей предыдущих и последующих цезарей, тело не знало наслаждений и отдыха...» (из книги С.Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «Он не посещал публичных школ, имея счастливую возможность пользоваться услугами прекрасных учителей на дому; знал Гомера, Гесиода, Софокла, Еврипида, Аристофана. У знаменитых ораторов учился риторике. В жизни привык довольствоваться малым... Более всего на свете он любил находиться в обществе ученых и философов, а вечера коротал наедине с любимой книгой «Беседы Эпиктета». Император-философ был последователем Эпиктета (50–140 гг.н. э.)... Зная, что время человеческой жизни – миг, а сущность ее – вечное течение, он понимал и то, что дух нужно возвращать, чтобы победить в жизненной борьбе. Но ради чего? Ради власти? Нет, – во имя истины. Поэтому призывал сохранять ум, простоту, добропорядочность, серьезность,

скромность, приверженность к справедливости, честность, благочестие, благожелательность, любвиобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. «Употреби все усилия на то, чтобы остаться таким, каким тебя желала сделать философия», – писал он... Рим представлялся ему как государство с равным для всех законом, которое управляется согласно законам равенства и равноправия...» (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.). «К народу Марк Аврелий обращался так, как это было принято в свободном государстве, – говорит римский историк. – Он проявлял исключительный такт во всех случаях, когда нужно было либо удержать людей от зла, либо побудить их к добру, богато наградить одних, оправдать, высказав снисходительность, других. Он делал дурных людей хорошими, а хороших – превосходными, спокойно перенося даже насмешки некоторых... Отличаясь твердостью, он в то же время был совестлив». Он был первым и единственным из цезарей, кто возвратил свободу – народу и бывшее значение – сенату. «Справедливее мне следовать советам стольких опытных друзей, – говорил он своим приближенным, – нежели стольким опытным друзьям повиноваться воле одного человека». Патрицианская спесь внушала ему отвращение, он признавал только аристократию добродетели и заслуг перед родиной... Его собственные триумфы вызывали в нем лишь отвращение и презрение; цезарь и стоик вели в его душе войну не менее упорную и разрушительную. Когда сенат поднес ему титул «победителя сарматов», он записал в своих «Размышлениях»: «Паук гордится тем, что поймал муху...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «У Марка Аврелия было сердце республиканца под тогой цезаря. Видимо, так надо понимать предостережение: «Не иди по стопам Цезарей». Империя обрела в его лице не только философа на троне, но что важнее, нужнее для государства, – правителя научно-прагматического склада, обладающего к тому же высоким интеллектуальным уровнем...» (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.). «Гражданское право, принципы ответственности государя перед законом и заботы государства о гражданах, полиция нравов, регистрация новорожденных – ведут свое начало от Марка Аврелия... Марк Аврелий не вынес ни одного смертного приговора и уничтожил практику конфискаций... Он желал не просто повиновения закону, но улучшения душ и смятения нравов. Все слабое и незащищенное находилось под его покровительством. Рабство было признано юстицией нарушением естественного права, убийство раба стало преступлением, а его освобождение поощрялось государством... Государство взяло на себя попечение о больных и увечных. Применение пытки было ограничено, в уголовное право было введено положение о том, что виновность заключается в воле человека, а не в самом факте преступления... Он часто цитировал Платона: «Государства процветали бы, если бы философы были властителями или властители – философами»... Время полустерло деяния его царствования, но целиком сохранило книгу его «Размышлений» – слепок этой великой души, – словно для того, чтобы мы мерили ее не поступками цезаря, а мыслями философа...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Правитель Флоренции Лоренцо Великолепный (Лоренцо Медичи правил в 1469–1492 гг. – *Е.М.*) был одновременно великим государем, счастливым и привлекательным человеком. Он властвовал, в большей мере пользуясь хитростью, нежели принижая чрезмерно достоинство своего народа; как умному человеку, ему были противны пошлые царедворцы, которых в качестве монарха он должен был награждать... Равновесие сил придумано им; он охранял, насколько возможно, независимость мелких итальянских государств...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «Польза отечества, величие семейства, возрастание искусств» – вот три принципа, которыми руководствовался во всех делах правитель Флоренции, никогда не отделяя одного от другого...» (из статьи И. Бузукашвили «Лоренцо Великолепный», Россия, 2012 г.). «Лоренцо Великолепный не только украсил Флоренцию, но и укрепил ее могущество. В городе почти не было нищих, а о немощных горожанах заботилось государство. Лоренцо вошел в историю как мудрый политик и дипломат...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Леонардо да Винчи», российск. изд. 2008 г.). «Он пользуется абсолютной властью в делах политики, но правит Флоренцией, проявляя здравый смысл, учтивость и достоинство. Без официального титула и званий. Это богатейший во всем мире человек, дружбы и расположения которого

добиваются правители итальянских городов-государств и могущественные монархи Востока и Запада, а между тем у него открытый и мягкий характер и полное отсутствие высокомерия. Не располагая ни армией, ни стражей, он ходит по улицам Флоренции без всякой свиты, разговаривает со всеми гражданами как равный, ведет простую семейную жизнь, любит играть со своими детьми и держит свой дом открытым для художников, писателей и ученых со всего мира...» (из статьи И. Бузукашвили «Лоренцо Великолепный», Россия, 2012 г.). «Он был истинным сыном Ренессанса. Он писал стихи, любил сочинения Платона, коллекционировал шедевры, увлекался архитектурой...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Леонардо да Винчи», российск. изд., 2008 г.). «Современник пишет: «Кто ныне в Италии и вне ее хочет что-нибудь построить – спешит обратиться во Флоренцию за архитекторами». Лоренцо слывет знатоком классических языков, читает в оригинале греческие и латинские манускрипты. Его посланники отправляются на Восток, где разыскивают и привозят во Флоренцию древние рукописи, свитки и книги. В истории Лоренцо Великолепный останется и как создатель первой в Европе публичной библиотеки. Его собрание насчитывало около 10 тысяч рукописных и печатных книг. Подобной библиотеки не было нигде со времен Александрии. Она и по сей день носит его имя – Библиотека Лауренциана – и находится при соборе Сан Лоренцо» (из статьи И. Бузукашвили «Лоренцо Великолепный», Россия, 2012 г.). «В период правления Лоренцо Великолепного культура Флоренции достигла небывалого расцвета...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Леонардо да Винчи», российск. изд., 2008 г.). «Унаследовав от своих предков склонность покровительствовать искусствам, Лоренцо Великолепный живо чувствовал красоту во всех ее формах и по влечению сердца делал то, что предки его делали по соображениям политики... Его стихи обнаруживают в нем высокую душу, знавшую, что такое любовь, и любившую Бога, как любят любовницу, – сочетание, допускаемое природой лишь в тех душах, которые предназначаются ею для людей гениальных. Он имел обыкновение говорить: «Кто не верит в будущую жизнь, мертв уже в нынешней». В одинаково пламенном стиле он то слагал гимн творцу, то обожествлял предмет своих любовных восторгов. Превосходя по своим государственным способностям Августа и Людовика XIV, он покровительствовал изящной словесности как человек, который предназначен был занять в ней одно из первых мест, если бы самим своим рождением не был уже предназначен руководить Италией...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «Искусство в глазах Лоренцо является куда более важной заботой, чем его флотилии, плавающие по всем морям мира, и его банки, опутавшие своей сетью всю Европу... Правитель Флоренции привил своим гражданам, и в первую очередь богатым жителям города, любовь к прекрасному, к античности, хороший вкус и стремление наполнить жизнь произведениями истинного искусства... XV столетие – эпоха кватроченто, золотой век итальянского Ренессанса. Время, когда в одном городе на берегах Арно собирается целое созвездие гениев. Все они – современники Лоренцо Великолепного. В жизни многих из них правитель Флоренции сыграет роль, назначенную самой судьбой...» (из статьи И. Бузукашвили «Лоренцо Великолепный», Россия, 2012 г.). «Судьба его вознаградила: у него на глазах родились или созрели великие художники, прославившие его страну: Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Андреа дель Сарто, Фра Бартоломео, Даниэле да Вольтерра» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «...В своем внимании к людям искусства и их творчеству Лоренцо Великолепный открыл столь много самых разных форм поддержки художников и архитекторов, что впору говорить о настоящей и хорошо продуманной политике в сфере искусства» (из статьи И. Бузукашвили «Лоренцо Великолепный», Россия, 2012 г.).

• «Миланский герцог Лодовико Моро видел, какой славы достигли Медичи во Флоренции, покровительствуя искусствам. Ничто так не скрывает деспотизма, как слава. Он пригласил всех знаменитых людей, каких только мог найти. Он их собрал, по его словам, чтобы дать воспитание племяннику. Этот человек в непрерывных празднествах искал себе отдыха от коварной политики, которую он всегда вел. Особенно любил он музыку и лиру, инструмент, славящийся у древних... Говорят, что Леонардо да Винчи (1452–1519) в первый раз появился при миланском дворе на каком-то публичном состязании лучших в Италии мастеров игры на лире... Сам двор для одаренного человека представлял еще привлекательность, которую теперь

утратил... Так я объясняю склонность изящного Леонардо к обществу коронованных особ...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «Лодовико восхищался не только пением, но и звуками речей Лернардо. Когда да Винчи декламировал стихи, на глазах герцога часто показывались слезы, и он говорил: «Мне казалось, что вы все еще продолжали петь»... К такому человеку попал Леонардо и вскоре стал для Лодовико необходимым товарищем... Есть основания думать, что великий художник пытался даже направить эту развращенную натуру на лучший путь, стараясь главным образом действовать на артистические наклонности герцога» (из очерка М. Филиппова «Леонардо да Винчи как художник, ученый и философ», Россия, 1892 г.). «Леонардо да Винчи было 30 лет, когда он появился при этом блестящем дворе; покинул он Миланскую область только после падения Лодовико, спустя 17 лет...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.).

- «Единственный сын шотландской королевы Марии Стюарт Яков I вывел страну из религиозно-политического кризиса и обеспечил длительный период мира и стабильности. Яков был необычайно просвещенным монархом, владел латынью и греческим, сочинял стихи, написал книгу наставлений сыну и трактат по демонологии... В 1603 году шотландский король Яков VI вступил на английский престол как Яков I. С его правлением связан расцвет культуры и искусства, начавшийся при предшественнице Елизавете I. Яков I присвоил труппе Уильяма Шекспира (1564–1616) статус королевской и обеспечил ее членам специальные привилегии. В период царствования Якова I Шекспир сочинил эпохальные трагедии – «Макбета» (1606 г.), «Отелло» (1604 г.) и «Короля Лира» (1605 г.)» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Уильям Шекспир», российск. изд., 2008 г.).

- «Ландсграф Гессенский меньше всего походил на диктатора-самодура, неспособного понять устремления ищущего музыканта. Наоборот, Генриху Шютцу (1588–1672) исключительно повезло. Его покровитель был одним из самых просвещенных и художественно одаренных людей своего века в Германии, олицетворявшим своей деятельностью лучшее, что связывается с ренессансным гуманизмом. Он был известен глубоким знанием эллинской и латинской культуры, сам переводил древнегреческие трагедии и комедии на родной язык, создал первый в Германии постоянный театр, пригласив для него лучшую труппу английских актеров. Он был также композитором, сочинял музыку под руководством главы своей капеллы Георга Отто. Ему он и поручил музыкальное воспитание юного подопечного. При этом музыка, занимавшая большое место в образовании Шютца, нисколько не оттесняла на второй план другие предметы...» (из сборника Д. Самина «100 великих музыкантов», Россия, 1999 г.).

- «Шведская королева Христина была очень деятельна, спала не более 5 часов в сутки... любила серьезный разговор. Обладая прекрасной памятью, Христина говорила на 6 языках, в том числе на латинском, и ежедневно прочитывала в подлиннике по несколько страниц из Тацита. Незадолго до своего знакомства с Рене Декартом (1596–1650) она начала изучать еще и греческий. Несмотря на свою молодость она в отношениях к людям была замкнута, недоверчива, но в действиях энергична и стремительна. Такую же стремительность Христина проявила в отношении к Декарту. Философ несколько месяцев (1649 г.) ждал обещанного ему собственноручного письма от Христины, как вдруг вслед за полученным наконец письмом посыпались одно за другим три письма от Шаню (посланник при Шведском дворе. – Е.М.) с настойчивым приглашением от имени королевы приехать в Швецию, так как королева пожелала поучаться философии из его собственных уст... В октябре 1649 года философ прибыл в Стокгольм. Христина приняла его с почетом... и приступила к занятиям...» (из очерка Г. Паперна «Рене Декарт, его жизнь и философская деятельность», Россия, 1895 г.). «Королева Христина была настоящим спартанцем. Она спала по 3 часа в сутки, сама вела всю государственную дипломатию даже во время Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.)... Каждое утро Декарт должен был являться к королеве и в течение 5 (!) часов вести с ней беседы о страстях души» (из книги Н. Носова «Преступные философы», Россия, 2007 г.).

- «Дед Фридриха II, Фридрих I, в 1701 году добавил к своему титулу курфюрста Бранденбургского титул короля Прусского. Соперничая с Австрией и Саксонией за влияние на германские княжества, он хорошо понимал значение не только военного, но и культурного превосходства и потому, как мог, подражал роскоши Версальского двора. Кое-что перепало

также наукам и искусствам: в Берлине была основана Академия наук, душой которой стал Готфрид Лейбниц (1646–1716). В конце концов Фридрих I добился того, что его столицу стали называть «германскими Афинами...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

- «Австрийская императрица Мария Терезия хотела превратить Вену в европейскую столицу изящных искусств, и потому в годы ее правления (1740–1780 гг.) этот город стал настоящим раем для многих деятелей культуры. Покровительство кого-нибудь из династии Габсбургов, а особенно самой Марии Терезии, гарантировало безбедную жизнь и открывала путь к европейской славе. Зная об этом, Моцарт-старший делал все возможное для того, чтобы представить своей сына императрице... В эпоху Марии Терезии в Вене жили и работали И. Гайдн (1732–1809), В. Моцарт (1756–1791) и Л. Бетховен (1770–1827). При дворе Марии Терезии были собраны также лучшие архитекторы, скульпторы, живописцы, драматурги и поэты. Так Вена превратилась в настоящую культурную столицу Европы. Эта слава сохранилась за этим городом вплоть до 20-го века...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Вольфганг Моцарт», российск. изд., 2008 г.).

- «После того как в 1741 году умер его отец Франц I, Иосиф II был коронован как император Священной Римской империи и правил Австрией вместе со своей матерью Марией Терезией. Иосиф, подобно своей матери, был сторонником «просвещенного абсолютизма». Он развивал народное образование, готовил отмену крепостного права и предоставление личной свободы крестьянам, ввел принцип полного равенства всех перед законом... Иосиф II, «музыкальный король», покровитель и ценитель искусств, поддерживал Вольфганга Моцарта (1756–1791) больше, чем кто-либо другой. В 1787 году монарх предложил ему долгожданное место придворного композитора...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Вольфганг Моцарт», российск. изд., 2008 г.).

- Фридрих Великий, король Прусский, был известен своею склонностью к философии... Он стремился выработать философские воззрения на жизнь, отвечающие его идеалу; он нашел их в философии Вольтера, которого он называл своим земным богом...» (из очерка Е. Литвиновой «Жан Лерон Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «Уже с 1736 года между Фридрихом II – тогда еще кронпринцем – и Франсуа Вольтером (1694–1778) завязалась оживленная переписка. Принц оказался горячим поклонником Вольтера. О личном знакомстве со своим кумиром при жизни строгого отца нечего было и думать, но он не упускал ни одного случая выразить свои чувства «божеству Сирея» и отправлял ему на прочтение все свои произведения в стихах и прозе...» (из очерка И. Каренина (В. Засулич) «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1893 г.). «...В кабинете принца висел портрет Вольтера, о котором Фридрих говорил: «Эта картина, как Мемноново изображение, звучит под блеском солнца (Мемнон – в греческой мифологии царь Эфиопии. – Е.М.) и оживляет дух того, кто на нее взглянет». Фридрих и сам считал себя поэтом, так как писал французские стихи, подражая стилю Вольтера... Тогда же (1736 г.) принц попросил Вольтера взять на себя труды по изданию «Анти-Макиавелли» – сочинения, в котором Фридрих разоблачал политический цинизм великого итальянца. (После вступления на престол Фридрих благоразумно решил не публиковать эту книгу)...» (из очерка И. Каренина (В. Засулич) «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1893 г.). «Король вставал летом в 5 часов, зимой в 6. Если камердинер не будил его вовремя, – например, уступив приказанию сонного господина оставить его в покое, – то немедленно терял свое место; поэтому прислуга не останавливалась даже перед таким радикальным средством, как обливание спящего Фридриха холодной водой. Королевская спальня могла показаться роскошной: серебряная решетка прекрасной работы, украшенная амурами, окружала балюстраду, на которой вроде бы должна была стоять кровать. Но за пологом находились книжные полки, а Фридрих спал на жалкой койке с тоненьким тюфяком, спрятанной за ширмой, – за эпикурейской декорацией Сан-Суси скрывался аскетизм его владельца...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «Фридрих по природе своей создан был, чтобы мыслить и страдать, но обязанности государя поглощали все его время...» (из очерка Е. Литвиновой «Жан Лерон Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «Едва ли будет преувеличением сказать, что он занимался государственными делами больше,

чем все европейские государи, вместе взятые... Он лично разбирал дела, от которых отмахнулся бы начальник департамента; если иностранец хотел получить хорошее место на плацу во время развода, он писал королю и на другой день получал его собственноручный ответ. Эта почти болезненная деятельность не оставляла ни сил, ни времени, чтобы дать развиваться литературному таланту. Зато Пруссия являла собой образец порядка и уважения к собственности. Фридрих придерживался широкой веротерпимости и уничтожил пытку; смертные приговоры в его царствование были редки и выносились только убийцам... Он украшал Берлин великолепными постройками и не жалел средств, чтобы привлечь в академию выдающихся ученых...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «...Он был невольным дилетантом в науке, в литературе, в музыке. В области мысли ему доступнее других была философия, потому что имела большее отношение к жизни и не требовала таких специальных знаний как математика...» (из очерка Е. Литвиновой «Жан Лерон Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

Из завещания Фридриха Великого от 8 января 1769 года: «Я жил философом и хочу быть погребенным как таковой: без великолепия, без пышности, без помпы... Я никогда не был ни скуп, ни богат; я не располагал большими суммами – на государственные доходы я смотрел как на святыню, коснуться которой не смеет ни одна нечестивая рука; никогда общественные доходы не поступали в мое личное пользование... мое управление страной не нарушает покоя моей совести, и я не побоялся дать о нем публичный отчет...».

• «В отличие от Петра Великого, императрица Екатерина II не стремилась к кардинальным преобразованиям, а действовала постепенно. Территория России при Екатерине существенно расширилась, а население страны выросло вдвое по сравнению с петровским временем, достигнув, по официальным данным, 37,4 млн человек. Россия стала самой многонаселенной европейской страной... Привлекая множество иностранцев в Санкт-Петербург, императрица приобщала подданных к европейской науке и культуре. Екатерина провела педагогическую реформу, внедрила в жизнь систему женского образования. В ее царствование борьба с эпидемиями приобрела характер государственных мероприятий. Она снискала уважение самых широких масс и вслед за Петром получила титул «Великой»...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Петр Первый», российск. изд., 2008 г.). «...Эта женщина – русская государыня, с которой современная Россия, столько жадно изучаемая в настоящее время и все же столь загадочная, находится в прямой, непосредственной связи... Чтобы проникнуть в тайны великой политической и социальной организации, огромную тяжесть которой уже начинает чувствовать Европа, следует прежде всего обратиться к Екатерине: современная Россия в большей своей части является лишь наследием великой государыни; к ней же следует обращаться для проникновения в тайны некоторых русских душ: в каждой из них кроется нечто, свойственное Екатерине Великой... Она любила книги. Она доказала это. Известно, как она купила библиотеку Д. Дидро (1713–1784)... можно представить себе восторг в лагере энциклопедистов. Впоследствии библиотека Ф. Вольтера (1694–1778) присоединилась в музее Эрмитажа к книгам Дидро... Екатерина II любила также выдавать себя за покровительницу наук и ученых. В 1785 году она повторила с П. Палласом (1741–1811) свой великодушный поступок, как с Дидро. Она предложила ему купить его коллекцию по естественной истории... 1767 год был выдающимся в умственной жизни «ученицы Вольтера» по тому острому любопытству, с которым она следила за всем, что страстно увлекало тогда Европу в области знаний и мысли. Вместе со всеми Екатерина интересовалась прохождением Венеры перед Солнцем: оно ожидалось астрономами в 1769 году, и везде для его наблюдения делались большие приготовления. Екатерина выразила желание, чтобы и ее академия приняла участие в изучении этого феномена и представила бы ей о том доклад... Но была одна отрасль науки, которая действительно процветала в царствование Екатерины II и при этом благодаря личной инициативе государыни... Под ее покровительством была проделана громадная работа по историческим исследованиям... были изданы рукописи, оставшиеся прежде неизвестными, например, единственный экземпляр «Слово о полку Игореве», открытый А. Мусиным-Пушкиным... Сама Екатерина II страстно любила писать. Мы думаем даже, что ничто другое не доставляло ей такого удовольствия. Писательство служило ей не только

развлечением, оно было для нее потребностью почти физической... Над «Наказом» законодательной комиссии (1765 г.) она работала, просиживая по 3 часа в день. Она отдавала работе лучшие утренние часы... Последние два года жизни Екатерина II увлеклась работой, в которой, как и в ее запоздалой любви к немецкой литературе, сказалось ее германское происхождение. Она задалась широкой задачей установить «систематические классификации». Один день она в течение нескольких часов занималась разрядами обстоятельств, на следующий – категориями средств. Ей очень нравилась эта работа. Она постоянно обдумывала новые ее главы. Ей случалось, как она говорила, – составлять их даже во сне... Екатерина II все 34 года своего царствования строила воздушные замки – прекрасные замки, не имевшие под собою никакой почвы и разлетающиеся как дым при самом легком дуновении. Но наступил день, когда в основание был, словно чудом, положен камень, единственный, но настоящий. Его положила Екатерина, и это было делом ее здравого ума. А русский народ докончил начатое ею дело. Он принес ей свой пот, свою кровь, и – как каменные пирамиды, воздвигнутые трудами тысяч безвестных жизней, – здание, заложенное Екатериной II, стало расти и приняло осязаемые формы...» (из книги К. Валишевского «Роман императрицы. Екатерина II», Франция, 1893 г.).

• «Молодой герцог Веймарский, Карл-Август, был, без сомнения, весьма недюжинная натура. Стремление к знанию, твердый самостоятельный характер и умение выбирать людей – таковы были характеристические черты этого государя, правившего маленькой, незначительной страной, но умевшего придать этой стране великое значение для всего образованного мира. Жена его, герцогиня Луиза, женщина большого такта и безукоризненной нравственности, обладала спокойным и постоянным характером. Видную роль играла при дворе также мать Карла-Августа, герцогиня Амалия. Этой веселой, даровитой женщине, многосторонне образованной и с тонким художественным вкусом, по преимуществу принадлежала инициатива привлечения в Веймар выдающихся литераторов и артистов... При дворе герцога Веймарского находились Музеус – известный автор сказок, Краус – известный живописец, знаменитый писатель Виланд и другие. Иоганну Гёте (1749–1832) суждено было взойти в Веймаре яркою звездой, которая затмила не только всех остальных веймарских знаменитостей, но сделала на некоторое время Веймар настоящей столицей всемирного искусства – германскими Афинами» (из очерка Н. Холодковского «И.-В. Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.). «Как ни мал был Веймар, прогрессивные стремления нарождающейся буржуазии отражались, хотя бы в микроскопических дозах, и на его государственном управлении; само время ставило в порядок дня задачу борьбы с застойными остатками феодализма, а такая задача неизбежно выливалась в экономическое и познавательное движение вперед. Нельзя было управлять, не расширяя своих знаний, не обращаясь к науке, не узнавая о технических открытиях... Молодому Гёте в Веймаре как будто нечего было делать. В первые месяцы он погружается в придворные празднества, выкидывает кучу сумасбродств. Но, кутя и забавляясь, не навязывая никому никакого морального превосходства, Гёте понемногу и незаметно втягивает герцога и сам втягивается через него в государственные дела...» (из книги М. Шагинян «Гёте», СССР, 1950 г.). «Что касается влияния Гёте на герцога, то оно было... благотворным... Когда Гёте уже совершенно отказался от шумного «гениальничанья», постоянное общение с великим поэтом не могло не повлиять в высшей степени благоприятно на развитие ума и сердца государя. Несмотря на свою молодость, Гёте сумел сделаться настоящим ментором Карла-Августа и впоследствии всеми было признано, что поэт могущественно содействовал выработке из герцога мудрого благородного правителя...» (из очерка Н. Холодковского «И.-В. Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В эпоху крайней и общей реакции после изгнания Наполеона (1815 г.) в Пруссии продолжались реформы... В царствование Фридриха-Вильгельма III (1797–1840 гг.) было уничтожено крепостное право (1807 г.), наделены землей крестьяне, поселенные на коронных землях (1808 г.), введена всеобщая воинская повинность (1814 г.), обязательное элементарное образование (1817–1840 гг.), – словом, произведен ряд глубоких, коренных реформ. Это объясняет нам, почему либеральный Александр Гумбольдт (1769–1859) мог уживаться при реакционном дворе... Король ценил его знания, ум, блестящую беседу... и, как говорит сам Гумбольдт, «предоставлял ему полную свободу действий и уважал его дружбу с лицами, мнения которых не могли нравиться королю». Высокое положение Гумбольдта, впрочем, не

пострадало от его смерти (7 июня 1840 г.). Новый король, Фридрих-Вильгельм IV, сохранил с ним наилучшие отношения. Богато одаренный от природы, прекрасно образованный, тонкий знаток искусства, он стремился окружить себя наиболее выдающимися представителями интеллигенции. Художники встречали в нем авторитетного критика, ученые – энциклопедиста, те и другие блестящего, остроумного, красноречивого собеседника... Он любил чертить планы построек в средневековом стиле, слушать духовную музыку и не питал никакого пристрастия к парадам и маневрам, отличаясь в этом отношении от всех остальных Гогенцоллернов...» (из очерка М. Энгельгардта «А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

Не рискуя преувеличить, можно сказать, что дума о «золотом веке» под скипетром просвещенного монарха вдохновляла философов всех времен. Даже скептик Диоген (ок.400–323 до н. э.), вроде бы ненавидевший весь род людской, в своей темной бочке без окон, дабы лишний раз не глядеть на белый свет, оставался неисправимым мечтателем. В своих монологах он отшлифовывал афоризмы вроде следующего: «Когда мир благоденствует?». – «Когда его цари философствуют, а философы царствуют...»

Да, в союзе «князей» и «философов» возможны метаморфозы, хотя бы на кратко отмеренный срок, когда князь-философ становится властителем дум, творцом бессмертных деяний *литературного* характера. («Несмотря на свою молодость, И. Гёте сумел сделаться настоящим ментором Карла-Августа и впоследствии всеми было признано, что поэт могущественно содействовал выработке из герцога мудрого благородного правителя... На некоторое время Веймар сделался настоящей столицей всемирного искусства – германскими Афинами» – Н. Холодковский, 1891 г.). Но едва ли возможен «обратный процесс»: философ «от Бога» никогда не станет князем, властителем подданных в ограниченной системе государственного уложения – в системе, ограниченной принципами абсолютизма, теми принципами самодержавной власти, в которые английский король Карл I свято верил до последней минуты своей жизни и, даже стоя на эшафоте (1649 г.), продолжал считать: «Подданный и государь – это совершенно различные понятия». В те дни, когда Российскую империю сотрясал пугачевский бунт (1773 г.), – еще одна попытка революционного переустройства! – Екатерина II беседовала в Петербурге с Дени Дидро и, обращаясь к властителю дум, также подчеркивала различие их положения – «вы трудитесь на бумаге, я тружусь для простых смертных», а называя себя «ученицей Вольтера», предусмотрительно принимала меры, как ограничить влияние его взрывных философских идей. «Если Екатерина и решалась общаться с Дидро как с равным, как с таким же властителем, то царства их не могли послужить точкой столкновения, так как принадлежали к двум разным мирам» (К. Валишевский «Вокруг трона. Екатерина II», Франция, 1894 г.).

Насчет «двух разных миров» и возможности ограничения «идейного влияния» Екатерина II, конечно, заблуждалась, хотя каждый – и «князь», и «философ» – как будто «остаётся при своих». Монарх заботится о сохранении «статус-кво» в системе государственного механизма, в системе отлаженной и прочной, – и все же не может миновать «точки столкновения» с властителем дум! Последний, отдавая дань избраннику великих деяний, стоящему на иерархической лестнице намного выше его, всегда будет помнить, что сам-то он был и остаётся создателем великих произведений искусств, отражающих неуловимый дух времени.

«Вполне понятно, что у Лоренцо Великолепного, этого великодушного государя, Микеланджело научился всему, кроме ремесла царедворца, – отмечает А. Стендаль в своей капитальной книге «История живописи в Италии» (Франция, 1818 г.). – Напротив, весьма вероятно, что, видя обращение с собой как с равным со стороны лучших людей эпохи, он рано утвердился в той римской гордости, которая не склонит головы ни перед какой низостью и которую он обессмертил тем, что сумел придать столь поразительную экспрессию «Пророкам» Сикстинской капеллы (Рим, 1536–1541 гг.)».

Уже этим «вхождением в вечность» художник-творец доказывает неслучайность своего рождения. Уже этой способностью «придать поразительную экспрессию» он становится если не выше, то значительно выше властителя «всех природных богатств и иже с ними подданных». Незримая, но осязаемая власть! Ибо только гений да безумец может, не сдерживая гнева, ответить своему недоброжелателю: «Князь! Тем, чем вы являетесь, вы обязаны случаю и

происхождением; тем, чем я являюсь, я обязан самому себе. Князей есть и будет тысячи, Бетховен – один!»

Мятежность «аристократии духа» можно, конечно, объяснить гордыней ума; их нелюдимость, доходящую до полного затворничества, – ложным или истинным самоуничижением. Однако едва ли обе эти крайности укажут нам на действительную причину их асоциального поведения в быту. Одна из дочерей Марии Склодовской-Кюри (1867–1934), Ирэн, сама ставшая известным физиком, в этой связи вспоминает: «Тот факт, что мать не искала ни светских связей, ни связей с людьми влиятельными, иногда считают свидетельством ее скромности. Я полагаю, что это скорее как раз обратное: она очень верно оценивала свое значение и ей нисколько не льстили встречи с титулованными особами или с министрами. Мне кажется, она была очень довольна, когда ей довелось познакомиться с Редьярдом Кипплингом, а то, что ее представили королеве Румынии, не произвело на нее никакого впечатления».

Уникальность своего «дара нездешнего» чувствовал и поэт Ф. Петрарка, когда с гордостью не простого смертного замечал: «Некоторые из величайших венценосцев моего времени ценили мое внимание больше, чем я их, вследствие чего их высокое положение доставляло мне только многие удобства, но не малейшей дозуки...» (из «Письма к потомкам», Италия, 1374 г.).

Оставим без комментариев утверждение художника-творца об идиллии в отношениях между «князем» и «философом» («многие удобства без малейшей дозуки»), достаточно и того, если «первый литератор своего века» может сам присуждать достоинства влиятельных особ перед лицом веков грядущих. И как знать, если б не эта привилегия таланта, в его общении с сильными мира сего было бы меньше дерзости и неповиновения, иногда позволительных *аристократии духа*.

«Историческая значимость и социальный вес гениев умножают и усиливают то положительное и негативное, что может заключаться в их творчестве, – констатирует российский психолог Николай Гончаренко. – Им часто позволяют больше других, многое они могут позволить себе сами и, как Цезарь, перейти свой Рубикон» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Артур Шопенгауэр (1788–1860) шел еще дальше, полагая, что способности, данные природой, *выше* иерархических уложений, установленных «обществом большинства»: «Каждый истинный мыслитель в известном смысле подобен монарху: он непосредствен и никого не признает над собой». Что ж, Рубикон перейден с верой, что право на силу есть, прежде всего, *моральное право*.

Блок информации первый **«Аристократия духа», или Имя, приравненное к титулу**

I. «Изъявляли свое неудовольствие даже с некоторым негодованием...»

• «Говорят, что Солон (между 640 и 635 – ок. 559 до н. э.) по просьбе лидийского царя Креза приехал к нему в Сарды. Проходя по дворцу и видя множество придворных в богатых нарядах, важно расхаживающих по комнатам, Солон каждого принимал за Креза, пока, наконец, его не привели к самому Крезу. На том было надето большинство из его драгоценностей. Но Солон ни словом, ни действием не выразил своего восхищения. Царя это задело. Он приказал открыть для гостя все свои сокровищницы, потом провести его по покоям и показать всю роскошную обстановку. Но Солон смотрел на все с презрением. Когда осмотр был окончен и Солон привели к Крезу, царь обратился к нему с вопросом, знает ли он человека, счастливее его, Креза? Солон отвечал, что знает такого человека: это его согражданин Тепл. И рассказал, что Тепл был храбрым воином, имел много детей и погиб за Отечество. Солон показался Крезу чудачком и грубияном. «А нас, – воскликнул Крез с гневом, – ты не ставишь совсем в число людей счастливых?» На что Солон ответил: «Царь Лидийский! В жизни бывают всякие превратности. И завтра все может перемениться. А называть счастливым человека при жизни, пока он еще подвержен опасностям, – это все равно, что провозглашать

победителем и величать венком атлета, еще не кончившего состязание: это дело неверное, лишённое всякого смысла. Поэтому мы, эллины, считаем, что нельзя назвать счастливым человека до конца его жизни». После этих слов Солон удалился; Креза он обидел, но не образумил...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Установление власти «тридцати» в Афинах (в 404 г. до н. э.) и их тираническую расправу над неугодными гражданами Сократ (ок.470–399 до н. э.) встретил резко критически. Имея в виду участвовавшие при правлении «тридцати» казни, Сократ в одной из бесед заметил, что для него «кажется странным, если человек, взявшись быть пастухом стада коров и убавляя и ухудшая их, не сознает, что он плохой пастух; но что еще более для него странно, если человек, взявшись быть начальником в государстве и убавляя и ухудшая граждан, не стыдится этого и не сознает, что он плохой начальник». Доносчики довели слова Сократа до верхушки нового правления – Крития и Харикла. Последние вызвали дерзкого и словоохотливого старца (Сократу к этому времени было уже 65 лет) и напомнили ему свой закон, запрещавший вести беседы с юношеством. Сократ в иронической манере спросил, можно ли уточнить содержание запрета. Критий и Харикл согласились дать ему соответствующие разъяснения, и между ними состоялась прелюбопытная беседа, в ходе которой Сократ припер к стенке тиранов, заставив их скинуть маску законников и прибегнуть к прямым угрозам... Харикл, рассердившись, сказал: «Сократ, ты не понимаешь, мы предписываем тебе *вовсе не вести бесед с молодыми людьми* ... и ты должен отказаться от этих *пастухов*, в противном случае берегись, чтобы тебе собою же не уменьшить числа коров». Продолжая преследовать Сократа, тираны, правда, не решились на прямую расправу с ним...» (из книги В. Нерсеянца «Сократ», СССР, 1984 г.).

• «Философ-киник Диоген (400–323 до н. э.) оставался верен своей остроловной манере... Когда присматривавший за ним Ксениад (богатый коринфянин, купивший Диогена и поручивший ему воспитание своих детей и управление хозяйством. – Е.М.) спросил Диогена, как его похоронить, тот ответил: «Вниз лицом». На вопрос: «Зачем?», он ответил: «Ведь скоро все, что было внизу, окажется наверху». (Эти слова связаны с тем, что македоняне к этому времени уже захватили власть и из подчиненных стали властителями)...» (из книги П. Таранова «Сокровищница дерзаний. Мост в неизвестное. Цепочка путеводных огней», Россия, 2000 г.).

• «Диоген (ок.400–323 до н. э.) жил в бочке. Это знают все... К Диогену приходили пообщаться великие люди того времени, и Диоген, сплевывая сквозь зубы, нехотя отвечал на поставленные вопросы, всем своим видом показывая, как он недоволен вмешательством в частную жизнь... С Александром Македонским Диоген встречался не раз. Такое чувство, что Александру не с кем было поговорить по душам и, возвращаясь из очередного похода, он по пути непременно заворачивал к старцу, который не отходил далеко от своего благословенного пифоса-бочки. «Приветствую тебя, Диоген! Как поживаешь? Не дашь ли мне добрый совет?» – «А для чего я, по-твоему, сижу в этой бочке, как не давать советы? Спрашивай!» – «Что нужно сделать, чтобы стать мудрым, таким, как ты?» – «Стань бедным». – «Но бедный не может завоевать весь мир!» – «А зачем ты хочешь завоевать весь мир?» – «Чтобы объединить греков». – «И что тогда?» – «Тогда я успокоюсь и сяду на травку рядом с тобой и буду петь песни и пить вино». – «Так что же мешает тебе это сделать прямо сейчас?»...» (из книги Ж. Глюкк «Великие чудачки», Россия, 2009 г.).

• «От философа-кинника Диогена (ок.400–323 до н. э.) никто никогда не слышал ничего милого или приятного, по крайней мере напрямую. Однажды его пригласили на шикарную виллу, обставленную изящной мебелью, с роскошными коврами на полах и стенах. Все было сделано со вкусом, и даже неприхотливый киник должен был это оценить. Однако он плюнул хозяину дома в лицо, затем вытер его своим плащом и сказал, что просто не смог найти во всем доме ни одного ужасного пятна, куда бы он мог сплюнуть...» (из книги Й. Циттлау «От Диогена до Джобса, Гейтса и Цукерберга. «Ботаники», изменившие мир», Германия, 2011 г.).

• «Древнегреческого философа Кратета (ок.360–270 до н. э.) отличало не только своеобразие, но и достоинство. Для окружающих он нес примеры встряхивающей их морали. Когда Александр Македонский спросил его, хочет ли он, чтобы его родной город был восстановлен, Кратет ответил: «Зачем? Придет, пожалуй, новый Александр и снова разрушит его»...» (из книги П. Таранова «Сокровищница дерзаний. Мост в неизвестное. Цепочка путеводных огней», Россия, 2000 г.).

• «Даже самые воинственные из людей, которые никогда не щадили крови своих соотечественников, смягчались духом и лелеяли литературную славу Афин. Древность сохранила для нас любопытные происшествия этого рода в прекрасном ответе художника Протогена (IV в до н. э.). Когда город Родос был взят Деметрием Полиоркетом (304 г. до н. э.), гениальный человек сидел в своем саду, спокойно оканчивая картину. «Как это ты не принимаешь участие в общем смятении?» – спросил победитель. «Деметрий, ты воюешь против родосцев, а не против изящных искусств», – отвечал гениальный живописец. Деметрий оправдал этот отзыв своими поступками, потому что запретил жечь ту часть города, в которой жил художник» (из трактата И.Д'Израэли «Литературный характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.)

• «Однажды во время пира Александр Македонский спросил философа Анаксарха (IV в. до н. э.), как ему нравится угощение. Философ ответил, что все прекрасно, но хорошо бы добавить к столу голову одного тирана, намекая на присутствующего за столом сатрапа Никокрионта. Тиран был злопамятен...

После смерти Александра Македонского Анаксарх, потерпев кораблекрушение у Крита, попал в руки Никокрионта, и тот приказал бросить его в ступу и истолочь железными пестами. «Толки, толки телесную оболочку Анаксарха, самого Анаксарха тебе не истолочь!» – эти предсмертные слова философа стали крылатой фразой» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.).

• «Плутарх рассказывает, что однажды у царя македонского Александра Великого было, по обыкновению, много гостей, в числе их невольный собеседник и гость философ Каллисфен (ок. 370–327 до н. э.). Когда Каллисфену подали кубок с вином, то все стали его просить сказать хвалебную речь македонянам. Он выполнил это со своей полугрустной, полупрезрительной улыбкой, но говорил так хорошо, что вызвал неистовые рукоплескания. Гости не могли усидеть на своих местах и забросали его венками. Но царь ему заметил: «На богатую тему нетрудно хорошо говорить, не так легко тебе было бы сказать что-нибудь против нас. А может быть, это было бы полезней, послужило бы к нашему исправлению». Каллисфен согласился и на это; откровенно и смело выставил он недостатки македонян, сказал, что могущество Филиппа (отец Александра Македонского, принудивший греков к союзу с ним. – *Е.М.*) целиком создано раздорами греческих государств между собой и закончил свою речь стихом из Эврипида: «В мятежное смутное время возвыситься могут и злейшие люди». Эта речь возбудила к нему ненависть. Александр сказал: «Всем этим ты убедил нас больше в своей к нам ненависти, чем в ораторском таланте»... Каллисфен, заметя сильный гнев Александра, три раза подходил к нему, говоря: «Умер Патрокл, несравненно тебя превосходивший смертный». Аристотель, зная характер Александра, ужасался безумной смелости Каллисфена и совершенно ее не одобрял...» (из очерка Е. Литвиновой «Аристотель, его жизнь, научная и философская деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Одно время цезарь Клавдий Герон Тиберий (правил в Риме в 14–37 гг. н. э.) оказался постоянным посетителем философских школ и чтений. Но однажды вдруг ему пришло в голову вмешаться в жаркий спор философов. В горячке спора кто-то, не обратив внимания на звание и чин, осыпал его бранью, послав куда подальше... Мораль проста: если ты император, не ходи к философам, а если уж пошел, то смири гордыню и терпи все их наскоки и дерзкие словечки...» (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.).

• «Когда древнеримский поэт Публий Анний Флор (II в. н. э.) попытался уязвить императора Адриана стихами: «Я не хочу быть цезарем, //Бродить по Британиям и страдать от скифских морозов», император парировал его слова таким стихом: «Я не хочу быть Флором, //Не хочу бродить по кабакам, укрываться в плохих трактирах и страдать от мух». В другое время и в другой стране поэта, так ответившего цезарю, «укрыли» бы так, что он навсегда забыл бы о кабаках и трактирах...» (из книги В. Миронова «Древнеримская цивилизация», Россия, 2010 г.).

• «Одному человеку, которому император вверил власть над войском и многочисленным населением, греческий философ Демонакт (112–176) на его вопрос, как ему лучше всего править, ответил следующими словами: «Не поддавайся гневу, меньше болтай и больше слушай»...» (из книги П. Таранова «Сокровищница дерзаний. Мост в неизвестное. Цепочка

путеводных огней», Россия, 2000 г.).

• «Некоторые средневековые арабские авторы ищут мотивы, побудившие в 1195 году халифа Абу-Юсуфа Якуба подвергнуть опале философа Ибн-Рушда (1126–1198) в чрезмерной фамильярности последнего, выразившейся, в частности, в том, что он назвал повелителя правоверных в одной из своих книг просто королем берберов, как это было принято у ученых, без обычных пышных титулов и эпитетов... Согласно еще одной версии, по Андалузии разнесся слух о приближающейся гибели рода людского от небывалого урагана, и губернатор Кордовы созвал по этому случаю наиболее мудрых и уважаемых людей города; Ибн-Рушд дерзнул дать упомянутому метеорологическому явлению естественнонаучное объяснение, а когда один из теологов спросил его, верит ли он в передаваемый Кораном рассказ о племени Ад, погибшем при аналогичных обстоятельствах, воскликнул: «Бог мой, само существование племени Ад нереально, так что же говорить о причине его гибели!» Мытарства, выпавшие на долю Ибн-Рушда в дни опалы, не могли не отразиться на его здоровье...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Король Роберт призвал художника Джотто ди Бондоне (1266–1337) в Неаполь и осыпал милостями. Этот король, человек умный, поощрял Джотто, славившегося на всю Италию своими находчивыми ответами... Однажды во время удручающей жары король говорит: «Будь я на твоём месте, я бы немного отдохнул». – «И я тоже, будь я король». «Так как для твоей кисти нет ничего невозможного, изобрази мне мое королевство». Немного спустя король возвращается к нему в мастерскую, и Джотто показывает осла с истрепанным вьючным седлом на спине, тупо и с вожделием обнюхивающего совсем новенькое вьючное седло, лежащее у его ног. Вся Италия смеялась над этой карикатурой, высмеивающей неаполитанцев за то усердие, с которым меняют в Неаполе государей...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.).

• «Б. Микеланджело (1475–1564), призванный Юлием II к Римскому двору, заметил, что интриги восстановили против него папу, и великому художнику не раз приходилось подолгу дожидаться в приемных покоях. Однажды этот гениальный человек, выведенный из терпения, вскричал: «Скажите же Его Святейшеству, что если я ему действительно понадобится, то он сумеет меня найти где бы то ни было!»...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «...Скажите папе, – заявил Микеланджело, – что когда ему самому захочется меня видеть, ему придется меня поискать!»... «(из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «Он уехал обратно в свою Флоренцию, с тем, чтобы продолжать заниматься своим знаменитым картоном, который впоследствии сделался предметом изучения для всех художников. Три раза папа писал к Микеланджело, прося его возвратиться, наконец стал грозить маленькому Тосканскому герцогству войною, если упорство гениального человека продолжится...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «Возлюбленные дети мои, – писал папа Юлий II флорентийцам, – привет вам и апостольское благословение. Микеланджело, скульптор, уехавший от нас легкомысленно и безрассудно, боится, как мы слышали, возвратиться к нам, но мы не сердимся на него: мы знаем дарование людей подобного рода. Но, чтобы он отбросил всякое подозрение, мы вызываем к вашей покорности, чтобы она обещала ему от нашего имени, что если он вернется к нам, то останется цел и невредим, и мы сохраним к нему такое же апостольское благословение, каким он пользовался до своего отъезда» (Рим, 8 июля 1506 г.). Флорентийцы призвали к себе Микеланджело: «Ты поступил с папой так, как не решился бы поступить с ним французский король. Мы не хотим затевать с ним из-за тебя войну, поэтому собирайся в дорогу»...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «...И он возвратился. Знаменитый художник преклонил колени перед папою, стараясь скрыть свое смущенное лицо и сохраняя упорное молчание. Один из епископов явился посредником между ними, извиняя художника тем, что «все живописцы необыкновенно горды». Юлий обратился к этому неловкому посреднику и, по словам Вазари, заметил: «Ты его обижаешь, тогда как я молчу; ты, а не он невежда в этом случае». Подняв вслед затем Микеланджело, Юлий II обнял этого гениального человека...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «Рассказывают, что в то время как Микеланджело (1475–1564) трудился в Сикстинской капелле (Рим, 1508–1512 гг.), он захотел однажды съездить во Флоренцию на праздник Иванова дня, причем на вопрос папы: «Когда же ты кончишь?» – по обыкновению ответил: «Когда смогу»; тут нетерпеливый Юлий II, стоявший поблизости от художника, ударил его небольшой тростью, на которую опирался, гневно повторив его слова: «Когда смогу! Когда смогу!» Едва Микеланджело вышел, как первосвященник, боясь потерять его навсегда, послал за ним Аккорсо, молодого своего фаворита, который принес ему самые горячие извинения и умолял простить бедного старика, у которого были все основания бояться, что он не увидит окончания трудов, начатых по его приказанию. Аккорсо прибавил, что папа желает ему удачно съездить и посылает 500 дукатов на развлечения во Флоренции...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.).

• «Беззастенчивая похвальба и горделивое сознание своего достоинства в равной мере присущи Бенвенуто Челлини (1500–1571), и порой невозможно отличить, где кончается одно и начинается другое... Челлини не опускал глаза и перед папами, грозными пастырями, железным жезлом пасшими свои стада... Челлини затягивал и менял сроки работы, откладывал папские заказы ради своих замыслов, не отдавал выполненных работ и гнал к черту папских гонцов. Папа скрежетал зубами и вызывал его в Ватикан. Их ссоры с Климентом VII были ужасны и в то же время комичны. Вот Челлини является с гордо поднятой головой. Климент яростно смотрит на него «этаким свиным глазом» и обрушивает на строптивного художника гром небесный: «Как Бог свят, объявляю тебе, взявшему себе привычку не считаться ни с чем в мире, что если бы не уважение к человеческому достоинству, то я велел бы вышвырнуть тебя в окно вместе со всей твоей работой!» Челлини отвечает ему в тон, кардиналы бледнеют, шепчутся и беспокожно переглядываются. Но вот из-под плаща мастера появляется готовая вещь, и лицо папы: расплывается в отеческой улыбке: «Мой Бенвенуто!» Однажды Челлини ушел от него взбешенный, так как не получил просимой синекуры. Климент, знавший его свободолюбивый нрав и боявшийся, что мастер покинет его, в растерянности воскликнул: «Этот дьявол Бенвенуто не выносит никаких замечаний! Я был готов дать ему это место, но нельзя же быть таким гордым с папой! Теперь я не знаю, что мне и делать»... Челлини мог наполнить Рим убийствами и бесчинствами, но стоило ему показать папе перстень, вазу или камею, как милость тотчас была ему возвращена. Полурельеф Бога Отца на большом бриллианте спас ему жизнь после сведения счетов с убийцей брата; убив Помпео (мастера папского двора. – *Е.М.*), он попросил помилования у Павла III, грозя в противном случае уехать к герцогу флорентийскому, – прощение тут же было даровано ему» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Однажды Франсуа Вольтер (1694–1778) появился в разгар званого обеда к Фридриху II Великому (Берлин, 1750 г.). Король встал из-за стола и написал мелом на камине: «Вольтер – первый осел». Вольтер прочитал и поставил внизу подпись: «Фридрих – Второй»...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.). «Несомненно, Вольтер ничему не мог научиться в Берлине (Пруссия, 1750 г.). В свою очередь Фридрих II устал ждать признания своего превосходства от человека, который привык первенствовать сам... Получив очередной пакет с королевскими стихами, присланными для разбора, он обратился к Ламетри и Мопертюи, с которыми в это время беседовал: «Извините, господа, что я вас оставлю. Король прислал мне свое грязное белье – надо его поскорее вымыть»...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Выход книги «Естественная история души» (Франция, 1745 г.) круто изменил судьбу Жюльена-Оффрэ де Ламетри (1709–1751). На него обрушивается град ударов... Избежав благодаря Фридриху II почти верной гибели, философ, естественно, чувствовал себя обязанным, но, попав ко двору (Пруссия, 1748 г.), сразу же ощутил унижительность королевских милостей. В «Работе Пенелопы», вышедшей через год после его приезда в Берлин (1749 г.), он пишет: «Честь быть приближенным великого короля не избавляет от грустной мысли, что находишься подле хозяина, каким бы любезным он ни был... При дворе требуется больше услужливости и льстивости, чем философии, а я до сих пор прилежно занимался лишь

последней... и нечего, конечно, в 39-летнем возрасте начинать учиться низкопоклонству». Это горькое чувство, испытываемое философом, находило выражение в бравадах, в нарушении придворного этикета. Здесь мы надежно располагаем свидетельством современника, сообщающего: в присутствии короля «он в любое время усаживался, развалившись на диване. Когда становилось жарко, он снимал воротник, расстегивал камзол и бросал парик на пол. Одним словом, Ламетри во всем держал себя так, словно относился к королю как к товарищу...» (из книги П. Таранова «От Монтеня до В.В. Розанова», Россия, 2001 г.).

• «В 1773 году Дени Дидро (1713–1784) получил личное приглашение Екатерины II посетить Петербург, куда он и отправился в мае того же года, пробыв в северной столице около 5 месяцев. Екатерина встретила его милостиво и дружески. Сам философ был настроен так деловито – ведь он представлял русскую царицу великим реформатором, с нетерпением ожидавшим его советов, – что даже не посчитал нужным соблюсти правила придворного этикета. Он явился на прием к Екатерине в черном кафтане, «в котором ходят только в чулан», как позже писала об этом дочь Дидро. Философ подолгу беседовал с Екатериной на различные государственные, философские и политические темы, написал замечания, резкие и бескомпромиссные, на ее проект «Наказа...» (из сборника «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.). «Впечатление, которое произвела Екатерина II на Дидро, было очень сильным... Дидро она предоставляла полную свободу. Он мог говорить, о чем хотел, как хотел, и имел всегда в лице Екатерины внимательную слушательницу. Он брал ее за руку, вскакивал и бегал по комнате, ударял кулаком по столу. «Ваш Дидро, – писала сама Екатерина, – необыкновенный человек: всякий раз после беседы с ним у меня на ляжке оказываются синяки». Значит, Дидро не только ударял кулаком по столу, но в пылу разговора даже фамильярно хлопал императрицу по ноге, и, как она сама пишет, она вынуждена была, чтобы защитить себя от такой яростной жестикуляции, ставить стол между собой и своим собеседником...» (из очерка Р. Сементковского «Дени Дидро, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1896 г.). «Княгиня Е. Дашкова писала о Дидро: «Я очень любила в нем даже запальчивость его, которая была плодом смелого воззрения и чувства». Екатерина II сама пишет Сегюру, как Дидро, во время пребывания в Петербурге, замечая, что она не совершает всех намеченных в разговоре с ним преобразований, «изъявил свое неудовольствие с некоторым негодованием... Разговор этот состоялся в приезд Дидро ко двору Екатерины в 1773 году» (из очерка С. Бриллианта «Денис Фонвизин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «В общезнании Александр Сумароков (1717–1777), сказывают, был так же жив и заносчив, как и в литературной полемике; часто не мог он, назло себе, удержаться от насмешки и часто крупными и резкими выходками наживал себе неприятелей. Свидетель следующей сцены, Павел Каверин, рассказал мне: «В какой-то годовой праздник, в пребывание свое в Москве, приехал он с поздравлением к Н.П. Архарову (в 1782–1784 гг. губернатор Москвы; в 1777 году был в чине генерал-майора – Е. М.) и привез новые стихи свои, напечатанные на особенных листках. Раздав по экземпляру хозяину и гостям знакомым, спросил он о имени одного из посетителей, ему неизвестного. Узнав, что он чиновник полицейский и доверенный человек у хозяина дома, он и его одарил экземпляром. Общий разговор коснулся до драматической литературы; каждый вносил свое мнение. Новый знакомец Сумарокова изложил и свое, которое, по несчастью, не попало на его мнение. С живостью встав с места, подходит он к нему и говорит: «Прошу покорнейше отдать мне мои стихи, этот подарок не по вас; а завтра для праздника пришлю вам воз сена или куль муки...» (из «Записных книжек» П. Вяземского, Россия, 1813–1877 гг.).

• «Иоганн Гёте (1749–1832) не давал ускользнуть ни одной мысли, немедленно заносил ее на бумагу. Рассказывают, что однажды, удостоенный посещения одного монарха, Гёте, в разгар интересной беседы, удалился в другую комнату – записать мелькнувшую у него смелую мысль для «Фауста» (из книги Т. Иванюк «Творчество и личность», Россия, 2006 г.).

• «В 1763 году семейство Вольфганга Моцарта (1756–1791) прибыло в Париж, снабженное многочисленными рекомендательными письмами. Здесь особенно теплое участие в них принял их соотечественник барон Гримм, уже давно переселившийся во Францию и бывший в то время секретарем герцога Орлеанского, вследствие чего он имел постоянный свободный доступ ко

двору. Он сумел заинтересовать детьми королевскую семью, и их пригласили в Версаль. Г-жа Помпадур тоже пожелала их видеть. Она с большим любопытством разглядывала маленького артиста и для этого даже поставила его на стол, но держала себя так чопорно, что уклонилась от его детского поцелуя. «Это кто такая, что не хочет меня поцеловать? Ведь целовала же меня сама императрица!» – воскликнул в негодовании обиженный мальчик» (из очерка М. Давыдовой «В. Моцарт, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Из различных выдержек в письмах ученика Людвиг ван Бетховена (1770–1827) Фердинанда Риса можно узнать, что композитор планировал переехать в Париж и с этой целью придерживал симфонию, посвященную Бонапарту...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «...Это было бурное время. Революционная Франция стала бонапартистской... Именно в это время окрепла героико-драматическая тематика в музыке Бетховена... Борьбой завоеванная свобода, драматизм жизненных схваток, героика титанических свершений, стихийный порыв масс – вот главные темы в зрелом бетховенском творчестве» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). «Все симпатии Бетховена влекли его к революционным идеям... Мятёжный римлянин, вскормленный Плутархом, он мечтает о героической Республике, чьим основателем стал бы бог Победы, иными словами – первый консул...» (из эссе Р. Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.). «...Тем больнее должно было быть разочарование при получении известия о коронации Наполеона на престол императора в мае 1804 года. Ф. Рис пишет далее: «Я был первым, кто сообщил ему эту весть: «Бонапарт объявил себя императором». Он расвирепел и воскликнул: «И он тоже не что иное, как обыкновенный человек! Теперь он так же будет топтать ногами всех людей, чтобы потешить свое тщеславие...» Бетховен подошел к столу, схватил титульный лист за верхний край, разорвал его и бросил на землю». Первая страница была написана заново, и только лишь сейчас симфония получила название «Героической»...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «...Первоначально рукопись симфонии имела заглавие «Бонапарт»... Бетховен в гневе разорвал посвящение и тут же начертил нижеследующее заглавие, разом мстительное и трогательное: «Героическая симфония... в знак воспоминания об одном великом человеке»...» (из эссе Р. Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.). «Этим не только было уничтожено посвящение, но и полностью разрушены его планы переезда в Париж, имевшие большое значение для творческого развития. Вспышка ярости при получении известия о коронации Наполеона была не только политическим актом, «но и глубоко личным творческим проявлением» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «В 1808 году Элиза, сестра Наполеона, получила во владение Тосканское герцогство со столицей Флоренцией. Праздник следовал за праздником. Снова нужен был Никколо Паганини (1782–1840). И он был вынужден вернуться. Во Флоренции прошло еще четыре года его придворной службы. Поражение Наполеона в России резко осложнило обстановку во Флоренции, сделало пребывание там Паганини уже невыносимым. Он вновь жаждал освободиться от зависимости. Нужен был повод. И он его нашел, явившись в мундире капитана на придворный концерт. Элиза приказала ему немедленно переодеться. Паганини демонстративно отказался. Ему пришлось бежать с бала и ночью уехать из Флоренции во избежание ареста» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Джон Брайан Браммел (1778–1850), «король изящества», в 1813 году стоял на невиданной высоте... Не было ни одного раута в Лондоне, где бы на его присутствие не смотрели как на торжество, а на отсутствие – как на несчастье. Газеты печатали его имя во главе самых знаменитых гостей. Он было президентом клуба Уатъе, членом которого состоял Байрон. Браммела дарили дружбой самые различные люди – от чопорного Шеридана до герцогини Девонширской, писавшей стихи на трех языках... Его звезда светила так ярко, что начала ослеплять его. Его отношения с принцем Уэльским (будущим английским монархом Георгом IV. – *Е.М.*) с некоторых пор сделались весьма натянутыми. Старая, принц тучнел все больше и больше, а Браммел с гордой насмешливостью неуязвимой красоты подтрунивал над этим: он перенес прозвище дворцового привратника– толстяка «Большой Бен» на его хозяина, а его фаворитку Фриц-Герберт звал «Бенина». Однажды в Гайд-парке Браммел сказал, метя в

идущего принца: «Кто этот толстый человек?»... Принц не мог потерпеть подобной развязной уверенности в своем могуществе от человека, которого продолжал считать своим протеже...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

- «Успеху творческому неизменно сопутствовал успех кассовый... Так было у Никколо Паганини (1782–1840) и в Англии (1832 г.). Британская холодность была растоплена южной страстью маэстро. Приглашения играть в домах самых щедрых меценатов сыпались со всех сторон – Паганини не знал, с кого начать. Королю Георгу IV, пригласившему скрипача во дворец за далеко не королевскую плату, Паганини презрительно ответил, что его величество может купить место в партере на его концерт – так будет еще дешевле...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

- «Первая встреча Александра Пушкина (1799–1837) с новым царем Николаем I (сентябрь 1826 г.) была обставлена с наполеоновской театральностью, точно кто-то умышленно старался поразить впечатлительное воображение поэта... Между тем судьба поэта зависела от того, какое впечатление произведет он на Николая и какое впечатление Николай произведет на него. Притворяться Пушкин не умел и не хотел, но им обоим надо было сделать над собой усилие, надо было проявить немало здравого смысла, чтобы перешагнуть через все, что их разъединяло, договориться до того, что их сближало. Их разъединял день 14 декабря. Между ними стояло 5 виселиц. Николай принял Пушкина с глазу на глаз и продержал его почти два часа...» (из книги А.Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», Франция, 1948 г.). «Рассказывают о следующей подробности свидания Пушкина с императором Николаем: поэт и здесь остался поэтом. Ободренный снисходительностью государя, он делался более и более свободен в разговоре; наконец дошел до того, что, незаметно для себя самого, притулился к столу, который был позади него, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: «С поэтом нельзя быть милостивым»...» (из очерка А. Скабичевского «А.С. Пушкин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

- «В отношении к Томасу Карлейлю (1795–1881) произошли таинственные превращения, которым подвергся в Англии за последние два столетия не один мыслитель: всеобщее признание его величия избавило почитателей от необходимости принимать его всерьез... Умолкнувший пророк не был обойден почетом. Однажды, в 1869 году, в Чейн Роу (помесье Т. Карлейля – *Е. М.*) приехал настоятель Вестминстера Стэнли о женой леди Огастой, чтобы сообщить Карлейлю, что очень высокая особа – даже высочайшая особа – выразила желание встретиться с ним; он понял, что ему престоляла аудиенция у королевы. Ровно в назначенное время он явился к дверям дома настоятеля, и в 5 часов вечера королева «вошла в комнату какой-то плывущей походкой, так что ноги совсем не видны», сопровождаемая принцессой Луизой и вдовствующей герцогиней Атолл. Тут же были геолог сэръ Чарльз Лайел, историк Гроут, оба с женами, а также Браунинг, который только что выпустил необыкновенно длинную поэму «Кольцо и книга». Королева сказала каждому из них по несколько слов: Браунинга она спросила: «Вы что-нибудь пишете сейчас?» Дамы сели, мужчины остались стоять, всем подали черный мутный кофе. Было уже почти 6 часов, когда леди Огаста позвала Карлейля, который не привык так долго стоять, и сказала, что ее величество хочет говорить с ним. Королева первым делом сказала, что шотландцы – умный народ, на что Карлейль (шотландец по национальности – *Е. М.*) ответил, что они, как все, не умнее и не глупее других. Наступило неловкое молчание, которое нарушил Карлейль, сказав: «Мы можем гораздо лучше продолжать разговор, если Ваше Величество позволит мне как немощному старику сесть». К ужасу присутствующих, он пододвинул себе стул и сел. Как говорила шокированная, но полная восхищения леди Огаста, это был, несомненно, первый случай, когда кто-либо из подданных обратился к королеве с подобной просьбой. Разговор продолжался, но с заминками; когда же королева встала, чтобы уйти, оказалось, что край ее платья попал под ножку стула, на котором сидел Карлейль. Аудиенция, как говорил потом Стэнли, прошла не очень успешно; когда Джеральд Блант, священник из Челси, спросил Карлейля, читала ли королева его книги, тот ответил: «Она, возможно, читала много книг, но мои – вряд ли»...» (из книги Дж. Саймонса «Томас Карлейль. Жизнь и идеи пророка», Великобритания, 1952 г.).

- «Есть основания полагать, что Дмитрий Менделеев (1834–1907) с неприязнью относился

к титулованной знати. Во всяком случае, об этом говорит эпизод, имевший место в его преподавательской деятельности. Дмитрий Иванович проводил зачеты пофамильно (в алфавитном порядке), каждой букве свой день; студенты при этом сами записывались в учетный журнал. Один из них записался «Князь В...». Однако далее произошло нечто для него необычное. Профессор взглянул в журнал и сухо произнес: «Студентов с фамилией на букву «К» я буду принимать завтра...» (из книги М. Чекурова «Курьезы истории», Россия, 1998 г.).

• «Владимир Маковский (1846–1920) был художником, членом Товарищества передвижных выставок, в правилах которого был принцип равенства. То есть знаки отличия (ордена, мундиры) передвижники не носили. Как-то раз президент Академии художеств великий князь Владимир заметил Маковскому: «Вы, как профессор живописи, к тому же с чином, требующим обращения «ваше превосходительство», можете носить присвоенный вам мундир и белые штаны. Однако вы никогда их не носите. Интересно знать, почему?» «В таких штанах, – ответил художник, – я бываю только в спальне». Князь проворчал что-то неодобрительное, но поднимать шум не стал – не пожелал становиться мишенью насмешек» (из книги М. Чекурова «Курьезы истории», Россия, 1998 г.).

• «В 1879 году Мария Склодовская (1867–1934) перешла в русскую гимназию... Учителя начали придирается к ученикам-полякам, но у нее было достаточно чувства собственного достоинства, чтобы отбивать нападки педагогического персонала. Однажды учительница отругала ее за дерзость и сказала: «Я запрещаю тебе смотреть на меня сверху вниз». Мария, которая была на голову выше педагога, сухо бросила: «А если я по-другому не могу?» Несмотря ни на что, она окончила гимназию с самыми лучшими результатами, когда ей еще не было 16-ти лет» (из книги Й. Циттлау «От Диогена до Джобса, Гейтса и Цукерберга. «Ботаники», изменившие мир», Германия, 2011 г.).

• «М. Горький сказал Исааку Бабелю (1894–1940): «Завтра у меня будет Сталин. Приходите. И постарайтесь ему понравиться. Вы хороший рассказчик... Расскажите что-нибудь... Я очень хочу, чтобы вы ему понравились. Это очень важно». Бабель пришел. Пили чай. Горький что-то говорил, Сталин молчал. Тогда Горький осторожно кашлянул. Бабель намек понял и пустил первый пробный шар. Он сказал, что недавно был в Париже и виделся там с Шаляпиным. Увлекаясь все больше и больше, он заговорил о том, как Шаляпин тоскует вдали от родины, как тяжело ему на чужбине, как мечтает вернуться. Ему казалось, что он в ударе. Но Сталин не реагировал. Слышно было только, как звенит ложечка, которой он помешивал чай в своем стакане. Наконец он заговорил. «Вопрос о возвращении на родину народного артиста Шаляпина, – медленно сказал он, – будем решать не мы с вами, товарищ Бабель. Этот вопрос будет решать советский народ». Поняв, что с первым рассказом он провалился, Бабель, выдержав небольшую паузу, решил зайти с другого боку. Стал рассказывать о Сибири, где был недавно. О том, как поразила его суровая красота края. О величественных сибирских реках... Ему казалось, что рассказывает он хорошо. Но Сталин и тут не проявил интереса. Все так же звякала ложечка, которой он помешивал свой чай. И – молчание. Замолчал и Бабель. «Реки Сибири, товарищ Бабель, – так же медленно, словно пробуя на вес свои чугунные слова, заговорил Сталин, – как известно, текут с юга на север. И потому никакого народнохозяйственного значения не имеют...».

Эту историю тогда же, по горячим следам, рассказал сам Бабель. А закончил он свой рассказ так: «Что вам сказать, мой дорогой. Я ему не понравился. Но гораздо хуже другое» – «???» – «Он мне не понравился...» (из книги Б. Сарнова «Перестаньте удивляться», Россия, 1997 г.).

• «Летом 1944 года Сергей Эйзенштейн (1898–1948) показал Блейману материалы к 1-й и 2-й сериям «Ивана Грозного». Блейман выразил опасение, не будет ли трактовка образа царя воспринята как намек на современность. «А может быть, я этого хочу?!» – сказал Эйзенштейн. Тогда Блейман выразился более определенно: фигура кающегося самодержца может не понравиться Сталину. Эйзенштейн отрезал: «Ничего, съест!»... В 1945 году Эйзенштейн сказал: «Вчера был у Сталина. Мы друг другу не понравились» (из сборника Ю. Борева «XX век в преданиях и анекдотах», кн.3–4, Россия, 1996 г.).

• «Однажды вместе с другими известными деятелями кино Марика Рекк (1913–2004) получила приглашение на прием к Гитлеру. Она оказалась самой молодой среди собравшихся.

Фюрер подошел к столику, за которым сидела Рекк, и рассыпался в комплиментах: «Я вас сразу узнал. Вы наша новая звездочка из Венгрии. Я видел фильмы с вашим участием. Вы очаровательны...» Потом он поинтересовался: «Вы столько всего умеете – и скакать на лошади, и танцевать, и делать акробатику. У вас есть дублерша? Ну, моя маленькая чудесница, а чего вы не умеете?» Марика выпалила: «Говорить правильно по-немецки, господин Гитлер!» Все засмеялись. Фюрер – громче всех. «Вы даже не представляете себе, сколько немцев тоже не говорят правильно». После разгрома фашизма Марике Рекк было запрещено гастролировать, все-таки свою блестящую карьеру она сделала при нацистах...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Крылатую фразу из фильма «Подкидыш» (СССР, 1940 г.) «Муля, не нервируй меня!» Фаина Раневская (1896–1984) придумала сама. Потом не раз пожалела. Всю оставшуюся жизнь «Муля» преследовала ее: так кричали мальчишки при виде ее на улицах, эту фразу первой вспоминали при знакомстве с ней. Даже Л. Брежнев на вручении ей в 1976 году (в связи с 80-летием) ордена Ленина вместо приветствия сказал: «А вот идет наша Муля, не нервируй меня!» Раневская ответила: «Леонид Ильич, так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы!» Генсек смутился и добавил: «Простите, но я Вас очень люблю...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В составе труппы фронтовых артистов Марлен Дитрих (1901–1992) побывала практически на всех фронтах Европы, где сражались американцы (1942–1945 гг.). В американской военной кинохронике Дитрих была героиней номер один. Она без устали фотографировалась с солдатами. Ходил такой анекдот. Марлен спрашивают: «Правда ли, что на войне у вас был роман с Эйзенхауэром (главнокомандующим американскими войсками в Европе – Е. М.)?» – «Что вы! – отвечает актриса. – Генерал никогда так близко не подходил к передовой...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Во время приема у английской королевы София Лорен (р. 1934) нарушила правило этикета, отказавшись снять с головы бриллиантовую диадему. Журналисты тут же обыграли этот факт: мол, на приеме были две королевы – королева по происхождению и королева экрана...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Однажды на приеме в присутствии королевской семьи Рудольф Нуреев (1938–1993) танцевал соло, ему жали туфли, он спокойно сбросил их и продолжал танцевать босиком. Этого бы не мог себе позволить ни один танцовщик... Благодаря своему буйному темпераменту и вниманию прессы Нуреев стал одним из самых известных людей в мире...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В октябре 1963 года «ливерпульские мальчишки» – группа «Битлз» в составе: Дж. Леннон (1940–1980), П. Маккартни (р. 1942), Дж. Харрисон (1943–2001) и Р. Старр (р. 1940) получили приглашение импресарио Бернарда Делфонта принять участие в шоу «Королевское варьете», которое ежегодно проводится в присутствии королевы Елизаветы, королевы-матери и принцессы Маргарет... История о том, как Джон Леннон обратился к публике во время этого выступления (Лондон, 4 ноября 1963 г.), стала с тех пор одной из самых знаменитых рок-легенд – и одновременно одной из самых загадочных. Текст был тщательно отрепетирован, как, впрочем, и большинство «импровизаций». «Пусть те, кто сидит на дешевых местах, хлопают в ладоши. А все остальные пусть позвякают своими... драгоценностями!» – Джон решил изобразить пролетария в помятой кепке, и эта роль принесла ему звание «героя рабочего класса». Ни один артист – выходец из рабочей среды не осмелился бы произнести подобную грубость в присутствии королевы. И только избалованный отпрыск мелкобуржуазного семейства, который зачитывался в детстве книжками про сумасшедших художников, посылавших богатея куда подальше, был способен, набравшись наглости, отмочить такое, хоть он и опустил непристойное определение...» (из книги А. Голдмана «Жизни Джона Леннона», США, 1989 г.).

II. «отправь меня обратно в каменоломни!..»

• «Говорят, сиракузский тиран Дионисий пописывал стихи, был честолюбив и даже отправил профессионального поэта Филоксена (ок.445–380 до н. э.) в каменоломни за критику.

После его освобождения Дионисий обратился к Филоксену с вопросом, нравится ли тому его новое стихотворение, на что Филоксен ответил со вздохом: «Отправь меня обратно в каменоломни...»...» (из очерка В. Соловьева «На родине Сталина, или Жизнь в обход», СССР, 1976 г.).

• «В Берлине (1750 г.) Франсуа Вольтер (1694–1778) должен был проводить вечер с Фридрихом II. Часа два они занимались разбором королевских сочинений. Присутствие Вольтера заставило Фридриха с новым рвением взяться за перо: он готовил к печати «Сочинения философа Сан-Суси», стихотворную «Военную науку» и ряд биографий современников (сочинения короля выходили малым тиражом – только для немногих избранных). Вольтер был суровым критиком. Он хвалил удачные места и безжалостно вычеркивал все, что, по его мнению, никуда не годилось. «Эта строфа ни гроша не стоит!» – то и дело восклицал он или ехидно спрашивал, прослушав длиннейшую оду: «Как это вам удалось сочинить четыре хорошие строки?» Фридрих безропотно по 100 раз правил свои рукописи...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «Моя должность, – писал Вольтер из Берлина в Париж (1750 г.), – заключается в том, чтобы ничего не делать. Час в день я посвящаю королю, чтобы несколько сглаживать слог его произведений в стихах и прозе...» Но когда Фридриху II сказали, что Вольтер называет его стихи «грязным бельем, которое отдается ему для стирки», и вообще не находит их хорошими, обращение короля изменилось и стихов «для стирки» стало присылаться гораздо меньше...» (из очерка И. Каренина (В. Засулич) «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1893 г.). «Вольтер говорил про «Антимакиавелли» (1740 г.), сочинение короля прусского Фридриха II: «Он плюет на блюдо, чтобы отбить у других охоту к еде...» (из заметок Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

• «Выдающегося французского мастера, сильнейшего шахматиста 2-й половины 18-го столетия Франсуа Андре Филидора (1726–1795) пригласил король Людовик XVI, чтобы тот учил его шахматной игре. Через несколько месяцев коронованный ученик спросил: «Как вы оцениваете мою игру?» «Ваше Величество, – ответил Филидор, – всех шахматистов можно разбить на 3 класса: кто совсем не умеет играть, кто играет плохо и те, кто играет хорошо. Вас, Ваше Величество, я могу отнести ко второму классу...» (из сборника С. Давыдюка «Плененные шахматами», Белоруссия, 1993 г.).

• «Как-то Карла Брюллова (1799–1852) вызвали в Зимний дворец изобразить одну из дочерей государя. Вошедший во время сеанса Николай I начал, по своему обыкновению, поправлять художника. Тот тут же положил кисть: «Не могу продолжать – рука от страха дрожит». Записавший эту издевательскую реплику Брюллова современник пояснил: «Ответ поймут художники, а понял ли его император – не знаю». Конечно же, понял, но стерпел, не подал виду. Вероятно, посчитал, что изображение кисти «великого Карла» – необходимый атрибут имперского величия...» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.).

• «Написав несколько портретов императора Николая II, Валентин Серов (1865–1911) получил выгодный заказ на портрет императрицы Марии Федоровны. После первого же сеанса императрица подошла к мольберту и заметила: «Тут слишком широко, здесь надо ниже, а здесь поднять...» Художник опешил, а затем взял палитру и подал ее с поклоном Марии Федоровне: «Вот, Ваше Величество. Вы сами и пишете, если так хорошо умеете рисовать. А я – слуга покорный!» Императрица вспыхнула и ушла. А Серов наотрез отказался писать дальше. Более того, с тех пор вообще не сделал ни одного портрета членов царской фамилии...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В своей «новой старой» должности княжеского капельмейстера (Австрия, 1795 г.) Йозеф Гайдн (1732–1809) был слишком горд и уверен в себе, чтобы позволить общаться с собой как с лакеем князю Николаю II, 30-летнему господину, еще полностью связанному с веком феодализма, вспыльчивому, высокомерному и тщеславному. Когда князь во время одной из репетиций, которую проводил Гайдн, хотел вмешаться в его работу, Гайдн, по словам членов капеллы, сказал раздраженным тоном: «Ваша княжеская светлость, это мое дело разбираться здесь», после чего князь больше никогда не предпринимал таких попыток...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «Обладея с раннего детства подлинно артистическим самолюбием, Вольфганг Моцарт (1756–1791) ничуть не гордился теми похвалами, которые расточали ему знатные лица. Когда ему случалось иметь дело с людьми, ничего не понимавшими в музыке, он исполнял лишь какие-нибудь небольшие безделушки. Наоборот, в присутствии знатоков он играл с таким увлечением и таким вниманием, на какое только был способен, и отцу нередко приходилось прибегать к уловкам и выдавать за знатоков музыки важных вельмож, перед которыми Вольфганг должен был выступать...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазии», Франция, 1817 г.). «Самосознание Моцарта заметно проявлялось уже в раннем детстве, о чем можно заключить из свидетельства очевидцев его первого выступления при императорском дворце в Вене в среду, 13 октября 1762 года. Там написано: «... Уже тогда он проявлял такую черту характера, которая осталась у него навсегда, а именно – пренебрежение к похвале взрослых и определенная антипатия к ним, если они не были знатоками музыки... Так случилось и тогда у императора Франца...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «Однажды, в 6-летнем возрасте, сев за клавишину чтобы играть в присутствии императора Франца II, маленький Моцарт обратился к государю и спросил его: «А г-на Вагензейла здесь нет? Его-то нужно было позвать: он в этом понимает». Император велел пригласить Вагензейла и уступил ему место подле клавишины. «Сударь, – сказал тогда Вольфганг композитору, – я играю один из ваших концертов; вам придется перевертывать мне страницы»...

О первых успехах Моцарта итальянцы давали такие отзывы, в которых было больше зависти, чем справедливости, а император, мнивший себя любителем музыкального искусства, но почти не имевший собственного мнения, с легкостью присоединялся к суждениям этих дилетантов. Однажды, только что прослушав репетицию комической оперы («Похищение из сераля», 1782 г.), им же самим заказанной Моцарту, он сказал композитору: «Дорогой Моцарт, это слишком хорошо для наших ушей: тут чересчур много нот». «Простите, ваше величество, – ответил Моцарт очень сухо, – здесь ровно столько нот, сколько нужно». Иосиф на это ничего не сказал и был как будто несколько смущен ответом; но после первого же спектакля он отозвался об опере с самой большой похвалой...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазии», Франция, 1817 г.).

• «При всем своем заведомом равнодушии к музыке Екатерина II вынуждена была подчиняться требованиям артистов, приглашенных по настоянию композиторов для исполнения их произведений. Она переносила даже их капризы и дерзости. Катарина Габриели (1730–1796), получавшая 7 000 рублей жалованья, отказывалась петь в апартаментах Ее Величества (Петербург, 1768 г.), потому что, говорила она, «Ее Величество ничего не понимает в музыке»...» (из книги К. Валишевского «Вокруг трона. Екатерина II», Франция, 1894 г.).

• «1814 год – вершина славы Людвига ван Бетховена (1770–1827). Во время Венского конгресса (1815 г.) его встречают как европейскую знаменитость. Он принимает деятельное участие в празднествах. Коронованные особы почтительно восторгались им, а он гордо принимал их поклонение, как потом хвастался Шиндлеру... «(из эссе Р. Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.). «В Берлине он еще менее нашел то, чего искал в Вене. Единственное светлое воспоминание осталось у него о знакомстве с «человечнейшим человеком», принцем Луи Фердинандом, который сам был выдающийся музыкант. Бетховен сделал ему, по его мнению, величайший комплимент, заметив, что он играет не как король или принц, а как настоящий пианист...» (из очерка И. Давыдова «Людвиг Ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Альберт Эйнштейн (1879–1955) подружился с королевской четой Бельгии... С королевой Елизаветой Эйнштейн играл в квартете – две скрипки и две виолончели. Однажды, когда Ее Величество играла с особым вдохновением, Эйнштейн воскликнул: «Вы прекрасно музицировали! Право, вы совершенно не нуждаетесь в профессии королевы»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В старые времена, когда наука была в загоне, ее представителям волей-неволей приходилось ютиться около богатых и знатных меценатов... Чарльз Лайель (1797–1875) восставал против этого обычая, находя его несовместимым с достоинством науки. Так, в 1848 году он пишет сестре по поводу одного из заседаний совета «Королевского научного

общества»: «Я указал на то, что из 48 членов Верхней палаты, приписывающих к своим фамилиям «F.R.S.» (Fellow Royal Society – Член Королевского Общества) и представляющих ту часть нашей аристократии, которая наиболее заботится о науке, никто никогда не помещал в журнале общества ни единого сообщения, за исключением лорда Брума, – да и то за 33 года, до его избрания в пэры... Я сказал, что весьма уважаю таланты наших пэров, но эти таланты еще сильнее оттеняют их пренебрежение к науке... «...» (из очерка М. Энгельгардта «Чарльз Лайель, его жизнь и научная, деятельность», Россия, 1893 г.).

III. «Особое право «отказывать и не таким...»

• «Как известно, Пьер Бомарше (1732–1799) не пожелал драться с герцогом де Шоном, когда тот грубо обошелся с ним (актриса Дезире Менар предпочла сиятельному герцогу литератора Бомарше – *Е. М.*). Вот почему, получив однажды вызов на дуэль от г-на де Ла Блаша, он ответил ему: «Я и не таким *отказывал*» (из заметок Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

• «Древнекитайский мудрец Чжуан-Цзы (ок.369 – 286 до н. э.) ловил рыбу в реке Пу. Чуский правитель направил к нему двух сановников дафу с посланием, в котором говорилось: «Хочу возложить на Вас бремя государственных дел». Чжуан-Цзы, не отложив удочки и даже не повернув головы, сказал: «Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла 3 тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят ее, завернув в покровы и спрятав в ларец, в храме предков. Что предпочла бы эта черепаха: быть мертвой, но чтобы почитались оставшиеся после нее кости, или быть живой и волочить хвост по грязи?» Оба сановника ответили: «Предпочла бы быть живой и волочить хвост по грязи». Тогда Чжуан-Цзы сказал: «Уходите! Я тоже предпочитаю волочить хвост по грязи»...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Работая над росписью Сикстинской капеллы (Рим, 1508–1512 г.) Микеланджело Буонарроти (1475–1564) оставался один, и так проводил он здесь месяцы, дни, а иногда и ночи, не раздеваясь и ночуя на лесах, чтобы с восходом солнца приняться за работу. Уходя, он строго запрещал пускать кого бы то ни было в капеллу. Дж. Вазари рассказывает, что художник однажды заподозрил чьи-то посещения...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.). «...Микеланджело не позволял никому смотреть на свои работы, и, подозревая своих людей, он не раз предполагал, что папа видел то, что он сделал, приходя переодетым в некоторых случаях, когда Микеланджело не было дома или когда он работал. Будто поэтому папа подкупил однажды его подмастерьев, чтобы они впустили его посмотреть капеллу дяди его Сикста, которую тот заказал ему расписать...» (из книги Дж. Вазари «Жизнеописания знаменитых ваятелей и зодчих», Италия, 1550 г.). «...Микеланджело спрятался тайно в капелле и подстерег непрошенного гостя. Хотя это был сам Юлий II, подкупивший его слугу, но он стал бросать в него из своей засады доски и все, что попадало под руку, и выгнал взбешенного папу...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.). «...Так что пришлось разъяренному папе удалиться. Словом, так или иначе, папу он разгневал...» (из книги Дж. Вазари «Жизнеописания знаменитых ваятелей и зодчих», Италия, 1550 г.).

• «17 лет своей жизни отдал Микеланджело Буонарроти (1475–1564) постройке храма Св. Петра (Рим, 1547–1564). Он смотрел на этот труд как на священную миссию, посланную ему Богом, и ничто не могло отклонить его от этого пути. Правитель Флоренции Козимо при помощи лестных писем и через посредство друзей Микеланджело старался вернуть его домой, но последний слишком сжился со своим долгим трудом... Король французский делает ему самые лестные предложения, приглашая к себе... Ни лесть, ни корысть никогда не влияли на его труд и творчество...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Несмотря на свою знаменитость, достигнутую в Англии (после успеха первого концертного сезона 1792 года композитору решили присвоить титул почетного доктора Оксфордского университета – *Е. М.*) Йозеф Гайдн (1732–1809) остался в душе простым и

естественным человеком. «Я общался с императором, королем и многими другими великими господами и слышал от них много лестных слов, но на короткой ноге я не хочу быть с такими людьми», – сказал он однажды» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «Когда Екатерина II стала настаивать на приезде Дени Дидро (1713–1784) в Петербург (середина 1760-х годов – *Е. М.*), он предложил прислать вместо себя словарь французского языка, составленный по особому плану, именно с исключением всех слов, которые являются следствием разных суеверий, предрассудков, невежества, и с таким толкованием остальных слов, чтобы люди могли «хорошо говорить», а хорошо говорить – значит правильно думать. Этот словарь он предлагал перевести на русский язык в уверенности, что он мог бы сослужить немаловажную службу делу просвещения в России. Может быть, это предложение было продиктовано желанием как-нибудь избавиться от поездки в Петербург...» (из очерка Р. Сементковского «Дени Дидро, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1896 г.).

• «В 1752 году Фридрих II предложил Жану Д'Аламберу (1717–1783) место президента Академии наук... Он не задумался тотчас же отказаться от предлагаемого ему почетного и выгодного места. Фридрих удвоил свои просьбы – философ остался непреклонным... Д'Аламбер был человек бедный, но независимый... Мы позволим себе привести выдержку из письма Д'Аламбера к королю: «Состояние мое, – пишет он, – самое ничтожное... на мою долю не выпадают награды, которые так и сыплются на других ученых и писателей... Несмотря на все это, душевное спокойствие мое так велико, так невозмутимо и так сладостно, что я не в состоянии подвергнуть его ни малейшему риску... Уединенная, бедная жизнь совершенно отвечает моему характеру, моей страстной любви к независимости, моему желанию стоять в стороне от людей и большого света... Посудите сами, милостливый государь, в состоянии ли я пожертвовать всем этим и променять свое малое, но истинное счастье на положение шаткое, как бы оно ни было заманчиво и блестяще...» Отказ Д'Аламбера очень огорчил Фридриха Великого, но уважение короля к философу и ученому только увеличилось... «(из очерка Е. Литвиновой «Ж. Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Екатерина II приглашала Жана Д'Аламбера (1717–1783) быть воспитателем великого князя (будущий российский император Павел I – *Е. М.*). Д'Аламбер боялся, что будет стеснена его свобода совести и ему придется скоро удалиться, несмотря на весь либерализм Екатерины...» (из очерка С. Бриллианта «Денис Фонвизин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.). «...Императрица сразу почувствовала, что ей, может быть впервые, приходится иметь дело с человеком, которого, как говорится, ничем не заманишь; это ее удивляло и неприятно раздражало... В 1782 году наследник русского престола, в бытность свою в Париже посетив Д'Аламбера, выразил ему свое уважение и глубокое сожаление о том, что не исполнилось заветное желание его матери поручить его воспитание такому философу, как Д'Аламбер. Прощаясь с Д'Аламбером, Павел I сказал ему не без грусти: «Вы поймете, милостливый государь, как глубоко я сожалею, что мне не суждено было познакомиться с Вами ранее». Этот упрек не смутил Д'Аламбера: он не сомневался, что не был способен как следует воспитать будущего царя...» (из очерка Е. Литвиновой «Ж. Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В Берлине (1790 г.) Вольфганг Моцарт (1756–1791) был представлен Фридриху-Вильгельму II, который не только принял его любезно, но предложил остаться в Берлине в качестве придворного капельмейстера с окладом в 3 000 талеров; Моцарт отказался от этого выгодного места из чувства деликатности по отношению к императору Иосифу II... Когда прусский король Фридрих-Вильгельм, лучше оценивший его гений, предложил ему более выгодное место при своем дворе, Моцарт отказался, сказав: «Как я оставлю моего доброго императора?» Итак, Моцарту приходилось зарабатывать свой хлеб насущный менее всего любимой им педагогической деятельностью...» (из очерка М. Давыдовой «В. Моцарт, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Из Вены Людвиг ван Бетховен (1770–1827) отправился в Берлин (1796 г.). Но Бетховен обманулся в своих ожиданиях; в столице Фридриха II он не только не нашел той «силы», которую искал, но встретился там со страшной испорченностью нравов, прикрывавшейся лицемерным благочестием и чувствительностью, что произвело отталкивающее впечатление на

ненавидевшего все неестественное и сентиментальное Бетховена. Тем не менее, он играл при дворе, имел огромный успех и получил от короля предложение остаться в Берлине и поступить к нему на службу, но не принял этого предложения. Ученик его К. Черни рассказывает по этому поводу следующее: «Когда он кончал импровизации, то часто раздражался громким смехом и издевался над состоянием, в которое привел своих слушателей. Иногда он чувствовал себя оскорбленным таким отношением. «Ну, можно ли жить среди таких избалованных детей?» – говорил он и, как он сам рассказывал, единственно по этой причине отказался от королевского приглашения, последовавшего после подобной импровизации. «Чувствительность прилична женщинам, у мужчины музыка должна высекать искры из души», – говорил он своим образным языком». В Берлине он еще менее нашел то, чего искал в Вене...» (из очерка И. Давыдовой «Людвиг ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Вельможи, окружающие императора Александра I, поражают Николая Карамзина (1766–1826) ничтожеством... Много сил уходит на то, чтобы *ни в чем* не слиться с придворными. 10 июня 1819 года жена Катерина Андреевна родила сына Владимира. Карамзину настойчиво дают понять, что следует «просить государя быть крестным отцом новорожденного». В 1817 году уже один раз отклонил эту честь («подарков не желаем») и теперь поступает по «старой системе». Царь «крестит обыкновенно у генерал-адъютантов, у придворных etc.; а мы не придворные: сердечно благодарим за всякий знак милости, а не просим или не напрашиваемся» (из письма к И. Дмитриеву, Россия, 1817 г.)... 17 октября 1819 года, во время трехчасовой беседы в кабинете царя, Карамзин сказал Александру I, оспаривая его политику в отношении Польши (свои слова он сам записал, придя домой, «для потомства», ибо разговоры исторических лиц принадлежат истории): «Я сказал ему по-французски: «Ваше Величество, у вас много самолюбия... Я не боюсь ничего, мы оба равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы вашему отцу... Я презираю скороспелых *либералистов* : я люблю лишь ту свободу, которой не отнимет у меня никакой тиран... Я не нуждаюсь более в ваших милостях»...» (из книги Ю. Лотмана «Сотворение Карамзина», Россия, 1987 г.).

• Александр Пушкин (1799–1837) писал о своих взаимоотношениях с августейшими персонами без верноподданнического трепета: «Видел я трех царей; первый (Павел I – *Е. М.*) велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй (Александр I – *Е. М.*) меня не жаловал; третий (Николай I – *Е. М.*) хоть и упек меня в камерпажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка (сын А. Пушкина – *Е. М.*) будет ладить с порфирородным своим тезкой (будущий царь Александр II – *Е. М.*); с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!...» (из письма к жене Н. Пушкиной, Россия, 22 апреля 1834 г.).

• «Николай I предложил Карлу Брюллову (1799–1852) написать картину на нелепый сюжет «Иоанн Грозный с женой в русской избе на коленях перед образом, а в окне – взятие Казани». «Государь, – ответил Брюллов, – если я займу первый план двумя статичными фигурами, а самый сюжет, широкую панораму, зажму в маленькое окно, то меня закритикуют, не поймут. Я работаю над «Осадой Пскова» и хочу верить, государь, что картина получится». Император тему одобрил, но картина так и не была написана: Брюллова не удовлетворила история Карамзина, откуда был взят сюжет: «Здесь все цари, а народа нет...» Нажим, опека – все это было ненавистно живописцу... Брюллов так и не создал портрета императора, несмотря на переданное ему желание Николая иметь такой портрет» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

• «Умолкнувший пророк Томас Карлейль (1795–1881) не был обойден почетом... Когда его хотел посетить принц Уэльский, Карлейль отказал. «Я слишком стар. С таким же успехом он сможет полюбоваться моим бедным старым трупом», – сказал он...» (из книги Дж. Саймонса «Томас Карлейль. Жизнь и идеи пророка», Великобритания, 1952 г.).

• «Целая компания молодых писателей, художников и актеров, во главе которой стояли Чарльз Диккенс (1812–1870) и Э.-Л. Бульвер, давали представления в течение нескольких лет в Лондоне и других больших городах Англии и Шотландии (в 1853–1858 гг. – *Е. М.*). Диккенс был душой всего предприятия... Успех этих театральных представлений был громадный. Все билеты обыкновенно раскупались заранее, толпы зрителей из интеллигенции и аристократии наполняли залы. Королева Виктория пожелала увидеть на сцене автора, с произведениями

которого была хорошо знакома, и просила его устроить одну из генеральных репетиций в Букингемском дворце. Диккенс отвечал почтительным письмом, в котором заявил, что считает несовместимым с достоинством писателя ходить забавлять даже коронованных особ, и просил ее величество почтить своим присутствием одно из представлений в его собственном доме. Королева согласилась...» (из очерка А. Анненской «Ч. Диккенс, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.). «В июле 1857 года Ч. Диккенс ставил в Лондоне мелодраму У. Коллинза «Замерзшая пучина» в пользу фонда помощи семье покойного писателя Джеролда. На одном из спектаклей присутствует вместе со всем двором королева Виктория...» (из работы Е. Корниловой «Краткая летопись жизни и творчества Чарльза Диккенса», СССР, 1963 г.). «...Королева приехала вместе с наследным принцем, осталась очень довольна спектаклем и по окончании его пожелала, чтобы Диккенс представился ей. Но и эту честь романисту пришлось отклонить...» (из очерка А. Анненской «Ч. Диккенс, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.) «...По окончании спектакля королева пожелала, чтобы ей представили Диккенса. Он отклонил ее приглашение, так как не желал предстать перед нею в театральном наряде» (из работы Е. Корниловой «Краткая летопись жизни и творчества Чарльза Диккенса», СССР, 1963 г.). «Королева послала за мной после спектакля, – сообщает Диккенс в письме к Д. Маклизу (8 июля 1857 г.), – но я принес свои извинения, объяснив, что не могу явиться ни в каком ином костюме, кроме моего собственного...»

• «Иоганн Гёте искал случая познакомиться с Людвигом ван Бетховеном (1770–1827). Они встретились на богемских водах в Теплице, в 1812 году, и не очень понравились друг другу... Он сам рассказывает об одной их прогулке, во время которой гордый республиканец Бетховен преподал урок самоуважения придворному советнику великого герцога Веймарского, чего поэт никогда ему не простил. «Вчера мы, возвращаясь с прогулки, повстречали всю императорскую фамилию», – свидетельствовал Бетховен в письме к Беттине фон Арним (Теплице, апрель 1812 г.). – Мы увидели их еще издали, Гёте оставил мою руку и стал на краю дороги. Как я ни увещевал его, что ни говорил, я не мог заставить его сделать ни шага. Тогда я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Принцы и придворные стали шпалерами, герцог Рудольф снял передо мной шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня...» Беттина Brentano, которая видела Бетховена в это время, говорит, что «никакой император, никакой король не обладал таким сознанием своей силы»... К тому времени–1812 год – относятся Седьмая и Восьмая симфонии Бетховена, написанные в течение нескольких месяцев в Теплице...» (из эссе Р. Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.).

• «У границы имения великого князя А.М.Романова, стоя тесно друг ко другу, на дороге беседовали трое Романовых: хозяин Ай-Тодора (Ливадия, Крым. – Е.М.), Георгий и еще один, – кажется, Петр Николаевич из Дюльбера, – все бравые, крупные люди. Дорога была загорожена дрожками в одну лошадь, поперек ее стоял верховой конь; Льву Николаевичу Толстому (1828–1910) нельзя было проехать. Он уставился на Романовых строгим, требующим взглядом. Но они, еще раньше, отвернулись от него. Верховой конь помялся на месте и отошел немного в сторону, пропуская лошадь Толстого. Проехав минуты две молча, он сказал: «Узнали, дураки». И еще через минуту: «Лошадь поняла, что надо уступить дорогу Толстому...» (из очерка М. Горького «Лев Толстой», Россия, 1919 г.).

• «Поэт Люций (I в. до н. э.) не вставал с места при входе Юлия Цезаря в собрание поэтов, потому что считал себя выше его в искусстве стихосложения...» (из книги Ч. Ломброзо «Гениальность и помешательство», Италия, 1863 г.).

• «Окончив «Страшный суд» в 1541 году, Микеланджело (1475–1564) достиг вершины славы среди современников. Он забывал обнажить голову перед папой, и папа, по его собственным словам, не замечал этого. Папы и короли сажали его рядом с собой...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Однажды некий знатный английский граф пожелал без приглашения посетить мастерскую художника Ханса Гольбейна (1497 или 1498–1543). Гольбейн же работал и, не желая прерываться, отказал графу в этом удовольствии. Тот почувствовал себя весьма оскорбленным и решил ворваться в дом силой. Рассерженный такой неучтивостью, Гольбейн

спустил его с лестницы...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Алексис Пирон (1689–1773), французский драматург, не терпел, чтобы в его присутствии литературный характер подвергался унижению. Когда он направлялся в комнату одного дворянина, который в это же время спускался с лестницы, сопровождая какого-то пэра, этот последний посторонился, чтобы дать дорогу Пирону. «Идите, сударь, идите, – сказал заносчивый дворянин, обращаясь к пэру, – ведь это не кто иной, как *поэт*!» Пирон же отвечал на это: «С тех пор, как наши знания нам взаимно известны, я хочу воспользоваться своими правами», – и вслед за тем он загородил дорогу пэру...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

- «Танцмейстер Лаваль (балетмейстер парижской оперы при Людовике XV, однофамилец де Лавалей, одной из знатнейших аристократических фамилий Франции – *Е. М.*) был в театре на репетиции оперы. Автор ее или кто-то из друзей последнего дважды окликнул его: «Господин де Лаваль! Господин де Лаваль!» Лаваль подошел к нему и сказал: «Сударь, вы дважды обозвали меня господином де Лавалем. В первый раз я смолчал, но во второй раз молчать не намерен. Вы, кажется, принимаете меня за одного из тех господ де Лавалей, которые неспособны сделать даже самое простое па минуэта...» (из записок Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

- «Один писатель, которому вельможа дал понять, какое расстояние их разделяет, сказал ему: «Ваша светлость, я помню о том, о чем обязан помнить; но я не забываю и о том, что быть выше меня куда легче, нежели стать вровень со мной...»...» (из записок Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

- «В Вольфганге Моцарте (1756–1791) благородство духа восставало против благородства рождения – несомненно, под влиянием политических событий в Англии, Франции и Америке – как при известном разрыве с архиепископом Коллоредо, графом Арко, в 1781 году, которого он возненавидел «до бешенства»... Когда однажды во время одной из бурных перепалок архиепископ назвал его паршивцем, бродягой, несчастным мальчишкой, Моцарт бросил графу Арко, выдворившего его известным пресловутым пинком с княжеской службы, с чувством собственного достоинства в лицо: «Если я вижу, что меня не уважают и презирают, и становлюсь гордым, как павиан»...» (из книги А. Ноймара «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «Настоящее благородство – в сердце человека, – говорил Моцарт, – и хоть я не граф, но в душе моей больше чести, чем у иного графа». Он чувствует к архиепископу глубокое презрение и даже не желает удовлетворения, убежденный в том, что архиепископ не способен его дать. Он бесповоротно решил остаться в Вене, и ни гнев архиепископа, ни угрозы и ни просьбы отца не могли заставить его переменить своего намерения...» (из очерка М. Давыдовой «В. Моцарт, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1891 г.). Еще яснее он высказал свое мнение о неприкосновенности чести и благородстве убеждений человека спустя неделю после этого события в письме своему отцу от 20 июня 1781 года: «Сердце облагораживает человека; и если я не граф, то у меня может быть больше чести в душе, чем у какого-нибудь графа; дворовый ли слуга или граф: если только оскорбит меня, то он – негодай».

- Из дневника Александра Пушкина (1799–1837) от 17 января 1834 года, вскоре после пожалования ему чина титулярного советника и присвоения звания камер-юнкера: «Бал у гр. Бобринского... Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его... «Пушкин, при колоссальной общительности, неизменно оставался сам в себе. И друзьям давал понять о расстоянии, отделявшем его от них... Разными толками о себе, кстати, он сбивал с толку тех, кто хотел бы докопаться до того, каков он в действительности...» (из книги Б. Бурсова «Судьба Пушкина», СССР, 1986 г.).

- «Возвышая значение своей профессии и следуя влечениям своих собственных вкусов, актер Дэвид Гаррик (1717–1779) никогда не забывал о достоинстве и самоуважении. Всегда изысканно вежливый и почтительный, он требовал такого же отношения к себе от великих мира сего и всегда проявлял необычайную чуткость к высокомерному и снисходительному отношению. Граф Эссекс, например, просил у него ложу и, не рассчитав времени, встал из-за стола очень поздно, так что успел в театр только к концу пьесы. Такого невнимания было достаточно, чтобы Гаррик отказал себе в удовольствии бывать у его сиятельства и ставить

устроенный графом любительский спектакль. Таких случаев много... Гаррик действительно добился расположения и любви той самой знати, которая готова была еще недавно третировать актера как шута и лакея...» (из очерка Т. Полнера «Д. Гаррик, его жизнь и сценическая деятельность», Россия, 1891 г.).

• «С портретом самого Николая I у Карла Брюллова (1799–1852) вышла осечка. Царь известил художника, что приедет к нему в мастерскую позировать, но опоздал на 20 минут. Появившись наконец в мастерской, Николай I застал в ней только ученика Брюллова, испуганно объяснившего, что художник «ожидал Ваше Величество, но зная, что Вы никогда не опаздываете, заключил, что Вас что-нибудь задержало и что Вы отложили сеанс до другого времени». Рассерженный Николай I покинул мастерскую Брюллова со словами: «Какой нетерпеливый мужчина!» Так работа над портретом императора окончилась, не начавшись... «Ему легче было восстановить против себя государя и вынести его гнев, чем писать с него портрет», – комментировал современник...» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.).

• «В армию впервые Сергей Есенин (1895–1925) призывался летом 1915 года в Рязани, но тогда он получил военную отсрочку... 8 марта 1916 года он служил в запасном батальоне, расположенном в Петрограде, с апреля – санитаром в одном из Царскосельских лазаретов. Революция застала его в одном дисциплинарном батальоне, куда он попал за отказ написать стихи в честь царя...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Диоген (ок.400–323 до н. э.) жил в бочке. Это знают все... К Диогену приходили пообщаться великие люди того времени, и Диоген, сплевывая сквозь зубы, нехотя отвечал на поставленные вопросы, всем своим видом показывая, как он недоволен вмешательством в частную жизнь. Примечателен разговор философа с Александром Македонским. «Я Александр – великий царь!» – «А я – Диоген-собака. Тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а прочих – кусаю». «Не хочешь ли ты отобедать со мной?» – «Несчастлив тот, кто завтракает, обедает и ужинает, когда захочется Александру...» (из книги Ж. Глюкк «Великие чудачки», Россия, 2009 г.).

• «Чванливости и самолюбия Иммануил Кант (1724–1804) не терпел ни в ком. Однажды приехал в Кенигсберг его знакомый, граф С., который был недоволен последней статьей Канта и на этом основании не посетил философа. Граф обедал у приятеля. Канта пригласили к обеду, пояснив, что «его ждет граф». Кант ответил, что не приедет, так как, по обычаю, следовало графу к нему заехать. Свидание расстроилось, но в следующий свой приезд граф понял неуместность своего поведения и посетил Канта...» (из очерка М. Филиппова «Э. Кант, его жизнь и философская деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Английского денди Джорджа Брайана Браммела (1778–1850) уважали за все, даже за капризы. Там же, где на толстокожих не действовала грация, его ум подчинял людей чудовищной силой ироничной насмешливости... Браммел не бросал свои язвительные слова, а ронял их... 18 мая 1816 года Браммел навсегда покинул Англию. Его вещи были проданы с аукциона. Браммел поселился в Кале, «этом убежище английских должников. Остатки его состояния и помощь друзей позволили ему еще несколько лет носить прозвище «царь Кале». Оттуда он перебрался в Париж... Его престиж пережил его разорение. Кале надолго превратилось в место паломничества европейской аристократии. Браммел принимал ее у себя с гордой надменностью. Потеряв корону, он сохранил королевские привычки. Когда один лорд прислал ему приглашение на обед, который назначил в 3 часа пополудни, Браммел ответил, что никогда не ест в этот час и отклонил приглашение. Своих новых подданных «царь Кале» и вовсе стыдился. Однажды некий буржуа, пригласивший Браммела на обед в этот день, приветствовал его, идущего с неким джентльменом. Браммел невозмутимо обратился к приятелю: «Кто это вас приветствует?»...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Некий лорд направил Бернарду Шоу (1856–1950) приглашение посетить его дом. Очевидно, лорд считал, что он «снизошел» до литератора с сомнительной репутацией. В конце приглашения было пояснение: «Лорд N будет дома во вторник с 16 до 18 часов». Шоу приписал к приглашению «Бернард Шоу тоже» и отправил его лорду N...» (из книги М. Чекурова

«Курьезы истории», Россия, 1998 г.).

• «Когда группа «Битлз» еще находилась в Токио (Япония, июнь 1966 года – *Е. М.*) Брайен Эпстайн (менеджер группы «Битлз» в 1962–1967 гг. – *Е.М.*) получил адресованное «Битлз» приглашение от Имельды Маркос (супруга президента Филиппин Ф.Маркоса, бывшего у власти с 1965 по 1986 г.г. – *Е. М.*) с просьбой прибыть утром 4 июля 1966 года на официальный прием во Дворец Малакананг (Манила). Гостями приема должны были стать три сотни тщательно отобранных детей – сыновей и дочерей из наиболее влиятельных семей страны. Кроме того, Имельда, считавшая себя поклонницей «Битлз», очень хотела представить любимых музыкантов своим детям и самому президенту Маркосу. Это приглашение было большой честью, и никому даже в голову не пришла бы мысль от него отказаться. Тем не менее, Брайен не только забыл на него ответить, но когда филиппинский промоутер позвонил ему, чтобы напомнить, что нельзя заставлять ждать супругу президента, заявил, что не станет будить музыкантов до начала концерта. Кроме того, он поручил ошеломленному коллеге передать, насколько «Битлз» и он сам неприятно удивлены приемом, который им оказали на Филиппинах. Передавать подобное послание диктатору восточного государства было сродни полной потере разума. Даже Леннон, которого часто упрекали в высокомерии по отношению к власти предрежающим, никогда не позволял себе подобной грубости. Скорее всего, Брайен просто хотел поразить «Битлз», доказав, что он тоже может послать куда подальше сильных мира сего. Как бы то ни было, когда утром 5 июля они проснулись у себя в гостинице, то обнаружили, что попали в самый центр общенационального скандала. «Имельда попала в дурацкое положение. Семья президента напрасно ожидала появления британцев» – такими заголовками пестрела первая страница манильской «Таймс». Телекомментаторы не умолкая твердили об оскорблении, нанесенном всей нации. Очень скоро до «великолепной четверки» дошло известие о том, что в середине ночи их пресс-атташе Вик Льюис был вытаскен из кровати, а затем препровожден во дворец, где высшие офицеры филиппинской армии продержали его до утра... По словам филиппинского журналиста, которого «Битлз» приняли у себя в номере вечером того же дня, Пол Маккартни открыто встал на сторону Брайена. Он заявил, что у «Битлз» нет никаких обязательств перед первой леди страны. Джон Леннон держался более сдержанно. Он окинул взглядом собравшуюся внизу толпу и сказал: «Нам бы неплохо узнать о Филиппинах побольше. И прежде всего, как отсюда убраться!»...» (из книги А. Голдмана «Жизни Джона Леннона». США, 1989 г.).

IV. первые в «лотерее природы»

• «Скульптор П. Пюже (1620–1694) всегда был полон множества разнообразных замыслов, стремился идти своим путем в искусстве... На вопрос министра маркиза Лувуа, что он надеется получить за статуи, которые еще сделает в будущем, Пюже ответил: «Я требую, чтобы его величество оплатил мне их по достоинству». На вторичный вопрос Лувуа, сколько же он хочет точнее, Пюже, как утверждают, просил довольно значительную сумму. «Король не платит больше даже генералам своей армии», – возразил министр. «Я с этим согласен, – ответил Пюже, – но король отлично знает, что он легко может найти генералов армии среди многочисленных превосходных офицеров в своих полках, но во Франции не существует нескольких Пюже»...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.).

• «Знаменитая певица Катарина Габриелли (1730–1796) запросила у русской императрицы Екатерины II 5 тысяч дукатов за два месяца выступлений в Петербурге (Россия, 1768 г.). «Я своим фельдмаршалам плачу меньше», – запротестовала императрица. «Отлично, ваше императорское величество, – отпарировала Габриелли, – пусть ваши фельдмаршалы вам и поют»...» (из записок Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.). «...На переданное ей замечание Государыни, что ее маршалы получают меньше вознаграждения, Габриелли дала знаменитый ответ: «Так пусть она заставит петь своих маршалов!»...» (из книги К. Валишевского «Вокруг трона. Екатерина II», Франция, 1894 г.).

• «На замечание одного дворянина, что так роскошно, как Бенвенуто Челлини (1500–1571), путешествуют только сыновья герцогов, художник ответил, что так путешествуют сыновья его искусства. В уста папы Климента VII он вкладывает слова о себе: «Больше стоят

сапоги Бенвенуто, чем глаза всех этих тупиц». Какому-то заносчивому собеседнику он сказал: «Такие, как я, достойны беседовать с папами, и с императорами, и с великими королями, и что таких, как я, ходит, может быть, один на свете, а таких, как он, ходит по десять в каждую дверь»... Убив Помпео (мастера папского двора – *Е. М.*), Челлини попросил помилования у Павла III, – и прощение тут же было даровано ему. Недовольным его решением папа объявил: «Знайте, что такие люди, как Бенвенуто, единственные в своем искусстве, не могут быть подчинены закону»...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Однажды Франсуа Вольтер (1694–1778) вместе с королем Пруссии Фридрихом II катался на лодке. Вольтер заметил в лодке течь и проворно выскочил на берег. «О, как вы боитесь за свою жизнь! – воскликнул король, – а я вот совершенно не боюсь». «Естественно, – ответил Вольтер, – королей на свете немало, а Вольтер – единственный»...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.).

• «Неотразимая мощь гения Людвиг ван Бетховена (1770–1827), какое-то необъяснимое обаяние всей его личности, а также возрастающая его слава как замечательного виртуоза заставляли прощать ему многое, и он непринужденно и самостоятельно, как равный среди равных вращался в кругу знатных аристократов. Врожденное чувство свободы и равенства, сильному развитию которого содействовали веяния времени, вызывало у него иногда, благодаря необузданной, увлекающейся натуре, такие выходки, которые едва ли были бы прощены кому-нибудь другому...» (из очерка И. Давыдова «Людвиг ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.). «В Вене (1795–1797 гг.) Бетховен выступал преимущественно в салонах знати. Он сразу обратил на себя внимание не только гениальной игрой, но и независимым бескомпромиссным характером. Резкий и прямой, Бетховен не терпел любого насилия над собой и в горделивом сознании своей гениальности не щадил сановных меценатов. Так, в пылу гнева он написал одному из них: «Князь! Тем, чем вы являетесь, вы обязаны случаю и происхождению; тем, чем я являюсь, я обязан самому себе. Князей есть и будет тысячи, Бетховен – один!»...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Наполовину в шутку, наполовину всерьез, Дж. Россини (1792–1868), тем не менее, принимает как должное окружающую его славу и нимало не помышляет об академической скромности... Счастливый своим гением, живя среди самого чуткого в мире народа (т. е. итальянского – *Е. М.*), с самого детства опьяненный поклонением, он верит в собственную славу и не видит причин, чтобы такой человек, как он, не мог занимать место рядом с дивизионным командиром или министром. Им достался счастливый номер на лотерее честолюбия, а ему на лотерее природы. Эта фраза принадлежит самому Россини; он произнес ее в Риме в 1819 году однажды вечером, когда он заставил гостей долго себя ожидать у князя Киджи...» (из книги А. Стендаля «Жизнь Россини», Франция, 1824 г.).

• «Конкуренция была в Париже столь сильна, что быстрый прорыв Фредерика Шопена (1810–1849) стал явлением поистине исключительным (1832 г.)... Его выступления прошли с большим успехом... Уже в январе 1833 года Шопен с гордостью писал своему другу Доминику Дзевановскому: «Мне открылся доступ в высшее общество, я сижу между послами, князьями и министрами и сам не знаю, как это получилось, потому что не стремился к этому. Но для меня важнее всего то, что оттуда распространяется хороший вкус»... Вот как описывает Ференц Лист Шопена, художника и человека: «Он был среднего роста и хрупкого телосложения. Движения его были исполнены грации... Он держался с таким благородством, что с ним произвольно обращались как с князем»...» (из книги А. Ноймара «Музыканты и медицина», Австрия, 1995 г.).

• Восхищение критиков мастерством Энрико Карузо (1873–1921) не знало предела: «Один из самых прекраснейших теноров, которых мы когда-либо слышали!». «А о его проделках рассказывают до сих пор... На обед к испанскому королю он пожаловал со своими макаронами, уверяя, что они намного вкуснее, и предложил гостям отпробовать. Во время правительственного приема он поздравил президента Соединенных Штатов словами: «Я рад за вас, ваше превосходительство, вы почти так же знамениты, как я». По-английски он знал лишь несколько слов, о чем было известно очень немногим: благодаря артистизму и хорошему

произношению он всегда легко выходил из затруднительного положения...» (из статьи А. Филиппова «Средство от измены Энрико Карузо», Россия, 1998 г.).

- «Когда однажды делегация Академии была принята не с подобающими почестями, юрист, первый президент парламента Парижа А. Гарлей (1639–1689) пожаловался французскому королю, напомнив, что в свое время всякий раз, когда ученый представлялся Франциску I, тот обыкновенно делал три шага вперед от трона, чтобы приветствовать пришедшего...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

- «С 1425 по 1429 год Ян Ван Эйк (ок.1400–1441) был придворным художником бургундского герцога Филиппа Доброго в Лилле. Герцог ценил Яна как умного, образованного человека, по словам герцога, «не имевшего себе равных по искусству и познаниям»...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Я могу набирать из вашей среды слуг, но я не могу создать Тициана (1477 или 1490–1576), – сказал Карл V своим придворным, завидовавшим часам и получасам, которые монарх отнимал у них и посвящал беседе с художником во время его работы... «(из трактата И. Д'Израэли «Литературный характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

- «Биограф Микеланджело Буонарроти (1475–1564) замечает, что ему делались лестные предложения более чем 12-ю коронованными особами. Когда он явился приветствовать Карла V, этот государь тотчас поднялся с места, повторив свой банальный комплимент: «На свете несколько императоров, но второго Микеланджело не найти»...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.).

- «Изгоняемый одними, приглашаемый другими, Пьетро Аретино (1492–1556) переходил от государя к государю... Он становится своего рода фаворитом Франциска I... Карл V призывает Аретино ко двору и называет его «Божественным»...» (из статьи Г. Мопассана «Аретино», Франция, 1885 г.).

- «Один монарх подал Питеру Рубенсу (1577–1640) оброненную кисть (король живописцев равен королю); другой изрек эффектную фразу о том, что гении не создаются декретами. Так, Генрих VIII сказал одному из принцев, докучавшему Хансу Гольбейну (1497 или 1498–1543): «Десять лордов я могу сделать и из десяти мужиков, стоит мне захотеть, но одного Гольбейна не заменят мне и десять лордов»...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

- «Сеньор Клод Ле Пельтье де Морфонтен (генеральный контролер финансов Франции в 1683–1689 гг. – *Е.М.*) подолгу беседовал с глазу на глаз с Жаном Расином (1639–1699) и Николой Буало (1636–1711) и принимал их у себя в поместье, а когда одновременно с ними туда наезжали несколько епископов, приказывал слугам: «Покажите этим духовным особам замок, сады, все что угодно, только не пускайте ко мне – я занят»...» (из записок Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

- «Король Фридрих II якобы сказал о Иоганне Себастьяне Бахе (1685–1750): «Бах единствен»...» (из книги Н. Гончаренко «Тений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

- «У короля Англии хватило проницательности понять, что, воздавая почести Вальтеру Скотту (1771–1832), он воздает почести самому себе. «Мне всегда будет лестна мысль о том, что сэр Вальтер Скотт стал первым творением моего правления», – говорил Георг IV...» (из книги Х. Пирсона «Вальтер Скотт», Великобритания, 1936 г.).

- «По окончании лекций в Берлине (апрель 1828 года) особо назначенный комитет поднес Александру Гумбольдту (1769–1859) медаль с изображением солнца и надписью: «Озаряющий весь мир яркими лучами»... Вряд ли можно назвать другого ученого, пользовавшегося такой популярностью. Он был как бы солнцем ученого мира, к которому тянулись все крупные и мелкие деятели науки. К нему ездили на поклон, как благочестивые католики к папе. Нарочно заезжали в Берлин посмотреть Александра Гумбольдта – «поцеловать папскую туфлю»...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «По словам П.Нащокина, близкого друга Александра Пушкина (1799–1837), в 1830 году «сам Бенкендорф предлагал Пушкину камергера, желая иметь его ближе к себе». Но Пушкин тогда смог отказаться, заметив: «Вы хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера»... Свое придворное звание (в январе 1834 года «высочайшим указом» Пушкин был пожалован в

камер-юнкеры. – *Е.М.*) он воспринимает однозначно – как публичное унижение царем его достоинства поэт и человека. «Шутовским кафтаном» назвал он камер-юнкерский мундир...» (из книги В.Колесниковой «Николай I. Лики масок государя: Психологические этюды», Россия, 2008 г.). Из дневника А.Пушкина за январь 1834 года: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)... Государь сказал княгине Вяземской: «Я надеюсь, что Пушкин принял по-хорошему свое назначение». Великий князь наемни поздравил меня в театре: – Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили...». «Пушкин был пожалован царем в камер-юнкеры – должность не служебную, а придворную, в которой обычно состояли юноши 18–20 лет... Не случайно у Пушкина был единственный серьезный, «прилюдный», срыв именно когда он получил известие о пожаловании ему чина титулярного советника и присвоении звания камер-юнкера... Отказаться он уже не мог: указ царя был равнозначен приказу. «Брат мой, – вспоминал Лев Сергеевич Пушкин, – впервые услышал о своем камер-юнкерстве на бале у графа Алексея Федоровича Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать. Не нахожу удобным повторить здесь всего того, что говорил, с пеной у рта разгневанный поэт по поводу его назначения... П.Нащокин дополнил рассказ брата Пушкина: «Друзья, Виельгорский и Жуковский, должны были обливать холодной водой нового камер-юнкера, до того он был взволнован этим пожалованием! Если б не они, он, будучи вне себя... с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубости самому царю...» (из книги В.Колесниковой «Николай I. Лики масок государя: Психологические этюды», Россия, 2008 г.).

- «Узнав, что великий талант – пианист Игнаций Падеревский (1860–1941) стал премьер-министром Польши (1919 г.), Ж.Клемансо (премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг. – *Е.М.*) воскликнул: «Какое падение великого таланта!»... «(из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

- «Триумфально проходили гастролы иллюзиониста Эмиля Кио (1894–1965) в Дании. Газеты призывали: «Если вы хотите убедиться, что чудеса существуют, идите на гастролы Кио...» Публика восторженно аплодировала ему свыше четверти часа, его вызывали более 20 раз. Сами датчане говорили: «Так мы не приветствуем даже короля!»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Уолт Дисней (1901–1966) быстро распознал возможности телевидения как средства рекламы и популяризации своих замыслов – от эпизодов будущих серий и полнометражных картин до планов «Диснейленда», парка развлечений... Он знал цену и своему положению, и своему искусству. По свидетельству журнала «Фильм коммент», когда Рэй Брэдбери вполне серьезно предложил ему стать мэром Лос-Анджелеса, Дисней ответил: «Зачем мне баллотироваться на пост мэра, когда я и так уже король?!»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Член жюри Первого Международного конкурса артистов балета, проходившего в Москве (СССР, 1969 г.), американский балетмейстер Агнес Де Милль сказала своей переводчице: «Отлиты статуи Галины Улановой (1910–1998), выпущены фарфоровые статуэтки, палехские шкатулки, марки с ее изображением, выбиты медали в ее честь, – к ней относятся, как к королевской особе!» «Это неверно, – строго ответила переводчица, – королев много, и они меняются со сменой династий. Уланова – одна на все времена, никто не может ее заменить»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Звезда Голливуда Грейс Келли (1929–1982) пользовалась огромной популярностью во Франции, где ее считали эталоном элегантности. Весной 1955 года актрису пригласили на Каннский фестиваль. К этому времени Грейс уже получила премию «Оскар» за роль в фильме «Деревенская девчонка»... В декабре 1955 года Грейс позвонили из журнала «Лук» и сообщили, что принц Монако Ренье едет в Америку и надеется повидать молодую очаровательную актрису. Спустя несколько дней принц попросил ее руки, накануне Нового года они обручились, а 5 января 1956 года официально объявили о помолвке... Предстоящий брак обсуждали по обе стороны океана. Французы опасались, что теперь Монако станет коммерческим предприятием. Американцы утверждали, что для их королевы экрана, изысканной «девушки в белых перчатках», этот принц не лучшая партия. На обеде, устроенном

МГМ в честь жениха и невесты, принца спросили о размерах его владений. Ренье ответил, что площадь Монако не превышает 5 миль. Его ответ вызвал всеобщий вздох разочарования: «Это меньше, чем территория нашей киностудии...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «На торжественной церемонии (награждение орденом Почетного легиона. – Е.М.) актер Аллен Делон (р.1935) произнес слова, полные достоинства: «Мне нечего доказывать. Нет нужды выдвигать себя на первый план. Я просто ставлю себя на свое место». Президент Франсуа Миттеран обратился к Делону с теплыми словами, назвав его «неотъемлемой частью Франции»... Сам Делон без ложной скромности сравнивает себя с таким национальным продуктом экспорта, как вино бордо или духи «Шанель № 5»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

V. Когда «принц мысли» равен «принцу крови»

Ученые, естествоиспытатели, физиологи

• «В 1664 году Роберт Бойль (1627–1691) публикует «Опыты и размышления о цветах». Бойль к тому времени был в зените своей славы: одна за другой появлялись из-под его пера научные работы по философии, физике, химии... Нередко его приглашают теперь во дворец, потому что и сильные мира сего считали честью для себя побеседовать хоть несколько минут со «светилом английской науки». Ему повсеместно оказывали почести и даже предложили стать членом компании «Королевские шахты». В следующем году его назначают директором Ост-Индской компаний... Он был погребен в Вестминстерском аббатстве – месте захоронения выдающихся людей Англии» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Если не повсюду, то по крайней мере в Англии учение Исаака Ньютона (1643–1727) распространилось еще при его жизни не только в ученых кругах, но и во всем образованном обществе... Близкий друг и поклонник Ньютона Чарльз Монтегю, молодой аристократ, лет на 20 моложе Ньютона, страстный любитель литературы, немного занимавшийся также и наукой, достиг одного из самых высоких положений в государстве: он был назначен канцлером казначейства (почти тоже, что министр финансов). Заняв этот пост (1695 г.), Монтегю написал Ньютоному письмо, в котором сообщил, что предлагает ему должность управляющего монетным двором и что уже заручился согласием короля на его назначение... По вступлении на престол Георга I (1714 г.) Ньютон попал в салоны принцессы Уэльской (жены наследного принца Георга). Это была умная и образованная женщина, состоявшая в переписке со многими философами... В честь Ньютона была выбита медаль с надписью, взятой из Вергилия: «Счастлив познавший причины»... Когда в марте 1727 года Ньютон скончался, в Лондоне ему были устроены пышные национальные похороны. Гроб великого ученого повезли в Вестминстерское аббатство с царскими почестями...» (из очерка М. Филиппова «Ньютон, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

• Готфрид Лейбниц (1646–1716) проявлял большой интерес к России. Его первая встреча с Петром I состоялась в июле 1697 года в Ганновере, где русский царь останавливался во время своего путешествия в Голландию с целью изучения морского дела. В октябре 1711 года Лейбниц сопровождал в Россию брауншвейгскую принцессу Софью-Христину, невесту царевича Алексея. Во время своих продолжительных бесед с царем Лейбниц выдвинул много проектов, в частности проекты законодательной реформы, реформы учебного дела и создания Петербургской академии наук. Осенью 1712 года Лейбниц вновь встретился с Петром I и сопровождал его затем в поездках в Теплиц и Дрезден. Во время этой поездки были продолжены переговоры о создании Российской Академии наук... В это же время Петр I принял Лейбница на русскую службу... Лейбниц, не оцененный по достоинству на родине, чрезвычайно гордился своими отношениями с Петром I... Последнее свидание с Петром I состоялось незадолго до смерти Лейбница в 1716 году. Оно произвело на немецкого мыслителя неизгладимое впечатление. «Я воспользовался несколькими днями, – писал Лейбниц, – чтобы провести их с великим русским монархом; затем я поехал с ним в Геррен-гаузен подле

Ганновера и был с ним там два дня. Удивляюсь в этом государе столько же его гуманности, сколько познаниям и острому суждению...» (из книги П. Таранова «От Монтеня до В.В. Розанова», Россия, 2001 г.).

• «Отношение Наполеона I к науке и ее деятелям было весьма благоприятным. Это дало даже повод французскому поэту, историку и общественному деятелю Ламартину позднее писать что во времена Наполеона «только цифрам все разрешали, только цифры чествовались, осыпались благами и награждались»... Покровительство наукам началось лишь после приезда в Париж в 1801–1802 годах Алессандро Вольта (1745–1827). 7, 12 и 22 ноября 1801 года Наполеон I посетил лекции (мемуары) Вольта, причем в первый же день выступил с речью, из которой можно было понять, что он считает приезд Вольта крупной вехой в истории французской науки... Наполеон не упускал случая посетить заседания Французской академии наук... А однажды Наполеон, увидев в библиотеке академии лавровый венок с надписью «Великому Вольтеру», стер последние буквы таким образом, что получилось: «Великому Вольте»...» (из книги В. Карцева «Приключения великих уравнений», СССР, 1986 г.)

• «Если Александр Гумбольдт (1769–1859) чурался политики, то политика не хотела оставить в покое Гумбольдта. В июле 1808 года ему пришлось оторваться от своих научных занятий, чтобы сопровождать в Париж принца Вильгельма Прусского, который ездил туда для переговоров с Наполеоном. Гумбольдт, пользовавшийся большим значением в парижском высшем обществе, знакомый с влиятельнейшими лицами во Франции, должен был, так сказать, готовить почву для принца, что и исполнил с успехом... В 1818 году Гумбольдт был в Ахене, где в то время собирался конгресс для обсуждения французских дел и закрепления принципов Священного союза... В 1822 году он отправился в Италию; встретившись в Вероне с королем, сопровождал его в поездке по Италии... Из Италии он вместе с королем отправился в Берлин, где прожил несколько месяцев... Фридрих-Вильгельм III был лично расположен к Гумбольдту, любил его беседу и дорожил его обществом. В 1826 году он пригласил своего ученого друга переселиться в Берлин. Отвечать отказом на такое приглашение значило бы оскорбить короля, а это вовсе не входило в расчеты Гумбольдта... Влияние, которым он пользовался, давало ему возможность оказывать поддержку другим ученым – тому выхлопотать пенсию, другому субсидию на какое-нибудь ученое предприятие или дорогое издание и тому подобное. Вообще, «житейская мудрость» не позволяла портить отношения с правительством, и, подчиняясь ее указаниям, Гумбольдт, скрепя сердце, оставил Париж, столицу мира, и переселился в «туманный Берлин»... «(из очерка М. Энгельгардта «А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность», Россия, 1891 г.); «В первый же год своей жизни в Берлине (1826 г.) Александр Гумбольдт прочел ряд публичных лекций «о физическом мироописании». Лекции привлекли множество слушателей. Не только берлинские жители стекались на них толпами, но и из других городов Европы приезжали любопытные послушать Гумбольдта. Король Фридрих-Вильгельм III и его семейство, важнейшие сановники, придворные дамы, профессора и литераторы присутствовали тут вместе с бесчисленной публикой из самых разнообразных слоев общества. Чтения начались 3 ноября 1827 года и кончились 26 апреля 1828 года...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «По мере того, как слава естествоиспытателя Чарльза Лайеля (1797–1875) вырастала и он становился украшением Отечества, сильные мира начали удостаивать его своим вниманием. В числе его позднейших знакомых мы встречаем Роберта Пиля (премьер-министр Великобритании в 1834 – 35, 1841–46 гг. – *Е.М.*); датского принца Христиана, мецената и любителя наук вообще, а геологии в особенности; какую-то немецкую принцессу, очень разумную, по словам Лайеля, толковавшую о дарвинизме, и им подобных. С этими особами он встречался преимущественно на званых обедах и вечерах, так что особенно близких отношений тут не было. Впрочем, один из них, принц Альберт, супруг королевы Виктории, не царствовавший, а состоявший в должности мужа царицы, довольно часто видался с Лайелем и, по-видимому, симпатизировал ему. По крайней мере, Лайель отзывается о нем с искренним чувством...» (из очерка М. Энгельгардта «Чарльз Лайель, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Неизвестно, кто предложил в 1876 году организовать в Лондоне выставку исторических научных приборов, но идея эта всем понравилась. Уже стало очевидно тогда влияние наук на

прогресс или отставание стран, и на этот раз научные приборы, как некогда плоды земли, должны были лишней раз продемонстрировать миру, как велика маленькая Англия и как приумножает она и хранит научную славу... В мае 1876 года Джеймс Максвелл (1831–1879) писал своему дяде и другу Роберту Кею: «Меня послали в Лондон для того, чтобы объяснить королеве, почему Отто фон Герике посвятил себя открытию «ничего», и показать ей два полушария, в которых он содержал «ничего», и картины, изображающие 16 лошадей, которые не могли оторвать полушария друг от друга... Ее Величество, однако, отпустила нас довольно легко и не доставила нам с «ничего» много хлопот...» Можно вообразить, как на фоне уникальных приборов – научных реликвий, свидетелей прозрений гениев – стоит Джеймс Клерк Максвелл перед «маленькой дамой в сером» – королевой Викторией, живым символом процветающей викторианской Англии, перед ее сестрой, германской императрицей, перед собравшимися тут же вельможами и затерявшимися между ними виднейшими учеными Европы, как размышляет о том, что сказать ему сейчас, с этой внезапно представившейся трибуны, какие свои идеи обнародовать, подчеркнуть, во что заставить поверить эту пеструю толпу?.. И Максвелл начинает говорить... о Гиббсе. О никому неизвестном Джозае Уилларде Гиббсе из Йельского колледжа в Соединенных Штатах Америки... Сейчас они могут выслушать все, в эти отмеренные несколько минут, они будут делать понимающие глаза и кивать головами. Сейчас можно говорить все...» (из книги В. Карцева «Максвелл», СССР, 1976 г.).

- «В октябре 1904 года физиолога Ивана Павлова (1849–1936) уведомили, что он признан лауреатом и его приглашают в Стокгольм для вручения Нобелевской премии. В декабре того же года состоялось торжественное вручение золотой медали, диплома и денежного чека на 75 тысяч рублей. Вручал Павлову эту высокую награду сам король Швеции и, дабы уважить прибывшего из России ученого, произнес на русском языке специально выученное приветствие: «Как Ваше здоровье, Иван Петрович?»...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «Альберт Эйнштейн (1879–1955) подружился с королевской четой Бельгии. Елизавета играла на скрипке... С королевой Эйнштейн играл в квартете – две скрипки и две виолончели. Ее супруг Альберт, страстный альпинист, обсуждал с Эйнштейном особенности швейцарских горных вершин. Они называли друг друга «тезка»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Врачи, иммунологи, психологи

- «Марчелло Мальпиги (1628–1694) – итальянский врач и биолог, один из основателей микроскопической анатомии. – *Е.М.*) охотно принял предложение герцога Тосканского Фердинанда II занять вновь учрежденную кафедру теоретической медицины в Пизе. В конце 1656 года экстраординарный профессор Мальпиги приступает к чтению лекций. В доме профессора математики Альфонсо Борелли, с которым сблизился Мальпиги, анатомы производили вскрытия животных. Великий герцог Тосканский Фердинанд и принц Леопольд присутствовали при анатомических вскрытиях и вообще относились к происходящему в кружке с живейшим интересом. В дальнейшем они приглашали ученых во дворец для демонстраций. Благодаря интересу правящих лиц к анатомии и физиологии, в 1657 году возникла Экспериментальная академия, основанная принцем Леопольдом и приобретающая впоследствии большую известность» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Голландский врач Герман Бургава (1668–1738) был дважды ректором Лейденского университета (1714 и 1730 гг.). Немудрено, что ученики стекались к нему из всех европейских стран. Известна история, как Петр Великий в 1717 году целую ночь продежурил у ворот дома Бургава, чтобы только получить возможность утром перед началом лекций обменяться с мэтром несколькими словами... Как доказательство необычайной известности Бургава, часто приводят историю с письмом, которое было отправлено одним китайским мандарином по адресу: «Бургаву, врачу в Европе»...» (из сборника М.Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Полезность оспопрививания была до такой степени очевидной, что из Англии эта мера

быстро стала распространяться по всей Европе, несмотря на противодействие рутины и невежества... Прежде всего, вакцинация введена была в Дании, Швеции и Норвегии. Король Дании заинтересовался этим делом особенно и завязал личную переписку с Эдуардом Дженнером (1749–1823). Почти одновременно оспопрививание стало энергично внедряться и в Германии. По особому желанию принцессы Луизы Дженнер послал засушенную на нитках оспенную материю в Пруссию. Принцесса одной из первых подвергла себя прививке по новому способу... Наполеон I издал указ об оспопрививании и также приказал выбить медаль в честь Дженнера. Рассказывают, что он имел случай выразить и другим способом дань своего уважения к великому англичанину. В Париже томились несколько английских военнопленных.хлопоты дипломатов об их освобождении почему-то затянулись, и за несчастных решил вступиться Дженнер. Когда о ходатайстве Дженнера доложили Наполеону, то он воскликнул: «А! Дженнер просит? Ну, этому отказать нельзя. Освободите их!..» (из очерка В. Святловского «Эд. Дженнер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.)

• «О поразительной диагностической интуиции Сергея Боткина (1832–1889) ходили легенды. Его имя сразу стало популярным и за стенами академии. Посыпались приглашения к тяжелым больным как со стороны врачей, ему сочувствующих, так и со стороны враждебно настроенных. В начале 1872 года профессору Боткину поручили лечить Государыню Императрицу, серьезно заболевшую. Сергею Петровичу удалось восстановить ее угасавшие силы и на много лет продлить ей жизнь. При дворе, как и везде, он скоро приобрел доверие и любовь и получил свободный доступ к царской семье, у которой пользовался расположением...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Одной из бывших пациенток Зигмунда Фрейда (1856–1939), а затем верной ученицей была внучка Наполеона Мария Бонапарт, жена греческого принца Георга... В Париже, куда привезли Фрейда (Фрейд эмигрировал из Германии в 1938 году. – Е.М.), его встречали принц Георг и Мария Бонапарт. Под ноги Фрейду от ступенек вагона до «роллс-ройса» высокородной четы постелили ковровую дорожку из красного бархата, по которой некогда ступал дед Марии Наполеон, возвратившись в Париж после победы под Аустерлицем. Из глаз Фрейда потекли слезы...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

Изобретатели, летчики-космонавты

• «Людовик XIV велел в кресле на колесиках прокатить вместе с собой во Версальскому парку его создателя Андре Ленотра (1613–1700). Этой чести не удостоивался ни один придворный...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

• «Известность Джорджа Стефенсона (1781–1848) проникла далеко за пределы Англии, и услугами его хотели воспользоваться многие государства Европы. Прежде всего, к нему обратился король бельгийский Леопольд с просьбой приехать в Бельгию и составить общий план бельгийской сети железных дорог. Это было в 1835 году. Стефенсон приехал в Брюссель и здесь был встречен с царскими почестями. Король Леопольд прекрасно понимал, какое громадное значение для человечества имеют железные дороги и как высоко следует ценить их изобретателя...» (из очерка Я. Абрамова «Джордж Стефенсон и Роберт Фултон, их жизнь и научно-практическая деятельность», Россия, 1893 г.)

• «Юрий Гагарин (1934–1968) был почетным гостем на обеде у английской королевы Елизаветы II в Букингемском дворце (Англия, июль 1961 г.). На обеде присутствовали принц Филипп, адмирал флота лорд Маунтбаттен и другие видные гости... Елизавета II сказала, что впервые в истории королевской семьи всем придворным и слугам было разрешено выстроиться в вестибюле с тем, чтобы они могли приветствовать Гагарина... Букингемский прием вошел в легенду. Космонавт Павел Попович поведал: «Юрий рассказывал, как у него было randevu с английской королевой. Сидят они один на один, а перед ним столовые приборы – слева, справа: да еще и перед тарелкой один. «Сижу я, – говорил Гагарин, – и не могу понять, с чего начинать-то? Ну, думаю, посмотрю, с чего она начнет. А она сидит просто, смотрит на меня и улыбается. Тогда я говорю: «Ваше Величество, я простой летчик, которых у вас тоже много, и меня не учили, как всем этим пользоваться». А она мне: «Мистер Гагарин, я воспитывалась в Букингемском дворце, но я тоже не знаю, с чего начать, давайте будем есть, как каждому из нас

удобно»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Философы, писатели, поэты

• «В 1184 году после смерти Абу-Якуба халифский престол перешел к его сыну Абу-Юсуфу Якубу. У нового правителя арабский философ Абу-ль-Валид Мухаммед Ибн-Рушд (1126–1198) был в не меньшем фаворе, чем у прежнего. Часами, бывало, засиживался он в покоях халифа на подушке, отведенной для самых близких друзей хозяина, ведя с ним ученые беседы и время от времени обращаясь к нему со словами: «Послушай, брат мой»...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Слава персидского поэта Джами (1414–1492) была удивительна. Ни один поэт Востока не был так знаменит при жизни как Джами. От Стамбула и Багдада до Хотана и Джамна зачитывались его стихами. Свои дары присылали поэту турецкий султан и шах Ширваны, его имя гремело на всем Ближнем и Среднем Востоке. Султан Хусейн Байкара, властитель Хорасана – обширного края, в который входили нынешний Южный Туркменистан, северо-западный Афганистан и северо-восточный Иран, – избирает его своим духовным наставником. У дверей его небогатого дома на окраине Герата можно было видеть и знатных вельмож, и ученых, и поэтов, и бедных крестьян, и ремесленников, приходивших к поэту за советом, за словом поучения... В 1472 году Джами предпринял большое путешествие, побывав в Мекке, Медине, Дамаске, Багдаде. Это путешествие было, можно сказать, триумфальным... Он умер 78-ми лет от роду. Тело великого поэта несли на кладбище царевичи...» (из книги П. Таранова «Интеллектуальные крылья. Подвиги устремления вверх», Россия, 2000 г.).

• «Изгоняемый одними, приглашаемый другими, Пьетро Аретино (1492–1556) переходил от государя к государю... Он становится своего рода фаворитом Франциска I, который оказывает ему всевозможные почести; Карл V призывает Аретино ко двору и усаживает от себя по правую руку... величайшие художники наперебой стремятся сделать его портрет... «Столько вельмож постоянно осаждают меня, – пишет Аретино, – что ступени моей лестницы истерлись от постоянного шарканья их ног, как камни Капитолия – под колесами триумфаторов. И сдается мне, я стал оракулом истины, ибо каждый приходит, чтобы поведать мне о несправедливостях, которые он претерпел от такого-то государя или от такого-то прелата; я превратился посему в секретаря всего мира, и вам надлежит величать меня именно так в письмах, которые вы мне посылаете...» (из статьи Г. Мопассана «Аретино», Франция, 1885 г.).

• «Первая встреча Фридриха II и Франсуа Вольтера (1694–1778) произошла 11 сентября 1740 года. Это было в замке Мойланд близ г. Клева. Вольтер искренне восхищался Фридрихом и называл его не «Ваше Величество», а «Ваше Человечество». Похоже, что и король испытывал восторженные чувства к необыкновенному французу: «Если я когда-нибудь прибуду во Францию, первое, что я спрошу: «Где господин Вольтер?» Ни король, ни двор, ни Париж, ни Версаль, ни женщины, ни развлечения не будут интересовать меня. Только Вы». Вот какого комплимента удостоился Вольтер, и от кого – от монарха!» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.). «Когда в 1750 году Франсуа Вольтер приехал в Пруссию, Фридрих II отправил ему письмо, в котором советовал «погостить здесь подольше». «Мы оба философы, – писал король. – Что может быть естественнее, если два философа, связанные одинаковыми предметами изучения, общностью вкусов и образа мыслей, доставляют себе удовольствие совместной жизни? Я уважаю вас как моего учителя в красноречии и знании; я люблю вас как добродетельного друга...» «Немногие коронованные особы писали такие письма, – свидетельствовал Вольтер. – Оно окончательно опьянило меня. Словесные уверения были еще горячее... Он поцеловал мою руку, я ответил ему тем же... «...» (из очерка И. Каренина (В. Засулич) «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1893 г.). «Образ мысли Вольтера был наиболее симпатичен Фридриху; Вольтера он боготворил как философа, но болел душой о его нравственной испорченности. Из писем Фридриха видно, что он глубоко страдал от двойственности своих отношений к Вольтеру, который очень часто попирали ногами нежную дружбу короля и отвечал насмешкою на поклонение своему таланту...» (из очерка Е. Литвиновой «Жан Лерон Д’Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В письме к «патриарху» Вольтеру (1694–1778) от 22 августа 1765 года Екатерина II говорит, что «счастлива своей перепиской с «племянником аббата Базена» – это прозвище, как известно, относится к Вольтеру, – потому что хорошо и полезно иметь такие знакомства... Установившиеся таким образом добрые отношения продолжались и развивались...» (из книги К. Валишевского «Вокруг трона. Екатерина II, Франция, 1894 г.). «Екатерина II, памятуя о Петре Великом, который был на все руки мастер, собственноручно выточила на токарном станке табакерку и послала ее в подарок Вольтеру. Тот вынужден был срочно научиться вязать и «одарил императрицу собственноручно связанным дамским чулком...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.).

• «Главным событием в жизни Дени Дидро (1713–1784) после завершения им основного труда, «Энциклопедии» (1765 г.) была его поездка в Петербург... Он выехал из Парижа 10 (21) мая 1773 года... Впечатление, которое произвела Екатерина II на Дидро, было очень сильным. «Да, я ее видел, слышал, и уверяю вас, что она не понимает, сколько она мне сделала добра. Что за правительница, что за удивительная женщина!» В этом смысле он высказывался неоднократно и устно, и письменно... Екатерина умела располагать к себе людей, умела сделать так, что они в ее присутствии чувствовали себя неестественными. Дидро она предоставляла полную свободу. Он мог говорить, о чем хотел, как хотел, и имел всегда в лице Екатерины внимательную слушательницу... Великий энциклопедист был очень красноречив. Блестящие идеи зарождались у него в голове то и дело, и, следовательно, нельзя сомневаться, что императрица слушала его охотно... Вот, впрочем, ее собственные слова: «Я часто и долго беседовала с Дидро... Я больше слушала, чем говорила, и поэтому свидетель наших бесед мог бы принять его за сурового педагога, меня – за послушную ученицу. Может быть, и он сам был такого мнения...» Пламенный Дидро верил, что его блестящие предложения будут использованы... Но все это были планы и проекты теоретика... Эти слова могли относиться только к той свободе, которую ему предоставляла императрица в беседах с собою. Приближенные же императрицы стали сильно коситься на Дидро, видя, что он пользуется расположением Екатерины. Это до известной степени отравляло ему пребывание в Петербурге... В конце февраля 1774 года он уехал из Петербурга, не простившись с императрицей, которая сама не пожелала прощальной аудиенции, очевидно, чтобы избежать чувствительной сцены... «(из очерка Р. Сементковского «Дени Дидро, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1896 г.).

• «В 1762 году Жан Лерон Д'Аламбер (1717–1783) по настоятельной просьбе Фридриха II решился предпринять путешествие в Берлин. Он выбрал время, когда король написал философу: «Теперь я хочу пожить спокойно и отдаться своим музам; я совершенно занят мыслью, как бы исправить несчастные последствия войны, которые глубоко меня огорчают». Д'Аламбер верил в искренность этих слов и относился к королю просто как к своему умному, великодушному, искреннему другу. Два месяца Д'Аламбер пробыл в Берлине в обществе Фридриха, в котором нашел много выстрадавшего, теплого, сердечного, не похожего на тонкую вежливость вельможи или обыкновенную снисходительность короля. Д'Аламбер чувствовал себя в Берлине совершенно свободно, говорил, что думал, не заботясь об этикете, даже не имея о нем понятия. Он писал госпоже Леспинас: «Не надейтесь, чтобы я, по возвращении своем, оставил привычку школьничать или научился бы лучше держать себя за обедом. Король на все это не обращает никакого внимания». Фридриху очень не хотелось расставаться с Д'Аламбером; настойчиво и горячо просил он философа сжалиться над его бедной сироткой, Академией наук. Они вместе отправились в Шарлотенбург, осмотрели Академию, а потом вечером король спросил Д'Аламбера: что подсказывает ему его сердце? Д'Аламбер просил короля увеличить пенсию великому Эйлеру... Личная симпатия Д'Аламбера к прусскому королю не могла изменить его твердого решения не оставлять своих друзей и своего отечества...» (из очерка Е. Литвиновой «Жан Лерон Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В октябре 1775 года во Франкфурт приехал Карл-Август – уже герцог Веймарский – и пригласил Иоганна Гёте (1749–1832) к своему двору в Веймар... При дворе герцога Веймарского находились Музеус – известный автор сказок, Краус – известный живописец, знаменитый писатель Виланд и другие. Гёте (он прибыл в Веймар 7 ноября 1775 года. – Е.М.)

суждено было взойти в Веймаре яркою звездой, которая затмила не только всех остальных веймарских знаменитостей, но сделала на некоторое время Веймар настоящей столицей всемирного искусства – германскими Афинами... С прибытием Гёте начался целый ряд шумных празднеств и увеселений, причем дан был полный простор «гениальности», этикет был почти совершенно отложен в сторону... Дружба между «гениями», герцогом и Гёте, была самая непринужденная и тесная; они обменивались камзолами, жилетками и другими принадлежностями костюма, брали друг у друга все, что нравилось, и не возвращали, и так далее. Гёте чрезвычайно сблизился с герцогом; наедине они говорили друг другу «ты» и нередко даже спали в одной комнате... «(из очерка Н. Холодковского «Иоганн Вольфганг Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.). В книге «Разговоры с Гёте (Германия, 1836 г.) И. Эккерман вспоминает о знакомстве с бывшим камердинером Гёте: «Я попросил его рассказать что-нибудь из времен молодости Гёте, на что он с радостью согласился. «Когда я к нему поступил, ему было лет двадцать семь, – сказал он. – По вечерам (Веймар, Германия, 1776–1786 гг.) герцог Карл Август часто посещал его и они засиживались до глубокой ночи, разговаривая об ученых предметах, так что ему иной раз становилось невмоготу, и он только и думал: когда же герцог наконец уйдет! А изучение природы и тогда уже было для Гёте самым главным делом»...».

• «В 1808 году в Эрфурте состоялся конгресс монархов, в котором участвовали императоры Наполеон и Александр I и множество королей, герцогов и других владетельных особ. По приглашению Карла-Августа Иоганн Гёте (1749–1832) также отправился в Эрфурт, чтобы принять участие в придворных торжествах. 2 октября Гёте имел аудиенцию у Наполеона, который, посмотрев на него, воскликнул: «Вот это человек!» Затем шел оживленный разговор о произведениях Гёте и вообще о литературе...» (из очерка Н. Холодковского «И. В. Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.); «...И Гёте, величайший из немцев, этот «император жизни» (Р. Роллан), тешил свое самолюбие воспоминанием, что Наполеон, коверкая фамилию Гёте, называл его «мосье Готт» («господин Бог»)» (из книги Г. Волкова «Сова Минервы», СССР, 1973 г.).

• «Весной 1820 года Вальтер Скотт (1771–1832) отправился в Лондон получать свое баронетство. Ему снова пришлось скучать в свете и сносить его ласки. Только что скончался Георг III, и регент, ставший Георгом IV, решил украсить портретом Скотта большую галерею Виндзорского замка: «Король повелел мне позировать сэру Томасу Лоуренсу, дабы повесить портрет в самых сокровенных своих покоях» (В. Скотт). Скотт позировал также сэру Фрэнсису Чантри, лепившему с него бюст. Среди вихря приемов был и ужин у герцога Веллингтона, который с отменным добродушием вторично переиграл все свои баталии, чтобы доставить удовольствие свежее испеченному баронету и его сыну Вальтеру... Георг IV выделил его из обычной толпы ничтожеств, собирающихся в апартаментах к королевскому выходу: «Видел сегодня Короля и засвидетельствовал ему свое почтение. Вряд ли кому из подданных Монарх оказывал более милостивый прием – он не позволил мне преклонить перед ним колено, несколько раз крепко пожал руку и наговорил столько любезностей и приятностей, что стыдно повторять. Самое смешное заключалось, однако, в том, что собравшиеся, которым моя внешность скорее всего не давала оснований считать меня чем-то особенным, увидев, как хорошо меня приняли, удостоили меня не менее полутысячи церемонных поклонов и расшаркиваний, пока я удалялся во всем величии любимца Короны» (В. Скотт)... Герцог де Леви, один из гостей из-за Ла-Манша, написал ему, что прибыл в Шотландию с единственной целью – повидать великого гения, каковым восхищается весь читающий мир...» (из книги Х. Пирсона «Вальтер Скотт», Великобритания, 1936 г.).

• «Во время праздников по поводу бракосочетания герцога Орлеанского Виктор Гюго (1802–1885) был приглашен ко двору. Он сначала не хотел ехать, но герцог, по просьбе герцогини, написал ему такое любезное письмо, что отказ сделался невозможным. Поэт явился в Версаль и был представлен герцогине. Она следующими словами встретила автора «Собора Парижской Богоматери»: «Милостивый государь, первое здание, которое я посетила в Париже, была ваша церковь». С этого времени, то есть с июня 1837 года, начинаются постоянные встречи Виктора Гюго с Людовиком-Филиппом, который понимал, что люди подобного ума и развития могли быть ему весьма полезны. Однажды коронованный хозяин и гость-поэт до того

заговорились, что забыли о позднем часе. Слуги вообразили, что король лег спать, потушили освещение и ушли к себе. Когда Виктор Гюго собрался домой, то везде было темно, и Людовик-Филипп, не желая никого будить, сам с канделябром в руке проводил поэта до выходной двери, причем разговор продолжался еще некоторое время на лестнице...» (из очерка А. Паевской «Виктор Гюго, его жизнь и литературная деятельность, Россия, 1891 г.).

• «В Лондоне (начало 1840-х гг. – *Е.М.*) Чарльз Диккенс (1812–1870) был постоянным желанным гостем в знаменитом в то время Горхаузе, салоне леди Блессингтон и графа д'Орсе. В этом салоне собиралось избранное общество. В нем сходились как политические деятели всех партий, так и люди, известные в литературе, науке, искусстве. Сэр Эдвард Литтон Бульвер произносил здесь страстные радикальные речи, поэт Броунинг декламировал свои стихотворения, принц Луи Наполеон (впоследствии Наполеон III) улыбался своей молчаливой, загадочной улыбкой. Диккенс по возвращении из Америки сделался царем всех празднеств в салоне (Лондон, 1842 г. – *Е.М.*). Он устраивал театральные представления, предлагал тосты, произносил остроумные речи, рассказывал и показывал в лицах забавные сцены из американской жизни» (из очерка А. Анненской «Ч. Диккенс, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.). «В марте 1870 года Диккенс был принят королевой Викторией; в продолжение полуторачасовой аудиенции королева милостиво стояла, поскольку писателю придворный этикет не позволял сесть. Он был самым знаменитым из ее подданных, к нему полностью относились слова, сказанные им о Шекспире: «Простолюдин... небесполезный для государства»...» (из книги Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса», Великобритания, 1970 г.). «Свидание романиста с королевой состоялось в 1870 году, после его вторичного посещения Америки (1867–1868 гг.). Диккенс привез фотографические снимки с полей битв, происходивших во время войны за освобождение (США, 1775–1783 гг.), и королева пожелала, чтобы он сам показал их ей. Она очень долго и дружелюбно разговаривала с ним и в заключение подарила ему экземпляр своего «Шотландского дневника», сказав, что это приношение самого скромного одному из самых великих современных писателей...» (из очерка А. Анненской «Ч. Диккенс, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.). «...Еще он присутствовал на утреннем выходе принца Уэльского (Лондон, март 1870 г.). Больная нога не позволила ему свозить Мэйми (младшая дочь Диккенса. – *Е.М.*) на бал во дворец, однако его отношения с двором не прерывались...» (из книги Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса», Великобритания, 1970 г.).

• «Г. Х. Андерсен (1805–1875) пользовался большим расположением датских королей, в царствование которых протекала его жизнь, и являлся желанным гостем при дворе многих иностранных государей и принцев. Он читал им свои произведения и охотно участвовал в придворных празднествах, прогулках и увеселениях. Такое препровождение времени казалось ему роскошным сном, волшебной сказкой и доставляло какую-то детскую радость...» (из очерка М. Бекетовой «Г. Х. Андерсен, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.)

• «Бенедикт Спиноза (1632–1677), с трудом добывая себе пропитание полировкой оптических стекол в бедной голландской деревушке, был удостоен посещения первого европейского полководца, который, дабы повидать философа, остановил на некоторое время всю свою армию... «(из трактата И.Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «В июле 1663 года философ Спиноза перебирается в Ворбург – небольшую деревушку близ Гааги, куда к нему, уже как к знаменитости, стало являться множество посетителей. Дружбы его искали не только ученые, но и люди с высоким общественным положением. Например, во время вторжения французских войск в Голландию философа пожелал видеть принц Конде и просил Спинозу посетить его...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).

• «В Германии ничто не сближает людей, принадлежащих к различным сословиям: здесь чтят чины и звания. В Париже высшие сановники навещали Жана Лерона Д'Аламбера (1717–1783) на его чердаке...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазия», Франция, 1817 г.).

• «В 1787 году состоялся последний визит Адама Смита (1723–1790) в Лондон – он должен был присутствовать на обеде, где собрались многие известные политики. Смит пришел последним. Тотчас же все поднялись, приветствуя уважаемого гостя. «Садитесь,

джентельмены», – сказал он, смущенный таким вниманием. «Нет, – ответил У.Питт (премьер-министр Великобритании в 1783–1801 и 1804–06 гг. – *Е. М.*), – мы останемся стоять, пока Вы не сядете, ведь все мы – Ваши ученики». «Какой необыкновенный человек Питт, – восклицал Адам Смит позднее, – он понимает мои идеи лучше, чем я сам!»...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «В 1816 году императрица-мать послала Николая Павловича (будущий император Николай I – *Е. М.*) в Англию «для изощрения его суждений»... Молодой великий князь побывал в парламенте, в клубах, в политических салонах... По приказу Александра I, интересовавшегося социальными утопиями, Николай в Англии навестил Роберта Оуэна (1771–1858), на которого произвел впечатление... Николай I умел нравиться, когда хотел...» (из книги А. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», т. 2, Франция, 1948 г.).

• «После выхода в свет первых томов «Истории Государства Российского» (1816 г.) Николай Карамзин (1766–1826) жил главным образом в Петербурге, а летом – в Царском Селе. Его отношения ко двору становились все ближе... Например, он писал И. Дмитриеву: «Государь призывал меня к себе и говорил со мною весьма милостиво о вещах обыкновенных. Увидев меня на бале в Павловске в Розовом павильоне, тотчас подошел спросить о здоровье жены и на другой день прислал лакея своего спросить о том же. Это милостиво и тронуло меня. Императрица также приветлива...»...» (из очерка Е. Соловьева «Н.М. Карамзин, его жизнь и научно-литературная деятельность», Россия, 1894 г.). «Последние 10 лет Карамзин провел при дворе: он постоянный собеседник императора в его «зеленом кабинете», то есть во время утренних прогулок по аллеям царскосельского парка, частый гость у вдовствующей и царствующей императриц, великих князей и великих княгинь. Его ласкают, ему даже льстят. Он искренне любит Александра I как человека, ясно видя все его слабости... Но царь любил напомнить, что он царь. Он любил играть масками и резкими переменами условий игры обескураживать собеседника. Карамзин его привлекал именно тем, что в нем чувствовалась жизнь духа, недоступная ни царской милости, ни царскому гневу. Презиравший людей и поэтому любивший унижать тех, кто сам любил унижаться, он чувствовал, что над душой Карамзина власти не имеет... И сразу милости, любезность, щедрая помощь... Александр и в дальнейшем «проверял» Карамзина. Карамзин горько недоумевал в 1818 году: «Зачем *так часто* звали нас, не знаем; зачем некоторое время приметно охолодели к нам, не ведаем» (из книги Ю. Лотмана «Сотворение Карамзина», СССР, 1987 г.).

• «Однажды Ивана Крылова (1769–1844) встретил на Невском проспекте (Петербург, Россия) государь Николай Павлович и сказал ему: «Давненко тебя не видал», на что Иван Андреевич, живший, как известно, в здании Императорской Публичной библиотеки, ответил: «А кажись соседи, Ваше Величество»... В Императорской Публичной библиотеке хранятся разрозненные листки, сколотые булавкой, вырванные, по-видимому, из тетради. На особом листе рукою Н. Гнедича сделана заметка: «Экземпляр басен, сколотый булавкой, который Иван Андреевич в таком виде имел с собой, когда читал императрице Марии Федоровне в Зимнем дворце в 1813 году, будучи со мной»... Император Николай I также благосклонно относился к баснописцу и в 1831 году в числе подарков своих на Новый год наследнику престола прислал бюст Крылова... Императрица Александра Федоровна жаловала часто Крылову букеты. Он хранил их, и засохшие цветы положены были на груди его после смерти, во время отпевания. Крылова приглашали и на маскарады, устраиваемые во дворце. Однажды маскарад устроен был на английский манер... Там Крылов просил дозволения прочесть «Вельможу» – эту басню почему-то не разрешали ему печатать. Она так понравилась царю, что он обнял Крылова, поцеловал его и промолвил: «Пиши, старик, пиши». Разумеется, Крылов получил дозволение ее напечатать, Таким образом, он и теперь умел достигать цели...» (из очерка С. Бриллианта «И. А. Крылов, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Из «Записок» О. Смирновой видно, как близок к дворцовому кругу был наш романтический поэт Василий Жуковский (1783–1852): его там считали «своим»... Раз, например, Жуковский, не будучи приглашен на какое-то интимное собрание во дворец, не явился туда. Когда государыня узнала, что он стеснялся прийти, не имея приглашения, то объявила, что он – «свой», что он «родился приглашенным», и ему нечего ждать официальных, что он – «всегда желанный гость»... Император Николай I очень уважал

Жуковского, исполнял его просьбы и часто подолгу беседовал с ним... Поэт был назначен наставником к великому князю Александру Николаевичу... «В голове одна мысль, в душе одно желание, – пишет Жуковский к Анне Петровне Зонтаг, – не думавши, не гадавши, я сделался наставником Наследника престола! Какая забота и ответственность! Занятие, питательное для души! Цель для целой остальной жизни! Чувствую ее великость и всеми мыслями стремлюсь к ней!.. «Все силы свои в течение 5–6 лет поэт отдавал этому делу, сознавая всю высокую цель его и серьезную ответственность, взятую на себя... После путешествия по России (1837 г.) Жуковский сопутствует своему царственному питомцу по Европе... Воспитание наследника и великих княжон было окончено... Как наставник государя он заслуживает нашей признательности за то, что заронил в душу питомца в те годы, когда сердце глубоко воспринимает впечатления, семена, которые дали благородные всходы в виде освободительных реформ минувшего царствования...» (из очерка В. Огаркова «В.А. Жуковский, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.).

• «Над судьбой Александра Пушкина (1799–1837) личные свойства Императора Николая I и те отношения, которые между ними установились, имели немалую власть... Первая встреча Пушкина с новым царем (1826 г.) была обставлена с наполеоновской театральностью, точно кто-то умышленно старался поразить впечатлительное воображение поэта. Пушкина стремительно выхватили из его тихого Михайловского (поэт был сослан в родовое имение по личному распоряжению Александра I – *Е. М.*), заставили три дня и три ночи скакать без остановки... На четвертый день, 8 сентября 1826 года утром, он был в Москве. Сопровождавший его фельдегер не дал ему заехать ни в гостиницу, ни к дядюшке, Василию Львовичу, а доставил прямо в Кремль, в канцелярию дежурного генерала Потапова. Там его продержали до 4-х часов и немывтого, небритого, усталого доставили в Чудов монастырь, где жил Николай Павлович. Входя в кабинет царя, Пушкин не знал, что его ждет как с ним поступят? Он ожидал суровой встречи и по-своему к ней готовился...» (из книги А. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», Франция, 1948 г.) «Вот как рассказывал впоследствии А. Г. Хомутовой об этом представлении сам Пушкин: «...Всего покрытого грязью меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14-м декабря, если бы был в Петербурге? – «Непременно, государь: все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога!» «Довольно ты надурчился, – возразил император, – надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором...» (из очерка А. Скабичевского «А. С. Пушкин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.). «...»Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин», – сказал царь, отпуская Пушкина. Пушкин вышел из царского кабинета с веселым, счастливым лицом, даже со слезами на глазах, что у него бывало признаком восторженного настроения... «Император принял меня самым любезным образом», – писал Пушкин Осиповой. Вяземский писал Жуковскому: «Государь принял его у себя в кабинете. Говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею» (29 сентября 1826 г.)...» (из книги А. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», Франция, 1948 г.). «...Весть об освобождении Пушкина по милостивой аудиенции, полученной им у государя, быстро разнеслась по Москве, и в торжествах, сопровождавших день коронавания, она была радостно встречена публикой, особенно литературно образованной. И в великосветских салонах, и в литературных кружках Пушкин был принят как первый гость; везде встречали его восторженные овации и поклонение...» (из очерка А. Скабичевского «А.С. Пушкин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.). «Николай I, при всем своем равнодушии к поэзии, почувствовал в поэте что-то, с чем нельзя не считаться. Вызов Пушкина из Михайловского был не просто милостью. Это был политический шаг, поскольку это понятие можно применить к внутренней жизни тогдашней России. Даже сквозь пышность коронационных торжеств царь и его приближенные чувствовали, что часть просвещенного московского дворянства осуждает их за жестокую расправу с декабристами... Николай знал, что среди дворянства накопилась против него затаенная горечь. Он считал выгодным привлечь к себе Пушкина, через этого «корифея либерализма» найти некоторое примирение с

общественным мнением... Когда Пушкин внезапно очутился лицом к лицу с самодержцем, ему и в голову не пришло, что правительству выгодно привлечь его к себе...» (из книги А. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», Франция, 1948 г.).

Художники, граверы, скульпторы

• «Автор «Жизни Лоренцо Медичи» Никколо Валори пишет: «Лоренцо Великолепный делал своим домочадцем всякого, в ком распознавал природные дарования или художественные таланты, милостиво обходился с такими людьми, лелеял их и никогда не покидал»... Под руководством старого архитектора Бертольдо... Лоренцо создает школу для молодых художников и ваятелей. Сюда, к Бертольдо, придет учиться 15-летний Микеланджело Буонарроти (1475–1564). Здесь заметит его Лоренцо, станет юноше отцом и другом, пригласит его жить к себе во дворец...» (из статьи И. Бузукашвили «Лоренцо Великолепный», Россия, 2012 г.). «...Лоренцо Великолепный любил молодого Микеланджело, с которым обходился как с сыном: часто он призывал его к себе, чтобы порадоваться его пылкому восхищению медалями и древностями, которые сам он собирал со страстью... «(из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.). «Микеланджело оставлен был в палаццо Медичи, где занимал иногда одно из первых мест за столом... Лоренцо нередко советовался с юношей о приобретаемых сокровищах искусства и, чтобы дать возможность помогать его отцу и заслужить еще большее расположение последнего, назначил ему жалованье, хотя он пользовался в доме всем, как член семьи...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «1 сентября 1535 года папа Павел III издал бреве, которым Микеланджело Буонарроти (1475–1564) в самой лестной форме давалось звание главного скульптора, живописца и архитектора Ватикана... В Риме Бембо, Кантарини, Иполит Медичи и другие кардиналы, ученые и поэты ищут дружбы Микеланджело. Граф Каносса называет его «любезным родственником», гордится этим, хотя, как мы знаем, родство это было фантазией. Король французский делает ему самые лестные предложения, приглашая к себе... Ни лесть, ни корысть никогда не влияли на его труд и творчество...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В 1509 году Альбрехт Дюрер (1471–1528) стал членом нюрнбергского Большого совета, что было привилегией знатных горожан. В феврале 1512 года его мастерскую посетил император Максимилиан, который хотел сделать Дюрера своим придворным художником...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В столице Австрии молодой Лукас Кранах (1472–1553) добивается первого успеха. В 1504 году курфюрст Фридрих Мудрый Саксонский приглашает его в Виттенберг в качестве придворного живописца, и на пасху 1505 года художник туда переезжает... 1 января 1508 года курфюрст дарует художнику гербовую грамоту... В том же году Кранах отправляется в Мехелен, чтобы написать портрет молодого Карла V... В 1524 году Кранах сопровождает Фридриха Мудрого в Нюрнберг...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Удивительные люди были эти Юлии, Клименты, Павлы! Искусство было их второй религией (первой была политика): славу христианства они видели в том, чтобы распятия в церквах были изваяны так же хорошо, как античные боги. Они чтити художественный гений как Божью благодать, ниспосланную в мир, и боялись оскорбить ее своей необузданностью. Для папы Юлия II Микеланджело Буонарроти (1475–1564) имел ценность собственности римского престола...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «Юлий II, суровый гордый характер которого был создан для того, чтобы еще усиливать такое почитание, смешенное со страхом, не раз достаивал Микеланджело своими посещениями. Он любил его смелый дух, который ничуть не смущали, но лишь раззадоривали препятствия. Этот государь приказал даже соорудить подъемный мост, по которому он мог тайно в любой час проникать в комнату художника. Он осыпал его безграничными милостями. Таковы подлинные выражения историков...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1810 г.).

• «Давно уже забыто, что Рафаэль Санти (1483–1520) жил во дворце Юлия II, что некогда короли обращались с принцами мысли, как равные с равными...» (из статьи О. Бальзака «О художниках», Франция, 1830 г.).

• «Искусство Бенвенуто Челлини (1500–1571) принесло последнее утешение умирающему Клименту VII, который называл скульптора «мой желанный». Заказав ему медали, папа вскоре заболел и, боясь, что не увидит их, приказал принести их к своему смертному одру. И вот умирающий старик приказывает зажечь вокруг себя свечи, приподнимается на подушках, надевает очки – и ничего не видит: смертельный мрак уже застилает ему глаза. Тогда своими негнушимися пальцами он гладит эти медали, стараясь ощупью насладиться прекрасными рельефами; потом он с глубоким вздохом откидывается на подушки и благославляет своего Бенвенуто» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Влияние, оказанное Леонардо да Винчи (1452–1519) на французский двор, было громадно... Известный историк Мишлэ следующим образом повествует о прибытии Леонардо во Францию: «Итальянские изгнанники нашли у Франциска I утешение самое большое, какого могли ждать: он им подражал, копировал их манеры, костюмы, почти их язык. Когда великий Леонардо да Винчи прибыл в Амбуаз (в 1516 году), он стал предметом такого идолопоклонства, что, будучи в возрасте 64 лет, изменил моды. Король и весь двор копировали его костюм, его бороду и его прическу... Без его советов и указаний не обходилось ни одно придворное торжество, начиная с крещения сына короля и кончая бракосочетанием Лоренцо Медичи, герцога Урбинского, с дочерью герцога Бурбонского» (из очерка М. Филиппова «Леонардо да Винчи как художник, ученый и философ», Россия, 1892 г.). «Франциск I часто навещал мастера, чтобы поговорить об искусстве. Юный монарх называл 64-летнего гения «mon pere» («отец») и окружил его высочайшим почетом... Глубокое уважение, которое Франциск I испытывал к Леонардо, прекрасно передано Жаном Энгром, написавшим в 19-м веке полотно – на нем изображен старый художник, умирающий на руках у своего молодого покровителя» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Леонардо да Винчи», российск. изд., 2008 г.). «Вазари, автор первого и самого популярного «Жизнеописания» Леонардо да Винчи, написанного в 16-м веке, рассказывает, как умирал «великий живописец и скульптор флорентийский». Сам король Франции Франциск I, «дабы облегчить страдания умирающего и оказать ему милость, поддержал его за голову, и Леонардо, божественный духом, сознавая, что большей чести он удостоиться не может, почил на руках короля...» Позднее ученые и исследователи жизни Леонардо да Винчи доказали, что это – легенда. В королевских архивах были найдены документы, согласно которым в день, когда великий флорентиец скончался, Франциска I в Амбуазе не было. Но легенда не хочет умирать. И причиной этому – сам Леонардо. Уже для современников его фигура была интригующе загадочной...» (из статьи Д. Петрова «Гений Леонардо», Россия, 2012 г.).

• «Бенвенуто Челлини (1500–1571) пользовался покровительством и дружбой Франциска I, северного варвара из еще убогого тогда Парижа. Король не уставал ходатайствовать перед папой об освобождении Челлини из тюрьмы и приютил его у себя после побега. Трудно указать другой пример, когда бы монарх был столь искренен в своем восхищении искусством. Как некогда крестоносцы изумлялись чудесами Востока, он радуется всему, что Челлини, словно чародей, достанет перед ним из своего рукава... Челлини для него не подданный, король предпочитает звать его «мой друг». «Вот человек, которого должен любить и почитать всякий!» – не устает восклицать Франциск. Этот король, прошедший жизнь в эпических войнах с громадной империей Карла V, умел испытывать сладостное забвение, разглядывая какую-нибудь маленькую безделушку вроде изготовленной Челлини солонки с аллегорическими фигурами Земли и Воды с переплетенными ногами. Однажды кардинал Феррарский повел короля, озабоченного возобновлением войны с императором, взглянуть на модель двери и фонтана для дворца Фонтенбло, законченные Челлини. Первая изображала нимфу в кругу сатиров, сладострастно изогнувшуюся и обвившую левой рукой шею оленя; вторая – нагую фигуру со сломанным копьем. Развеселившийся Франциск мигом забыл все свои горести. «Поистине, я нашел человека себе по сердцу! – воскликнул он и добавил, ударив Бенвенуто по плечу: – Мой друг, я не знаю, кто счастливее: государь ли, который находит

человека по сердцу, или художник, встретивший государя, умеющего его понять». Челлини почтительно сказал, что его удача, безусловно, гораздо больше. «Скажем, что они одинаковы», – смеясь, ответил король» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

- «С 1530 года Тициан (ок.1476/77 или 1489/90–1576) начал работать для императора Карла V, который испытывал к художнику глубокое уважение. Как пишет Вазари: «Искусство Тициана настолько пришлось по душе этому непобедимейшему императору, что он после первого же портрета не пожелал больше быть изображенным каким-либо другим художником...» В 40-е годы Тициан много путешествует. Так в 1543 году художник едет в Болонью по случаю встречи императора Карла V и папы Павла III. Он пишет портрет Павла II по его заказу. Через два года Тициан посещает Рим, где его принимает кардинал Алессандро Фарнезее... «(из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «В Англии Ханс Гольбейн (ок.1498–1543) пользовался покровительством самого короля Генриха VIII... В качестве придворного живописца Гольбейн по поручению короля совершал поездки во Францию и в Нидерланды. Он не знал недостатка в заказах... Широко известны портреты Гольбейна последних 5 лет его жизни: Генриха VIII (1539–1540 гг.), королевы Джен Сеймур (1536 г.), Христины Датской (1538 г.), Эдуарда принца Уэльского (1538–1539 гг.)...» (из сборника Д. Самана «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Громкая слава сопутствует Питеру Рубенсу (1577–1640). Его называют «королем живописцев» и «живописцем королей»... В 20-е годы художник выполняет ряд заказов крупнейших европейских дворов. Его заказчиками становятся герцог Баварский Максимилиан, испанский король Филипп IV, английский король Карл I, королева Франции Мария Медичи. По заказу Марии Медичи Рубенс в 1622–1625 годах пишет большую серию исторических полотен, посвященную жизни королевы. Он создает особый тип исторической картины...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «К концу 1630-х годов известность художника Николя Пуссены (1594–1665) растет. Его не забывают и во Франции, где он работает по заказам французских друзей и почитателей. Слава его доходит в начале 1639 года до Людовика XIII, который по совету Ришелье призывает Пуссена ко двору... В конце 1640 года он отбыл в Париж, оставив дом и жену в Риме... Смерть Людовика XIII в скором времени освободила его от этих обязательств...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- В 1632 году Антонис Ван Дейк (1599–1641) принимает приглашение короля Англии Карла I и, покинув родину, переезжает в Лондон, где проходит последний период его творчества. Ван Дейк становится «главным живописцем на службе их величеств» ... Ван Дейк пишет множество портретов короля (около 30), королевы и их детей. Одним из лучших портретов художника английского периода является «Портрет Карла I» (1635 г.)... Чести позировать ему добивается все высшее общество...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Взошедший на престол 16-летний король Филипп IV (Испания, 1621 г.) сменил практически все придворное окружение своего отца. Узнав о Диего Веласкесе (1599–1660), талантливом художнике из Севильи, он призывает его к себе. Осенью 1623 года Веласкес вместе со своим тестем приехал в Мадрид. Здесь ему оказывает покровительство премьер-министр Оливарес. Художник пишет портрет молодого короля Филиппа IV, имевший большой успех, и вскоре получает звание придворного живописца. Ему отвели парадные апартаменты в одном из крыльев королевского дворца и не менее просторную мастерскую в одном из пригородных замков... Веласкес много раз писал короля Филиппа и его детей... Вскоре популярность Веласкеса выросла настолько, что при дворе стало зазорным не иметь портрета его работы» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «В 1779 году на Франсиско Гойю (1746–1828) обратил внимание король Испании Карл III, который даже назначил ему аудиенцию. Письмо Гойи, датированное этим годом, отразило безграничное счастье художника, наивно восторгалшегося этим событием: «Если бы у меня было больше времени, я бы сообщил тебе о том, какую честь мне оказали король, принц и принцесса; они позволили мне с помощью божьей милости показать им четыре картины, и я поцеловал им руки (такого счастья еще никогда не выпадало на мою долю). Я уверяю тебя, что

я никогда не мог желать ничего большего, чем то, что досталось мне от моей работы, если бы я смог только оценить ту радость, которую они показали при рассмотрении картин, и то удовлетворение, которое в тот день овладело королем, но еще больше Их Высочествами... «Необычайная благосклонность короля Карла III придала Гойе бодрости, и несколькими месяцами позже он добился места придворного художника...» (из книги Д. Ноймайра «Художники в зеркале медицины», Австрия, 1996 г.). «1780-е годы в жизни Франсиско Гойи начинается полоса официальных успехов. В 1780 году его единогласно избирают членом Королевской академии искусств... Ему покровительствовали самые родовитые аристократы Испании – герцог и герцогиня Осуна, герцог и герцогиня Альба...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.). «1783 год принес Гойе несколько счастливых недель, когда он, последовав приглашению инфанта Дон Луиса де Бурбона (брата короля Карла III), прибыл летом в его резиденцию Arenas de San Pedro. Жизнь королевской семьи стала для него новым миром, который неожиданно открылся его взору и очаровал: «В течение месяца я был постоянно около Их Высочеств», – сообщал он с наивной гордостью, подобно тому, как он писал в 1779 году о своей аудиенции у Карла III... Прощаясь с ним, они настаивали на его возвращении, о чем он, преисполненный гордостью, сообщал своему другу Сапатеру: «Мой отъезд вызвал такое сожаление, что мне пришлось их заверить, что по меньшей мере один раз в году я их буду навещать...» Казалось, все изменилось к лучшему: торжественное открытие фресок в церкви Сан-Франсиско эль Гранде (Испания, 1783 г.) неожиданно для него принесло грандиозный успех. Король не только прибыл в сопровождении двора, но и присоединился к всеобщим похвалам, потому что речь шла о тех самых фресках, которые запечатлели прекраснейшие картины эпохи... В 1785 году он наконец подучил почетный заказ – нарисовать портрет Карла III... Талант художника превратил изображаемую модель в шедевр искусства и наградил всемогущего монарха миролюбивыми чертами человеческой сущности... 17 января 1789 года на трон взошел Карл IV, а 25 апреля 1789 года он официально назвал Гойю своим придворным художником... Получив декрет, в котором Франсиско Гойя назывался «придворным художником», наделенным всеми необходимыми для этого правами, он имел возможность обратиться к королю с приветствием «Ваше превосходительство», что сделало его и счастливым и гордым... Так появилось на свет величественное полотно, изображавшее Карла IV и королеву Марию Луизу. Карл IV был так очарован Гойей, что дал ему поручение нарисовать семейный портрет «Карл IV со своей семьей»... Это было «выдающимся произведением 1800 года, в котором Гойя проявил себя как мастер портрета... Гойя виртуозно избрал внешний блеск... но представители королевского дома изображались с почти оскорбительной правдивостью и без каких-либо скидок... Однако, став наивными жертвами великого портретиста, они единодушно хвалили его и безгранично удивлялись...» (из книги А. Ноймайра «Художники в зеркале медицины», Австрия, 1996 г.).

«Поклонники таланта Сальвадора Дали (1904–1989), которых с каждым годом становилось все больше и больше, приезжали в Порт-Льигате (Испания, 1948–1982 гг.) посмотреть на своего гуру. Итальянская княгиня в сопровождении целой свиты прибыла на яхте специально, чтобы повидаться с Дали. Его все чаще называли мэтром. Летом в Порт-Льигате постоянно толпились туристы в надежде получить аудиенцию у художника... Туристы долго ждали, прежде чем появится хозяин дома. Дали распорядился соорудить в глубине патио трон под балдахином из белой ткани. Посетители исполняли роль придворных, пришедших увидеть Короля-Солнце. Новая роль пришлась художнику по душе... В этой свите придворных Короля-Солнца выделялась испанка с русской фамилией Нанита Калашникова. Дали окрестил ее Людовиком XIV. Еще одна приближенная к мэтру, бывшая жена египетского короля Баруха, руководила продажей товаров с маркой Дали...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Однажды к Дали приплыл испанский король Хуан Карлос. Руководитель государства, хорошо относившийся к художнику и его творчеству, наградил его орденом. Король побывал в Порт-Льигате летом 1981 года...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В 1580-х годах Клаудио Монтеверди (1567–1643) жил в Милане, откуда по приглашению герцога Винченцо Гонзага он 23 лет от роду отправился к мантуанскому двору в качестве певца и виртуоза на виоле. Впоследствии (с 1601 года) он стал придворным капельмейстером у Гонзага... Усовершенствованию его искусства... способствовали странствования по Европе в свите Гонзага в Венгрии, Фландрии, общение с выдающимися современниками, среди которых были такие гениальные художники, как, например, Рубенс...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «В детстве Генрих Шютц (1585–1672) пел в хоре, а как музыкант был «открыт» ландсграфом Гессенским (1598 г.). Проезжая через Вайсенфельс, тот остановился в гостинице, хозяевами которой были родители Шютца, и случайно услышал как поет 13-летний Генрих. С того момента он начал настойчиво осаждать родителей мальчика, уговаривая их отдать сына в его придворную капеллу. Сопротивление оказалось серьезным. После многих отказов, и только когда ландсграф окончательно убедил родителей в том, что образование мальчика не пострадает, они согласились почти год спустя отослать сына в Кассель. В этом крупном для своего времени культурном центре он пробыл 8 лет, – годы, заложившие фундамент его будущей деятельности и определившие на всю жизнь его характерный, высокоинтеллектуальный облик. Ландсграф Гессенский меньше всего походил на диктатора-самодура, неспособного понять устремления ищущего музыканта. Наоборот, Шютцу исключительно повезло. Его покровитель был одним из самых просвещенных и художественно одаренных людей своего века в Германии, олицетворявшим своей деятельностью лучшее, что связывается с ренессансным гуманизмом... По возвращении на родину (1617 г.) Шютц окончательно определился как придворный музыкант. Более 40 лет он был связан с капеллой Иоганна-Георга I, могущественного саксонского курфюрста, по существу «похитившего» его у ландсграфа Морица Гессенского. При полном равнодушии Иоганна-Георга к благополучию его рядовых музыкантов, это феодал был страстно влюблен в музыку и не жалел средств на музыкальные празднества и музыкальное оформление всевозможных торжественных событий. Говорили, что он уделяет больше внимания своей капелле, чем армии. И действительно, уступая в этом отношении лишь Баварии, Дрезден мог похвастаться лучшей капеллой Германии как раз в те годы, когда 32-летний Шютц был приглашен стать во главе ее... Шютц не был «заперт на ключ» в дрезденском замке. Он много путешествовал по Германии и другим странам. Его кругозор непрерывно расширялся, а его собственное творчество проникло далеко за пределы Дрездена. Этот процесс начался еще до «саксонского периода», когда в качестве секретаря ландсграфа Морица он сопровождал его в дипломатических миссиях. Среди подобных поездок выделяется путешествие в Наумбург, куда съехались высокопоставленные дворяне – приверженцы протестантской веры. Многие привезли с собой капеллы, и на протяжении нескольких недель музыкальные празднества следовали друг за другом. Не один раз, в том числе и на продолжительное время, Шютц уезжал в Данию. При дворе Христиана IV, известного своим просвещенным покровительством музыке, он создал некоторые свои самые замечательные произведения. Его оперы возникали при разных немецких дворах в Ганновере, Торгау, Брауншвейге, Мекленбурге и других, куда, согласно установившейся общеевропейской практике, Шютца «одалживал» на время саксонский курфюрст...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «В 1679 году Генри Перселл (1658–1695) стал органистом Вестминстерского аббатства, а в первой половине 1680-х годов и придворная капелла, где он еще недавно пел скромным мальчиком, пригласила его на этот пост. Его слава как виртуоза росла. Плебейские слои столицы – музыканты и ремесленники, поэты и рестораторы, актеры и торговцы – составляли один круг его знакомств и заказчиков. Другим был королевский двор с его аристократической и чиновной периферией. Вся жизнь Перселла, развиваясь, проходила между этими полюсами...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Несмотря на гордый, независимый нрав, так характерный для больших художников, Арканджело Корелли (1653–1713) вынужден был связать себя службой у богатых меценатов – кардиналов Панфили и Оттобони. Справедливость требует отметить, что эти деятели церкви, будучи страстными любителями музыки, по достоинству оценили искусство великого *скрипача* и оказывали ему большую поддержку. Он прослужил у них капельмейстером с 1687 года до

смерти в 1713 году. В этот период он создал большую часть своих трио-сонат, знаменитые сонаты для скрипки соло с сопровождением клавесина (1700 г.) и, наконец, *concerti grossi* (1712 г.)» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

- «С 1711 года известность Антонио Вивальди (1678–1741) выходит за пределы родного города. Знаменитые иностранцы, гостиющие в Венеции, не упускают возможности посетить концерты Вивальди. Известно, что еще в 1709 году среди его слушателей был датский король Фридрих IV, которому композитор посвятил свои сонаты для скрипки... С 1720 года начинается трехгодичная служба Вивальди у маркграфа Филиппа фон Гессен-Дармштадского, возглавлявшего в то время войска австрийского императора в Мантуе... Последнее исполнение музыки Вивальди связано с пребыванием в Венеции курфюрста Саксонии Фридриха Кристиана. При его посещении 21 марта 1740 года исполнялись концерты композитора для многих инструментов...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

- «С конца 1706 года до апреля 1707 года Георг Гендель (1685–1759) жил во Флоренции, а затем отправился в Рим. Осенью 1708 года Гендель впервые добивается публичного успеха как композитор. При посредстве герцога Фердинанда Тосканского он ставит свою первую итальянскую оперу «Родриго»... В конце 1710 года Гендель отправился в Лондон... В январе 1713 года Гендель пишет монументальный «Те деум» и «Оду ко дню рождения королевы». Ода была исполнена 6 февраля. Королева Анна осталась довольна музыкой и собственноручно подписала разрешение исполнить «Те деум». 7 июля по случаю подписания Утрехтского мира в присутствии королевы и парламента торжественно-величественные звуки генделевского «Те деума» огласили своды собора Св. Павла. После успеха «Те деума» композитор окончательно решил делать карьеру в Англии. До 1720 года Гендель находился на службе у старого герцога Чандоса, бывшего при Анне суперинтендантом королевской армии. Герцог жил в замке Кеннон, близ Лондона, где у него была превосходная капелла. Гендель сочинял для нее музыку...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

- «С 1708 года Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) обосновался в Веймаре. Здесь он служил придворным музыкантом и городским органистом... В 1717 году Бах с семьей переехал в Кетен. При дворе принца Кетенского, куда он был приглашен, не было органа. Бах писал, главным образом, клавирную и оркестровую музыку. В обязанности композитора входило руководить небольшим оркестром, аккомпанировать пению принца и развлекать его игрой на клавесине. Без труда справляясь со своими обязанностями, Бах все свободное время отдавал творчеству» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

- «В 1735 году Кристоф Глюк (1713–1787) становится домашним музыкантом во дворце князей Лобковиц в Вене. Первое пребывание Глюка в Вене оказалось непродолжительным: на одном из вечеров в салоне князей Лобковиц с молодым музыкантом познакомился итальянский аристократ и меценат А. М. Мельци. Очарованный искусством Глюка, он пригласил его в свою домашнюю капеллу в Милане. В 1737 году Глюк вступил в свою новую должность в доме Мельци... В ноябре 1745 года Глюк появляется в Лондоне, сопровождая своего прежнего патрона князя Ф.Лобковица... В 1748 году Глюк получил заказ на оперу для придворного театра в Вене... После триумфального исполнения «Тита» в Неаполе (1752 г.), Глюк возвращается в Вену общепризнанным мастером итальянской оперы-серия. Между тем слава популярной арии достигла столицы австрийской империи, вызвав интерес к ее творцу со стороны принца Йозефа фон Хильдбургхаузена – фельдмаршала и музыкального мецената. Он пригласил Глюка возглавить в качестве «концертмейстера» музыкальные «академии», еженедельно проводившиеся в его дворце. Под руководством Глюка эти концерты скоро стали одними из наиболее интересных событий музыкальной жизни Вены; на них выступали выдающиеся вокалисты и инструменталисты...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

- «Йозеф Гайдн (1732–1809), капельмейстер князя Пауля Антона Эстергази, был в личном контакте с королем Англии и с императором Австрии...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «Король Георг III, никогда не признававший никакой иной музыки, кроме мелодий Генделя, не остался равнодушным к творчеству Гайдна: королева и монарх оказали немецкому виртуозу

необычайно радушный прием...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии», Франция, 1817 г.). «Новый князь Эстергази Николай II (после 1794 г. – *Е.М.*) должен был привыкнуть к тому, что его капельмейстер сидел не за официальным столом – конечно, по его собственному желанию, а за семейным столом князя. Кроме того, в Эйзенштадте, месте ежегодного летнего пребывания, в распоряжение Гайдна была предоставлена квартира в доме рядом с дворцом...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «...Когда же его светлость ввел особую форму для своих оркестрантов, Гайдн получил платье, которое в Эйзенштадте обычно носят лица, имеющие доступ в покои князя... Один английский принц заказал Л. Рейнольдсу портрет Гайдна... Адмирал Г.Нельсон, проезжая через Вену, посетил Йозефа Гайдна, взяв в подарок одно из перьев, которым тот пользовался, и взамен просил принять от него часы, побывавшие с ним во многих сражениях...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии», Франция, 1817 г.).

• «2 или 3 ноября 1792 года Людвиг ван Бетховен (1770–1827) покидает свою рейнскую родину и друзей, увозя в багаже многочисленные музыкальные проекты. Из его путевого дневника можно узнать, что он вначале должен был довольствоваться квартирой в мансарде. Но спустя короткое время считался уже одним из самых интересных и оригинальных явлений музыкальной столицы Вены, причем всеобщее внимание он возбудил прежде всего новыми техническими возможностями и новаторскими выразительными средствами своей игры. Так случилось, что он вскоре получил доступ к высоким дворянским кругам и как друг, и как учитель. Князь Карл Лихновский, который в первые года его пребывания в Вене был одним из важнейших его покровителей, предложил ему квартиру в своем дворце. Это пребывание в княжеском дворце с конца 1794 до середины 1796 года дало ему не только материнскую заботу княгини Кристины и чувство семейной защищенности, но и предоставило благоприятный случай познакомиться со многими важными для него в будущем людьми из дворянских кругов и музыкальной жизни Вены...» (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «Князь Лихновский был учеником и другом Моцарта. Бетховен называл его своим «искреннейшим другом, самым испытанным из всех», и бывал принят в доме князя с распростертыми объятиями; ему не только прощали все неровности характера, но даже находили особую прелесть во всех своевольных выходках эксцентричного молодого человека. Он пользовался особенным расположением княгини Кристины, не чаявшей в нем души и всегда умевшей отстоять своего любимца у более строгого князя. «С истинно материнской любовью и заботливостью, – говорил потом Бетховен, – относились ко мне в этом доме; княгиня лучше всего желала бы поместить меня под стеклянный колпак, чтоб ничто недостойное не могло коснуться меня... Сам князь разучивал произведения Бетховена и старался своим исполнением показать молодому композитору, которого нередко упрекали в слишком большой трудности его произведений, что ему нет необходимости менять что-нибудь в стиле своих произведений...» (из очерка И. Давыдова «Людвиг ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.). «Бетховен был благодарен князю за оказанную милость, посвятив ему свой опус I, три клавирных трио...» (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «В 1805 году Никколо Паганини (1782–1840) едет в Лукку – в герцогство, которым правил Феличе Бачокки, женатый на сестре Наполеона Элизе. Три года служил Паганини в Лукке камерным пианистом и дирижером оркестра. Отношения с княгиней Элизой постепенно приобрели не только официальный характер. Паганини создает и посвящает ей «Любовную сцену», специально написанную для двух струн («Ми» и «Ля»). Другие струны во время игры со скрипки снимались. Сочинение произвело фурор. Затем княгиня потребовала произведение только для одной струны. «Я принял вызов, – рассказывал Паганини, – и спустя несколько недель написал военную сонату «Наполеон» для струны «Соль», которую исполнил на придворном концерте 25 августа». Успех превзошел самые смелые ожидания... Прошло почти три года службы, и Паганини начали тяготить отношения с Элизой, двором, ему вновь захотелось артистической и личной свободы. Воспользовавшись разрешением уезжать на концерты, он не спешил вернуться в Лукку. Однако Элиза не выпускала Паганини из поля

своего зрения. В 1808 году она получила во владение Тосканское герцогство со столицей Флоренцией. Праздник следовал за праздником. Снова нужен был Паганини. И он был вынужден вернуться. Во Флоренции прошло еще четыре года его придворной службы...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). «При дворе Элизы всегда витал легкий дух скандала... Наиболее интригующим из ее увлечений стал роман с мрачным скрипачом Паганини. Элиза назначила его придворным музыкантом и капитаном своей лейб-гвардии... И дело вовсе не в том, что супруг Элизы, Феликс, привил ей особое пристрастие к скрипке. Элиза всей душой искренне любила музыку...» (из книги Д. Стюарда «Семья Наполеона», США, 1986 г.).

• «Без денег, преследуемый кредиторами, молодой пианист Карл Мария фон Вебер (1786–1826) отправился в турне по городам Германии (1806 г.). Здесь ему повезло. Фрейлина Брелонде, придворная дама герцогини Вюртембергской, способствовала его представлению Евгению Фридриху фон Вюртемберг-Эльс. Карл Мария занял место музыкального директора в замке Карлсруэ, построенном в лесах верхней Силезии... Теперь у него появилось немало времени для сочинительства. 20-летний композитор за осень 1806 и зиму 1807 года написал концертину для трубы, а также две симфонии...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Зимой 1823 года Листы перебираются в Париж... Слава чудо-ребенка Ференца Листа (1811–1886) опередила его приезд. Блестящие рекомендации открывали двери самых аристократических салонов столицы. Не прошло и несколько недель, как Ференц играл во дворце герцогини Беррийской, где собирались члены королевской семьи. Успех этого выступления был равносильным признанию всего Парижа. Однажды он играл у герцога Орлеанского – будущего короля Франции Луи-Филиппа. Своими импровизациями он привел его в восторг. Очарованный герцог содействовал устройству концерта Листа в Итальянском оперном театре... Этот триумф окончательно закрепил за Листом славу нового Моцарта. Его музыкальную карьеру в Париже можно было считать обеспеченной...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Королева Мария-Амелия уведомила Винченцо Беллини (1801–1835), что приедет на второе представление его оперы «Пуритане»... Дж. Россини поспешил еще в день премьеры (Париж, 21 января 1835 г. – *Е.М.*) известить Сантоканале об успехе «Пуритан»: «С удовольствием сообщаю вам, что опера Беллини «Пуритане в Шотландии», сочиненная для Парижа, имела блестящий успех. Певцов и композитора два раза вызывали на просцениум, и должен сказать, что в Париже подобное проявление успеха редко, и его добиваются только по заслугам...» Чтобы торжественно поднести свое творение высочайшей особе, Беллини через посла Неаполитанского королевства князя Бутера испросил аудиенцию у королевы. Прием был назначен на 5 февраля 1835 года. И выглядел он несколько необычно по сравнению с другими аудиенциями во дворце: строгий придворный этикет уступил место самой сердечной беседе, ибо в тот день в зале Тюильри встретились три соотечественника и два земляка: Беллини был родом из Катании, князь Бутера, сопровождавший его, – из Палермо, а королева Мария-Амелия была дочерью короля Фердинанда I, Бурбонского. Родившаяся в Казерте, воспитанная в Палермо, она вышла замуж за Луи-Филиппа Орлеанского, который в то время находился в изгнании, а теперь стал королем Франции. Посвящение Беллини было особенно приятно королеве. В Тюильри был устроен большой концерт из сочинений катанийца с участием лучших певцов Итальянского театра. Об этом блистательном вечере сохранился отчет, который дал музыкант Флоримо... Нам известно, что при дворе пожелали услышать сцены и арии из «Нормы», еще не исполнявшейся в Париже, и финал оперы произвел – по свидетельству Беллини – удивительное впечатление. Король с королевой не однажды подходили к роялю, чтобы с большой любезностью выразить свое восхищение. Королевский прием стал счастливой вехой в официальном утверждении Беллини во французском музыкальном мире. Успех был единодушным и при дворе, и в театре...» (из книги Ф.Пастура «Винченцо Беллини», Италия, 1959 г.).

• «Около 1828–1830 годов Михаил Глинка (1804–1857) успел познакомиться со многими выдающимися литературными знаменитостями того времени, например, с Пушкиным, Грибоедовым, Жуковским, бароном Дельвигом, Мицкевичем. Слава его среди избранного

петербургского общества была уже так велика, что князь С.Г. Голицын, желая познакомить Глинку с Н.Н. Норовым (впоследствии товарищем министра финансов), дал нашему музыканту рекомендательное письмо такого лаконического содержания: «Податель этой записки – Глинка». И результатом такой известности было множество очень лестных приглашений, разнообразивших жизнь композитора самым желательным образом. Так, во главе целой группы приятелей-дилетантов музыки Глинка ездил к князьям Голицыным, жившим в то время на Черной речке, и давал там свои знаменитые серенады, приобретенные потом историческую известность, – так много шума наделали в тогдашнем обществе эти веселые музыкальные поездки. Князь Кочубей, президент государственного совета, приглашал ту же избранную компанию к себе в Царское Село. Предпринимались иногда и более отдаленные поездки, верст за 200 от Петербурга, например, по приглашению графини Строгоновой в ее имение, находившееся где-то около Новгорода...» (из очерка С. Базунова «М. Глинка, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Фридерик Шопен (1810–1849) прибыл в Париж в середине сентября 1831 года... Уже в конце февраля 1832 года ему удалось выступить с фортепианным концертом фа-минор и вариациями на тему «Lb si darem» в салонах владельца известной фортепианной фабрики и своего будущего друга Камила Плейеля. Выступления прошли с большим успехом, как писал Ф. Лист, «бурных аплодисментов было недостаточно для того, чтобы выразить тот энтузиазм, который вызвал у нас этот гениальный музыкант, открывший с помощью удачных формальных нововведений новую фазу поэтического восприятия». Однако в те времена успех музыканта в Париже определяли не только публичные концерты, но и, как минимум в той же степени, выступления в частных салонах, куда Шопен был очень скоро допущен, причем как в салоны Чарторыйских и других поляков, так и в салоны парижской аристократии и буржуазии... Когда он встретил только что прибывшего в Париж князя Валентина Радзивилла, он в тот же вечер взял Шопена с собой на прием, который устраивал барон Ротшильд. Игра Шопена настолько потрясла всех присутствовавших, что баронесса Ротшильд немедленно выразила желание брать у него уроки, став таким образом его первой ученицей. Аристократия немедленно последовала этому примеру, и через несколько недель он был одним из самых модных людей французской столицы...» (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина», Австрия, 1995 г.).

• «В конце апреля 1848 года Фридерик Шопен (1810–1849) прибыл в Лондон и намеревался провести там неопределенно долгое время. Он имел в виду дать там несколько концертов, но потом раздумал... Вскоре после своих дебютов Шопен уехал в Шотландию, в имение лорда Торнпшена – родственника одной его большой поклонницы, мисс Стирлинг. Мисс Джэн Стирлинг происходила из старинной шотландской семьи, была очень богата и замечательно хороша собой... В 46-м году она приехала в Париж, чтобы заниматься музыкой, там познакомилась с Шопеном и с тех пор сделалась его неизменной горячей поклонницей. Говорят, что она была очень влюблена в него и с удовольствием вышла бы за него замуж. Но сам Шопен совершенно не разделял ее чувств: он хорошо относился к ней, но совсем не любил ее и о браке с ней не думал... В Шотландии он, по его собственному выражению, «кочевал от одного лорда к другому, от одного герцога к другому и всюду носил с собою свою хандру и нездоровье». В Шотландии, как и везде, он скоро сделался общим любимцем и баловнем, и разные лорды и герцоги старались хоть на время завлечь его в свои поместья. Изысканная роскошь и комфорт, царившие в их старинных замках, очень нравились Шопену: чудные рояли, картины, библиотеки, изящная обстановка, прекрасный стол, дорогие вина и, главное, необыкновенная любезность и радушное гостеприимство хозяев – все это вполне соответствовало его вкусам и привычкам и не оставляло желать ничего лучшего...» (из очерка Л. Давыдовой «Ф. Шопен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «В 1864 году умер Максимилиан, король баварский, – и в марте этого года на баварский престол вступил известный Людовик II. Это был 19-летний юноша, мечтатель и мистик, восторженный поклонник «национального драматического искусства» и теорий Рихарда Вагнера (1813–1883), в особенности. «Лоэнгрином» он, как известно, просто бредил, и таким образом судьба маэстро была в дальнейшем более или менее обеспечена... Немного дней спустя Вагнер уже въехал в Мюнхен, где баварский король встретил его самым радушным образом и тотчас же назначил ему пенсию... Молодой король питал к Вагнеру нечто гораздо

большее, чем обыкновенное чувство уважения; это была привязанность, это была дружба и даже нечто еще большее: это было какое-то страстное обожание, очень близкое к помешательству. Он окружил себя картинами и эстампами, изображавшими разные сцены из музыкальных драм Вагнера; он бредил Вагнером и только Вагнером, решительно забывая свои обязанности правителя. Говорят даже, что он носил костюмы – театральные костюмы разных героев его произведений. Впоследствии он приказал еще изготовить для себя особый челнок, который везли два искусственных лебедя, снабженные очень сложными механизмами; и на том челноке бедный король, одетый в костюм Лоэнгринга, катался по озеру замка Штарнберг, воображая себя рыцарем Грааля...» (из очерка С. Базунова «Р. Вагнер, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1891 г.).

Вокалисты

• «В день приезда в Мадрид (1737 г.) «музико» Фаринелли (1705–1782) выступил перед королем и королевой Испании и долгие годы не пел публично... Дело в том, что испанская королева пригласила Фаринелли в Испанию с тайной надеждой вывести своего мужа Филиппа V из состояния депрессии, граничащей с безумием. Тот постоянно жаловался на ужасные головные боли, запирался в одной из комнат дворца Ла Гранха, не мылся и не менял белья, считая себя умершим. «Филипп потрясен первой арией, исполненной Фаринелли, – сообщал в своем донесении посол Великобритании сэр Уильям Кока. – С окончанием второй он послал за певцом, расхвалил его, пообещав дать ему все, что он только пожелает. Фаринелли попросил его лишь встать, умыться, переодеться и провести заседание кабинета министров. Король повиновался и с тех пор выздоравливает». После этого Филипп каждый вечер зовет Фаринелли к себе. В течение 10 лет певец не выступал перед публикой, так как каждый день пел королю четыре любимые арии... Менее чем через 3 недели после приезда в Мадрид Фаринелли назначается придворным певцом короля. Монарх уточнил, что певец подчиняется только лично ему и королеве. С тех пор Фаринелли пользуется огромной властью при испанском дворе, но никогда ею не злоупотребляет. Стремится лишь облегчить болезнь короля, защитить артистов придворного театра и заставить своих зрителей любить итальянскую оперу...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «В 1761 году «музико» Фаринелли (1705–1782) поселяется в своем роскошном доме в окрестностях Болоньи. Он ведет жизнь богатого человека, удовлетворяя свои склонности к искусствам и наукам... Вся Европа приходила воздать почести тому, кого считала величайшим певцом всех времен: Глюк, Гайдн, Моцарт, император Австрии, саксонская принцесса, герцог Пармы...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «14 октября 1843 года Полина Виардо (1821–1910) прибыла в русскую столицу – итальянская опера начинала свой сезон в Петербурге... Виардо вскоре завязала тесное знакомство с лучшими представителями русской художественной интеллигенции: часто бывала в доме Виельгорских, – на долгие годы одним из ее лучших друзей стал граф Матвей Юрьевич Виельгорский... В одном из ее писем к Матвею Виельгорскому есть такие строки: «Каждый раз, когда я сажусь в карету и еду в Итальянский театр, я воображаю себя на дороге в Большой театр. И если на улицах немного туманно – иллюзия бывает полной. Но едва лишь карета останавливается, как она исчезает, и я глубоко вздыхаю...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «Основную слушательскую аудиторию Александра Вертинского (1889–1957) за рубежом составляла русская эмиграция. Иностранцы посещали концерты российского певца большей частью из любопытства. Его слушали король Густав Шведский, Альфонс Испанский, Кароль Румынский, Вандербильды, Ротшильды... Громче всех аплодировал Вертинскому наследник английского престола принц Уэльский. После представления он пригласил артиста разделить с ним трапезу. «Я был растерян... – рассказывал Александр Николаевич. – Признаюсь, принц быстро добился моего расположения. Оказалось – нормальный парень! Неглупый, контактный, дружелюбный. Я немного пел. Он много шутил. Мы интересно беседовали на темы искусства, политики. Я рассказывал о России. Он – о трудностях управления Великобританией... В результате список моих «друзей» пополнился королевской особой...» (из сборника И.

Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Эдит Пиаф (1915–1963) приходилось встречаться со многими сильными мира сего, на ее концертах присутствовали короли. В кабаре на Елисейских полях побывала наследница престола Елизавета с мужем герцогом Эдинбургским. Они горячо аплодировали Пиаф, а в конце пригласили поужинать вместе. Пиаф рассказывала: «Я соглашаюсь, а сама думаю: наверное, по этикету полагается сделать реверанс. Но тут герцог встает из-за стола, пододвигает мне стул, я спешу сесть. Таким образом, мне не пришлось ничего делать. Мы начинаем болтать, честно говоря, принцесса мне понравилась: она милая, простая и в жизни гораздо лучше, чем в кинохронике...» Пиаф возвращалась домой в сопровождении свиты, состоящей из поклонников, журналистов, снобов – всех тех, кто назавтра мог похвастаться: «Я провел вечер у Пиаф»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «В 1964 году, в день рождения Авраама Линкольна, состоялся концерт группы «Битлз» в «Карнеги-холл» (США). Билеты на концерт были распроданы за два часа. Для тех, кому они не достались, решили поставить кресла на сцене. Среди таких «безбилетников» была сама миссис Рокфеллер...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Голос»... Это самое известное прозвище американского певца Фрэнка Синатры (1915–1998)... Он знал всех президентов, начиная с Франклина Рузвельта, пригласившего его на чай в Белый дом. Позже он ездил на Гавайи агитировать за Джона Кеннеди, поддерживал демократа Спирса Агни республиканцев Ричарда Никсона и Рональда Рейгана. 17 апреля 1973 года Синатра пел на официальном обеде в Белом доме в честь премьер-министра Италии Дж. Андреотти. Микрофон для него установил лично президент Соединенных Штатов. Синатре аплодировали стоя...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Один из самых необычных концертов тенора Лучано Паваротти (1935–2007) состоялся в 1991 году в лондонском Гайд-парке при большом скоплении народа. В первых рядах сидели принц Уэльский и принцесса Диана, премьер-министр Джон Мейджор с супругой, другие знатные гости. Как назло, зарядил дождь. Когда начался концерт, в первых рядах раскрыли зонтики. Но по громкоговорителю всех попросили закрыть зонтики, так как никому ничего не было видно. Принцесса Диана сразу же сложила зонтик, и все последовали ее примеру. Кое-кому в публике повезло: на них были дождевики и шляпы с полями от дождя. Остальные же просто сидели и мокли, в том числе и почетные гости в первых рядах...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Актеры, артисты балета

«Незадолго до смерти Дейвид Гаррик (1717–1779) мог убедиться в силе своей популярности. Артист слушал с галереи прения в парламенте (Лондон, Великобритания). Рассматривался один из «интимных» правительственных вопросов. Ораторы увлеклись и перешли, как говорится, на личности. По закону публика не имела права присутствовать при такого рода прениях. Провинциальный сквайр, державший речь, потребовал удаления Гаррика. Тогда поднялся Берк и со свойственным ему горячим, увлекательным красноречием запротестовал. Он не находит возможным приравнивать Гаррика к обычной публике и удалять из парламента «их общего учителя». Фокс поддержал его протест, и нижняя палата постановила оставить знаменитого артиста на его месте... Понятно, что перед таким человеком преклонялись все и каждый...» (из очерка Т. Полнера «Дэйвид Гаррик, его жизнь и сценическая деятельность», Россия, 1891 г.).

- «Давнее знакомство с одним молодым лейтенантом-корсиканцем открыло перед Франсуа-Жозефом Тальма (1763–1826) двери Сен-Клу и Мальмезона (дворцы, которые занимали Наполеон и Жозефина в период консульства. – Е.М.): после 1799 года он играет в дворцовых спектаклях и обучает искусству декламации братьев и сестер Наполеона. Первый консул балует его, посещает спектакли, входит в обсуждение ролей...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «...На одном представлении (3 мая 1798 года) присутствовал генерал Бонапарт. В этот вечер

Тальма превзошел себя, он играл с каким-то большим нервным напряжением. Бонапарт бурно приветствовал актера из ложи...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «По соблазнительной, но опровергнутой легенде Тальма обучал Наполеона манерам королей. Зато достоверно известно, что Наполеон давал сценические советы Тальма: «Берите пример с меня, Тальма. Мой дворец – сцена современной трагедии, а я сам – трагический герой. Но я не воздеваю глаза и руки к небу, как это делают ваши Цезарь и Цинна»... Тальма и Наполеон даже вместе изменились внешне: у них исчезла республиканская худоба, и восторженный пламень в глазах сменился спокойной уверенностью гения...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «Старые отношения между Тальма и Бонапартом не прерывались...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «После коронации Наполеона (1804 г.) Тальма некоторое время перестал бывать во дворце, объяснив друзьям, что теперь между Французской Комедией и Тюильри слишком большое расстояние. Император, которому передали эти слова, нахмурил брови: «Не понимаю, за что Тальма дуется на меня?» На другой день Тальма был в Тюильри...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «После победы при Аустерлице Наполеон в январе 1806 года вернулся в Париж и уже через два дня посетил «Комеди Франсез», где шел «Манлий Капитолийский». Когда Наполеон вошел в ложу, восторженные овации заставили прервать спектакль. Зрители и актеры рукоплескали императору. А он стоя аплодировал Тальма. Острословы говорили, что два великих актера приветствуют друг друга...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «Всеевропейское признание пришло к Тальма в 1808 году. Собираясь на свидание с Александром I в Эрфурт, Наполеон сказал: «Тальма, я тебя повезу играть перед партером царей». Там, в Эрфурте, Тальма продемонстрировал Европе, по-видимому, все, чего может достичь искусство в мире политики. На представлении Вольтерова «Эдипа», когда Тальма в роли Филоктета произнес: «Дружба великого человека – благодеяние богов», Александр I повернулся к Наполеону и демонстративно пожал ему руку...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «В 1879 году «Комеди Франсез» гастролирует в Лондоне. Сара Бернар (1844–1923) становится любимицей английской публики. После «Федры» ей устраивают овацию, «не имевшую аналогов в истории английского театра»... В Лондоне внимание принца Гальского открывало ей доступ в дома самых аристократических семейств. И каждый раз она возвращалась во Францию еще более богатой, чем прежде...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.)

• «Появление звезд кино среди «простых смертных» казалось настоящим чудом... Восторженное письмо прислал Мэри Пикфорд (1893–1979) китайский принц, а принцесса Красное Перо из Саскачевана подарила Мэри ботинки из оленьей кожи и мокасины. «Дорогая мисс Пикфорд, – писала юная принцесса, – мне 13 лет, и у меня есть ваша фотография, которую я вырезала из журнала нашей учительницы. Мне вы очень нравитесь, и поэтому я посылаю вам свои ботинки и мокасины. Я ношу такие же. Пришлите мне, пожалуйста, обувь, которую носите вы». Мэри отправила принцессе домашние шлепанцы и замшевые туфли... В Египте они ездили верхом на верблюдах, плавали по Нилу и взбирались на пирамиды. В Шанхае лакомились китайскими блюдами. Позднее Пикфорд плакала, вспоминая Кобе, Осаку и Киото, где японки целовали ей ноги. Они пили чай с императором Хирохито, играли в гольф с его племянником и получили в подарок гобелены, а также изделия из нефрита и слоновой кости...

Мировой успех Мэри Пикфорд был поистине грандиозен. Когда звездная чета прибыла в Англию, школьники потребовали прервать занятия, чтобы приветствовать Дугласа Фэрбенкса и Мэри. В стране были отменены спортивные состязания... В Лондоне движение автомобилей вокруг отеля «Ритц», где остановились Пикфорд и Фэрбенкс, замерло в радиусе нескольких миль. Сам король Георг V на своем лимузине попал в пробку и в течение 20 минут вынужден был наблюдать за разгоряченной толпой. Лондонцы не сводили глаз с балкона Пикфорд...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В своей студии актер Дуглас Фэрбенкс (1883–1939) располагал роскошными

апартаментами с турецкой баней и бассейном для плавания. Здесь он принимал своих знаменитых гостей: угощал их завтраками, водил по студии и показывал, как делаются фильмы. После съемок все шло в частный спортзал при студии «Пикфорд-Фэрбенкс». По слухам герцог Альба фехтовал в этом зале, сэр Артур Конан Дойль боксировал с грушей, а король Швеции демонстрировал шведскую гимнастику... «Привет, Дуг, – сказал как-то утром Ч. Чаплин. – Как поживает герцог?» – «Какой герцог?» – спросил Фэрбенкс. – «О, – пожал плечами Чаплин, – любой герцог». Естественно, когда у Фэрбенксов в гостях бывали герцоги, то в первый вечер обычно слышалось официально «ваша светлость», но очень скоро «ваша светлость» уступало фамильярному «Джорджи» или «Джимми...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В 1931 году Чарльз Чаплин (1889–1977) отправляется в Европу, чтобы представить публике новую комедию – «Огни большого города»... Когда Лондон и английская аристократия наскучили Чаплину, он отправился в Нидерланды и там сел на берлинский экспресс. Теперь его слава гремела и по всей Германии. На вокзале Чаплина ожидала 100-тысячная толпа... Его принимали депутаты рейхстага, принц Генрих Прусский лично провел экскурсию по Потсдаму...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Марлен Дитрих (1901–1992) стала легендой еще при жизни. Блестящая звезда Голливуда, королева эстрады... Знаменитости искали встреч с Дитрих, чтобы сфотографироваться вместе. Герцоги, генералы и высшие чины наперебой приглашали ее отобедать... Среди ее поклонников были Ремарк и Хемингуэй, Джон Кеннеди и Рейган, и многие другие... В одной книге можно было прочесть такое высказывание: «Ее ум сравним с умом таких выдающихся деятелей, как Наполеон, Цезарь, Муссолини и Ленин...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Знаменитая, богатая, независимая, Грета Гарбо (1905–1990) могла делать все, что хотела... По совету друзей-бизнесменов, среди которых были Ротшильды и Онассис, Грета покупала картины... Изредка ее встречали с принцем Зигвардом, бароном Эриком Ротшильдом-Гольдшмидтом, Уистоном Черчиллем... На рубеже 1940-х годов Гарбо тесно общалась с Валентиной Николаевной Саниной, известной владелицей знаменитого дома моделей «Валентина»... Ее самой близкой подругой была жена сына шведского короля Керстин Бернадот...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2007 г.).

«София Лорен (р.1934) принимает активное участие в благотворительных вечерах и встречах, посещает международные фестивали... Все тянутся к Софии, все жаждут блеска, который она излучает. Отель для миллиардеров в Лас-Вегасе открывали с ее участием, она придала особый лоск первому полету по новой авиалинии Милан – Сан-Франциско... Союз американских дизайнеров моды удостоил ее премии «За жизнь, полную шарма...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2003 г.).

• «Однажды на приеме в Белом доме артист балета Михаил Барышников (р.1948) оказался за одним столом рядом с принцессой Уэльской. Диана спросила его: «Вы меня, конечно, не помните?» – «Простите, Ваше Высочество?» «До замужества я не пропустила ни одного вашего выступления в «Ковент-Гардене». А однажды вместе с другими вашими поклонницами дождалась вас после спектакля, и вы мне даже дали автограф». – «И что же я Вам тогда написал?» «Только фамилию. Мне кажется, вы тогда очень торопились». Но, наверное, так выглядит слава: будущая принцесса Уэльская в очереди за автографом, приемы в Белом доме и Елисейском дворце, Голливуд и Бродвей. Телевидение, толпы поклонников и восхищение всего мира...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Гордость британской и мировой музыкальной сцены, певец и пианист, Элтон Джон (р.1947) покорила сердца миллионов людей во всем мире... Он приобрел старинное поместье Вудсайд в Виндзоре и подружился с королевской семьей, жившей по соседству. Во время чаепития принцесса Маргарет, улыбнувшись, сказала Элтону Джону: «Ваше фортепьяно звучит громче, чем двигатели «Конкорда»!». Музыканту это сравнение очень понравилось, и во время гастролей по Великобритании он теперь представлялся: «Громче, чем «Конкорд» (но не такой красивый)...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Спортсмены, шахматисты

• «Эфиопский легкоатлет Абебе Бикила (1932–1973) был чемпионом XVII (Рим, 1960 г.) и XVIII (Токио, 1964 г.) Олимпийских игр... Нетрудно представить, что солдата императорской гвардии, ставшего олимпийским чемпионом (1960 г.), на родине встречали, словно он сам был императором. Ожидая приземления самолета, вдоль шоссе, ведущего из аэропорта в Аддис-Абебу, выстроились сотни тысяч ликующих соотечественников. Когда чемпион появился на трапе, грянула песня, которую написали специально для этого момента. Толпа подхватила Бикилу на руки и понесла к военному грузовику, выкрашенному в белый цвет. В кузове был устроен пьедестал почета – помост, увитый цветами. Стоя на нем, Бикила и в самом деле был похож на императора. Грузовик медленно ехал вдоль ликующей толпы, растянувшейся на километры. А перед ним следовал автомобиль, в котором на специальной площадке сидел львенок, символ Эфиопии. Так, двигаясь вслед за «живым гербом», триумфатор доехал до императорского дворца, где Хайле Силасие I вручил солдату своей гвардии орден «Звезда Эфиопии»...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Эдсон Арантес ду Насименту, прославившийся под именем Пеле (р. 1940), трехкратный чемпион мира по футболу, встречался с королями, императорами, президентами и главами государств...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Шах Ирана вынужден был прождать целых 3 часа в одном международном аэропорту только ради того, чтобы лично поговорить с Пеле и попросить у него автограф. Кстати, всего Пеле посетил около 100 стран, встречался с дюжиной королей, пятью императорами, лично знал всех понтификов, начиная с Пия XII и заканчивая Иоанном Павлом II, а счет президентов и других политиков, которые не преминули сфотографироваться с Пеле на память, перевалил за сотню еще до того, как ему довелось «потренироваться» на лужайке перед Белым домом вместе с Джимми Картером, Джеральдом Фордом и Рональдом Рейганом. Но и это вскоре случилось...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «В честь возвращения Роберта Фишера (1943–2008) из Рейкьявика (после победы над чемпионом мира Б. Спасским, Исландия, 1972 г.) в США был выпущен специальный значок с выгравированной надписью: «Нью-Йорк приветствует Фишера – первого американского чемпиона мира по шахматам». Мэр Нью-Йорка г-н Линдсей издал закон, по которому пятница 2 сентября 1972 года значится «днем Бобби Фишера». Встречающие хором из тысяч голосов приветствовали своего чемпиона словами: «Бобби, ты самый великий!» Из Сан-Клементе, места своего отдыха (сентябрь 1972 года), президент США Ричард Никсон послал Р. Фишеру телеграмму, в которой пожелал счастья и успехов «абсолютному чемпиону труднейшей игры в мире»...» (из книги Е. Мансурова «Загадка Фишера», Россия, 1992 г.).

• «Когда Марион Джонс (р. 1977 г.) вскоре после победы на сиднейской Олимпиаде (Австралия, 2000 г.) приехала на несколько дней в столицу крошечного государства в Центральной Америке Белиз, которая также называется Белиз (на историческую родину ее матери. – Е.М.), казалось, ее встречает едва ли не весь народ. Она проехала по улицам, как триумфатор, автомобиль со звездой спорта с трудом пробивался сквозь толпы, высыпающие на мостовые. Премьер-министр Белиза вручил легкоатлетке Марион Джонс одну из высших государственных наград... Блестящая победа спортсменки в Сиднее была воспринята маленькой страной как национальный триумф. Джонс здесь считают своей, хотя в Белизе родилась и выросла только ее мать. Но и сама олимпийская чемпионка при всяком удобном случае всегда подчеркивает, что ее родина – Белиз. Во всяком случае, завоевав в Сиднее свою первую золотую медаль в забеге на стометровке, круг почета по стадиону она пробежала затем с флагом Белиза в руках...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

VI. Как устраняют препятствия, которые могли бы «помешать гению воспарить», или «Слава, оплаченная по настоящей цене»

Ученые, естествоиспытатели, математики

• «После смерти Исаак Ньютон (1643–1727) оставил 30 000 фунтов стерлингов, хотя его зарплата как профессора Кембриджского университета не превышала 250 фунтов в год. Правда, с 1690 года до самой смерти (1727 г.) он возглавлял Королевский монетный двор. За это он получал 600 фунтов в год. Кроме того, с каждого фунта выплавленного серебра ему полагались комиссионные в размере серебряной монетки в 3 пенса...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.). «И. Ньютон умер 2 марта 1727 года состоятельным человеком. Не только потому, что работал смотрителем Монетного двора, но и потому, что он был очень экономным. Помимо золотых слитков и денег он владел библиотекой, которая насчитывала более 2 000 книг. Довольно внушительное наследство...» (из книги Й. Циттлау «От Диогена до Джобса, Гейтса и Цукерберга. «Ботаники», изменившие мир», Германия, 2011 г.).

• «Готфрид Лейбниц (1646–1716), не оцененный по достоинству на родине, чрезвычайно гордился своими отношениями с Петром I... В 1712 году Петр I принял Лейбница на русскую службу и назначил ему пенсию в размере 2 000 гульденов...» (из книги П. Таранова «От Монтеня до В.В. Розанова», Россия, 2001 г.).

• «В 1742 году сбылась мечта Карла Линнея (1707–1778) и он становится профессором ботаники в своем родном университете (г. Упсала, Швеция)... Внешние успехи и почести сыпались на него со всех сторон. В тот век – век просвещенного абсолютизма и меценатов, – ученые были в моде, и Линней был из числа тех передовых умов прошлого столетия, на которых сыпались любезности государей. Ученый купил себе около Упсалы небольшое имение Гаммарба, где и проводил лето в последние 15 лет своей жизни...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Леонард Эйлер (1707–1783), швейцарец по происхождению, подарил России самые значительные свои труды, более 30 лет прожил и умер в Петербурге... При регентстве Анны Леопольдовны он вынужден был уехать в Берлин. Но русская академия продолжала считать его своим членом, за опубликованные сочинения ему посылали в Берлин деньги, поддерживая материально нуждавшегося ученого. Узнав, что во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) пострадало его поместье, фельдмаршал Петр Семенович Салтыков щедро оплатил все издержки, а императрица прибавила к ним 4 тысячи рублей. Сам он очень тосковал по Петербургу... И он вернулся...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

• «Адам Смит (1723–1790) стал настолько популярен, что вскоре после издания «Теории нравственных чувств» (Англия, 1759 г.) получил предложение от герцога Баклейского сопровождать его семью в поездке по Европе. Аргументы, заставившие уважаемого профессора бросить университетскую кафедру и привычный круг общения, были весомы: герцог обещал ему 300 фунтов в год не только на время путешествия, но и после, что было особенно привлекательно. Постоянная пенсия до конца жизни избавляла от необходимости зарабатывать средства к существованию...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «В 1832 году Джон Дальтон (1766–1844) был удостоен самого высокого отличия Оксфордского университета. Ему присудили степень доктора юридических наук. Из естествоиспытателей того времени такой чести был удостоен только Фарадей. И английское правительство вынуждено было заинтересоваться судьбой Дальтона. В 1833 году ему назначили пенсию. Решение правительства было зачитано на торжественном заседании в Кембриджском университете...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Король Фридрих-Вильгельм III был лично расположен к Александру Гумбольдту (1769–1859), любил его беседу и дорожил его обществом. Он пригласил своего ученого друга переселиться в Берлин... Гумбольдт был уже осыпан королевскими милостями: получил звание камергера, различные знаки отличия, пенсию в 5 тысяч талеров...» (из очерка Ш. Энгельгардта «А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «А. Гумбольдт прибыл в прусскую столицу в ноябре 1805 года... Его уже успели избрать действительным членом Академии наук, а прусский король, в свою очередь, в знак признания заслуг Александра Гумбольдта перед наукой присвоил ему придворное звание камергера. Из

факта присвоения обоих титулов для Гумбольдта вытекали не только представительские преимущества, но и определенные материальные блага в виде твердого годового жалования. А теперь, когда американское путешествие (латиноамериканская экспедиция А. Гумбольдта состоялась в 1799–1804 гг. – *Е.М.*) и расходы по изданию отчета о нем «съели» почти всю доставшуюся ему долю материнского наследства, этот момент был для него и вовсе не безразличен... Ему, наверное, были лестны чествования и внимание короля, желавшего навсегда привязать его к Пруссии...» (из книги Г. Скурлы «Александр Гумбольдт», ГДР, 1955 г.).

- «18 август 1864 года в Санкт-Петербургской академии наук состоялось торжественное празднование юбилея Карла Бэра (1792–1876). Император пожаловал юбиляру пожизненную ежегодную пенсию в 3 тысячи рублей, а при Академии наук была учреждена Бэровская премия за выдающиеся исследования по естественным наукам...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Софья Ковалевская (1850–1891) поселилась близ Парижа, в Севре (Франция, 1888 г.). Здесь она решила продолжить дополнительное исследование о вращении твердых тел для конкурса на премию Шведской академии наук. К началу осеннего семестра в университете Софья Васильевна вернулась в Стокгольм. Работала она с какой-то отчаянной решимостью, заканчивая свое исследование. Ей надо было успеть представить его на конкурс. За эту работу Ковалевской была присуждена Шведской академией наук премия короля Оскара II в 1500 крон...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Еще в дни шестидесятилетия (1945 г.) Нильса Бора (1885–1962) Датская академия вручила ему дар Карлсбергского фонда–100 тысяч крон на развитие исследований по его усмотрению. И тогда же другие датские фирмы увеличили этот дар до 400 тысяч. Возник «фонд Нильса Бора», заметно возросший позднее – в дни его 70-летнего юбилея. Но замыслы Бора требовали несравненно больших ресурсов... Он думал о ядерной энергетике... Он мечтал о мирном Атомном центре в Дании... Он обратился за средствами к правительству. Получил половину необходимого. Но сумел из неправительственных источников получить и вторую половину... Завершение каждой строительной операции было праздником. И, пожалуй, самым большим из них стало открытие 5 июня 1958 года Атомного центра в Рисе... Маленькая Дания совершила созидательный подвиг, казавшийся в ту пору доступным только большим державам...» (из книги Д. Данина «Человек вертикали. Повествование о Нильсе Боре», СССР, 1975 г.).

- «Слава сэра Уильяма Томсона (1824–1907), профессора Кавендишской лаборатории, человека, удостоившегося в английской науке самых высших почестей, была несравнима... И уже приставка «сэр» свидетельствовала о высоком признании действительно громадных заслуг будущего лорда Кельвина. Об успехах Томсона на научной, инженерной и деловой ниве свидетельствовала и красавица яхта «Лалла Рух», всегда ожидающая хозяина в месте впадения Кельвина в Клайд, и роскошная, стилизованная под древние шотландские замки усадьба в Нетерхолле...» (из книги В. Карцева «Максвелл», СССР, 1976 г.).

- «Выполняя условия контракта, Американская шахматная федерация выплатила гроссмейстеру Роберту Фишеру (1943–2008) аванс в 3 000 долларов (США, 1968 г.) и гарантировала выплату еще 3 000 после Всемирной олимпиады в Лугано (Швейцария, 1968 г.). Вместо чека Фишер потребовал сумму наличными, а после отказа, рискуя испортить отношения, не взял ни цента – до той поры, пока не будет выплачен весь гонорар...» (из книги Е. Мансурова «Загадка Фишера», Россия, 1992 г.).

- «Для победителей на первых двух досках «Матча века» по шахматам сборная СССР – сборная остального мира (Белград, 1970 г.) оргкомитет установил специальные призы – машины «Застава» и «Москвич-412». Едва сойдя с трапа самолета, Роберт Фишер (1943–2008) поинтересовался: «А сколько стоит машина, которую я получу за победу на своей доске?» (из книги Е. Мансурова «Загадка Фишера», Россия, 1992 г.).

- «Сбор средств по подписке позволил Исландской шахматной федерации организовать матч за мировое первенство Б. Спасский – Р. Фишер (1972 г.). Во-первых, она гарантировала победителю матча 78 125 долларов, а побежденному–16 875 долларов. Английский банкир Джим Слейтер объявил о намерении удвоить призовой фонд матча, доведя общую сумму, как

того и требовал Р. Фишер, до 250 000 долларов» (из книги Е. Мансурова «Загадка Фишера», Россия, 1992 г.).

- «Шахматы стали другими... Обычно «отсчет времени» ведется от Р. Фишера. Во многом с этим приходится согласиться. Именно он сыграл главную роль в том, что шахматы обрели материальную привлекательность – свое существенное отличие от прошлого. В то время Фишер отнюдь не составил себе состояния, но именно он дал толчок кардинальному улучшению материального положения шахматных состязаний. Проторенная «дорожка» не заросла. Весьма способными в мире бизнеса оказались и Анатолий Карпов (р. 1951) и Гарри Каспаров (р.1963 г.). «Лед тронулся!» До последнего времени, пока шли дуэли двух «К», призовые фонды неуклонно возрастали. Так в матче 1990 года (Нью-Йорк, Лион) он достиг 2 миллионов долларов, не считая специального приза победителю, оцененного в миллион долларов...» (из книги А. Суэтина «Шахматы сквозь призму времени», 1997 г.).

- «Владелец югославского банка «Югоскандик» Е.Василевич нашел возможность договориться с «недоступным» Робертом Фишером (1943–2008) и Борисом Спасским (р.1937) о проведении их матча («матч-реванш 20-го столетия», Югославия, 1992 г.) с призовым фондом в 5 миллионов долларов, из которых победитель получит 3, 35 миллиона, а проигравший –1, 654» (из сообщений ИТАР – ТАСС, Россия, 1992 г.).

- «Некоторые «компьютерщики» относятся к самым богатым людям мира – это, прежде всего, основатель Microsoft Билл Гейтс (р. 1955) – состояние оценивается в 56 миллиардов долларов, разработчик Google Сергей Брин (р. 1973) – 9 миллиардов долларов, создатель Facebook Марк Цукерберг (р. 1984) –13,5 миллиарда долларов и глава Apple Стив Джобс (1955–2012) – 8,3 миллиарда долларов...» (из книги Й. Циттлау «От Диогена до Джобса, Гейтса и Цукерберга. «Ботаники», изменившие мир», Германия, 2011 г.).

Физиологи, иммунологи, врачи

- «Когда английская пресса заговорила, что было бы недостойно для великой нации оставить без награждения крупную заслугу Эдварда Дженнера (1749–1823) – (естествоиспытатель открыл предохранительные свойства коровьей оспы – *Е. М.*), – то друзья изобретателя настойчиво стали его уговаривать заявить свое право на национальную благодарность. Долго не сдавался Дженнер, но семейные дела, приближающаяся старость, а главное, воззрение англичан, что в таких случаях изобретатель имеет право искать национальной награды, побороли нерешительность Дженнера, и 17 мая 1802 года он подал в английский парламент такое прошение... Комитет, приняв во внимание все обстоятельства и признав открытие Дженнера в высшей степени благодетельным – ибо до этого открытия в одной только Англии умирали в среднем ежегодно от оспы 45 тысяч человек, – постановил, что проситель, доктор медицины Эдвард Дженнер как избавитель человечества от страшной заразы достоин благодарности и награды со стороны английской нации, среди которой он родился и проявил свои гениальные способности. Затем началась долгая переписка с государственным казначеем, от которого отчасти зависело определение размера награды, и, наконец, было решено выдать Дженнеру единовременное пособие в размере 100 тысяч рублей серебром...» (из очерка В. Святловского «Эд. Дженнер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «...Парламент Англии возместил Дженнеру расходы, которые он понес в ходе бесчисленных экспериментов, и постановил: выдать Дженнеру в 1802 году 10 000 фунтов стерлингов (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.) «...Лондонское медицинское общество вручило Дженнеру выбитую в его честь Большую золотую медаль. Английский парламент вручил ему награду в 10 000 фунтов стерлингов...» (из книги Р. Петрова «Сфинксы XX века», СССР, 1967 г.). «Однако друзья Дженнера не удовлетворились ничтожной суммой награды, которую назначил ему парламент. Повсюду раздавались голоса и упреки в скупости и неблагодарности, унижающих достоинство Англии... Указывали также и на то, что Дженнер потратил на свои исследования по вопросу об оспе 30 лучших лет своей жизни, в течение которых, если бы он аккуратно занимался практикой, то легко мог бы составить себе на старость капитал значительнее того, который дал ему парламент. При этом остаются неознагражденными его неустанный труд, нравственные муки, которые он перенес и которые

не могли не отразиться на его здоровье. И в прессе, и в обществе так настойчиво требовали увеличить награду Дженнеру, что не прошло и четырех лет, как государственный казначей лорд Генри Пети вошел вторично в парламент с ходатайством подвергнуть вновь исследованию вопрос об успехах вакцинации. Парламент уважил ходатайство государственного казначея, и, по приказанию короля, особой врачебной коллегии вновь было предложено исследовать, какие успехи сделало оспопрививание за последние годы... Комиссия вторично и опять-таки единогласно постановила, что оспопрививание приносит человечеству неисчислимую пользу, причем констатировала громадное и повсеместное распространение этой меры... Ввиду всего изложенного государственный казначей снова внес в парламент предложение выдать Дженнеру в награду еще 100 тысяч рублей серебром. Однако парламент, огромным большинством голосов удвоил эту сумму, и Дженнеру было выдано 20 тысяч фунтов стерлингов, то есть в переводе на наши деньги – около 200 тысяч рублей серебром...» (из очерка В. Святловского «Эд. Дженнер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.) «Дженнер стал почетным гражданином Лондона. Русская императрица Елизавета – жена Александра I – послала Дженнеру в подарок перстень с крупным бриллиантом. Первого вакцинированного русского ребенка, Антона Петрова, нарекли Вакциновым и воспитали за казенный счет...» (из книги Р. Петрова «Сфинксы XX века», СССР, 1967 г.).

- «Доктор Доминик Жан Ларрей (1766–1842) встретился с Наполеоном I в Тулоне, откуда капитан Бонапарт начал путь к славе, расстались при Ватерлоо. Между Тулоном и Ватерлоо уместились Испания, Египет, Россия, знаменитые «Сто дней». После Ватерлоо Наполеона ждал остров Святой Елены, Ларрея – плен, смертный приговор, помилование... Примечательно, что за безупречную службу Наполеон завещал Ларрею 100 тысяч франков и замок...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Успешное спасение графа Карла Гарраха от тяжелого заболевания принесло Якобу Штауденгейму (1764–1830) баснословный гонорар в 10 000 гульденов, а возрастающий авторитет привел к тому, что его пригласили к постели больного императора Франца. Позже сын Наполеона, герцог Рейхштадский, назначил его придворным врачом» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

- «Работа терапевта Матвея Мудрова (1776–1831), его печатные труды были высоко оценены не только медицинским обществом, но и правительством. Он был награжден чином надворного советника, и одновременно из кабинета самого императора ему было выдано 2000 рублей, что составляло приличную сумму. Руководство университета пожаловало Мудрову квартиру в университетском доме на Никитской улице в Москве...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей России, 2006 г.).

- «В 1874 году палата депутатов в признание выдающихся заслуг перед родиной назначила Луи Пастеру (1822–1895) пожизненную пенсию в 12 000 франков, увеличенную в 1883 году до 26 000 франков...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Частная практика врача Жан-Мартэна Шарко (1825–1893) стала настолько известной, что его приглашали королевские семьи Европы. Это позволило содержать ему роскошную резиденцию на знаменитом бульваре Сен-Жермен (Париж). Он купил превосходный дом и пристроил к нему два современных крыла, одно из которых занимали кабинет и библиотека. Библиотека была огромной. Это был зал высотой в два этажа. Его противоположная от двери половина была точной копией библиотеки Медичи во Флоренции...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Торонтский университет (Канада) оценил благородный поступок профессора Фредерика Бантинга (1891–1941), передавшего все права на инсулин университету, и в 1922 году наградил его «Reeve Prize». Через год Канадский парламент назначил ему пожизненно ежегодную ренту в 7500 долларов...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

Изобретатели, путешественники

- «По заключении мира 18 января 1465 года, курфюрст Адольф Нассауский принял на

вечную службу к себе Иоганна Гутенберга (ок.1396–1468) «как своего любезного и верного слугу, оказавшего ему многие услуги». Гутенберг назначен был пожизненным камергером курфюрста. В этой должности он получал ежегодно придворную одежду дворянина, 20 четвериков муки и 2 бочки вина. От очередного дежурства при дворе он был освобожден. Счастье улыбнулось Гутенбергу, хотя и на закате дней. С этой минуты великий изобретатель не страдал от материального недостатка и мог спокойно продолжать свое любимое дело. Он был счастлив, что увидел наконец полный успех книгопечатания...» (из очерка А. Бахтиярова «Иоганн Гутенберг, его жизнь и деятельность в связи с историей книгопечатания», Россия, 1892 г.).

• «В 1837 году Луи Жак Дагер (1787–1851) добился осуществления общей его с Ж. Ньепсом мечты – он открыл средство для фиксирования изображений камеры-обскуры. Примерно в это время Дагера поразило большое несчастье: произошел пожар диорамы, где находилась его квартира, причем все его имущество было уничтожено огнем... Тогда Дагер решил обратиться за помощью к правительству и рассказал о своем изобретении знаменитому ученому Араго, бывшему в то время непременным секретарем Парижской академии наук. Араго рекомендовал Дагера министру внутренних дел Дюшателю. 14 июня 1839 года было заключено временное письменное условие между министром внутренних дел, Дагером и Исидором Ньепсом (сыном умершего в 1833 году Ж. Ньепса – *Е. М.*). В этом документе Дагеру в виде национальной награды назначалась пенсия в 6, а Исидору Ньепсу – в 4 тысячи франков; по смерти того или другого наследники имели право воспользоваться половиною этой пенсии... На другой день, 15 июня 1839 года, проект договора был представлен палате депутатов (Париж, Франция). «Правительство, – говорил Дюшатель, – должно дать возможность обществу обладать важным открытием и «кроме того, вознаградить изобретателей за их труды». Министерское представление было одобрено единогласно. Тоже самое произошло и в палате пэров, где давал объяснения ученый, столь же знаменитый, как и Араго, – химик Гей-Люссак...» (из очерка В. Буринского «Луи Дагер и Жозеф Ньепс, их жизнь и открытия в связи с историей развития фотографии», Россия, 1893 г.).

• «Достопамятная экспедиция Николая Пржевальского (1839–1888) кончилась... В течение 3 лет (1870–1873 гг.) было пройдено 2 тысяч верст; исследована гидрография Кукунорского бассейна, хребты в окрестностях этого озера, высоты Тибетского нагорья, наименее доступные участки великой пустыни Гоби... С первых же дней по возвращении (Петербург, 1873 г.) начались торжественные встречи, поздравления, обеды – всякого рода овации. «Приглашениям несть числа, – писал он из Петербурга, – и мои фонды растут с каждым днем; министр принял меня очень ласково». Посыпались награды. Военный министр выходатайствовал ему пенсию в 600 рублей, следующий чин и выгодное содержание в 2 250 рублей за все время пребывания в Главном штабе... После третьего путешествия в Центральную Азию (1879–1881 гг.) всем членам экспедиции были пожалованы награды: Пржевальскому пожизненная пенсия в 600 рублей в дополнение к прежним 600, и орден; остальным – тоже денежное награды и знаки отличия... За четвертую экспедицию (1884–1886 гг.) Пржевальский получил чин генерал-майора, пенсия его была увеличена до 1800 рублей...» (из очерка М. Энгельгардта «Н. Пржевальский, его жизнь и путешествия», Россия, 1891 г.).

Философы, писатели, поэты

• «Гораций (65 – 8 гг. до н. э.) вернулся в Рим (40 г. до н. э.) с пустыми руками... Вскоре его муза заинтересовала любителей литературы и придворное общество. В 38 году до н. э. Вергилий и Варий представили его Г. Меценату, который, сблизившись с поэтом, оказывал ему материальную поддержку, а через несколько лет подарил ему имение в Сабинских горах. Меценат в свою очередь представил Горация Августу... Безмятежно дожив свой век на лоне природы, вдали от политических страстей, Гораций умер в 8 году до н. э., на 57 году жизни, вскоре после смерти Мецената...» (из очерка Г. Иванова «Гораций», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.).

• «Когда Карл V совершал промах, он посылал П. Аретино (1492–1556), Вольтеру того

времени, золотую цепь; и однажды, принимая такую цепь, Аретино сказал: «Она слишком легковесна для столь тяжелой вины»...» (из предисловия О. Бальзака к первому изданию романа «Давид Сешар», Франция, 1844 г.); «Как-то после поражения Карл V послал Аретино богатое ожерелье, чтобы избежать его насмешек; небрежно подбрасывая драгоценность на ладони, тот заметил: «Вещица маловата, чтобы покрыть такую большую глупость»... Если его ублажают недостаточно быстро, он грозит, если подарки, по его мнению, слишком ничтожны, он отправляет их обратно. «Тем, кто покупает славу, полагается оплачивать ее по настоящей цене», – заявляет он... Он пишет Франциску I: «Разве Вам неизвестно, государь, что в положении, занимаемом Вашим Величеством, негоже забывать о 600 золотых, которые Вы по собственной Вашей королевской милости приказали уплатить через французского посла моему поверенному?»... Франциск I преподнес ему браслет в форме переплетенных языков со следующим изречением: «Его устами будет говорить ложь» (лат)... «Надо стараться, чтобы шум, поднятый моим пером, нарушил сон скупцов», – говорит он... Карл V назначает ему богатое содержание; Генрих VIII дарит ему 300 золотых крон, а Юлий III – 1000 крон и буллу, возводящую его в сан рыцаря святого Петра. В его честь чеканят медали, на одной из них была выгравирована следующая надпись: «Государи, получающие дань с народа, не забывают воздать дань своему слуге»...» (из статьи Г. Мопассана «Аретино», Франция, 1885 г.).

• В 17-м веке возросли гонорары французских драматургов. Директор театра Марэ (Париж) говорил про Пьера Корнеля (1606–1684): «Корнель очень нас обидел; прежде нам продавали пьесы за 3 эку и сочиняли их в одну ночь; к этому все привыкли, и мы получали большие выгоды. В настоящее же время пьесы господина Корнеля обходятся нам очень дорого и приносят нам менее выгоды»...

• «Успех пьесы «Катилина» старого Жюлио де Кребильона (1674–1762) превзошел все ожидания, Людовик XV назначил пенсию счастливому автору. В Парижских кофейнях решили, что истинное трагическое вдохновение, которое отличало Корнеля и Расина, можно теперь найти только у Кребильона...» (из книги С.Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Фридрих II употреблял все усилия, чтобы склонить своего гостя, «учителя в красноречии и знании» Ф.Вольтера (1694–1778), на прочное водворение в Пруссии (1750 г.)... И «рабство» было вначале самым приятным, какое только можно себе представить. Вольтер был сделан камергером с 20 000 франков годового содержания, получил золотой ключ и орден на шею...» (из очерка И. Каренина (В. Засулич) «Вольтер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1893 г.) «В Берлине (Пруссия, 1750 г.) Вольтер был принят как признанный глава республики свободных умов... Вольтеру отвели замок Шарлоттенбург, в его распоряжение были предоставлены королевские повара и кучеры. Фридрих пожаловал ему камергерский ключ, почетный крест и назначил 5 тысяч талеров жалованья. Придворные обязанности Вольтера, по сути, сводились к тому, чтобы жить в роскоши, вдыхая фимиам лестии и почестей... «(из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «Когда Вольтер умер в возрасте 83-х лет (1778 г.), он оставил племяннице Дениз огромное состояние, которое мы оценили бы примерно в 5 миллионов долларов» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

• «Как скромный человек, Ж. Д'Аламбер (1717–1783) никогда не подчеркивал своих заслуг... Он жил на 100 ливров в месяц и, наверное, жил бы так долго, если бы в ответ на мемуары, посланные в Берлинскую академию, Фридрих II, почитавший себя покровителем наук, не учредил ему пенсию в 1200 ливров в год. Чтобы не оконфузиться, французский министр де Ларгансон, который, по свидетельству современников, «любил умных людей и не завидовал им, потому что сам был умным человеком», выхлопотал ученому такую же пенсию на родине...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

• «Издание «Энциклопедии» (Франция, 1751–1780 гг.) совершенно разорило Дени Дидро (1713–1784). На помощь ему пришла Екатерина II, питавшая слабость к французской просветительской философии... В 1765 году Екатерина позволила себе истинно царский жест: через посредничество князя Дм. Голицына, русского посла в Париже, она купила библиотеку Дидро и тут же назначила Дидро ее пожизненным хранителем с окладом в 1 000 франков в год, выплатив ему жалование за 50 лет вперед (по этому поводу философ шутил, что честь теперь

его обязывает прожить еще 50 лет)...» (из сборника «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

- «Екатерина II любила выдавать себя за покровительницу наук и ученых. В 1785 году она повторила с Петром Палласом (1741–1811) свой великодушный поступок, как с Дидро. Когда она предложила ему купить его коллекцию по естественной истории, он спросил за нее 15 тысяч рублей, чтоб дать их в приданое своей дочери. Но Екатерина ответила ему, что насколько он сведущ в естественной истории, настолько мало понимает в делах, и заплатила ему 21 тысячу рублей, предоставляя ему пользоваться своей коллекцией до конца жизни...» (из книги Е.Валишевского «Роман одной императрицы», Франция, 1893 г.).

- «По ходатайству А. Безбородко (государственный деятель, секретарь Екатерины II, при Павле I – канцлер – *Е. М.*) в 1782 году Денис Фонвизин (1744 или 1745–1792) получил (после «Недоросля») пожизненную пенсию из «почтовых доходов» – половинное жалование с прибавочным окладом, пожалованным ему ранее, а всего 1 250 рублей в год... Из всех произведений Фонвизина на долю «Недоросля» выпал, конечно, наибольший успех. Эта комедия представлена была в первый раз в Петербурге 24 сентября 1782 года... «театр был наполнен и публика аплодировала пьесе метанием кошельков...» (из очерка С. Бриллианта «Денис Фонвизин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.).

- «Финансовый успех «Женитьбы Фигаро» (Франция, 1784 г.) – целиком заслуга Пьера Бомарше (1732–1799). Ему пришлось выдержать долгую битву с администрацией театра за право получать определенную долю выручки от каждого спектакля. До него авторы практически ничего не имели от постановок своих пьес... Впрочем, Бомарше разбогател еще раньше (поэтому и смог позволить себе ввязаться в тяжбу с театрами). Он сделал для короля самые маленькие часы в мире, придумав балансир. Потом он выгодно женился и вел много разных прибыльных дел. В частности, помогал американским колонистам, отстаивавшим свою независимость от Англии... Когда в 1799 году Бомарше умер, он оставил наследникам миллион франков наличными, дворец, изрядный участок земли и активы в Америке...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

- «Сближаясь все более и более с герцогом Веймарским, Иоганн Гёте (1749–1832) мало-помалу пришел к окончательному решению относительно своей карьеры. Особым указом от 11 июня 1776 года Карл-Август назначил Гёте тайным легационным советником, дал ему место и право голоса в Государственном совете с содержанием в 1 200 талеров в год. Придворные были этим крайне недовольны, но решение герцога было твердо и неизменно, и Гёте стал принимать все большее и большее участие в государственных делах, сперва присматриваясь к ним, а затем переходя постепенно к активной роли... 1816 год ознаменовался для Веймара возведением герцога в великогерцогское достоинство и установлением конституционного образа правления. Гёте в качестве министра получил значительное увеличение содержания – до 3 000 талеров...» (из очерка Н. Холодковского «Иоганн Вольфганг Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.) «...Министерское жалованье Гёте составляло в 1776 году 1 200 талеров, с 1816 года оно было увеличено до 3000. Укажем для сравнения, что ежемесячное жалованье солдата из полка мушкетеров в 1802 году было 3 гульдена, вахмейстера – 12, ротмистра – 75. На 6 гульденов можно было купить 500 кирпичей или 45 кг белого хлеба или 58 кг ржаного...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

- «В 1816 году Николай Карамзин (1766–1826) закончил первые 8 томов своей «Истории Государства Российского» и приступил к печатанию... Двор был доволен, Карамзин получил аудиенцию у государя и «был осыпан ласками и милостями». Вдовствующая императрица Мария Федоровна прислала ему перстень со своим портретом. Королева Вюртембергская написала ему лестное письмо... Перед смертью (1826 г.) он получил от императора Николая Павловича именной рескрипт и 50 тысяч рублей пенсии в год, чем и заключалась его успешная историографическая карьера...» (из очерка Е. Соловьева «Н.М. Карамзин, его жизнь и научно-литературная деятельность», Россия, 1894 г.).

- «Уже в 1814 году Иван Крылов (1769–1844) получил на издание басен в 3-х книгах пособие в 4200 рублей ассигнациями из Кабинета его величества. Государь Александр I сказал тогда, что готов всегда помочь Крылову, если он будет продолжать «хорошо» писать... После

выхода в свет издания басен 1816 года он получил от императрицы Екатерины Алексеевны бриллиантовый перстень... Иван Крылов пережил Екатерину, Павла и императора Александра I. 10 тысяч рублей на издание басен 1824 года оказались последней милостью царя... В это время Крылов, кроме жалованья, получает уже добавочную пенсию, до 3 тысяч рублей ассигнациями...» (из очерка С. Бриллианта «И.А.Крылов, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В Петербурге дела Василия Жуковского (1783–1852) шли очень хорошо: царское семейство к нему благоволило. В 1817 году там печаталось собрание сочинений поэта в 2-х томах. Один экземпляр этих стихотворений вместе с отдельно изданным «Певцом в Кремле» был поднесен министром народного просвещения, известным князем А.Н. Голицыным, Александру I, который назначил поэту пожизненный пенсион в 4 тысячи рублей ассигнациями» (из очерка В. Огаркова «В.А. Жуковский, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.) «Инициатором сближения с Жуковским выступила царская семья: еще весной 1813 года вдова Павла I, Мария Федоровна, соизволила наградить Жуковского за весьма понравившегося ей «Певца во стане русских воинов» (1811 г.) перстнем и распорядилась выпустить это стихотворение специальным отдельным изданием, над которым потрудились известные граверы» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.).

• «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (Россия, 1829 г.) Михаила Загоскина (1789–1852) расходился бойко, хотя стоил аж 20 рублей: его читали «в гостиных и в мастерских, в кругах простолюдинов и при высочайшем дворе, а Николай I за этот роман пожаловал автору перстень...» (из книги С. Волкова «История Русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.).

• Находясь за границей, Николай Гоголь (1809–1852) обращается с письмом к В. Жуковскому (Рим, апрель 1837 г.), в котором излагает «дерзкую» просьбу: «Я думал, думал, и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к Государю. Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал моему «Ревизору» (Петербург, Россия, октябрь 1836 г. – *Е. М.*). Я написал письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим представителем, вручите... Если бы мне такой пансион, какой дается воспитанникам Академии художеств, живущим в Италии, или хотя бы такой, какой дается дьячкам, находящимся здесь при нашей церкви, то я бы протянулся тем более, что в Италии жить дешевле... На Него и вас моя надежда... Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется прямо от души...» Благодаря хлопотам В. А. Жуковского Гоголь получил от Николая I пособие в 5 000 рублей. «...Друзья добиваются от него вспомоществования от государства – 3-летней пенсии в 3 000 рублей серебром из сумм государственного казначейства» (из книги И. Гарина «Загадочный Гоголь», Россия, 2002 г.).

• «Став одним из популярнейших писателей Франции, Александр Дюма (1802–1870) зарабатывал до 200 тысяч франков золотом в год... и всегда мечтал хотя бы немного пожить жизнью лучших своих героев, воплотить в реальность то, что подсказывало ему его гениальное воображение. Одной из самых грандиозных и разорительных фантазий писателя стало создание «замка» Монте-Кристо, поглотившего невероятное количество денег. На торжественное открытие «замка» 27 июля 1847 года было приглашено 600 человек. С этого дня в «замке» – довольно нелепом и аляповатом сооружении, сочетавшем архитектурные стили едва ли не всех эпох и народов, – ежедневно абсолютно бесплатно жили, питались и развлекались толпы бездельников, зачастую даже не знакомых хозяину, но именовавших себя его друзьями и почитателями...» (из очерка М. Мишиной и В. Лукова «Александр Дюма», Россия, 2003 г.).

• «После выхода «Ярмарки тщеславия» (Великобритания, 1848 г.) слава Уильяма Теккерея (1811–1863) все время возрастала... Под конец жизни он построил себе прекрасный дом в Кенсингтоне (Англия), приют, достойный человека, для многих олицетворявшего литературу, и хотя и обязанного своим положением книгам, но поддерживавшего престиж своей профессии со всем достоинством истинного джентльмена...» (из очерка Дж. Ханнея «У. М. Теккерей», Великобритания, 1864 г.). «С Онслоу-сквер он переехал в высокий кирпичный особняк вблизи Кенсингтон-гарденс; он приобрел этот дом в довольно запущенном состоянии и с большими затратами привел в надлежащий вид...» (из очерка Дж. Сала «Теккерей», США, 1864 г.).

• «Романы Чарльза Диккенса (1812–1870) продавались в таком громадном количестве экземпляров (Великобритания, 1838–1839 гг.), что, несмотря на значительные барыши издателей, давали и автору возможность устроить с полным комфортом свою жизнь и жизнь своих близких. Он нанял хорошенький коттедж недалеко от Лондона в живописной сельской местности, снабдил его всем необходимым и поселил в нем своих родителей. Сам же романист с семьей занял красивый дом с большим садом на Девонширской террасе против Реджент-парка. На лето он обыкновенно выезжал с семьей на берег моря или куда-нибудь в деревню...» (из очерка А. Анненской «Ч. Диккенс, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.) «14 марта 1856 года Диккенс покупает дом в Рочестере – Гэдсхилл, в котором он мечтал жить еще ребенком. В Гэдсхилл Диккенс переезжает в конце 1857 года и живет в нем до своей смерти» (из работы Е. Корниловой «Краткая летопись жизни и творчества Чарльза Диккенса», СССР, 1963 г.). «В 1860-е годы Диккенс пишет в Гэдсхилле романы, принимает бесконечные вереницы гостей и благодетельствует местное население... ради разнообразия выступать в роли радушного хозяина Гэдсхилла было даже приятно...» (из книги Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса», Великобритания, 1970 г.).

• «Из хорошо зарабатывавших писателей нового времени не забудем Марка Твена (1835–1910), автора бессмертных «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна». Надо сказать, у Твена было двойственное отношение к деньгам: с одной стороны, он осуждал и клеймил поклонение американцев золотому тельцу, с другой, сам мечтал стать миллионером... Твен построил огромный дом в неоготическом стиле с 19 апартаментами, пятью ваннами и дорогой мебелью. «Это – самый замечательный дом, который когда-либо существовал», – с гордостью отмечал писатель... Эти затраты нанесли серьезный урон его благосостоянию... Пришлось начинать все заново. Марк Твен отправляется в 18-месячное путешествие с лекциями по Австралии. Поездка и написанная по ее впечатлениям книга «По экватору» (1897 г.) принесла столько денег, что Марк Твен расплатился со всеми кредиторами, и остаток жизни провел если не в богатстве, то, по крайней мере, в достатке... (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

• «Благодаря литературному творчеству Ги де Мопассан (1850–1893) стал очень богатым человеком – у него были четыре виллы и две яхты, одну из которых он назвал в честь своего романа «Милый друг...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.).

• «Когда один из самых читаемых в Европе писателей Сомерсет Моэм (1874–1965) в возрасте 77 лет подвел итоги своей работы, оказалось, что за всю жизнь он заработал что-то около 3-х миллионов фунтов стерлингов...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.). «В 1926 году С.Моэм купил дом на Французской Ривьере, где и жил до конца жизни...» (из «Путеводителя по английской литературе», Великобритания, 1998 г.).

• «В 1913 году Джек Лондон (1876–1916) считался самым популярным и высокооплачиваемым писателем в мире, опередив в этом отношении Р. Киплинга, своего недавнего кумира. Он, пожалуй, писал даже больше, чем в прежние годы, его книги выходили огромными тиражами...» (из статьи Б. Гиленсона «Джек Лондон», Россия, 2003 г.). «...И вот в июне 1911 года Джек Лондон решился на поступок, с которым оказались связанными самые счастливые и плодотворные годы его жизни, – купил расположенный в центре Колеровских виноградников участок земли (Калифорния, США), на котором стояла пустующая винодельня, запущенный дом и несколько подсобных строений. Джек распорядился, чтобы каменщики пристроили к дому вместительную столовую с огромным камином и широкую веранду для отдыха, затем расширил кухню и отремонтировал спальни и веранды, тоже служившие спальнями. Одну из комнат он приспособил под кабинет: установил стены полками для книг, бумаг и картонных коробок с картотекой. Закрытая маленькая терраса, где он спал, выходила в уединенный тропический садик, разбитый перед домом; задняя веранда – на просторный двор, за которым стоял громадный амбар, частично переделанный для гостей, – девять уютных комнаток... Дом на ранчо с самого начала оказался счастливой находкой: здесь каждый чувствовал себя просто, свободно и мог веселиться как вздумается...» (из книги И. Стоуна «Моряк в седле. Художественная биография Джека Лондона», США, 1938 г.).

«С конца 1820-х годов установился обычай платить за статьи гонорар... плата писателю-журналисту стала как бы правилом. Платили редакторы, издатели, то есть лица,

прямо и непосредственно связанные с литературой, и прежний гонорар в виде табакерок, милостивых улыбок, всевозможных подачек со стороны меценатов и меценаток стал мало-помалу отходить в область предания, откуда можно пожелать ему никогда не возвращаться. Благодаря этому оказалось возможным избирать писательство карьерой и исключительно отдаваться ему. Таким образом, оно возвысилось до степени дела...» (Е. Соловьев «О. Сенковский, его жизни и литературная деятельность в связи с историей современной ему журналистики», Россия, 1892 г.).

- «Когда папа Николай V спросил итальянского философа Лоренцо Валлу (1407–1457), почему тот, уже будучи стариком и величайшим знатоком латыни, с таким усердием изучает сейчас греческий язык, философ ответил: «Чтобы получать от тебя двойное вознаграждение»...» (из книги П. Таранова «Интеллектуальные крылья. Подвиги устремления вверх», Россия, 2000 г.).

- «Иоганн Гёте (1749–1832) был единственный из писателей, кто добился авторского права, которое действовало и по прошествии 35 лет после его смерти на всей территории немецких государств... Это касалось и 60-томного собрания сочинений, в котором Гёте успел подготовить 40 томов и которые выходили с 1827 по 1842 год. Предполагалось издать это собрание сочинений тиражом 20 тысяч, и Гёте должен был получить 60 тысяч талеров (а если тираж будет увеличен, то и больше). Гёте получил 72 500 талеров, а его наследники вплоть до 1867 года, т. е. до окончания срока действия авторского права, еще 10 380 талеров. Добавим, что отдельно Гёте получал и гонорары за постановку своих пьес. Довольно трудно пересчитать этот гонорар на сегодняшние деньги. Но, несомненно, он превышает несколько миллионов марок...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

- «Александр Пушкин (1799–1837) серьезно интересовался вопросами авторского права, цензуры, гонорарами, издательскими делами... Пушкинские экзотические «романтические» (в подражание Байрону) поэмы, написанные после того, как поэт в 1820 году побывал на Кавказе и в Крыму, – «Кавказский пленник» (1820–1821 гг.), «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823 гг.), а позднее «Цыганы» (1824 г.) – вызвали читательский восторг. За первое издание «Бахчисарайского фонтана» книготорговец заплатил Пушкину 3 000 рублей, а за второе уже 10 000. Появившийся в Петербурге за две недели до восстания декабристов тонкий изящный томик «Стихотворения Александра Пушкина» (1825 г.) был также встречен с энтузиазмом, при цене в 10 рублей (месячное жалование чиновника средней руки составляло в то время около 60 рублей) 1 200 экземпляров тиража быстро разошлись, принеся автору чистого дохода 8 тысяч. Сенсацией стал «Евгений Онегин», который Пушкин начал печатать по частям с 1825 года... Первая глава «Онегина» разошлась двойным тиражом – 2 400 экземпляров, необычно много для стихов. Издатель в письме к Пушкину называл «Евгения Онегина» «бесценным золотым дном» и радовался: «...твое воображение никогда еще не создавало да и не создаст, кажется, творения, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную гору денег»...» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.). «Цензор А. Никитенко вспоминает, как стихотворение «Анджело» (1833 г.) вернулось к Пушкину с несколькими урезанными министром стихами. «Он взбесился: Смирдин (книгоиздатель – Е. М.) платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки, с тем, однако ж, чтобы Смирдин все-таки заплатил ему деньги и за точки!»...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.). «Взгляни на Пушкина... Пушкин продавал один стих по червонцу...» (из письма Ф.М. Достоевского брату М.М. Достоевскому, Петербург, 24 марта 1845 г.).

- «Даже в лучшие свои времена А. Пушкин получал по червонцу (10 рублей) за стихотворную строку, в то время как по-настоящему популярному Ивану Крылову (1769–1844) за каждую из его недлинных басен издатель платил по 1 000 червонцев... Стихотворные афоризмы Крылова так глубоко внедрились в русскую культуру, что уже давно воспринимаются как народные пословицы...» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.).

- «За «Ревизора» (1836 г.) Николаю Гоголю (1809–1852) уплатили 2 500 рублей, он был также удостоен царского подарка за поднесенный Николаю I экземпляр только что изданного

«Ревизора»...» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.). «...И теперь Гоголь берет за печатный лист 1 000 рублей серебром...» (из письма Ф.М. Достоевского к брату М.М. Достоевскому, Петербург, 24 марта 1845 г.).

• Издатель журнала «Пикториел таймс» (Великобритания, 1843–1848 гг.) Генри Визетелли вспоминал: «Когда я пришел к Уильяму Теккерю (1811–1863) – дом на Джермин-стрит, – мне навстречу поднялся высокого роста худощавый джентльмен лет 30–35-ти... Я вручил ему письмо мистера Никкисона (с предложением сотрудничества с журналом. – *Е.М.*). Мистер Теккерей сразу же предложил, что может писать о живописи, рецензировать те книги, какие ему вздумается, да изредка давать статейку об опере... Он был так доволен 3 гинееми в неделю, которые я предложил за несколько столбцов, что в шутку выразил готовность подписать на этих условиях хоть и бессрочное соглашение. По тому, с какой готовностью он согласился получать дополнительно 160 фунтов стерлингов к своему доходу, я понял, что предложение мое ему весьма выгодно... Благодаря небольшим услугам, которые я мог оказать ему, я с ним очень сблизился. Однажды, когда он зашел на Питерборо-корт (адрес редакции журнала – *Е. М.*), у него был с собой небольшой пакет в оберточной бумаге, и, развернув его, он мне показал два своих рисунка для иллюстраций в первый выпуск «Ярмарки тщеславия». Вместе с ними была завернута рукопись начала романа, о котором он несколько раз говорил со мной... В тот день он собирался повидать Брэдбери и Эванса и предложить свою работу им... Через каких-нибудь полчаса Теккерей появился снова и с сияющим видом сообщил мне, что дело улажено. «Брэдбери и Эванс, – сказал он, – согласились с такой готовностью, что я, черт возьми, жалею, почему не запросил с них на десятку больше. Я уверен, что они пошли бы на это». Потом он объяснил мне, что попросил 50 гиней за каждую часть... Текст, как я помню, он считал по 25 шиллингов за страницу, две гравюры – по 6 гиней штука, а заставки в начале глав подкинул задаром. Так сам мистер Теккерей оценивал себя в 1846 году как автор и иллюстратор... Позже, когда я предложил Теккерю от лица фирмы «Смит и Элдер» 1 000 фунтов за роман, он сразу согласился, и результатом стал «Эсмонд» (1852 г.), который был закончен, кажется, только через 2 или 3 года. Издатели, считавшие, что роман будет из современной жизни, сперва были разочарованы, но позже я узнал от мистера Смита Уильямса, в то время их литературного консультанта, что успех «Эсмонда» так превзошел их ожидания, что мистеру Теккерю был вручен чек на 250 фунтов больше, чем было оговорено в соглашении...» (из книги «Взгляд в прошлое», Великобритания, 1899 г.).

• «В 1835 году редакция «Morning Chronicle» решила издавать вечернее приложение к газете, и редактор этого приложения, Гогард, попросил Чарльза Диккенса (1812–1870) дать ему небольшой рассказ для первого номера. Диккенс с удовольствием согласился и в то же время робко спросил, не пожелают ли издатели газеты принять от него целый ряд мелких очерков под одним общим заглавием и не сочтут ли они возможным платить ему сколько-нибудь за эти очерки, кроме его репортерского жалованья. Издатели ответили утвердительно на оба вопроса и увеличили его жалованье с 5 до 7 гиней в неделю. В 1836 году Диккенс собрал все свои мелкие рассказы в два тома и продал их за 1,5 тысячи рублей одному молодому издателю, который выпустил их в свет под заглавием «Очерки Боза»... Первое крупное произведение Диккенса «Записки Пиквикского клуба» (1837 г.) сразу завоевало ему и славу и материальное обеспечение... Первый выпуск «Записок» разошелся в количестве 4 000 экземпляров, пятнадцатый – в количестве 40 с лишним тысяч. В начале издания «Пиквика» ему предложили за каждый выпуск по 140 рублей, и он находил это предложение вполне выгодным, особенно когда издатели согласились заплатить ему вперед за два выпуска: благодаря этим деньгам он смог жениться на страстно любимой девушке... Когда успех «Пиквика» стал очевиден, издатели постыдились оплачивать его так скудно и стали присылать автору добавочную плату, составившую за все выпуски около 25 000 рублей. На новый роман («Приключения Оливера Твиста», Великобритания, 1837–1839 гг.) заключено было соглашение уже на совершенно иных основаниях: издатели обязались уплатить за него 35 тысяч рублей и пользоваться правом издания в течение 5 лет, а после этого срока роман становился собственностью автора... За рукопись романа «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (1844 г.) издатели заплатили 35 тысяч рублей...» (из очерка А. Анненской «Ч. Диккенс, его жизнь и литературная

деятельность», Россия, 1892 г.). «В марте 1850 года вышел первый номер «Домашнего чтения». С этого дня и до самой смерти 20 лет спустя Диккенс оставался энергичным редактором; правда, с 1859 года это был уже другой журнал – «Круглый год». Даже в материальном смысле предприятие выглядело очень заманчиво: в качестве редактора «Домашнего чтения» он не только получал 500 фунтов в год, но еще был совладельцем издания... После смерти Диккенс оставил 93 000 фунтов стерлингов...» (из книги Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса», Великобритания, 1970 г.).

- Повесть Ивана Тургенева (1818–1883) «Отцы и дети» впервые вышла во 2-м номере журнала «Русский вестник» (Россия) за 1862 год, а уже в письме к его главному редактору М.Н. Каткову от 8 (20) декабря 1861 года Тургенев «спешит форсировать события»: «...Я обращаюсь к Вам со следующей просьбой: не можете ли Вы мне выслать 1 000 рублей серебром в счет того, что будет стоить моя повесть». Получив письмо Тургенева, Катков немедленно высылает ему первые 350 рублей... Всего, по расчетам Тургенева, «в повести вышло 12 листов без страницы, что составляет – 4 775 рублей» (из письма к М. Каткову от 23 марта (4 апреля) 1862 г.). «Тургеневу платили за печатный лист 400 рублей, а Достоевскому – только 150...» (из книги Л. Жуховицкого «Как стать писателем за 10 часов. Руководство для всех, кто хочет прославиться», Россия, 2005 г.).

- «В 1873 году Федор Достоевский (1821–1881), по предложению князя Мещерского, сделался редактором «Гражданина», получая по 200 рублей в месяц, кроме платы за статьи... Много помогал и гонорар: за «Подростка» (1875 г.), например, Достоевский получал по 250 рублей с листа, за «Братьев Карамазовых» (1879–1880 гг.) по 300 рублей. «Дневник писателя» также доставлял недурной доход: в 1876 году у него было 1980 подписчиков и, кроме того, в розничной продаже каждый номер расхотелся в 2 или 2,5 тысячи экземпляров. Некоторые номера потребовали 2-го или даже 3-го издания. В 1877 году у «Дневника» было уже 3 тысячи подписчиков, да столько же номеров расходилось в розничной продаже. Один номер, выпущенный в 1880 году, в августе, содержащий в себе знаменитую речь о Пушкине, напечатан был в 4 тысячи экземпляров и разошелся в несколько дней. Было сделано новое издание в 2 тысячи экземпляров и разошлось без остатка. Единственный номер «Дневника» на 1881 год печатался уже в 8 тысячах экземплярах. Все эти 8 тысяч были распроданы в дни выноса и погребения. Сделано было 2-е издание в 6 тысяч экземпляров и разошлось нарасхват» (из очерка Е. Соловьева «Ф.Достоевский, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

- «За 10 000 долларов «Харперс» купил у Дю Морье (французский романист, 1834–1896) права на издание в Америке «Трилби» (роман «Трилби» был издан в США в 1894 году. – *Е.М.*), а впоследствии от душевной щедрости он послал Дю Морье еще 40 000 долларов» (из статьи Дж. Лондона «Первая помощь начинающим авторам», США, 1899 г.).

- «Говорят, Альфонс Доде (1840–1897) за свою «Сафо» (Франция, 1888 г.) получил 200 000 долларов...» (из статьи Дж. Лондона «Первая помощь начинающим авторам», США, 1899 г.).

- «Энтони Хоуп (1863–1933) – (американский писатель. – *Е.М.*) – оставив за собой авторские права, получает 450 долларов за журнальную статью...» (из статьи Дж. Лондона «Первая помощь начинающим авторам», США, 1899 г.).

- «Пол мал газет» платила Редьярду Кипплингу (1865–1936) 750 долларов за каждую его «Казарменную балладу» (Великобритания, 1892 г.). Его гонорар за рассказы доходил до доллара за слово. Разве ученый или философ когда-нибудь добивался подобного?» (из статьи Дж. Лондона «Первая помощь начинающим авторам», США, 1899 г.).

- «В 1913 году Джек Лондон (1876–1916) считался самым популярным и высокооплачиваемым писателем в мире, опередив в этом отношении Р. Кипплинга, своего недавнего кумира...» (из статьи Б. Гиленсона «Джек Лондон», российск. изд. 2003 г.).

«...За любой рассказ газета «Пост» теперь платила ему 750 долларов, «Кольерс» предлагал 1 000, «Геральд» – 750 за маленький рождественский рассказ; с журналом «Космополит» он подписал договор на серию рассказов о Смоке Беллью, так он назвал героя; каждый рассказ – 750 долларов. Макмиллан выпустил «Потерянный лик», сборник коротких рассказов, «Революцию», сборник очерков и «Время не ждет»... Литературная деятельность

приносила 75 тысяч долларов в год...» (из книги И. Стоуна «Моряк в седле. Художественная биография Джека Лондона», США, 1938 г.).

- «Сергей Есенин (1895–1925) говорил о новых стихах, о том, что почти все они уже пристроены в разных редакциях (Россия, начало 1920-х гг. – *Е. М.*). И удовлетворенно отметил: «Кому у нас больше всего за стихи платят? Вот «Русский современник» только Ахматовой да мне по 3 рубля за строчку дает. Еще Маяковскому хорошо платят. Поэтов у нас много, а хороших почти нет...» (из воспоминаний В. Мануйлова, сборник «Есенин в жизни», Россия, 2000 г.).

- «Первой книгой американского писателя Уильяма Фолкнера (1897–1962) стал сборник стихотворений «Мраморный фавн», который не имел никакого успеха, но после того как Фолкнер стал Нобелевским лауреатом (1949 г.), сборник пошел нарасхват, и на одном из аукционов за сборник выложили 500 долларов (тогда доллар был более весомый, чем сегодня)...» (из книги Ю. Безелянского «Знаменитые писатели Запада: 55 портретов», Россия, 2008 г.).

- «Борис Пильняк (1894–1938), признававший, что по доходам принадлежит к 23 самым обеспеченным писателям, так охарактеризовал свой бюджет: «Я зарабатываю моими книгами 3 200 рублей в месяц... Укажем, что в 1936 году, например, средняя зарплата в Москве составляла 271 рубль...» (из книги В. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы», Россия, 2005 г.).

- «Существовали и другие способы увеличения личных доходов. Поэт Александр Жаров (1904–1984), например, писал ко всем праздникам стихи и рассылал их во все областные, краевые и республиканские газеты, выходившие на русском языке. Таким образом, он получал за одно стихотворение огромный гонорар, так как оно появлялось одновременно почти в сотне газет» (из книги В. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы», Россия, 2005 г.).

- «Весной 2000 года мне довелось побывать в Париже... Так как денег у русских (не «новых») туристов всегда в обрез, я решил продать свою книгу «Клуб 1932» и отправился в русский книжный магазин на бульваре Бомарше. Там почему-то не оказалось скупщика, и мне предложили, оценив мою книгу в 80 франков (евро еще не ввели), поменять ее на любую книгу в пределах этой суммы. И тут я увидел темно-зеленый том Марселя Пруста (1871–1922) «По направлению к Свану» петербургского издательства «Амфора» – ценою ровно в 80 франков. «Вот эту!» – не раздумывая сказал я. Выйдя на улицу, я долго не мог прийти в себя: каков обмен – я и Пруст! По одной цене! Мое авторское честолюбие играло победный марш, приятно было хоть таким образом побыть рядом с Прустом. Произошел этот исторический для меня обмен 14 апреля 2000 года...» (из книги Ю. Безелянского «Знаменитые писатели Запада: 55 портретов», Россия, 2008 г.).

- «Немало денег принесли Отто фон Бисмарку (1815–1898) его мемуары. Владелец типографии выплачивал канцлеру самый большой гонорар в истории Германии – 100 тысяч марок за один том. Предусматривалось, что выйдут 6 томов «Мыслей и воспоминаний», но свет увидели только три...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

- «Харперс» (США), как говорят, уплатил генералу Лю Уоллесу (1827–1905) за «Принца Индии» 100 000 долларов...» (из статьи Дж. Лондона «Первая помощь начинающим авторам», США, 1899 г.).

- «В 1952 году в Великобритании было всего-навсего 39 миллионеров, премьер-министр Уистон Черчилль (1874–1965) занимал среди них 4-ю строчку... Только в Америке его военные мемуары («Вторая мировая война», 6 тт., 1948–1954 гг. – *Е.М.*) принесли ему 750 тысяч долларов...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

- «Миллион – и за одну-единственную книжку – получил Адольф Гитлер (1889–1945). Общий тираж его книги «Майн Кампф» (Германия, 1925 г.) до 1945 года – больше 10 миллионов экземпляров. Ее продавали и за границей, в Англии к началу войны было раскуплено 80 тысяч книг. Гонорар за книгу Гитлер сдавал в специальный фонд, который расходовался на особые проекты, например, на строительство знаменитого чайного домика неподалеку от Берхтесгадена» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

- «850 тысяч долларов получил за свой «Крестовый поход в Европу» президент США

Дуайт Эйзенхауэр (1890–1969). Президенту США Гарри Трумену (1884–1972) нью-йоркское издательство предложило за мемуары вдвое большую сумму. Еще больший гонорар назначили американскому генералу Дугласу Макартуру (1880–1964) – 5 миллионов 400 тысяч» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

• «Только за появившиеся в периодических изданиях отрывки из книги «Судьба короля» герцогу Виндзорскому (1894–1972), бывшему королю Великобритании Эдуарду VIII (январь – декабрь 1936 г.), заплатили 3,5 миллиона долларов. Что уж говорить о гонораре за книгу целиком!» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

• «В 1992 году вышла книга певицы Мадонны (р. 1959) под названием «Секс», предназначенная исключительно для взрослой публики. Под обложкой прятались десятки ее фотографий в обнаженном виде. Обезумевшие поклонники смели этот сувенир с прилавков. Скандальная книга за несколько месяцев принесла поп-диве 50 миллионов долларов прибыли...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Художники, граверы, скульпторы

• «В мирные и счастливые годы жизни в Милане (1482–1499) Леонардо да Винчи (1452–1519) испытывал великодушное обхождение герцога Людовико иль Моро. В качестве служащего двора ему полагалось 2 000 дукатов в год, но выплата жалования производилась нерегулярно... На 1 апреля 1499 года сумма долга составила уже 218 флоринов, которые Леонардо все-таки получил в качестве поощрения за изготовление модели всадника. На эти деньги он приобрел земельный участок с виноградником... В марте 1516 года во Флоренции умер его покровитель Джулиано де Медичи, и Леонардо поспешил покинуть двор Льва X и направился на берега реки Луары, где расположилась резиденция французского короля. После трехмесячного путешествия в через Гренобль и Лион Леонардо въехал в Амбуаз, где ему Франциск I предоставил поместье Сюих, находящееся в нескольких шагах от амбуазского королевского замка. К этому времени художнику исполнилось уже 64 года, и его здоровье было совершенно подорвано. И, видимо, Франциск I не ожидал от него чрезмерно большой активности, когда вручал ему свидетельство «первого художника, инженера и архитектора короля». Франциск I намеревался выплачивать ему ежегодно 1 000 «солнечных талеров», потому что глубоко почитал гений Леонардо... Леонардо старался оправдать соответствующими услугами столь щедрый и справедливый гонорар. Он вновь организовывал пышные шествия и маскарады, разработал план соединения рек Луары и Сены, а также осушения обширных болот Солонии... С ожесточенным усердием и несокрушимой силой воли он посвящал себя труду, что подтверждается всего лишь тремя словами, начертанными в 1518 году на листке бумаги: «Я буду работать...» (из книги А. Ноймайра «Художники в зеркале медицины», Австрия, 1996 г.).

• «Альбрехт Дюрер (1471–1528) был единственным художником, которому император Максимилиан назначил пожизненную годовую ренту в 100 флоринов...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Лукас Кранах Старший (1472–1553) не только писал картины, о чем известно всем, но и держал, о чем знают немногие, аптеку в городе Виттенберге (Германия). Он владел также художественной мастерской, в которой было занято подчас до десяти подмастеров. Картины и рисунки Кранаха шли нарасхват, так что он сумел дать дочери приданное примерно в 1,5 миллиона долларов...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

• «В 1501 году Микеланджело Буонарроти (1475–1564) получил возможность создать «Гиганта», идеальный образ Давида – юного победителя Голиафа... 16 августа 1501 года заключено было соглашение. Художник выговорил себе 2 года, считая от 1 сентября, причем он должен был получать содержание – по 6 дукатов в месяц, и, сверх того, известную сумму предстояло определить «на совесть» по окончании работы... В конце февраля 1503 года почти оконченная статуя была осмотрена комиссией, и при этом художнику определили вознаграждение в 400 дукатов, то есть около 2 тысяч рублей (в российской валюте по сост. на начало 1890-х гг. – Е. М.). В наше время такая цена может показаться ничтожной, но ведь деньги теперь стали дешевы...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его

жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.). «В 1504 году Микеланджело сделал тондо с Богоматерью для Аньоло Дони, флорентийского гражданина... Закончив ее, Микеланджело отослал ее в завернутом виде на дом к Аньоло с посыльным, приложив к ней доверенность с просьбой уплатить ему за нее 70 дукатов. Аньоло, который был человеком расчетливым, показалось странным тратить такие деньги на картину, хотя и понимал, что она стоит еще дороже; и он заявил посыльному, что достаточно будет и 40, каковые ему и передал. Но Микеланджело прислал их обратно, наказав посыльному назначить 100 дукатов или принести картину обратно. На что Аньоло, которому работа понравилась, заявил: «Дай ему 70». Но он и этим остался недоволен: более того, из-за малого доверия Аньоло он потребовал с него вдвое против того, что просил вначале, почему и пришлось Аньоло, которому хотелось получить картину, послать ему 140 скудо» (из книги Дж. Вазари «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», Италия, 1550 г.). «Исследователь Хэтфилд, опубликовавший в Италии книгу о Микеланджело Буонарроти, поведал в одном из интервью: «Он был самым богатым художником всех времен и народов, однако никогда не рассказывал о своих сокровищах, тем более не желал ни с кем делиться»... Хэтфилду попали в руки никому до сих пор неизвестные банковские счета Микеланджело, где упоминаются суммы в золоте, равные ныне сотням тысяч долларов США. Даты на некоторые из них совпадают с периодом создания фресок Секстинского плафона, над которым он колдовал 4 года – с 1508 по 1512-й – сам, без посторонней помощи...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.). «1 сентября 1535 года папа Павел III издал бреве, которым Микеланджело в самой лестной форме давалось звание главного скульптора, живописца и архитектора Ватикана. Он должен был получать отныне до конца жизни ежегодно 600 золотых скуди пенсии и около этой же суммы с мостового дохода через реку По у Пьяченцы...» (из очерка С. Бриллианта «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.). «Его состояние в современном исчислении составило бы десятки миллионов долларов» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.).

- «С 1530 года Тициан (ок.1476/77 или 1489/90–1576) начал работать для императора Карла V, который испытывал к художнику глубокое уважение. Как пишет Дж. Вазари: «Искусство Тициана настолько пришлось по душе этому непобедимейшему императору, что он после первого же портрета не пожелал больше быть изображенным каким-либо другим художником; и каждый раз, как Тициан его писал, он получал в подарок 1 000 золотых. Он был произведен в рыцари его величеством с пенсией в 200 золотых, выплачиваемых ему неаполитанским казначейством. Когда же он подобным образом написал портрет Филиппа, короля испанского, сына Карла, то и от него получил он 200 золотых пожизненной пенсии. Таким образом, если считать те 300 или 400 золотых, которые он получил от венецианского правительства с Немецкого подворья, – он имеет, не утруждая себя, 700 золотых твердого дохода ежегодно...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Четыре года непрерывного труда (1504–1508 гг.) – и Рафаэль Санти (1483–1520) становится знаменитым. Его приглашают в Рим. Заказы следуют один за другим. Папа Юлий II поручает ему роспись своих покоев, и молодой живописец с блеском выполняет поставленную перед ним задачу. Богатейший банкир Агостино Чили приглашает его расписать главную галерею «Фарнезино» – заказчик выделяет художнику роскошные покои в своем дворце и щедро оплачивает его труд... Рафаэлю всего 25 лет, а он уже знаменит, богат и почитаем...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.). «Когда Рафаэль исполнил за 500 экю несколько фресок, заказанных Агостино Чили (1510 г.), он потребовал вдруг, чтобы ему удвоили эту сумму. Управляющий Чили изумился, считая требование Рафаэля безумным капризом художника. «Призовите экспертов, – сказал ему Рафаэль, – и вы увидите, насколько умеренны мои требования». Джулио Боргези (управляющий Чили), зная неприязнь Микеланджело к Рафаэлю, пригласил его для оценки. Но фрески были так хороши, что Микеланджело как художник не мог руководствоваться личной неприязнью и, указывая пальцем на голову сивиллы, сказал, что эта одна голова стоит 100 экю, а остальные не хуже этой. Сам Чили, узнав о таком отзыве Микеланджело, велел уплатить Рафаэлю требуемую им сумму... Чили после оценки Микеланджело, приказывая уплатить Рафаэлю за фрески сколько он требует, просил управляющих быть как можно любезнее с художником, потому что он

разорится, если последний потребует и за другие свои, прежде для него исполненные, работы по такой же оценке... Впрочем, Рафаэль был любезен, деликатен и предупредителен... Благодаря щедрости папы положение Рафаэля в это время стало настолько обеспеченным, что он мог выстроить себе дом, причем избрал для этого место вблизи Ватикана, против церкви Св. Петра. С помощью Браманте, которому Рафаэль был обязан своими обширными сведениями в архитектуре, он выстроил этот дом отчасти в антично-римском стиле, отчасти же украсил его согласно собственной фантазии. Здесь окружали его постоянно ученики и посетители, стремившиеся в его мастерскую» (из очерка С. Бриллианта «Рафаэль, его жизнь и художественная деятельность». Россия, 1891 г.). «У меня дом в Риме оценен в 3 тысячи дукатов, с доходом в 50 золотых скудо, – пишет Рафаэль дяде Симоне. – Его святейшество, наш Папа, дал мне, главному строителю храма Петра, жалование в 300 золотых дукатов в год, которое, вероятно, со временем увеличится. За посторонние работы я беру, что хочу. Теперь я расписываю новую станцу Его святейшества, и мне придется получить за нее 1 200 дукатов. Видите, милый дядя, я не посрамлю ни своей фамилии, ни родины!»

- «Бенвенуто Челлини (1500–1571) никогда не унижался до того, чтобы назначить плату за свои произведения. Он чувствовал себя королем своего искусства, а иногда – святым... Челлини пользовался покровительством и дружбой Фрэнсиса I... Щедроты, которыми он осыпал флорентийца, изумили даже самого Челлини, знавшего себе цену. Франциск дает ему деньги, не дожидаясь выполнения работ. («Хочу придать ему бодрости», – поясняет король). «Я утоплю тебя в золоте», – говорит он ему однажды. Вместо мастерской он дарит Челлини замок Маленький Нель и выдает грамоту на гражданство...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

- «Когда Питер Рубенс (1577–1640) вернулся на родину (Антверпен, 1608 г.), – сообщает первый биограф художника, – слава его стала уже повсеместной, и эрцгерцоги Альберт и Изабелла, желавшие, чтобы он их писал, назначили его придворным художником и привязали к себе золотыми цепями, дабы он не возвратился в Италию, куда его могли привлечь высокие цены на его картины». Рубенсу предложили хорошие условия: помимо годовичного оклада в 500 флоринов ему полагалось особое вознаграждение за любую работу, которую ему заказывали его августейшие покровители, за исключением их портретов. Положение придворного художника освобождало его также от налогов, равно как от всевозможных поборов...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Особенности голландской нации наиболее полно выявились в личности и творчестве Харменса ван Рейна Рембрандта (1606–1669) – величайшего из представителей ее искусства... Всякий выдающийся живописец того времени был в глазах своих сограждан носителем национальной идеи, наследником и продолжателем дела героев войны за независимость: он стоял на равной ноге с первыми гражданами страны... Жизнь в Амстердаме (с 1631 года) сразу улыбнулась художнику. Заказчики не заставили себя ждать. Картины и гравюры Рембрандта находили себе покупателей на месте и начали проникать за границу. В самое короткое время Рембрандту удалось обеспечить себе вполне безбедное существование: он зарабатывал столько, что мог даже позволить себе такую роскошь, как покупка и собирание редких и дорогих вещей... Богатые граждане постоянно обращались к нему с заказами, несмотря на то, что «ему не только надо было, – по словам современников, – платить за работу большие деньги, но еще и просить, и умолять, чтобы он за нее взялся». Гравюры его раскупались нарасхват... В этот плодотворный период своей жизни Рембрандт написал лучшие произведения. В 1638 году был окончен заказанный принцем Оранским цикл картин, изображавших главные моменты земной жизни Спасителя... 17 февраля 1639 года принц подписал приказ о выдаче Рембрандту 1 244 флоринов за две картины, по 600 флоринов за каждую. 44 флорина художник истратил за рамы и упаковку. Рембрандт просил только 1 144 флорина. Итак, этот мелочно скупой человек, гнавшийся за каждым грошом, сам обсчитал себя на 100 флоринов... Согласно условию, каждый из заказчиков «Ночного дозора» (1642 г.) должен был заплатить художнику 100 гульденов. На табличке, помещенной на подножии одной из колонн здания, мы читаем 16 имен. Итак, Рембрандт за это чудное произведение получил 1 600 гульденов – сумму значительную для того времени. В мае 1639 года Рембрандт купил дом в восточной части Амстердама – за 13 тысяч флоринов; 1200 флоринов он внес в виде задатка, а остальную сумму обязался уплатить в

продолжение 6 лет...

Почти 200 лет его картина «Урок анатомии» (1632 г.) находилась в том здании, где впервые зазвучал в свободной Голландии голос свободной науки. В 1828 году король Вильгельм I купил эту жемчужину голландской школы за 32 тысячи флоринов (Рембрандт получил всего 700 гульденов) и пожертвовал ее картинной галерее в Гааге...» (из очерка А. Калининой «Х. Рембрандт, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1894 г.).

• «Статуя Джузеппе Маццуолы (1644–1725) «Смерть Адониса» (1709 г.) пользовалась в свое время шумным успехом... Это период проявления наивысшего мастерства Маццуолы. Биограф Маццуолы, его современник Леоне Пасколи, рассказывает, что статую Адониса мастер делал не по заказу, а «для своего собственного удовольствия»... Кардинал Барберини, меценат, владелец богатейшей коллекции произведений искусств, решил приобрести «Адониса» для своего пышного дворца. Барберини предоставил скульптору за «Адониса» пожизненную пенсию в 25 скудо ежемесячно и «снабжение хлебом и вином». Спустя 8 лет, в 1717 году, кардинал Барберини подарил статую претенденту на английский престол Якову III, сыну эмигрировавшего во Францию английского короля Якова II...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.)

• «В 1773 году скульптор Федот Шубин (1740–1805) вернулся в Петербург и уже на третий день по приезде приступил к работе над портретом вице-канцлера А.М. Голицына – портретом, прославившим мастера в его Отечестве. Бюст и по сей день считается одним из лучших творений Шубина раннего петербургского периода. Он поражает горделивой элегантностью и изысканностью силуэта... За бюст вице-канцлера А.М. Голицына Екатерина II пожаловала Федоту Шубину золотую табакерку и повелела остаться «собственно при ее величестве». В 1774 году за «оказанный опыт в скульптурном искусстве» Шубин удостоен звания академика...» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

• «Казармы Павловского полка, построенные в 1817–1819 годах (Санкт-Петербург, Россия) – одно из лучших произведений зодчего Василия Стасова (1769–1848). Имея дело с огромной площадью (300x500 м) между Марсовым полем, Миллионной улицей и Мойкой, В. Стасов создал уникальный комплекс большого объема, включавший церковь, госпиталь, конюшни, склады и другие хозяйственные строения. Многофункциональность постройки скрыта парадным фасадом, напоминающим дворец. За эту постройку В. Стасов в 1817 году был «пожалован пансионом по смерти по 2 000 рублей в год»...» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

• «Протекция инфанта Дон Луиса (Испания, 1787 г.) открыла перед Франциско Гойей (1746–1828) двери высшего аристократического общества Мадрида и была собственно началом его восхождения к славе... Период безрадостных лет закончился, и перед ним замаячили обнадеживающие перспективы. «Я был очень угнетен, но Бог послал мне вновь бодрость духа», – облегченно писал он Сапатеру и присовокупил следующее: «Я доволен своими доходами так, как ими может быть доволен счастливый человек». В то время состоялась очень важная для него встреча с Гаспаром Мельчором де Ховельяносом. Этот государственный деятель был писателем и ученым, выдающимся представителем испанского просвещения и одновременно покровителем культурной жизни Астурии... Главным для него было то, что эти люди признали и оценили его как художника. Аналогичное значение имела для Гойи его творческая деятельность в испанских дворянских кварталах, а именно работа, заказанная герцогом Осунаским. Всего за один портрет герцогини и изображение ее семьи Гойя получил гонорар в 12 000 реалов, что соответствовало его готовому доходу. Кроме того, герцогиня, осыпая его почестями, оказала ему протекцию в получении других заказов... Монархия наконец признала величие Гойи, и 31 октября 1799 года наградила его титулом «Первый придворный художник»: «Для того, чтобы наградить Вас по заслугам и отдать должное Вашему искусству, которое может вдохновить других учителей, засвидетельствовать уважение к вашему таланту, нашедшему свое выражение в высоком призвании, Его величество король решил назначить Вам, первому художнику двора, ежегодное содержание в 50 000 реалов. Кроме того, 500 дукатов Вам предназначается на содержание кареты»... Испанский король выплачивал ему денежное содержание и после 25-летней службы, до самой смерти

художника... (из книги А. Ноймайра «Художники в зеркале медицины», Австрия, 1996 г.).

- «Персональные выставки, приносившие Ивану Айвазовскому (1817–1900) немалый доход, следовали одна за другой: по их общему числу (более 120 выставок) он – абсолютный рекордсмен не только в отечественной, но и, пожалуй, в мировой живописи... В 1845 году вместе с экспедицией Ф.П. Литке Айвазовский побывал у берегов Турции и Малой Азии. Возвратившись из экспедиции, Айвазовский уезжает в Феодосию. Здесь Айвазовский приступает к строительству дома для себя и своей семьи. Дом строится по собственным чертежам художника, в итальянском стиле. Здесь же устраивается большая мастерская... В 1881 году художник полностью за свой счет открывает в родном городе археологический музей...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «...За одну картину Пьера-Огюста Ренуара (1841–1919) в жемчужных тонах (Париж, 1910 г.) дали 175 000 франков...» (из письма К. Чуковского к И. Репину, Россия, февраль 1912 г.).

- «Лунную ночь на Днепре» (1880 г.) Архипа Куинджи (1842–1910) хотел купить Солдатенков, но оказалось, что она уже не принадлежала Архипу Ивановичу. Была продана еще пахнувшей свежей краской, прямо в мастерской. В одно из воскресений о ее цене осведомился какой-то морской офицер. «Да зачем вам? – пожал плечами Куинджи. – Ведь все равно не купите: она дорогая». – «А все-таки?» – «Да тысяч пять», – назвал Архип Иванович невероятную по тем временам, почти фантастическую сумму. И неожиданно услышал в ответ: «Хорошо. Оставляю за собой». И только после ухода офицера художник узнал, что у него побывал великий князь Константин...» (из книги О. Воронцовой «Куинджи в Петербурге», СССР, 1986 г.). «В 1901 году Куинджи принес в дар Академии художеств 100 000 рублей для выдачи 24 ежегодных премий; в 1909 году пожертвовал художественному обществу своего имени 150 000 рублей и свое имение в Крыму, а Обществу поощрения художеств 11 700 рублей для премии по пейзажной живописи...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Виктор Васнецов (1848–1926) принят в Товарищество передвижных художественных выставок в марте 1878 года... При помощи П. Третьякова, который купил картины и эскизы художника, и С.Мамонтова Васнецов осуществляет свою давнюю мечту и в 1891 году строит по собственному проекту мастерскую. В ней начинает работать над давным-давно задуманной картиной «Богатыри» (1881–1898 гг.)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Всю жизнь Винсент Ван Гог (1853–1890) мечтал о небольшой – в пределах нескольких тысяч франков – сумме, которая дала бы ему возможность спокойно работать. Через 20 лет после смерти Ван Гога (1910 г.) «Пейзаж в Овере» и «Красные виноградники» были куплены известным русским собирателем И.А. Морозовым за 33 тысячи золотых рублей. Только части этих денег было бы достаточно, чтобы на многие годы продлить жизнь и творчество Ван Гога – одного из крупнейших художников 19-го века...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.). «Более того, рыночная стоимость этих непреходящих ценностей непрерывно растет... Американская миллиардерша Джоан Пейсон купила в 1947 году «Ирисы» (1889 г.) Ван Гога за 84 тысячи американских долларов. Купила не без колебаний: не дороговато ли? Сорок лет спустя ее сын Джон Пейсон решил выставить «Ирисы» на продажу. И получил за картину на нью-йоркском аукционе «Сотбис» целое состояние – 53, 9 миллиона американских долларов. То есть стоимость холста возросла более чем в 640 раз!» (из сборника Н. Труса «Великие скандалы и скандалисты», Белоруссия, 1998 г.).

- «На могиле Амедео Модильяни (1884–1920) краткая надпись – «Смерть настигла его на пороге славы»... Мировая слава Модильяни действительно была уже на пороге. К обозначенной на оборотной стороне холста обычной цене – 30–40 франков со временем прибавился один ноль, другой. Дошло до того, что на аукционе в Париже одна из картин 1917 года, «Обнаженная», была продана за 45 090 700 франков!» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Мировая слава пришла к Пабло Пикассо (1881–1973) в 50-летнем возрасте. 15 июня 1931 года в роскошных залах Галереи Моржа Пети (Париж, Франция) открылась

ретроспективная выставка работ Пикассо – главное событие парижского сезона, – сыгравшая важную роль в жизни художника. Впервые были собраны вместе 236 его полотен... Пикассо уже считался «художником с именем», и у него были все приличествующие положению внешние атрибуты успеха: автомобиль, за рулем которого сидел шофер в ливрее, костюмы, сшитые известными парижскими портными, породистые собаки, занимавшая целый этаж квартира и – как и подобает преуспевающему человеку – замок в Нормандии, свой сейф в банке и, конечно, красивая женщина...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «...В последние десятилетия жизни Пикассо стал всемирно знаменитым. Он работал как график, оформитель книг, художник театра, создавал скульптуры, керамику, монументальные росписи. Даже наброски, небрежно сделанные рукой мастера, считались шедеврами. Он был миллионером...» (из сборника Р. Баландина «100 великих гениев», Россия, 2007 г.).

- «В Петербурге (1907–1910 гг.) Марк Шагал (1887–1985) знакомится с известным юристом, издателем и депутатом Государственной думы Максимом Винавером, который стал первым покупателем его картин и меценатом. Он убеждает художника уехать учиться в Париж, и даже назначает ему ежемесячную стипендию...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Узнав о том, что началась Вторая мировая война (1939 г.) Сальвадор Дали (1904–1989) и Галя вновь переplывают океан. Галя позаботилась о том, чтобы условия для работы ее любимого «маленького Дали» были созданы самые что ни на есть идеальные... Вскоре его картины приобретает миллиардер Морс. Сразу же после этого – еще одно предложение, более выгодное. Семья Клевеленд решает купить сразу несколько десятков полотен Дали (в итоге в частную коллекцию этих миллиардеров попали 94 картины художника)...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.). «Перед Новым годом по мировым информационным агентствам молнией пронеслась сенсационная новость: картина великого Сальвадора Дали «Моя обнаженная госпожа, наблюдающая свое собственное тело» продана на престижном лондонском аукционе «Сотби» за 4 миллиона долларов. Полотно, написанное в 1945 году в Нью-Йорке, приобрел анонимный покупатель, позвонивший по телефону... На склоне лет Дали простодушно признавался: «Я понятия не имею, беден я или богат. Всем распоряжается жена. А для меня деньги – мистика...» (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.). «Стремясь стать богачом, Дали, по его собственным словам, преследовал цель обрести как можно больше власти. Под влиянием Галы Дали соглашается на любую работу – лишь бы платили... В 1974 году художник строит Театр-музей Дали в Фигуэрасе (Испания) – здание Фантастической архитектуры, наполненное картинами и объектами художника» (из сборника Д. Самина, «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Признанный король поп-арта Энди Уорхол (1928–1987) – легендарный художник 20-го века... Уорхол ничего не делал стихийно, случайно, во всем была глубокая продуманность и логичность... Весной 1968 года Уорхол отправился в Лос-Анджелес на открытие своей ретроспективы. Успех был грандиозным: переполненные залы, толпы студентов, скандирующих: «Мы любим Энди Уорхола!», фотографии в газетах... Его выставки с успехом проходили по всему миру, в Америке не было художника популярнее Уорхола – за одну из его картин на аукционе заплатили 60 тысяч долларов... В 1980-х годах искусство Уорхола слишком коммерциализировалось. Он не возражал: «Я начал свою жизнь как коммерческий художник, иллюстратор, и я хочу ее закончить как художник-бизнесмен». Уорхол охотно превращал свое имя в популярную торговую марку. Портреты от Уорхола предлагались среди других товаров в рождественском каталоге магазинов Нейман-Маркус: «Стань звездой с Энди Уорхолом!». Позже его назовут первым мастером техногенной эпохи, которому удалось превратить свое творчество в отлаженный конвейер, штампующий бестселлеры... После его смерти (1987 г.) газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Лучшее произведение Уорхола – это сам Уорхол». На аукционе «Сотбис» коллекция художника была продана за 125,3 миллиона долларов...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Работы Михаила Шемякина (р. 1943) находятся в постоянной коллекции многочисленных музеев, в том числе «Метрополитен» (Нью-Йорк), Государственная

Третьяковская галерея (Москва), Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), Музей современного искусства (Париж), Яд Вашем и Музей современного искусства (Тель-Авив)... В 2007 году Шемякин вновь вернулся во Францию, он купил старинный замок Шамуссо с 20 гектарами угодий. Здесь Шемякин разместил мастерские, уникальную библиотеку, Институт философии и психологии творчества и мечтает превратить свое поместье в «бастион российской культуры на Западе»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

Композиторы, музыканты

• «Георга Фридриха Генделя (1685–1759), написавшего несчетное количество опер, ораторий и инструментальных произведений, уже в молодости публика встречала триумфально, где бы он ни выступал – в Риме, Неаполе, Венеции. И уже тогда он отличался умением превращать овации в золото. Но по-настоящему он стал состоятельным человеком, когда в 30 лет переехал в Лондон, где до самой смерти в 1759 году занимал пост придворного композитора...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.). «В 1720 году в Лондоне открылось театрално-коммерческое предприятие с капиталом в 20 000 фунтов стерлингов. Оно называлось «Королевской академией музыки». Генделю было поручено набрать в труппу академии лучших певцов Европы, преимущественно итальянской школы. Гендель стал свободным предпринимателем, акционером. Почти 20 лет начиная с 1720 года, он сочинял и ставил оперы, набирал и распускал труппу, работал с певцами, оркестром, поэтами и импресарио...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). «Несколько лет жизни в Англии принесли Генделю 4-этажный дом, роскошно обставленный, с прекрасно вышколенными слугами. Наследникам Генделя досталось только наличностью около полумиллиона фунтов, не считая дома и ценных картин, среди которых две – кисти Рембрандта...» (из сборника Г. Гаева «Гении в частной жизни», Россия, 1999 г.).

• «В 1758 году Йозеф Гайдн (1732–1809) поступает на службу к Максимилиану Францу, графу Морцину, в качестве капельмейстера. Имея жилье и пропитание, он в год получал содержание в 200 гульденов. В имении Лукавец недалеко от Пильзена, где семья графа обычно проводила лето, у Гайдна впервые в распоряжении был целый оркестр. Здесь Гайдн создал свои первые симфонии. Они имели большой успех... Так как дом Морцинов переживал финансовые затруднения, граф распустил в 1761 году свою капеллу, и Гайдн снова остался бы на улице, если бы его не ангажировала могущественная и богатая княжеская семья Эстергази. Он покинул Вену вместе со своей женой и переехал в Айзенштадт... Первый договор Гайдна с князем Паулем Антоном датируется 1 мая 1761 года... Его брат Николай, который стал править после его смерти в 1764 году, проявил терпимость, отличающуюся гуманностью и просвещением... Когда во время пожара сгорел дом, приобретенный Гайдном в 1766 году в Эйзенштадте за 1 000 гульденов, князь Николай оплатил из своего кармана расходы на восстановление дома в размере 300 гульденов... По распоряжению князя Николая Гайдн получил пожизненную пенсию в 1 000 гульденов, которая затем была даже повышена...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.). «В 1791 году, когда Гайдну было уже около 60 лет, умер старый князь Николай. Его наследник, не питавший большой любви к музыке, распустил капеллу. Но и ему было лестно, чтобы композитор, ставший известным, числился его капельмейстером. Это вынудило молодого Эстергази назначить Гайдну пенсию, достаточную для того, чтобы «его слуга» не поступал на новую службу. Гайдн был счастлив! Наконец-то он свободен и независим!...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). «Гайдн больше не был привязан к Эстергази и поспешно переселился в Вену... Там он вскоре получил заманчивое предложение. Уже с 1782 года его пытались пригласить в Англию... Теперь, в 1791 году, он впервые наслаждался «сладкой свободой»... за концертный сезон в Лондоне ему выплатили в качестве аванса 5 000 гульденов...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «В 1770 году Вольфгангу Моцарту (1756–1791) поручено было от имени Марии-Терезии сочинить оркестровую серенаду с пением и хорами по случаю бракосочетания эрцгерцога

Фердинанда с принцессой Моденской. Торжество предполагалось праздновать в Милане, куда семья Моцартов направилась из Зальцбурга... Серенада мальчика совершенно затмила собой оперу другого композитора – Гассе, написанную к тому же торжеству. Эрцгерцог и эрцгерцогиня из ложи рукоплескали молодому автору и кричали: «Bravissimo maestro!» «В продолжении празднеств серенада была повторена несколько раз. Моцарт кроме денег получил золотые часы, осыпанные бриллиантами и украшенные портретом Марии-Терезии... В 1887 году в Праге, среди своих друзей, Моцарт сказал, что с удовольствием написал бы оперу для публики, которая так хорошо его принимает, как здесь; импресарио Бондини поймал его на слове и заключил с ним контракт, по которому Моцарт обязывался предоставить новую оперу к началу будущего сезона за 100 дукатов. Эта опера называлась «Дон Жуан». В Праге Моцарт дал два концерта с громадным успехом и возвратился в Вену, обогащенный 1 000 флоринов... В то время как Моцарт был всецело погружен в «Волшебную флейту» (1791 г.), к нему пришел какой-то странный незнакомец – высокий, худой, в сером плаще, с серьезным лицом, и передал ему анонимное письмо, автор которого в самых лестных выражениях просит его написать «Реквием». Моцарт принял заказ, назначив за него 50 дукатов. Незнакомец снова явился, выплатил все деньги сполна вперед, обещав по окончании заказа увеличить вознаграждение за то, что автор был скромнее в своих требованиях...» (из очерка М. Давыдовой «В. Моцарт, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1891 г.). «Спрос на произведения Моцарта постепенно увеличивался в Вене, его оперы все чаще исполнялись за границей. Осенью 1791 года венгерское дворянство назначило ему ежегодное содержание в 1 1000 гульденов и «из Амстердама пришло известие о назначении ему еще более высокого годового оклада, за что он должен был написать несколько произведений исключительно для своих заказчиков»... По последним исследованиям, доходы Моцарта на высшей точке его карьеры составляли от 4 000 до 6 000 гульденов в год. Даже в год смерти (1791) они доходили до 3 000 гульденов. Для сравнения – директор Венской общей больницы, доктор Зигмунд Баризани получал 3 000 гульденов, а Михаэль Гайдн при дворе экономного архиепископа Зальцбурга, графа Коллоредо, только 50 гульденов в год...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• Подводя итог первого десятилетия пребывания в Вене (1792–1802 гг.) Людвиг ван Бетховен (1770–1827) в письме к Вегелеру сообщал: «Мое положение очень недурно. Князь Лихновский назначил мне ежегодную сумму в 600 флоринов до тех пор, пока я не получу подходящего места. Мои сочинения приносят мне много, и требований на них поступает столько, что нет возможности их удовлетворить. На каждое сочинение у меня 6–7 издателей, и даже больше, если б я захотел; со мной не торгуются, я требую – и мне платят. Ты видишь, это недурно; например, если я вижу друга в затруднении, а состояние моего кошелька не позволяет помочь ему, то мне стоит только присесть – и в скором времени он выручен из беды»... Зимой 1803 года мы находим его бодрым и деятельно занятым подготовкой к большой «академии», в которой, кроме обеих симфоний и Третьего концерта, исполнялась написанная несколько раньше оратория «Христос на Масличной горе»... Хотя публика и критика отнеслись довольно сдержанно к этой «академии», но в материальном отношении результаты ее были блестящи: она дала Бетховену около 1 800 гульденов... Между тем материальное положение Бетховена внезапно изменилось и сделалось более прочным. Он получил предложение занять место придворного капельмейстера у короля вестфальского Жерома Бонапарта. Бетховен почти совершенно уже согласился, но его покровители не могли допустить этого... (из очерка И. Давыдовой «Людвиг ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.). «В Вене, надо признать, всегда находились знатные любители, которые способны были почувствовать величие Бетховена и избавить свою родину от позора, каким была бы потеря Бетховена для Австрии. В 1809 году трое из богатейших вельмож Вены – эрцгерцог Рудольф, ученик Бетховена, князь Лобковиц и князь Кински – обязались сообща выплачивать ему ежегодную пенсию в 4 000 флоринов под единственным условием, что он останется в Австрии. «Поскольку доказано, – заявили они, – что человек не может посвятить себя целиком искусству, если он не избавлен от всяких материальных забот, и что только при этом условии он может создавать великие произведения, которые составляют истинную славу искусства, мы, ниже подписавшиеся, приняли решение оградить Людвиг ван Бетховена от нужды и устранить

таким образом низменные препятствия, которые могли бы помешать его гению воспарить»...» (из эссе Р.Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.). «...Сравнительное материальное благополучие Бетховена продолжалось недолго. Государственное банкротство Австрии уронило цену денег до одной пятой номинальной стоимости, так что доходы композитора значительно уменьшились. К тому же князь Кински внезапно умер, а его наследники после долгих пререканий согласились выплачивать Бетховену сумму, гораздо меньшую назначенной ему князем... На конгрессе в Вене в 1815 году слава Бетховена достигла высших пределов. У графа Разумовского он был представлен всем присутствовавшим в Вене монархам и пользовался их особым вниманием. Он получил много ценных подарков и особенно был тронут «великодушным подарком русской императрицы»...» (из очерка И. Давыдовой «Людвиг ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «По-видимому, благодаря И. Гайдну в январе 1804 года Иоганн Гуммель (1778–1837) был принят в капеллу князя Эстергази в Эйзенштадте в качестве концертмейстера с годовым жалованием 1 200 гульденов...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Если кто-нибудь задастся вопросом, много ли денег можно заработать при помощи куска дерева, то за ответом ему лучше всего обратиться к опыту великого маэстро Никколо Паганини (1782–1840)... В отличие от своей прародительницы – виолы, инструмента с нежным и мягким звучанием, – скрипка стала инструментом виртуозов, извлекавших из нее звуки то низкие и глубокие, то высокие и проникновенные... Изваяв, приспособив свое тело под скрипку, Паганини смог извлечь из нее свои несравненные каприччио и, добавим, дукаты, лиры, талеры, гульдены, франки, фунты стерлингов, рубли – из карманов своих слушателей. Можно сказать, что Паганини первым поставил музыку, свое мастерство виртуоза на коммерческую основу, став музыкантом от Бога и миллионером от музыки... Именно Паганини положил начало сольным концертным выступлениям инструменталистов-виртуозов. В Вене – тогдашней музыкальной столице Европы – газеты сразу нарекли его «первым скрипачом мира». Они же прозвали его «концертным корсаром», так как Паганини удивлял директоров театров и публику неслыханными ценами на билеты – место в партере стоило 5 гульденов. Тем не менее ему аплодировали до безумия... Успеху творческому неизменно сопутствовал успех кассовый. Сбор менее 1 500 талеров за концерт Паганини считал неудовлетворительным, а концертов в Германии было более сотни... В Париже слушатели валом валили на его концерты. «Продадим, все продадим, чтобы пойти послушать Паганини!» – призывал один музыкальный критик... Потом была Англия. Британская холодность была растоплена южной страстью маэстро... Цифры его гонораров становились поистине гиперболическими – каждая неделя приносила не менее 6 000 фунтов стерлингов. Только в Лондоне он собрал 10 200 фунтов стерлингов. Чтобы освободить себя от бухгалтерской работы, Паганини первый из музыкантов передал всю коммерческую сторону организаций концертов импресарио. Вскоре его примеру последовали остальные музыканты... К 1833 году состояние Паганини достигло 3 миллионов франков. Маэстро занялся коллекционированием инструментов и собрал великолепную коллекцию скрипок и виолончелей Амати, Гварнери, Страдивари... О том, какие суммы Паганини постоянно носил при себе, говорит то, что однажды вор украл у него из номера 120 000 франков...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «Зима 1834-35 года проходила, композитор Михаил Глинка (1804–1857) работал над своей оперой со всем упорством страсти... Осенью 1836 года репетиции оперы в Большом театре были перенесены на новую сцену... Однажды во время такой репетиции в театр совершенно неожиданно приехал император Николай I. На государя, очевидно, музыка произвела впечатление, он подошел к Глинке, ласково заговорил с ним, осведомляясь, доволен ли композитор артистами. Вслед за тем последовало высочайшее разрешение посвятить оперу государю императору, и тогда же вместо прежнего своего названия «Иван Сусанин» она получила новое, теперешнее: «Жизнь за Царя»... Наконец настал знаменательный день первого представления. Это было 27 ноября 1836 года... Успех был полный и безусловный, так что наш композитор мог вполне заслуженно торжествовать. «Я был в чаду, – пишет он, и теперь решительно не помню, что происходило, когда опустили занавес». После окончания оперы

Глинку позвали в боковую императорскую ложу. Государь благодарил его, благодарила государыня и другие члены императорской фамилии, а вскоре после того наш автор получил в подарок ценный перстень... Слава Глинки в России была, таким образом, упрочена окончательно... Успех оперы «Жизнь за Царя» имел одним из последствий назначение Глинки на должность капельмейстера придворной Певческой капеллы... В автобиографии он говорит, что получил по этому случаю казенную квартиру с древами...» (из очерка С. Базунова «М. Глинка, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Первый концерт Фридерика Шопена (1810–1849) в Париже (1831 г.) прошел с большим успехом, но сбор с него был невелик и не мог поправить расстроившееся финансовое положение... Шопен окончательно решил уехать домой и сделал все нужные приготовления к путешествию, но в тот самый день, который он назначил для своего отъезда из Парижа, он случайно встретился с князем Радзивиллом. Тот уговорил его остаться еще на некоторое время и вечером повел его к Ротшильду. В этот вечер судьба Шопена была решена: своей игрой он привел в такой восторг всех присутствовавших, что тут же получил несколько предложений давать уроки музыки. Материальное положение его было таким образом обеспечено, и он навсегда утвердился в Париже. В 1832 году Шопен был уже одним из самых популярных парижских пианистов...» (из очерка Л. Давыдовой «Фр. Шопен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1892 г.). «Положение Шопена во французском обществе (Париж, 1832–1833 гг.) способствовало тому, что вскоре у него появились ученики из высшего общества, желавшие обучаться игре на фортепиано, и он уже мог позволить себе требовать за урок весьма приличную сумму в 20 франков. Это настолько упрочило поначалу весьма шаткое материальное положение, что вскоре его уже можно было причислить к состоятельным представителям мира искусства... Теперь Шопен располагал надежными источниками средств, мог себе позволить одеваться с подчеркнутой элегантностью и таким образом уйти от небрежного стиля поведения богемы. Затем он с необычайным вкусом оборудовал себе квартиру, получившую среди друзей название «Олимп», еще через короткое время у него появился собственный экипаж с кучером и штат прислуги.

Одновременно, начиная с 1832 года, стали систематически публиковаться его произведения, которые он начал сочинять в Варшаве и теперь делал окончательную редакцию... За ним начали охотиться издатели, предлагая ему за вальсы такие гонорары, которые всего лишь несколько лет назад платили Л. Бетховену за монументальную Девятую симфонию...» (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина», Австрия, 1995 г.).

• «В апреле 1842 года Гаэтано Доницетти (1797–1848) приехал в Вену. Там он получил весьма лестное предложение занять пост придворного композитора, устроителя королевских камерных концертов, который прежде занимали Й. Гайдн и В. Моцарт. Ему положили тысячу австрийских лир в месяц с тем, чтобы он полгода находился в Вене, а другие полгода отдыхал, где угодно. Доницетти согласился. «Теперь я хоть одной ногой буду твердо стоять на земле, – повторял он, – а то мне все казалось, что я цыган». 19 мая того же года на сцене театра «Порта» состоялась премьера оперы Доницетти «Линда ди Шамуни». Это был новый триумф Доницетти...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Празднование 50-летия творческой деятельности композитора Ференца Листа (1811–1886) в Пеште в 1873 году вылилось в подлинно национальное торжество. Магистрат столицы в честь великого маэстро учредил фонд размером в 10 тысяч гульденов...» (из сборника Д. Самина, «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «В 1876 году умирает Альбер Либон, директор почтового ведомства, большой почитатель Камиля Сен-Санса (1835–1921), завещав композитору 100 000 франков с целью избавить его от необходимости служить и дать возможность отдаться творчеству» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Рядом с Петром Чайковским (1840–1893) оказалась очень необычная женщина – Надежда Филаретовна фон Мекк... Покойный муж Надежды Филаретовны был инженером и нажил огромное богатство на строительстве железных дорог. Своей вдове Карл фон Мекк оставил состояние, читавшееся одним из самых крупных в России... Она происходила из музыкальной семьи, неплохо играла на фортепиано. Вообще же музыка приводила эту в остальном весьма расчетливую и деловую даму в настоящий экстаз... Госпожа фон Мекк

искренне почитала Чайковского как композитора. При прослушивании его увертюры «Буря» с Надеждой Филаретовной даже случился конвульсивный припадок, и она решила обратиться к Чайковскому с просьбой переложить некоторые небольшие его произведения для скрипки и фортепиано, с тем, чтобы она могла их исполнять в домашнем кругу. При этом Чайковскому был обещан небывало высокий гонорар. Чайковский с радостью принял этот заказ к исполнению. Так началась продолжавшаяся 14 лет переписка Чайковского с Надеждой фон Мекк, переписка, не имеющая аналогов в истории музыки... Из приведенных фрагментов этих писем можно без особого труда понять, что в лице г-жи фон Мекк Чайковский нашел женщину, в определенном смысле заменившую ему мать, у которой он всегда мог найти убежище и утешение. Под ее крылом он чувствовал себя не только защищенным от страха, испытываемого перед жизнью. Щедрость этой женщины выручала его также из материальных невзгод. Уже 1 мая 1877 года он получил от нее значительную сумму в 3 000 рублей на покрытие своих долгов. Это побудило Чайковского посвятить ей Четвертую симфонию, о которой он писал Надежде, как о «нашей симфонии»... Когда в октябре 1877 года он в сопровождении брата Анатолия после короткого пребывания в Берлине прибыл в Кларан на Женевском озере, ему пришло известие о том, что г-жа фон Мекк назначила ему годовую ренту в размере 6 000 рублей, которая позволяла немедленно сбросить с себя груз преподавательской работы в консерватории и в будущем заниматься исключительно композицией. В письме от 8 ноября 1877 года он заверил ее в своей глубокой благодарности и пообещал, что «с этого дня каждая нота, слетевшая с его пера, будет посвящена ей»... Получив, наконец, финансовую независимость, он мог вновь беспрепятственно отдаваться творчеству, о чем недвусмысленно выразился в уже упомянутом благодарственном письме от 6 ноября: «Вам я обязан тем, что ко мне с удвоенной силой вернулось трудолюбие. Никогда, ни на одно мгновение я не смогу забыть, что Вы помогли мне продолжать жить во имя моего творческого призвания»... (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина», Австрия, 1995 г.). «...Вдова и крайне богатая московская аристократка Надежда Филаретовна фон Мекк ежегодно переводит Чайковскому стипендию в размере 6 000 рублей... В 1888 году император Александр III назначает композитору пенсию в размере 3 000 рублей. Не испытывая более материальных затруднений, Чайковский оставляет педагогическую деятельность и несколько последующих лет путешествует по Европе... В 1885 году Чайковский переезжает в Майданов, недалеко от города Клин. Спустя несколько лет он покупает дом в Клине и живет там до самой смерти» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Несмотря на неудачи, жизненные трудности и разочарования (1910-е гг.), творчество Яна Сибелиуса (1865–1957) пробивало себе путь не только на родине в Финляндии, но и за рубежом. В это время пришли признание и помощь оттуда, откуда меньше всего можно было ожидать: сенат назначил Сибелиусу постоянную государственную стипендию, что было беспрецедентным случаем в истории Финляндии...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «В феврале 1894 года Александр Скрябин (1872–1915) впервые выступает в Петербурге – как пианист – исполнитель собственных произведений. Здесь он знакомится с М. Беляевым. Признанный ценитель искусства материально помогает начинающему композитору, способствует публикации его сочинений и продвижения их в Русские симфонические концерты. Беляев был богатым лесопромышленником, который много сделал для русских композиторов. Через него завязались отношения Скрябина с Н.А. Римским-Корсаковым, Глазуновым, Лядовым и другими петербургскими композиторами... В 1903 году Скрябин бросает тяготившую его работу в консерватории. М. Морозова, обладавшая большими денежными средствами, предложила ему «спонсорскую поддержку» в 2 400 рублей... «(из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино». Россия, 2011 г.).

• «Сценическая судьба музыкальных комедий Джорджа Гершвина (1898–1937) складывалась превосходно (1923–1925 гг.). Шумный успех имела премьера спектакля «Первоцвет» в Лондоне. Английское издательство напечатало партитуру, композитор получил хороший гонорар и признание за океаном. О том, как принимались мюзиклы Гершвина на Бродвее (США), свидетельствуют цифры: «Будьте добры» выдержала 330, «Тип Тоуз» и «Песня

пламени» – по 194, «О'Кей» – 256 представлений. Вместе со славой пришла материальная обеспеченность. В 1925 году Гершвины купили 5-этажный дом на 103-й улице (Нью-Йорк). Теперь можно было отправиться в Европу...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

- «По завещанию английский композитор Бенджамин Бриттен (1913–1976) оставил 50 000 фунтов стерлингов палате пэров, вдвое большую сумму – благотворительному фонду. Все состояние Б. Бриттена насчитывало 1,5 миллиона фунтов, что составило лишь малую часть реальной стоимости архива композитора» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

- «25 сентября 1954 года секретарь ЦК Компартии Украины А. Кириченко направил письмо в ЦК КПСС, в котором критиковал существовавшую в то время систему выплаты гонораров за драматические произведения. По его мнению, авторы получали завышенные гонорары... Так, автору музыки к пьесе В. Минко «Не называя фамилий» Платону Майборде (1918–1989) было начислено 31 195 рублей, а автору песни «Ах, эти черные глаза», которая в пьесе пародировалась, удалось выиграть суд и получить 8 тысяч рублей гонорара...» (из книги В. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы», Россия, 2005 г.).

- «Когда 11 апреля 1962 года самолет оторвался от взлетной полосы в Манчестерском аэропорту, у «Битлз» (Дж. Леннон, П. Маккартни, Дж. Харрисон и Р. Старр) возникло предчувствие, что они летят навстречу славе. Они возвращались в Гамбург. Только на этот раз их ждали не прежние портовые бары. Им предстояло выступить на открытии «Стар-клуба», обещавшего стать самым известным рок-клубом в мире, и название «Битлз» стояло в самом верху афиши... Если добавить, что их ожидали заработки по 100 фунтов в неделю каждому, то можно сказать, что ребята были совершенно счастливы... Объем продаж пластинок «Битлз» достиг к 1963 году размеров, каких Великобритания еще не знала. Когда вышла пластинка «I Want To Hold Your Hand», сразу попавшая в хит-парады и остававшаяся на верхней строчке в течение 6 недель, в сезон рождественских каникул предварительные заказы на нее достигли 1 миллиона экземпляров. Брайен Эпстайн (менеджер группы «Битлз» в 1962–1967 гг. – Е. М.) решил, что настало время набить себе карманы. Но как? Он решил поставить «Рождественское шоу «Битлз», для чего арендовал на 2 недели самую большую сцену в Лондоне. Рассчитывая проводить по два концерта в день, он прикинул, что сможет продавать 100 тысяч билетов и заработать на этом 50 000 фунтов... Шоу обернулось полным триумфом. (На будущий год в театре «Одеон Хаммерсмит» состоялась его повторная постановка)... 1963 год стал для «Битлз» годом славы... Джон Леннон (1940–1980) хвастал перед журналистами, что еженедельный доход «Битлз» достигает 2 000 фунтов... В июле 1964 года, накануне первого турне «Битлз» по Соединенным Штатам, Джон Леннон приобрел дом к югу от Лондона возле деревни Вейбридж за 20 тысяч фунтов, а потом потратил еще 40 тысяч на отделку и установку бассейна с подогревом... То, что Джон не мог переделать, он попросту раздаривал... 15 августа 1965 года состоялось выступление «Битлз» перед рекордным в истории количеством зрителей – 60 тысяч фанатов на Ши-стэдиуме в Нью-Йорке. Сборы от концерта также составляют рекордную сумму – 304 тысячи долларов... К декабрю 1968 года «Битлз» заработали в общей сложности (согласно аудиторскому заключению компании «Артур Янг») 154 миллиона долларов... В 1970 году объем дополнительной прибыли был необычайно велик, так что в течение года Аллен Кляйн (менеджер группы «Битлз» с 1969 по 1971 гг. – Е.М.) умудрился заработать для «Битлз» больше денег, чем они получили за всю свою предыдущую карьеру... Согласно договору, подписанному 1 сентября 1969 года, авторские отчисления в пользу «Битлз» в Америке на период 3-х последующих лет увеличивались с 40 до 57 центов, причем не только на новые пластинки, но и «на всю существующую продукцию». (Тем самым была подготовлена почва для прибыльных повторных тиражей, осуществленных компанией «Кэпитол» в 70-е годы). Через 3 года отчисления увеличивались до 72 центов за альбом, что было почти вдвое больше того, что «Битлз» получали в тот момент. Для этого «Битлз» должны были выполнить единственное условие: объем продаж двух последних альбомов группы должен был превысить полмиллиона копий каждый...» (из книги А. Голдмана «Жизнь Джона Леннона», США, 1989 г.). «Йоко Оно, вдове Дж. Леннона, досталось наследство от мужа в 300 миллионов фунтов стерлингов. Если она передаст компании «Коламбия» авторские права на песни «Вообразите» и

«Дайте миру шанс», это прибавит к ее состоянию еще по крайней мере 50 миллионов фунтов стерлингов...» (из сборника Р. Белоусова «Частная жизнь знаменитостей: Собрание редких случаев, любовных историй, курьезов, слухов», Россия, 1999 г.).

Вокалисты

• «Во главе оперного театра 17-го века стояли примадонна («prima donna») и кастрат («primo uomo»)… Самые знаменитые кастраты получали очень большие гонорары. Скажем, в 30-е годы в Неаполе известный певец получал от 600 до 800 испанских дублонов за сезон. Сумма могла немного увеличиться за счет отчислений с бенефисов. Именно 800 дублонов, или 3 693 дуката, получил здесь за сезон Сенезино (1680–1750), певший в 1738 – 39 году в театре «Сан-Карло»... (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «Самый выдающийся певец среди «музико», да и, вероятно, вообще певец всех времен – Фаринелли (1705–1782). Толпы поклонников собираются у театра, в котором 25-летний певец получает жалованье, равное жалованью всех участников труппы вместе взятых. Певец получал 2 000 гиней в год. Кроме того, большие суммы Фаринелли зарабатывал в своих бенефисах. К примеру, он получал 200 гиней от принца Уэльского, а от испанского посла 100 гиней. В общей сложности итальянец за год богател на сумму 5 000 фунтов... В день приезда в Мадрид (1737 г.) «музико» Фаринелли выступил перед королем и королевой Испании... Ему назначили постоянный пансион – около 3 000 фунтов стерлингов в год... «Филипп V потрясен первой же арией, исполненной Фаринелли, – сообщил в своем донесении посол Великобритании сэр Уильям Кока. – С окончанием второй он послал за певцом, расхвалил его, пообещав дать ему все, что он только пожелает...» Менее чем через 3 недели после приезда в Мадрид Фаринелли назначается придворным певцом короля... В 1761 году Фаринелли поселяется в своем роскошном доме в окрестностях Болоньи. Он ведет жизнь богатого человека, удовлетворяя свои склонности к искусствам и наукам. На вилле певца окружает великолепная коллекция табакерок, ювелирных изделий, картин, музыкальных инструментов... Более всего любил он с любезностью и утонченностью светского человека принимать собратьев по искусству...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «При всем своем заведомом равнодушии к музыке Екатерина II вынуждена была подчиняться требованиям артистов, приглашенных по настоянию композиторов для исполнения их произведений... Знаменитая певица Катарина Габриелли (1730–1796) за 2 месяца выступлений в Петербурге (Россия, 1768 г.) получила 7 000 рублей жалованья» (из книги К. Валишевского «Вокруг трона. Екатерина II», Франция, 1894 г.).

• «В Петербург осенью 1845 года приехала на гастроли Полина Виардо (1821–1910). В русской столице она очутилась потому, что Николаю I захотелось иметь придворную итальянскую оперу. Император сам пел и играл на флейте и тромбоне, любил музыку, а итальянскую оперу в особенности. По его приказу из Европы за сказочные гонорары были выписаны лучшие певцы...» (из книги С. Волкова «История русской культуры в царствование Романовых: 1613–1917», Россия, 2011 г.). Когда на предстоящий сезон 1847 года было объявлено, что госпожа Виардо в Петербург не приедет, И.Тургенев отозвался письмом, в котором выразил общее сожаление. «Вопреки очевидности, здесь не хотят верить, что Вы этой зимой не приедете в Петербург, – писал он П. Виардо 21 октября (2 ноября) 1846 года. – По городу ходят всевозможные слухи. То говорят, что государь дал категорическое приказание пригласить Вас во что бы то ни стало; то рассказывают, будто Кавоса посылают к Вам с предложением 80 000 рублей. Я не удивлен...».

• «Энрико Карузо (1873–1921) считался самым высокооплачиваемым оперным певцом мира, его гонорары выросли от 15 итальянских лир в начале карьеры до 2,5 тысячи долларов за каждый спектакль в «Метрополитен-опера» (США). Руководитель театра Джулио Гати-Казацца утверждал, что «никакой гонорар не может быть для него чрезмерным...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «...А вот впечатления импресарио о спектакле на сцене театра «Колон» в Буэнос-Айресе (Аргентина, 1912 г.), напечатанные в нью-йоркском еженедельнике «Фоллиа»: «До сих пор я считал, что ставка 35 тысяч лир, которую запрашивал Карузо за один вечерний спектакль, была чрезмерной, а сейчас убежден,

что для такого совершенно недостижимого артиста никакая компенсация не будет чрезмерной. Вызывать слезы у оркестрантов! Задумайтесь над этим! Ведь это Орфей!» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.). «Карузо оставил после себя порядка 7 миллионов (для начала 20-го века это безумные деньги), поместья в Италии и Америке, несколько домов в Соединенных Штатах и Европе, коллекции редчайших монет и антиквариата, сотни дорогих костюмов...» (из статьи А. Филиппова «Средство от измены Энрико Карузо», Россия, 1998 г.).

- «Пресса любила подсчитывать гонорары Федора Шаляпина (1873–1938), поддерживая миф о баснословном богатстве... Досужая молва, газетные слухи и сплетни не раз вынуждали артиста братья за перо, опровергать сенсации и домыслы, уточнять факты собственной биографии. Бесплезно!...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.). «...Именно в Америке Шаляпин получал самые высокие гонорары, что заставляло его приезжать сюда вновь и вновь... В Кливленде «Зал имени Карузо» рассчитан на 14 тысяч человек! Сборы всегда были полные. Удивительную «тягу к прекрасному» американцев объяснил хорист труппы, давно живущий в Новом Свете: «Их мало интересует Шаляпин – великий артист и замечательный певец, но они считают необходимым поглядеть на человека, «делающего» 3000 долларов в один вечер»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «В искусстве джаза Луи Армстронг (1901–1971) – своего рода символ. «Армстронг» и «джаз» как бы слились в сознании людей... В 1930 году Армстронг завоевал право выйти на сцену театра «Лафайет» (Нью-Йорк). «Никогда еще в истории театральной жизни Гарлема ни одного артиста не принимали так, как принимают Армстронга в «Лафайет», – писала газета «Нью-Йорк эйдж». – Когда этот лучший корнетист мира начинает извлекать из своей золотой трубы звуки, подобных которым никому еще не приходилось слышать, зрители в восторге вскакивают со своих мест»... Армстронга все чаще стали приглашать для съемок в кино. Он был первым негритянским актером, который снимался в фильмах, снискавших успех у зрителей. Еще большее значение для карьеры джазмена имели выступления по радио в программах, которые готовились по заказам крупных рекламодателей. Он окончательно завоевал статус звезды... Все чаще граммпластинки Армстронга входят в число самых популярных. В мае 1964 года «Хелло, Долли!» заняла 1-е место в хит-параде, потеснив диск ансамбля «Битлз». Фантастический успех побудил фирму немедленно заключить новый контракт на более выгодных для музыканта условиях... Однажды белые музыканты устроили в честь Армстронга банкет, во время которого ему преподнесли великолепные часы с выгравированной на них надписью: «Луи Армстронгу – лучшему корнетисту мира от музыкантов Нью-Йорка»... Французская фирма «Селмер» подарила Армстронгу трубу, сделанную из чистого золота...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «На протяжении всей карьеры Фрэнк Синатра (1915–1998) подозревали в связях с мафией... Позже Лаки Лучано напишет в «Мемуарах», что материально поддерживал Синатру в начале его карьеры: «платил за рекламу, сценические костюмы, покупал музыкальные инструменты, словом, помог ему стать звездой эстрады». Когда игорный бизнес переместился в Лас-Вегас, мафия использовала Синатру в качестве приманки. Он был королем Лас-Вегаса... О Синатре «Тайм» написал: «Мужчина, безусловно, внешне похож на общепринятый стандарт гангстера образца 1929 года... Он одевается с супермодным блеском Джорджа Рафта... согласно последним данным, у него были запонки стоимостью 30 000 долларов...»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «А 30 декабря 1942 года Синатра становится звездой. Тот день стал рождением Золотого Голоса, как его называют поклонники. Два месяца зал, в котором проходят концерты доселе никому неизвестного певца, был заполнен до отказа. Фрэнку предлагают подписать выгодный 10-летний контракт с «Коламбией». Успех сменяется успехом, и вскоре поющий без усталости Синатра зарабатывает не меньше 50 000 долларов в год... Синатра владел домами в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, ранчо в Палм Спрингсе, фирмами грамзаписи, несколькими радиостанциями, личными самолетами, акциями многих компаний, включая концерн по производству деталей для баллистических ракет... В последние годы бизнесом, связанным с использованием его имени, управляла его

младшая дочь Тина. Бизнес включал галстуки, соус для спагетти и многое другое» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «В 1957 году Элвис Пресли (1935–1977) уверенно дебютировал в популярном американском телешоу Эда Салливена. В американском «Топ 40» в том же году побывало сразу 6 альбомов и макси-синглов артиста. Полученные деньги позволяют 22-летнему Пресли купить большое поместье Грейсленд близ Мемфиса, ставшее его домом на всю оставшуюся жизнь...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.). «Разбогатев, Пресли купил поместье Грейсленд («Благословенная Земля»). Дворец короля рок-н-ролла – это большой дом на холме, украшенный белыми колоннами. Кованые железные ворота с изображением музыкальных нот – символ этого королевства...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «В 60-е годы имя певца по-прежнему в списках популярности. Но в этот период Пресли больше берет количеством. Каждый год появляется по 2–4 новых альбома и множество синглов...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.). «...Появление в шоу Фрэнка Синатры (США, 1960 г.), за которым наблюдала почти половина американской телеаудитории, принесло Элвису рекордный по тем временам гонорар–125 тысяч долларов... Миллионер Пресли обожал автомобили. Его любимой моделью был «кадиллак». Король любил дарить машины, причем не только друзьям и подругам, но и первому встречному – например, бедной негритянке или диск-жокею...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В 1969 году Джо Дассен (1938–1980) записывает «Елисейские поля». Успех грандиозный, превратившийся в мировую славу. Концерт в Олимпии заканчивается триумфом... Он богат, знаменит, его хвалят, им восхищаются. «Деньги важны для меня только в той степени, в какой они определяют мою свободу», – утверждает певец... В начале 1970-х Дассен покупает на Таити 8 гектаров земли с километровой полосой песчаного пляжа...» Вообщем, мне хотелось бы проводить больше времени с друзьями», – говорил Дассен...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В итальянском шоу-бизнесе Адриано Челентано (р.1938) прослыл первооткрывателем. В 1961 году после очередного успеха на фестивале в Сан-Ремо он открыл собственную фирму грамзаписи – «Клан Челентано». Позже в нее вошли издательство, концертное агентство, студии видео– и аудиозаписи. В слиянии коммерции и искусства Челентано нашел оптимальный вариант своего существования... Челентано выпустил более 30 альбомов общим тиражом 70 миллионов и снялся в 40 фильмах... На его вилле в городе Брианц, что в 100 километрах от Милана, есть все необходимое: открытый бассейн, лужайки, теннисный корт, спортивная площадка, конюшня, звукозаписывающая студия, часовая мастерская и...фонтан с изящной скульптурой, изображающей его любимую жену Клаудию...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Первый концерт ансамбля «Роллинг стоунз» (ведущий солист Мик Джаггер (р. 1943). – Е.М.) состоялся 21 июля 1962 года в лондонском «Марки-клубе». Известность – хотя и несколько скандальная – к ним пришла довольно быстро... Вышел первый сингл, и началась «стоуномания»... В 60-х годах «Роллинг стоунз» в глазах общественности выглядели настоящими монстрами... За полгода (1964) они заработали больше, чем их родители за всю жизнь, их портреты не сходили со страниц газет... Сегодня роллинги превратились в весьма уважаемых джентльменов. Ветераны группы – мультимиллионеры, владельцы гостиниц, земель и замков во Франции, Англии и США...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «За время своей карьеры Хулио Иглесиас (р. 1943) выпустил более 250 миллионов копий своих альбомов. Одних только золотых и платиновых дисков у него более 2 500. Редакция Книги рекордов Гиннеса присудила Иглесиасу уникальный бриллиантовый диск как «музыканту, продавшему самое большое количество альбомов на разных языках мира». Хулио шутит, что его пластинки не продаются разве что на Луне... Писали, что своим возлюбленным певец дарит острова в Индийском океане, что если он любит женщину, то занимается с ней любовью на постели, усыпанной лепестками свежих роз...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Первый же альбом Барбары Стрейзанд (р. 1942) стал «альбомом года». С 1964 года

продано 60 миллионов ее пластинок. Критика назвала голос Стрейзанд «естественным чудом нашего века». Барбара стала первой женщиной-композитором, удостоенной приза «Оскар». 34 ее альбома стали золотыми, 21 – платиновыми... В начале 1994 года Стрейзанд вернулась на эстраду после большого перерыва. Она выступила на стадионе Уэмбли в Вашингтоне, а потом в нью-йоркском «Мэдисон сквер гарден». Причем на все концерты билеты раскупались в тот же миг, как появлялись в кассах. Незадолго до турне Барбара заключила с фирмой «Сони» контракт на 60 миллионов долларов... Кроме творчества Барбара Стрейзанд много занимается благотворительностью. Она даже основала собственный благотворительный фонд «Стрейзанд фаундейшн» и вложила 7,5 миллиона долларов в дело охраны окружающей среды, в исследования по борьбе со СПИДом и в мероприятия по защите прав человека...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «При жизни Фредди Меркьюри (1946–1990) называли «ярчайший», а после смерти – «величайший»... За «Богемскую рапсодию» группа «Куин» была удостоена специальной премии британской индустрии грамзаписи как «лучший сингл Британии за 25 лет». С этой композицией Фредди Меркьюри сделался истинной звездой и кумиром рок-фанов. Он был ослепителен, он заставлял трепетать, он вызывал у поклонников что-то вроде счастливого умопомрачения. Фредди стал миллионером. Получив возможность тратить деньги, он превратил это в приятную забаву. Тратил широко, самозабвенно, но не без толку. По меньшей мере в 2 миллиона фунтов обошлась ему коллекция картин импрессионистов, японских резных фигурок из дерева и французской мебели. «Все мои деньги пожирает «Сотбис», – говаривал лидер «Куин». Фредди Меркьюри за несколько минут мог истратить столько, сколько иной не заработает за всю жизнь. Однажды он отправился в Японию только для того, чтобы купить там антиквариат и произведения искусства на 250 тысяч фунтов. В другой раз он заплатил такую же сумму за обеденный – из 144 предметов – сервиз ручной работы с миниатюрными копиями живописи Констебля... Однажды Меркьюри зафрахтовал авиалайнер «ДС-9» и свозил 80 друзей на «остров развлечений» в Ибицу. А завершился праздник фейерверком, во время которого во все небо светилось имя певца...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «К 1980-м годам каждый их альбом становился бестселлером во всем мире, а члены группы «Queen» превратились в самых богатых рок-музыкантов. Они грамотно распоряжались своими финансовыми делами и образовали собственную компанию «Queen Production Ltd». В 1981 году они были самыми высокооплачиваемыми музыкальными менеджерами в британской шоу-индустрии» (из книги П. Рассела «100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок», США, 1995 г.).

• «Элтон Джон (р.1947) явно скромничает, когда говорит, что он не представляет собой такое выдающееся явление в рок-н-ролле, как многие из его звездных друзей... К началу 1976 года он зарабатывал больше всех среди поп-музыкантов. За 14 месяцев поклонники певца потратили на его пластинки и билеты более 60 миллионов долларов!.. Как подсчитал Элтон Джон, однажды за 20 месяцев он потратил на покупки в магазинах 40 миллионов фунтов стерлингов, причем 293 тысячи ушло на цветы!..» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Не секрет, что Элтон Джон любит экстравагантные костюмы и в своем стремлении утвердиться в мире моды не знает себе равных. Элтон способен оставить в магазине «Версаче» более 100 тысяч долларов, купив за один раз 80 галстуков, 12 костюмов и 20 пуловеров...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «Американского певца Майкла Джексона (1958–2009) называют королем поп-музыки. Его альбом «Триллер» был признан самой популярной пластинкой всех времен и народов. Джексон установил еще один рекорд, получив в 1984 году сразу 8 премий «Грэмми»... Майкл-суперзвезда был так богат, что во время прогулки по магазинам мог потратить на покупки 6 миллионов долларов!..» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «С 1983 года Майкла спонсирует компания «Пепси-кола». Такая поддержка во многом способствовала тому, что в 1984 году на концерты с участием популярного певца продано рекордное количество билетов за всю историю существования поп-музыки... К тому времени его состояние было настолько велико, что он без колебаний выделяет 47,5 миллиона долларов «ATV music company» за записи Джона Леннона и Пола Маккартни...» (из сборника

Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.). «...Певец оказал поддержку наибольшему количеству благотворительных организаций. С этой целью устраивает благотворительные аукционы. Например, белая перчатка Джексона, покрытая фосфоресцирующим составом, была продана за 28 тысяч долларов. Майкл радушно принимает детей на своем ранчо «Неверленд» в Санта-Барбаре. Там есть свой зоопарк, миниатюрная железная дорога и парк развлечений...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Судя по числу колледжей и университетов, которые предлагают курсы, посвященные американской певице и актрисе Мадонне (р.1959), ее влияние на современную культуру неоспоримо... Журнал «Форбс» в октябре 1990 года назвал ее «самой жесткой деловой женщиной Америки». Особо отмечено, что у Мадонны «ум создан для греха, а тело – для бизнеса». Разбогатев, певица увлеклась коллекционированием картин, вскоре ее имя появилось в списке «Сто крупнейших коллекционеров США». Мадонна стала самой заметной фигурой шоу-бизнеса...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Удачливая бизнесменка на всем протяжении своей карьеры, Мадонна подписала в 1992 году контракт на много миллионов долларов с Time Warner. Это один из самых крупных контрактов подобного типа, когда-либо подписанных в мире...» (из книги П. Рассела «100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок», США, 1995 г.).

Артисты балета, театра и кино

• «В 1947 году Марсель Марсо (1923–2007), величайший мим 20-го века, собрал и возглавил группу энтузиастов пантомимы – на театральной афише Парижа появилось название «Содружество мимов Марселя Марсо»... В 1951 году «Содружество мимов» отправилось на свои первые гастроли. Залы были переполнены... К сожалению, в 1960 году «Содружество мимов» не получило государственной субсидии и было вынуждено прекратить свое существование... В 1964 году Марсо отправляется в многомесячное кругосветное турне, преследуя на этот раз не только творческие, но и коммерческие цели: погасить долг и накопить капитал, который позволил бы ему открыть школу. Десятки стран, миллионы людей увидели серию новых работ французского мима... Позднее его Парижская международная школа пантомимы субсидировалась парижским муниципалитетом» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Сцена вознесла Рудольфа Нуреева (1938–1993) на необыкновенную высоту, и он стал символом балета 20-го века, прижизненной легендой... Нуреев умудрился перезнакомиться со всеми знаменитостями, членами королевских домов... и стать богатым человеком: квартиры в Нью-Йорке и Париже, дома в Лондоне и Сен-Бартельми, ранчо в США и островок Галли в Средиземном море, недалеко от Капри. Рудольф собирал картины и скульптуры. Он обожал редкие ткани, роскошные ковры, старинные шелка. Часами мог рассказывать о своих шикарных костюмах, которые шились на заказ у лучших итальянских модельеров... Поскольку прямых наследников у Нуреева не оказалось, большая часть принадлежавших ему вещей после его смерти была распродана. Например, костюм графа Альберта, сшитый для выступлений в «Жизели», был продан на аукционе «Кристи» в Нью-Йорке за 51 570 долларов...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Михаила Барышника (р.1948), величайшего танцовщика 20-го века, критики сравнивали с Аполлоном и называли «богом танца»... Телевидение, толпы поклонников и восхищение всего мира. И он умело использовал это обстоятельство. В магазинах появилась одежда, туалетная вода, духи, носящие его имя: «Миша» – для женщин, «Барышников» – для мужчин. Чтобы создать новый аромат, понадобилось два года упорных поисков, лабораторных опытов. Когда люди берут флакон «Миши», они должны быть уверены, что именно тот аромат Барышников выбрал для себя. Его бизнес процветает. «Я счастливый капиталист, который умеет хорошо танцевать», – шутит звезда балета. Не забывает он и о благотворительности. Миша открыл Центр искусств, поддерживающий танцевальные проекты по всему миру» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Актеры долгое время были париями общества и вели полуголодное существование...

Первым актером, который стал получать сносную плату, был Гуго-Герю, чей дебют состоялся в 1597 году в театре Маре (Франция). Чуть позже Генри Легран, не сходявший с подмостков 56 лет (17-й в.), мог уже снимать меблированные комнаты. В 1631 году актеру Мондори (1594–1651) была назначена первая пожизненная пенсия. А Флоридор (1608–1671) первым купил за 20 000 ливров директорскую должность в Бургонском отеле у Белльроза (один из двух главных театров Парижа – *Е. М.*)...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.).

• «С октября 1741 года по май 1742 года Дэвид Гаррик (1717–1779) на сцене театра Гудменс-Филдс (Лондон) выступил 140 раз, сыграв 19 ролей... Публика говорила только о Гаррике, ходила смотреть только его... Владелец «Друри-Лейна» Флитвуд предложил Гаррику ангажемент на следующий сезон с огромным окладом в 500 фунтов стерлингов. И уже в мае 1742 года Дэвид вместе с новой партнершей Маргарет Уоффингтон выступал в Ирландии. 12 августа на своем бенефисе Гаррик играл заглавную роль в «Гамлете» Шекспира... Успех премьеры был ошеломляющим. Публика восхищалась игрой «лучшего и талантливейшего актера, которого когда-либо видели оба королевства»... Сезон 1746 – 47 года Гаррик встретил в составе труппы Ковент-Гардена... Сезон в Ковент-Гарден принес Гаррику успех и материальное благополучие. Друзья уговорили его стать совладельцем «Друри-Лейна». Соглашение было подписано 9 апреля 1747 года. Гаррик должен был заниматься творческими вопросами – подбором репертуара и актеров, постановкой спектакля... В своем поместье (Гаррик стал одним из богатейших людей в английском театре) он установил бюст Шекспира и вернул былую славу родному городу знаменитого драматурга. Он организовывал Шекспировские фестивали в Стратфорде-на-Эйвоне. Гаррик, затратив большие деньги, навел в городе чистоту и положил начало долгой фестивальной традиции...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Театр всегда оставался главным в жизни Франсуа-Жозефа Тальма (1763–1826)...Имя Тальма после трагедии М.-Ж.Шенье «Карл IX» (1789 г.) стало знаменитым... 5 апреля 1803 года Тальма сыграл «Гамлета». Он представлял Гамлета не изнеженным и слабовольным принцем, а человеком разума и сильного характера. Шумный успех выпал на его долю в этот вечер. Общий сбор со спектакля составил 14 тысяч франков – небывалую по тому времени сумму...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «...Если раньше друзьям, приходившим к нему ночевать, приходилось застилать постель скатертями, то теперь Тальма зажил шире, обставил квартиру мебелью по старинным рисункам, стал делать долги...» (из книги С. Цветкова «Эпизоды истории в привычках, слабостях и пороках великих и знаменитых», Россия, 2011 г.). «В 1816 и 1817 годах Тальма предпочитает гастролировать в провинции, а также в Англии. И даже когда король, вернувшись в Париж, назначает ему ежегодную пенсию в 30 тысяч франков, он принимает ее без энтузиазма... В начале 1818 года Тальма снова в Париже. Прежде чем возобновить свои выступления в «Комеди Франсез», Тальма совершает турне по провинции и Бельгии. Король нидерландский назначает ему ежегодную пенсию в 10 тысяч франков с тем, чтобы он в течение 6 лет играл в отпускное время в Брюсселе лучшие роли своего репертуара... Тальма совершает триумфальные поездки по Бельгии, Голландии и разным городам Франции. Сохранились рассказы о том, как почитатели великого трагика поджидали его экипаж по дороге в город и на руках несли его в театр, увенчав лавровыми венками...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «После первого спектакля «Венецианского купца» по Шекспиру Эдмунда Кина (1787–1833) признали величайшим актером Англии (1814 г.) ...Кин сделался знаменит. Ему делали подарки и высказывали всяческие знаки внимания. Жена Анна настояла на том, чтобы он снял шикарный особняк, нанял слуг; ей нравилось устраивать приемы, обеды, музыкальные вечера, чувствовать своей среди аристократов...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Между 1981 и 1983 годами английский актер и режиссер Лоуренс Оливье (1907–1989) получил 5 миллионов долларов за фильмы и участие в телепередачах и интервью. И хотя большая часть денег пошла на уплату налогов, он купил себе в Лондоне просторный дом в Челси, где поселилась леди Оливье (его третья жена Джоан Плорайт) и их дети. В своем доме на южном побережье, около Брайтона, Оливье мог круглый год купаться в подогреваемом

бассейне... Большая часть двухмиллионного состояния Оливье отошла Джоан и детям, небольшие подарки получили его друзья...» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

• «Фэрбенкс Дуглас (1883–1939) быстро разбогател. В 1916 году он перевез семью в Лос-Анджелес, где каждый месяц выходил его новый фильм. Дуглас купил дом на авеню Ла-Бреа, сделал братьев Джона и Роберта своими деловыми партнерами и устроил сына в престижную школу. Он вступил в концерн «Фэймес Артистс – Ласки», основал собственную кинокомпанию, доверив прокат своих картин престижной фирме «Арткрафт»... Незадолго до окончания войны (1918 г.) вместе с Чаплиным и Мэри Пикфорд, при участии Дэвида Гриффита, Фэрбенкс Дуглас основал собственную независимую кинокомпанию «Юнайтед Артистс»...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Чарли Чаплин (1889–1977) и не подозревал, какой невероятной популярностью пользуются его фильмы в Нью-Йорке (США, 1915–1916 гг.), а потому обрушившаяся на него слава буквально ошеломила его. Он стоял в толпе на Таймс-сквер, когда на световом табло здания, где помещалась редакция газеты «Таймс», побежали буквы: «Чаплин подписывает контракт с «Мьючуэл» на 670 000 долларов в год». Мечты сбывались. С нищетой и унижениями было покончено навсегда. Первый же фильм «Контролер универмага» (США, май 1916 г.), снятый Чаплином в «Мьючуэл», имел большой успех. Чаплин обзавелся секретарем, лакеем, автомобилем и шофером...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «Великий комик тихо скончался в рождественскую ночь (Швейцария, 1977 г.), оставив состояние в 100 миллионов долларов» (из сборника Р. Белоусова «Частная жизнь знаменитостей: Собрание редких случаев, любовных историй, курьезов, слухов», Россия, 1999 г.).

• «Когда не экран вышел фильм «Замужняя девственница» (1920 г.) с участием Рудольфа Валентино (1895–1926), на него обратила внимание Джун Мэтсис, сценаристка и монтажер в компании «Метро». Она настояла на том, чтобы именно Валентино играл главную роль в фильме «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921 г.) по роману испанского писателя Бласко Ибаньеса... Очарование Рудольфо Валентино обеспечило «Всадникам» небывалый коммерческий успех. Фильм обошелся в 640 тысяч долларов, а принес 4,5 миллиона – рекордная цифра в немом кино. Публика горела желанием увидеть красавца в новых лентах... Считая, что «Метро» платит ему слишком мало, Рудольфо Валентино подписал контракт с фирмой «Джесси Ласки», филиалом компании «Парамаунт». И первая же картина «Шейх» (1921 г.) принесла ему удачу... У кинотеатров выстраивались длинные очереди, а порой залы брали штурмом... Француз Роббер Флора стал его импресарио и организовал для рекламы гастрольную поездку. Валентино в костюме гаучо танцевал каждый вечер танго с девушкой из зрительного зала, получая за это 3 000 долларов в неделю, в то время как владельцы «Парамаунт» платили ему всего 500... Затем турне с тем же успехом продолжилось в Англии, Франции и Италии... После того, как контракт с компанией «Парамаунт» был пересмотрен, Валентино получал 100 тысяч долларов за фильм... Несмотря на конкуренцию актеров, популярность Валентино продолжала расти между 1924 и 1925 годами, когда он подписал с «Юнайтед Артистс» контракт, обеспечивающий ему 200 тысяч долларов за фильм и долю доходов от проката...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Осенью 1937 года крупнейшие газеты Америки провели читательский опрос на выявление победителей конкурса на титулы Короля и королевы кино. Гейбл Кларк (1901–1960) был признан Королем кино. Этот титул навсегда остался за ним... В 1959 году студия «Парамаунт» подписала с Кларком контракт на фильм «Это начиналось в Неаполе»... Вернувшись из Италии, Кларк занялся покупкой дома около Палм Спрингс... Гейбл смог немного «перевести дыхание». За последние 5 лет его гонорары составили 7 миллионов долларов – на два больше, чем он заработал за все 23 года на студии «МГМ»...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Если по приезде в Голливуд (США, 1925 г.) Грете Гарбо (1905–1990) положили 600 долларов в неделю, то после успеха, выпавшего на долю картины «Плоть и дьявол» (США, 1927 г.), она потребовала 5 тысяч. После долгих споров с руководством студии Грета Гарбо добилась своего и стала самой высокооплачиваемой актрисой Голливуда. В 1932-м она уже

настояла на 250 тысячах за каждый фильм и праве выбора ролей и партнеров... Знаменитая, богатая, независимая, она могла делать все, что хотела. Лишь в 1970-е стало известно, что большая часть торгового центра на Родео Драйв в Беверли-Хиллз (самой уважаемой части Лос-Анджелеса) принадлежит именно Гарбо. Кроме того, она владела домами в Нью-Йорке и в родной Швеции. По совету друзей-бизнесменов, среди которых были Ротшильды и Онассис, Грета покупала картины. В ее коллекции были работы Ренуара, Боннара, Модильяни... Капитал Гарбо продолжал увеличиваться даже помимо ее воли...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Успех французского комика Луи де Фюнеса (1914–1983) был настолько велик, что фильмы с его участием все чаще получали продолжение... «Разиня» (1965 г.) и «Большая прогулка» (1966 г.) – стали истинными чемпионами кассового сбора. Абсолютный рекорд принадлежит фильму «Большая прогулка»: эту ленту увидели более 17 миллионов зрителей, а во время ее первого выхода на малый экран – 28 миллионов зрителей. В одном только Париже «Большую прогулку» посмотрели 1 300 000 зрителей, а «Разиню» – 915 тысяч – цифры, совершенно необычные для Франции с ее низкой посещаемостью... В период наивысшего взлета де Фюнес был самым дорогим актером французского кино. За участие в фильме ему платили 2,5 миллиона франков (следом шел Ален Делон – 2 миллиона). Он был обласкан славой, публикой и прессой...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 2001 году британские поклонники кино назвали Пола Ньюмена (р.1925) лучшим актером за всю историю существований этого вида искусства. Таковы итоги опроса, проведенного журналом «Радио таймс»... Появление имени Пола Ньюмена в титрах картины обеспечивало кассовый успех. Голливудские продюсеры предлагали ему 7 миллионов долларов за фильм... В 1995 году он был занесен в книгу рекордов Гиннеса как старейший автогонщик, когда-либо участвовавший в национальном чемпионате. В свои 70 лет актер не менее уверенно чувствовал себя и за штурвалом собственного самолета...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Признанный мировыми критиками лучшим актером всех времен и народов, великий Марлон Брандо (1924–2004) всегда знал, что это кинематограф нуждается в Брандо, а не Брандо – в кинематографе. Его интересы простирались вдали от кино...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: плата за успех», Россия, 2009 г.). «В 1968 году Марлон купил за 20 миллионов долларов атолл Тетиароа в Тихом океане – 13 маленьких островков в 45 километрах к северу от Таити. Брандо объявил свои владения зоной охраны редких птиц...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «Брандо купил 13 островков на атолле Тетиароа, и впоследствии он стал все чаще уединяться в этом райском уголке французской Полинезии... и с увлечением проводил эксперименты с солнечной энергией...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: плата за успех», Россия, 2009 г.). «Кинокарьера Брандо складывалась успешно... В 1988 году ему предложили роль адвоката, защищающего негра в Южной Африке, в фильме «Сухой белый сезон». Гонорар – 3,3 миллиона долларов плюс 11,3 процента потиражных... Потом у него была небольшая роль главаря мафии в комедии «Первокурсник», принесшая ему 14 миллионов долларов за 3 недели съемок... Организаторы съемок «Очень страшное кино-2» (США, 2002 г.) предложили ему сыграть священника-экзорсиса, пообещав за 4 дня съемок гонорар в 2 миллиона долларов...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «После себя Марлон Брандо оставил состояние в 21,6 миллиона долларов в виде недвижимости. В завещании не говорится, как следует делить наследство между десятью наследниками...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: плата за успех», Россия, 2009 г.).

• «Одри Хепберн (1929–1993), кинолегенда 1950-х, олицетворяет собой целую эпоху в кино, эпоху расцвета в Голливуде... Настоящей звездой мирового кино ее сделала роль принцессы в фильме «Римские каникулы» (1953 г.)... Одри Хепберн получила за роль принцессы премию «Оскар» – неслыханная честь для дебютантки!.. В начале 70-х годов Хепберн снялась в своей первой и единственной телевизионной рекламе. Она рекламировала... парики! Желание Одри участвовать в этом рекламном ролике для японского телевидения диктовалось не только эмоциями, но и солидным гонораром: 100 тысяч долларов за полтора дня работы на студии в Риме...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров

XX века», Россия, 2007 г.).

- «София Лорен (р.1934) – легенда, богиня привлекательности. Как и положено настоящей звезде, ее жизнь окружена ореолом загадки и флером таинственности... Лорен была на 2-м месте среди крупнейших налогоплательщиков Рима... Актриса с честью выдержала испытание славой и богатством. Когда у нее появились деньги, София бросилась покупать сказочные наряды и меха, потом она обзавелась «кадиллаком» голубого цвета. «Так, на мой взгляд, должна была жить кинозвезда, – с улыбкой вспоминает о том времени актриса. – Тот, кто вышел из бедноты, далеко не сразу осознает, что богатством не следует кичиться...» Лишь позже она поняла: «Чтобы выглядеть элегантно, необязательно носить драгоценности и меха. Любая женщина должна постичь тайны простоты. Я пришла к заключению, что главная цель моды – элегантность и стиль...» (из сборника. И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Фильм «Клеопатра» (1963 г.) для кинофирмы «XX век – Фокс» (США) стал самым дорогим. Истории начались с момента подписания контракта... За исполнение роли Клеопатры Элизабет Тейлор (1932–2011) был выплачен грандиозный гонорар – миллион долларов. Это было жесткое условие актрисы... Местом ее постоянного проживания стал Беверли-Хиллз – 3-этажный особняк, закрытый от посторонних глаз высокой оградой. В комнатах расположены уникальные полотна Ван Гога, Дега, Моне, Ренуара, Модильяни... Всемирной популярностью пользуется ее парфюмерная продукция. Производимые ее фирмой духи соответствуют характеру и жизни Элизабет Тейлор. Чего стоят одни названия: «Страсть», «Страсть для мужчин», «Великие бриллианты». Только духи «Страсть» за 5 лет принесли ее фирме 325 миллионов долларов...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «Ален Делон (р. 1935) добился успеха не только в кино. Лошади из его конюшни успешно участвуют в скачках. Он – владелец акций авиакомпании «Трансьонити». У него есть мебельная фабрика. Располагает Делон и сетью магазинов по продаже белья. Духи «Ален Делон» имеют успех на рынке. Актер владеет большим имением близ Орлеана, роскошной квартирой в Париже...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «Сниматься, правда, он стал все реже и реже, зато в самых разных ипостасях стремился выразить себя: спонсировал состязания по боксу, завел конюшню из 30-ти скаковых лошадей, возглавил компанию по производству вертолетов, скупал и продавал картины лучших художников, создал парфюмерную фирму, наладил выпуск баснословно дорогой мебели стиля ультрамодерн. И всей этой продукции, всему, к чему был причастен, дал свое имя, цена которого никогда не падала – только росла: лошадь «А.Д.», одеколон «А.Д.», кресло «А.Д.»...» (из сборника Н. Труса «Великие скандалы и скандалисты», Белоруссия, 1998 г.).

- «Брюс Ли (1940–1973) довольно быстро завоевал авторитет в мире боевых искусств... Киноролик показательных выступлений Брюса попал в Голливуд. Ли получил известность, снявшись в телесериале «Зеленый шершень» (1967 г.)... В Южной Азии Брюс считался настоящей звездой экрана. Глава гонконгской кинокомпании «Голден Харвест» Чоу уговорил его подписать контракт на 15 тысяч долларов за главную роль в фильме «Большой босс» (1971 г.)... Но гонконгское кинопроизводство совершенно не устраивало Ли. Он основал фирму «Конкорд филмз» и приступил к съемкам боевика «Путь Дракона» (1973 г.). Брюс был в нем сценаристом, режиссером, исполнителем главной роли. «Путь Дракона» пользовался коммерческим успехом... Брюс Ли был, что называется, нарасхват... «Деньги – не главное в жизни, – говорит Брюс, – но ты чувствуешь себя намного лучше, когда они у тебя есть». После ряда удачных картин Брюс Ли купил роскошный дом в престижном квартале Коулун Тонг, «мерседес» с откидным верхом (он также заказал «роллс-ройс» с золотой именной табличкой)...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров. XX века», Россия, 2007 г.).

- «Мировую известность Аль Пачино (р.1940) принес фильм «Крестный отец» (1972 г.), в котором актеру удалось вскрыть механизм разрушения личности человека, ставшего главой клана мафии... За первого из «крестных» Аль Пачино получил 35 тысяч долларов, за второго, в 1974 году – 600 тысяч, а за третий его гонорар составил цифру с шестью нулями. Деньги он тратил легко...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «Мировые кассовые сборы фильмов с участием Харрисона Форда (р.1942) в главной роли превышают 6 миллиардов долларов. Это абсолютный рекорд. Он занесен в Книгу

рекордов Гиннеса как самый богатый актер на планете. По словам исполнительного продюсера фильма «К-19» (2002 г.) Тима Келли, Форд безусловно этих денег стоит. «Мы бы выложили еще больше, только бы заполучить его. Одно его имя гарантирует успех фильму»... Форд настолько богат, что может позволить себе экзотические хобби, самым дорогим из которых является пилотирование собственных самолетов и вертолетов. Актер неоднократно рисковал жизнью и спасал попавших в беду туристов...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Как актер Майкл Дуглас (р.1944) дебютировал в телесериале «Улицы Сан-Франциско» и в 28 лет стал телевизионной звездой... Киноверсия «полета над гнездом кукушки» (1975 г.) принесла Майклу Дугласу первого «Оскара»... За роль полицейского Ника Карена в картине «Основной инстинкт» (1991 г.) 47-летний Майкл Дуглас не получил «Оскара», но 15 миллионов долларов отхватил...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: Плата за успех», Россия, 2009 г.).

• «Сильвестр Сталлоне (р.1946) – национальный американский герой, миф 1980-х... На экране появился герой, который вызывал безграничную симпатию и желание подражать («Рокки», 1976 г.). Надежность и сила Роки в жестоком мире вызывала у зрителей чувство уверенности в том, что «пока есть такие парни, мы не пропадем». В Америке принято, чтобы фильм, имевший хорошую кассу, имел продолжение. Сталлоне выпускает еще четыре фильма о приключениях Роки (1979, 1982, 1985, 1990 гг.). В 5-й серии появился его 14-летний сын Сейдж. «Деньги посыпались на меня, как из сломанного игрового автомата, – вспоминал Сталлоне. – Я подумал: теперь все будет как в сказке, жизнь станет как одна счастливая улыбка, ведь мне не придется каждый день бороться за кусок хлеба...» ...Вместе с Брюсом Уиллисом и Арнольдом Шварценеггером Сильвер Сталлоне владеет сетью ресторанов «Планета Голливуд»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Карьера Арнольда Шварценеггера (р.1947) – одна из удивительных историй о небывалом взлете иммигранта в США... Мегазвездой Шварценеггер стал, когда на экраны вышел «Терминатор» (1984 г.) – футурологический триллер режиссера Джеймса Кэмерона. Актер создал образ холодного, не знающего жалости робота, одетого в черную куртку и не снимающего темных очков... Терминатор стал самым популярным персонажем в массовой индустрии: наклейки, плакаты, футболки с его изображением имели огромный спрос. Этот образ принес Шварценеггеру приз Национального союза владельцев кинотеатров «Звезда 1984 года»... На презентации «Терминатора – II» (1991 г.) был устроен конкурс двойников Шварценеггера. В черных кожаных куртках, с непроницаемым видом, они расхаживали по холлу отеля... Арнольд снимается в фильмах «Комmando», «Хищник», «Бегущий человек», «Красная жара» (1985–1988 гг.), закрепляя образ непобедимого героя... Состояние австрийского эмигранта измерялось уже сотнями миллионов долларов. Закончив школу бизнеса Висконсинского университета, Шварценеггер вместе с друзьями основал международную сеть ресторанов «Планета Голливуд». Он создал собственную киностудию «Оук продакшн» («оук» в переводе с английского означает «дуб» – в молодости Арнольд выступал под кличкой «Австрийский дуб»). Шварценеггер владеет большими земельными участками в Лос-Анджелесе, Денвере, пляжами в Санта-Монике и домами в Сан-Франциско. Журнал «Форбс» назвал Шварценеггера в числе 10-ти самых состоятельных людей в Америке, занятых в шоу-бизнесе...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Кинорежиссер Пол Верхувен вспомнил о Шэрон Стоун (р.1958), когда искал актрису на роль бисексуалки – автора детективов и хладнокровной убийцы – в эротическом триллере «Основной инстинкт» (1991 г.). Популярность Шэрон мгновенно выросла до размеров мании, настоящего сумасшествия... «Основной инстинкт» триумфально прошел по европейским экранам. На Каннском кинофестивале толпа преследовала Стоун повсюду... За съемки в «Основном инстинкте» актриса получила полмиллиона долларов. Через год Стоун – идол, кумир, звезда – заработала 2,5 миллиона и проценты с прибыли за эротический триллер «Щепка» (1993 г.)... «(из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Слухи о продолжении «Основного инстинкта» ходили давно и неизменно будоражили миллионы кинозрителей. Критики подогревали интерес публики, заявляя, что с годами Стоун, как хорошее вино, становится только дороже и лучше. Еще бы: гонорар за «Инстинкт-2»

составил для звезды 15 миллионов... В 2006 году «Основной инстинкт-2» вышел на экраны... К 2003 году состояние Шэрон Стоун оценивалось в 60 миллионов долларов... Ее особняк на Беверли-Хиллз ценою в 7 миллионов стилизован под французский провинциальный домик: темно-красные кирпичные стены, светло-голубой потолок, темные персидские ковры... Многие пытаются подражать Шэрон Стоун, но куда там...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: Плата за успех», Россия, 2009 г.).

Спортсмены, шахматисты

• «Иван Поддубный (1871–1949), богатырь земли русской, завоевал звание лучшего борца планеты на парижском чемпионате мира 1905 года. Не было ему равных и в последующие 3 года, и он по праву стал 5-кратным чемпионом мира. Закончив выступать, Поддубный уехал на родину и купил то самое имение, в котором когда-то работал мальчишкой у помещика Абея. Благо деньги к тому времени у борца были, и немалые, поскольку Поддубный получал самые высокие гонорары в России. Да и звания чемпиона мира тоже щедро оплачивались...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Джо Луиса (1914–1981), чемпиона мира в тяжелом весе, многие специалисты и по сей день считают боксером номер один всех времен и народов. Почти 12 лет Джо Луис владел титулом сильнейшего боксера мира, и его успехи были бы еще более впечатляющими, если бы не началась Вторая мировая война... Он был довольно обеспеченным человеком, на его банковском счету лежало около 5 миллионов долларов... Он открыл два магазина... оставил ринг и с головой окунулся в игорный бизнес...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Григорий Новак (1919–1980) – первый советский тяжелоатлет, ставший чемпионом мира (1946 г.)... Ну а сам Новак продолжал радовать своих многочисленных почитателей и за несколько лет установил 23 мировых и 86 всесоюзных рекордов. Правда, устанавливал он их теперь весьма своеобразно. Получая за каждый рекорд 25 тысяч рублей, Григорий вел себя уже совсем не так, как в Париже (1946 г.), когда сразу же навесил на штангу 20 с лишним килограммов. Теперь у него была другая тактика – он принялся чуть ли не каждый месяц улучшать свои собственные рекорды на... 500 граммов. Хотя при желании мог бы прибавить не один килограмм. Конечно, это не могло нравиться внимательно следившим за Новаком спортивным чиновникам...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Рокки Марчиано (1923–1969) – чемпион мира по боксу в тяжелом весе; единственный боксер в мире, не потерпевший за свою карьеру ни одного поражения... Выиграв в 5-й раз звание чемпиона мира в апреле 1956 года, Рокки, к неопишуемой радости всей своей семьи, заявил о своем уходе, став вторым чемпионом после Джина Туннея, добровольно покинувшим ринг... По всей видимости, Рокки просто устал от бокса и от бесконечных причитаний жены. Да и денег у него по тем временам было уже немало: как-никак, а на его счету лежал кругленький капитал в 4 с лишним миллиона долларов. Рокки постарался сделать все, чтобы увеличить его, и в этом плане явил полную противоположность Марчиано-боксеру. В финансовых сделках он никогда не шел напролом и мерил куда больше семи раз, прежде чем наконец отрезать... Он купил себе большое ранчо и очень любил летать над ним на своем самолете...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Альфредо ди Стефано (р.1926) – чемпион Аргентины, Колумбии и Испании, 5-кратный обладатель Кубка европейских чемпионов... Когда-то президент «Реала» Сантьяго Бернабеу произнес свою историческую фразу: «Мы во что бы то ни стало должны заполучить этого ди Стефано!» Человек, именем которого назовут один из самых знаменитых стадионов в мире, знал, что говорил. Великолепный Альфредо стоил куда больше тех 200 тысяч долларов, которые президент «Барселоны», тоже горевший страстным желанием заполучить его, сразу же предложил его клубу. За него развернулась нешуточная борьба, в конце концов ди Стефано оказался в королевском клубе, и именно с его именем был связан самый великий период в славной истории «Реала»...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX

века», Россия, 2003 г.).

• «Абебе Бикила (1932–1973) – эфиопский бегун на сверхдлинные дистанции; олимпийский чемпион 1960 и 1964 годов в марафоне... Олимпийскую победу Абебе (1960 г.) у него на родине, в Эфиопии, сочли достаточным поводом чуть ли не для национального праздника, а самого бегуна встречали как национального героя. Как только Бикила спустился с трапа самолета, его торжественно водрузили на белый грузовик и под звуки специально написанной в его честь песни повезли в ликующую Адис-Абебу. Там олимпийщика принял сам император, он произвел рядового гвардейца Абебе Бикилу в офицеры и вручил ему высшую государственную награду. Кроме того, «босой» чемпион получил в подарок от императора дом, который на целых четыре дня, пока продолжались празднества, превратился в живой мавзолей...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Эдсон Арантес ду Насименту, прославившийся под именем Пеле (р.1940), – трехкратный чемпион мира по футболу. Его рекорды известны всем: 1281 гол в 1363 официальных матчах, сыгранных за 21 год карьеры в профессиональном футболе...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «А 7 сентября 1956 года в игре против одного из лучших бразильских клубов «Коринтианс» из Санто– Андре Пеле удалось забить свой самый первый профессиональный гол... Руководство «Сантоса» вскоре подписало с Пеле первый в его жизни настоящий контракт – сроком на 16 месяцев, назначив спортсмену 6 тысяч крузейро в месяц. К тому времени Пеле только-только исполнилось 16 лет. А впереди уже маячили грандиозные и дотоле невиданные в истории футбола триумфы: победы его национальной бразильской сборной на 3-х чемпионатах мира в 1958, 1962 и 1970 годах...

Пеле-бизнесмен смог почувствовать вкус миллионных доходов «лучшего рекламщика в мире» – именно так окрестил его вице-президент компании «Мастеркард», с которой Пеле водит давнюю «дружбу», а недавно заключил новый контракт до 2004 года... Итак, вот только некоторые, наиболее известные на сегодня «бизнес-дела» Эдсона Арантиса ду Насименту: уже упомянутые выше соглашения с «Мастеркард», контракты с производителем спортивного инвентаря «Умбро» и компанией «Уорнер комьюникейшнз», эксклюзивное право на распространение по всей Южной Америке туристических пакетов на крупные футбольные соревнования, совладение пятью бразильскими фабриками спортивного инвентаря и владение радиостанцией, право на телетрансляцию всех товарищеских и международных матчей «Фламенго», договор с фирмой по производству витаминов «Вайтэсэй»... В 1988 году он сочинил сценарий мультсериала об истории мирового футбола «Пелезиньо» – со своим «Маленьким Пеле» он объехал 42 страны и продал мультимедиа десяти крупнейшим телекомпаниям, «поднявшись» еще на 5 миллионов долларов... Кстати, по последним подсчетам американской компании «Алан Нейлор комьюникейшнз», если бы за все фотографии Пеле и всю информацию о нем в бумажных и электронных масс-медиа взималась плата, она бы ежегодно составляла не менее 200 миллионов долларов... Сегодня личное состояние Пеле оценивается более чем в 30 миллионов долларов...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Мохаммед Али (р. 1942) – величайший американский боксер; чемпион Олимпиады-1960 в Риме; трехкратный чемпион мира в профессиональном боксе... В 1970 году Али встретился в 15-раундовом поединке с могучим нокаутером Джо Фрезером. Это был бой за приз в 2,5 миллиона долларов...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.). «Свой последний бой легендарный боксер провел 11 декабря 1981 года и проиграл малоизвестному Тревору Бербику. Провожая Мохаммеда Али из спорта, газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Али не о чем жалеть, его знают во всем мире. Благодаря боксу он заработал 35 миллионов долларов... Мухаммед Али занимался бизнесом на собственной славе. Иной раз выступление приносило ему 150–200 тысяч долларов. Он часто посещал благотворительные вечера, детские больницы... Он открыл сеть ресторанов «Чембургер», компанию безалкогольных напитков «Содовая мистера чемпиона». Фирма «Вольво» предложила ему рекламировать автомобили. Новую модель хотели назвать «Али-5000-3 ЧМ», то есть машина трехкратного чемпиона мира... Весной 2006 года Мухаммед Али продал большую часть прав на использование своего имени и изображения компани

«Си-Кей-Экс». В качестве гарантии сделки фонд Мохаммеда Али получил аванс в размере 50 миллионов долларов...»(из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Бобби Орт (р.1948) – двукратный обладатель Кубка Стэнли; обладатель всех рекордов НХЛ среди защитников; по мнению многих спортивных обозревателей и специалистов хоккея Северной Америки – самый великий игрок за всю ее историю... Дельцы из НХЛ (США) начали самую настоящую охоту за Бобби Ортом, и в конце концов все закончилось подписанием сенсационного контракта (1966 г.) на 2 года на беспрецедентную по тем временам сумму в 70 тысяч долларов! Именно столько теперь должен был получать в год еще не сыгравший ни одного матча в НХЛ Бобби. Очень многие призадумались, ведь даже такие титаны, как Хоу, Беливо и Халл получали не более 50 тысяч долларов в год при годовой зарплате среднего хоккеиста в 15 тысяч. Но контракт был свершившимся фактом, и таким образом Бобби Орт стал первым, кто по-настоящему заставил хозяев клубов считаться с собой. И если бы он даже не стал великим хоккеистом, его коллеги все равно обязаны поставить ему прижизненный памятник, поскольку именно с него началось дорожание хоккеистов и увеличение их заработков...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Лучшим спортсменом 1972 года единогласно был назван 22-летний американский пловец Марк Спитц (р.1950). На XX Олимпийских играх в Мюнхене (ФРГ) он совершил, казалось бы, невозможное: выиграл в течение недели 7 золотых медалей... Домой в Америку Марк Спитц вернулся триумфатором. И решил оставить спорт, хотя ему было всего 22 года... Надо сказать, что приобретенную им необыкновенную славу он сумел реализовать с максимальной для себя пользой, демонстрируя незаурядные деловые качества. Он рекламировал товары множества фирм и зарабатывал на этом огромные деньги. Одна из его рекламных акций, пожалуй, заслуживает особого упоминания. Дело в том, что все свои победы на Олимпийских играх в Мюнхене Спитц одержал, будучи усатым, так что знаменитыми вместе с ним стали также и его усы. Но однажды в прямом эфире телевидения он сбрил их, рекламируя лезвия фирмы «Шик». По слухам, это самопожертвование принесло олимпийскому чемпиону миллион долларов. Кроме того, Марк Спитц вел популярные передачи на телевидении, пробовал сниматься в кино... Уже заработанные деньги позволили ему начать собственный бизнес: открыть в том же Голливуде агентство по торговле недвижимостью и успешно вести дела... Сейчас Марк Спитц, успешный бизнесмен, продолжает жить с женой и двумя сыновьями в Лос-Анджелесе» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Когда председатель шведской теннисной федерации М. Хаассельквист пригласил Бьорна Борга (р.1956) сыграть за сборную в розыгрыше Кубка Дэвиса 1972 года, то юное дарование не моргнув глазом запросило 10 тысяч долларов! Но ему прощали алчность за его необыкновенный талант. Он играл как Бог и за 7 лет сумел 5 раз выиграть «Ролан Гаррос» и Уимблдон... Только за показательные матчи ему платили по 200 тысяч долларов... На своей свадьбе, состоявшейся 24 июля 1980 года, он заработал 2 миллиона долларов, сумму по тем временам огромную... К 1982 году он уже превратился в преуспевающего дельца, получавшего всеми правдами и неправдами около 3 миллионов долларов в год... Закончив выступления в теннисе в возрасте 26 лет, Борг вернулся в Швецию, купил великолепную виллу в самом престижном предместье Стокгольма и продолжил свои богемные похождения...»(из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «За 12 лет своей карьеры Мэдрик Джонсон (р.1959) установил неисчислимое количество рекордов – 5-кратный чемпион Национальной баскетбольной ассоциации (НБА), победитель Олимпийских игр в Барселоне (Испания, 1992 г.)... Болельщики просто обожали этого «Волшебника», боготворили его игру. Мэдрика 11 (!) раз выбирали в команду «Всех звезд НБА». Рекламные компании заваливали баскетболиста интересными и, что весьма немаловажно в Америке, чрезвычайно денежными предложениями. Джонсон очень быстро сколотил себе состояние, заработал славу, почет. И вдруг болезнь... Уйти из баскетбола насовсем Джонсон не смог. Популярность его не снижалась... В 1999 году он купил шведский баскетбольный клуб города Бурос... Многие говорят о некоей выгоде, о корыстных целях. А может, это была просто

тоска, удушливое чувство потерянности и ненужности самому себе без баскетбола? Команду он назвал своим именем и иногда сам играет в ее составе...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «В 1981 году Диего Марадона (р.1960) перешел в футбольный клуб «Бока Хуниорс» за немыслимые для аргентинского чемпионата деньги, и его карьера футболиста складывалась очень удачно. В международной табели о рангах он делил первое место со звездой французского футбола Мишелем Платини... Но весьма успешно стартовал в составе испанской «Барселоны» в 1982 году, Марадона вскоре сталкивается с массой серьезных проблем самого разного характера... В жизни Диего наступил первый настоящий кризис, что заставило его в сердцах заявить газетчикам, что он готов распрощаться с большим футболом. И это в 23 года! Спасательным кругом для Марадоны стал «Наполи», который выложил за тонущего в проблемах футболиста целых 7 миллионов 600 тысяч долларов – невероятная сделка, в результате которой сам спортсмен получил 800 тысяч...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «Когда Уэйна Гретцки (р.1961) стали сравнивать с великим Горди Хоу, за ним начали охоту все клубы НХЛ... Владельцы клуба «Индианаполис Рейсерс», заполучившего Гретцки, платили ему очень большую по тем временам зарплату в 100 тысяч долларов. Он отработал ее сполна, продолжая исправно забивать в каждой игре... В 1988 году Уэйна Гретцки неожиданно продали в самый слабый клуб НХЛ «Лос-Анджелес кингз» из Калифорнии. Хозяин «Королей» Макнолл положил Гретцки 2 миллиона долларов в год и, надеясь, что покупка именитого хоккеиста сделает хоккей прибыльным бизнесом, принялся один за другим подписывать выгодные контракты с телекомпаниями на право трансляции матчей в Техасе, Флориде и Аризоне. Местные бизнесмены быстро сообразили, что пришла пора делать деньги на хоккее... В первый же сезон Гретцки очаровал своей игрой... В 1993 году Гретцки чуть ли не в одиночку довел «Королей» до финала Кубка Стэнли, а в следующем сезоне стал лучшим бомбардиром НХЛ... Владелец нового клуба «Финикс Койотс» откровенно признался: «Без Гретцки я ни за что бы не рискнул начать этот бизнес и создавать хоккейный клуб посреди пустыни...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «Карл Льюис (р.1961) – американский легкоатлет, чемпион Олимпийских игр в Лос-Анджелесе (1984 г.), Сеуле (1988 г.), Барселоне (1992 г.) и Атланте (1996 г.)... В последние годы Льюис занимается тем, что пишет книги о здоровом образе жизни, рекламирует продукцию фирм, производящих спортивные товары, планирует сам наладить выпуск модной одежды под девизом «Линия Карла Льюиса»...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «Баскетболист Майкл Джордан (р.1963) – один из известнейших атлетов за всю историю спорта. Он 6 раз становился чемпионом НБА, дважды выигрывал Олимпийские игры...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «С 1984 года Джордан стал выступать за прославленный «Чикаго буллз»... Несомненно, многие победы «быков» были одержаны только благодаря Джордану, что позволило ему выбить себе фантастическую зарплату в 33 миллиона долларов в год...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.). «Справедливости ради стоит отметить, что славу Майклу принесла не только его блестящая игра, но и рекламное сотрудничество с известным производителем спортивных товаров «Найки», которое началось в 1984 году. Глава «Найки» Филипп Найт остановил свой выбор на Джордане. И не прогадал... Только за первый год сотрудничества с Джорданом «Найки» удалось продать кроссовок линии «Эйр-Джордан» на 130 миллионов долларов – вместо ожидавшихся 10 миллионов... Майкл Джордан решил инвестировать часть своих накоплений в постройку роскошного игорного курорта в Лас-Вегасе стоимостью 600 миллионов долларов... Майкл в интервью журналистам сообщил, что будет рад и дальше развивать сеть своих ресторанов, находящихся в горячей десятке по посещаемости в США... Легендарный баскетболист стал владельцем одного из первых автомобилей «Кадиллак-XLR-V» 2006 модельного года. В качестве бонуса «Кадиллак» подарил баскетболисту комплект боковых накладок с его собственной выгравированной подписью. В коллекции Джордана 40 автомобилей, но до «Кадиллака» американских среди них не было...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «За всю свою спортивную карьеру прыгун с шестом Сергей Бубка (р.1963) устанавливал мировые рекорды... 35 раз. Причем, соперничал он сам с собой – раз за разом бил собственные же рекорды... Последние годы Сергей Бубка вместе с семьей живет в Монако, но очень часто бывает в Донецке (Украина). Еще в 1990 году великий спортсмен основал в этом городе «Центр Сергея Бубки», который проводит соревнования «Звезды шеста». Бубка сам финансирует детские соревнования, оплачивает работу нескольких тренеров. В Донецке у него и собственный бизнес – предприятия по выпечке хлеба и печенья» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «По числу золотых олимпийских медалей (победы на зимних Олимпийских играх в Альбервиле (1992 г.), Лиллехаммере (1994 г.), Нагано (1998 г.) – всего 8, завоеванных на лыжне, – с норвежцем Бьорном Дэли (р.1967) не сравнится никто. Недаром он удостоился в спортивном мире особой чести – его назвали лучшим лыжником XX столетия...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.). «Семья Бьорна ни в чем не нуждается, его высокие доходы позволяют ему жить безбедно и даже иметь собственный вертолет...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.). «Теперь великий олимпийский чемпион, самый титулованный из лыжников, успешно занимается бизнесом. Он совладелец швейцарской фирмы по производству лыжной экипировки. Самая известная ее продукция – лыжные куртки марки «Дэли»...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Великая теннисистка Штеффи Граф (р. 1969) за свою профессиональную карьеру одержала более 500 побед, стала обладательницей неисчислимого количества наград и титулов. На банковском счету Штеффи более 30 000 000 долларов, а она, вместо того, чтобы по примеру своих коллег бездумно их тратить, занимается благотворительностью...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Норвежский биатлонист Оле-Эйнар Бьорндален (р. 1974) чемпион зимних Олимпийских игр в Нагано (Япония, 1998 г.) и Солт-Лейк-Сити (США, 2002 г.). В Солт-Лейк-Сити (2002 г.) Бьорндален совершил то, что до сих пор не удавалось никому – стал чемпионом во всех программах биатлона... Не раз в норвежских газетах писали о том, что 5-кратного олимпийского чемпиона не интересуют дорогие автомобили... Бьорндален вкладывает все свободные средства в строительство элитного коттеджа-гостиницы, которая будет ему приносить доход годы спустя...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Евгений Кафельников (р.1974) – первая ракетка России, обладатель 20 титулов... В течение 1995 года Кафельников сыграл рекордное количество матчей–105 – и это только официальных, в одиночном разряде. А вместе с парными получается просто астрономическая цифра для этого вида спорта–171... Все знают, что за свои выходы на корты спортсмены получают довольно приличные суммы. Так, в 1999 году Кафельников заработал 2 360 498 долларов, что обеспечило ему почетное 3-е место – после американцев Андре Агасси и Пита Сампраса – в списке игроков с самыми высокими гонорарами. Прибавить к этому еще и так называемые гарантии (за один лишь приезд на средненький турнир организаторы вручают российскому теннисисту в конвертике около 100 000 все тех же долларов) плюс кругленькие суммы рекламных контрактов – и получается весьма убедительная цифра, способная удовлетворить многих спортсменов... Одно из хобби Кафельникова, благо особых проблем это не представляет – управление самолетом. На собственной «Сессне» он налетал уже несколько сот часов...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

VII. От «открывателя законов» – к «доктору законов», или Рыцарское достоинство служителей искусства

Ученые: физики, химики, математики

• «В 1705 году королева Анна вздумала со всем своим двором посетить Кембриджский

университет и по этому случаю пожаловала Исаака Ньютона (1643–1727) в дворянское звание...» (из очерка М. Филиппова «Ньютон, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

- «Готфрид Лейбниц (1646–1716) проникся участием к заботам народа российского (не потому ли, что по происхождению славянин, уроженец одной из пограничных с немцами земель?). Лейбниц встречался с Петром I, помогая ему распространять и укреплять науку. В награду он получил звание советника юстиции русской службы – седьмой по табели о рангах чин из 14-ти, дававший дворянское звание на уровне подполковника» (из книги А. Сухотина «Превратности научных идей, СССР, 1991 г.).

- «1 марта 1753 года по Указу императрицы Елизаветы Петровны Михаилу Ломоносову (1711–1765) были присвоены права дворянства. В Копорском уезде ему отвели 9 000 десятин земли и 212 душ крепостных крестьян, они были нужны для работы на мозаичной фабрике» (из книги П. Таранова «От Монтеня до В.В. Розанова», Россия, 2001 г.).

- «В 1781 году военный министр объявил о переводе Шарля Кулона (1736–1806) в Париж, где он должен был заниматься инженерными вопросами. 30 сентября того же года он был награжден Крестом Св. Людовика. Оправдались и его надежды, связанные с Парижской академией наук. 12 декабря 1781 года он был избран в академию по классу механики...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Отношение Наполеона I к науке и ее деятелям было весьма благоприятным. Это дало даже повод французскому поэту, историку и общественному деятелю Ламартину позднее писать, что во времена Наполеона «только цифрам все разрешали, только цифры чествовались, осыпались благами и награждались». Покровительство наукам началось после приезда в Париж в 1801–1802 годах Алессандро Вольта (1745–1827). 7, 12 и 22 ноября 1801 года Наполеон I посетил лекции (мемуары) Вольта, причем в первый же день выступил с речью, из которой можно было понять, что он считает приезд Вольта крупной вехой в истории французской науки. Далее он сказал, что французские ученые и в дальнейшем будут приглашать к себе виднейших ученых мира, а Вольта как первый в плеяде награждается золотой медалью... Вольта стал рыцарем Почетного легиона, получил звание сенатора (Наполеон подарил ему сенаторский меч) и графа...» (из книги В.Карцева «Приключения великих уравнений», СССР, 1986 г.).

- «В 1803 году Наполеон сделал Пьера Лапласа (1749–1827) вице-президентом сената, а через месяц – канцлером. В 1804 году ученый подучил орден Почетного легиона... После реставрации монархии Лаплас пользовался благосклонностью Людовика XVIII. Король сделал его пэром Франции и пожаловал титул маркиза!.. В 1817 году Лаплас стал членом вновь созданной Французской академии, т. е. одним из сорока бессмертных...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Большой научный труд Джона Дальтона (1766–1844) получил всеобщее признание. В 1826 году английское правительство наградило ученого золотым орденом за открытия в области химии и физики, и главным образом за создание атомной теории. Орден был вручен на торжественном заседании Лондонского королевского общества. С большой речью выступил сэр Гемфри Дэви. В следующие годы Дальтон был избран почетным членом Академии наук в Берлине, научного общества в Москве, Академии в Мюнхене...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «На 1810 год пришлось большое число почестей: Карл Гаусс (1777–1855) получил премию Парижской академии наук и золотую медаль Лондонского королевского общества, был избран в несколько академий...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «5 мая 1842 года Лондонское Королевское общество наградило Георга Ома (1787–1854) золотой медалью и избрало своим членом. Ом стал лишь вторым ученым Германии, удостоенным такой чести... В 1853 году он одним из первых награждается только что учрежденным орденом короля Баварии Максимилиана II «За выдающиеся достижения в области науки»...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Герман Гельмгольц (1821–1894) – один из величайших ученых 19-го века. Физика, физиология, анатомия, психология, математика... В каждой из этих наук он сделал блестящие

открытия, которые принесли ему мировую славу... В 1883 году император Вильгельм жалует Гельмгольцу дворянское звание...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «В 1885 году, в день 50-летия, в знак признания заслуг перед Германией Адольфу Байеру (1835–1917) был пожалован наследственный титул, давший право ставить частицу «фон» перед фамилией... В дни празднования его 70-летия было получено сообщение о том, что за заслуги в области органической химии Байеру присуждена Нобелевская премия... В число наград, полученных Байером, входила и медаль Дэви, присужденная Лондонским королевским обществом...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «В течение 50 лет после смерти Уилларда Гиббса (1839–1903) – (американский физик-теоретик. – *Е.М.*) – четыре раза Нобелевская премия присуждалась работам, основанным на его трудах... В течение своей жизни он получил 19 наград и почетных дипломов, в том числе главную международную премию за научные достижения...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Помимо Нобелевской премии (1901 г.) Вильгельм Рентген (1845–1923) был удостоен многих наград, в том числе медали Румфорда Лондонского королевского общества, золотой медали Барнарда за выдающиеся заслуги перед наукой Колумбийского университета, и состоял почетным членом и членом– корреспондентом научных обществ многих стран...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «В 1908 году Эрнесту Резерфорду (1871–1937) была присуждена Нобелевская премия по химии «за проведенные им исследования в области распада элементов в химии радиоактивных веществ»... В 1925 году ученый был награжден британским орденом «За заслуги». В 1931 году он подучил звание лорда и стал членом палаты лордов английского парламента... В признание выдающихся заслуг в развитии науки ученый был похоронен в Вестминстерском аббатстве...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «В 1932 году в Колонном зале Дома Союзов (Москва, СССР) чествовали Константина Циолковского (1857–1935), награжденного орденом Трудового Красного Знамени. Доклад делал профессор Н.Н. Рынин, автор «Энциклопедии межпланетных сообщений» – многотомного сочинения, изданного в 1920-х годах... Циолковский глядел вдаль, не слыша аплодисментов. Вероятно, он тогда уже видел победные дни космонавтики, которые мы переживаем сегодня...» (из книги В. Орлова «Трактат о вдохновенье, рождающем великие изобретения», СССР, 1964 г.).

- «Кроме Нобелевской премии (1933 г.), австрийский физик Эрвин Шредингер (1887–1961) был удостоен многих наград и почестей, в том числе золотой медали Маттеуччи Итальянской национальной академии наук, медали Макса Планка Германского физического общества, и награжден правительством ФРГ орденом «За заслуги»...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Петр Капица (1894–1984) – свидетель нескольких периодов в развитии физики 20-го века, сменявшихся на его глазах и близко затрагивавших его самого... Он – исследователь-экспериментатор, автор теоретических работ, выдающийся инженер и конструктор остроумных и сложных машин, профессор высшей школы, организатор науки... Правительственные награды, государственные и научные премии и медали П.Л. Капицы: 1941 и 1943 гг. – Государственная премия 1-й степени; 1943, 1944, 1945, 1964 и 1971 гг. – орден Ленина; 1945 и 1971 гг. – звание Героя Социалистического Труда и золотая медаль «Серп и Молот»; 1954 г. – орден Трудового Красного Знамени; 1959 г. – золотая медаль им. М.В. Ломоносова академии наук СССР; 1962 г. – Большая золотая медаль ВДНХ. Иностранные награды: 1923 г. – премии Максвелла Кембриджского университета (Великобритания); 1934 г. – медаль Льежского университета (Бельгия); 1942 г. – медаль Фарадея Института электриков (Великобритания); 1944 г. – Большая золотая медаль Франклина Института Франклина (США); 1955 г. – медаль Сарбадикари Калькутского университета (Индия); 1959 г. – золотая медаль Котениуса Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (ГДР); 1964 г. – медаль «За заслуги перед наукой и человечеством» Чехословацкой академии наук; 1965 г. – международная золотая медаль Нильса Бора Датского общества инженеров; 1966 г. – медаль

Резерфорда Объединенного института физики и Физического общества (Великобритания); 1967 г. – орден «Югославское Знамя» с бантом; 1968 г. – золотая медаль Камерлинг-Оннеса Голландского общества холодильной техники; 1972 г. – медаль Коперника Польской академии наук; 1981 г. – медаль Гельмгольца Академии наук ГДР; 1981 г. – медаль Международной комиссии по физическому образованию; 1982 г. – золотая медаль «За заслуги перед наукой и человечеством» Чехословацкой академии наук...» (из книги Ф.Кедрова «Капица: жизнь и открытия», СССР, 1984 г.). «17 октября 1978 года Шведская академия наук направила из Стокгольма Петру Леонидовичу Капице телеграмму о присвоении ему Нобелевской премии по физике за фундаментальные исследования в области физики низких температур» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

• «Поль Дирак (1902–1984) получил Нобелевскую премию по физике 1933 года «за открытие новых продуктивных форм атомной теории»... В 1973 году Дирак был награжден орденом «За заслуги» Великобритании. Он был избран иностранным членом американской Национальной академии наук (1949 г.) и членом Папской академии наук (1961 г.)» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Летом 1954 года Джону фон Нейману (1903–1957) предложили стать членом Комиссий по атомной энергии (КАЭ), созданной правительством США после Второй мировой войны... Последнее его появление на публике состоялось в 1956 году, когда он получил из рук Эйзенхауэра Президентскую медаль Свободы – высшую награду США для гражданских лиц» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Джон фон Нейман», российск. изд., 2009 г.).

• «В 1963 году американский физик, получивший известность как «отец атомной бомбы», Роберт Оппенгеймер (1904–1967) получил ежегодно присуждаемую премию Ферми; 22 ноября президент Кеннеди объявил, что собирается вручить награду лично, но через несколько часов он был застрелен. Вручал физику медаль и премию в 50000 долларов президент Линдон Джонсон в Овальном кабинете Белого Дома 2 декабря 1963 года...» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

• «Помимо Нобелевской (1962 г.) и Ленинской (1962 г.) премий Льву Ландау (1908–1968) были присуждены три Государственные премии СССР (1946, 1949, 1953 гг.). Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда (1954 г.). В 1946 году он был избран в Академию наук СССР. Своим членом его избрали академии наук Дании, Нидерландов и США, Американская академия наук и искусств, Французское физическое общество, Лондонское физическое общество и Лондонское королевское общество. Ему присуждались медаль имени Макса Планка, премия имени Фрицы Лондона...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «За исследование полупроводников и открытие транзисторного эффекта» в 1956 году Джон Бардин (1908–1991), У. Шокли и У. Браттенн получили Нобелевскую премию... В 1965 году Бардин был удостоен Национальной медали «За научные достижения» Национального научного фонда, а в 1971 году – почетной медали Института инженеров по электротехнике и электронике. В 1972 году Бардин вместе с Л. Купером и Дж. Шриффером вновь получил Нобелевскую премию по физике «за совместное создание теории сверхпроводимости, обычно называемой БКШ-теорией»... В 1975 году он стал почетным профессором в отставке. В 1977 году ученый получил президентскую медаль Свободы правительства Соединенных Штатов...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

• «Мстислав Келдыш (1911–1978) – выдающийся ученый современности. Ему принадлежат глубокие исследования в области математики, механики, техники... Заслуги академика М.В. Келдыша перед советской и мировой наукой высоко оценены – он трижды герой Социалистического Труда (1956, 1961 и 1971 гг.), лауреат Ленинской (1957 г.) и Государственных (1942 и 1946 гг.) премий, награжден 7 орденами Ленина, 3 орденами Трудового Красного Знамени, 6 иностранными орденами – в том числе: чилийским орденом «Бернардо О’Хиггенса» II степени и Большой звездой – высшая награда Чили для иностранцев (1968 г.); болгарским орденом «Кирилл и Мефодий» I степени (1969 г.); венгерским орденом «Красного флага» (1970 г.); французским орденом Почетного Легиона (Командор), 1971 г.; болгарским орденом Георгия Димитрова (1971 г.); монгольским орденом Сухе-Батора (1975 г.).

Научные награды академика М.В.Келдыша: золотая медаль «За заслуги в развитии науки и перед человечеством» – высшая награда чехословацких ученых (1963 г.); премия и золотая медаль Фонда имени Больцано (1963 г.); международная премия по астронавтике имени Д. и Ф. Гугенхеймов (1965 г.); медаль «275 лет Академии наук Берлина» (1965 г.); почетная серебряная медаль имени Андреа Белло Чилийского университета (1966 г.); болгарская медаль «Мартин Дринов. 100 лет БАН» (1969 г.); именная золотая медаль Словацкой АН (1970 г.); медаль имени академика С.И.Вавилова общества «Знание» (1971 г.); памятная золотая медаль по случаю 10-летия Академии наук Кубы (1972 г.); памятная медаль «25 лет научно-технического сотрудничества между СССР и Польшей» (1972 г.); золотая медаль имени К.Э.Циолковского (1972 г.); медаль имени С.П. Королева и диплом имени Ю.А. Гагарина (1976 г.); золотая медаль имени М.В.Ломоносова – высшая награда АН СССР...» (из сборника «Келдыш М.В. Творческий портрет по воспоминаниям современников», Россия, 2002 г.).

• «После окончания войны Андрей Сахаров (1921–1989) поступил в аспирантуру Физического института имени П.Н. Лебедева к известному физику-теоретику И.Е. Тамму... В 1948 году Сахарова включили в состав группы Тамма по созданию термоядерного оружия. В 1950 году Сахаров уехал в центр ядерных исследований – Арзамас-16... 12 августа 1953 года была успешно испытана созданная по его проекту первая термоядерная бомба. Советское правительство не скупилось на награды молодому ученому: его избрали академиком, он стал лауреатом Сталинской премии и Героем Социалистического труда. Последнего звания он был удостоен трижды, получив его в 1953, 1956 и 1962 годах» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

Ученые: естествоиспытатели, классификаторы растительного и животного мира

• «Короли Адольф-Фридрих и Густав III дорожили Карлом Линнеем (1707–1778) как славой страны и осыпали его знаками своего внимания. В 1757 году ему было пожаловано дворянство. В 1753 году он купил себе около Упсалы (Швеция) имение Гаммарба, где и проводил лето в последние 15 лет своей жизни...» (из сборника М. Шойфета, «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «В 1783 году братья Жозеф Монгольфье (1740–1810) и Этьен Монгольфье (1745–1799) из провинциального французского городка Аннон соорудили огромный шар, надеясь с помощью дыма поднять его в воздух. Наполненный дымом при сжигании соломы и шерсти шар, к великой радости братьев и удивлению горожан, оторвался от земли и ушел ввысь. О событии заговорили повсюду, а дамы высшего света начал даже шить юбки в виде воздушных шаров. Кончилось тем, что еще не гильотинированный тогда король Людовик XVI распорядился (верно, после долгих проволочек) отпустить средства на исследования полетов. Вызвав братьев в Париж, он пожаловал им дворянский титул, на гербе которого художник записал: «Так поднимаются к звездам...» (из книги А. Сухотина «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

• «В 1818 году Жоржа Кювье (1769–1832) избрали в члены Французской академии («бессмертные»). В следующем году он получил титул барона и был назначен президентом Комитета внутренних дел в Государственном совете, – должность, которую сохранил до смерти... В 1824 году Кювье присутствовал при коронации Карла X и получил орден Почетного легиона... Воцарение Луи-Филиппа ничего не изменило в положении Кювье. В 1831 году он был пожалован пэром Франции...» (из очерка М. Энгельгардта «Ж. Кювье, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• По мере того, как теория Чарльза Дарвина (1809–1882) распространялась и результаты обнаруживались в бесчисленных работах, в быстром преобразовании всех отраслей знания, – патентованные ученые, академические светила начинали снисходить к заслугам великого натуралиста. В 1864 году он получил высшую награду, какой может удостоиться ученый в академии: Коплеевскую золотую медаль. В 1867 году Дарвину был пожалован прусский орден «Pour le mérite», учрежденный Фридрихом Вильгельмом IV для награды за ученые и литературные заслуги. Боннский, Бреславльский, Лейденский университеты избрали его почетным доктором; Петербургская (1867 г.), Берлинская (1878 г.), Парижская (1878 г.)

академии – членом-корреспондентом; множество ученых обществ различных стран – почетным членом; наконец, «alma mater» Дарвина, Кембриджский университет, избрал его почетным доктором прав (1877 г.), и при этом обратился к нему с таким мудреным словом: «Ты, столь мудро объяснивший нам законы природы, будь нашим доктором законов!»...» (из очерка М. Энгельгардта «Чарльз Дарвин, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В 1842 году Александр Гумбольдт (1769–1859) был назначен канцлером ордена pour le mйrite, учрежденного еще Фридрихом II для награды за военные заслуги. Фридрих-Вильгельм IV придал ему гражданский класс. Орден должен был выдаваться величайшим представителям науки, искусства и литературы в Германии и Европе. Гумбольдт получил бесчисленное количество наград и отличий, сыпавшихся на него со стороны правительства и ученых учреждений...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «С расцветом новой геологии ширилась и слава ее основателя, а с ней появились награды, почести, отличия со стороны ученых учреждений и правительств. В 1834 году Чарльз Лайель (1797–1875) получил от Лондонского королевского общества – старейшего и славнейшего из ученых обществ Англии – золотую медаль за «Основные начала геологии», а 24 года спустя оно почтило его своей высшей наградой – Коплеевской медалью. В 1848 году он был пожалован в рыцари («Knight») и с этого момента стал уже не просто Чарльз Лайель, а «сэр» Чарльз Лайель; в 1864 году получил звание баронета...» (из очерка М. Энгельгардта «Чарльз Лайель, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Бонифатий Кедров (1903–1985) был основателем того направления в отечественной науке, которое можно назвать исторической философией науки: соединение методологическою анализа научного знания с реконструкцией развития научной мысли на конкретном материале ее истории. Крупнейший специалист по истории естествознания (в частности, по истории химии), науковед, авторитет в вопросах философии, методологии и логики науки, классификации наук, теории историко-научных исследований, автор оригинальных подходов в изучении психологии научного творчества (теория психологического барьера) – в самых разных областях философии и истории науки он сумел сказать свое слово... Правительство награды, государственные и научные премии и медали академика Б. Кедрова: 1945 г. – орден «Знак Почета» за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники, в связи с 220-летием Академии наук СССР; 1963 г. – орден Трудового Красного знамени за успехи в развитии общественных наук и подготовку научных кадров; 1965 г. – премия имени Н.Г. Чернышевского АН СССР (вместе с З.В. Ильенковым) за цикл исследований в области теории познания диалектического материализма; 1967 г. – орден Красной Звезды за активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне; 1971 г. – орден Октябрьской Революции за большие заслуги в развитии советской науки и техники, внедрение результатов исследований в народное хозяйство, способствовавшее успешному выполнению пятилетнего плана народного хозяйства; 1973 г. – орден Ленина за большие заслуги в развитии философской науки, подготовке научных кадров и в связи с 70-летием со дня рождения; 1975 г. – орден Ленина за заслуги в развитии советской науки и в связи с 25-летием АН СССР; 1983 г. – орден Ленина за заслуги в развитии и пропаганде марксистско-ленинской философии, подготовке научных кадров и в связи с 80-летием со дня рождения» (из сборника «Бонифатий Михайлович Кедров», Россия, 2005 г.).

Ученые: физиологи, биологи, иммунологи

• «Научные заслуги Луи Пастера (1822–1895) неоднократно оценивались при его жизни; так, Лондонское королевское общество присудило ему две золотых медали в 1856 и 1874 годах; Французская академия наук присудила ему премию за работу над вопросом о самозарождении...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.); «В 1892 году праздновался его 70-летний юбилей – торжество, в котором принимали участие все цивилизованные страны. Почести, награды, приветственные телеграммы и адреса, всевозможные ордена: Св. Анны, Св. Саввы (Сербского), Св. Маврикия и Лазаря, Леопольда, Изабеллы Католической, Св. Иакова Португальского и прочее и прочее – целые святцы! – золотая медаль от Французской Академии, специально выбитая для этого случая, дипломы и

медали от других ученых учреждений...» (из очерка М. Энгельгардта «Л. Пастер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1897 г.).

- «В 1906 году Роберт Кох (1843–1910) был удостоен прусского ордена Почета, присуждаемого германским правительством. Он был удостоен почетных докторских степеней университетов Гейдельберга и Болоньи. Кох был иностранным членом Французской академии наук, Лондонского королевского научного общества, Британской медицинской ассоциации и многих других научных обществ» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «В течение 18 лет, с 1877 по 1895 год, профессор Иван Тарханов (1846–1908) – (российский физиолог, исследователь функций центральной нервной системы. – *Е.М.*) – занимал кафедру физиологии Петербургского университета и военно-медицинской академии, оставив созданную на протяжении многих лет прекрасно оборудованную лабораторию... В 1900 году на Всемирной выставке в Париже он получил за экспонаты орден Почетного легиона 3-й степени...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «В 1930 году «за открытие групп крови человека» Карл Ландштейнер (1868–1943) был удостоен Нобелевской премии по физиологии и медицине... Ландштейнер был удостоен многих других высоких наград: Берлинской премии Фонда Ханса Аронсона (1926 г.), золотой медали нидерландского общества Красного Креста (1933 г.), премии Камерона и звания почетного лектора Эдинбургского Университета (1938 г.). Он был также кавалером французского ордена Почетного легиона...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов» Россия, 2008 г.).

- «Столь быстрое международное признание открытия Фредерика Бантинга (1891–1941) – (изобретение инсулина. – *Е.М.*) – объясняется тем, что до 1921 года диабет был неизлечимой болезнью из-за отсутствия эффективных лекарств... И уже на следующий год Бантинг вместе с Дж. Маклеодом стали лауреатами Нобелевской премии (1922 г.)...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.). «В 1930 году в Торонто (Канада) был открыт научно-исследовательский институт имени Бантинга, который он, Фредерик Бантинг, и возглавил. В Канаде ученый стал национальным героем, и не только в Канаде. В 1934 году он получил звание рыцаря в Великобритании и затем был избран членом Королевского общества в Лондоне...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «25 октября 1945 года Александр Флеминг (1881–1955) получил телеграмму из Стокгольма, сообщавшую, что ему, Х. Флори и Э. Чейну присуждена Нобелевская премия по медицине «за открытие пенициллина и его целебного воздействия при различных инфекционных болезнях»... Флеминг писал Джону Камерону: «Прибыл в Стокгольм в 10 часов вечера... Назавтра вручение Нобелевских премий. Фрак и ордена. (Мне с большим трудом удалось завязать вокруг шеи орден Почетного легиона, и я ограничился одним этим орденом)...» В оставшиеся 10 лет жизни ученый был удостоен 25 почетных степеней, 26 медалей, 18 премий, 13 наград и почетного членства в 89 академиях наук и научных обществах, а в 1954 году – дворянского звания...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов» Россия, 2008 г.).

- «Вторая мировая война заставила Лайнуса Полинга (1901–1994) на время отказаться от исследования белка. За время войны он создает несколько видов мощной взрывчатки и ракетного топлива, измеритель содержания кислорода для подводных лодок и самолетов. Также Полинг со своими помощниками создал синтетическую кровяную плазму для срочных переливаний в условиях полевых госпиталей. За эти работы в 1948 году ученый получил Президентскую медаль за заслуги...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «В 1952 году «за открытие стрептомицина, первого антибиотика, эффективного при лечении туберкулеза» Зельману Ваксману (1888–1973) была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине... Его исследовательская деятельность и разработки в области микробиологии удостоены множества других наград, медалей и премий. Таких как премия Карлсбергской лаборатории (Дания, 1948 г.), медали Нью-Джерсийского сельскохозяйственного общества (1948 г.), премии Ласкера (Американская ассоциация здравоохранения, 1948 г.), медали Э. Х. Хансона (1948 г.), медали Левенгука (Голландская

Академия наук, 1950 г.). В 1960 году Ваксман стал кавалером ордена Почетного легиона Франции» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

Врачи, анатомы, психологи

• «На врача-естествоиспытателя Альбрехта Галлера (1708–1777) сыпались ордена и звания, короли приглашали нанести им визит... Король Англии Георг II в 1748 году посетил Геттинген и назначил Галлера своим государственным советником и лейб-медиком; Император Франц I пожаловал ему дворянство; его зовут в Утрехт, Оксфорд, Берлин, Галле, С.-Петербург. Его избирают почетным членом Академии наук (почетный член Петербургской АН, 1776 г.) и научных обществ...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Деятельность врача Франца Вебера (18 в.) из Вены стала благоприятно развиваться. Он был переведен императором Карлом VI за его медицинские заслуги в дворянское сословие и с этого времени получил имя Эдлер фон Фюрнберг. Летом 1755 года он пригласил молодого Й. Гайдна, жившего еще в стесненных обстоятельствах, в свою летнюю резиденцию, в замок Вайнцирл у Мельна...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «Репутации авторитетного врача Антон Штерк (1731–1803) был обязан не своим научным трудам, а главным образом практической деятельностью. В 1760 году он был назначен профессором Главной венской больницы и лейб-медиком императора. Кроме того, до самой смерти он являлся главой всего медицинского ведомства Австрии. За большие заслуги перед империей Мария-Терезия присвоила безродному доктору дворянский титул, и он получил возможность перед своей фамилией писать приставку фон...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «В 1802 году Лондонское медицинское общество вручило врачу Эдварду Дженнеру (1749–1823) выбитую в его честь Большую золотую медаль... Дженнер стал почетным гражданином Лондона...» (из книги Р. Петрова «Сфинксы XX века», СССР, 1967 г.).

• «Наполеон I в 1807 году приглашает медика Жана Корвизара (1755–1821) в свою медицинскую свиту в качестве лейб-медика и вскоре присваивает ему звание барона Империи. Во времена Реставрации Корвизар заведовал медицинским департаментом Франции...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Доктор Доминик Жан Ларрей (1766–1842) встретился с Наполеоном I в Тулоне, откуда капитан Бонапарт начал путь к славе, расстались при Ватерлоо... За Аустерлицкое сражение Ларрей получил крест... Он один из основоположников полевой хирургии, доктор медицины (1803 г.), член Национальной академии медицины (1820 г.) и Парижской академии наук (1829 г.), барон Империи...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Матвей Мудров (1776–1831) сыграл важную роль в подготовке военных врачей и организации лечения раненых в ходе Отечественной войны 1812 года... Мудров выполнил поставленные перед ним задачи... был награжден чином надворного советника... В декабре 1811 года Мудров награждается орденом Владимира IV степени, а весной 1812 года его избирают деканом Московского медицинского факультета» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• Доктор Иоганн Мальфатти (1776–1859) стал придворным врачом эрцгерцога Карла и эрцгерцогини Беатрис фон Эсте и благодаря своей известности обслуживал целый ряд зарубежных дипломатов во время Венского конгресса (1815 г.). В 1837 году он был причислен к дворянскому сословию, получил дворянство... Доктор Мальфатти владел виллой в Гитцинге и загородным домом в Веринге, в котором 14 июня 1814 года Л. Бетховен исполнял свою маленькую кантату «Un lieto brindisi», сочиненную ко дню рождения доктора Мальфатти...» (из книги А. Ноймайра «Музыка и медицина. На примере Венской классической школы», Австрия, 1995 г.).

• «В Риме (1820 г.) доктор Джеймс Кларк (1788–1870) познакомился с принцем Леопольдом Кобургским, впоследствии королем Бельгии, который назначил его своим лейб-медиком. В 1826 году доктор Кларк перебрался в Лондон, где в 1829 году опубликовал свой самый известный труд «Влияние климата на профилактику и лечение хронических

заболеваний». Этот труд, а также опубликованное в 1835 году исследование туберкулеза и скрофулеза способствовали значительному росту его авторитета в английском обществе, что выразилось в его назначении первым лейб-медиком королевы Виктории и присвоении ему в 1837 году титула баронета... Королева предоставила в его пожизненное владение очаровательное имение Бэгшот-Парк, где он и завершил свою жизнь, окруженный всяческими почестями» (из книги А. Ноймайра «Музыканты в зеркале медицины», Австрия, 1995 г.).

- «До 41-летия оставалось несколько месяцев, а Клод Бернар (1813–1878) уже академик Французской Академии наук по секции медицины и хирургии (1854 г.), секции физиологии (1868 г.)... сенатор при Наполеоне III... Клод Бернар скончался 10 февраля 1878 года в возрасте 65 лет, став первым французским ученым, удостоенным публичных похорон...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей» Россия, 2006 г.).

- «Для анатома Поля-Пьера Брокб (1824–1880) 1867 год оказался счастливым – он становится профессором медицинского факультета Парижского университета (Сорбонна). На торжественном обеде, устроенном друзьями в честь его избрания в 1880 году пожизненным сенатором, он сказал: «Я слишком счастлив! Самые смелые честолюбивые мечты, какие только может иметь человек науки, о чем только мог мечтать любой смертный, осуществлены...»...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «В 1892 году Джозефу Листеру (1827–1912) исполнилось 65 лет, и, согласно закону, он должен был оставить кафедру в Королевском колледже (Лондон). В конце июля он прочел свою последнюю лекцию, в которой кратко изложил современное состояние антисептической хирургии... Началось время признания заслуг Листера. В 1884 году ему присвоили титул баронета, а с 1893 по 1900 год он был избран президентом Лондонского Королевского общества хирургов; в 1897 году – назначен членом палаты лордов... Он был погребен в Вестминстерском аббатстве, рядом с могилой Дарвина, Уатта и других выдающихся деятелей Англии...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Созданная Сергеем Корсаковым (1854–1900) школа русской психиатрии определила пути развития отечественной психиатрии и утвердила ее мировое значение. 1 января 1893 года одного из основоположников отечественной психиатрии – Корсакова награждают орденом Св. Станислава 2-й степени...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «За работы по хирургии центральной и периферической нервной системы Николаю Бурденко (1876–1946) в 1941 году была присуждена Сталинская премия. В мае 1943 года ему присваивается звание Героя Социалистического Труда... Он награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени и медалями... Академик Бурденко был избран членом хирургического общества ряда стран; он почетный член Международного общества хирургов, Лондонского Королевского общества, Парижской академии хирургии... Академия медицинских наук учредила премии имени Бурденко, присуждаемые за лучшие работы по хирургии» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Николай Амосов (1913–2002) – хирург-кардиолог, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, академик АН УССР, член-корреспондент АМН, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, заслуженный деятель науки...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «В Курганской клинике Гавриила Илизарова (1921–1992) всегда полно иностранцев... Среди них знаменитость – итальянец Карло Маури, популярный путешественник, посетивший самые высокие пики Земли, прошедший сквозь безводье пустынь и сквозь сплошные заросли джунглей. К. Маури с некоторых пор вынужден был носить специальную обувь: давали знать последствия травмы. Но вот лечение у Илизарова – и обновленный пешеход Карло вновь на ходу. Словом, правительство Италии, высоко оценивая то, что сделано доктором для их соотечественников, и учитывая, что еще будет много сделано, увенчало Г. Илизарова высшей наградой страны – Орденом Республики. Ему вручены также высший орден Иордании, ордена других держав. Г. Илизарову, первому из советских врачей, присуждена весьма почетная международная награда – премия «Буккери-Ла Ферта»...» (из книги А. Сухотина «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

- «За большие заслуги в области народного здравоохранения Святослав Федоров (1927–

2000) награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», орденом Ленина и званием Герой Социалистического труда (1987 г.). За научные исследования в области офтальмохирургии С.Н.Федоров был удостоен высшей награды Академии наук – золотой медали им. М.В. Ломоносова – и премии им. М.И. Авербаха Академии медицинских наук. Он является также лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, а также лауреатом премии Палеолога и Оскара (США), премии Перикла (Италия)» (из статьи П. Беспрозванного «Уроки Святослава Федорова», Россия, 2008 г.).

• «К доктору Альберту Швейцеру (1875–1965) пришло наконец признание: в 1929 году его избирают Почетным членом тогдашней Прусской Академии наук, 20 октября 1952 года – Французской Академии моральных и политических наук; в 1953 году присуждают Нобелевскую премию мира за 1952 год; в октябре 1955 года Швейцер избирается почетным членом Королевского медицинского общества в Англии и Королевского общества тропической медицины. В 1920 году Швейцера избирают почетным доктором Цюрихского, Пражского (1926 г.), Эдинбургского (1931 г.), Оксфордского и Сент-Андрусского (1932 г.), Чикагского (1949 г.), Марбургского (1952 г.), Кембриджского (1955 г.), Тюбингенского (1957 г.), Мюнстерского (1959 г.), Берлинского (1960 г.) университетов. 17 августа 1960 года состоялось награждение Швейцера орденом Республики Габон «Экваториальная звезда». 14 января 1965 года прошло чествование во всех странах мира 90-летия Альберта Швейцера. Главная улица в Ламбарене названа его именем...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Поистине королевские почести были оказаны психологу Карлу Юнгу (1875–1961) в день 80-летия, когда в маленьком городке Кюснахт, где он обосновался более чем на полвека, его избрали «энергбюргером» /почетным гражданином/, что, по собственным словам Юнга, он ценил даже выше, чем избрание членом Королевского медицинского общества Лондона. Он стал также почетным доктором наук Оксфордского университета, почетным членом Швейцарской академии наук, получил почетные степени от Гарвардского университета и университетов Калькутты, Бенареса и Аллахабада – и все это среди прочих многочисленных отличий...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Андрей Туполев (1888–1972) – советский авиаконструктор, академик АН СССР (1953 г.), трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957 и 1972 гг.)... Туполев – почетный член Королевского авиационного общества Великобритании (1970 г.) и Американского института авиации и космонавтики. В 1958 году Туполеву была присуждена золотая медаль им. Н. Е. Жуковского «За лучшую работу по теории авиации». Он удостоен также Большой золотой медали ФАИ, премии им. Леонардо да Винчи (Италия), золотой медали основоположников авиации (Франция) и других наград... Награжден 8 орденами Ленина, 6 другими орденами, медалями, а также 2 иностранными орденами» (из статьи «Андрей Туполев», «Большая Советская Энциклопедия»: в 30 т., т. 26, СССР, 1977 г.).

Историки, писатели, поэты

• «К началу 1340-х годов поэт Франческо Петрарка (1304–1374) был известен уже всей Италии. В нем выиграло тщеславие, и с помощью друзей Франческо начал хлопоты об увенчании его лавровым венком. 1 сентября 1340 года Петрарка получил приглашение на эту торжественную церемонию сразу из двух городов – Парижа и Рима. Поэт выбрал Рим. Награждение состоялось на Пасху, 8 апреля 1340 года, на Капитолии. Петрарка стал почетным гражданином Рима» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.).

• «В 1778 году, через 4 года после вступления на престол Людовика XVI, Франсуа Вольтер (1694–1778) по настоянию друзей приехал в Париж. Его прибытие превратилось в подлинный триумф. Массы парижан с цветами встречали защитника простых людей. На представлении последней трагедии «Ирина» Вольтер и его бюст на сцене были увенчаны лавровыми венками» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Наполеон, из прихоти или по необходимости не любивший людей, способных

возбуждать волнение в массах, сознавал, однако, свой долг императора достаточно, чтобы ... вскричать при имени драматурга Пьера Корнеля (1606–1684): «Я сделал бы его принцем!»...» (из статьи О. Бальзака «О художниках», Франция, 1830 г.). «Влияние Корнеля, – сказал И. Гёте, – было так сильно, что он формировал героические души. Это было немаловажно для Наполеона, которому нужен был героический народ, поэтому император и сказал, что, будь Корнель жив, он бы сделал его герцогом...» (из книги И. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни», Германия, 1836 г.).

• «В Эрфурте, где состоялся конгресс монархов (октябрь 1808 г.), император Наполеон отнесся к Иоганну Гёте (1749–1832) с большим вниманием. Приехав через несколько дней в Веймар и встретив поэта на балу, он опять долго беседовал с ним и приглашал посетить Париж, а еще через несколько дней пожаловал ему крест Почетного Легиона, что в то время считалось чрезвычайною честью...» «В 1819 году И. Гёте исполнилось 70 лет. День его рождения был торжественно отпразднован во Франкфурте, откуда поэту прислали золотой лавровый венок. Со всех сторон Германии получил он поздравления и подарки...» (из очерка Н. Холодковского «И.В. Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Николай Карамзин (1766–1826) положил перо журналиста. Он взял перо историка... Работа над «Историей Государства Российского» была в разгаре. Летом 1808 года был закончен IV том... 1 июля 1810 года Карамзин получил при милостивом рескрипте Александра I орден Владимира 3-й степени... К лету 1812 года история дошла до царствования Ивана III. В работе был VI том... В феврале 1816 года Карамзин привез в Петербург первые восемь томов своей истории...» (из книги Ю. Лотмана «Сотворение Карамзина», СССР, 1987 г.).

• «После выхода в свет издания басен 1816 года посыпались на голову Ивана Крылова (1769–1844) почести, хвалы и награды... различные ученые и воспитательные учреждения присылали ему дипломы и выбирали почетным членом... В 1820 году награждают его орденом Владимира 4-й степени...» (из очерка С. Бриллианта «И. А. Крылов, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• В 1820 году Вальтер Скотт (1771–1832) получил титул баронета. Он впервые услышал о желании регента (будущий английский король Георг IV. – *Е.М.*) даровать ему титул в последних числах ноября 1818 года. Скотт был не из тех, кто пришел бы от такого известия в безумный восторг, но ему все равно было приятно. «Я мог бы с легкостью наговорить сотню высоких фраз о своем презрении к титулам и так далее, – писал он Морриту, – но хотя я бы не ударил и пальцем о палец, чтобы выпросить для себя либо купить, либо выклянчить, либо одолжить какую бы то ни было награду – лично мне она принесет больше неудобств, чем всего остального, – в данном случае это исходит непосредственно от символа феодальной чести и само по себе почетно, так что я и в самом деле за него благодарен...» Он обратился к герцогу Баклю и Скотту из Хардена, «главам моего клана и моим сеньорам», и те посоветовали принять титул. И больше того: «Куда тщеславнее, думаю, будет отклонить, нежели принять то, что мне, в соответствии с ясно выраженным пожеланием Монарха, предложено в знак особой милости и отличия». Из-за болезни он смог отправиться в Лондон получать свое баронетство только весной 1820 года... Титул дал ему возможность вдоволь про себя позабавиться... Воздействие его баронетства над других, как он отметил, свелось к тому, что лакеи начали ему кланяться на 2 дюйма ниже и распахивать двери за 3 дюйма шире, чем раньше, хотя его рост и размеры оставались все теми же...» (из книги Х. Пирсона «Вальтер Скотт», Великобритания, 1936 г.).

• «С 1849 года историк Томас Маколей (1800–1859) был на вершине популярности. Жители Глазго (Англия) поднесли ему диплом почетного гражданства, Лондонская королевская академия избрала его почетным профессором древней истории, а Эдинбургский философский институт – президентом. В 1857 году Маколей был возведен в звание пэра...» (из очерка М. Барро «Т. Маколей, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.).

• «Не имея материальных средств, В. Гюго (1802–1885) не мог быть избран в палату депутатов; он не мог попасть и в палату пэров, так как не принадлежал ни к одной из тех категорий населения, откуда король имел право отбирать кандидатов на звание пэра. Академия же находилась в числе этих категорий, и Виктор Гюго решил выставить там свою кандидатуру... Новый академик (Франция, июнь 1841 г.) не ленился прочитывать все книги, присылаемые на соискание различных премий. Гюго недолго пришлось ждать и звания пэра,

для получения которого он, собственно, и добивался избрания в Академию. Король возвел его в это достоинство 13 апреля 1843 года...» (из очерка А. Паевской «Виктор Гюго, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

- «В числе почестей, сыпавшихся на Ганса Христиана Андерсена (1805–1875) в последние годы его жизни, было множество орденов от разных государей. Первый орден, который он получил, – немецкий, а именно прусский орден Красного орла, пожалованный ему в 1846 году королем Фридрихом Вильгельмом; второй он получил от датского короля, третий – от шведского, и так далее. В 1851 году Андерсена сделали профессором, затем статским советником и конференц-советником...» (из очерка М. Бекетовой «Г.Х. Андерсен, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.).

- «После успешной премьеры «Дамы с камелиями» (Франция, 1852 г.) республиканское правительство дало Александру Дюма-сыну (1824–1895) орден Почетного легиона, а театр дал ему полмиллиона франков сбора...» (из книги М. Бессараб «Сухово-Кобылин», СССР, 1981 г.).

- «Томас Карлейль (1795–1881) не искал популярности, но после «Истории Фридриха Великого» (Великобритания, 1865 г.) слава его достигла своего апогея... Королева Виктория пожелала лично познакомиться с ним. Германский император пожаловал ему орден, дававшийся только за действительные заслуги, ввиду чего Карлейль не отказался принять его...» (из очерка В. Яковенко «Томас Карлейль, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

- «Рабиндранат Тагор (1861–1941) находился в Шантиникетоне, когда пришло известие, что 13 ноября 1913 года ему присуждена Нобелевская премия... С этого времени начинается период признания творчества Тагора как в самой Индии, так и за ее пределами. В 1915 году английский король возвел Тагора в рыцарское звание. Оксфордский университет присвоил ему степень почетного доктора...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «В 1911 году Морису Метерлинку (1862–1949) была присуждена Нобелевская премия по литературе «за многогранную литературную деятельность, в особенности за драматические произведения, отмеченные богатством воображения и поэтической фантазией... В 1932 году король Бельгии пожаловал писателю титул графа...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

- «За книгу «Мастерство Некрасова» (СССР, 1952 г.) Корней Чуковский (1882–1969) в 1962 году был удостоен Ленинской премии... В 1957 году Чуковскому была присвоена ученая степень доктора филологических наук, в 1962 году – почетное звание доктора литературы Оксфордского университета. В последние годы Чуковский – всенародный любимец, лауреат ряда государственных премий и орденов...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.). «Чуковский награжден орденом Ленина, 3-мя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30-ти томах, т. 29, СССР, 1978 г.).

- «В 1960-е годы к Анне Ахматовой (1889–1966) наконец пришло мировое признание. Ее стихи появились в переводах на итальянском, английском и французском языках, за границей стали выходить ее поэтические сборники. В 1962 году Ахматовой была присуждена Международная поэтическая премия «Этна-Таормина» – в связи с 50-летием поэтической деятельности и выходом в Италии сборника избранных произведений Ахматовой. В том же году Оксфордский университет принял решение присвоить Анне Андреевне Ахматовой степень почетного доктора литературы. В 1964 году Ахматова побывала в Лондоне, где состоялась торжественная церемония ее облачения в докторскую мантию. Церемония прошла особенно торжественно. Впервые в истории Оксфордского университета англичане нарушили традицию: не Анна Ахматова всходила по мраморной лестнице, а ректор спускался к ней...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Агата Кристи (1890–1976) – английская писательница, всемирно признанная «королевой детектива»... За литературные заслуги ей был пожалован дворянский титул...» (из статьи Н. Михальской «Агата Кристи», российск. изд., 2003 г.). «По случаю 80-летия Агата Кристи была награждена королевой орденом дамы-командора Британской Империи (1970 г.) и получила право носить титул дамы. Так как в 1968 году ее муж за заслуги перед британской

археологией был возведен в рыцарское достоинство, Кристи, как его жена, также имела право на титул леди. Обращаясь к ней, ее называли теперь либо леди Мэллоуэн, либо дама Агата...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В 1971 году английский писатель и оксфордский профессор английского языка Джон Рональд Толкиен (1892–1973) стал кавалером Ордена Британской Империи, который ему вручили в Букенгемском дворце. Совет Оксфордского университета присвоил ему звание почетного профессора литературы за работы в области филологии» (из книга Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

• «Уильям Фолкнер (1897–1962) – лауреат Нобелевской премии (1949 г.), один из самых читаемых авторов в мире... Нобелевская премия изменила жизнь Фолкнера. Человек, стремившийся, по его собственным словам, «остаться личностью, нигде не заприходованной», попал под вспышки фотообъективов, под огни рампы и рекламы... После 1949 года всякие почести и награды хлынули на Фолкнера. Он был даже награжден орденом Почетного легиона Франции и очень гордился маленькой розочкой, которую носил в петлице. В 1955 году его роман «Притча» получил и Национальную и Пулитцеровскую премии в США...» (из книги Ю. Безелянского «Знаменитые писатели Запада: 55 портретов», Россия, 2008 г.).

• «В 1962 году Джон Стейнберг (1902–1968) получил Нобелевскую премию по литературе. Еще через два года «живого классика» по инициативе президента США Л. Джонсона наградили «медалью свободы»...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

• «Михаил Шолохов (1905–1984) был многократно отмечен наградами Советского правительства. В 1941 году он получил Сталинскую премию в области литературы. В 1945 году был награжден орденом Славы за военные заслуги. В 1955 году получил орден Ленина; дважды Герой Социалистического Труда (1967, 1980 гг.). Был депутатом Верховного Совета, академик АН СССР... В 1965 году Шолохову была присуждена Нобелевская премия по литературе – «за художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время»... В этом же году писатель получает ученую степень доктора филологических наук в Ростовском государственном университете, а Лейпцигский университет (ГДР) избирает его Почетным доктором. В Болгарии Михаил Александрович получает орден Кирилла и Мефодия I степени. В мае 1975 года – Президиум Всемирного Совета Мира в Стокгольме присуждает Шолохову международную премию мира в области культуры за выдающийся вклад в укрепление мира и дружбы между народами» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Фазиль Искандер (р.1929) – академик РАЕН (с 1995 г.), Академии российского искусства (с 1995 г.) Независимой академии эстетики и свободных искусств (с 1995 г.), почетный доктор Норвичского университета (США), член и лауреат Баварской академии изящных искусств (Германия). О мировом признании писателя говорит перечень его престижных наград: Искандер награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II (2004 г.) и III степени (1999 г.), орденом «Честь и слава I степени Абхазии (2002 г.), Государственной премией СССР (1989 г.), премией имени А.Д.Сахарова «За мужество в литературе» (1991 г.), Пушкинской премией фонда А.Тепфера (1992 г.), Государственной премией РФ (1993 г.), «Москва-Пенне» (Италия, 1996 г.), фонда «Знамя» (1997 г.), «Болдинская осень» (1998 г.), «Триумф» (1998 г.), премией имени Д. Гулия за достижения в области литературы (Абхазия, 2002 г.), памятной медалью РАН «Шедевры русской литературы XX века» за выдающийся вклад в развитие культуры России (2003 г.)... 6 марта 2009 года Фазилу Искандеру исполнилось 80 лет, в связи с этим событием Президент России Дмитрий Медведев наградил писателя орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени «за большой вклад в развитие отечественной литературы и многолетнюю творческую деятельность»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Поэт Иосиф Бродский (1940–1996) стал членом Американской Академии, доктором Йельского Университета (1978 г.). В 1987 году его ждала самая большая награда – поэту присуждается Нобелевская премия по литературе... В мае 1991 года Бродский занял пост поэта-лауреата США, в июне того же года получил мантию доктора Оксфордского университета. В том же году он стал кавалером ордена Почетного легиона...» (из сборника С.

Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

Художники, графики, скульпторы

• «С 1530 года Тициан (ок.1476 – 77 или 1489 – 90–1576) начал работать для императора Карда V, который испытывал к художнику глубокое уважение. Он был произведен в рыцари его величеством... Получив 19 марта 1546 года диплом почетного гражданина Рима, художник возвращается в Венецию» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Давно уже забыто, что Рафаэль (1483–1520) жил во дворце Юлия II, что Лев X хотел сделать его кардиналом...» (из статьи О. Бальзака «О художниках, Франция, 1830 г.).

• «В 1632 году Антонис Ван Дейк (1599–1641) принимает приглашение короля Англии Карла I и, покинув родину, переезжает в Лондон, где проходит последний период его творчества. Ван Дейк становится «главным живописцем на службе их величеств», получает дворянский титул и золотую цепь рыцаря. Мечты его сбываются...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В 1651 году Диего Веласкес (1599–1660) возвращается на родину. Филипп IV возводит художника на высшую в государстве должность – гофмаршала. Теперь Веласкес, наконец, получил полную независимость... Главные создания Веласкеса позднего периода – портрет Филиппа IV (1654 г.), крупномасштабные композиции «Менины» (1656 г.), «Пряхи» (1657 г.)... Придворная карьера Веласкеса к тому времени достигает своей вершины: король наградил его высшим орденом Испании – крестом Сантьяго. Так был создан прецедент: человек искусства стал кавалером одного из древнейших в Европе рыцарских орденов...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «После переворота 9-10 ноября 1799 года, осуществленного Наполеоном Бонапартом, Жак-Луи Давид (1748–1825) был назначен живописцем правительства. Вскоре он создает картину «Бонапарт при переходе через Сен-Бернар» (1800 г.)... После объявления Наполеоном себя наследником революции Давид становится его приверженцем и в 1804 году получает титул «Первого художника императора». В честь Наполеона он пишет большое историческое полотно «Коронация Наполеона I» (1805–1807 гг.)... Картина имела огромный успех в Салоне 1808 года, и Наполеон произвел художника в офицеры Ордена почетного легиона...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Подлинный расцвет творческого дарования Алексея Венецианова (1780–1847) падает на 20–30-е годы... В 1830 году стараниями высокопоставленных доброжелателей Венецианов получил звание императорского живописца, ежегодное жалование и орден св. Владимира...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В Салоне 1846 года Камиль Коро (1796–1875) выставляет единственную картину этого года, которая называлась «Лес в Фонтенбло». Популярность Коро растет. Бодлер и Шанфлеры поддерживают его в прессе. В 1846 году Коро получил орден Почетного легиона. Только тогда его семья, четверть века игнорировавшая его работу начала что-то понимать...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В 1857 году на выставке в Париже Иван Айвазовский (1817–1900) выставляет свое произведение «Четыре богатства России». За эту картину он (первым из иностранных художников) удостоивается ордена Почетного легиона...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В 1867 году Иван Шишкин (1832–1898) демонстрирует на Парижской всемирной выставке полотно «Вид в окрестностях Дюссельдорфа». Спустя год снова привозит ее же на выставку в Академию (Россия), в итоге получив за эту работу орден Станислава III степени...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В 1868 году Илья Репин (1844–1930) написал картину «Иов и его друзья», за которую получает малую золотую медаль. Илья Репин блестяще заканчивает Академию художеств в 1871 году. Он пишет конкурсную работу «Воскрешение дочери Иаира», за которую удостоен большой золотой медали...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В 1873 году Архип Куинджи (1842–1910) путешествует по Германии. Он посетил Берлин, Дюссельдорф, Кельн, Мюнхен. Помимо Германии, Куинджи побывал во Франции и Лондоне... В том же 1873 году Куинджи выставляет в Обществе поощрения художеств (Россия) картину «Снег», за которую в 1874 году на международной выставке в Лондоне получает бронзовую медаль...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В Салоне 1881 года Эдуард Мане (1832–1883) выставляет «Портрет Пертюизе» и «Портрет Рошфора». За них художник получает медаль 2 степени и теперь может посылать свои работы на выставку «вне конкурса». В том же году Мане награждают орденом Почетного легиона...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Константин Коровин (1861–1939) был назначен руководителем художественного оформления русских павильонов на Всемирной выставке 1900 года в Париже. Грандиозность поставленной задачи позволила ему в полной мере раскрыть свое дарование. Он пишет несколько больших декоративных по цвету панно. За эту работу Коровин был награжден двумя серебряными, двумя золотыми медалями и орденом Почетного легиона. К художнику приходят мировое признание и слава, его произведения экспонируются во многих городах Европы...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Давний интерес Виктора Васнецова (1848–1926) к народной сказке и былине в полной мере проявляется в его работах... В 1902 году Виктора Михайловича награждают французским орденом Почетного легиона...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «К 20-м годам имя Анри Матисса (1869–1954) становится всемирно известным. Его выставки проходят в Москве, Нью-Йорке, Париже, Кельне, Лондоне, Берлине, Копенгагене, других городах. Художник получает всеобщее признание. В июле 1925 года А. Матисс получает звание кавалера ордена Почетного легиона... В 1947 году художник удостоивается высшей степени ордена Почетного легиона. В 1950 году он снова получает премию по живописи на XXV Венецианском биеннале. В 1952 году на родине художника открывается Музей Матисса...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников Россия, 2004 г.).

• «По случаю 90-летия Марка Шагала (1887–1985) в 1977 году была развернута уникальная выставка его работ в Лувре (Париж, Франция). Он был награжден Большим Крестом Почетного легиона. Последняя прижизненная выставка Шагала состоялась в 1984 году в Национальном центре культуры и искусства имени Жоржа Помпаду (Париж, Франция)...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В 1982 году парламент Каталонии (Испания) отметил Сальвадора Дали (1904–1989) самой высокой наградой – Золотой медалью, приложив к ней следующий текст: «Можно любить или не любить Сальвадора Дали, но он один из редких гениев искусства 20-го века, одно из его ярких явлений, ставших вехами в истории культуры всех времен...»...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.). «...На Дали золотым дождем сыпались награды. Он, например, удостоился Большого Креста Изабеллы Католической – высшей награды Испании... 26 июля 1982 года король Хуан Карлос I пожаловал Дали титул маркиз де Дали Пуболь...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Еще в СССР в 1967 году Михаил Шемякин (р.1943) создал группу «Санкт-Петербург» и в соавторстве с философом Владимиром Ивановым написал теорию метафизического синтезизма, посвященную созданию новой иконы на основе изучения религиозного искусства всех времен и народов... За эти исследования художник удостоен званий почетного доктора (Doctor Honoris Causa) университета в Сан-Франциско (США), Сидар-Крест Колледжа (США), Европейской академии искусств (Франция), Российского государственного гуманитарного университета (Москва), университета Кабардино-Балкарии (Нальчик)... В 1993 году М. М. Шемякину присуждена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства. Он отмечен французским орденом «Рыцарь искусства и литературы» (1994 г.), а также почетной медалью «Достойному» Российской академии художеств (1998 г.)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино, Россия,

2011 г.).

- «В 1803 году скульптор Ж.Гудон /1741-1828/ стал кавалером нового, учрежденного Наполеоном ордена Почетного Легиона и в 1805 году – профессором в специальных Школах живописи, скульптуры и архитектуры Французского института...» (из сборника С.Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.).

- «Наполеон, из прихоти или по необходимости не любивший людей, способных возбуждать волнение в массах, сознавал, однако, свой долг императора достаточно, чтобы предложить миллионы и звание сенатора скульптору Антонио Канове (1757–1822)...» (из статьи О.Бальзака «О художниках», Франция, 1830 г.).

- «Получив Большую золотую медаль за дипломную работу «Возвращение Святослава с Дуная», русский скульптор Михаил Козловский (1753–1802) заканчивает Академию художеств, после чего назначается пансионером на 4 года в Рим, куда и был отправлен 30 июля 1774 года для продолжения образования...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России». Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.)

- «В 1829 году архитектору Василию Стасову (1769_1848) была поручена достройка собора Смольного монастыря, возведенного в середине 18-го века по проекту Растрелли. Кроме того, в Петербурге В.Стасов построил два пятиглавых собора – Троицкий (Измайловский) и Преображенский... Троицкий собор построен в 1827–1835 годах... После освящения храма В.Стасова наградили орденом Святого Станислава II степени. Таким образом, работая на протяжении многих лет по непосредственным заказам Александра I, а затем и Николая I, Стасов, по сути, был придворным архитектором. Ему доверяли самые ответственные проекты...» (из сборника Т.Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

- «В 1877 году скульптор Марк Антокольский /1843-1902/ переехал с семьей в Париж. Через год он уже участвовал в Международной выставке. Марк Матвеевич удостоился высшей премии – большой золотой медали. Затем его наградили орденом Почетного легиона и единогласно избрали членом-корреспондентом Парижской академии художеств» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитектора», Россия, 2007 г.).

- «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1977 года в связи с 60-летием со дня рождения скульптору Михаилу Аникушину (1917–1997) присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Он награжден советскими 2-мя орденами Ленина (1967 г.), орденом Октябрьской Революции, орденом Отечественной войны 2-й степени (1985 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1987 г.), орденом Дружбы народов (1992 г.), медалями» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Скульптор Зураб Церетели (р.1934) – академик Международной академии творчества; профессор Брокпортского университета изящных искусств (штат Нью-Йорк, США, 1979 г.); член-корреспондент Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо в Мадриде (1998 г.); действительный член Грузинской академии наук, член-корреспондент Академии изящных искусств (Академия бессмертных) Франции (2002 г.). Зураб Церетели – Герой Социалистического труда (1991 г.); Народный художник Российской Федерации (1994 г.); Народный художник Грузии (1978 г.); Народный художник СССР (1979 г.), лауреат Ленинской премии (1976 г.); дважды лауреат Государственной премии СССР (1970, 1982. гг.); лауреат Государственной премии России (1996 г.); лауреат Премии Пикассо (1994 г.); лауреат всероссийской премии «Российский Национальный Олимп» (2003 г.). Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III (1996 г.) и II степени (2005 г.); кавалер ордена Дружбы Народов (1994 г.). Русской православной Церковью награжден орденом Святого Преподобного Сергия Радонежского I степени, орденом Русской Православной Церкви за вклад в воссоздание триумфальной колонны «Воинская Слава» (2003 г.). Награжден высшей наградой города Парижа – медалью города степени Vermeil (июль 1998 г.)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия. 2011 г.).

• «В 1650-х годах Жан Батист Люлли (1632–1687) возглавил все музыкальные учреждения придворной службы как «музыкальный суперинтендант» и «маэстро королевской фамилии». К тому же он был секретарем, приближенным и советчиком Людовика XIV, который пожаловал ему дворянство и содействовал в приобретении огромного состояния...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Опера Кристофа Глюка (1713–1787) «Антигона» (1756 г.) имела в Риме очень большой успех, и Глюку был пожалован орден «Золотой шпоры». Этим древним по своему происхождению орденом награждались с целью поощрения выдающиеся представители науки и искусства...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Король Георг III, никогда не признававший никакой музыки, кроме мелодий Генделя, не остался равнодушным к творчеству Йозефа Гайдна (1732–1809): королева и монарх оказали немецкому виртуозу необычайно радушный прием. В довершении всего Оксфордский университет (Англия) прислал ему диплом доктора; звание это, начиная с 1400 года, присуждалось всего лишь четырем лицам, и даже Гендель не был его удостоен...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазии», Франция, 1824 г.).

• «Весной 1830 года Никколо Паганини (1782–1840) концертировал в городах Вестфалии. И здесь наконец исполняется его давнее желание – Вестфальский двор жалует ему титул барона... Титул передается по наследству, а именно это и надо было Паганини: он думает о будущем сына Ахилла» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Вечером 24 января 1835 года опера Винченцо Беллини (1801–1835) «Пуритане» была впервые показана публике (Париж, Франция)... Королева Мария-Амелия уведомила Беллини, что придет на второе представление оперы. Король Луи-Филипп по совету министра Тьера повелел наградить молодого музыканта Рыцарским крестом ордена Почетного легиона в честь его заслуг. В свою очередь, Тьер, благосклонный к композитору, письменно засвидетельствовал свое уважение, не забыв отметить, что орден был пожалован по его совету. Словом, с избытком было всего, что могло взволновать крайне впечатлительного Беллини. И понадобилось немало времени, чтобы он пришел в себя... Но неудержимая радость, которую доставил музыканту восторженный прием «Пуритан» («Он вполне заслужил почести, которые ему были оказаны» – таково было всеобщее мнение) и неожиданное признание столь высоких лиц просвечивает даже в немногих строчках, отправленных дяде Ферлито. Сообщив о награждении его орденом Почетного легиона, он в обоих письмах повторяет один и тот же призыв: «Выпейте за мое здоровье!» и заключает одинаково: «Да здравствует Сицилия и ее сыновья!» Больше всего его восхищало то, что он за границей был награжден как итальянский музыкант» (из книги Ф. Пастура «Винченцо Беллини», Италия, 1959 г.).

• «15 августа 1868 года Камиль Сен-Санс (1835–1921) получил звание кавалера ордена Почетного легиона. В 1870–1871 годах жизненная и творческая активность Сен-Санса резко возрастают. У него целый рад общественных обязанностей, а круг знакомств все расширяется...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Насколько значительными были творческие успехи Петра Чайковского (1840–1893), можно судить хотя бы по тому, что в июне 1883 года ему, первому из русских композиторов, была присвоена степень почетного доктора Кембриджского университета, а император Александр III лично заказал ему несколько произведений, в основном духовного содержания...» (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина», Австрия, 1995 г.). «...В 1883 году в Англии Кембриджский университет присвоил Чайковскому звание доктора права как гениальнейшему музыканту мира» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «В 1907 году Александр Скрябин (1872–1915) написал «Поэму экстаза», в 1909 году состоялась премьера этого произведения в Петербурге в исполнении Петербургского Придворного оркестра. В 1908 году – получение премии Глинки за «Поэму экстаза». Это была уже 11-я по счету премия, полученная автором...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Дмитрий Шостакович (1906–1975) признан величайшим композитором современности – народный артист СССР, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета Союза ССР, лауреат Международной

Ленинской премии «За укрепление мира между народами», командор французского ордена искусств и литературы, лауреат международной премии имени Яна Сибелиуса, лауреат Международной премии Фонда Зоннинга (Дания), почетный член Шведской музыкальной академии, член-корреспондент Академии искусств Германской Демократической Республики, почетный член Итальянской Академии искусств, почетный член Английской музыкальной академии, почетный доктор Оксфордского университета, почетный профессор Мексиканской консерватории, почетный член Американского института искусств и литературы, почетный член Сербской Академии искусств...» (из сценария О. Дворниченко фильма «Дмитрий Шостакович», СССР, 1976 г.).

• «Английский композитор Бенджамин Бриттен (1913–1976) пополнил национальный репертуар несколькими операми, среди которых «Питер Граймс» (1945 г.) и «Билли Бад» (1951 г.). Он известен также как автор «Военного реквиема» (1961 г.)... В последние месяцы жизни он продолжал сочинять музыку и даже присутствовал на фестивале в Олдборо в июне 1976 года. В этот же год композитор был удостоен королевой пожизненного пэрства и стал бароном Бриттеном Олдборгским...» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

• «Тихон Хренников (1913–2007) – народный артист РСФСР (1954 г.), народный артист СССР (1963 г.), Герой Социалистического Труда (1973 г.), трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1952 гг.). В 1967 году получил Государственную, в 1974 году – Ленинскую премии. Лауреат Премии Президента РФ (2003 г.). Награжден орденом Ленина (1963, 1971, 1973, 1983 гг.), орденом Трудового Красного знамени (1936, 1988 гг.), орденом Почета (1998 г.)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В 1963 году Георгию Свиридову (1915–1998) было присвоено почетное звание Народного артиста РСФСР, а в 1970 году – Народного артиста СССР. В 1965 году он был награжден орденом Ленина. Свиридов – лауреат Ленинской премии 1960 года (за «Патетическую ораторию») и Государственной премии СССР (1946, 1968, 1980 гг.)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Мстислав Ростропович (1927–2007) – почетный гражданин многих городов мира, его имя включено в число «Сорока бессмертных» – почетных членов Академии искусств Франции. Ростропович является членом американской Академии наук и искусств, римской Академии Санта Чечилия, британской Королевской академии музыки, Королевской академии Швеции, Баварской академии изящных искусств и удостоен звания почетного доктора более 50-ти университетов по всему миру. Ему была вручена Императорская премия Японской ассоциации искусств и множества других наград...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.). «Ростропович – народный артист СССР (1966 г.); награды: Государственная премия СССР (1951 г.); Ленинская премия (1964 г.); Государственная премия РФ (1992, 1995 гг.); премия Фонда Эрнста фон Сименса (1997 г.); Большой Русский Приз «Слава Gloria» (1997 г.), Царскосельская художественная премия (1999 г.); «Грэмми» (2003 г.)...» (из «Большого биографического словаря», Россия, 2007 г.).

• «Дирижер Евгений Светланов (1928–2002) – заслуженный артист РСФСР (1959 г.), народный артист РСФСР (1954 г.), народный артист СССР (1968 г.), лауреат Ленинской премии (1972 г.), Государственной премии РСФСР имени М.И.Глинки (1975 г.), Государственной премии СССР (1983 г.), кавалер ордена Ленина (1978 г.). В 1986 году был удостоен звания «Герой Социалистического труда». Награжден орденами: «За заслуги перед Отечеством» III степени (1993 г.) и II степени (1998 г.), Орденом Трудового Красного знамени (1967 г.), Орденами Ленина (1971, 1978 гг.) и Орденом Дружбы народов (1976 г.). Среди других орденов и званий – орден Кирилла и Мефодия I степени (Болгария), орден Почетного Легиона (Франция), титул Почетного академика Шведской Королевской академии, Почетного академика Академии искусств США, Почетного профессора МГУ и Российской музыкальной академии им. Гнесиных, Почетного члена Музыкальной академии Вагнера, Почетного члена Шубертовского общества и др.» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Александра Пахмутова (р.1929) – народная артистка СССР (1984 г.), Герой Социалистического Труда (1990 г.), лауреат Государственных премий (1975, 1982 гг.) и премии им. Ленинского комсомола (1967 г.)... Обладательница «золотого» диска фирмы «Мелодия» за грампластинку «Песни Александры Пахмутовой...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия 2011 г.).

• «За работу над балетом А. И. Хачатуряна «Спартак» (1968 г.) Геннадий Рождественский (р.1931) был удостоен Ленинской премии в 1970 году... В 1976 году ему было присвоено звание «Народный артист СССР»... Указом Президента СССР от 18 октября 1990 года за выдающийся вклад в развития советского музыкального искусства и плодотворную педагогическую деятельность главному дирижеру – художественному руководителю Государственного симфонического оркестра Министерства культуры СССР Рождественскому Геннадию Николаевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот»... Награжден советскими наградами: орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, российским орденом «За заслуги перед Отечеством» III (2007 г.) и IV степени (2001 г.), медалями, а также орденами и медалями иностранных государств, в том числе болгарским орденом Кирилла и Мефодия, японским орденом Восходящего Солнца, офицерским знаком французского ордена Почетного легиона, лауреат Ленинской премии, Государственной премии РФ. Рождественский – почетный член Шведской Королевской академии с 1975 года и почетный академик Английской Королевской академии с 1984 года...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Владимир Федосеев (р.1933) народный артист СССР, лауреат Государственной премии имени М. И. Глинки, награжден Орденом «За трудовую доблесть» и знаком «Жителю блокадного Ленинграда», также награжден российским орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, орденом Святого Владимира, Серебряным крестом Австрийской республики и Орденом «Почетного Креста I степени» за заслуги в области культуры Австрии, Золотой медалью Международного общества Густава Малера, Орденом преподобного Сергия Радонежского II степени...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Композитору Алексею Рыбникову (р. 1945) удается принимать активное участие в разнообразных культурных проектах. Его общественная и творческая деятельность отмечены Православной Церковью – Рыбников был удостоен ордена святого благоверного князя Даниила Московского – и светскими организациями. Среди последних событий – присуждение звания лауреата российской независимой премии поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Ряд художественных достижений маэстро Валерия Гергиева (р.1953) принесли ему многочисленные звания и награды, всемирную славу. Он – народный артист России, дважды лауреат Государственной премии России, ему многократно присуждалась высшая театральная премия страны «Золотая маска» как лучшему дирижеру года (с 1996 по 2000 гг.), ему присуждены приз Дмитрия Шостаковича и премия «Золотой Софит» за лучшую дирижерскую работу в 1997 и 1993 годах. За выдающееся исполнение классической музыки Валерий Гергиев был удостоен титула «Лучший дирижер года» (США, Великобритания). В 1998 году за выдающийся вклад в музыкальную культуру Philips Electronics вручил ему специальную премию, которую он передал на развитие Академии молодых певцов Мариинского театра. В 2000 году ему были присвоены высшие награды России и Республики Армении – орден Дружбы и орден святого Месропа Маштоца. В 2003 году награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, орденом Русской Православной Церкви Святого Благоверного Князя Даниила московского III степени за участие в благотворительных и культурных программах русской православной церкви. Валерий Гергиев награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», удостоен звания «Почетный гражданин Санкт-Петербурга». Он обладатель многочисленных зарубежных наград, премий, званий. В их числе награда Германии – Крест первого класса «За заслуги», Италии – орден Grand Ufficiale, Франции – орден Почетного легиона, Японии – орден Восходящего Солнца, рыцарь Ордена Нидерландского Льва,

киргизского ордена «Данакер»... В марте 2003 года маэстро удостоен почетного звания «Артист мира ЮНЕСКО». В 2005 году Валерий Гергиев был удостоен японской награды Record Academy Award за запись цикла всех симфоний Прокофьева с Лондонским симфоническим оркестром. Дважды Лауреат премии имени Герберта фон Караяна (2001 и 2006 гг.), учрежденной музыкальным фестивалем в Баден-Бадене... В мае 2007 года Валерий Гергиев был удостоен приза Académie du lyrique за запись русских опер. Это далеко не полный перечень наград, премий, званий Валерия Гергиева...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

Вокалисты

- «Менее чем через 3 недели после приезда в Мадрид (1737 г.) «музико» Фаринелли (1705–1782) назначается придворным певцом короля... Его сын Фердинанд VI, рожденный от первого брака, наследует трон (1746 г.)... Фердинанд VI назначает Фаринелли директором королевских театров. В 1750 году король награждает его орденом Калатравы...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

- «У Энрико Карузо (1873–1921) был орден Почетного легиона, английский Викторианский орден, немецкий орден Красного орла, и золотая медаль на ленте Фридриха Великого, орден офицера Итальянской Короны, ордена бельгийский и испанский, даже солдатский образок в серебряном окладе, который называли русским «орденом Святого Николы», бриллиантовые запонки – дар Императора Всероссийского...» (из статьи А. Филиппова «Средство от измены Энрико Карузо», Россия, 1998 г.).

- На Батиньольском кладбище (Париж, Франция), на месте захоронения Федора Шаляпина (1873–1938) стояла медная доска, с надписью, сделанной согласно воле покойного: «Федор Шаляпин, лирический артист, командор ордена Почетного легиона».

- Иван Козловский (1900–1993) – народный артист СССР (1940 г.), Герой Социалистического Труда (1980 г.), лауреат Государственных премий СССР (1941, 1949 гг.), награжден пятью орденами Ленина (1939, 1951, 1970, 1976, 1980 гг.), орденом «Знак Почета и медалями...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Фрэнк Синатра (1915–1998) знал всех президентов США, начиная с Франклина Рузвельта, пригласившего его на чай в Белый дом в 1944 году... А в 1985 году певца наградили медалью Свободы – высшим гражданским знаком отличия США...» (из сборника Д.Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

- «Президент Итальянской Республики удостоил Марию Каллас (1923–1977) почетного звания «Commendatore» за заслуги перед итальянским оперным искусством. Такой чести удостоены немногие женщины, а Мария к тому же не была итальянкой... Ее фамилию еще при жизни сделали именем нарицательным – La Callas...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Наполеон шансона», как его называет пресса во все мире, Шарль Азнавур (р. 1924) стал первым французским исполнителем, получившим платиновый диск в Европе. «Самый любимый французский певец в мире», – подчеркнул президент Франции Жак Ширак, вручая артисту орден Почетного легиона...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «За свою долгую и плодотворную работу Ирина Архипова (1925–2010) удостоена огромного количества наград и званий: Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премии России за просветительство, лауреат премии и медали имени С.В.Рахманинова, кавалер 3-х орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени. Ирина Константиновна является профессором Московской Государственной Консерватории имени П.И. Чайковского, действительным членом и вице-президентом международной Академии творчества и русской секции международной Академии наук, президентом Международного Союза музыкальных деятелей и Фонда Ирины Архиповой... В 1996 году Архиповой был присужден Всемирный приз искусств (учрежденный корпорацией «Маришен арт менеджмент интернешнл») – «Бриллиантовая лира» и титул

«Богиня искусств»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Творческая, педагогическая, общественная деятельность Людмилы Зыкиной (1929–2009) достойно оценена российской и международной общественностью. Зыкиной были присвоены звания: Народная артистка СССР (1973 г.), Народная артистка Азербайджанской ССР (1972 г.), Народная артистка Узбекской ССР (1980 г.), Народная артистка Удмуртской АССР (1974 г.), Заслуженная артистка РСФСР (1968 г.), заслуженная артистка Бурятской АССР (1970 г.)... В 1982 году Л.Зыкина стала лауреатом приза «Золотой диск», присужденного фирмой «Мелодия», ей вручен «Золотой диск» в ФРГ (1969 г.)... В 1987 году Зыкина стала лауреатом Государственной премии РСФСР имени М.И.Глинки в области музыкального искусства, и в этом же 1987 году певице было присвоено звание Героя Социалистического труда... Она – лауреат Ленинской премии, лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады, кавалер орденов Святого Андрея Первозванного, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» II степени, «Знак Почета», французского ордена «За культурное воспитание молодежи». Л. Зыкина награждена Почетной медалью правления Фонда мира, медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «Ветеран труда»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.);

• «12 июня 1965 года пришло известие о награждении музыкантов группы «Битлз» – Дж. Леннон (1940–1980), П.Маккартни (р.1942), Дж. Харрисон (1943–2001) и Р.Старр (р.1940) – орденами Британской империи. Эта новость вызвала большие волнения в деловых, аристократических и политических кругах английского общества. Высший свет был шокирован – впервые в истории поп-музыканты получают ордена...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Орден, которым наградил «Битлз» английский королевский дом, представляет собой серебряный крест с надписью «За Бога и империю». Он был учрежден в 1917 году. Многие из награжденных этим орденом, в основном агрессивно настроенные военные, политики и аристократы, были возмущены и в знак протеста отсылали в королевский дом ранее полученные ордена. Но эти протесты не смутили королевскую семью. А премьер-министр Вильсон искренне заявил о себе как о поклоннике «Битлз»: «Мы гордимся этим новым музыкальным стилем»...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «После раскола «Битлз» (сентябрь 1969 г.) Пол Маккартни (р. 1942) часто жертвует крупные суммы из своего миллиардного состояния на программы охраны природы, борьбы с алкоголизмом и другие гуманитарные проекты. В 1997 году королева Великобритании возвела его в рыцарское звание...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Английский оперный певец Питер Пирс (1910–1986) в 1978 году получил титул пэра...» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

• «В 2003 году Мик Джаггер (р. 1943) получил титул рыцаря. Сэр Мик заявил, что «не ожидал такой чести и был по-настоящему счастлив: «За границей я получал множество званий и наград. Королева отметила выдающиеся достижения «Роллинг стоунз» за 40 лет. Мы – группа. И мой рыцарский титул – подарок всем нам»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Французское правительство присвоило Элтону Джону (р. 1947) звание кавалера Ордена искусств и литературы. Королева Елизавета возвела Элтона Джона в рыцарский сан – за его музыкальную и благотворительную деятельность. Королевская академия музыки впервые за 180 лет присудила почетную степень доктора именно Элтону Джону. После «Битлз» он оказался вторым поп-музыкантом, чья восковая фигура появилась в Музее мадам Тюссо...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В 1974 году Алла Пугачева (р. 1949) получает 3-ю премию на V Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. В Болгарии в 1975 году проходит конкурс «Золотой Орфей». Певица исполняет «Арлекино» и получает гран-при... В 1978 году в Сопоте (Польша) проходит музыкальный конкурс «Сопот-78», Пугачева получает гран-при «Янтарный соловей» за песню «Все могут короли»... Международное признание Пугачева получает в 1981 году, когда ей вручается приз «Золотой микрофон» как лучшей певице года от восточногерманской фирмы

«Динакорд». Тогда же – получение медали за вклад в дело мира... В 1985 году Алла Борисовна становится народной артисткой РСФСР, в 1991 – народной артисткой СССР... В 1993 году читатели «Собеседника» (Россия) признают Пугачеву женщиной века. Признание певицей века по опросу газеты «Московский комсомолец» (1999 г.)... В 1999 году Алла Борисовна Пугачева награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 2000 году в Киеве Алла Пугачева награждена орденом Николая Чудотворца за преумножение добра на земле... («из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В 1998 году Борис Гребенщиков (р. 1953) стал первым и единственным рок-музыкантом – лауреатом Российской премии поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф». В 2003 году он награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

Артисты балета, театра и кино

• «Анна Павлова (1881–1931) стала легендой еще при жизни. Ее стихия была грусть. Поэтому «Умирающий лебедь», «Мигель» и «Баядерка» признаны наивысшими ее достижениями. Созданные ею образы глубоко западали в душу... Гастроли Павловой в Стокгольме (Швеция, 1907 г.) были ее премьерой на европейской сцене...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Мир узнал о русской примадонне в 1907 году, когда Павлова впервые с небольшой труппой гастролировала в скандинавских странах. Это был триумф. Каждый вечер в новое здание шведской королевской оперы являлся монарх Оскар II, образованный человек, автор исторических трудов, поэт, драматург, литературный критик. Он собственноручно после последнего представления вручил Павловой орден «За заслуги перед искусством»... Слава Павловой облетела все континенты...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «С именем Галины Улановой (1909/1910–1998) связан грандиозный успех знаменитых первых лондонских гастролей (1956 г.) балетной труппы Большого театра. Ее Джульетта в знаменитом балете С. Прокофьева потрясла западный мир. Ее сразу назвали «первой балериной мира», «божественной». Английская пресса писала о том, что никто из всех живущих танцовщиц на планете Земля не может сравниться с ее гениальным даром... Она – заслуженная артистка РСФСР, народная артистка РСФСР, народная артистка Казахской ССР, народная артистка СССР, дважды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии, лауреат Премии Анны Павловой (присуждается Парижской академией танца), лауреат премии Оскара Парселли «Жизнь ради танца» (Милан, Италия, 1988 г.), лауреат Национальной театральной премии «Золотая маска» в номинации «За честь и достоинство», член-корреспондент Академии искусств ГДР, почетный член Академии искусств и наук США, почетный гражданин г. Москвы. Награждена орденами: Ленина (1953, 1970 гг.); Трудового Красного знамени (1939, 1951, 1959, 1967 гг.), а также медалью «За Финляндию» ордена финского Льва и кроме этого является командором Ордена «За заслуги в литературе и искусстве» (Франция)» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Правительство Франции наградило мима Марсея Марсо (1923–2007) орденами Почетного легиона, «За заслуги в искусстве и литературе» I степени и «За заслуги» II степени. Он является избранным членом Берлинской академии изящных искусств и Мюнхенской академии изящных искусств. Марсо имеет степень почетного доктора наук Принстонского университета штата Огайо (США), колледжа Линфилда (США) и Мичиганского университета в Анн-Арбор (США)...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Майя Плисецкая (р. 1925) – легенда 20-го века. Один перечень ролей, которые она станцевала в России и других театрах мира, и перечень наград, полученных ею, занял бы не меньше страницы...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия,

2007 г.). «Майе Плисецкой присвоены звания Народной артистки СССР (1959 г.), Героя Социалистического Труда (1985 г.). Она является кавалером трех орденов Ленина (1967, 1976, 1985 гг.), орденов Франции «За заслуги в литературе и искусстве» (1984 г., Командор) и Почетного легиона (1986 г.). Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV (2010 г.), III (1995 г.), II (2000 г.) и I (2005 г.) степени. В июле 1991 года король Испании Хуан-Карлос вручил Майе Плисецкой высшую награду Испании – «Орден Изабеллы Католической». Российская балерина также удостоена звания «Почетного гражданина Испании». Среди ее многочисленных наград – Международная премия, ежегодно присуждаемая мэром Парижа самой элегантной женщине года – «Превосходная–1986», премия «Национальная гордость России» (2003 г.), Большой крест Командора ордена «За заслуги перед Литвой» (2003 г.), лауреат Императорской Премии Японии (2006 г.) и другие» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.). «...Ленинская премия 1964 года. Награждена орденом Ленина и медалями» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30-ти томах, т.20, СССР, 1975 г.).

• «За роль Спартака в оригинальной по пластическому языку версии балета А. Хачатуряна «Спартак» (1962 г.) Марис Лиепа (1936–1989) был удостоен памятной медали имени К.С. Станиславского. До сих пор Лиепа остался единственным обладателем этой награды среди артистов балета... «Звездным» стал в биографии Лиепы 1968 год. В этом году состоялась премьера нового балета «Спартак», в котором роль римского полководца Красса была поставлена Ю. Григоровичем специально для Лиепы. Успех превзошел все ожидания, в 1970 году творческая группа балета удостоилась Ленинской премии... Конец 60-х начало 70-х годов – период триумфальных зарубежных гастролей Большого театра по всему миру... В 1971 году Марис Лиепа был признан Парижской академией танца лучшим танцовщиком года и награжден премией Вацлава Нижинского... В 1976 году Лиепа был удостоен почетного звания Народного артиста СССР. За вклад артиста в мировое балетное искусства Парижская академия танца присудила Лиепе приз имени Мариуса Петипа...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «8 октября 1992 года состоялась премьера балета «Баядерка» (Париж, Франция) – последняя в жизни Рудольфа Нуреева (1938 – 1993) постановка. А после премьеры – под громовые овации «Гранд-опера» – Нурееву был вручен орден Почетного легиона... Поднявшаяся с мест публика неистово аплодировала и кричала «браво»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Михаил Барышников (р. 1948) получил премию за вклад в американскую культуру. Церемонию вручения почетной награды, учрежденной центром имени Кеннеди, провел президент США Билл Клинтон...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Эрнесто Росси (1827–1896) любил похвастаться свидетельствами своей славы: аудиенциями у королей и президентов, разными знаками монаршей милости, хвалебными рецензиями, лестными отзывами великих людей. Актер гордился тем, что румынский король вручил ему орден Короны; тем, что французский композитор Тома написал оперу «Гамлет», вдохновленный его исполнением этой роли; тем, что Общество любителей русской словесности поднесло ему диплом почетного члена за исполнение ролей Скупого Рыцаря, Дон Гуана и Иоанна Грозного, и тем, что 3 театра в Италии были названы его именем...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1890-е годы искусство актера Генри Ирвинга (1838–1905) получило официальное признание. Его все чаще приглашали на разного рода торжественные заседания, официальные приемы, открытие памятников, закладку общественных зданий. Университеты, институты и научные общества просили его выступить с лекциями. В 1892 году Дублинский университет присвоил ему ученую степень доктора литературы. Впервые такой чести удостоился актер. Через 6 лет он получил докторскую степень в Кембридже, затем в университете Глазго. Дважды Ирвинг играл перед королевой Викторией – большая честь для англичанина викторианской эпохи. В 1895 году Ирвинг первым из английских актеров получил дворянство. Церемония состоялась через 2 месяца в Виндзорском замке. Совершив обряд, королева вне всякого ритуала сказала: «Я очень рада, сэр»... Теперь Ирвинг имел право прибавить к своему имени слово

«сэр»...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1920 году был торжественно отпразднован 50-летний юбилей сценической деятельности Марии Ермоловой (1853–1928)... Ей первой было присвоено звание «Российской Народной Артистки». Правительство передало ей дом на Тверском бульваре, в котором она прожила большую часть своей жизни. Актриса получила сотни поздравлений со всех концов страны...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1996 году актеру Джону Гилгуду (1904–2000) был пожалован «Орден за заслуги» в качестве «личного дара» королевой Елизаветой II. Любопытно, что кавалерами этого ордена могут быть одновременно не более 24 человек. Сейчас среди них, в частности, – Маргарет Тетчер, Нельсон Мандела. Место для Гилгуда, назвавшего награду «весьма неожиданной и весьма почетной», освободилось после смерти сэра Фрэнка Уиттла – «пионера реактивных двигателей»...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1931 году Чарльз Чаплин (1889–1977/ отправляется в Европу, чтобы представить публике новую комедию «Огни большого города»... Французские газеты вышли с огромными заголовками «Чарли Чаплин, самый популярный человек в мире, прибывает сегодня в Париж». Министр иностранных дел Аристид Бриан устроил в его честь официальный завтрак на Кэ д'Орсэ. Когда подали мороженое «Цейлон», Бриан приколот Чаплину орден Почетного легиона... Чаплина чествовали по всему миру /в 1950-х гг. – Е. М.). Английская королева возвела его в рыцарское достоинство. Оксфордский и Даремский университеты присудили ему почетную степень доктора литературы. На Каннском фестивале он получил специальный приз за творчество, а в Венеции – «Золотого льва». В 1972 году американская киноакадемия присудила Чаплину «Оскар» «за выдающийся вклад в превращение кино в искусство...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В 1938 году Сергей Эйзенштейн (1898–1948) вместе с писателем Петром Павленко написал сценарий историко-патриотического фильма «Александр Невский»... В декабре 1938 года картина была завершена. Режиссеру позвонили ночью от Сталина, потребовали прислать картину. Фильм вождю понравился и имел большой успех у публики. За фильм Эйзенштейн получил орден Ленина, ученую степень доктора искусствоведения (без защиты диссертации) и Сталинскую премию... С 1841 по 1945 годы режиссер снимал фильм «Иван Грозный»... Картина вышла на экраны в начале 1945 года. За первую серию он получил Сталинскую премию...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Родившийся в Англии кинорежиссер Альфред Хичкок (1899–1980) был автором более 50-ти картин английского и американского производства («39 шагов», 1935 г., «Окно во двор», 1954 г., «Психоз», 1960 г., «Птицы», 1963 г. и др.)... В январе 1980 года А.Хичкок был удостоен королевой Елизаветой II титула «сэр». Британский консул вручил верительные грамоты в торжественной обстановке...» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США, 1994 г.).

• «В составе группы фронтовых артистов Марлен Дитрих (1901–1992) побывала практически на всех фронтах Европы (1942–1945 гг.), где сражались американцы. В американской военной кинохронике Дитрих была героиней номер один... За свои выступления на фронте Дитрих получила американскую «Медаль Свободы», французский орден Почетного легиона...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В апреле 1945 года в Бостоне (США) состоялась американская премьера «Генриха IV». Университет Тафта присвоил Лоренсу Оливье (1907–1989) почетную степень магистра за выдающийся вклад в искусство кино... Теперь о его гении узнал весь мир... В июле 1947 года Оливье единственный раз прервал съемки по совершенно исключительному поводу. Он был удостоен дворянского звания, приняв посвящение от Георга VI... Оливье первым из актеров удостоился звания пожизненного пэра (1970 г.). Отдав 45 лет жизни профессии, которую его бабушка назвала «чудовищной», он стал лордом Оливье Брайтонским...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2003 г.).

• «В начале 1965 года Эду Марроу (1908–1965), одному из первых радио- и тележурналистов, присвоили на его родине (Англия) высшую гражданскую награду «Медаль чести». Королева Елизавета сделала его сэром Эдвардом – Англия была местом, где «репортер оставил свою молодость и свое сердце»...» (из книги Н. Дональдсона «Как они умерли», США,

1994 г.).

• «В Театре на Таганке (1963–1984 гг.) Юрий Любимов (р.1917) поставил более 50-ти спектаклей, среди которых «Гамлет», «А зори здесь тихие...», «Павшие и живые», «Пугачев», «Жизнь Галилея», «Послушайте», «Мастер и Маргарита», «Дом на набережной», «Борис Годунов» и др. Ю.П. Любимов награжден орденом Трудового Красного Знамени (1977 г.), орденом Великой Отечественной войны (1996 г.), орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (1997 г.), орденом Святого Константина (1998 г.), медалями «За оборону Ленинграда» (1943 г.), «За оборону Москвы» (1944 г.), «За победу над Германией» (1945 г.), «За участие в Великой Отечественной войне» (1946 г.), «800 лет Москвы» (1947 г.), «50 лет победы над Германией» (1995 г.), медалью Маршала Жукова (1996 г.). Он – лауреат Государственной премии СССР (1952 г.); лауреат Государственной премии России (1997 г.); лауреат премии «Триумф» (1998 г.); лауреат Царскосельской премии (Санкт-Петербург, 1999 г.). Он удостоен звания Заслуженного артиста РСФСР (1954 г.); звания Народного артиста России (1991 г.)» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Луи де Фюнес (1914–1983) был обласкан славой, публикой и прессой... Словом, Луи стал звездой первой величины... Появившиеся в декабре 1982 года результаты опроса, проведенного одним из популярных французских журналов, свидетельствовали, что 47 процентов опрошенных отдают предпочтение Луи де Фюнесу, который намного опередил других актеров-комиков: Пьера Ришара (36 процентов), Мишеля Серро (32 процента)... За заслуги перед Францией актер был удостоен ордена Почетного легиона» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Марчелло Матрострорни (1923–1996) снялся в 130 фильмах. Он – бакалавр, кавалер ордена Почетного легиона и Большого Креста Итальянской республики... За творчество и вклад в кинематограф европейская киноакадемия вручила ему «Феникс»...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1973 году Элина Быстрицкая (р.1928) получает почетное звание Народной артистки СССР... А сейчас она – президент благотворительного Фонда в поддержку искусства и науки, профессор, академик нескольких академий (член президиума Академии российского искусства, действительный член Российской академии естественных наук, академик международной Академии информационных процессов и технологий, действительный член Академии энергоинформационных наук, Академии «Элита мира»).... В 2000 году Элина Авраамовна становится лауреатом премии мэра Москвы. В 2002 году – получает премию «Триумф», в следующем году – удостоена премии «Кумир» в номинации «За высокое служение искусству». Кавалер орденов «За заслуги перед Отечеством» II степени, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, двух орденов «Знак Почета»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.);

• «Жан-Поль Бельмондо (р.1933) – звезда международного класса... В 1982 году президент Франции вручил ему орден Почетного легиона. Рядом со старшим Бельмондо стоял младший – Поль, его 17-ти летний сын...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• Осенью 1986 года посол Швеции в Вашингтоне граф Вильгельм Бахтмейстер вручил Грете Гарбо (1905–1990) медаль «Illis Quorum» – королевскую награду, учрежденную в конце 18-го века «для поощрения мужчин и женщин за выдающиеся достижения в области культуры, искусства и общественной жизни». Свен Бруман (журналист, биограф Г. Гарбо. – Е.М.) по-приятельски ее поздравил и написал: «Теперь остается лишь Нобелевская премия»...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: плата за успех», Россия, 2009 г.).

• «Брижит Бардо (р.1934) стала ярким явлением в истории не только Французской культуры, но и мировой. Ее вклад был по достоинству отмечен высшей наградой Франции – рыцарским крестом ордена Почетного легиона. При жизни она стала и символом, и мифом...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Олег Табаков (р.1935) – народный артист РСФСР (1977 г.), народный артист СССР (1988 г.). Член Совета по культуре при Президенте России... 10 ноября 1993 года Табаков награжден орденом Дружбы народов – за большой личный вклад в развитие театрального

искусства и подготовку высококвалифицированных кадров для театра и кино. 23 октября 1998 года – орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени – за многолетнюю плодотворную деятельность в области театрального искусства и в связи со 100-летием Московского художественного академического театра. 17 августа 2005 года Табаков награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени – за выдающийся вклад в развитие театрального искусства и многолетнюю творческую деятельность. В 2004 году Табаков стал обладателем премии «Чайка» в номинации «Сердца ангела...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.). «...Награды: Государственная премия СССР (1967 г.), Государственная премия РФ (1999 г.), «Золотая маска» (дважды), премия «Хрустальная Турандот...» (из «Большого биографического словаря», Россия, 2007 г.).

• «Франция оценила заслуги Алена Делона (р.1935) по достоинству, наградив орденом Почетного легиона, о котором он давно мечтал... Президент Франсуа Миттеран, вручая награду (1991 г.), обратился к Делону с теплыми словами, назвав его «неотъемлемой частью облика Франции...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «В 1986 году Ален Делон получил орден за заслуги в области искусства и литературы...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: плата за успех», Россия, 2009 г.). «...Награды: «Золотая пальмовая ветвь» (1962 г.), «Золотой медведь» (1995 г.)...» (из «Большого биографического словаря», Россия, 2007 г.).

• «Потрясающий», «великолепный» – подобными эпитетами не раз награждали английского актера Энтони Хопкинса (р.1937). И он действительно потрясает и восхищает... Энтони Хопкинс удостоен рыцарского звания, именем сэра Хопкинса назван один из театров его родного Уэльса...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Удивительный талант Джека Николсона (р.1937) отмечен во всем мире. Французы даже наградили его орденом «За заслуги в области искусства и литературы»... Почивая на лаврах, актер не снимался три года...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1991 году София Лорен (р. 1934) была удостоена премии «Оскар» за карьеру... Премьер-министр Италии Массимо д'Алема вручил ей высокую награду за достижения в области культуры, а союз американских дизайнеров моды удостоил премии «За жизнь, полную шарма»... Актриса удостоена ордена французского Почетного легиона, который обычно вручается только известным политическим и общественным деятелям... Стоит ли удивляться, что актриса получила высшую итальянскую награду – орден «За заслуги» Итальянской республики...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1991 году нью-йоркские критики присудили Жерару Депардье (р.1948) «Золотой глобус» за фильм «Зеленая карточка»... В 1998 году Депардье был произведен в чин рыцаря ордена Почетного легиона. Награду вручал президент Ж. Ширак...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 2000 году американская актриса Элизабет Тейлор (1932–2011) стала кавалером ордена Британской империи II степени. Этот титул приравнивается к рыцарскому. Так оценены британской монархией заслуги звезды, посвятившей себя благотворительной деятельности» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «В 1986 году Александр Абдулов (1953–2008) был удостоен звания «Заслуженный артист РСФСР», в 1991 году – «Народный артист России». В 1997 году ему был вручен орден Почета... В последний раз на публике Александр Абдулов появился 13 декабря 2007 года, когда президент России Владимир Путин на торжественной церемонии в Кремле вручил знаменитому актеру орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Критики заявляли, что с годами Шэрон Стоун (р.1958), как хорошее вино, становится только дороже и лучше... Опыта и ума у нее для этого вполне достаточно. И не надо забывать, что во Франции ей вручили диплом Кавалера Изысканных Искусств и Литературы...» (из книги Ю. Безелянского «Кинозвезды: плата за успех», Россия, 2009 г.).

• «Французская теннисистка Сюзанна Ленглен (1899–1938) была чемпионкой VII Олимпийских игр в Антверпене (Бельгия, 1920 г.)... Великая спортсменка стала одной из первых профессиональных теннисисток – в ту пору это было еще редкостью... но ее жизнь оказалась короткой – она никогда не отличалась хорошим здоровьем... Умерла Сюзанна Ленглен летом 1938 года. Французское правительство посмертно наградило ее высшей государственной наградой – орденом Почетного легиона. А само ее имя спустя годы стало одной из великих легенд тенниса» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Американский легкоатлет Джесси Оуэнс (1913–1980) был чемпионом XI Олимпийских игр в Берлине (Германия, 1936 г.)... Феноменальными данными его наградила природа. По счастью, Оуэнсу удалось и развить их, и максимально использовать... Если в Берлине (1936 г.) Оуэнса называли лучшим спортсменом Олимпиады, в наши дни его нередко называют величайшим атлетом всех времен... В 1976 году в Белом доме в присутствии американских спортсменов, участвовавших в играх XXI Олимпиады в Монреале, президент Дж. Форд вручил Джесси Оуэнсу высшую гражданскую награду Америки – Орден Свободы...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Слава Льва Яшина (1929–1990) с годами не померкла. Он был признан самым знаменитым советским спортсменом за всю историю и лучшим российским футболистом за минувший (XX. – Е.М.) век... На праздновании своего 60-летия (его для удобства публики перенесли на август 1989 года) Яшин в последний раз предстал перед публикой, мужественно преодолевая хвори. Потом были тревожные больничные будни, вручение звезды Героя Социалистического Труда. И безвременная кончина 20 марта 1990 года...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «Яшин знал, что болезнь прогрессирует стремительно. Однако виду не показывал. Лишь однажды, когда ему вручали Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина, он не выдержал – заплакал... В начале 1990 года Яшин слег окончательно. Зная о том, что дни его сочтены, друзья делали все возможное, чтобы хоть как-то поддержать его. Они пробовали в «верхах» идею наградить прославленного вратаря звездой «Героя Социалистического Труда»... Президент М.С.Горбачев согласился опубликовать указ о награждении, и на 14 марта 1990 года назначили вручение. Вспоминает Н. Симонян: «С Алексеем Парамоновым мы поехали на квартиру к Яшиным. Лев Иванович сидел на диване... выглядел очень плохо... Я присел рядом. «Поздравляю тебя, Левушка». – «Да за что мне такая высокая награда? – он говорил тихо, как будто был в чем-то виновен. – Ведь в нашем спорте есть более достойные. Разве не так, Никита?» «Нет, не так. Ты давно заслуживаешь самой высокой награды, тебя знает и чтит планета. Присвоение тебе высокого звания означает, что они поняли и признали, что спорт – это огромный, изнурительный труд и вместе с тем – слава Отечества, а в твоём лице признание заслуг всего нашего спорта...» (из книги Ф. Раззакова «Как уходили кумиры», Россия, 2005 г.).

• «Эфиопский легкоатлет Абебе Бикила (1932–1973) был чемпионом XVII (Рим, 1960 г.) и XVIII (Токио, 1964 г.) Олимпийских игр... Нетрудно представить, что солдата императорской гвардии, ставшего олимпийским чемпионом, на родине встречали (1960 г.), словно он сам был императором... В императорском дворце Хайле Силасие I вручил солдату своей гвардии орден «Звезда Эфиопии» и объявил о присвоении ему офицерского звания. Торжества продолжались еще несколько дней. Кроме всех наград и почестей, Бикиле был пожалован еще новый дом, куда без конца шли с поздравлениями...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Вячеслав Старшинов (р.1940) – неоднократный чемпион СССР, Европы и мира; двукратный Олимпийский чемпион по хоккею... Его спортивные подвиги не остались незамеченными, он – кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак почета». А в связи с его 60-летием Президент России В. Путин вручил Старшинову орден «За заслуги перед Отечеством III степени»...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Прыгун в высоту Валерий Брумель (1942–2003) – чемпион СССР и Европы, призер и чемпион Олимпийских игр, рекордсмен мира... Такие как он навсегда остаются в спорте, да и

как можно забыть человека, три раза подряд признававшегося лучшим спортсменом мира и награжденного мэром Генуи «Золотой чашей Колумба», учрежденной для первооткрывателей?» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «На чемпионате Европы по футболу (Франция, 1984 г.) Мишель Платини (р.1955) добыл своей сборной «золото», проведя 5 матчей, в каждом из которых хотя бы один раз поражая ворота противника, а в результате забив 9 (!) мячей, – поистине фантастический результат для турниров такого уровня. Именно после этого успеха Мишель получил из рук президента Франции Франсуа Миттерана крест Кавалера Почетного легиона, – не менее уникальный случай в истории футбола...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «Своей игрой на Зимней Олимпиаде в Нагано (Япония, 1998 г.) Павел Буре (р. 1971), приглашенный в российскую сборную по хоккею, затмил практически всех... Павел стал лучшим снайпером турнира, забросив девять голов в шести играх, и был признан лучшим нападающим Олимпиады. А в полуфинальном матче с финнами он установил своеобразный олимпийский рекорд, забросив пять шайб в ворота сборной Финляндии. За что и удостоился записи в Книге рекордов Гиннесса... Не случайно среди российских спортсменов, награжденных за выдающиеся достижения на Олимпиаде в Нагано орденом Почета, он был единственным из хоккеистов. И это несколько не удивило спортивных специалистов и болельщиков» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «На Олимпиаде в Сиднее (Австралия, 2000 г.) легкоатлетка Мэрион Джонс (р. 1977 г.) выиграла пять олимпийских медалей, пусть золотыми оказались только три. Выиграть на одной Олимпиаде пять медалей еще не удавалось ни одной из легкоатлеток. Неудивительно, что помимо олимпийских наград на нее обрушились и другие почести. Она была объявлена лучшей спортсменкой года, получила премию Джесси Оуэнса как лучшая легкоатлетка Соединенных Штатов Америки, не говоря уж о том, что крупнейшие фирмы предложили трехкратной олимпийской чемпионке миллионные рекламные контракты, а на родине ее матери в Белизе ее принимали с истинно королевскими почестями... Казалось, ее встречает едва ли не весь народ. Она проехала по улицам как триумфатор, автомобиль со звездой спорта с трудом пробивался сквозь толпы, высыпавшие на мостовые. Премьер-министр Белиза вручил Мэрион Джонс одну из высших государственных наград... «(из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «В середине 1930-х годов Михаил Ботвинник (1911–1995) стал гордостью страны. Его имя знали во всех уголках Советского Союза, на него равнялись комсомольцы, с него брали пример пионеры... За успех на турнире в Ноттингеме (Великобритания, 1936 г.) он был награжден орденом «Знак почета»... Вскоре после матча-реванша М.Таль – М.Ботвинник (Москва, 1961 г.), убедительно выигранного ветераном (+10, –5, =6), М. Ботвинника наградили орденом Трудового Красного Знамени. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал: «Болел я за Вас, а сын – за Таля...»...» (из книги В. Линдера и И. Линдера «Короли шахматного мира: Жизнь и игра – сквозь призму энциклопедии», Россия, 2001 г.). Летом 1957 года, в составе большой группы советских спортсменов, М.Ботвинник был награжден орденом Ленина. Вручая награду в Кремле, К. Е. Ворошилов заметил: «Вы знамениты на весь мир...»

- «Перед началом финального матча претендентов Р. Фишер – Т. Петросян (Буэнос-Айрес, 1971 г.) его участников принял Президент Аргентины Алахандро Лануссе, а на торжественном закрытии был объявлен его указ о награждении Роберта Фишера (1943–2008) и Тиграна Петросяна (1929–1984) орденом Мая (9 мая в Аргентине празднуется День майской революции) «За заслуги в развитии связей и сотрудничества между народами». Шахматистам были вручены ордена и оба участника произнесли краткие речи...» (из статьи В. Батурина «Аргентинский дневник», СССР, 1971 г.). «...Петросян оказался первым советским гражданином, получившим аргентинский орден...» (из книги В. Батурина «Страницы шахматной жизни», СССР, 1983 г.).

- «Матч за мировое первенство А. Карпов – В. Корчной (Меран, 1981 г.), закончившийся

со счетом 6:2, оказался самым коротким из всех сыгранных за последние 60 лет и самым внушительным по перевесу чемпиона мира над претендентом. Это превосходство было достигнуто во всех стадиях партии и во всех компонентах шахматной борьбы... Высшая оценка спортивному подвигу Анатолия Карпова (р.1951 г.) содержалась в телеграмме Леонида Брежнева, адресованной чемпиону мира, в которой говорилось: «Приятно отметить, что в сложном и ответственном поединке Вы проявили высокое творческое мастерство, подлинный советский характер, выдержку и самообладание, еще выше подняли славные традиции отечественной шахматной школы»... Спустя два дня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении А. Е. Карпова орденом Ленина за выдающиеся спортивные достижения, большой творческий вклад в развитие советской шахматной школы и плодотворную общественную деятельность...» (из книги В. Батурина «Страницы шахматной жизни», СССР, 1983 г.). «...Он награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, и врученный ему в связи с 50-летием ордена «За заслуги перед Отечеством» был воспринят всеми, кто знает Анатолия Евгеньевича, как должное: всей своей яркой жизнью он доказал свое право носить его...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

VIII. «Отступи чуть в сторону, не заслоняй мне солнца!» (Отказ от привилегий)

Ученые, естествоиспытатели, врачи

• «Последние годы Уильям Гарвей (1578–1657) жил уединенно. Уже не надо было бороться за свое открытие (в трактате «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» (Англия, 1628 г.) Гарвей изложил новое учение о кровообращении. – *Е.М.*)... В 1654 году Лондонская медицинская коллегия избрала его своим президентом. Но он отказался от почетного кресла: «...эта обязанность слишком тяжела для старика... Я слишком принимаю к сердцу будущность коллегии, к которой принадлежу, и не хочу, чтобы оно упало во время моего председательства». Гарвей не любил титулов и никогда не домогался их...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «Дружба с королем Карлом I не доставила ему никаких титулов, никаких великих и богатых милостей, да он и не добивался их, ограничиваясь ролью врача и ученого... Его воодушевляла чистейшая, бескорыстная любовь к науке. Научные занятия составляли для него суть и отраду жизни, и никаких посторонних соображений, никаких честолюбивых планов – ни, тем более, коммерческих соображений – с ними не связывалось... крайне добродушный и незлобивый человек...» (из очерка М. Энгельгардта «Уильям Гарвей, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Имя Филиппа Пинеля (1745–1826), основоположника общественной клинической и научной психиатрии во Франции, широко известно главным образом благодаря его усилиям, изменившим содержание умалишенных и саму ситуацию с домами для душевнобольных... Он превратил психиатрические заведения из мест тюремного заключения в лечебные учреждения... Сам Пинель не был ни честолюбив, ни тщеславен, лишен был всякого корыстолюбия...он не придавал какого-то особого значения тому великому делу, которое он совершил...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Во время вторжения французов в пределы Германии (1809 г.) Наполеону были известны заслуги, оказанные астрономии Карлом Гауссом (1777–1855). И мы видим, что Наполеон, взяв огромную контрибуцию с обнищавшей Германии, намеревался пожаловать Гауссу 2 000 франков. Гаусс в то время был только что назначен директором обсерватории в Геттингене, но жалованья своего еще не получал. Несмотря на это, он, ни на минуту не задумываясь, отказался от подарка врага своего Отечества, не желая пользоваться награбленным имуществом своих же сограждан. Узнав об этом, П. Лаплас (он принимал живейшее участие в мельчайших подробностях жизни Гаусса и заботился о его материальном положении, которое нередко бывало очень плохим) написал Гауссу письмо, в котором старался доказать, что деньги, посланные ему Наполеоном, чисто французского происхождения. Может

быть, всякого другого Лаплас убедил бы в этом, только не Гаусса, провести которого было невозможно; Гаусс остался при своем... Нам приятно видеть, что патриотизм не помешал Лапласу заботиться о Гауссе, и еще приятнее сознавать, что патриотизм воспрепятствовал Гауссу воспользоваться этой заботливостью...» (из очерка Е. Литвиновой «П. Лаплас и Л. Эйлер, их жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «В 1835 году тогдашний первый министр Англии Роберт Пиль, умевший ценить людей науки и знавший скромность материальных средств Майкла Фарадея (1791–1867), предложил ему государственную пенсию как слабое вознаграждение за его великие открытия. Фарадей ответил письмом, в котором он выражает свое мнение, что «правительство поступает совершенно справедливо, награждая и поддерживая науку», но вместе с тем категорически отказывается от пенсии, находя, что он «сам еще в состоянии заработать себе средства к жизни». Пиль, однако, настаивал на своем предложении; друзья и родные убеждали Фарадея принять пенсию, и он, наконец, согласился. В это время произошла перемена министерства, и новый министр лорд Мельбурн оказался, как это часто бывает, не имеющим даже понятия о величайшем ученом своей страны. Просматривая списки недавно назначенных пенсионеров, он с удивлением остановился на имени «какого-то Фарадея» и пожелал лично посмотреть на него. Фарадея пригласили в министерство. Фарадей, ничего не подозревая, явился к министру и должен был выслушать от него целый трактат о странности награждать пенсиями ученых и писателей, словно они могут и вправду оказать такие же бесценные услуги Отечеству, как бравые генералы или секретари и архивариусы государственных учреждений. Фарадей, конечно, тотчас же отказался от назначенной ему пенсии. Лорд Мельбурн был очень удивлен, что «какой-то химик» также имеет чувство собственного достоинства и почувствовал к Фарадею глубокое уважение. Он написал Фарадею письмо, в котором извинялся за свои слова и просил его не отказываться от пенсии; но Фарадей остался непреклонен в своем решении «самому зарабатывать свой кусок хлеба». Так как единственным ресурсом Фарадея было скромное содержание, получаемое им в качестве директора Физической и химической лаборатории Королевского института, то он вынужден был продолжать свои занятия, несмотря на то, что здоровье его к концу 30-х годов сильно пошатнулось и требовало продолжительного отдыха...» (из очерка Я. Абрамова «М. Фарадей, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Желая сосредоточить свои силы на любимой науке, английский естествоиспытатель Чарльз Лайель (1797–1875) по возможности сторонился общественной и педагогической деятельности, однако не всегда мог отвертеться от них. Иногда ему приходилось исполнять официальные поручения от правительства: так, в 1853 году он ездил в качестве комиссара на международную выставку в Нью-Йорк. Предлагали ему и более важные места и должности, но тут уж он решительно становился на дыбы и отбивался руками и ногами: не захотел принять даже депутатского звания, презрев завидное право приписывать к своей фамилии буквы «М.Р.» /Member of Parliament – член парламента/, чем, собственно, и исчерпывается деятельность многих депутатов. Он не хотел изменять науке, и потому чурался политики. «Слава Богу, кажется нам не придется иметь дела с политикой!» – восклицает он в одном письме. – «Если хотите долго прожить и много наработать... пуще всего избегайте политической суеты»... «Я давно уже перестал заниматься общественными делами; нам, поставившим своей задачей разработку науки, незачем в них путаться...» (из очерка М. Энгельгардта «Ч. Лайель, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Воспользовавшись тем, что имя Дмитрия Менделеева (1834–1907) было у всех на устах (после забаллотирования в Академию наук России, 1880 г. – *Е.М.*), газета «Голос» (Россия) открыла подписку на премию имени Менделеева. Подписка прошла успешно, и уже в феврале 1881 года редакция передала химическому обществу 3 565 рублей. Но Дмитрий Иванович просил при его жизни премий его имени не присуждать, поэтому пожертвованный капитал приращивался процентами и к 1907 году составил около 15 тысяч рублей. Премии имени Д. И. Менделеева начали присуждаться с 1910 года, и в числе ученых, награжденных ею, мы встречаем имена Д. Коновалова, Н. Курнакова, А. Думанского, В. Хлопина и других...» (из книги Г. Смирнова «Менделеев», СССР, 1974 г.).

• «Скромному, застенчивому Вильгельму Рентгену (1845–1923) глубоко претила сама

мысль о том, что его персона может привлекать всеобщее внимание... Ученый не стал брать патент на свое открытие («рентгеновские лучи». – *Е.М.*), отказался от почетной высокооплачиваемой должности члена академии наук, от кафедры физики в Берлинском университете, от дворянского звания. Вдобавок ко всему он умудрился восстановить против себя самого кайзера Германии Вильгельма II... Рентген был вполне удовлетворен сознанием и того, что его открытие имеет столь большое значение для медицины...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Успехи химика Эмиля Фишера (1852–1919) постепенно стали известны и получили признание за пределами Германии. В 1883 году ему предложили возглавить исследовательскую лабораторию в компании «Баденские анилиновые и содовые фабрики» с фантастическим годовым жалованием в 100 000 марок. Однако Фишер отклонил это предложение, так как для него «...была привлекательнее... академическая деятельность, предоставляющая полную свободу для научной работы...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов» Россия, 2008 г.).

- «Петр Лебедев (1866–1912) отклонил все предложения оставить Москву. Одно, весьма лестное, было от директора Физико-химической лаборатории Нобелевского института Сванте Аррениуса, который настойчиво звал Лебедева в Стокгольм (1911 г.). «Естественно, что для Нобелевского института было большой честью, если бы Вы пожелали там устроиться работать, и мы, без сомнения, предоставили бы Вам все необходимые средства, чтобы Вы имели возможность дальше работать. Вы, разумеется, получили бы совершенно свободное положение, как это соответствует Вашему рангу в науке». Петр Николаевич поблагодарил и отказался. Это было понятно. Конечно, лучших условий, чем ожидали его в Нобелевском институте, ученый и желать не мог. Он часто жил за границей, и обстановка многих западных лабораторий и институтов была ему хорошо знакома. Он учился в Страсбурге и Берлине и понимал, что там и надо было ему учиться. И после, выезжая за границу на лечение, он всегда общался с западными физиками. Но одно дело – учиться или общаться, а другое – уже зрелым, сложившимся ученым покинуть свою страну. На это Лебедев никогда бы не пошел...» (из книги А. Ливановой «Физики о физиках», СССР, 1968 г.).

- «В декабре 1903 года Шведская королевская академия наук присудила Нобелевскую премию по физике А.Беккерелю и супругам Пьеру Кюри (1859–1906) и Марии Склодовской-Кюри (1867–1934). Мария и Пьер Кюри получили половину награды «в знак признания... их совместных исследований явлений радиации, открытых профессором Анри Беккерелем»... Супруги Кюри отметили действие радия на человеческий организм (как и Анри Беккерель, они получили ожоги, прежде чем поняли опасность обращения с радиоактивными веществами) и высказали предположение, что радий может быть использован для лечения опухолей. Терапевтическое значение радия было признано почти сразу и цены на радиевые источники резко поднялись. Однако Кюри отказались патентовать экстракционный процесс и использовать результаты своих исследований в любых коммерческих целях. По их мнению, извлечение коммерческих выгод не соответствовало духу науки, идее свободного доступа к знанию...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «В мае 1906 года, после того как Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) отказалась от пенсии, назначенной министерством общественного образования, факультетский совет Сорбонны назначил ее на кафедру физики... Одна из ее дочерей, Ирен, ставшая известным физиком, вспоминает: «Когда матери приходилось присутствовать на каких-нибудь приемах или официальных торжествах, это всегда было для нее утомительно и скучно... Тот факт, что мать не искала ни светских связей, ни связей с людьми влиятельными, иногда считают свидетельством ее скромности. Я полагаю, что это скорее как раз обратное: она очень верно оценивала свое значение и ей нисколько не льстили встречи с титулованными особами или с министрами. Мне кажется, она была очень довольна, когда ей довелось познакомиться с Редьярдом Киплингом, а то, что ее представили королеве Румынии, не произвело на нее никакого впечатления...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «После совместной славы четы Кюри известность самой Марии Склодовской-Кюри (1867–1934) взлетает и рассыпается огнями, как ракета... Франция отмечает своих выдающихся людей при их жизни только двумя способами: орденом Почетного легиона и званием

академика. В 1910 году Марии предложили крест Почетного легиона, но, руководствуясь отношением Пьера к этому вопросу, она отказалась...» (из книги Е. Кюри «Мария Кюри», Франция, 1937 г.).

• «В 1979 году ндрей Сахаров (1921–1989) очень резко выступил против войны в Афганистане. Результатом этого стало лишение его всех правительственных наград и званий (трижды Герой Социалистического Труда и Лауреат государственных премий. – *Е.М.*) и ссылка в город Горький... Сахаров уехал из Горького в декабре 1986 года, вскоре после того, как ему позвонил Михаил Горбачев... Вернувшись в Москву Сахарову хотели возратить все его прежние звания и награды. Однако ученый отказался их принять до тех пор, пока не будут освобождены все политзаключенные...» (из сборника А. Логрус «Великие мыслители XX века», Россия, 2002 г.).

Инженеры-изобретатели

• «За несколько лет до смерти английское правительство решило отличить Джеймса Уатта (1736–1819) за все его заслуги перед родиной баронским титулом – честью, от которой в Англии отказываются лишь только сумасшедшие да революционеры. Уатт не был ни тем, ни другим и, однако же, деликатно отклонил это предложение после некоторого размышления, находя, что он не годится для такого титула... Два раза его на старости лет заставляли принять на себя должность шерифа того уезда, где он жил, и оба раза ему приходилось пускать в ход все свое красноречие и связи, чтобы избавиться от этой официальной чести и обязанности. Интересно, что он отвечал при этом. «Мне уже почти 70 лет, – писал он, – мое здоровье заставляет меня проводить большую часть времени дома. Я никогда не был одарен ни решительностью, ни твердостью характера, столь необходимыми для общественной деятельности... Я служил уже государству в той форме, к какой меня предназначила природа, и, надеюсь, заслужил, чтобы моя родина не обходилась со мною так несправедливо, заставляя меня становиться в положение, для которого я совсем не гоюсь (принять должность шерифа. – *Е.М.*), которое принудит меня выказывать свои слабые стороны, а быть может что-нибудь и хуже того» (из очерка А. Каменского «Дж. Уатт, его жизнь и научно-практическая деятельность», Россия, 1891 г.).

• «При громадной популярности, которой пользовался творец новых путей сообщения Джордж Стефенсон (1781–1848) – (изобретатель парового железнодорожного транспорта. – *Е.М.*), – ему было легко попасть в парламент, и друзья не раз убеждали его выступить кандидатом на выборах; но Стефенсон решительно уклонялся от этой чести. Точно так же он отказался от титула баронета, который предлагал ему тогдашний первый министр Англии Р. Пиль. Иностранные государства готовы были охотно наградить Стефенсона разного рода орденами и другими отличиями, но Стефенсон твердо отклонял все подобные попытки, не придавая ни малейшего значения знакам отличия...» (из очерка Я. Абрамова «Дж. Стефенсон и Роберт Фултон, их жизнь и научно-практическая деятельность», Россия, 1893 г.).

Философы, писатели, поэты

• «Древнегреческий философ Гераклит (ок. 544–480 до н. э.) получил от персидского царя Дария предложение быть личным ученым при его дворе. Конечно, здесь присутствовал явный умысел лишить своего врага одной из самых умных голов. Дарий предложил философу роскошный гонорар, и делать ему практически ничего не нужно было. Однако Гераклит отказался – не потому, что сильно любил свой родной город Эфес, а потому, что его совершенно не интересовали деньги: «Я доволен тем, что имею...» (из книги Й. Циттлау «От Диогена до Джобса, Гейтса и Цукерберга. «Ботаники, изменившие мир», Германия, 2011 г.).

• «Древнекитайский философ Мо-цзы (ок.480–400 до н. э.) отправил своего ученика Гуншан Го в Юе. Гуншан Го изложил там основы учения Мо-цзы о должном, и юескому вану понравилось. Ученику он сказал: «Твой учитель может ехать к нам в Юе, передай ему, что на первый случай я готов почтить его землями У вдоль реки Инь с приписанными к ним тремястами *шэ* (это 7 500 семей) в качестве пожалования. Когда, приняв приглашение, Гуншан

Го вернулся, Мо-цзы его спросил: «Как тебе кажется, способен юеский ван разобраться в моих речах и принять мои принципы?» «Боюсь, что нет», – ответил ученик. «Видимо, не только юеский ван, но и ты, хоть и считаешься учеником, ничего у меня не понял, – вздохнул Мо-цзы. – Если бы юеский ван мог послушать меня и принять мои советы, я, Ди, взял бы у него только платье по росту и стол по аппетиту как рядовой «гость» – *бинькэ*, не претендуя на пост советника – *ши*. А раз он не в состоянии понять мои слова и принять мои принципы то, обещаю он мне даже все царство Юе, я бы не взял. Потому что принять царство от царя, который этого не понимает, означало бы продать самого себя за царство, а если уж продавать себя, то незачем ехать за этим так далеко в Юе – это можно сделать и здесь, в срединных царствах...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Состоятельные друзья и поклонники Сократа (ок.470–399 до н. э.) не раз предлагали ему свои средства и услуги, от которых он твердо отказывался. Диоген Лаэртский со ссылкой на мемуары Памфилия сообщает, что Алкивиад выразил готовность подарить Сократу большой земельный участок под строительство дома. Сократ от подарка отказался. «Это, – отшутился Сократ, – так же смешно, как если бы я нуждался в башмаках, а ты предложил мне кожу на обувь». По сведениям древних авторов, Сократ не принял ни подношений ряда правителей, ни приглашений посетить их страну. Такие предложения, как сообщают, исходили от македонского царя Архелая, а также от правителей Фессалии и Лариссы. Приглашение со стороны Архелая кажется весьма вероятным. Архелай, правивший Македонией в 419–399 гг. до н. э., остро переживал культурную отсталость своей страны по сравнению с соседней Грецией и стремился привлечь в свою новую столицу Пеллу эллинские знаменитости. Его предложение приняли, в частности, Агафон, Еврипид, Зевксис, Тимофей Милетский, Херил Самосский и другие. Но для Сократа подобный шаг совершенно исключался...» (из книги В. Нерсисянца «Сократ», СССР, 1984 г.).

• «Перед персидским походом (весна 334 г. до н. э.) Александра навещали многие политики и философы. Как пишет Плутарх, македонский царь ожидал и визита Диогена (ок. 400–323 до н. э.), жившего тогда возле Коринфа. Поскольку философ не спешил к царю, Александр сам направился к нему и застал Диогена греющимся на солнце. Слегка приподнявшись при виде множества приближающихся к нему людей, философ пристально посмотрел на Александра. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы. «Отступи чуть в сторону, – ответил тот, – не заслоняй мне солнца». Эти слова Диогена произвели на Александра огромное впечатление. Он был поражен простодушной гордостью и величием философа. На обратном пути он заявил своим спутникам, насмеявшимся над чудаковатым философом: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном...» (из сборника «100 человек, которые изменили ход истории: Александр Македонский», российск. изд., 2008 г.). «По преданию, проходивший мимо его бочки Александр Македонский, остановился и спросил у Диогена, чего бы он хотел в жизни. Тот бесцеремонно ответил великому полководцу: «Отойди в сторону, ты заслоняешь мне солнце, вот мое единственное желание»... (из сборника В. Степаняна «Жизнь и смерть знаменитых людей», Россия, 2007 г.). «Собачья» жизнь Диогена стала живым примером его нравственных принципов, живой иллюстрацией постулатов ограничений во всем, что не является предметом первой необходимости...» (из книги Ж. Глюкк «Великие чудачки», Россия, 2009 г.).

• «Александр Македонский не трогался в путь, не осведомившись относительно финансового положения своих товарищей и не раздав кому поместье, кому – доходы с деревни, крепости или порта... Он послал 50 талантов и философу Ксенократу (ок. 395–312 до н. э.), но тот их не принял, сказав, что не нуждается в них. Тогда Александр спросил Ксенократа, неужели у него нет друзей. «Потому что, – сказал Александр – на моих друзей мне едва хватило Дариева богатства...» (из книги П. Фора «Александр», Франция, 1985 г.).

• «Когда философ Демонакт (112–176 н. э.) однажды прибыл в Олимпию, элейцы решили поставить в его честь статую. Демонакт возразил: «Граждане Элеи, ни в коем случае не делайте этого, чтобы не показалось, что вы попрекаете ваших предков за то, что они не поставили статуй ни Сократу, ни Диогену...» (из книги П. Таранова «Сокровищница дерзаний. Мост в неизвестное. Цепочка путеводных огней», Россия, 2000 г.).

• «Жизнь Алигьери Данте (1265–1321) в Равенне (Италия, 1319–1321 гг.) текла

сравнительно спокойно и приятно: он был окружен друзьями, почитателями, двумя своими сыновьями, Якопо и Пьетро, и проводил время среди научных и литературных бесед. Словесник и поэт Джованни дель Верджилио передал Данте приглашение приехать в Болонью короноваться поэтическим венком. Но Данте отказался от этого... Заметим мимоходом, что Данте первый ввел в литературу лавровый венок...» (из очерка М. Ватсон «Данте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Кардинал Ришелье оскорблялся славой непреклонного Пьера Корнеля (1606–1684). Точно также многие из знати недовольны были равнодушием Александра Попа (1688–1744) к их чинам... (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «После возвращения Карла II (реставрация монархии Стюардов произошла в Англии в 1660 году. – *Е.М.*) Джону Мильтону (1608–1674) предложили вновь занять его былую и весьма доходную должность (в 1649–1660 гг. Мильтон занимал пост латинского секретаря Государственного совета и вел всю дипломатическую переписку Английской республики. – *Е.М.*). Жена уговаривала его согласиться, но он ответил: «Ты – женщина и мечтаешь ездить в карете, а мне хочется остаться честным человеком...» (из сборника Н. Шамфора «Характеры и анекдоты», Франция, 1794 г.).

• «Существуют сведения, что французская Академия предлагала Жану-Батисту Мольеру (1622–1673) звание ее члена, но с условием отказа его от сцены. Поэт высоко ставил звание актера, он не менял своих убеждений и не шел на сделки с совестью, а потому отказался...» (из очерка М. Барро «Ж. Мольер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Бенедикт Спиноза (1632–1677), голландский философ 17-го столетия, в ответ на предложение короля Франции посвятить ему одну из своих работ в обмен на пожизненную пенсию сказал: «Я свои сочинения посвящаю только Истине». Но он еще принимал как должное, что на хлеб ему приходится зарабатывать шлифовкой стекол, а время для великого служения Истине урывать от сна и домашних забот...» (из книги В. Сагатовского «Вселенная философа», СССР, 1972 г.).

• «А чей характер является более возвышенным, лорда Черстерфилда или Самюэля Джонсона (1709–1784), когда великий писатель, сознавая важность и громадность своего труда, отверг запоздавшее и неуместное покровительство знатного лорда?» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «Всякие попытки покровительства и помощи со стороны его аристократических почитателей были отклонены Ж.Ж. Руссо (1712–1778) иногда даже с чрезмерной щепетильностью (например, даже такие любезности, как присылка в подарок дичи или фруктов)... Всегда энтузиаст в своих чувствах, всегда последовательный в своих идеях, всегда малорасчетливый в своих поступках, Руссо решил устроить жизнь сообразно своим убеждениям. Он оставил службу... снял нарядные костюмы того времени и оделся в серую пару грубого сукна...» (из очерка С. Южакова «Жан-Жак Руссо, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.). «...Чтобы прокормить семью, Руссо стал переписывать ноты по 10 су за страницу, чем и кормился почти до самой смерти... А после шумного успеха его оперы «Колдун» (Франция, 1752 г.) Руссо отказался от королевской пенсии. Этого не могли понять даже его друзья...» (из сборника «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.). «В январе 1766 года Руссо прибыл в Англию, где скоро устроился в графстве Дерби, в деревне Вутон... Он отказался от пенсии короля английского, как прежде от пенсий королей французского и прусского... (из очерка С. Южакова «Жан-Жак Руссо, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.).

• «В 1752 году Фридрих II предложил Жану Д'Аламберу (1717–1783) место президента Академии наук. Д'Аламбер был человек бедный, но независимый; распределители наград и субсидий во Франции никогда не были к нему расположены, и в будущем судьба его в этом отношении никогда не могла измениться к лучшему. Несмотря на все это, он не задумался тот час же отказаться от предлагаемого ему почетного и выгодного места. Фридрих удвоил свои просьбы – философ остался непреклонным. Д'Аламбер в письмах своих к королю и к посреднику между ними, маркизу Дармансу, так искренно и ясно мотивирует свой отказ, а причины отказа так хорошо характеризуют его личность, что мы позволим себе привести

несколько выдержек из этих писем. В одном из них Д'Аламбер описывает свое положение на родине; оно, по его словам, таково, что другой не задумался бы променять его и на менее выгодное и блестящее место, чем положение президента Академии. «Состояние мое, – пишет он – самое ничтожное: 425 рублей составляют весь мой годовой доход. Я совершенно свободен и, не имея семьи, могу как угодно располагать собою. Я забыт правительством, на мою долю не выпадают награды, которые так и сыплются на других ученых и писателей. В будущем я могу только рассчитывать на ничтожную пенсию, но и этот расчет может оказаться неверным, потому что французский двор расположен ко мне далеко не так хорошо, как прусский. Несмотря на все это, душевное спокойствие мое так велико, так невозмутимо и так сладостно, что я не в состоянии подвергнуть его ни малейшему риску. Лишения с детства приучили меня довольствоваться малым; и то небольшое, чем я располагаю, я готов разделить с добрыми, честными людьми, которые беднее меня... Уединенная, бедная жизнь совершенно отвечает моему характеру, моей страстной любви к независимости, моему желанию стоять в стороне от людей и большого света... Наконец, я имею счастье соединять около себя друзей, дающих мне утешение и радость в жизни. Посудите сами, милостивый государь, в состоянии ли я пожертвовать всем этим и променять свое малое, но истинное счастье на положение шаткое, как бы оно ни было заманчиво и блестяще...» Отказ Д'Аламбера очень огорчил Фридриха Великого, но уважение короля к философу и ученому только увеличилось...» (из очерка Е. Литвиновой «Ж. Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия. 1891 г.). «То, что Жан Д'Аламбер не был корыстным, доказывает его отказ от денег и почестей, предлагавшихся ему Екатериной II, которая приглашала его быть воспитателем великого князя (будущего российского императора Павла I. – *Е.М.*). Д'Аламбер боялся, что будет стеснена его свобода совести к нему придется скоро удалиться, несмотря на весь либерализм Екатерины. Она же предлагала ему 100 тысяч в год и разные почести...» (из очерка С. Бриллианта «Денис Фонвизин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.). «...Екатерина II не хотела отказаться от мысли склонить Д'Аламбера приехать в Петербург... и назначала ему пенсию значительно выше получаемой им от Фридриха Великого... Но слова императрицы не произвели на него желанного впечатления. Императрица сразу почувствовала, что ей, может быть впервые, приходится иметь дело с человеком, которого, как говорится, ничем не заманишь; это ее удивляло и неприятно раздражало...» (из очерка Е. Литвиновой «Ж. Д'Аламбер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Григорий Сковорода (1722–1794) прожил 72 года и оставил по себе и своей жизни и добрую память в народе, и мудрое учение о том, как не надо жить и как надо жить для того, чтобы получить истинное благо. Учение его такое... Человек должен жить не по своим прихотям и не по советам других людей, а по требованиям голоса Божьего. В другом месте он пишет так: «Все люди заботятся только о плотском благе. Купцы обманывают покупателей, чтобы нажить побольше денег; помещики покупают новые имения и разводят лошадей заграничных пород; чиновники льстят своим начальникам, чтобы получить повышение; адвокаты истолковывают законы в своих выгодах; стихотворцы из-за наград пишут льстивые стихотворения вельможам... Один озабочен тем, чтобы построить себе дом по новому способу; другой занят охотой; третий каждый день сзывает к себе гостей; четвертый страдает от любви. А у меня одна только дума, одно только не выходит у меня из головы, как бы мне разумно прожить жизнь и разумно умереть...» Жить Сковороде везде было легко, потому что он довольствовался очень малым. Спал он на жесткой постели где попало, вставал до зари и любил ходить один по полям, лугам и лесам. Обдумывал свои мысли. Одежду носил самую дешевую, старую и простую... Люди начинали знать и ценить Сковороду, и архиерей послал игумена монастыря пригласить Сковороду поступить в монахи. Игумен всячески уговаривал Сковороду, обещал ему и довольство, и богатство, и почет, и славу, если только он поступит в монахи и будет проповедником. Но все уговоры игумена и архиерея не соблазнили Сковороду. Он сказал: «Не хочу прибавлять лицемеров. Кто хочет есть чинно, пить сладко, одеваться и спать мягко, те пусть идут, мое монашество не в рясе, а в довольстве малым, в отказе от всех прихотей, в отречении от себя и в любви к ближнему, во славе божеской, а не человеческой». Как ни уговаривал его игумен, Сковорода не поддался. И уехал жить к другу. Григорий Саввич, всегда добрый и кроткий, раздражался только тогда, когда монахи уговаривали его присоединиться к

ним...» (из статьи Л. Толстого «Г.С. Сковорода», Россия, 1907 г.).

• «В 1794 году в России Вольтер уже не учитель, которого слушаются. Уже 3 года вели войну с философией. В 1791 году просветитель Константин Франсуа Вольне (1757–1820) уже отослал с резким письмом золотую медаль, пожалованную прежде Екатериной II и принятую тогда с радостью...» (из книги К. Валишевского «Вокруг трона. Екатерина II», Франция, 1894 г.).

• «В 1853 году король Фридрих-Вильгельм IV назначил канцлером ордена «Pour le mérite», учрежденного еще Фридрихом II, поэта Людвиг Уланда (1787–1862). ...Орден был пожалован по настоянию самого А. Гумбольдта. К величайшей досаде последнего, либеральный поэт наотрез отказался от королевской милости. Просьбы, увещания, самые тонкие и политичные письма оставались тщетными...» (из очерка М. Энгельгардта «А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «По мнению многих биографов, Петра Чаадаева (1794–1856) ожидала блестящая карьера (говорят, его прочили в адъютанты к царю Александру I), но он как-то вдруг и без всякого сожаления пренебрег всем и вышел в отставку. Жест был настолько неожиданным и своенравным, что был замечен и негативно оценен государем...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.). «...Более часа продолжалась беседа Петра Чаадаева к Александром I (Троппау, октябрь 1920 г.)... «О чем еще мог так длинно говорить гвардейский ротмистр со всероссийским императором?» – спрашивает М. Жихарев и отвечает: «Серьезная сущность и самая занимательная, любопытная часть разговора, который Чаадаев имел с государем, навсегда останутся неизвестными, и это неоспоримо доказывает, что в нем было что-то такое, чего пересказывать Чаадаев вовсе не имел охоты». Выводы Жихарева остаются в силе и по сей день. Последними словами царя, как передают авторы воспоминаний, были «Adieu, monsieur le liberal» – «Прощайте, господин либерал» (франц.), а также напоминание о том, что «мы скоро будем служить вместе»...» (из книги Б. Тарасова «Чаадаев», СССР, 1990 г.). В письме к княгине А.И. Щербатовой от 2 января 1821 года Чаадаев сообщал: «Я действительно должен был получить флигель-адъютанта по возвращении императора с конгресса в Троппау. По крайней мере, Александр сам сказал мне: «Теперь мы будем служить вместе». Я нашел более забавным презреть эту милость, чем получить ее, меня забавляло выказывать мое презрение людям, которые всех презирают. Как видите, все это очень просто. В сущности, я должен вам признаться, что я в восторге от того, что уклонился от их благодеяний». В феврале 1821 года П. Чаадаев вышел в отставку.

• «По словам П. Нащокина, близкого друга Александра Пушкина (1799–1837), «сам Бенкендорф предлагал Пушкину камергера, желая иметь его ближе к себе». Но Пушкин тогда смог отказаться, заметив: «Вы хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера»...» (из книги В. Колесниковой «Николай I. Лики масок государя: Психологические этюды», Россия, 2008 г.). «Пушкин совсем не хотел быть царедворцем, считал, что это его связывает, бросает тень на его независимость. И был прав. При его жизни, как и после его смерти, легкомысленные судьи находили в этом... доказательство сервильности, заискивания перед Царем...» (из книги А. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», Франция, 1948 г.).

• «После «Истории Фридриха Великого» (Великобритания, 1865 г.) слава Томаса Карлейля (1795–1881) достигла своего апогея... Великий человек остался твердым и несокрушимым, как алмазная скала, в своих верованиях, и мир пришел к нему и предложил разные свои знаки отличия... Б. Дизраэли, бывший тогда первым министром Англии, хотел во что бы то ни стало наградить чем-нибудь великого человека и предложил ему на выбор баронетство или орден Подвязки. Но суровый пуританин уважал только два звания: звание чернорабочего и звание мыслителя, мудреца, которых никто не может «подарить»; к тому же он был бездетен. Он отказался и от баронетства, и от ордена Подвязки и до конца дней сохранил свой простой, скромный образ жизни» (из очерка В. Яковенко «Томас Карлейль, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В мае 1841 года Ч. Диккенс (1812–1870) получает предложение от избирателей Рединга (Англия) баллотироваться в палату общин и отклоняет его... В июне 1841 года Диккенс получает предложение избирателей Шотландии баллотироваться в палату общин и отклоняет его... В июле 1857 года Диккенс ставит в Лондоне мелодраму У. Коллинза «Замерзшая пучина»

в пользу фонда помощи семье покойного писателя Джеролда. На одном из спектаклей присутствует вместе со своим двором королева Виктория. По окончании спектакля королева пожелала, чтобы ей представили Диккенса. Он отклоняет ее приглашение, так как не желает предстать перед нею в театральном наряде... В мае 1870 года королева намеревается возвести Диккенса в дворянское достоинство, но в письме к Г. Расдену Диккенс говорит, что он не собирается становиться ничем, кроме того, что он есть...» (из статьи Е. Корниловой «Краткая летопись жизни и творчества Чарльза Диккенса», СССР, 1963 г.). «...Вы, вероятно, уже читали о том, что я собираюсь стать всем, чем королева может меня сделать, – сообщил Чарльз Диккенс в письме к Г.У. Расдену (Великобритания, 20 мая 1870 г.). – Если мои слова хоть что-нибудь да значат, поверьте, я не собираюсь становиться ничем, кроме того, что я есть, – до конца дней своих...». «...В апреле 1868 года Диккенс отвечает на чей-то вопрос: «Хочу вас уведомить, что, кроме доброго имени отца, других украшений на моем гербе не было, как не было и простертого льва с мальтийским крестом в правой лапе. Я никогда не избирал себе девиза, будучи совершенно равнодушным к формальностям подобного рода...» (из книги Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса», Великобритания, 1970 г.).

• «Господа! В наше время, когда деньги грозят превратить искусство и литературу в прибыльное дело, Гюстав Флобер (1821–1880), потеряв свое состояние, отвергал соблазны, выгодные предложения и, быть может, был последним из старого поколения бескорыстных тружеников, которые соглашались создавать книги только путем могучего труда и большой затраты умственных усилий, книги, которые плохо продаются и оплачиваются только скудной посмертной славой. ...Однажды он пожертвовал все свое состояние и благополучие семейным интересам и привязанностям, проявив беспримерную чуткость и душевное благородство...» (из Речи Э. Гонкура на открытии памятника Г. Флобера, Руан, Франция, ноябрь 1890 г.).

• «В 90-е годы 19 века в творчестве Анатоля Франса (1844–1924) происходит поворот в сторону усиления социальной темы. Это связано с обострившейся общественно-политической ситуацией того времени... В силу своих политических убеждений Франс прекратил посещать заседания французской академии, почетным членом которой он был избран, и отказался от ордена Почетного легиона. В его творчестве этого времени усиливаются философско-сатирические тенденции, появляется не только публицистичность, но и памфлетность, и даже элементы гротеска» (из сборника Т. Грудкиной «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

• «Редьярд Киплинг (1865–1936) подчеркивал, что следует собственным убеждениям, а не служит кому-либо. Во время Англо-бурской войны (1899–1902 гг.) ему собирались присвоить звание сэра, но он решительно отказался. Он никогда не принимал никаких правительственных наград и был в этом отношении непоколебим. Еще в 1899 году ему предложили орден Бани 2-й степени – он отказался; в 1903 году – орден Св. Михаила и Св. Георгия – он опять отказался. В 1917 году премьер-министр предложил ему любое отличие, какое он пожелает. Он ответил, что не нуждается в таковых. До конца жизни он успел еще отказаться от орденов Империи, Чести, «За заслуги», хотя этим орденом, учрежденным Эдуардом VII, большим любителем искусства и литературы, награждали выдающихся литераторов. Принять этот орден его уговаривали все, включая его друга короля Георга V, но безуспешно... Во всех этих случаях он говорил, что хочет остаться «просто Киплингом»... (из вступительной статьи Ю. Кагарлицкого к сборнику Р. Киплинга «Стихи. Сказки», СССР, 1989 г.).

• «Когда лейбористы пришли к власти, Бернарду Шоу (1856–1950) намекнули, что в интересах дела партии не мешало бы иметь своего человека в Палате лордов. Он отвертелся... Друзья толковали ему, что уж без ордена «За заслуги» ему, во всяком случае, не обойтись, на что он сказал: «Сейчас этот орден дают просто «за старость», а в могиле я всего только одним пальцем...» Подобно Диккенсу, Карлейлю, Августу Мэннсу (знаменитому руководителю концертов классической музыки в Кристалл-пэлас, Лондон. – Е.М.), Шоу приравнивал свое имя к титулу. Не было, нет и не может быть сэра Бернарда Шоу или барона Эйот-Сент-Лоренского. Шоу придерживался того взгляда, что титулы придуманы для тех людей, чьи заслуги перед страной бесспорны, но самой стране не известны...» (из книги Х. Пирсона «Бернард Шоу», Великобритания, 1951 г.).

• «Английская писательница Агата Кристи (1890–1976) признана «королевой

детектива»... Эта титулованная «кавалерственная дама», удостоенная ордена Британской империи, вела жизнь весьма замкнутую, никогда и нигде не произносила речей, предпочитая всему остальному пребывание в кругу персонажей, созданных силой ее творческого воображения, в мире, их окружающем, который, по словам одного из критиков, мы можем назвать «настоящей Англией». Жизнь, лишенная сенсаций, существование весьма обыденное были больше всего по душе «самой издаваемой писательнице мира»...» (из статьи Н. Михальской «Агата Кристи», российск. изд., 2003 г.).

Художники, графики, скульпторы

• «Микеланджело Буонарроти (1475–1564) был поистине скромн... Франциск I хотел заманить его во Францию, и хотя все уговоры ни к чему не привели, все же в расчете на то, что когда-нибудь очередная перемена на папском престоле принудит Микеланджело к отъезду, король велел открыть ему в Риме кредит в 15 тысяч франков на путевые расходы... Микеланджело мог бы иметь успех во Франции. Колоссальная статуя Геркулеса из мрамора ослепительной белизны, поставленная у Заставы Сержантов, гораздо больше говорит зрителям, чем полторы тысячи картин в Музее...» (из книги А. Стендаля «История живописи в Италии», Франция, 1818 г.).

• «Пережив Браманде, Рафаэля и Сангалло, Микеланджело Буонарроти (1475–1564) был призван Павлом III руководить постройкой храма св. Петра. 1 января 1547 года папское бреве дало ему полномочия не только руководить, но и изменять в прежнем плане все, что найдет он нужным... Микеланджело поставил первым и неизменным условием своего назначения – отказ от содержания и никакие настояния, ни даже гнев папы не могли его поколебать. Он хотел посвятить остаток жизни этому делу как чистому служению идее, тем более что пенсия его обеспечивала, а привычки остались так же просты...» (из очерка С. Бриллианта, «Микеланджело Буонарроти, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «К 1670 году слава Бартоломе Мурильо (1617/18–1682) была уже так велика, что из Мадрида пришло предложение: ему предлагали сделаться придворным художником. Мурильо отказался, – когда-то в Мадриде он краем глаза увидел королевский двор и тогда же твердо сказал себе, что никогда не станет придворным...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Французский архитектор Клериссо (18 в.) бывший в свое время знаменитым, большой художник и честный, но, по-видимому, неуживчивый человек, обошелся очень неприветливо с императором Иосифом II, посетившим его в Париже. «Знаете ли вы, что такое художник? – сказал он императору среди прочих любезностей, отказываясь от заказов, которые делал ему Иосиф и которые ему не понравились. – С одной стороны, у него есть карандаш, с другой – ему предлагают 20 тысяч ливров годового дохода, если он откажется от этого карандаша. Но он бросает вам ваши 20 тысяч ливров в лицо и остается при карандаше, потому что карандаш дает ему больше счастья, чем все сокровища мира»...» (из книги К. Валишевского «Роман императрицы», Франция, 1894 г.).

• «Никакие материальные лишения не сломили гордости Оноре Домье (1808–1879) и его республиканских убеждений. Когда министерство Наполеона III («Маленького») предложило ему под конец его жизни орден Почетного легиона, Домье имел мужество отклонить этот «дар данайцев», со скромным юмором мотивируя свой отказ «желанием на старости лет глядеться в зеркало без смеха»...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В гостях у друга, художника Жюля Дюпре в Иль-Адане Гюстав Курбе (1819–1877) узнает из газеты «Журналь оффисель» (Франция, июнь 1870 г.) о своем награждении орденом Почетного легиона. Морис Ришар, министр изящных искусств, распорядившийся об этом, предварительно не спросил согласия художника. Возможно, он просто-напросто хотел почтить его талант. Курбе же был склонен думать, что при дворе попытались с помощью побрякушки нейтрализовать решительного оппозиционера. «Ловят людей, как лягушек – на красненький лоскуточек», – сказал он Дюпре... Так как же? Ужели их собрат унижится до принятия ордена из рук Бадингге? («одно из насмешливых прозвищ Наполеона III; в 1840 г. после неудачной попытки захватить власть он был заточен в крепость Гам, откуда бежал в одежде каменщика

под именем Бадинге» – Т. Савицкая, 1977 г.). Присмет – не примет. Сомнения длились недолго. Жюлю Валлесу наш неугомонный живописец заявил между двумя раскатами смеха: «Крест, мой друг? Да если бы я захотел, я мог бы нацепить кресты даже на свой зад»... 23 июня 1870 года Курбе посылает министру письмо с отказом от ордена. Вот вкратце его содержание. Не следует ничего принимать от злополучной администрации, как будто специально задавшейся целью убить искусство в нашей стране. Ее действия поощряют неравенство, вытекающее из монархического строя. К тому же «человек – это не титул и не орденская лента, человек – это его поступки и побуждения». Отказ от своих принципов ради внешнего знака отличия равен бесчестью. Наконец, государство некомпетентно вознаграждать художника, поскольку оно некомпетентно в вопросах искусства... Свободным он прожил, свободным он хочет и умереть, чтобы после о нем могли сказать: «Он никогда не принадлежал никакой школе, никакой церкви, никакому учреждению, никакой академии, и главное, никакому режиму, исключая режим свободы»... В политических кафе столицы этот отказ вызывает массу сочувственных манифестаций. Делегация студентов-правоведов и медиков направляется в мастерскую Курбе, чтобы приветствовать его от Латинского квартала. На бульваре Тампль, у ресторатора Бонвале, устраивается большой банкет в честь героя... Оноре Домье, также отказавшийся от орденского креста, присоединился к этому чествованию, хотя его отказ был более скромным...» (из книги М. Шури «Здравствуйте, господин Курбе!», Франция, 1969 г.).

• «Однажды к художнику Василию Верещагину (1842–1904) приехали два американца с предложением, чтобы он написал их портреты, по 10 тысяч долларов за каждый. Несмотря на столь крупную сумму, которая была бы кстати, т. к. в то время Верещагин переживал денежные затруднения, художник категорически отказался от предложения. Когда один из его близких родственников сделал предположение, что, может быть, боязнь плохо выполнить работу заставляет его отвергнуть заказ, Василий Васильевич отрицал это: «Конечно, мог бы прилично написать, да наконец этим господам нужно не качество портрета а только мое имя». – «Тогда что же мешает принять заказ?» – не унимался родственник. «Да пойми же ты, – отвечал В.В. Верещагин, – что не могу я писать то, что меня не интересует, только потому, что мне за это заплатят, тогда я был бы ремесленник, а не художник». – «Да ведь и Репин, и другие художники пишут же портреты за деньги?» – «Вероятно, если их интересуют лица, да, наконец, какое мне дело до других!..» (из книги В.Петрушина «Психология и педагогика художественного творчества», Россия, 2006 г.).

• «В 1874 году Василий Верещагин (1842–1904), неутомимый путешественник, уехал в Индию... Здесь он узнал, что петербургская Академия художеств избрала его профессором и немедленно на это ответил: «Известие о том, что императорская Академия художеств произвела меня в профессора, я, считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания»...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «В 1890-е годы турецкий султан Абдул-Гамид устраивает в Константинополе резню, в которой погибают сотни тысяч армян. Те, кому удалось спастись, бежали в Россию, некоторые останавливались в Феодосии. Иван Айвазовский (1817–1900) глубоко переживает трагедию родного ему народа. Он делает все, чтобы обеспечить беженцев жильем. Награды, пожалованные ему Османской империей, демонстративно швыряет в море...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

Композиторы, музыканты, вокалисты

• «Лучше всего характеризует гордую независимость Вольфганга Моцарта (1756–1791) тот слишком малоизвестный факт, что за всю жизнь Моцарт ни разу не воспользовался своим дворянским титулом. К. Глюк давно уже вошел в музыкальную литературу как «шевалье Глюк» или «кавалер Глюк» (Э.Т.А. Гофман); почтительно повторяет один автор за другим этот титул, и действительно, согласно букве закона, Глюк имел право именоваться «кавалере», как и всякий, кто получил от папы этот орден, к тому же в возрасте 12-ти или 13-ти лет; тем самым и ему, как Глюку, был присвоен титул кавалера. Но всего лишь месяц мальчик находил удовольствие в том, чтобы всюду подписываться «кавалере Вольфганго Моцарт»; потом он

отбрасывает свой титул, словно грязную перчатку, и ни в извещении о свадьбе, ни в извещении о смерти мы не находим больше пышного титула «кавалере», или «кавалер». Моцарт умер, как и жил, незаметным и свободным...» (из эссе С.Цвейга «Моцарт» Бела Балаша», Великобритания, 1939 г.). «...В один из приездов Моцарта в Берлин король Фридрих-Вильгельм II предложил ему 3 тысячи талеров (2 тысячи франков) жалованья, если он пожелает остаться при дворе и взять на себя управление королевским оркестром. Моцарт ответил только: «Как? Неужто мне покинуть моего доброго императора?» Между тем в Вене у Моцарта не было тогда определенного жалованья. Впоследствии один из друзей упрекал композитора за то, что он не согласился на предложение прусского короля; но Моцарт ответил: «Мне нравится жить в Вене; император меня любит, а деньги меня мало беспокоят»... В Вене ему предложили жалованье в 800 флоринов (немного меньше 2 тысячи франков). Более высокого оклада Моцарт так никогда и не добился...» (из книги А. Стендаля «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии», Франция, 1817 г.).

• «Искусство певицы Анжелики Каталани (1780–1849) покорило Наполеона (Франция, 1806 г.). Итальянскую артистку вызвали в Тюильри, где и состоялся ее разговор с императором. «Куда вы направляетесь?» – спросил полководец свою собеседницу. «В Лондон, государь», – промолвила Каталани. «Останьтесь лучше в Париже, здесь вам хорошо заплатят и по-настоящему оценят ваш талант. Вы получите 100 тысяч франков в год и 2 месяца отпуска. Это решено, прощайте, мадам». Однако Каталани осталась верна договору с лондонским театром. Она бежала из Франции на пароходе, предназначенном для перевозки пленных...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

• «25 ноября 1969 года Джон Леннон (1940–1980), один из легендарной четверки «Битлз», возвратил королеве Елизавете II Орден Британской империи (получен в октябре 1965 года. – *Е.М.*), сопроводив свой жест следующим посланием: «Ваше Величество, я возвращаю Вам Орден Британской Империи в знак протеста против британской агрессии в Нигерии-Биафре, против нашей поддержки действий американских войск во Вьетнаме... С любовью, Джон Леннон». Имя Леннона опять появилось на первых полосах британских газет... Столь неуважительный жест в очередной раз оскорбил общественное мнение и стал причиной всеобщего осуждения Леннона... Однако к этому моменту Леннону было глубоко наплевать на мнение соотечественников, поскольку он уже перестал считать себя гражданином маленькой и отсталой Британии. Он был всемирно знаменит, и пусть прошли те времена, когда имена рок-героев неизменно пестрели на первых полосах газет, Леннон нашел для себя новое поле деятельности, где мог оставаться на виду: движение в защиту мира...» (из книги А. Голдмана «Жизни Джона Леннона», США, 1989 г.).

• «Когда в середине 1990-х годов Пол Маккартни (р.1942), Джордж Харрисон (1943–2001) и Ринго Стар (р. 1940) работали над «Антологией «Битлз», к музыкантам не раз обращались продюсеры с предложением втроем выступить на сцене. У них было по меньшей мере два крупных предложения на 10 выступлений в различных городах США и просто фантастический гонорар–100 миллионов долларов. С точки зрения финансов многие, конечно, взялись бы за это, но ... Общее настроение музыкантов выразил Пол Маккартни: «Трое «битлзов» – это далеко не четверо. И закрыть эту пустоту на сцене нечем (четвертый участник группы, Джон Леннон, погиб в декабре 1980 г. – *Е.М.*). «Битлз» – это «Битлз»...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Актеры театра и кино

• «Имя Федора Волкова (1729–1763), основателя первого русского публичного театра и первого русского актера, занимает почетное место не только в истории русского театра, но и вообще в истории русского просвещения... Екатерина II, воцарившись (1762 г.), предложила Волкову, по словам А.М. Тургенева, быть ее кабинет-министром и предлагала ему орден св. Андрея Первозванного. Волков от всего отказался и просил государыню лишь обеспечить его жизнь в том, чтобы ему не нужно было заботиться о еде, одежде, о найме квартиры; когда нужно, чтобы ему давали экипаж. Государыня повелела нанять Волкову дом, снабжать его бельем и платьем, как он прикажет, отпускать ему кушанье, вина и «все прочие к тому

принадлежности» от двора, с ее кухни, и точно все такое, что подают на стол Ее Величеству; экипаж, какой ему заблагорассудится потребовать. Он всегда имел доступ в ее кабинет без доклада... Но, желая остаться скромным сценическим деятелем и уклоняясь от высокого положения кабинет-министра, Волков и в мелочах не хотел пользоваться своим влиянием и милостями государыни. Несмотря на ее желание, чтобы Волков ни в чем и никогда не нуждался, он скромно и умеренно пользовался своим широким правом в доставлении себе жизненных удобств. Никогда, говорит А.М. Тургенев, не приказывал он подавать себе обед более как на 3 человека: у него было два друга, с которыми он почти каждый день обедал. Редко он требовал себе экипаж, деньги брал тоже очень редко и не иначе, как из собственных рук императрицы, и никогда не более 10 имперялов... Искусство он любил свято к бескорыстно...» (из очерка А. Ярцева «Федор Волков (основатель русского театра), его жизнь в связи с историей русской театральной старины», Россия, 1892 г.).

- «Лоренс Оливье (1907–1989) первым из актеров удостоился звания пожизненного пэра (1970 г.) – он стал лордом Оливье Брайтонским. Правда, получив сан пэра Англии, Лоренс объявил труппе Национального театра (где с 1962 года был директором. – *Е.М.*), что первый же, кто назовет его «милордом», может считать себя уволенным...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «Весной 1973 года состоялось вручение премии «Оскар». Марлон Брандо (1924–2004) получил приз за лучшую мужскую роль года. Но вместо лауреата на сцену вышла индейская женщина Сашин Литлфезер, облаченная в традиционный наряд своего племени, и произнесла: «Марлон Брандо, к сожалению, не может принять присужденную награду. Это знак протеста против дискриминации коренного населения этой страны – индейцев – на телевидении, в кино, в ходе последних событий в местечке Вундеа-Ни...» В зале – свист, улюлюканье, крики возмущения. Так актер в очередной раз бросил вызов сложившимся стереотипам общественного мнения...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «В 2001 году английский актер Энтони Хопкинс (р.1937) снялся в фильме Ридли Скотта «Ганнибал». За первые 10 дней показа фильм собрал 100 миллионов долларов. Энтони Хопкинс как всегда был великолепен, несмотря на слабый сюжет и обилие натуралистичных сцен. Однако успех «Молчания ягнят» (1991 г.) так и остался непревзойденным. Тема оказалась исчерпанной. Может, именно поэтому Хопкинс отказался от съемок в очередном продолжении приключений плотоядного доктора «Красный дракон», хотя ему были готовы выписать чек на 20 миллионов долларов...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «Мировую известность Аль Пачино (р. 1940) принес фильм «Крестный отец» (1972 г.)... Но для того чтобы совершенствовать свой актерский дар, Аль Пачино всегда возвращается к дощатым подмосткам театра. «Сцена излучает то добро, которое делает честь актеру», – сказал он однажды... Миллионным гонорарам в очередной картине он может предпочесть скромные ставки в каком-нибудь Бостонском театре, где играл в пьесе Брехта «Карьера Артура Уи», зарабатывая лишь 250 долларов в неделю... В середине 1980-х Пачино вообще исчез с экрана, бросив в разгаре работу над «Путем Карлито», хотя должен был получить за нее 4 миллиона долларов. Затем отказался от весьма выигрышной роли в «Рожденном 4 июля»...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «Есть что-то таинственное в Арнольде Шварценеггере (р. 1947), – говорит режиссер фильма «Красная жара» (США) Уолтер Хилл. – Что бы о нем не думали, он все равно другой». Привычка знаменитого актера экономить сослужила ему хорошую службу. Заступив на пост губернатора штата Калифорния (2003 г.), Шварценеггер отказался от жалованья (175 тысяч долларов в год) и служебного транспорта. Даже самолетом пользуется собственным...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Спортсмены, шахматисты

- «Получив 5 золотых медалей на одной Олимпиаде (Сеул, 1988 г.), Мэтт Бюнди (р.1962) бросил плавание, не имея четкого представления о том, чем он займется, он, 6-кратный олимпийский чемпион (8-кратный чемпион и призер Олимпийских игр 1984, 1988 и 1992 гг. – *Е.М.*) и специалист по политэкономии индустриального общества. Зато он точно знал, что

никогда не будет рекламной моделью и никто и никогда не увидит его в журнале или по телевизору в нижнем белье с олимпийскими медалями на шее. Шутом он быть не хотел и собирался остаться в памяти миллионов болельщиков тем великим пловцом и настоящим парнем, каким его знали...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «22-летний конькобежец из города Мэдисон штата Висконсин (США) Эрик Хайден (р.1958) стал Олимпийским чемпионом на всех пяти дистанциях (Лейк-Плэсид, 1980 г.). А пять завоеванных им золотых олимпийских медалей – это абсолютный рекорд всех зимних Олимпиад... После своего феерического успеха в Лейк-Плэсиде Хайден еще раз стал чемпионом мира, выиграв первенство 1980 года, проходившее в Голландии. А потом в зените своей славы оставил конькобежный спорт... Отказавшись от многих заманчивых коммерческих предложений, Эрик Хайден стал врачом-ортопедом, поскольку окончил университет именно по этой специальности» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Чиновники от австралийского спорта предложили четырехкратному Олимпийскому чемпиону по плаванию Александру Попову (р.1971) за очень большие деньги австралийский паспорт и...присвоение его имени одной из улиц в Олимпийской деревне (1996 г.). Попов повел себя самым достойным образом. «Я не продаюсь даже за миллион долларов, – сказал он. – Моя родина – Россия, и на пьедестале я буду стоять только под флагом моей Родины!»...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

• «Какой-то промышленник согласился финансировать поездку Роберта Фишера (1943–2008) на турнир претендентов в Югославию (1959 г.) с условием, что впоследствии Фишер выступит с заявлением в прессе и за свои успехи поблагодарит упомянутого фабриканта. Бобби, которому в то время было 16 лет, ни минуты не размышляя, отказался: «Если я одержу победу в турнире, то это будет моя победа. Я играю и побеждаю благодаря своему таланту, и тут уж никто не может мне помочь...» (из книги Ф. Брэди «Портрет вундеркинда», США, 1964 г.).

• «После матча с Б. Спасским (Рейкьявик, 1972 г.) Роберт Фишер (1943–2008) триумфально возвратился в Америку. Участие в телешоу Боба Хоупа–10 000 долларов! Выгодный контракт с неким Вернером Бротером, собиравшимся выпускать грампластинки с уроками шахмат, – еще 100 000 долларов! И, конечно, десятки, сотни тысяч долларов за ожидаемую рекламу промышленных товаров. Вся Америка уже лихорадочно подсчитывала, сколько он стоит – 200 тысяч, полмиллиона, быть может, миллион? Стэнли Рейдер, его советник по связям с общественностью, уточнил: «После возвращения из Рейкьявика Фишер получил несколько заманчивых предложений, приняв которые, он мог бы без труда заработать 2,5 миллиона долларов». Казалось, сбывается еще одна американская мечта. Но после месячного размышления, не повредит ли принятие этих предложений его репутации чемпиона мира, он отверг их все до одного на том основании, что предложения дельцов не способствуют пропаганде шахмат и не имеют с ними ничего общего. А ведь деловые круги предлагали наивыгоднейшие сделки: сфотографироваться на фоне бутылки пива, виски, пепси-колы... представить фирменный спортивный костюм... сделать броское фото – Фишер намыливает щеки перед бритьем, и крупная подпись: «Пользуйтесь только нашим кремом – его употребляет чемпион мира по шахматам Бобби Фишер!» С прямолинейностью, удивившей всех, Фишер отвечал, что не любит спиртного, не ходит на водных лыжах и бреется только электробритвой...» (из книги Е. Мансурова «Загадка Фишера» Россия, 1992 г.). «...Ему «Фольксваген» предложил рекламировать автомобиль. Он, конечно, обрадовался, что сможет заработать. Первый день он на нем ездил, второй, третий. Потом говорит: нет, я не могу рекламировать этот автомобиль. Это автомобиль для самоубийц, а я даю свое имя. Вот это очень важно понять в его случае. Советская пресса обычно подавала, что для него деньги – самое важное. Для него действительно, деньги очень важны. Для американцев, когда сейчас люди в Бога не верят, эти зеленые бумажки – прямо святые штучки. Но с ним все не так просто...» (из выступления Б. Спасского перед любителями шахмат, Санкт-Петербург, март 1997 г.). «С «болезненной честностью», как говорили в американских шахматных кругах, он сбежал от успеха, которого добивался многие годы, и в сердцах поклялся: «Эти прохвосты не

заработают на мне ни цента!» Он ничего не забыл – ни детства, полного забот и лишений, ни утешительных призов за первые победы в Бруклинском шахматном клубе (США, 1955–1956 гг.), ни вырвавшегося в минуту откровенности афоризма: «Дети, растущие без родителей, становятся волками». Однако притягательная сила долларовых купюр не отвлекла его от той цели, ради которой он был призван в этот мир. «На такое самоотречение, – утверждал гроссмейстер Роберт Бирн, – в наше время способен только святой...» (из книги Е. Мансурова «Загадка Фишера», Россия, 1992 г.).

«Зачем эти знаки отличия?» (Отказ от премии А. Нобеля)

• Когда в 1897 году шведский Комитет по наследию инженера А. Нобеля обсуждал первую премию в области литературы, все вспомнили о заслугах Льва Толстого (1828–1910). «В Швеции по этому поводу был совет, – отметила в своем дневнике жена писателя Софья Андреевна Толстая, – и сказали, что Лев Николаевич заслужил это наследство. Конечно, Лев Николаевич не взял бы денег, но он написал письмо, что больше всех сделали для мира духоборы, отказавшись от военной службы и потерпевши так жестоко за это...» (запись от 31 августа 1897 года). Действительно, 29 августа 1897 года Толстой написал открытое письмо в шведскую газету «Stokholm Tagblatt» с отказом от Нобелевской премии. Спустя 11 лет Нобелевским лауреатом стал физиолог И. Мечников (1908 г.), и Толстой снова пережил неприязнь «к преднамеренному возвеличиванию заслуг». «Чествование мое – плохой признак, – записывает он в дневнике от 22 мая 1909 года. – Навело меня на эту мысль чествование Мечникова. Оба мы, очевидно, очень пустые люди, если так потрафили толпе...»

• «Это было в декабре 1901 года. Вильгельм Рентген (1845–1923) узнал, что ему присуждена Нобелевская премия – первая за работы в области физики. Он не хотел ехать в шведскую столицу, однако его уговорили: таков, мол, порядок. Зато уж там, получив премию из рук самого кронпринца, он постарался поскорее стушеваться, так и не выступив перед многочисленной аудиторией, хотя двое других его коллег-лауреатов – профессор Вант-Гофф из Берлина и профессор Беринг из Галле – произнесли пространные речи, положив тем самым начало непреложной традиции. Потом, правда, на банкете во время торжественного акта в музыкальной академии Рентген был вынужден сказать несколько слов, но то была обычная официальная благодарность. Лишь по возвращении в Мюнхен, где его ждали цветы, растроганный Рентген произнес слова, шедшие от самого сердца. Он сказал, что не имеет намерения желать присутствующим того же, что выпало на его долю. Известность – это не так важно в конце концов. Ибо самая прекрасная и самая высокая радость, которую может познать каждый, над какими бы проблемами он ни работал – это радость поиска, наслаждение достигнутым решением, и по сравнению с этим глубочайшим внутренним удовлетворением любое признание – ничто...» (из книги Л. Боброва «Тени невидимого света», СССР, 1964 г.).

• «В 1911 году Петр Лебедев (1866–1912) дважды получал приглашение из института Нобеля в Стокгольме, где ему предлагали должность директора прекрасной лаборатории и большую сумму денег, как для ведения работ, так и для личного пользования. Был поставлен даже вопрос о присуждении ему Нобелевской премии. Однако Петр Николаевич не принял этого предложения, он остался на родине со своими учениками, создав на частные средства новую лабораторию...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «В 1925 году Бернарду Шоу (1856–1950) была присуждена Нобелевская премия по литературе («за творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искрометную сатиру, которая часто сочетается с исключительной поэтической красотой» – Е.М.). Он расценил это как «знак благодарности за то облегчение, которое он доставил миру, ничего не напечатав в текущем году». Свой отказ от премии он мотивировал в письме постоянному секретарю шведской Королевской Академии: «Эти деньги – в сущности говоря, спасательный круг, брошенный пловцу, когда он уже благополучно выбрался на сушу...» (из книги Х. Пирсона «Бернард Шоу», Великобритания, 1951 г.). «Будучи принципиальным противником всевозможных премий, Шоу на церемонию награждения не приехал и премию вместо него вручили послу Великобритании в Швеции...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «...Отказ Шоу создал непредвиденную и

неразрешимую проблему: 7 тысяч фунтов оказались неприкаемыми. Дело кончилось тем, что Шоу принял премию и владел ею ту долю секунды, что отделяла его расписку в получении денег от его же подписи под документом об их передаче срочно организованному расторопным бароном Палмстиерна англо-шведскому литературному союзу» (из книги Х. Пирсона «Бернард Шоу», Великобритания, 1951 г.). «...На причитающиеся лауреату деньги писатель учредил англо-шведский литературный фонд для переводчиков» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

• «В 1949 году пришло известие, что Уильям Фолкнер (1897–1962) удостоен Нобелевской премии. Это сообщение застало писателя за колкой дров для камина. Писатель наотрез отказался ехать в Швецию получать премию, сказав, что у него недостает бензина в баке для такого длительного расстояния. Его застыдили и уговорили поехать. Фрак для торжественной церемонии Фолкнер взял напрокат. Нобелевская премия изменила жизнь Фолкнера. Человек, стремившийся, по его собственным словам, «остаться личностью, нигде не заприходованной», попал под вспышки фотообъективов, под огни рампы и рекламы. После 1949 года всяческие почести и награды хлынули на Фолкнера... В 1955 году его роман «Притча» получил и Национальную, и Пулитцеровскую премии в США. Денег стало достаточно, но Фолкнер не пожелал изменять своих вкусов и привычек, он продолжал ездить на своем стареньком автомобиле. Кто-то ворчал по этому поводу: «Если бы у меня было столько денег, сколько у него, я бы своей кухарке не позволил ездить на таком драндулете...» (из книги Ю. Безелянского «Знаменитые писатели Запада: 55 портретов», Россия, 2003 г.).

• «28 октября 1954 года было официально объявлено о присуждении Эрнесту Хемингуэю (1899–1961) Нобелевской премии по литературе. В решении комитета отмечалось «яркое стилевое мастерство Хемингуэя, явившееся вкладом в современное повествовательное искусство». К этой премии у писателя было двойственное отношение. С одной стороны, он, конечно, гордился, что ему присудили премию. Да и сумма премии – 35 тысяч долларов – была для него не лишней, он расплатился с некоторыми долгами. С другой стороны, ему претила шумиха, поднявшаяся вокруг его имени в связи с награждением: журналисты, атаковавшие его, газеты, бесцеремонно вторгавшиеся в его личную жизнь. Хемингуэй не мог не писать, а ему все время мешали. Роберту Мэннингу, который приехал к нему от журнала «Тайм», Хемингуэй сказал: «Конечно, я горжусь тем, что мне дали премию, но мне в это время очень хорошо писалось, и мне не нужна премия, если из-за нее я не смогу писать свою книгу»... Хемингуэй был почти в отчаянии, он объяснял, что напряженно работает и что это равносильно убийству – мешать писателю, когда он работает...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Попытку рассказать о себе Ж. Сартр (1905–1980) предпринял в автобиографической книге «Слова» (1963 г.), следуя разработанному им методу так называемого экзистенциального психоанализа. Эта книга и стала поводом для присуждения в 1964 году Сартру Нобелевской премии по литературе, от которой писатель, принципиально отвергавший любые награды и почести, отказался...» (из статьи Л. Токарева «Спасенный литературой», Россия, 2006 г.). В памфлете «Почему я отказался от Нобелевской премии» Ж. Сартр писал: «Мой отказ вовсе не необдуманное действие, поскольку я всегда отклонял официальные знаки отличия. Когда после Второй мировой войны, в 1945 году, мне предложили орден Почетного легиона, я отказался от него, хотя у меня и были друзья в правительстве. Я никогда не хотел вступать в Коллеж де Франс, как это предлагали мне некоторые из моих друзей. В основе этой позиции лежит мое представление о труде писателя. Писатель, занявший определенную позицию в политической, социальной или культурной области, должен действовать с помощью лишь тех средств, которые принадлежат только ему, то есть печатного слова. Всевозможные знаки отличия подвергают его читателей давлению, которое я считаю нежелательным. Существует разница между подписями «Жан Поль Сартр» или «Жан Поль Сартр, лауреат Нобелевской премии». Писатель, согласившись на отличие такого рода, связывает этим также и ассоциацию или институт, отметивший его... Писатель не должен позволять превращать себя в институт, даже если это, как в данном случае, принимает самые почетные формы... Наконец, я подхожу к денежному вопросу: Шведская Академия возлагает тяжелое бремя на плечи лауреата, присоединяя к общему почету крупную сумму денег... Я, разумеется, отказываюсь от

250 тысяч крон, ибо не хочу быть официально закрепленным ни за восточным, ни за западным блоком. Но вместе с тем нельзя требовать от меня, чтобы я за 250 тысяч крон отказался от принципов, которые являются не только моими собственными, но и разделяются всеми моими товарищами...» (Франция, 1964 г.). «Я всегда рассматривал литературу как одну из форм свободы», – утверждал он, уточняя при этом, что ее главное призвание – «открывать другим истину мира». Сартр даже декларировал, что он хотел «спасти мир литературой»...» (из статьи Л. Токарева «Спасенный литературой», Россия, 2006 г.).

• «11 декабря 1998 года Президент России Б. Ельцин подписал указ о награждении Александра Солженицына (1918–2008), отмечавшего в этот день свое 80-летие, орденом «Святого апостола Андрея Первозванного» за выдающиеся заслуги перед Отечеством и большой вклад в мировую литературу. Писатель отказался от ордена, заявив буквально следующее: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу. – И добавил: – Может быть, через немалое время эту награду примут сыновья мои»...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

Постскриптум

• «К чести и достоинству государства послужило то, что оно даровало фамилии *Лафонтен* навечно свободу от уплаты податей и постановило, что «произведения ума не подлежат секвестрации», когда кредиторы Кребильона хотели присвоить себе плату, вырученную Ж. Лафонтеном (1621–1695) своими трагедиями...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «В 1965 году премьер министр Г. Вильсон похвалился, что поп-группа «Битлз», как экспортный товар Великобритании, внесла в казну намного больше валюты, чем известные английские экспортные фирмы. И действительно, в 1965 году во всем мире люди слушали 115 миллионов пластинок с записями «Битлз»...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Таможенник спросил В. Гюго (1802–1885) о его профессии. Гюго ответил: «Я пишу». «Я спрашиваю, чем добываете средства к существованию». – «Пером». «Так и запишем: «Гюго – торговец пером»...» (из монографии Ю. Борева «XX век в преданиях и анекдотах»; кн. 1, Украина, 1996 г.).

Из дневника Эдмона Гонкура (1822–1896): «С сегодняшнего дня мне уже совсем не хочется носить мой орден: в списках кавалеров Почетного легиона я прочел имя Дюрана (засахаренные фрукты). Ну, если серьезно подумать, разве изготовление засахаренных фруктов и книг должно вознаграждаться одинаково?» (запись от 1 ноября 1889 г.).

От автора. Размышление второе...

Никто не подвергает сомнению цену и качество «засахаренных фруктов» (см. выше – из дневника Гонкура), но если «писать значит действовать», т. е. «писать стихи да ссориться с царями», то и цена продукта аристократии духа должна быть установлена как-то иначе!.. Можно, конечно, «купить с потрохами» самого художника-творца, поставить его на унижительно низкое место («на 47-е, после попа»), оскорбить его, заставить петь с чужого голоса, устроить аутодафе его крамольных трудов – в общем, сделать все, чтобы усилить влияние его злосчастной звезды (см. подробнее: Е. Мансуров «Психология творчества: Вневременная родословная таланта. Пирамида не-творчества»). Но ничтожнейший из всех ничтожных мира сего, он становится исполином, как только *начинает творить* ! «Он остро чувствует время назревания открытия, необходимость постановки новых проблем и скорого прихода грядущих перемен, – подчеркивает российский психолог Николай Гончаренко. – Он знает не только куда идти и за чем идти, но и когда отправляться в путь» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.). Это прозрение не есть опыт Сальери, выработанный в компромиссе с «общеизвестными истинами». Катализатором грядущего обновления служит не

холодный расчетливый ум, а едва уловимая отзывчивость на движения «мировой души». Кто же, как не художник-творец, униженный и страдающий, имеет право на этот дар? Едва познав горестный опыт своего сердца, он уже чувствует боль всех сердец мира. Еще не миновав ученической поры, он знает, что приближается к истине, ибо «понял» раньше, чем «узнал». Он не просто убежден в том, что «существует множество миров» (Н. Коперник) и что «Земля – вертится!» (Г. Галилей). Никакими доводами рационального рассудка от него не добиться признания того, что «большинство – всегда право», «где сила – там истина», «раз верят все, то верить поневоле». И, поднимаясь с колен, он дерзко бросает в лицо своим гонителям: «Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю!» (Дж. Бруно).

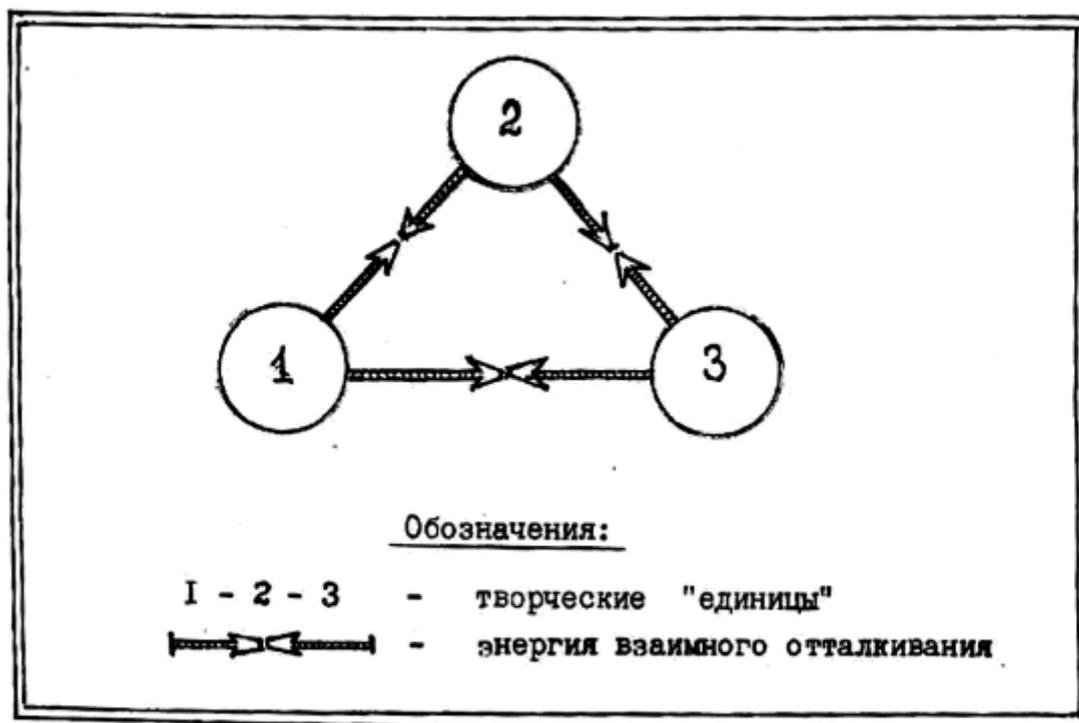
Это странно, но жертва говорит о страхе палача... Что чувствует сам палач – неизвестно, а рыцари плаща и кинжала предпочитают действовать из-за кулис...

Не видим ли мы здесь обратного влияния, когда большинство опасается правоты изгоя-одиночки? Страх ли это перед бунтом вообще или тайные укоры совести, осознающей сокрытие истины? Во всяком случае, существует какая-то иррациональная психологическая связь, препятствующая четкому распределению ролей «обличитель – преступник», «мучитель – жертва», «нападающий – преследуемый». Ведь с самого начала художник-творец играет по своим правилам. Он не умеет жить как все. Он отказывается понимать и принимать очевидное. Наконец, он задает «неудобные» вопросы: Неужели законы расы/племени/касты/группы должны быть выше истины? Неужели индивид/единица обязан слиться с обществом/суммой? Он не понимает этих «природных» законов. Однако энергия взаимного отталкивания редких творческих «единиц» здесь столь велика, что им никогда не образовать даже группы единомышленников (а ведь классик предупреждал: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто». – Л. Толстой, 1869 г.).

Что делать, «гений всегда один, гений всегда одинок»? Самодостаточность гения не предусматривает вмешательства третьих лиц в его закрытый внутренний мир. Да и по интуиции своей, обостренной условиями обособленной жизни, он верно чувствует, что не многие, очень не многие способны его поддержать. Его одиночество поднимается до избранничества, а «лишь одни избранники в состоянии передать потомству не только содержание, но и форму своих мнений и воззрений, свою личность, до которой массе, вообще говоря, нет никакого дела» (И. Тургенев «По поводу «Отцов и детей», Германия, 1869 г.). Необыкновенный – или обособленный – индивидуум, как правило, и становится творческой «единицей» с огромным потенциалом противодействия «массе большинства».

Таким образом, творческие «единицы» представляют силу, хотя и не связаны между собой:

Природа «массы большинства» совсем иная. «Обыкновенные индивидуумы, – отмечает Иван Тургенев (1818–1883), – осуждены на исчезновение в целом, на поглощение его потоком; но они увеличили его силу, расширили и углубили его круговорот – чего же больше?» (из статьи «По поводу «Отцов и детей», Германия, 1869 г.).

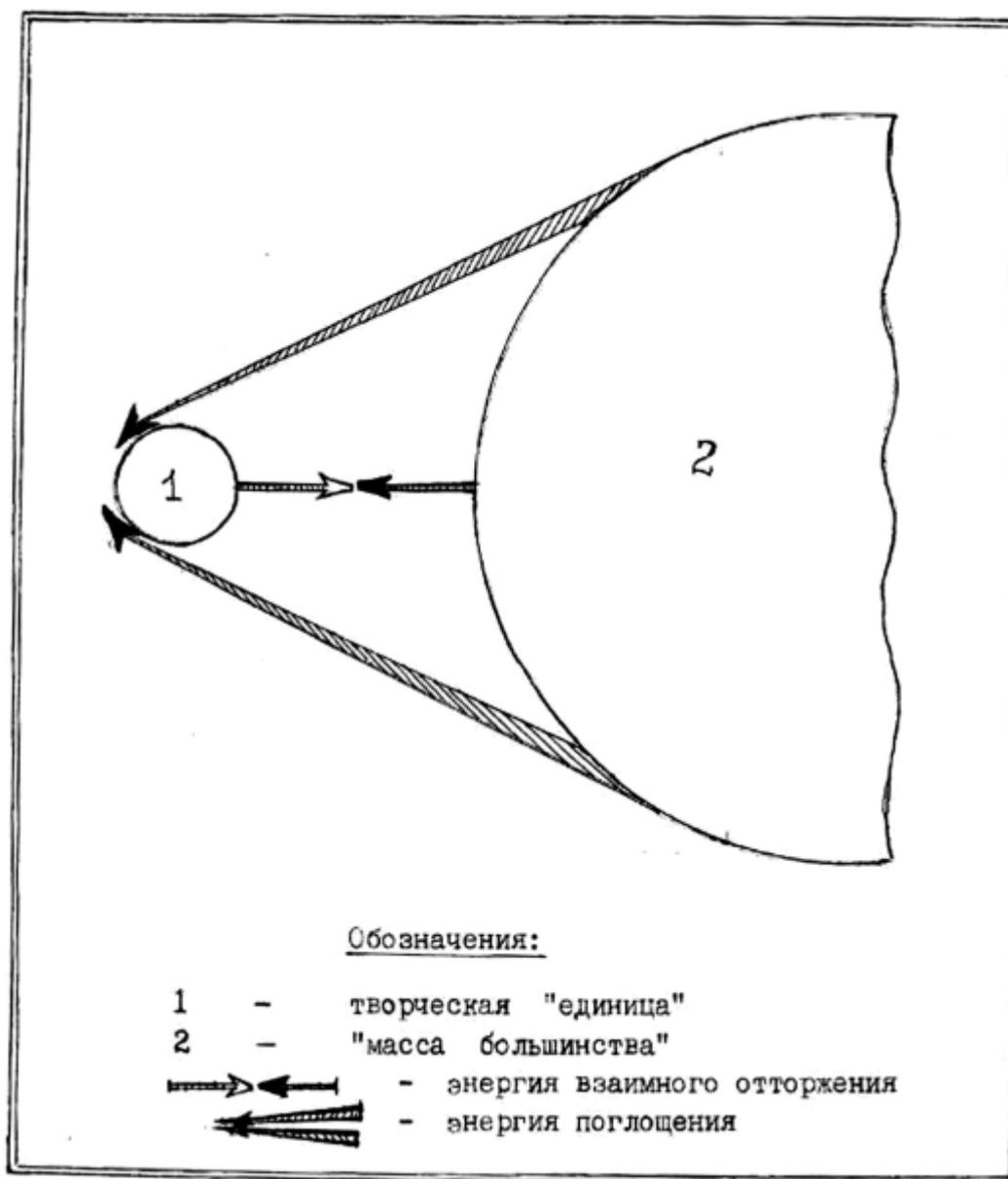
Русский классик говорит о некоем «потоке целого». Едва ли речь идет о *потоке времени*, едином для всех и каждого. А вот *поток социума*, формирующий жизнь общества, предоставляет «массе большинства» преимущества «двустороннего» типа энергии. Именно здесь – в однородной, рассуждая умозрительно, массе не-творческих «единиц» – мы найдем избыток как энергии отторжения (отталкивания), так и энергии поглощения (переработки), на что творческая «единица», находящаяся в контакте со сложившейся «массой большинства», может использовать энергию только *первого* вида:

Тотальная экспансия «общества большинства» формирует следующую причинно-следственную связь:

а) «Общество – это конгломерат из индивидов, условием пребывания в котором являются усвоение и воспроизведение его верований, обычаев и образа мыслей.

Поэтому, конечно же, жалки и пусторезультатны были попытки всех тех, кто хотел, стремился или грезил превзойти то сообщество, в котором или рядом с которым протекала их жизнь. Это никогда не могло удасться, как не суждено волнам, как бы они не вздымались в небо или как бы они ни выкатывались на берег, оторваться от своего морского лона. Когда же это все же происходило, то это было не победное шествие самоопределения, а всего лишь испарение – в общем-то явление жалкое, ничтожное, незавидное...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

б) «Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право? Нет, потому что сильно... Сколько держав даже не подозревают о моем существовании!» (из трактата Б. Паскаля «Мысли», Франция, 1662 г.).

в) «Поле общественного тяготения крепко держит все свое. Не выпускает...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

Поскольку «масса большинства» представляет собой энергию жизни-деятельности расы/племени/касты/группы, вести с ней диалог на равных творческая «единица» не может. Да и выбор ее достаточно предсказуем: энергия отторжения (отталкивания) как единственное средство против угрозы поглощения.

Так почему же общество большинства, которое «всегда право, потому что сильно», которое верит «только очевидному», реагирует на эту защиту так непримиримо? Чтобы препятствовать развитию центробежных сил, оно разворачивает «спираль гонений», предусматривая такие методы «убеждения», как тюрьма, пытки, предание анафеме, виселица или костер. Кары лютые, самые, пожалуй, изощренные из всех, что только мог выдумать палач-инквизитор. Но если бы он придумал даже сверхкару, едва ли б остановил развитие центробежных сил. Он борется за сохранение статус-кво с утроенной энергией поглощения, но пожинает сопротивление еще большей силы, еще более крепкой веры в свои убеждения! «Глубокие мысли, – говорил Дени Дидро (1713–1784), – это железные гвозди, вогнанные в ум так, что ничем не вырвать их». Даже сжечь – не значит опровергнуть! Еще ни одна идея не погибла в сполыхах костра... А еще остается Высший Суд с его воздаяниями и карами небесными. Пусть даже это последняя, призрачная надежда идущего на смерть. Но призрачна ли вера его, с какой он преодолевает болевой порог самой изощренной пытки? Но обманчиво

ли желание его служить Истине до последнего вздоха? Но напрасно ли упование его на благодарную, вечную память потомков?.. Мираж рассеется вместе с наваждением. Цель, достойная веры в жизнь после смерти, – останется. Как не иссякнет и мужество творить. «Это – апостольское служение, глубокая внутренняя убежденность людей даровитых... это – религия искусства, – подчеркивает О. Бальзак. – Так же как священнослужитель, художник стал бы позором человечества, если б не имел веры. Если он не верит в себя, он не гений» (из эссе «О художниках», Франция, 1830 г.). И даже если гениальность – это «уход куда-то», тем ярче будет свет этой далекой, «нездешней» звезды!

Чтобы осветить свой век, гений-метеор должен сгореть. Это есть преодоление страха смерти после того, как преодолен искус жизни – устремление к большему, чем физическое бытие, если последнее не одухотворено руководящей идеей. Но что есть руководящая идея? Иногда ее называют «идефикс», ограничивая феномен гениальности спецификой медицинских определений. Психопсихологи, например, охотно говорят о *фанатизме*, подчеркивая, что это – «явление крайне важное для понимания социальных явлений, потому что фанатики нередко оказывают значительное влияние на окружающих и даже на целое общество и историю целых народов» (В. Чиж, 1905 г.). Непроясненным остается, однако, характер такого влияния, ведь верить можно как во благо, так и во зло, достаточно назвать «злом» – «благом» или наоборот. Сохраняя «научную объективность», можно даже сопоставить жертвенность подвижника, проводника новой идеи, с одержимостью инквизитора, душегубствующего в своем консерваторском усердии (так, подсчитано, что на кострах испанской инквизиции погибли 34 658 человек – и только один Т. Торквемада (1420–1498) «из любви к богоположенному порядку» сжег 10 220 жертв).

«Этими людьми, – пишет французский философ Никола Мальбранш (1638–1715), – управляют иллюзии и заблуждения, порожденные их воображением» (из книги «Поиски истины», Франция, 1675 г.). К общему «классу одержимых» относил их и знаменитый итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835–1909): «Только в них, в этих фанатиках, рядом с оригинальностью, составляющей неотъемлемую принадлежность как гениальных людей, так и помешанных, но в еще большей степени гениальных безумцев, экзальтация и увлечение достигают такой силы, что могут вызвать альтруизм, заставляющий человека жертвовать своими интересами и даже самой жизнью для пропаганды идей толпе... Вот почему из этих людей так часто выходят реформаторы. Само собою разумеется, что они не создают ничего нового, но лишь сообщают толчок движению, подготовленному временем и обстоятельствами» (из книги «Гениальность и помешательство», Италия, 1863 г.).

Любопытно, что именно характером заболевания Ч. Ломброзо готов объяснить не только происхождение альтруизма, но и призыв к реформаторской деятельности, в которой, «само собою разумеется, нет ничего нового». Следует ли из этого, что и подвижник, проводник новых идей, и инквизитор-консерватор, неравнозначные в памяти потомства, имеют равенство перед диагнозом медицины? Возможно, и тот, и другой, действительно, подпитываются *энергией заблуждения*, но ее источники настолько различны, что создают разноименные «силовые поля» влияния. Следует задать определяющий вопрос: где есть любовь к истине, где есть любовь к человеку, который значителен уж тем, что может ощущать полноту и радость бытия:

Инквизитор-фанатик превыше всего ставит незыблемость настоящего, «непотрясаемость основ», и симптоматично, что редкий из них оказывается сопричастным к классу угнетаемых и неимущих (не будем брать в расчет его показной аскетизм). Для него привлекательна роль лидера какого-нибудь формального движения, и он всегда – «выразитель мнения большинства». Выдающийся консерватор это «большинство» сам же и формирует, не брезгуя иногда никакими «средствами убеждения», как только сам получает власть. О недостатках человека вообще он говорит больше, чем о конкретных нуждах страждущих (предпочтительнее дары, предназначенные для украшений образов культа), выказывая недоверие в силы человеческие и даже какое-то сектанское презрение к нему. Разговоры же о необходимости силовых действий ради «светлого будущего для всех» могут скрывать и такие неприглядные качества фанатика от реформ, как:

Психология инквизитора-консерватора	Психология подвижника, проводника новых идей
<p>«Игнатий Лойола (1491 — 1556) занялся религиозными вопросами после того, как был ранен; затем, под страшным впечатлением вспыхнувшего в Вюртемберге восстания, задумал основать принесшее столько вреда обществу иезуитов, причем утверждал, что якобы Богородица лично помогала ему в осуществлении его проектов и он слышал с неба ободряющие его голоса» (из книги Ч. Ломброзо «Гениальность и помешательство», Италия, 1863 г.). «То борясь с чертом, который самолично являлся искушать и совращать его во всевозможных видах, то охваченный восторгом при виде небесных наслаждений и явлений, то изнемогал в обмороке после подобных потрясений и беседуя в это время с богом, Лойола достиг постепенно такого состояния, когда он сделался существом не от мира сего, или, лучше сказать, самым высокопробным фанатиком... Он стал упорно, настойчиво, но осторожно и умно добиваться своей заветной идеи — создать духовное братство для борьбы с врагами католической церкви...» (из очерка А. Быкова «И. Лойола. Его жизнь и общественная деятельность», Россия, 1891 г.)</p> <p>«Еще более подходящий для нашей цели пример представляет Д. Савонарола (1452 — 1498). Под впечатлением одного видения он еще с молодости начал считать себя избранным, ниспосланным на землю самим Иисусом Христом для возрождения погрязшего в пороках населения Флоренции. Затем, разговаривая однажды с каким-то монахом, Савонарола увидел в развёрстых небесах картину бедствий, испытываемых церковью, и услышал голос, повелевающий ему возвестить об этом народу. Ему постоянно представлялись</p>	<p>«Без опыта ничего нельзя познать с уверенностью», — писал Р. Бэкон (ок. 1214 — 1292). Чтобы никто из братьев не имел с ним словесного общения и не читал его трудов, Бэкона приговорили к заточению в одиночный склеп (1278 г.)... Смерть не страшила его, страшили бесплодно прожитые годы... Он боялся потерять рассудок и стал призывать на помощь память: она не умерла и заменила ему не только книги, но и чистый пергамент. И он записал в памяти: «Добро само по себе благо, зло само по себе наказание. Это едва ли справедливо, но всё-таки утешительно...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).</p> <p>В одном из сонетов, созданных в застенках, Т. Кампанелла (1568—1639) писал: «Закованный в цепи, я всё-таки свободен; предоставленный одиночеству, но не одинокий; покорный, вздыхающий, я посрамлю своих врагов. Угнетённый на земле, я поднимаюсь в небеса с истерзанным телом и весёлой душой, и, когда тяжесть бедствия повергнет меня в бездну, крылья моего духа поднимут меня высоко над миром».</p> <p>«Ян Гус (1371 — 1415) был сожжён не за ересь, а за свою устную и письменную проповедь, содержащую резкую критику господствующей церковной системы... Щадя догму, Гус проповедовал главным образом необходимость согласования веры с делами. «Напрасно думают, — говорил Гус в одной из проповедей, — что легче заслужить прощение грехов, сооружая храмы, чем если помогаешь бедным».</p> <p>Во всех проповедях Гуса учение о деятельной помощи ближнему всегда занимает первое место. Некоторые его выражения чрезвычайно смелы для того времени.</p>

видения из Апокалипсиса, а также из событий ветхозаветной истории... «Я не пророк и не сын пророка, — сказал он однажды. — Это ваши грехи насильно заставили меня сделаться пророком»...» (из книги Ч. Ломброзо «Гениальность и помешательство», Италия, 1863 г.). «В суровости своей Савонарола не умел примирить жизнь с религией, искусство с геополитикой; не умел понять, что во многих христианских обрядах присутствуют черты древних верований... хотя главным своим долгом считал нравственное очищение людей» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).

Психологический и психиатрический анализ Фотия Спасского (1792 — 1838) заслуживает внимания ввиду значительной общественной деятельности этого монаха. Фотий всю жизнь сохранял взгляды, выработанные в юношеские годы, очень дорожил этим единственным своим сокровищем, с упорством защищал эти взгляды, для него столь дорогие; он сам был не способен к развитию, к сомнению и критике и поэтому не допускал такой способности у других. Для него все было так просто, так ясно; все его мировоззрение застыло в одной навсегда сложившейся форме; изменить его он не мог и потому был глубоко убежден, что обладает истиной... В записке, поданной императору Александру I 7 августа 1824 года, Фотий подаёт советы, уже совершенно неприличные служителю алтаря: «Непременно и немедленно нужно ныне выслать некоторых из столицы навсегда... При всяких случаях партизаны, грозя смертью и льстя тем, кои разрушают их замыслы, будут все сатанинские способы свои и козни изобретать, дабы как-нибудь им истребить преданных престолу и церкви...

«Лучше, — говорил он, — употребить грош на божье дело при жизни, чем оставить священникам, по духовному завещанию, столько золота, чтобы им можно было заполнить всё пространство между небом и землёй». Ведя аскетическую жизнь, Гус вовсе не указывал другим на физическое воздержание как на существенное средство спасения души. «Лучше, — говорил он, — унизиться перед низшим себя, нежели совершить богомолье с одного края земли до другого». Гус резко порицал духовных лиц, злоупотреблявших правом отлучения, и советовал им сначала отлучить самих себя от грехов и пороков... Помимо той высокой любви к истине, которая составляла главную черту, Гусом руководило при этом сознание, что весь вопрос именно и сводится к провозглашению им права личного убеждения, которое стоит выше всякого принудительного высшего авторитета» (из очерка М. Филиппова «Ян Гус, его жизнь и реформаторская деятельность», Россия, 1891 г.).

В записной книжке Николая Бердяева (1874 — 1948) отмечено: «Я ежечасно выношу страха и испуга и в жизни не испытывал их... Я верил всю жизнь, что божественная жизнь, жтзнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полет...»

«В 1968 году в Мемфисе, штат Техас, Мартин Лютер Кинг (1929 — 1968) был застрелен белым убийцей. За день до смерти, как будто предчувствуя такой конец, он произнес свою последнюю речь: «Я был на вершине горы. Я посмотрел вниз и увидел землю обетованную. Может быть, я не доберусь до нее вместе с вами, но я хочу, чтобы мы сегодня знали, что мы, народ, доберемся до земли обетованной. И поэтому я счастлив. Я ни о чем не беспокоюсь.

<p>А посему по всем обстоятельствам нужно теперь нечто решительно начатое доделать, но тихо, кротко, скрытно, впрочем, не без строгости и правосудия...» Фотий совершенно не понимал, что любовь к людям обязательна для христианина, и никогда не сожалел, что не исполняет эту первую христианскую обязанность» (из очерка В. Чижва «Психология фанатика. Фотий Спасский», Россия, 1905 г.).</p>	<p>Глаза мои видели славу грядущего Господа...» (из сборника «Великие мыслители XX века», Россия, 202 г.)</p>
--	---

- прямолинейность в действиях, нетерпение инакомыслия, деление на «своих» и «чужих», приравнивание последних к врагам общества и своим личным врагам;
- грубость, хамство и жестокость от неизжитой в тайниках души «психологии раба»;
- лицемерие и лживость несмотря на достижение исключительно высокого духовного или служебного положения;
- тщеславие и эгоизм, принимающие в атмосфере почитания исключительно изощренные формы.

«Желание поставить себя над другими можно удовлетворить и более сложными, более завуалированными способами, – отмечает доктор философии Валерий Сагатовский. – Но для всех людей этого типа – от какого-нибудь «короля» местного горсада до «вдохновенного» религиозного пророка – общим будет одно: прямо-таки истерическое желание выдвинуться и показать свою волю на «человеческом материале...» (из книги «Вселенная философа», СССР, 1972 г.).

Они и выдвигаются «на передовые позиции», эти «пророки» и революционеры, желающие вершить судьбами миллионов. «Причина такого явления очевидна, – констатирует Чезаре Ломброзо (1835–1909) в своем классическом труде «Гениальность и помешательство» (Италия, 1863 г.). – Подобные субъекты умеют уловить самые сокровенные оттенки идеи, оставшиеся незамеченными со стороны более мощных умов, и благодаря этому совершенно иначе осветить данное явление. И такая способность замечается у людей, не обладающих ни гением, ни талантом; они рассматривают предмет с новых, не замеченных другими точек зрения, а в практической жизни уклоняются от общепринятого образа действий. Любопытно проследить, с какой развязностью эти люди рассуждают, точно о простейших задачах механики, о самых сложных вопросах... но раз усвоив какие-нибудь верования, они уже держатся за них с несокрушимым упорством, исповедуют их горячо, не обращая внимания ни на какие препятствия и не мучаясь сомнениями, которые обуревают скептические, спокойные умы... Соедините же теперь непоколебимую, фанатическую преданность своим убеждениям, на какую способны помешанные, с прозорливостью и расчетливостью гения – и вы поймете, что такая сила во всякую эпоху может увлечь за собою невежественную толпу, которую, конечно, должны поражать подобные феномены... Вот почему из этих людей так часто выходят реформаторы».

Пожалуй, главная особенность «нового стиля мышления» в том, что еще до начала своей деятельности фанатик-революционер отвергает естественный ход вещей...

Напротив, сподвижник возделывает сад не для того, чтобы воспользоваться его плодами самому, но чтобы передать его цветущим и плодоносящим последующим поколениям, которые имеют право жить лучше и счастливее, чем жил он сам и его современники. Для сподвижника вообще характерны скрытый альтруизм, бескорыстие, доброта и... недюжинное мужество при защите своих идеалов.

Об этих лучших качествах сподвижника всегда хочется говорить конкретно – подобную летопись жизни замечательных людей хочется продолжать и продолжать:

- «Вместо того, чтобы по принципу других проповедников выхвалять перед своими

слушателями чудотворную силу образа Богоматери, действительность отпущения грехов, даруемого монастырем, Ульрих Цвингли (1484–1531) говорил им, что Христос – единственный посредник между Богом и людьми, что одна только вера может доставить им искупление. «Перестаньте же верить, – говорил он толпившимся вокруг него богомольцам, – что Бог присутствует в этом храме предпочтительнее, чем в другом месте. В каком бы уголке земли вы ни жили, Бог всегда находится вблизи вас; он окружает вас, он слушает вас, если ваша молитва заслуживает быть услышанной. Ни бесплодные обеты, ни далекие пилигримства, ни дары, предназначенные для украшения мертвых изображений, не привлекут на вас благодати Божьей. Сопровитвайтесь искушению, побеждайте свои греховные желания, избегайте несправедливости, поддерживайте несчастных и утешайте удрученных – только такими делами вы будете угодны Богу...» Как странно, как необычно звучали в таком месте подобные речи! Пилигримы слушали и качали головами; некоторые усомнились в правоте проповедника, но многие уходили глубоко потрясенными...» (из очерка Б. Порозовской «Ульрих Цвингли, его жизнь и реформаторская деятельность», Россия, 1892 г.).

• И. Тургенев в своей статье «Гамлет и Дон Кихот» (Россия, 1860 г.) так судит о герое Мигеля Сервантеса (1547–1616): «Дон Кихот весь проникнут преданностью идеалу, для которого он готов подвергнуться всем возможным лишениям, жертвовать жизнью. Самую жизнь он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины и справедливости на земле. Жить для себя, заботиться о себе Дон Кихот считал бы постыдным. Он весь живет (если можно так выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для противодействия враждебным человечеству силам – волшебникам, то есть притеснителям».

• «Бескорыстнее и честнее Виссариона Белинского (1811–1848) я не встречал ни одного человека в литературе в последние 20 лет. Когда речь заходила о плате за труд, он приходил в крайнее смущение, весь вспыхивал и сейчас же соглашался на всякие предложения, самые невыгодные для себя... Надобно было взглянуть на него также в те минуты, когда он писал что-нибудь, в чем принимал живое, горячее участие... Лицо и глаза его горели, перо с необыкновенной быстротой бегало по бумаге, он тяжело дышал и беспрестанно отбрасывал в сторону исписанный полулист... Но для того чтобы иметь о Белинском полное понятие, видеть его во всем блеске, надобно было навести разговор на те общественные предметы и вопросы, которые живо его затрагивали, и раздражить его противоречием; затронутый, он вдруг вырастал, слова его лились потоком, вся фигура дышала внутренней энергией и силой, голос по временам задыхался, все мускулы лица приходили в напряжение... В такие минуты этот обыкновенно застенчивый, робкий и неловкий человек был неузнаваем... Открытый и искренний по натуре Белинский не терпел никакой напыщенности, натянутости... Он сам признавался не раз: «Что делать? Я не умею говорить вполнину, не умею хитрить – это не в моей натуре...» Страсть Белинского, не имея другого выхода, вся сосредоточилась на литературе... Открытие всякого нового таланта было для него праздником» (из очерка И. Панаева «Воспоминание о Белинском», Россия, 1860 г.).

• «Живая легенда Нильс Бор (1885–1962) надолго запомнился своей «неподчеркнутостью»... Слышавший Великим, оказался Обыкновенным. Оказался или только показался? Что за странная доблесть – быть неотличимым от других?.. Нет, не в обыкновенности была покоряющая сила Бора, а в полной естественности, Это разные вещи. Бывает, что одну можно принять за другую, но часто они попросту несовместимы. Лишь истинной человеческой масштабности неизвестна проблема «быть или казаться». И потому естественность – одна из ее примет. И одна из ее наград: естественность делает человека свободным от множества вздорных условностей жизни. Естественность – свобода самопроявления личности. И в Боре все дышало этой свободой. Прежде остального – течение его мыслей. Иначе – то, что делало датчанина живым классиком естествознания и превращало в легенду. Его идеи... От новизны идей захватывало дух... «Пикассо-физикой» называли тогда духовное детище Бора – механику глубин материи... В декабре 1957 года он признался Руду Нильсену: «Квантовая теория больше не влечет меня к своим проблемам. Ныне первостепенная проблема – найти путь к предотвращению ядерной войны...» (из книги Д. Данина «Человек вертикали. Повествование о Нильсе Боре», СССР, 1975 г.). «Нильс Бор, создатель квантовой

теории атома, стал одним из неустанных борцов за запрещение атомного оружия... Борьбу за мир и безопасность народов Бор не прекращал до последнего дня своей жизни...» (из сборника Е. Лихтенштейна «Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты», СССР, 1981 г.).

Никто не скажет, почему сподвижник, подгоняемый своей беспокойной совестью, прежде всего видит несовершенство мира и не оставляет своих индивидуальных попыток его изменить. Изменить его к лучшему, даже под угрозой потери своего покоя и благосостояния. Кажется, его не смущает даже возможность неудачи. Симптоматично, что именно сподвижник, одиноко идущий по тернистому пути истины, написал первый роман-топию о «городе Солнца». Сподвижничество вообще не укладывается в прокрустово ложе здравого смысла, ибо представители этого рода-племени, приобретая несомненный моральный авторитет, не имеют реальной власти и, за редким исключением, нажитых богатств, – если идалго, то обязательно «обедневший» с невыплаченными долгами предков, если «философ», то обязательно с неоконченным высшим образованием по причине исключения из института. Да фанатизм подвижничества и не предусматривает ни власти, официальных чинов и наград, ни богатства или оставленной предками пожизненной ренты. Есть только одна фанатическая любовь к истине и осознание невозможности самой жизни без справедливой организации всех ее начал. Пример литературного идалго Дон Кихота достаточно заразителен. Нет, эпидемия «немотивированного альтруизма» нам, разумеется, не грозит. Но даже отдельные «клинические случаи» настолько ярки и впечатляющи, что могут привести в задумчивость последователей Здравого Смысла и охранителей Вековых Табу. Не дай нам Бог озаботиться встречным вопросом: а что, собственно говоря, охраняют последние. Определят ли мудрые эскулапы этот навязчивый «бред правды» как душевную болезнь личности или установка «думай, как положено, думай, как все» и есть самая болезненная «идефикс», характерная не для монолитного государства, а для «общества палаты № 6»? Светлые личности рождаются, между прочим, и для того, чтобы, жертвуя своим душевным покоем, позаботиться о душевном здоровье других. Они не мирятся с духовной посредственностью, они видят, как действительно погибает мир, задушенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Вот и поэт Николай Заболоцкий (1903–1958), лагерник во времена сталинских чисток, в своем последнем стихотворении (СССР, 1958 г.) ищет отнюдь не предвечного покоя:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Вот она и трудится... «Смерть в одном столетии, – говорил Дж. Бруно перед лицом инквизиции, – делает мыслителя бессмертным для будущих веков. Пусть сожгут меня, но не загородит мой труп тех путей, которые приведут человечество к светлому будущему!» Через т р и столетия, когда «лысенковцы» начали разгром генетики (а где была вочеловеченная сила прогресса?), о своем намерении стоять до конца заявил академик Николай Вавилов (1887–1943): «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не отречемся».

«Они, как языческие первосвященники, раздирают ризы свои, защищая падающую святыню свою», – пишет Александр Герцен в «Былом и думах» (1868 г.), а в другом месте тех же воспоминаний сравнивает их с непреклонными и неутомимыми каменщиками, возводящими фундамент нового здания и готовыми в труде своем на любые жертвы: «Когда им не доставало цемента, давали на него свою кровь».

Мало сказать, что такая вера непоколебима, она – альтруистична. Законами логики, проповедью о воздаянии по заслугам – ее не объяснишь. Такое бескорыстие, уже само по себе, есть признак мужественного благородства, ибо даже в последнюю минуту свою сподвижники из племени героев не могут сказать, что «общество большинства» ответило им тем же: «Ропот неодобрения и свист недоброжелателей сменяется гулом восторгов и восклицаниями восхищения, но авторы шедевров нередко были свидетелями только первой части драмы. Они уходили из жизни, не дождавшись конца «спектакля», поставленного временем по их

сценарию. Иногда смена принятия и отрицания, восторга и возмущения повторяется несколько раз» (Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Так почему они были готовы «начать все сызнова»?.. Нет, художник-творец не наивный мечтатель. Свою «утопию» он пишет не для одобрения «общества большинства». Он знает, что может рассчитывать только на самого себя. Но расстаться с жизнью для него легче, чем с совестью. Значит ли это, что легче и испить «чашу страданий» до дна?

«Жизнь тех, о ком мы пытаемся здесь рассказать, – пишет Р. Роллан в предисловии к «Жизни Бетховена» (Франция, 1903 г.), – почти всегда была непрерывным мученичеством; оттого ли, что трагическая судьба ковала души этих людей на наковальне физических и нравственных страданий, нищеты и недуга; или жизнь их была искалечена, а сердце разрывалось при виде неслыханных страданий и позора, которым подвергались их братья, – каждый день приносил им новое испытание; и если они стали великими своей стойкостью, то ведь они были столь же велики в своих несчастьях...»

Другим – на первый взгляд, парадоксальным – явлением той же фанатической любви к справедливости могут служить слова французского поэта-самоубийцы Жан-Пьера Дюпре (1930–1959): «У меня аллергия на эту планету». И тогда можно совершить прыжок в бездну... Нет, со смертью не шутят. Добровольный уход из жизни – это деяние смятенной, но бунтующей души. Иногда это бунт, превышающий по силе силу сопротивления общества. Вот только иногда не хватает сил, чтобы жить дальше... Говорят однако, что приготовленные к жертвенному служению не могут сами выбирать жребий свой. В лишениях, преследованиях властей и ненависти толпы рождается пророк, вступающий на предначертанный путь. «Мы ненавидим наше убожество, мы упорно идем из грязи... Из нашего уродства вырастает душа мира...» – слышал «визионерский» призыв Андрей Платонов (1899–1951), опальный писатель советской эпохи.

Почему «убожество мира» («а король то – голый!..») видят немногие? Правду с опозданием говорят-то как раз охотно, когда постфактум нельзя ничего изменить, когда опасность для говорящего миновала. «Гений среди тех немногих, – отмечает Николай Гончаренко, – которые высказывают истину вовремя: они говорят сегодня то, что другие скажут только завтра» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.). «Свобода молчать» для гения равнозначна «рабству молчания». Для него свобода мысли – не подвиг, а естественное состояние души, широкой и мятущейся, не признающей ограничений в своем самопознании мира. Да, эти гении-одиночки бывают непоняты и непонятны. Их ересь выжигают каленым железом, подвергают остракизму и заговору молчания. Но к своим ролям все действующие лица подходят заранее: одни – жертвы собственных идей, другие – исполнители карающей десницы. И во все-то времена топор палача работал, не зная отдыха! Ведь еретики обладают завидным упрямством. Они жертвуют всем, но отстаивают свое право на *безграничность познания*.

«Мудрые рождаются вне времени, и они не нуждаются в нем», – позволил себе столь же гордое, сколь и дерзкое высказывание древнееврейский философ Филон (ок. 20 до н. э. – ок. 50 н. э.).

Об избранничестве людей выдающихся, их особой роли в прогрессе человечества прямо говорил древнегреческий философ Исократ (436–338 до н. э.), утверждавший: «Люди великие и выдающиеся должны братья не за такие дела, которые может совершить обычный человек, а за те, которые не возьмется никто другой». Безжалостно благославляя на избранничество, философ как будто игнорировал великие тяготы предстоящего пути. Важнее для него был посыл «дара нездешнего» – дара, действительно, редкого, но от того еще более необходимого.

«Кто хочет невозможного, мне мил», – говорил Иоганн Гёте (1749–1832). Знаток того, как добиться реальных достижений, он, вероятно, открывал завесу со своего «второго Я» – бунтаря, не желавшего мириться с очевидным.

«Есть три непобедимые вещи: гений, доблесть, рождение», – провозгласил русский философ Петр Чаадаев (1794–1856). Рождение гения, поразившего мир своими доблестными начинаниями, есть трижды непобедимая вещь!

Оноре Бальзак (1799–1850) писал об «апостольском служении», «глубокой внутренней убежденности людей даровитых» (Франция, 1830 г.). «И каким бы миролюбивым, мягкостью,

уживчивостью и деликатностью ни обладала личность гения, – подчеркивает Николай Гончаренко, – он «обречен ниспровергать авторитеты, каноны, догмы, хотя и обветшалые, но глубоко вросшие в жизнь» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

В постижении феномена гениальности самое загадочное – в этом *обречен*. Единичный революционный акт мужества, мужества творить, не объяснит нам причины взрывного характера деятельности художника-творца («слом старого мира»), предшествующей его созидательной работе («рождение новых взглядов на мир»). Даже сопротивление толпы не смущает его, как не смущает и «грязь» черного труда. Его «самодостаточность» есть следствие убеждения в возможности выйти за пределы существующего, данного бытия и осознания своего потенциала, достаточного для того, чтобы совершить этот «великий переход». Отсюда истоки его нечеловеческого упорства, неисчерпаемости его творческих сил. И вдохновляющий пример укрепления духа для всех слабых и колеблющихся:

• «Пусть не слишком сетуют те, кому приходится тяжело: лучшие люди человечества разделяют их участь. Укрепимся их мужеством; а если у нас иссякнут силы, передохнем немного, положив голову им на колени. Они утешат нас... Мы не одиноки в борьбе. Тьма, простираясь над миром, прорезывается чудесными огнями... Если им и не удалось разогнать этот стусившийся сумрак, они указали нам путь вспышкой молнии. Пойдем же вслед за ними, вслед за всеми, что боролись, как они, в одиночку, разбросанные по всем странам, во всех веках. Уничтожим преграды времени. Воскресим племя героев...» (из эссе Р. Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.).

• «Да не унывает, да не падает духом отважный искатель истины! Пусть грозы и бури проносятся над его обездоленной головой. Пусть он голодает, пусть его локти, колени и сапоги в заплатах! Он всегда находится в самом избранном, самом изысканном обществе, перед которым тускнеет общество всех владык, всех императоров, королей и президентов. Его участь делят с ним великие вожди науки, которые уже прошли через строй тех же жизненных испытаний и теперь спокойно говорят ему: «Ты стоишь на верном пути! Не сдавайся! Борись так же, как боролись и мы, – до самой смерти! Твоя борьба – твой долг перед Родиной и человечеством. Стой на своем посту до конца!..» (из книги А. Чижевского «На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском», СССР, 1962 г.).

Преграды времени уничтожаются, если история народов остается *живой*: исторические примеры служат руководством к действию, а деяния современников дают повод для гордости и подражания идущим вослед. Тогда возникает дух сопричастности ко времени прошедшему и беспокойное неравнодушие к грядущим векам. Эпоха же, начавшаяся с нуля, обречена на забвение. И это справедливо: если для нее не существует прошлого, она недостойна иметь будущего. Ибо каким же образом непомнящие своего родства могут увидеть историческую перспективу? А, впрочем, нужна ли она им? Можно начать, «по программе», с нуля – и с него приумножать или взять, по той же «программе», только самое полезное и строить «светлое завтра» по тому же принципу, по какому рукотворно берутся «исправлять» природу. От евгеники растений и человека – к евгенике истории, той, которая *нужна*, сделана, как по заказу (слишком буквально воспринятый призыв: «Уничтожим преграды времени!»). На кого же обижаться, если родится монстр, новый Франкенштейн, созданный вроде бы «по образу и подобию своему», но без зачатков «мировой души»?

Даже ошибки и заблуждения должны передаваться новой эпохе, чтобы, обогатившись опытом предшествующих поколений, ее деяния не были «механистичны» и в ней всегда оставалось место «человеческому, слишком человеческому»! Рациональное звено, с помощью которого можно прийти к наивысшему прогрессу по кратчайшей прямой, скорее присуще алгоритму компьютера, а не государственному уложению, возникающему в результате компромисса между властью и ее подданными. Выскажем парадоксальную мысль: истинный прогресс, прорыв в светлое завтра, возможен только в тупиковой ситуации, при «стоянии на грани», когда общество «выстрадало» новые идеи, получив прививку к губительным соблазнам прошлого. По такому принципу совершается «инсайт открытия» в науке и искусстве. Почему бы этому принципу не соответствовать «инсайту прогресса» в жизни всего общества?

Так философы каждой эпохи обвиняют свое время в растлении и цинизме, – но связь времен не прерывается. Племя героев, разбросанное по всем векам и странам, воскресает в

своих новых представителей:

• «Я всегда счастлив, когда мне удастся преодолеть какую-либо трудность...»; «Я хотел бы прожить тысячу жизней... Я не создан для спокойной жизни»; «Высшим отличием человека является упорство в преодолении самых жестоких препятствий» (Л. ван Бетховен).

«Мне помощи не надо. Мне нужны враги. Пусть возражают, спорят, пытаются опровергнуть», – говорил Эварист Галуа. «Таков этот мужественный исследователь. Видно, справедливо сказано, что цена человека измеряется калибром его врагов. А он искал их, он жаждал борьбы. Это было для него лучше, чем равнодушие...» (из книги А. Сухотина «Парадоксы науки», СССР, 1978 г.).

«Если ведешь войну с сильными мира сего, смешно жаловаться на удары, которые они тебе наносят, и неловко предоставлять им случай проявить свое великодушие, смягчая удары» (П. Беранже).

«Мне нужны не судьи, а ученики... Если мои предложения будут отвергнуты повсюду, то я все же надеюсь найти для себя спокойный уголок. Под покровом своей добросовестности, свободной от упреков совести, я соберу около себя частицу человечества, того человечества, которому я хотел быть полезным в более широких размерах, и тогда придет пора ни у кого, кроме самого себя, не спрашивать совета, как поступать...» (Ф. Месмер).

«Мы, наученные историей, должны быть мужественней и не прекращать своей деятельности от неудач. Надо искать их причины и устранять их...» (К. Циолковский).

«Вступивши в строй, стоя у бреши, нельзя покидать своего знамени. Сознавая даже недостаточность своих сил, нужно бороться до конца» (А. Серов).

«На том стою и не могу иначе!..» (М. Лютер).

«Это были люди, – констатирует Исаак Д'Израэли, – которых ни насилие, ни воспитание не могли свернуть с дороги к величию» (из трактата «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). Однако феномен несокрушимости их воли нельзя объяснить простым сложением всех видимых «физических влияний». Иногда для его проявления требуются десятилетия – та завершенная эпоха, когда художник-творец поставит последнюю точку, и только племени младому, незнакомому станет, наконец, понятен *подтекст* : «Наполеон, Людовик XIV, Тиберий, самые неистовые властители и самые прочные установления меркнут рядом с писателем, который, возвышаясь над ними, становится эхом своего века» (О. Бальзак, 1844 г.).

«Какое завоевание может сравниться с этим? – восклицает Ромен Роллан (1866–1944) в эссе «Жизнь Бетховена» (Франция, 1903 г.). – Какая битва Бонапарта, какое солнце Аустерлица могут поспорить в славе с этим сверхчеловеческим трудом, с этой победой, самой сияющей из всех, которую когда-либо одерживал дух? Страдалец, нищий, немощный, одинокий, живое воплощение горя, он, которому мир отказывает в радостях, сам творит Радость, дабы подарить ее миру...»

Речь идет об оде «К Радости» из Девятой симфонии Л. Бетховена (1824 г.). Казалось бы, Р. Роллан пишет о царстве грез, о чем-то надматериальном, об отстраненном – о воздействии симфонической музыки – и выходит на деяния человеческие в *историческом масштабе* . Не слишком ли много для консерваторского труда? Нет, отвечал сам автор симфонии, Людвиг ван Бетховен (1770–1827), и, осознавая силу своего влияния, заходил даже очень далеко: «Короли, принцы могут, заводят себе наставников, ученых и тайных советников, могут осыпать их почестями и орденами, но они не могут создавать великих людей, таких людей, чей дух поднимался бы выше этого великосветского навоза...» (из письма к Беттине фон Арним, Германия, апрель 1812 г.). «Не буду ничего говорить Вам о наших монархах и об их монархиях, – пишет он Кауке во время Венского конгресса (1815 г.), в дни апогея его, бетховеновской, славы. – Что до меня, то царство духа мне дороже всех иных, это высшая из всех империй светских и церковных...»

Бетховен не оспаривал тот очевидный факт, что он не является историческим героем *прямого действия* . Чтобы стать эхом своего века, он должен был четко видеть перспективу, размываемую как раз временным фактором. Магический кристалл, через который вглядываются в будущее, не претендует на чистоту зеркального отражения. Образы грядущего, как призраки-фантомы, едва различимы. Что воплощается в них из прошлого? Завеса времени

окутывает деяния исторических лиц, которые есть только отзвуки уходящей эпохи. Отзвучавшее уходит в небытие. Таков жребий завоевателя/реформатора/революционера, но это не жребий художника-творца! Нет, Бетховен не желал себе быть господином *настоящего* момента. Для творчества своего, не привязанного к триумфу военной силы или годовщине августейшего царствования, он не хотел никаких ограничений и знал, не мог не знать, что оно преодолеет все местные и временные наложения. Творчество не от времени сего. «Мое царство – там, в эфире», – признавался он в письме к Францу фон Брунsvику. Именно там, в горных вершинах, эхо, способное продлиться в своем многократном повторении, обретает свойство вечного, не замирающего отзвука...

Князь-литератор Петр Вяземский (1792–1878) говорил уже не об *эхе* или отблеске своего века. Славу *писателя, а не правителя* считал он залогом «священной гордости народной», и в рядовом, казалось бы, обзоре жизни и творчества поэта И.И. Дмитриева решился на смелые, далеко идущие обобщения: «Имена хороших правителей, если события необыкновенные не возносят их на степень высшую, с коей могут они подействовать непосредственно на жребий государства и заготовить себе место в истории народа, должны довольствоваться и пользою, и молвою временной; имена хороших писателей, не затмеваемые блеском событий временных, разливающие сияние благодетельное на эпохи бледные и скудные, всегда сохраняются признательно у народов просвещенных как лучшее их достояние, как неотъемлемая собственность! Слава писателей, залог священный, вверенный гордости народной, может истребиться только вместе с нею в народе, униженном пороками правительства, или под бременем собственного разврата, уронившего величие предков» (из статьи «Известие о жизни и сочинениях И.И. Дмитриева», Россия, 1821 г.).

О тленности овеществленного мира, создаваемого «властителями подданных» и, в противовес ему, бессмертных деяниях «властителей умов» напоминал и крупнейший средневековый поэт Востока Джами (1414–1492):

Смотри: дворцы превращены в руины,
Ушли в оковах гнева властелины.
От их дворцов не сыщешь ты следа,
А письма певцов живут всегда.
Где крыши тех дворцов, где основанья?
Остались лишь певцов повествования.
Нет памятника на путях земных
Прочней, чем слово прозы или стих.

А если отблеск, бросаемый писателем на свой век, делает честь не писателю, а веку? Наблюдается как бы обратный процесс: в эпохи бледные и скудные слава писателя идет впереди своего времени. Так думал Николай Карамзин (1766–1826), позднее ставший «первым историографом России». На весах истории он рассматривал *личные качества* повествователя и *самые прочные установления* государства им описываемого, – и находил, что деяния первого иногда заслуживают большей признательности потомства! Такую «крамольную» мысль он, действительно, однажды высказал – в стихотворении «Тацит» (Россия, 1798 г.), во времена неустойчивых павловских реформ:

Тацит велик;
Но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?

Вот так высоко оценивали литературный труд русские интеллигенты 19-го века! Понятно, что слово «писатель» взято здесь в собирательном значении. Точнее говорить об «универсальном гении», который продолжает работать, продолжает творить, преданный благородной идее, до самого последнего своего дня. Однако выразителем своего времени, затмившим славу первых правителей и непобедимых завоевателей, его делает нечто большее, чем примерные качества кабинетного спеца. «Гений, – отмечает Джек Лондон (1876–1916), –

отбрасывает в сторону все оковы и предрассудки, его не обуздать, не удержать в подчинении» (из статьи «О писательской философии жизни», США, 1899 г.). Это уже, как отмечено выше, вызов общественному мнению, идейная конфронтация с умеренным благоразумно мыслящим большинством – конфронтация, быть может, даже более энергичная, сверх достаточности, чем вынужденная борьба за выживание, когда на «энергию поглощения» творческая «единица» отвечает «энергией отталкивания»! Как подчеркивает российский философ Николай Бердяев (1874–1948), это есть просветленное творчество на острие борьбы, ибо «талант связан с послушанием, гениальность же – с дерзновением; в судьбе гениальности есть святость жертвенности, ибо гениальность трагична» (из книги «Смысл творчества», Россия, 1916 г.). В итоговой работе «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (изд. 1949 г.) Н. Бердяев возвращается к этой важной для него теме и развивает ее до «рокового» исхода: «Гениальность – по существу, трагична, она не вмещается в «мире» и не принимается «миром»... В гениальности всегда есть какое-то неудачничество перед судом «мира», почти ненужность для «мира»... Творчество, раскрывающееся в гениальности, обрекает на гибель в этом мире... Поэтому гениальная жизнь есть жертвенный подвиг».

Жертвенный подвиг и его трагичность, пожалуй, в том, что время для беспристрастной оценки творческого труда еще не пришло, но художник–творец не имеет привилегии «ждать лучших времен». Писатель не может не писать, художник – не держать в руках кисть, естествоиспытатель – не ставить опыты. На весах жизни: а) творческое самовыражение в спартанских условиях, без благ и привилегий и б) все блага и материальные привилегии, но без условий (возможности) заниматься творчеством. Если третьего не дано (разумеется, хорошо бы не делать предпочтения и все смешать «в один общий котел»), то для художника-творца весомее покажется... чаша под литерой «а»! Это, кстати, будет и его тестовой проверкой на «вхождение в творчество», когда «единственной целью и главной радостью является постижение или созидание». Отмечая явное предпочтение («единственная цель»), как-то не хочется говорить о фанатизме, ибо вполне оправданное желание «расширить зону творческого поиска» диктует совершенно осознанную необходимость ограничения в других сферах деятельности. Значит «фанатик» оказывается «прагматиком», для которого, самой весомой становится «чаша под литерой «а»! «Если субъект вынужден отказаться от удовлетворения некоторых потребностей, – отмечает психотерапевт Владимир Ротенберг, – если за счет этого зона поисковой активности поневоле оказывается суженной, то компенсаторно может усиливаться поиск в творчестве...» (из статьи «Психофизиологические аспекты изучения творчества», СССР, 1982 г.).

Таким образом, интуитивное в творчестве начинается с режима жизни художника-творца, ведь этой интуицией он ему и подсказан (под влиянием «пирамиды не-творчества» он начинает вести *иной* образ жизни, когда весомее становится «чаша под литерой «б», но можно ли тогда говорить о самом творчестве?). По своей воле или в силу обстоятельств художник-творец начинает жить как убежденный аскет: была бы Великая Достойная Цель, – и все «радости жизни», встречающиеся на пути к Ней, теперь воспринимаются им как досадное отвлечение от созидательного труда!

Логика вхождения в творчество, в принципе, понятна. Но «что-то здесь от парадоксов не-евклидовой геометрии или «нестыковок» релятивистской физики», когда «дальнее» становится «кратчайшим», а «невесомое» перевешивает «материальное». И никакие законы ньютоновской механики (что, опять Давид против Голиафа? а как насчет физического соотношения сил?) не объяснят того, почему стихийная «энергия заблуждения» оказывается самым неиссякаемым источником вдохновения! Какая-то «не-евклидова физика»... Для мистического состояния сознания творческий процесс слишком продолжителен. «Мгновения счастья» и «муки творчества» требуют многодневного настроения, порой длящегося годами. Помимо увлечения образом и смыслом идеи здесь присутствуют и сознательная воля, и мужество противостояния «обществу большинства». Американский психоаналитик Ролло Мэй (1909–1994) поднимает уровень конфронтации еще выше. «Истинное творчество требует бесконечной отваги, – пишет он в книге «Мужество творить» (русский изд. 2008 г.). – На протяжении веков истинно творческие личности *всегда бросали вызов богам* ».

Со сгоревшим метеором (или падшим ангелом) творца произведений сравнивали и

раньше. Но то было движение с небес на землю. А что же «ничтожнейший из всех ничтожных мира сего» и вдруг услышавший «нездешнюю песнь»? Разве он не чувствует в себе силы воспарить к горным вершинам? Что-то неудержимое толкает его вперед. Джек Лондон (1876–1916) сравнивал людей творческих с блестящими носителями искрометного огня и отмечал их «запрограммированность» на весь отмеренный срок – «они так устроены, что не могут не говорить даже тогда, когда кругом все заткнули уши и рушатся небеса» (из статьи «Первая помощь начинающим авторам», США, 1899 г.).

«Если я не пишу, то мучаюсь и тоскую... Жить и писать я перестану сразу», – свидетельствовал Франческо Петрарка (1304–1374) о «безальтернативности» избранного пути. Так стоит ли загадывать век, особенно благоприятствующий для людей талантливых, и отвергать все века остальные, где наблюдается засилие «общества большинства»? «Творческая сила, врожденная гению, никогда и никакими обстоятельствами не может быть выжита из души человека», – отвечал пессимистам английский литератор Исаак Д'Израэли (1795 г.). Из этой аксиомы кабинетного мудреца Иван Тургенев (1818–1883) вывел «вневременной» афоризм: «Непризнанных гениев нет – так же, как нет заслуг, переживающих свою урочную череду» (1869 г.).

Оптимистичен в своих выводах и российский психолог Николай Гончаренко: «Гениев, «выпавших» из своего времени, не существует. Он может что-то изобрести не ко времени, но это тоже будет «в духе» его времени... Обобщая прошлое, он выражает потребность своего времени и запрос будущего» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Наконец, всей деятельностью своей он приближает *время художников*. Пусть время это (согласимся хотя бы на период) не будет отличаться большой продолжительностью, но такой «золотой век», благоприятствующий зарождению и развитию творческих идей, обязательно *должен быть*. Психолог Томас Манро указывает даже на *периодичность* его прихода и расцвета при том, однако, обязательном условии, что все нижеследующие предпосылки должны сочетаться и проявляться одновременно:

- наличие врожденных потенциальных гениев;
- наличие средств и условий, которые бы соответствовали применению и направлению их свободной энергии в определенную художественную сферу;
- формирование учреждений, способных дать им профессиональное обучение и некоторые знания художественного наследства в изучаемой области;
- деятельность других личностей, обладающих вкусом, властью и волей оценить их художественные достоинства и помочь им завоевать широкое признание (по книге Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Подчеркнем, все эти факторы должны сочетаться и проявляться одновременно, а периодичность возникновения творческих эпох есть свидетельство их прерывности и не менее периодического отката назад, в эпоху «интеллектуального средневековья». Спасает то, что художник-творец не ждет лучших времен. У него свои, внутренние, часы и вообще особые отношения со временем.

Для гения «будущее» всегда в вечном «настоящем»: «главная его роль заключается всегда в создании стержневых, не знающих временных границ идей, связующих исторические периоды» (Н. Гончаренко, 1991 г.). Только ему, гению, дало ощутить *энергию времени*, почувствовать время как осязающую пространственную реальность, увидеть в одной плоскости обзора галерею исторических периодов. Именно как очевидец вечности Сальвадор Дали, например, утверждал: «Через века мы с Леонардо да Винчи протягиваем друг другу руки». Разве он шутил? Он всерьез полагал, что гений видит *через* время, что такова привилегия гения – быть со временем «на ты», даже брать на себя роль его творца. Неудовлетворенный завесой настоящего, он хотел бы ускорить его ход. Он хотел бы вступить с ним в борьбу, чтобы нарушить размеренную поступь его мгновений. И тем яростнее он ощущает сопротивление самого времени. Оно все проверяет на прочность, не допуская анархии в системе своего уложения, но давая художнику-творцу шанс на качественную переоценку повседневности – обогатить бытие образами большой художественной силы, генерировать идеи, не знающие временных границ. Однако оно не «светлое» и не «темное» для оценки результатов труда. Не во власти современников определять его «цвет», навязывая свои ранги заслуг и достижений. Но

заслугой человека творческого следует признать само его мужество творить, мужество изменять этот мир к лучшему. Речь идет о творчестве, самом «выпеваемомся» из души и прекращаемом только вместе с последними мгновениями жизни...

Блок информации второй **«Гении творят, пока живут. Гении живут, пока творят!..»**

I

«Позорно отчаиваться в том, чего можешь достичь...» (философ Лоренцо Валла, Италия, 15 в.). «Смелчаки способны только на один порыв. Храбрецы обладают лишь темпераментом; мужественные – лишь доблестью; упорствующий в истине обладает величием. Почти весь секрет великих душ заключается в этом слове: настойчивость. Настойчивость для мужества то же, что плечо для рычага; это постоянно возобновляющаяся точка опоры» (писатель и поэт В. Гюго Франция, 19-й в.). «Нужны не только оригинальные идеи, столь же нужны и люди, готовые их отстаивать. Им предназначено идти наперекор всему сложившемуся строю мысли, часто выступать в одиночестве вопреки большинству. Вот почему это должны быть не только мыслители, но и характеры, не боящиеся лишений и жертв» (А. Сухотин «Парадоксы науки», СССР, 1978 г.). «Это – щедрые натуры, которые, не имея понятия о людской низости, в упоении стремятся вперед, с завидной целью восхищать мир или составить его счастье. Мы узнаем из собственных признаний гениальных людей, что в юности своей они строили самые возвышенные и неосуществимые планы.» (И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «Во всех профессиях есть подлинные художники, и они обладают непобедимым самолюбием, художественным чутьем, несокрушимой стойкостью...» (О. Бальзак «Этюд о Бейле», Франция, 1840 г.). «Изучая биографии известных людей, мы пришли к выводу, что сценарий достижения успеха примерно одинаков. Многие из знаменитостей встречали в начале своей карьеры неприятие и непонимание, но продолжали упорно идти к своей цели, преодолевая трудности, переживая порой жестокие депрессии. Нужно обладать стойкостью и верой в себя, в свое призвание, чтобы противостоять непониманию, развивать свои способности даже при неблагоприятном стечении обстоятельств. Великие в буквальном смысле лепили себя сами, творили собственный образ, собственный стиль в творчестве, искали пути решения намеченных задач... Даже в тех случаях, когда жизнь явно показывает, что им не по плечу какое-либо дело, они добиваются желаемого во что бы то ни стало. Можно назвать их поведение по-разному: упрямством из духа противоречия, настойчивостью или высшей концентрацией воли и сил...» (Т. Иванюк «Творчество и личность», Россия, 2006 г.).

II

«Многие творцы в течение всей жизни не встречали ничего, кроме жесткой критики или насмешек над своими творениями, но тем не менее навязчиво (вопреки здравому смыслу) продолжали свое творчество» (А. Шувалов «Безумные грани таланта: Энциклопедия патографий», Россия, 2004 г.). «Гонения на мысли и мнения не только не в силах оные истребить, но и укоренят их и распространят...» (мыслитель А. Радищев, Россия, 18–19 вв.). «Ничто не могло остановить гениев на пути познания – ни сложность задачи, не политические догадки, ни козни тех, кто держал монополию на истину, ни всевозможные табу и запреты тех, кто считал господствующий кодекс веры и знаний высшим воплощением истины, данным всем навеки, и рассматривал попытки усомниться в этом строго наказуемой ересью. Они решительно открывали двери в незнаемое, перед которыми другие останавливались в нерешительности... Необходимость довольствоваться относительной истиной не ослабляла их желания двигаться к абсолютной...» (Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.). «Творческая личность не сворачивает с избранного пути достойного творчества. Не позволяет чувство

долга... Чтобы «быть в творчестве», надо уметь бороться, уметь воевать. Воинами не рождаются – жизнь заставляет... Творчество – это война. Тяжелая война... И жизнь героя трагична. Но это оптимистическая трагедия – осознанная необходимость и сознательно принятая роль. Нельзя родиться героем, но в силах человека, в его и только в его личной власти им стать. Если человек увидел большую «еретическую» цель, значит, первый шаг на пути к этому он уже сделал. Отпугивает ли человека знание трагизма существования? Нет – подготовит! Сделает менее уязвимым, позволит вовремя начать подготовку к отражению грядущих «ударов судьбы», заставит не терять зря время. Карта рифов и мелей не ослабляет, а укрепляет позиции капитана...» (И. Верткин «Бороться и искать... О качествах творческой личности», СССР, 1988 г.). «В процессе творчества, когда единственной целью и главной радостью является постижение или созидание, никакие неудачи не являются настолько психотравмирующими, чтобы заставить прекратить поиск, ибо отрицательный результат – это тоже результат, и он означает только, что необходимо расширить зону поиска... Если субъект вынужден отказаться от удовлетворения некоторых потребностей, если за счет этого зона поисковой активности по воле оказывается суженной, то компенсаторно может усилиться поиск в творчестве... Ориентация на творчество может быть воспитана с самых ранних лет...» (В. Ротенберг «Психофизиологические аспекты изучения творчества», СССР, 1982 г.). «Борьба нужна гению, как огранка алмазу, чтобы он засверкал всеми своими гранями... И хотя некоторые гении по ряду причин не раскрыли целиком свой потенциал, все же в большинстве случаев они брали верх над судьбой, в борьбе с собой и выходили победителями. Они лучше чувствуют ситуацию, точнее предвидят ход событий, у них больше веры в себя и в других, а иногда терпения и готовности нести жертвы» (Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Мир науки

«Жизненная идея должна иметь запас прочности и уметь постоять за себя собственным содержанием. Опирается ведь можно лишь на то, что оказывает сопротивление... Поэтому приходится согласиться, что пробным камнем выдвигаемой теории является ее способность выдержать не просто критику, но более сильные бури – осмеяние, преследование и даже войну на уничтожение» (А. Сухотин «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.). «Да не унывает, да не падает духом отважный искатель истины! Пусть грозы и бури проносятся над его обездоленной головой. Пусть он голодает, пусть его локти, колени и сапоги в заплатах! Он всегда находится в самом избранном, самом изысканном обществе, перед которым тускнеет общество всех владык, всех императоров, королей и президентов. Его участь делят с ним великие вожди науки, которые уже прошли через строй тех же жизненных испытаний и теперь спокойно говорят ему: «Ты стоишь на верном пути! Не сдавайся! Борись так же, как боролись и мы, – до самой смерти! Твоя борьба – твой долг перед родиной и человечеством. Стой на своем посту до конца!...» (А. Чижевский «На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском», СССР, 1962 г.).

Ученые-космисты

• «Характер рисует узор судьбы. Николай Коперник (1473–1543) весь в себе. Не искал сторонников, не рвался в спор. Однако, если спор возникал, без пафоса, жеста и позы, с непоколебимым упорством стоял он на своем, и даже страстные уговоры, как волны о скалу, разбивались о его немногословную тяжелую убежденность. Он мало интересовался мнениями других. Одинаково улыбался, когда хвалили и когда порицали, и в улыбке этой было какое-то презрительное равнодушие. Никогда не стремился пропагандировать свои идеи, обрести единомышленников, привлечь учеников. Но в то же время он, вовсе не скрытный, начисто лишен всяких суетных страхов по поводу возможного непризнания его приоритета... Лет за тридцать до издания своей великой книги он рассылает в разные страны рукописные копии своеобразного конспекта будущего сочинения «Николая Коперника о гипотезах, относящихся к небесным движениям, краткий комментарий». Он был уже стар, когда решил напечатать

главный труд своей жизни. Никаких сомнений в своей правоте у него не было. Он писал со спокойным достоинством: «Многие другие ученые и замечательные люди утверждали, что страх не должен удерживать меня от издания книги на пользу всех математиков. Чем нелепее кажется большинству мое учение о движении Земли в настоящую минуту, тем сильнее будет удивление и благодарность, когда вследствие издания моей книги увидят, как всякая тень нелепости устраняется наияснейшими доказательствами...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

• «Джордано Бруно (1548–1600) не устал повторять, что нет и не может быть философской системы, которая бы имела право на обладание полной Истиной... В конце января 1600 года в сопровождении палача Д. Бруно доставили к порогу церкви Святой Агнессы... Его поставили на колени и зачитали приговор: «Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брат Джордано Бруно, нераскаившийся, упорным и непреклонным еретиком. Посему ты подлежишь всем осуждениям церкви и карам, согласно святым канонам, законам и установлениям...» Долго длилось чтение приговора, а когда оно закончилось, Д. Бруно поднялся с колен и сказал: «Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю!» А потом добавил: «Сжечь – не значит опровергнуть!» Несколько дней судьи ждали, что он устрасится и запросит пощады, но он не отрекся от своего учения... Немного лицемерия, и «он был бы спасен от стольких мук...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.). «Дж. Бруно органически не мог кривить душой, предательство своих убеждений было для него страшнее смерти, и, когда он был поставлен перед дилеммой: отречение или смерть, он после тяжких раздумий выбрал все-таки смерть. Выбрал не из гордости, не из фанатичного упрямства, а лишь из убеждений, что покаяние перечеркивает все труды его жизни, что отречение – это тоже гибель, но гибель уже бессмысленная. Ведь он сам писал, что «смерть в одном столетии дарует жизнь во всех грядущих веках». И оказался прав: на площади Цветов люди поставили памятник, на котором написано: «Джордано Бруно от века, который он предвидел...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых» СССР, 1976 г.).

• «Открытие законов обращения планет потребовало от Иоганна Кеплера (1571–1630) многих лет упорной и напряженной работы. Кеплеру, терпевшему гонения и со стороны католических правителей, которым он служил, и со стороны единоверцев-лютеран, не все догмы которых он мог принять, приходится много переезжать. Прага, Линц, Ульм, Саган – неполный список городов, в которых он трудился...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «В 1611 году Кеплер лишился троих детей, жена его помешалась. Все это угнетало великого астронома, но не омрачало его светлого ума, уносившегося при всех жизненных невзгодах в небесные сферы...» (из книги Соловьева-Несмелова «Гении-изобретатели и люди труда», Россия, 1908 г.). «Человечество преклоняется перед подвигом И. Кеплера. Он жил и творил в эпоху, когда еще не было уверенности в том, что имеются некоторые общие для небесных явлений регулярности. Но ученого вело убеждение в их существовании... Оценивая заслуги И. Кеплера, А. Эйнштейн с восхищением отмечал: «Какой глубокой была у него вера в такую закономерность, если, работая в одиночестве, никем не поддерживаемый и не понятый, он на протяжении многих десятков лет черпал в ней силы для трудного и кропотливого эмпирического исследования движения планет и математических законов этого движения!»...» (из книги А. Сухотина «Парадоксы науки», СССР, 1978 г.).

• «В своих мечтах и творениях Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935) был бунтарем, непокорным и непокоренным; независимым и храбрым до безумства. Чтобы бросить в мир столько смелых и новых идей и истин, надо обладать великой дерзостью мысли... Свой талант ученого он ценил недорого, но был твердо убежден, что делает большое, хотя и не понятное современникам дело. «Меня могли бы оценить через 100–200 лет, – говорил он, – но к тому времени меня забудут. Но все равно: я не имею права отступать и оставить свои мысли втуне. Пусть все сегодня смеются надо мной, но если меня ценят несколько человек во всем мире – это уже хорошо. Тогда у меня есть надежда добраться до будущего века...»...» (из книги А. Чижевского «На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском, СССР, 1962 г.). Шестнадцати лет едет в Москву (1873 г.) за знаниями полуглухой Константин Циолковский. Три года целенаправленного штудирования высшей математики, механики, физики, химии. Цель – вывести человечество в космос. Не прошло еще и 20-ти лет после отмены в России

крепостного права, самолет братьев Райт стартует только через 30 лет, а длинноволосый (стричься некогда!) юноша в дырявых заляпанных штанах (следы химических экспериментов), питающийся только хлебом и водой (на еду – 3 копейки в день, остальные деньги из 15-рублевого отцовского довольствия идут на физические приборы, книги, химикалии), мечтает достичь других планет, ищет реальные пути завоевания мирового пространства... Позднее К. Циолковский большую часть своей скромной зарплаты учителя тратил на покупку материалов и приборов для своих экспериментов, а также на издание своих работ...» (из книги Н. Петровича и В. Цурикова «Путь к изобретению», СССР, 1986 г.). «Отказов и хулильных отзывов, которые К. Циолковский получал на свои статьи, хватило бы и на десятерых. Их было вполне достаточно для того, чтобы эти десятеро забросили все свои проекты. Циолковский не забросил. «Мы, наученные историей, должны быть мужественней и не прекращать своей деятельности от неудач, – писал он. – Надо искать их причины и устранять их»... Он не боялся мечтать, и масштабы его умственных построений не пугали его. Он не пригибался в своих мечтах, не опасался, что они ударятся о низкий потолок его калужской светелки...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.). «Циолковский первым строго научно показывает, что человек взлетит к звездам только в ракете. Работы по конструкции ракет, по расчету динамики полета в безвоздушном пространстве, по защите космонавтов, научно-популярные статьи и фантастические повести – все шло от юношеской мечты. И эти труды проложили космическую дорогу...» (из книги Н. Петровича и В. Цурикова «Путь к изобретению», СССР, 1986 г.). «Циолковскому понадобилось более полувека, чтобы его идеи еще при его жизни начали получать общее признание и стали пробивать путь к практическому внедрению... Как ни старались недруги К.Э. Циолковского еще при жизни похоронить его имя в заговоре молчания, оно выбилось к свету, подобно тому как живая трава пробивается к жизни, минуя камень, как поднимается вверх, к Солнцу, побег лозы на перекопанном винограднике...» (из книги А. Чижевского «На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском», СССР, 1962 г.).

• «Удивительным человеком был Фридрих Цандер (1887–1933)... Слыша отца, который рассказывал вечерами о звездах и планетах, Фридрих думал о черных безднах, разделяющих звезды, о множестве иных миров... У других людей жизнь заслоняет собой все эти мысли, а у Цандера мысли эти заслонили всю его жизнь... Он отлично окончил реальное училище и поступил в политехнический институт, так как уже сделал свой выбор и хотел получить знания, которые приблизили бы его к звездам. На первые скопленные деньги Фридрих купил астрономическую трубу и каждый день теперь нетерпеливо, как влюбленный, ждал часа своего свидания с небом. В те годы, когда Сережа Королев учился ходить в тесной киевской квартире, он уже организовал студенческое Общество воздухоплавания и техники полета и начал первые, еще очень робкие расчеты газовых струй... В 1915 году война переселила его в Москву. Теперь он занимается только полетом в космос. Нет, конечно, помимо этого, он работает на авиазаводе «Мотор», что-то делает, считает, чертит, но все мысли его в космосе. Ослепленный своими мечтами, он уверен, что убедит других, многих, всех в острой необходимости межпланетного полета. Он открывает перед людьми фантастическую картину, однажды открывшуюся ему, мальчику... Один крупный инженер вспоминает: «Он рассказывал о межпланетных полетах так, как будто у него в кармане ключ от ворот космодрома». Да, ему нельзя не верить. И люди верят ему... Он голодал, когда делал расчеты крылатой машины, которая смогла бы унести человека за пределы атмосферы. Работа эта так поглотила его, что он ушел с завода и 13 месяцев занимался своим межпланетным кораблем. Совершенно не было денег. Но, к счастью, среди людей, которым он рассказывал о звездах, были и такие, которые не хотели считать его сумасшедшим... В отличие от Циолковского Цандер не только не избегал практической работы в этой области, а стал, по существу, первым в нашей стране человеком, предпринявшим практические шаги для превращения космонавтики в науку прикладную. В 1967 году академик А.А. Благонравов сказал: «Труды Цандера до сих пор являются такими работами, в которых исследователи и конструкторы находят возможность черпать новые для себя идеи. Его наследие до сих пор помогает заглянуть вперед, использовать то, что он писал, о чем думал, для дальнейшего развития ракетной техники» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

• «Мы, современники Сергея Королева (1906/07–1966) прошли слишком малую дистанцию от того времени, в котором творил, мечтал и достигал цели, казалось, в непостижимом этот гигант, чтобы во всем величии оценить его гениальность и все содеянное им. Чем больше человечество будет удаляться в будущее от первой половины 20-го века, тем ощутимее будут вырисовываться величие С.П. Королева и его первые космические ракеты, в которых материализовались мечты человечества: оторваться от Земли, выйти за ее пределы... От планера и до космических ракет с человеком на борту – таков путь Сергея Павловича Королева. Его пройти можно было, только опираясь на всю сумму знаний, накопленных человечеством, и при этом до самозабвенности увлекаясь проблемами, материальная сущность которых для окружающих была столь же призрачна, как и нереальна, – конец этого бесконечно трудного пути в неизвестное видел лишь один человек – С.П. Королев. Но он к тому же не только видел, но и знал, физически представляя все средства и способы достижения цели... Своему увлечению, основанному на глубоком чувстве, гармонично сочетавшемся с вихрем до этого выработанных человеческих знаний, С.П. Королев посвятил всю жизнь, и ни разу, ни в одном случае, какие бы ни встречались превратности на пути, он не изменил ему и этим превзошел, пожалуй, многих, а может быть, и всех увлекавшихся проблемами, менявшими судьбы человеческого общества...» (из статьи Н. Шило «Чувство в искусстве и науке», СССР, 1982 г.) «...Иногда казалось, что он чем-то недоволен, озабочен. Он и был озабочен, когда смотрел на небо. Там, в небе, была его работа. Когда из солнечного кома огня поднималась космическая ракета, он не был сторонним наблюдателем. В эти короткие секунды укладывалась вся жизнь его, страсть его, боль неудач и восторг перед мощью человека, и горячая волна благодарности людям – вот этим, которые тут, рядом, и которые далеко, и радость до щекотки в горле оттого, что люди эти дали ему и себе это счастье – счастье победы...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

Врачи, ботаники, биологи

«Многое, казавшееся сначала нелепым, получает потом оправдание и повсеместно входит в лечебную практику. Вся беда в том, что обычно новое встречает в медицине сильное противодействие. Конечно, под напором времени оно падет, но провести свою запретительную работу успеваешь. Еще хуже, когда новаторы в бессилии опускали руки перед стеной равнодушия и вражды. Хорошо, что и Г. Илизаров, и С. Федоров при характере. А попади душою не столь огнеупорен, и не видать бы нам чудес ни «слесарной» медицины, ни «анти-физиологичных» операций...» (А. Сухотин «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

• «Опровергнув представления Галена, Уильям Гарвей (1578–1657) подвергся критике со стороны современных ему ученых и церкви. Противники теории циркуляции крови в Англии называли ее автора оскорбительным для врача именем «циркулятор». Это латинское слово переводится как «странствующий знахарь», «шарлатан»...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.). «Многолетние гонения не сломили Гарвея. Он снова рискнул опровергнуть общепринятые мнения. В то время ученые допускали возможность самозарождения живых организмов из неживого – лягушек из ила, червей из грязи и пр... В 1651 году вышел его труд «Исследования о зарождении животных», положивший начало эмбриологии, в котором Гарвей утверждал: «Все живое из яйца», отвергая идею самозарождения... И все же он дожил до признания своей правоты...» (веб-ресурс: <http://dyno.nm.ru/b16.html>). «...Гарвею уже не надо было бороться за свое открытие. Новое поколение английских физиологов и врачей видело в нем своего патриарха; поэты... писали в его честь стихи...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2000 г.).

• «Свет потерял бы новую науку, если бы Карл Линней (1707–1778) не возвратился снова к своему труду, позабыв минуты, полные безумного отчаяния...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «В 1738 году Линней возвращается на родину и сталкивается с неожиданными проблемами. Он, привыкший за 3 года заграничной жизни (Голландия, 1735 – 38 гг.) к всеобщему уважению, дружбе и знакам внимания самых выдающихся и знаменитых людей, у себя дома, на родине, был просто врач

без места, без практики и без денег, а до его учености никому не было никакого дела. Так Линней-ботаник уступил место Линнею-врачу, и любимые занятия были им на время оставлены...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «Недостаток состояния не лишил, впрочем, этого гениального человека ни заслуженной им славы, ни статуи, воздвигнутой в честь его в саду Упсальского университета (Швеция), ни тех медалей, которые Отечество его выбило в память гения трех царств природы. Подобные люди среди бедности и уединения неразлучны со своей славой; она постоянно ведет их вперед, сообщает таинственную восторженность их умам...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «Пять раз пытался Франц Антон Месмер (1734–1815) добиться у всех факультетов мира признания или по крайней мере внимательного рассмотрения своей системы; нельзя было действовать прямее, честнее, в большем согласии с наукой. Лишь теперь, когда ученая клика своим молчанием выносит ему приговор, не ознакомившись с документами и фактами, лишь теперь обращается он к высшей и решающей инстанции: к общественному мнению, ко всем образованным и интересующимся людям; в 1779 году он печатает на французском языке свой «Трактат об открытии животного магнетизма». Красноречиво и поистине искренно просит он помощи в своих опытах, участия и благоволения, ни одним намеком не обещая чудесного или невозможного: «Мне нужны не судьи, а ученики. Поэтому мое намерение состоит целиком в том, чтобы официально получить от какого-либо правительства дом, где бы я мог поместить больных для лечения и где мог бы, с легкостью и без особых околичностей, доказать в полном объеме действие животного магнетизма... Если мои предложения будут отвергнуты повсюду, то я все же надеюсь найти для себя спокойный уголок. Под покровом своей добросовестности, свободной от упреков совести, я соберу около себя частицу человечества, того человечества, которому я хотел быть полезным в более широких размерах, и тогда придет пора ни у кого, кроме самого себя, не спрашивать совета, как поступать...»...» (из книги С. Цвейга «Врачевание и психика. Ф. Месмер, М. Бекер-Эдди, З. Фрейд», Германия, 1930 г.).

• «Когда в мировой практике стали варить металл посредством ультразвука, Георгию Николаеву (1903–1992) и пришла мысль испытать этот метод при переломах кости. Он все взвесил, просчитал, до мельчайших тонкостей продумал. Как будто должно получиться. Начали проводить эксперименты, для той поры (начало 1960-х годов), конечно, странные, а еще точнее, чудаковатые. И верно, опыты вначале не пошли: уж очень не подходящий для сварки материал. Но ученый не отступал, он верил в свою звезду. Постепенно дела стали налаживаться, и вот в 1967 году первая проба на людях, завершившаяся удачей: с помощью метода Г. Николаева была восстановлена сломанная человеческая рука. В настоящее время разработка новатора признана, и с медиками у него не только полное согласие, но и добрые союзнические отношения. Более того, обрел самостоятельность новый раздел медицинской науки – ультразвуковая хирургия. Она включает сварку не только костей, но и сосудов, занимается восстановлением многих тканей и их резанием, курирует другие вопросы. Остается лишь сказать, что труд первопроходца был отмечен в 1972 году Государственной премией СССР» (из книги А. Сухотина «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

• «У Гавриила Илизарова (1921–1992) нашлись и прямые недоброжелатели. Обвиняли в подтасовке материалов, в том, будто Илизаров дезинформирует общественность, сея окрест завышенные подробности об удачах своего метода. ...Порой колебались даже те, кто сочувствовал... Все же со временем кое-кто вслушался. Министерство здравоохранения России открыло в Кургане для Г. Илизарова филиал Ленинградского института травматологии (науки о повреждениях тканей и органов). Вскоре, должно быть, поняли истину: филиал оказался знатнее того учреждения, сыном (пробным сыном) которого он состоял. Во всяком случае, Г. Илизарова и курганскую клинику уже тогда знал весь мир... Словом, в городе появился центр ортопедии (науки о нарушении опорно-двигательного аппарата, то бишь ног) и травматологии. А если еще проще, так это, как говорят в курганском народе, «больница доктора Илизарова» или «веселая больница». «Веселая», должно быть, по той причине, что в ней легко и споро выздоравливают... Убеждены: из мелкого человека не может родиться большой ученый. Большой ученый происходит только из человека великой души. Пример Г. Илизарова замечателен... Еще с детства надеялся обучиться смягчать людские боли. Это вело по жизни,

диктовало поступки, определяло помыслы. Став врачом, ушел в поиски наиболее щадящего способа лечения переломов, вообще отдал себя больному человеку...» (из книги А. Сухотина «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

• «Теперь обратимся к другому чудо-доктору, другому властелину наших чаяний и дум, кому с таким же упорством пришлось преодолевать консервативные заслоны на многотрудном пути. Речь пойдет о Святославе Федорове (1927–2000). Если в Кургане Г. Илизарову местные власти поверили (хотя, быть может, и не во всем поняли), то С. Федорову в Чебоксарах выпало другое испытание... его обвинили в преступлении... Едва Федоров прошел сквозь запреты, добившись позволения оперировать близорукость, как уже загорелся новой идеей, навлекая новые недовольства и собирая вокруг себя плакальщиков и кликуш. Такой он человек, что не может удержаться на месте... И вот С. Федоров уже во главе столичной экспериментальной лаборатории, затем института, а ныне целого комплекса «Микрохирургия глаза». Сейчас за ним всеобщее признание, мировая известность и десятки тысяч исцеленных людей... С.Федоров мечтает о том, чтобы «извести» близоруких, вообще покончить со всеми глазными недугами в стране. Значит, надо прибавить ускорения... Просто С. Федоров не вписывается в единообразие, нетерпим не то что к застою, но даже к обыкновенному простояю. И если видит, что можно лучше, что есть путь помочь больному, будет искать перемен, отказываясь от прежних решений, хотя бы то были его собственные. Он постоянно в поиске, в полете к высшим целям, один из рода не столь уж часто встречаемых людей, про которых поэт написал:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой

(И. Гёте)

(из книги А. Сухотина «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

Физики, химики

Приближаясь к концу своего жизненного пути, Михаил Ломоносов (1711–1765) выражал готовность отстаивать свои принципы с юношеским пылом: «Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь 20 лет; стоял за них смолода, на старость не покину... Случай дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению всех наук в Отечестве, что мне всего в жизни моей дороже...» (из письма к Г. Теплову, Россия, 30 января 1761 г.).

«Макс Планк (1858–1947) прожил без 11 лет столетие... Слава Макса Планка как родоначальника квантовой теории неувядаема. Однако... он пережил крушение династии Гогенцоллеров, становление и закономерный крах нацизма. Старший сын Планка погиб в Первой мировой войне под Верденом. Две дочери-близнецы умерли при родах. Младший сын участвовал в заговоре против Гитлера и был казнен. Сам Планк чуть не погиб в подвале одного из домов города Касселя, где он с женой спасался от бомбежек в конце Второй мировой войны...» (из книги А. Хазена «О возможном и невозможном в науке, или где границы моделирования интеллекта», СССР, 1988 г.).

«Выдающийся ученый-революционер Николай Морозов (1854–1946) четверть века провел в заключении, в основном в Шлиссельбургской крепости. Из-за слабого здоровья товарищи по заключению прочили ему скорую гибель. Но спасла интенсивная умственная деятельность: он не только думал, читал и писал, но и с помощью стука устраивал лекции для других заключенных. Собственно научная деятельность Н. Морозова началась уже после тюрьмы и продолжалась 40 лет...» (из книги Г. Воробьева «Человек – человек», СССР, 1979 г.).

«Зима вот уже две недели стучится в двери. Холод собачий, усугубляемый резкими ветрами... Дров покамест ни у кого нет. Чтобы достать 2 литра керосина, приходится проводить полдня в очереди». Перед нами отрывок из письма, написанного ученым осенью 1941 года... Приведенные выше строки принадлежат члену-корреспонденту Академии наук

СССР Якову Френкелю (1894–1952). Так писал он о своем житье-бытье в Казани брату, оставшемуся в осажденном Ленинграде. Невзирая на невзгоды, ученый не прекращал изыскания, расчеты. С весны 1942 года засел за монографию по кинетической теории жидкостей, удостоенную впоследствии Государственной премии (1947 г.), переведенную в Англии, США и других странах. Работал у «себя дома», если можно так назвать чужую квартиру. Его апартаменты состояли из крохотной комнатухи, где он поселился вместе с женой. Правда, хозяйка предоставила ленинградскому профессору еще и отдельный «кабинет» – полутемную прачечную, где свет еле сочился сквозь узенькую «бойницу, прорезанную в бревенчатой стене». Столом служил кусок фанеры, положенный на колени... В Казани работал тогда и Евгений Завойский (1907–1976) – российский физик, он открыл электронный парамагнитный резонанс. Именно там открыл он явление ЭПР, о котором доложил коллегам в 1944 году. Такое время, а наши ученые не переставали заниматься фундаментальными проблемами...» (из очерка «Зов неизведанного» в сборнике «Формула творчества», СССР, 1976 г.).

• «В 1935 году Петру Капице (1894–1984) предложили стать директором вновь созданного Института физических проблем Академии наук СССР... Назначение совпало со сталинскими чистками. Петр Леонидович, обладавший необычайно высоким авторитетом, смело отстаивал свои взгляды даже в это тяжелое время. Он знал, что в стране все решает высшее руководство. С этим руководством он и стал вести прямой и откровенный разговор. С 1934 по 1938 год ученый написал более 300 писем «в «Кремль» (Сталину – 50, Молотову – 71, Маленкову – 63, Хрущеву – 26). Благодаря его вмешательству, от гибели в тюрьмах и лагерях в годы сталинского террора были спасены многие ученые...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «...Когда в 1938 году по обвинению в шпионаже в пользу нацистской Германии был арестован сотрудник Института физических проблем Лев Ландау, Капица добился его освобождения. Для этого ему пришлось отправиться в Кремль и пригрозить в случае отказа подать в отставку с поста директора института. В своих докладах правительственным уполномоченным Капица открыто критиковал те решения, которые считал неправильными» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «...В 1972 году, когда властями был инициирован вопрос об исключении из Академии наук Андрея Дмитриевича Сахарова, против этого выступил один только Капица. Он сказал: «Аналогичный позорный прецедент уже был. В 1933 году фашисты исключили из Берлинской академии наук Альберта Эйнштейна». Но каковы бы ни были условия жизни, Петр Леонидович никогда не прекращал научную работу...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «После начала войны Институт физических проблем эвакуировался в Казань. По прибытии на место его разместили в помещениях Казанского университета. В тяжелое время Капица создал самую мощную в мире турбинную установку для получения в больших масштабах необходимого промышленности жидкого кислорода...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «В 1945 году в Советском Союзе активизировались работы по созданию ядерного оружия. Отказ Капицы участвовать в создании атомной бомбы привел к его отставке и отстранению от научной работы. Капица был смещен с поста директора института и в течение 8 лет находился под домашним арестом. Он был лишен возможности обращаться со своими коллегами из других научно-исследовательских институтов. У себя на даче Петр Леонидович оборудовал небольшую лабораторию и продолжал заниматься исследованиями. Здесь он заложил основы нового направления – электроники больших мощностей, ставшей первым шагом на пути овладения термоядерной энергией...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «Через 2 года после смерти Сталина, в 1955 году, он был восстановлен на посту директора Института физических проблем и пребывал в этой должности до конца жизни...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «В 1948 году Андрея Сахарова (1921–1989) включили в состав группы И. Тамма по созданию термоядерного оружия. В 1950 году Сахаров уехал в центр ядерных исследований – Арзамас-16. Здесь он провел целых 18 лет... Однако, работая над самым разрушительным в истории человечества оружием, Сахаров лучше других понимал и огромную опасность, которую оно представляло для цивилизации. В «Воспоминаниях» Андрей Дмитриевич

обозначил дату своего превращения в противника ядерного оружия: конец 50-х годов. Он был одним из инициаторов заключения Московского договора о запрещении испытаний в трех средах. Из-за того у Сахарова возник конфликт с Н. Хрущевым. Тем не менее, через год после его выступления международный договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в воде и в космосе был заключен. В 1966 году Сахаров совместно с С.П. Капицей, Таммом и еще 22 видными интеллектуалами подписал адресованное письмо Брежневу в защиту писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. Взгляды ученого все более не совпадали с официальной идеологией... Вместе с физиком В. Турчиным и Р.А. Медведевым Сахаров написал «Меморандум о демократизации и интеллектуальной свободе»... Меморандум стоил Сахарову всех постов... В 1973 году Сахаров устроил пресс-конференцию для западных журналистов, на которой осудил то, что он называл «разрядкой без демократии». В ответ на это в «Правде» появилось письмо 40 академиков. От исключения Андрея Дмитриевича из Академии наук спасло только заступничество бесстрашного П.Л. Капицы. Однако ни Капица, никто другой не мог противостоять нарастающей травле ученого... Апофеозом правозащитной деятельности Сахарова стал 1979 год, когда академик выступил против ввода советских войск в Афганистан. Прошло немного времени, и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1980 года правозащитник был лишен звания трижды Героя Социалистического Труда и всех других наград. Сахаров был задержан на улице в Москве и отправлен в ссылку в город Горький, где 7 лет прожил под домашним арестом...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «...Сахарову было запрещено выезжать за пределы города Горького, встречаться или иметь какие-либо связи с иностранцами. В Горьком к нему применялись и физические, и моральные методы «убеждения». В знак протеста против давления на его близких он провел три голодовки...» (из сборника А. Логрус «Великие мыслители XX века», Россия, 2002 г.). «Политическое изгнание Сахарова продолжалось до 1986 года, когда в обществе начались перестроечные процессы. После телефонного разговора с М. Горбачевым Сахарову было разрешено вернуться в Москву и снова приступить к научной работе...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «...Он продолжил свою общественную деятельность – выступал на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества». Его выступления касались необходимости разоружения... Вернувшись в Москву Сахарову хотели вернуть все его прежние звания и награды. Однако ученый отказался их принять до тех пор, пока не будут освобождены все политзаключенные...» (из сборника А. Логрус «Великие мыслители XX века», Россия, 2002 г.). «...Удивительная судьба была у этого человека. Один из авторов самого страшного оружия – водородной бомбы, стал обладателем Нобелевской премии мира! Над его могилой академик Д.С. Лихачев сказал: «Он был настоящий пророк. Пророк в древнем, исконном смысле этого слова, то есть человек, призывающий своих современников к нравственному обновлению ради будущего. И, как всякий пророк, он не был понят и был изгнан из своего народа»...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).

• «Еще в юном возрасте Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) ощутила притягательную силу науки и работала лаборантом в химической лаборатории своего двоюродного брата... На пути к осуществлению мечты Марии о высшем образовании стояли два препятствия: бедность семьи и запрет на прием женщин в Варшавский университет. Со своей сестрой Броней они разработали план: Мария в течение 5-ти лет будет работать гувернанткой, чтобы дать возможность сестре окончить медицинский институт, после чего Броня должна взять на себя расходы на высшее образование сестры. Броня получила медицинское образование в Париже и, став врачом, пригласила к себе сестру. Покинув Польшу в 1891 году, Мария поступила на факультет естественных наук Парижского университета (Сорбонны)... В 1896 году Анри Беккерель обнаружил, что урановые соединения испускают глубоко проникающее излучение... Очарованная этим загадочным явлением и перспективой положить начало новой области исследований, Кюри решила заняться изучением этого излучения... В июле и декабре 1898 года супруги Мария и Пьер Кюри объявили об открытии двух новых элементов, которые были названы ими полонием, в честь Польши – родины Марии, и радием...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «...Поскольку Кюри не выделили ни один из этих элементов, они не могли представить химикам решающего доказательства их существования. И

супруги Кюри приступили к весьма нелегкой задаче – экстрагированию двух новых элементов из урановой смоляной обманки. Чтобы экстрагировать их в измеримых количествах, исследователям необходимо было переработать огромные количества руды. В течение последующих 4 лет Кюри работали в примитивных и вредных для здоровья условиях. «У нас не было ни денег, ни лаборатории, ни помощи, чтобы хорошо выполнить эту важную задачу, – запишет она позже. – Требовалось создать нечто из ничего... Но как раз в этом дрянном, старом сарае протекли лучшие и счастливейшие годы нашей жизни, всецело посвященные работе», (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.).»... В этот трудный, но увлекательный период жалования Пьера не хватало, чтобы содержать семью. Несмотря на то, что интенсивные исследования и маленький ребенок занимали почти все ее время, Мария в 1900 году начала преподавать физику в Севре, в учебном заведении, готовившем учителей средней школы... А в сентябре 1902 года Кюри объявили о том, что им удалось выделить одну десятую грамма хлорида радия из нескольких тонн урановой смоляной обманки... В декабре 1903 года Шведская королевская академия наук присудила Нобелевскую премию по физике Беккерелю и супругам Кюри... Мария стала первой женщиной, удостоенной Нобелевской премии» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

Мария черпала силы в признании ее научных достижений, любимой работе, любви и поддержке Пьера. Как она сама признавалась: «я обрела в браке все, о чем могла мечтать в момент заключения нашего союза, и даже больше того». Но в апреле 1906 года Пьер погиб в уличной катастрофе. Лишившись ближайшего друга и товарища по работе, Мария ушла в себя. Однако она нашла в себе силы продолжать работу...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «В эту печальную пору своей жизни Мария, неведомо для самой себя, достигла совершенства во внешнем облике. Говорят, что люди приобретают с возрастом достойное их выражение лица. Как это верно в отношении мадам Кюри!.. После 40 лет выражение печального мужества и все более и более обозначающаяся хрупкость становятся благородными особенностями ее красоты. Мария разработала программу новых исследований. И она выполняет ее с успехом несмотря на какое-то общее недомогание... В декабре 1911 года Академия наук в Стокгольме, желая отметить блестящие работы, выполненные мадам Кюри после смерти мужа, присуждает ей Нобелевскую премию по химии. Никогда никто ни тогда, ни в последующие годы не был дважды удостоен такой награды...» (из книги Е. Кюри «Мария Кюри», Франция, 1937 г.).

• «В январе 1942 года Александр Чижевский (1897–1964) был арестован по нелепому доносу и провел 10 лет в местах заключения. Но и там ему удалось продолжить научные поиски, и им были предложены способы управления химическими реакциями веществ в дисперсном состоянии и сделаны новые открытия в «электричестве жизни», прежде всего, установлена электрически обусловленная структурно-системная организованность движущейся крови и обнаружены электрические особенности реакции оседания эритроцитов...» (из статьи А. Голованова «Общность дум и стремлений», Россия, 2007 г.).

Математики

• «Николай Лобачевский (1792–1856) не был ни королем математиков, ни даже признанным авторитетом... Но ему и в голову не пришло прятать идеи «до лучших времен», дожидаясь, пока общество не дорастет до их уразумения...» (из книги С. Иванова «Формула открытия», СССР, 1976 г.). «Глядя на Лобачевского, проницательный наблюдатель отгадал бы сразу, что звания, положение, ордена, деньги – все это для него лишь зыбкие постройки на не понятой другими тверди принятых им истин» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых» СССР, 1976 г.). «В связи с этим современный американский математик П. Рашевский справедливо подчеркивает, что приоритет в открытии неэвклидовой геометрии по праву принадлежит Н. Лобачевскому. Ибо именно он публично, предполагая ожидавшуюся реакцию, первым вступил в борьбу за новое...» (из книги А. Сухотина «Парадоксы науки», СССР, 1978 г.). «Создание неэвклидовой геометрии требовало, сверх гениальности, – времени, риска и боевой отваги. Все это нашлось у нашего знаменитого соотечественника. Лобачевский не задумался отдать всю свою жизнь научному труду, который, как он сам хорошо знал, не мог

быть понят и оценен его современниками... После того, что мы здесь сказали, нетрудно решить вопрос, был ли Лобачевский мечтателем в науке? Дальнейшие научные исследования доказали реальность его геометрии двух измерений и показали вообще возможность аналитического изучения пространств, отличающихся от нашего евклидовского. И, можно сказать, самые сильные умы нашего времени работают в духе Лобачевского, и то, что считали мечтою современники Лобачевского, в настоящее время признается глубоким, истинно научным исследованием...» (из очерка Е. Литвиновой «Н.И. Лобачевский, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1895 г.).

• «Эварист Галуа (1811–1832) с грустью жаловался, что его не может никто поддержать и в удел ему достаются безразличие, пустота, молчание. Однако молодой ученый не отступает. Осознавая важность полученных результатов для будущего математики, он упорно борется со стеной непонимания. «Мне помощи не надо, – заявляет Э. Галуа. – Мне нужны враги. Пусть возражают, спорят, пытаются опровергнуть». Таков этот мужественный исследователь. Видимо, справедливо сказано, что цена человека измеряется калибром его врагов. А он искал их, он жаждал борьбы. Это было бы для него лучше, чем равнодушие...» (из книги А. Сухотина «Парадоксы науки», СССР, 1978 г.). «Только почти через 40 лет после смерти Эвариста Галуа – в 1870 году – К. Жордан написал толстую книгу (667 стр.) о теории подстановок. Это – по мнению самого автора – лишь комментарий к работе Галуа... В конце 19-го века идеи Галуа стали общеизвестными среди математиков, значение их неизменно возрастало... В своем очерке «Влияние Галуа на развитие математики» норвежский ученый Софус Ли называет имена четырех крупнейших математиков 19-го века – Гаусс, Коши, Абель и Галуа... В 1906–1907 годах Ж. Таннери опубликовал большую часть из оставшихся посмертных рукописей Галуа – «дань его славе, сияющей все ярче и ярче». Сейчас рукописи Галуа хранятся во Французской Академии наук, в той самой академии, которая в свое время столь высокомерно обошлась с одним из величайших математиков мира...» (из очерка А. Глухова «Величие и трагедия Эвариста Галуа», СССР, 1972 г.).

• «Математик Я. Трахтенберг (1888–1953), уроженец Одессы, побывал во многих гитлеровских концентрационных лагерях и в условиях каторжных работ изобрел и усовершенствовал метод устных арифметических действий с многозначными числами, принесший ему мировую известность» (из книги Г. Воробьева «Человек – человек», СССР, 1979 г.).

Естествоиспытатели, изобретатели

• «Под тяжелым гнетом нищеты, обремененный семейством, простой горшечник Бернар Палисси (ок.1510–1589/90) осваивал гончарное производство и пытался раскрыть неизвестный во Франции секрет изготовления фаянса и эмали, впоследствии обессмертивший его имя... Первые опыты были безуспешны. «Несмотря на постоянные издержки и значительную потерю труда, – писал Палисси, – я тем не менее ежедневно занимался толчением и растиранием новых веществ и строил новые печи, беспрестанно расходуя много денег и убивая материал и время». Он был принужден сам таскать и класть кирпич, обжигать известь, носить из колодца воду. Наконец печь его была готова, оставалось только приготовить и сплавить эмаль. Палисси простоял однажды 6 дней и 6 ночей перед огнем, не переставая подкладывать дрова. Успех был рядом, но топлива не хватало. Палисси пошвырял в огонь все подпорки плодовых деревьев своего сада, сжег мебель, стал выламывать и подбрасывать в топку доски из пола. Соседи окружили его, потешаясь над тем, как сумасшедший жжет свой дом. Усомнившись в его рассудке, лавочники лишили бедняка кредита. Он очутился на улице с двумя грудными детьми без средств, по уши в долгах... «Но надежда не покидала меня, – писал Палисси, – и я принялся снова работать, силясь сохранить веселый вид, хотя на душе было далеко не весело». Успех брезжил рядом, но к нему вела дорога страданий... Он открыл, наконец, секрет фаянса и эмали, сделался выдающимся мыслителем и ученым своего времени... Выходец из народа, Палисси стал изобретателем, художником, физиком, химиком, астрономом, одним из основателей современной геологии и палеонтологии... французы почитают его так же, как мы своего Ломоносова...» (из книги В. Орлова «Трактат о вдохновенье, рождающем великие

изобретения», СССР, 1964 г.).

• «Приспособили дугу для освещения все-таки в России... В 1856 году электрические дуги загорелись на празднествах в Москве. Их зажег русский изобретатель Александр Шпаковский (1823–1881). В программе празднеств они назывались «электрическими солнцами». Приспособить дугу для освещения было трудной задачей... Жизнь Шпаковского была геройством. Взрывом опытной морской мины ему повредило позвоночник. И все-таки Шпаковский до конца своих дней трудился у стола лаборатории. Когда он работал стоя, его поддерживали два матроса...» (из книги В. Орлова «Трактат о вдохновенье, рождающем великие изобретения», СССР, 1964 г.).

• «Одержимость идеями заставляет совершать поступки, которые не всегда понимают окружающие. Морской офицер Александр Можайский (1825–1890), получив патент на самолет, в 1882 году построил и испытал первый в мире аппарат тяжелее воздуха с человеком на борту. При взлете произошла авария – поломка крыла, для доводки самолета Можайский заказал более мощные двигатели, а для этого пришлось продать принадлежавших ему два имения и даже личные вещи – часы и обручальные кольца...» (из книги Н. Петровича и В. Цурикова «Путь к изобретению», СССР, 1986 г.).

Археологи

• Восемилетний мальчик, начитавшись сочинений Гомера и приняв его рассказы за сущую правду, поклялся: «Я раскопаю Троию». То был Генрих Шлиман (1822–1890), впоследствии известный немецкий исследователь. Сын бедного пастора, он ценою неслыханных лишений и упорства получил образование, освоил около двух десятков языков, углубился в науки. Так, сжав все силы, готовил себя к выполнению поставленной программы. Конечно, в успех никто не верил, считая поэмы Гомера не более чем занимательным вымыслом. Мало ли чего говорится в сказках. Но Г. Шлиман не тот человек, чтобы сдаться. Он добывает деньги (тоже интересная линия в его бурной жизни)...» (из книги А. Сухотина «Ритмы и алгоритмы», СССР, 1988 г.). «...Мало поверить Гомеру, нужны немалые средства. Г. Шлиман становится русским заводчиком, миллионером. Потом все продает и...откапывает свою детскую мечту» (из книги Н. Петровича и В. Цурикова «Путь к изобретению», СССР, 1986 г.). «...Шлиман снаряжает экспедиции, проводит раскопки. В конце концов к нему приходит удача. Под слоем тысячелетий открылся старый город. Значит, Гомер ничего не придумал, а лишь точно воспроизвел народную легенду, бережно хранившую настоящую истину...» (из книги А. Сухотина «Ритмы и алгоритмы», СССР, 1988 г.). «Когда Генрих Шлиман говорит: «Я открыл для археологии совершенно новый мир, о котором никто даже не подозревал», – это не бахвальство, это правда. Трижды он заставил людей рукоплескать ему: нашел Троию, откопал сокровища микенских гробниц и гигантский дворец в Тиринфе, в котором жили герои Гомера. Никогда ни у одного археолога (если не считать Картера и Карнарвона, открывших гробницу Тутанхамона) не было столько золота и славы. Никогда ни один из них не был столь многократно высмеян, так унижен недоверием, оскорблен намеками на мистификацию...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

Философы, реформаторы

«Ян Гус стоял уже посреди костра, когда от него, перед тем как зажечь солому, в последний раз потребовали отречения, пообещав сохранить жизнь. Он ответил: «Нет!». «Нет», – ответил и Томас Мор. И Джордано Бруно, и тысячи безвестных бунтарей, мятежников и еретиков отвечали «нет» инквизиторам, королям, палачам. «Нет» – не миру, а бесчеловечным силам мира. Это «нет», быть может, самое великое в «феномене человека». С жизнью расстаться легче, чем с совестью. Потому что совесть – человечество в тебе. Отрекаясь от нее, отрекаешься от бессмертия...» (Е. Богат «Вечный человек», СССР, 1970 г.).

• «Чтобы никто из братьев не имел с ним словесного общения и не читал его трудов», Роджера Бэкона (ок.1214–1292) приговорили к заточению в одиночный склеп... Смерть не страшила Р. Бэкона, страшили бесплодно прожитые годы... и снова каждый день был похож на

вечность... Он боялся потерять рассудок и стал призывать на помощь память: она не умерла и заменила ему не только книги, но и чистый пергамент. И он записал в памяти: «Добро само по себе благо, зло само по себе наказание. Это едва ли справедливо, но все-таки утешительно»... Заточение длилось 14 лет, и в 1292 году Р. Бэкон вернулся в Оксфорд дряхлым стариком: поникла его голова, опустились плечи, угасло и подернулось усталостью лицо. Только глаза оставались теми же – блестящими и прозрачными, как вода. Немели руки, все чаще ему не хватало воздуха, боль в груди неделями не давала вставать с постели. Но когда боль стихала, он садился за новую работу – «Руководство к изучению богословия»...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).

• «Много лет Уриель Акоста (ок. 1585–1640) прожил мрачным и подавленным, неравная борьба с еврейской общиной подтачивала его силы и здоровье, и в 1640 году, измученный одиночеством и раздавленный нуждой, 57-летний философ вновь пришел в синагогу Бет-Иаков... В ней собралось много людей... ввели Акосту – спокойного, с кротким и бледным лицом... «Я обнажил тело до пояса, повязал голову платком, разулся и, вытянув руки, обнял ими нечто вроде колонны. Подошел привратник и привязал мои руки к этой колонне. Затем подошел ко мне кантор и, взяв бич, нанес мне 39 ударов... Во время бичевания пели псалом. После этого я сел на пол. Ко мне подошел проповедник... и разрешил меня от отлучения... Затем я оделся, подошел к порогу синагоги и простерся на нем, причем привратник придерживал мою голову. И вот все выходящие из синагоги стали переступать через меня...».

После этого Уриель один-одинешенек вернулся домой. В еврейской общине опять наступили мир и порядок: блудный сын вернулся, раскаялся и обещал никогда больше не смущать умы верующих. А Уриель в это время писал свои последние строки, в которых изливал на своих мучителей весь гнев наболевшей души. В страстных словах, полных горечи и негодования, он клеймил «преступнейших из смертных и отцов всяческой лжи» за то, что они лишают людей возможности рассуждать и мыслить и стремятся погасить в них свет разума. Торжествующим победу раввинам он бросал слова о правоте своего дела, ибо верил в него. А когда была дописана последняя страничка этого письма-исповеди, Уриель Акоста ушел из жизни, оставив последнее слово за собой...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).

• «В Ветхом завете Бенедикт Спиноза (1632–1677) не нашел никаких указаний на бессмертие души, и вообще этот вопрос для него был совершенно ясен: «Душа никогда не была без тела, а тело – без души»... Опасаясь вредного влияния Спинозы на молодежь, совет раввинов обратился к нему со строгим внушением, но, увидев его упорство, стал грозить отлучением, на что он ответил насмешкой. Тогда судьи подвергли его малому отлучению: в течение месяца всем евреям запрещалось вступать с ним в какие-либо отношения... Чтобы предупредить грозившее ему окончательное отлучение, Спиноза первым порвал все связи с синагогой, чем привел в страшный гнев своих преследователей. Опасаясь силы его примера, совет раввинов попытался подкупить Спинозу, предложив ему ежегодную пенсию в 1 000 гульденов при условии, что он останется членом еврейской общины, откажется от нападков на религию и будет время от времени присутствовать на религиозных церемониях. Возмущенный Спиноза отверг это предложение... Тогда совет раввинов решил применить к нему высшую меру наказания, имевшуюся в его власти – отлучение и проклятие, с запрещением всем членам общины иметь с вольнодумцем какие-либо отношения... Спинозе была вручена копия приговора, так как самого его на церемонии отлучения в синагоге не было: он просто не придавал значения брошенному ему вызову и не откликнулся на требование раввинов явиться. Более того, он написал им письмо, в котором благодарил за их решение отлучить его от еврейской общины, так как сам давно желал этого: «То, что со мной намерены сделать, вполне совпадает с моими намерениями... Я с радостью вступаю на открывшийся предо мной путь... Не знаю, чем буду снискивать себе пропитание... и какие бы небывальщины на меня не возводили, я хочу похвастать, что мне не в чем упрекнуть себя...» После отлучения Спиноза порвал со всеми своими родственниками, даже с родителями, и занялся наряду с науками ремеслом. Он остался без всяких средств к существованию и жил у ван ден Эндена, помогая ему в преподавательской работе. Потом стал зарабатывать на жизнь изготовлением оптических стекол для очков, телескопов и микроскопов... Философ Лейбниц даже писал ему: «Я узнал с немалым

интересом, что, обладая многими почтенными качествами, с которыми познакомила меня молва, вы вместе с тем и превосходный оптик»... У Спинозы был ясный ум и сильный характер, не поддававшийся влиянию никаких аффектов... Следуя примеру французского философа Рене Декарта, он решил освободиться от предубеждений и усомниться во всем, чтобы найти основу для собственных взглядов и не признавать ничего, что не будет ему представляться ясно и отчетливо... В Рейнсбурге Спиноза продиктовал И. Козеариусу вторую часть своих «Принципов философии Декарта, изложенных и доказанных геометрическим способом». Это было первое произведение Б. Спинозы, увидевшее свет: оно имело успех и сразу создало ему и имя, и поклонников... Отлученный, изгнанный и проклятый, он не был обязан никому, кроме Бога, одарившего его способностями и энергией применить их к делу и не дать им погибнуть в праздности. Только в личной энергии человека видел Спиноза его достоинство и величие» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников, Россия, 2004 г.).

• «Бедный до того, что он не мог быть уверенным в куске хлеба назавтра, занимая самое ничтожное общественное положение, непрактичный до того, что многие современники серьезно считали его безумным, мечтатель и фантазер, бесхарактерный Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) сумел не только всю жизнь прослужить любимому делу (педагог-демократ, он был одним из основоположников дидактики начального обучения. – Е.М.), не только никогда не отступал ни на шаг от своих убеждений и правил, но и заставил весь мир признать справедливым и разумным то, что первоначально казалось всем окружающим его проявлением безумия» (из очерка Я. Абрамова «И.Г. Песталоцци, его жизнь и педагогическая деятельность», Россия, 1893 г.).

• Ученик и впоследствии биограф его, В. Гвиннер, в прощальном слове об Артуре Шопенгауэре (1788–1860) говорил: «Его свободный ум не преклонялся под тяготами жизни... Много-много лет современники его отказывались отдать ему должную справедливость; лавры, украшающие в настоящее время его чело, достались ему лишь в последний час; но тем не менее вера в свое предназначение не переставала корениться в его душе! В течение долгих годов незаслуженного одиночества он не отступил ни на единую пядь от предначертанной им себе дороги и поседел в неукоснительном служении своей возлюбленной – истине, постоянно памятуя слова Ветхого Завета: «Велико могущество истины, и она, в конце концов, победит»...».

• «Николай Бердяев (1874–1948) пережил две мировые войны и одну гражданскую. В самых опасных ситуациях, при обстрелах или обысках не терял присутствия духа. У него в записной книжке отмечено: «Я не выношу страха и испуга и в жизни не испытывал их»... Его взгляды напоминали анархо-коммунизм П.А. Кропоткина, но с мистическим оттенком: «Я верил всю жизнь, что божественная жизнь, жизнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полет, безвластие, анархия»... Такой мыслитель-анархист, персоналист, вольно или невольно противопоставляет себя любой общественной системе, любому государственному механизму...» (из очерка Р. Баландина «Бердяев», Россия, 2007 г.).

• «Мартин Лютер Кинг (1929–1968) был природным лидером, великолепным тактиком и стратегом, прекрасным оратором... 1960-е годы явились апогеем влияния его идей на американское общество. Но сколь велика была к нему любовь друзей, столь же сильна была и ненависть врагов. В 1968 году в Мемфисе, штат Техас, Мартин Лютер Кинг был застрелен белым убийцей. За день до смерти, как будто предчувствуя такой конец, он произнес свою последнюю речь: «Я был на вершине горы. Я посмотрел вниз и увидел землю обетованную. Может быть, я не доберусь до нее вместе с вами, но я хочу, чтобы сегодня знали, что мы, народ, доберемся до земли обетованной. И поэтому я счастлив. Я ни о чем не беспокоюсь. Я никого не боюсь. Глаза мои видели славу грядущего Господа»...» (из сборника «Великие мыслители XX века, Россия, 2002 г.).

Мир искусства

«Запомните, художник только тогда может быть художником, когда он человек мужественный. Можно упрекнуть в неблагоприятных на первый взгляд поступках этих больших детей, но они становятся исполинами, лишь только начинают творить...» (О. Бальзак «Письмо

французским писателям 19-го века», Франция, 1834 г.). «Художники», «писатели» – это вовсе не «огненные серафимы» ...Искусство – это не игра, за которую можно взяться, а потом ее бросить. Это бремя, возложенное на вас природой и принятое вами навсегда. Это тяжелая работа, которая вознаграждается не внешним успехом (даже когда он приходит, что бывает редко, – он куплен годами безвестности и борьбы), а тем удовлетворением, какое дает победа над собой, выход на широкие просторы духа. Но правде сказать, я могу рекомендовать такой путь только бесстрашным и упрямым ходакам, которых не пугает ни усталость, ни раны, ни камни на дороге» (из письма Р. Роллана к мадемуазель Мейнар, Франция, август 1927 г.).

Писатели, поэты

«Сознавая собственное достоинство, эти люди ставят свои стремления выше препятствий, и их цели не становятся менее возвышенными; они побеждают, потому что не сомневаются в успехе»... Эти гениальные люди словно облачены в непробиваемую кольчугу. «Пусть безнадежность, но не малодушие!» – может быть их девизом, и если они не всегда приобретают завидную репутацию, то зато всегда домогаются славы, потому что та и другая редко соединяются в одном и том же лице... Это были люди, которых ни насилие, ни воспитание не могли свернуть с дороги к величию» (И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «Дядя Альфиери Данте более 20 лет подавлял поэтический характер благородного поэта (1265–1321), но он, не зная законов стихосложения, уже был поэтом. Впоследствии природа, как строгий кредитор, взяла принадлежащий ей гений с двойными процентами...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «Данте сам про себя говорит, в последней своей работе «De asqua e terra»: «Я с юности рос в любви к истине, всегда стремился к ней и ненавидел ложь». То немногое, что мы знаем о его жизни, вполне подтверждает эти показания, подтверждает то, что Данте был энергичный, сильный, решительный, открытый и честный человек, исполненный ревности к добру, движимый желанием быть полезным другим и употреблять свой талант на общее благо... Несчастья, обрушившиеся на него, не только не ослабили его воли, не унизили его, а напротив, закалили, подняли его еще выше... Этот человек неуклонно и крепко держался своих убеждений и не уступал судьбе. И хотя она заставила его умереть в изгнании и бедности, – но зато он стал учителем своей нации... Не только ученые и литераторы черпали живую воду из неиссякаемого источника «Божественной комедии», не только художники вдохновлялись ею, – сам народ извлек оттуда больше познаний, чем из какой-либо другой книги... С полным сознанием отдал Данте свой гений служению неизменным идеалам...» (из очерка М. Ватсон «Данте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Отец Франческо Петрарки (1304–1374) бросил в огонь стихи своего сына несмотря на крики, гнев и слезы юноши; но это сожжение не могло принудить поэта сделаться законником и не отняло у него римских лавров...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «Со временем Франческо отдали в юридическую школу в Монпелье. Однако юноша не был склонен к изучению законов и серьезно увлекся классической литературой. Отец узнал об этом и в порыве гнева бросил книги любимых античных авторов сына в камин. С Франческо тут же случилась такая истерика, что глава семьи Петракко поспешил собственноручно выхватить из огня то, что не успело сгореть. Всего две книги – Вергилий и Цицерон. Возвращая их, отец строго напутствовал: «Хорошо, пусть одна из этих книг поможет твоим трудам, а другая – досугу»... К началу 1340-х годов поэт Петрарка был известен уже всей Италии... Награждение его лавровым венком состоялось 8 апреля 1340 года в Риме, на Капитолии...» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.). «Личность Петрарки характерна для Возрождения: в ней главнейшими чертами явились достоинство, духовная независимость и одержимая любовь к античной литературе... Последние годы его жизни наполнены напряженной работой: если верить легенде, он и умер с пером в руках...» (из статьи И. Полуяхтовой «Петрарка», библиографический словарь «Зарубежные писатели», часть 2, Россия, 2003 г.).

• Во время тюремного заключения Томазо Кампанеллу (1568–1639) 7 раз подвергали

пыткам, последняя из них длилась 40 часов подряд... Как должен был чувствовать себя в каменном мешке этот человек, полный сил и энергии, рвавшийся к знанию и науке? Несмотря на заключение, Т. Кампанелла не потерял веры в себя и свое великое предназначение, могучий бунтующий дух его не был сломлен. В одном из своих сонетов он писал: «Закованный в цепи, я все-таки свободен; представленный одиночеству, но не одинокий; покорный, вздыхающий, я посрамлю своих врагов. Угнетенный на земле, я поднимаюсь в небеса с истерзанным телом и веселой душой, и, когда тяжесть бедствия повергнет меня в бездну, крылья моего духа поднимут меня высоко над миром»... Вмешательство влиятельных лиц приводит к значительному смягчению тюремного режима... Имя Т. Кампанеллы с уважением произносилось во всех образованных кругах того времени, его судьба вызвала всеобщее сочувствие, и даже сам папа Урбан VIII не раз ходатайствовал перед испанским послом, но лучшими просителями за ученого стали его сочинения...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).

• «В 1828 году Пьер Жан Беранже (1780–1857) издает очередной сборник песен, в который включил наиболее резкие свои стихи, высмеивающие короля, его придворных, священников и других «врагов народа», старавшихся доказать, что сам Бог хочет, чтобы бедные беспрекословно подчинялись и терпели нужду... Весть о преследовании по суду застала поэта в Гавре, но он немедленно возвратился в столицу. Накануне суда влиятельные «благодетели» посоветовали Беранже раскаяться, и тогда он будет приговорен к минимальному наказанию. Они ведь хлопочут о его здоровье, от него же требуется только одно – не являться в суд, и тогда он заочно вынесет самый мягкий приговор. Но Беранже на это ответил: «Если ведешь войну с правительством, смешно жаловаться на удары, которые оно тебе наносит, и неловко предоставлять ему случай проявлять свое великодушие, смягчая удары».

Опять судебный зал, полный народу, и в полдень 10 декабря 1828 года «суд исправительной полиции» приступает к рассмотрению дела Беранже... Большому Беранже в его почти 50-летнем возрасте нелегко было чуть ли не целый год провести в тюрьме. Но еще помогало участие друзей и знакомых людей, которые приходили к нему ежедневно. И приходило посетителей так много, что поэт даже шутливо просил начальника тюрьмы дать ему, наконец, покой и ограничить время посещений до нескольких часов в день. Молодые поэты посвящали свои стихи Беранже, «томящемуся в оковах», и слагали гимны в его честь. К поэту пришли и вожди нового литературного течения – романтизма: В. Гюго, Сент-Бев, А. Дюма... Да он и не скучал: с ним были его любимые авторы Ф. Рабле и М. Монтень... С ним были перо, чернильница и бумага – и он работал над новыми песнями...

В день выхода Беранже из тюрьмы полиция опасалась народных демонстраций, и потому поэта решили выпустить «потихоньку» – на день раньше положенного срока. Впоследствии он вспоминал: «Очувтившись на свободе после месячного заключения, я прогулялся по бульварам с такою же беззаботностью, словно только что вышел из дому». А друзья, прослышав о том, что поэт на воле, завалили его приветами и приглашениями; каждый старый и новый знакомый хотел видеть его у себя. Рассказывают, что после выхода из тюрьмы Беранже пришлось сделать не менее 350 визитов...» (из сборника Н. Иониной «100 великих узников», Россия, 2004 г.).

• «В плодотворном напряжении жила душа Виктора Гюго (1802–1885), очищая тело и мозг от ядоносных страстей и страданий. Душа работала преимущественно по закону творчества, воли... Например, неудачные попытки внедрить свои сочинения в театр только раззадорили это желание. Он пишет подряд три пьесы. Третья («Эрнани», Франция, 1829 г.) приносит ему успех... Уж коли какая-либо мысль засядет в голове Гюго, все сосредоточивается на ней, все в нем приводит она в движение – примерно в таких словах отзывался о редкой целеустремленности Виктора Гюго Сент-Бев. На приступ Французской академии он ходил пять раз с 1839 по 1841 год, пока не добился успеха, а в 1845 году стал и пэром Франции... Несчастья и неудачи только укрепляли дух. Достаточно сказать, что самый длительный период мотивационной психологической активности, проведенный в изгнании с 1850 по 1870 год, был высочайшим взлетом таланта, когда из-под пера мэтра вышли великие романы «Отверженные», «Труженики моря», «Человек, который смеется», поэмы и эпопеи гигантских исторических и философских обобщений...» (из книги Н. Государева «Треугольный человек», СССР, 1991 г.).

• «Ганс Христиан Андерсен (1805–1875) долго жил подаянием, и это нелегко ему

давалось. Его поздние школьные годы полны лишений и омрачены тяжелой зависимостью. Его первые шаги на литературном поприще были неудачны; редкие успехи, выпадавшие на его долю, отравлялись недоброжелательством и завистью. Долго бился Андерсен, прежде чем завоевал себе прочное место в литературе. И вот в зрелом возрасте, когда талант его окреп и вышел на настоящую дорогу, популярность его начала возрастать с необыкновенной быстротой. Вся вторая половина жизни Андерсена представляет собой ряд счастливых лет. Число поклонников его таланта постоянно возрастало... Несмотря на то, что некоторые из датских писателей и критиков до конца своей жизни оставались врагами Андерсена, общий голос был в его пользу... Светлый и радостный оптимизм можно проследить во всех его произведениях. Он не верил ни во что окончательно дурное и находил, что все хорошо кончается. Даже сказка его «Ледяная дева», несмотря на свой крайне печальный конец, завершается фразой: «Все к лучшему»... Нужно было иметь всю его незлобливость, всю созерцательность и чистую отвлеченность его натуры, чтобы не очерстветь сердцем от тысячи неудач и уколов, которые терпело его чувствительное самолюбие...» (из очерка М. Бекетовой «Г.-Х.Андерсен, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «О! Можно было бы написать прекрасную мстительную книгу обо всех ошибках и несправедливостях критики по отношению к писателям, от Бальзака до Флобера. Я помню статью одного публициста, утверждавшего, что проза Гюстава Флобера (1821–1880) обесчестила царствование Наполеона III, помню еще статью в одной литературной газете, где его упрекали за «эпилепсический стиль», – вы знаете теперь, сколько яда заключал в себе этот эпитет для человека, к которому он относился (Г.Флобер умер от эпилепсического припадка в 1880 году. – Е.М.). И вот, несмотря на все эти нападки, несмотря на отчасти намеренное молчание, которое за ними последовало, Флобер таил в себе горечь своего творческого пути и, не изливая ее на других, оставался добрым, без всякой желчности по отношению к счастливым в литературе. Он сохранил свой добродушный смех и в своих собратях всегда выискивал то, что можно похвалить. Когда порою они падали духом, он находил слова одобрения, поддержки и помощи, слова умного друга, в которых мы так часто нуждаемся при взлетах и падениях нашего ремесла. Не так ли, Доде? Не так ли, Золя? Не так ли, Мопассан? Он был таким, наш друг, и в нем не было неприязни, разве только по отношению к самой вопиющей глупости!.. Однажды он пожертвовал все свое состояние и благополучие семейным интересам и привязанностям, проявив беспримерную чуткость и душевное благородство...» (из речи Э. Гонкура на открытии памятника Г. Флобера, Руан, Франция, ноябрь 1890 г.). «Еще в юности Флобер отдал свое сердце литературе и никогда не брал его назад. Он испепелил свою жизнь в этом безудержном, пламенно-восторженном чувстве: как страстный любовник, он ведал лихорадочные ночи истощающей, бурной любви, напряжение страсти, изнеможение усталости, и каждое утро, не успевал он проснуться, как его снова тянуло к его возлюбленной...» (из очерка Г. Мопассана «Гюстав Флобер», Франция, 1884 г.).

• «Петербургский буерак» (по словарю В.Даля, *буерак* – это «сухой овраг, водороина, водомоина») – это последнее крупное произведение Алексея Ремизова (1877–1957), созданное из новых текстов и, используя термин М. Погодина, из «обрывышков» – уже опубликованных статей, заметок, некрологов... Сам факт работы над этой книгой представляет собой творческий подвиг Ремизова. Еще в 1949 году полуслепой писатель сообщал Н. Кодрянской: «Едва разбирал рукопись и путался в машинных строчках». Процесс создания произведения продолжался до 1957 года, под конец в условиях полной слепоты. И тем не менее книга получилась и является произведением, продуманным по композиции и обладающим законченной идейно-художественной структурой» (из статьи А. Грачевой «Мышкина дудочка» и «Петербургский буерак» Алексея Ремизова», Россия, 2003 г.).

• «Михаил Булгаков (1891–1940) скептически воспринял большевистский переворот 1917 года, предвидел новое погружение страны во «тьму египетскую». В романе «Белая гвардия» (СССР, 1925–1927 гг.), а позднее в пьесе «Дни Турбиных» (СССР, 1926 г.) с сочувствием изобразил деятелей белого движения, защищавших от красных Киев. Своих героев он наделил качествами, ценными им в людях прежде всего: благородством, бескомпромиссностью, ответственностью за судьбу страны... Удивительная вещь – М. Булгаков не пополнил ряды репрессированных, не разделил судьбу сотен писателей, расстрелянных в Беларуси или на

Украине. А между тем он не скрывал своей неприязни к режиму и сомнения по поводу правильности пути, которым большевики вели страну Советов. Оппозиционизм М. Булгакова по отношению к Советской власти очевиден. Ему не обязательно даже рядиться в одежды «эзопова языка». Повести 1920-х годов – «Дьяволиада», «Роковые яйца» – в открытой сатирической манере пародируют социальный эксперимент, начатый большевиками. «Я не люблю пролетариата», – признается герой романа «Собачье сердце» (СССР, 1925 г.) профессор Филипп Филиппович Преображенский...» (из сборника «Великие писатели XX века, Россия, 2002 г.). «Мы знаем, что кризис художника, вызванный социальным вето, наложенным на его творчество, преодолим. Тот же Михаил Булгаков продолжал писать, несмотря ни на что. Его лучшее произведение «Мастер и Маргарита» (СССР, 1929–1940 гг.), десятилетия ждавшее своего часа, будучи опубликованным (СССР, 1967 г.), произвело взрыв в общественном сознании...» (из книги Н. Государева «Треугольный человек», СССР, 1991 г.).

- «И. Меттер вспоминает о писательском собрании в Ленинграде, на котором должны были «пригвоздить к позорному столбу» Михаила Зощенко (1895–1958) после известного выступления Жданова (СССР, 1946 г.). Слово для объяснения предоставили Зощенко. Его речь была проникнута «силой необыкновенной мощи» и одновременно свидетельствовала о «такой детской незащищенности, что, слушая его, невозможно было удержаться от спазма в горле». В зале установилась мертвая тишина и, казалось, всеобщее понимание. «Восхищение гордостью Михаила Михайловича, его бесстрашием, и безумная жалость к нему и его одиночеству, и желание броситься к нему на помощь – все это спланило воедино пламенем его чистоты» (И. Меттер, 1988 г.). Но умнейший из советских писателей, непостижимо прозревавший будущие гибельные повороты нашего общества, все понял, все прочитал на лицах. «Не надо мне снисхождения», – этими словами он закончил свое выступление...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

- «Когда Андрей Платонов (1899–1951) полностью посвятил себя литературе, она оказалась делом далеко не созерцательным... Здесь встретились склоки, интриги, форменные кретины и кретины в форме. Но у литературы есть преимущество перед техникой: не претворяемые в жизнь технические проекты неминуемо устаревают, а запрещаемые великие рукописи вырастают в своем значении. Так случилось с «Котлованом» (опубл. в 1969 г.), «Чевенгуром» (опубл. в 1972 г., в СССР в 1988 г.), «Ювенильным морем» (опубл. в 1979 г., в СССР в 1987 г.), пришедшими к нам через 50 с лишним лет. Что же поддерживало дух Платонова? Надежда на то, что напечатают при жизни, или на то, что напечатают после смерти? Надежда без предварительных условий. Надежда без торговли с жизнью или смертью... В предисловии к своей ранней книжке стихов «Голубая глубина» Платонов писал: «Мы ненавидим наше убожество, мы упорно идем из грязи... Из нашего уродства вырастает душа мира». Тот, кто не лгал о прошлом, не солжет и о будущем... Писатель Андрей Платонов предпочел не карабкание по хребтам истории в групповой альпинистской связке, а свободный полет. Но летел он так, что увидел и целостный масштаб, и каждого частного Макара. Главное чудо прозы Платонова в том, что она, несмотря ни на что, написана и что стала, по его же выражению, «веществом существования»...» (из очерка Е. Евтушенко «Психоз пролетариату не нужен», СССР, 1988 г.).

- «Отец Пабло Неруды (1904–1973) ненавидел поэзию и ждал от сына серьезного дела; поэта временами одолевало отчаяние:

Нет, к черту все, мечты отдам на слом,
Коли поэт дантистом должен стать
и непременно получить диплом!

Но уже в следующем стихотворении, «Руководство к мятежу» вновь восстает его несокрушимый дух:

Стать деревом крылатым...
Расправить крылья и взметнуться ввысь.

Зов таланта, призвание гения непреодолимы...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г).

• «Военная карьера Александра Солженицына (1918–2008) могла быть вполне благополучной, если бы не его «вольномыслие»... Высказывания капитана Солженицына военной цензурой были квалифицированы как антисоветская агитация и «попытка создания антисоветской организации». Весной 1945 года Александр Исаевич был арестован и приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Вдобавок ко всему... его настигла страшная болезнь – рак... Но Солженицын переборол смерть! С этой поры, по признанию писателя, «вся возвращенная мне жизнь – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель». А цель эту перед собой Солженицын поставил еще в лагере: поведать городу и миру правду о той стороне жизни в СССР, что определяла все бытие и мировоззрение советских граждан, но тщательно скрывалась и от соотечественников, и уж тем более от мировой общественности... С 1964 по 1968 годы, уединившись в провинциальном «укровище», писатель создает три редакции «Архипелага ГУЛАГа» – три объемистых тома... с перedelкой и перепечаткой 70 авторских листов (около 1700 машинописных страниц. – *Е.М.*)... В 1969 году Солженицына исключают из Союза писателей, в прессе начинается открытая травля его... Преследование достигает апогея в 1974 году, когда он создает обращение к соотечественникам «Жить не во лжи!». В феврале этого года Солженицын был арестован, лишен советского гражданства и принудительно выслан за пределы страны... В 1967–1975 годах Солженицын обращается к жанру биографической публицистики – «Бодался теленок с дубом (Очерки литературной жизни)», рассказав в этой книге о своем противостоянии официозу, насаждающему ложь и пресмыкательство. Продолжением этого труда являются «Очерки изгнания» – «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (1978 г.)... В 90-е годы Солженицын вновь создает небольшие рассказы и эссе о творчестве русских писателей 20-го века...» (из сборника Т. Грудкиной «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

Художники, скульпторы

«Когда фреска, на которой изображено столько действующих лиц, будет закончена и можно будет созерцать ее целиком, всех поразит множество нелепостей, глупостей, ложных суждений, которые высказывали об авторе, забрасывая его гнилыми яблоками, в то время когда его кисть быстро двигалась по стене, и он, стоя на своих подмостках (кстати, довольно шатких), рисовал, рисовал, рисовал...» (О. Бальзак, Предисловие к 1-му изданию романа «Пьеретта», Франция, 1840 г.).

• «Микеланджело Буонарроти (1475–1564) в детстве рисовал при всяком удобном случае; а когда его знатные родители, страшась, чтобы великий художник не помрачил собою славы знаменитого ряда их предков, принудили его оставить кисть, тогда он взялся за резец: так вырывалось наружу искусство, жившее в душе гениального ребенка...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер, или История Гения»; Великобритания, 1795 г.). Ромен Роллан так свидетельствует о силе духа Микеланджело: «Одержимый яростью своего гения, он уже не знал покоя до самой смерти. Он не обольщался сладостью победы, но, ради собственной славы и славы своих близких, поклялся победить... До последнего часа Микеланджело пришлось бороться с завистью и враждой. Но не надо его жалеть. Он умел защищаться. И даже незадолго до смерти способен был, как некогда писал своему брату Джовансимоне, один управиться «с сотней таких вырожденков»...» (из книги «Жизнь Микеланджело», Франция, 1907 г.). «Божественное вдохновение требует одиночества, и размышления. В истории искусства Микеланджело – первый художник-одиночка, ведущий почти непрерывную борьбу с окружающим миром... Во всех поступках и словах, всегда однородных, последовательных, ясных, в Микеланджело виден строгий мыслитель и человек чести и справедливости, как и в его произведениях» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Непреодолимое влечение увлекло 12-летнего Жака Калло (1593–1635) из-под отцовской кровли. Родители его были знатного происхождения и думали, что искусство гравера может унижить их сына; но мальчик, наслушавшись чудес об итальянском искусстве и побуждаемый любопытством, заставлявшим его забыть все опасности, в одно прекрасное утро

скрылся. Много дней странствовал он и, наконец, в обществе цыган и в самом жалком виде, достиг Флоренции. Нантский купец узнал маленького беглеца и привез его домой. Но гениальный ребенок снова бежал в Италию и снова был найден и привезен домой своими братьями. Отец, терпение которого наконец истощилось, позволил своему сыну сделаться самым оригинальным гением французского искусства, который в нежности рисунка, естественности фигур и в живости групп соперничал с Хогартом...» (из трактата И. Д'Израэли «Литературный Характер или История Гения», Великобритания, 1795 г.).

• «Несмотря на активную творческую жизнь, в 1656 году Харменс Рембрандт (1606–1669) был объявлен банкротом. Дело в том, что его художественные поиски не были поняты и оценены современниками, заказы постепенно сошли на нет, незаметно накопились долги...» (веб-ресурс: <http://www.2day.ru/8828-Show.asp>). «В 1656 году художника объявляют несостоятельным должником, его имущество продают с молотка. Он перебирается в более скромное жилище в еврейском квартале Амстердама. Умирает жена Хендрикье и любимый сын Титус, подводит здоровье, однако Рембрандт продолжает работать напряженно и необычайно плодотворно...» (из статьи М. Соколова «Рембрандт» в CD Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия, 2002 г.). «...Именно 50-е и 60-е годы стали наиболее плодотворными в жизни художника, именно тогда он создал основные свои шедевры...» (веб-ресурс: <http://www.2day.ru/8828-Show.asp>).

• «Той зимой 1848 года Карл Брюллов (1799–1852) был прикован к постели изнурительной болезнью... мало говорил и много размышлял... Он еще не знал, что путь его близок к концу, что отведенного ему времени осталось так немного. Но прожито уже почти столетия, а провидение, послав болезнь, как будто позаботилось о том, чтоб предоставить возможность для осмысления прошедшего... С весенним прибавлением дня недуг стал отступать. В тот апрельский день, когда Брюллову впервые позволили встать с постели, он нетвердыми шагами подошел к большому зеркалу. Устало опустился в вольтеровское кресло, что стояло в спальне против трюмо. В первое мгновение лицо, глянувшее на него из пустой зеркальной глубины, показалось совсем чужим... казалось, исчез покров обыденности... обнажились и резко проступили следы уединенных размышлений, напряженной духовной жизни многих одиноких дней. Брюллов попросил подать мольберт, картон. Быстрыми, уверенными движениями наметил абрис. Велел на завтра приготовить палитру и приказал никого не пускать, даже докторов. По сделанному рисунку портрет был окончен в красках за два часа. Так родилось одно из самых главных произведений Брюллова. Это не просто портрет художника, писанный им самим. В пристрастном, строгом разговоре с самим собой мастер как будто подводит итог творческих исканий. Итог размышлений... Это – исповедь сына века. Высокое напряжение внутренних сил и безграничная усталость, возвышенное благородство и горечь разочарования, сила духа и смирение – все это подвижное многообразие чувств схвачено брюлловской кистью и сделано вечным...» (из книги Г. Леонтьевой «Карл Брюллов», СССР, 1976 г.). «Брюллов остро переживал вынужденную разлуку с Родиной и отразил свои чувства в «Автопортрете» (Италия, 1848 г.). Он изобразил себя полулежащим с откинутой назад головой. Бледное худое лицо несет отпечаток болезни, и только взгляд ярких синих глаз говорит о том, что художник полон сил...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.);

• «Александр Иванов (1806–1858) не обижался, слыша иногда довольно бесцеремонные суждения о своей картине (картина «Явление Христа народу» выставлялась в Петербурге, Россия, в мае-июне 1858 г. – *Е.М.*); они, казалось, даже занимали его вначале, и он потом рассказывал своим близким то, что слышал. А таких суждений было немало... Слишком сильно было у Иванова сознание своей «значительности», как он выражался, чтобы эти и подобные им отзывы могли глубоко задеть его и поколебать в нем уверенность в достоинствах его работы... «Я за картину свою, – говорил он, – крепко стоял в свое время и выдерживал все бури, работал посреди их и сделал все, что требовала школа... Если я получу какое-нибудь влияние на искусство в России, я прежде всего буду хлопотать об устройстве такой школы живописи, где молодые люди, готовившиеся быть художниками, получили бы основательное общее образование. Руководителем в живописи молодых художников я желал бы быть... Буду трудиться, мало-помалу научусь яснее понимать условия искусства, а потом выйдут из нового

поколения люди, которые совершат начатое мною...» (из очерка А. Цомакион «А.А. Иванов, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1894 г.). «20 лет художник посвятит работе над грандиозным полотном («Явление Христа народу», 1836–1858 гг.). Он не мог не сознавать, что обрекает себя более чем на бедственную жизнь – на творческое одиночество. Но всякий раз он терпеливо объяснял и растолковывал значение предпринятого им труда...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «И. Репин характеризовал Ивана Крамского (1837–1887) как «могучего русского человека, выбившегося из ничтожества и грязи захолустья». В прощальном слове о своем старшем товарище (Петербург, Россия, апрель 1887 г.) он говорил: «Сначала мальчик у живописца на побегушках, потом волостной писарь, далее ретушер у фотографа, в 19 лет ты попал наконец на свет божий, в столицу. Без гроша и без посторонней помощи, с одними идеальными стремлениями ты быстро становишься предводителем самой даровитой, самой образованной молодежи в Академии художеств. Мещанин, тыходишь в Совет Академии как равноправный гражданин и настойчиво требуешь законных национальных прав художника. Тебя высокомерно изгоняют, но ты с гигантской энергией создаешь одну за другой две художественные ассоциации, опрокидываешь навсегда отжившие классические авторитеты и заставляешь уважать и признать национальное русское творчество!..» (из воспоминаний И. Репина «Далекое близкое», изд. 1937 г.). «В 1863 году произошел так называемый «бунт 14», когда по инициативе Крамского лучшие ученики академии – конкуренты на Большую золотую медаль – отказались от исполнения предложенной им программы на заданную тему «Пир в Валгалле». Они требовали предоставить право свободного сюжета. Совет отказался выполнить это требование, молодые художники демонстративно покинули академию. В 1865 году была учреждена Артель художников. По примеру героев Н.Г. Чернышевского члены артели живут и работают коммуной. Душой дела был Крамской – староста артели... В 1870 году был подписан Устав и началась деятельность Товарищества художников, организации, которая несколько десятилетий объединяла передовых художников России. Видная роль в работе Товарищества принадлежала Крамскому...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.). «Художник-мыслитель, художник-психолог, подаривший русскому искусству «Христа в пустыне» и «Неутешное горе», честный боец за идею свободного национального искусства Иван Крамской написал на своем знамени многозначительные слова: «Вперед без оглядки!»... Не в характере Крамского было складывать оружие ввиду каких бы то ни было неудач... Несмотря на болезнь, характер его оставался деятельным и общественным по-прежнему; интерес к окружающему сохранял прежнюю силу. «Сознание близости кончины, – говорит Репин, – еще более усилило в нем всегда свойственную ему любовь к людям...» (из очерка А. Цомакион «И. Крамской, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «На выставке 1874 года было представлено пять пейзажей Альфреда Сислея (1839–1899). Сегодня, стоя перед ними, трудно представить, что они могут вызывать у кого-то возмущение. Но в то время рецензии, появившиеся в печати в связи с выставкой импрессионистов, были не просто недоброжелательными, но враждебными и даже оскорбительными. Официальная критика негодовала... На эти картины показывали пальцами, над ними смеялись. Таким же веселым развлечением для буржуазной публики стала и распродажа картин, которую устроил Сислей вместе с Монэ, Ренуаром и Бертой Моризо. Во время распродажи публика так бушевала, что для наведения порядка пришлось прибегнуть к помощи полиции. Отрицательное или безразличное отношение публики влияло и на материальное положение художника. Никто не хотел покупать его картин... Но он боролся, не теряя веры в успех. «...Нужно добиться, – пишет он критику Т. Доре, – чтобы я имел возможность работать и в особенности показывать свои картины в достойных условиях». В этот тяжелый для художника период он пишет жизнерадостный пейзаж – «Берег Сены в Сен-Мамме» (1881 г.)... Умение целиком отдаться творчеству всегда было самой большой радостью для Сислея...» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

• «Наряду с приступами мучительного неверия в свое дарование, наряду с упорной и раз навсегда усвоенной скромностью было в Илье Репине (1844–1930) где-то под спудом иное – глубоко затаенное гордое чувство, ибо не мог же он – наедине с собой, так сказать, в тайнике души – не сознавать всей огромности той исторической роли, которая сыграна им в русском

национальном искусстве. Сознание это очень редко пробивалось наружу (словно на мгновение спадала завеса!), и лишь тогда мы могли убедиться, как несокрушима его безграничная вера в себя и в победительную силу своего дарования... С юности ему была присуща «тайная титаническая гордость духа» (так в мемуарах И. Репина «Далекое – близкое», изд. 1937 г. – *Е.М.*). Без этой гордости, без веры в себя, в свое призвание, в свой творческий путь Репин не стал бы тем Репиным, которого мы привыкли любить как бойца и новатора. Несмотря на мучительные – и такие частные – приступы, жгучего недовольства собой, на вечные свои «сокрушения» о мнимых неудачах и провалах, он в тайниках своей личности хранил незыблемую веру в себя, и всякий раз, когда враждебные «веяния» подвергали его веру испытаниям, она обнаруживалась во всей своей силе. Этих испытаний выпало на его долю немало, но не было случая, чтобы он поддался их воздействию.

Когда, например, ему стало известно, что В. Стасов резко осудил его картину «Царевна Софья» (Россия, 1879 г.) и что критик считает ошибочным путь, приведший Репина к созданию этой картины, Репин с гневом восстал против его приговора и, обычно такой мягкий, уступчивый, здесь не сделал ни малейшей уступки и не выразил никаких «сокрушений». Стасов обрушился на картину в печати. Но и это не повлияло на Репина, и, хотя он очень любил переделывать свои композиции, дополнять их, исправлять, «кочевряжить», в этой картине он не изменил ни единой черты, потому что и здесь, как везде, следовал собственному своему убеждению, даже наперекор самым авторитетным ценителям... «Собственное свое влияние» он ставил превыше всего. Вспомним хотя бы историю с его «Запорожцами» (Россия, 1878–1891). Когда картина вполне определилась и считалась законченной, он неожиданно для всех уничтожил в ней одну из наиболее выразительных и ярких фигур и заменил ее безликой фигурой, которая отвернулась от зрителя и стоит к нему спиной, накинув на плечи самую, казалось бы, неживописную свитку (кире'ю) или, как выражались возмущенные критики, «серый больничный халат». Поднялись крики, что он испортил картину, погубил ее, разрушил ее красоту. Особенно громко кричали об этом такие влиятельные в ту пору ценители, как известный беллетрист Григорович и редактор-издатель распространеннейшего «Нового времени» Суворин. Репин ответил им непреклонно и твердо: «Я знаю, что я в продолжении многих лет, и прилежных, довел наконец свою картину до полной гармонии в самой себе, что редко бывает, – и совершенно спокоен. Как бы она кому казалась – мне все равно... И теперь хотя бы 1 000 000 корреспондентов «Times» разносили меня в пух и прах, я остался бы при своем; я глубоко убежден, что теперь в этой картине не надо ни прибавлять, ни убавлять ни одного штриха...» Он всегда и во всем был верен своей внутренней правде и резко отметал от себя то, что так или иначе противоречило ей... Вы могли встречаться с ним из года в год, не подозревая, что за его мягкой и благодушной улыбкой таится такая несокрушимая сила характера... Даже его дарование было бы бесплодно и неможно, если бы оно не опиралось на его негиблемый, волевой и упорный характер» (из воспоминаний К. Чуковского «Илья Репин», СССР, 1962 г.).

Композиторы

«Время от времени каждый художник испытывает чувство усталости, истощения и отчаяния оттого, что не удается выразить задуманное; он дает себе слово забыть о неуловимом образе и с утра начать работать над чем-то совершенно иным. Однако за ночь «его печень восстанавливается». Он просыпается и с удвоенной энергией и с новой надеждой возвращается к прерванной работе, к тяжелой работе в кузнице собственной души» (Р.Мэй «Мужество творить», российск. изд., 2008 г.).

• «Взгляните на Георга Генделя (1685–1759). Ему предназначено было сделаться доктором права, но никакие преследования не могли охладить его энтузиазма: спрятав старые клавикорды в отдаленную комнату, он просиживал над ними целые ночи, вызывая из своей души музыкальный гений!» (из трактата И.Д' Израэли «Литературный Характер, или История Гения», Великобритания, 1795 г.). «Годы и годы течет звонкий поток. Ничто не могло заставить Генделя склониться, ничто не могло воскресшего поставить на колени вновь. Опять созданное им в Лондоне Оперное товарищество становилось банкротом, опять травили его кредиторы, но

он не терял мужества, он выстоял, беззаботно шел, шестидесятилетний, своим путем, отмерял жизненный путь, словно придорожными столбами, своими произведениями. Ему чинили препятствия, но он легко преодолевал их...» (из эссе С. Цвейга «Воскресение Георга Фридриха Генделя», Германия, 1935 г.). «Для Г. Генделя наступили трудные времена (после 1725 года. – Е.М.) – все было против него. Старый курфюрст, единственный сильный покровитель – Георг I – умер. Молодой король, Георг II, принц Уэльский, ненавидел Генделя, любимца отца. Георг II строил ему козни, приглашая новых итальянцев, натравливал на него врагов. Публика не ходила на оперы Генделя. В такой обстановке Гендель не переставал писать и ставить оперы – его упорство напоминало безумие. Каждый год он терпел поражение, каждый год он наблюдал примерно одну и ту же картину: молчаливый невнимательный, пустующий зал... Но 1738 год был удачным для Генделя. Солнце успеха одарило его теплом... Он сочиняет одну из лучших своих «философических» ораторий – «Жизнерадостный, задумчивый и умеренный» на прекрасные юношеские стихи Мильтона, несколько ранее – «Оду св. Цецилии» на текст Драйдена. Знаменитые 12 концерты-гросси написаны им в те годы...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). «...Возраст брал свое, силы иссякали, – парализовало руку, подагра изуродовала ногу, но душа не знала усталости: он творил и творил. Он стал терять зрение и, когда писал своего «Иеффайя», ослеп...» (из эссе С. Цвейга «Воскресение Георга Фридриха Генделя», Германия, 1935 г.). «Во время работы над своей последней ораторией «Иеффайя» Гендель ослеп, но все же продолжал участвовать в исполнении оратории как органист» (из статьи М. Миркина «Гендель», СССР, 1969 г.). «Но и незрячий – подобно Л. Бетховену, пораженному глухотой, – он продолжал творить, неутомимый и непобедимый, тем смиреннее перед Богом, чем прекраснее были его победы на земле... Он знал, что свою работу сделал хорошо. Он мог с поднятой головой предстать перед Богом...» (из эссе С. Цвейга «Воскресение Георга Фридриха Генделя», Германия, 1935 г.).

• «Растущее увлечение Кристофа Глюка (1714–1787) музыкой встретило противодействие со стороны отца (1722 г.)... Стремясь вытравить у Кристофа музыкальную «блажь», он применял к нему особенно жесткие методы воспитания. С малых лет будущий композитор сопровождал отца в его разъездах по городам Чехии, приобщаясь к суровым будням профессии лесничего... Однако чем больше строгости проявлял отец, тем сильнее возрастало рвение его старшего сына к музыке. В этом своеобразном поединке юный Кристоф показал, что обладает не менее сильной волей и настойчивостью, чем его отец. Впоследствии композитор вспоминал: «Все мои помыслы были обращены к музыке, и лесное дело отошло на задний план. Однако мой отец, которому это было не по душе, строго следил за выполнением моей работы, специально удвоенной в размерах: он стремился отвлечь мое внимание от музыкального ремесла... Тогда я стал заниматься по ночам, что, конечно, нарушало покой всего дома...» (из книги И. Белецкого «Кристоф Виллибальд Глюк», СССР, 1971 г.).

• «Тот, кому лучше известна жизнь Вольфганга Амадея Моцарта (1756–1791), знает, насколько поверхностна эта легенда о вечно беззаботном любимце богов... В действительности Моцарт был одним из самых непреклонных и свободных людей, во имя этой свободы он превратил всю свою жизнь в полную опасностей борьбу... Моцарт отказывается от службы у архиепископа и до последнего часа борется за свою высшую святыню – чистоту и неприкосновенность своего искусства... Почти всегда трагедия художника бывает слишком личной, слишком глубоко спрятанной, чтобы вызвать общий отклик... Лишь твердо осознанное желание никому не служить заставляло его вести это незаметное, но независимое существование. Он предпочитал бедствовать, но не состоять при каком-нибудь покровителе, при дворе или ином надменном обществе музыкальным лакеем. Лучше давать уроки на фортепьяно, лучше писать музыку для курантов и танцы, чем выклянчивать деньги льстивыми посвящениями. Ни один музыкант в ту эпоху – не исключая и Л. Бетховена – не остался внутренне столь свободен от предрассудков своего времени и столь чужд почтения ко всем высокогородным и высокопоставленным особам... Мне кажется, лучше всего характеризует гордую независимость Моцарта тот слишком мало известный факт, что за всю жизнь Моцарт ни разу не воспользовался своим дворянским титулом... Ему, как К. Глюку, был присвоен титул кавалера – он получил от папы орден Золотой шпоры... Но всего лишь месяц мальчик находит удовольствие в том, чтобы всюду – подписываясь «кавалере Вольфганго Моцарт»;

потом он отбрасывает свой титул, словно грязную перчатку, и ни в извещении о свадьбе, ни в извещении о смерти мы не находим больше пышного титула «кавалере», или «кавалер». Моцарт умер, как и жил, незаметным и свободным...» (из эссе С. Цвейга «Моцарт» Бела Балаша», Великобритания, 1939 г.).

• «Глухота прогрессировала. Тем не менее Людвиг ван Бетховен (1770–1827) еще выступал с концертами: в последний раз в 1808 году играл свой Четвертый концерт. Дирижерские выступления продолжались и позже, хотя с наступлением полной глухоты иногда заканчивались драматически. Сколь ни трагичной была для Бетховена потеря слуха, она все же не могла пресечь поток вдохновения. Запас его жизненных впечатлений, в том числе и звуковых, был так велик, а воля к творческому созиданию столь огромна, что до последнего своего вздоха он жил новыми, все более дерзновенными художественными замыслами и особенно интенсивно воплощал их в зрелые годы...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). «Здоровье Бетховена пошатнулось, мысль о смерти стала приходить ему в голову; но дух его работал неустанно. «Плох тот человек, который не умеет умереть, – говорит он. – Конечно, для искусства я еще очень мало сделал», – и на замечание, что едва ли можно сделать больше, прибавляет, точно про себя: «У меня совсем новые замыслы!» Бетховен «замышлял тогда свою Девятую симфонию...» (из очерка И. Давыдова «Людвиг ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.). «...Страдалец, нищий, немощный, одинокий, живое воплощение горя, он, которому мир отказывает в радостях, сам творит Радость, дабы подарить ее миру... Итак, никакая сила не могла сломить этот неукротимый дух, который, казалось, насмехался даже над страданиями. Музыка, написанная в эти последние годы (1824–1827 гг. – *Е.М.*), невзирая на мучительнейшие обстоятельства (бурное воспаление легких, затем цирроз печени вместе с асцитом, водянкой нижней части туловища), в которых она создавалась, приобретает совершенно новый оттенок иронии, в ней звучит какое-то героическое и ликующее высокомерие. За четыре месяца до смерти, в ноябре 1826 года, он оканчивает последнюю свою вещь – новый финал для квартета, ор.130, очень веселый. Но, правду сказать, это веселье – веселье необычное. То это смех, отрывистый и желчный, то это волнующая душу улыбка, в которой столько побежденного страдания!» (из эссе Р. Роллана «Жизнь Бетховена», Франция, 1903 г.). «Три месяца он тщетно боролся с недугом. 26 марта 1827 года, когда над Веной бушевала снежная буря и молния, умирающий внезапно выпрямился и в иступлении кулаком погрозил небесам. То была последняя схватка Бетховена с неумолимой судьбой...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Гектор Берлиоз (1803–1869) оказался типичным самоучкой: музыкальными знаниями он был обязан себе и книгам, которые находил в библиотеке отца... Отец не разрешал ему обучаться игре на фортепиано, опасаясь, что этот инструмент увлечет его в область музыки далее, чем ему бы этого хотелось. Он считал, что профессия музыканта не подходит для его сына, и мечтал, что Гектор подобно ему будет медиком. На этой почве впоследствии между отцом и сыном возник конфликт. Молодой Берлиоз продолжал сочинять, а тем временем отец продолжал готовить сына к профессии медика. В 1821 году 18-летний Берлиоз успешно сдал экзамен на степень бакалавра в Гренобле. Оттуда он вместе с двоюродным братом уехал в Париж, чтобы поступить на медицинский факультет... По совету Лесюэра в 1826 году Берлиоз поступил в консерваторию. В течение следующих 2-х лет, по словам Берлиоза, его жизнь озаряли «три удара молнии»: знакомство с творениями Шекспира, Гёте и Бетховена...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.). Вся жизнь Г. Берлиоза – это «буря и натиск». Несколько раз не проходило по конкурсу его дипломное сочинение. Значит, вечный неудачник? Нет! Берлиоз верил в свою звезду и каждый раз с утроенной энергией начинал все сызнова... «Постоянно находясь в гуще жизненных схваток (в период между 1830 и 1848 гг. – *Е.М.*), как журналист, дирижер, композитор, он становится художественным деятелем нового типа, который всеми доступными ему средствами отстаивает свои убеждения, страстно обличает косность и пошлость в искусстве, борется за утверждение высоких романтических идеалов...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «Густав Малер (1860–1911) был больше, чем просто музыкант, маэстро, дирижер,

больше чем просто художник... Всю свою жизнь мчался он вперед, отбрасывая в сторону, опрокидывая и попирая ногами все препятствия, бежал, словно гонимый страхом не достичь совершенства. Ему вслед неслись истерические вопли оскорбленных примадонн, стенания ленивых и улюлюканье бесплодных, лай своры посредственностей, но он не оглядывался, не видел, как возрастает число преследователей, не чувствовал ударов, которыми осыпали его по дороге, он несся дальше и дальше... Такому человеку необходимо было встречать препятствия, он любил их и желал их, они служили той острой приправой к повседневности, которая заставляла его еще сильнее жаждать влаги от вечных источников... Борьба с земным составляла его божественное наслаждение, он был подвластен ему до последнего часа. Стихийное начало в нем любило бореие свободных стихий с миром земным, он не желал остановки, его влекло дальше, дальше, дальше, к единственной остановке подлинного художника – к совершенству...» (из эссе С. Цвейга «Возвращение Густава Малера», Германия, 1911 г.). «Бесспорно, что эра Малера была «блестящей эпохой» Венской оперы (Австро-Венгрия, 1897–1907 гг. – *Е.М.*). Его высшим принципом было сохранение оперы как произведения искусства, и этому принципу было подчинено все, даже от зрителей требовались дисциплина и безоговорочная готовность к сотворчеству...» (из сборника Д. Самина «100 великих композиторов», Россия, 1999 г.).

• «В 1932 году Дмитрий Шостакович (1906–1975) завершил работу над партитурой оперы «Леди Макбет Мценского уезда», которая в 1934 году была поставлена в Ленинграде и Москве и шла под названием «Катерина Измайлова». Опера была поставлена в театрах Северной Америки и Европы. Поначалу советская критика почти единодушно оценила новую оперу Шостаковича как замечательную победу советского музыкального театра. Но в январе 1936 года нашумевший спектакль «Катерина Измайлова» решил посетить Сталин. Его реакция нашла свое выражение в редакционной статье «Сумбур вместо музыки», опубликованной в «Правде», спустя несколько дней газета напечатала еще одну редакционную статью на музыкальную тему «Балетная фальшь»; на этот раз уничтожающей критике был подвергнут балет Д. Шостаковича «Светлый ручей» (1935 г.). После этих публикаций большинство произведений Шостаковича, написанных до 1936 года, практически исчезло из репертуаров театров... Во время Великой Отечественной войны Д. Шостакович до октября 1941 года работал в блокадном Ленинграде и создал Седьмую («Ленинградскую») симфонию, которая стала музыкальным памятником Великой Отечественной войне... В 1943 году композитор переезжает в Москву и до 1948 года преподает в Московской консерватории. В 1948 году композитор вновь впал в немилость; в феврале 1948 года было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) об опере В.И. Мурадели « Великая дружба», в котором музыка крупнейших советских композиторов, в том числе Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна объявлялась «формалистической» и «чуждой советскому народу». Новая волна нападков на Шостаковича в прессе значительно превзошла ту, что поднялась в 1936 году... Шостакович был обвинен в профнепригодности и изгнан из московской консерватории. Вынужденный подчиниться диктату, Шостакович однако выступил с ораторией «Песнь о лесах» (1949 г.), кантатой «Над Родиной нашей солнце сияет» (1952 г.), музыкой к ряду фильмов исторического и военно-патриотического содержания и др., что отчасти облегчило его положение... Параллельно сочинялись произведения более высокого художественного достоинства: концерт № 1 для скрипки с оркестром, вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии» (оба 1948 г.), струнные квартеты № 4 и 5 (1943, 1952 гг.), цикл «24 прелюдии и фуги» для фортепиано (1951 г.) ... В 1961 году Шостакович осуществляет вторую часть своей революционной диалогии: пишет Симфонию № 12 «1917 год»... В последующие годы Шостакович создает: квартеты № 11 (1966 г.) и № 12 (1968 г.). Вторые виолончельный (1966 г.) и скрипичный (1967 г.) концерты, Скрипичная соната (1968 г.), романсы на слова Александра Блока, Четырнадцатая симфония на стихи Аполинера, Рильке, Кюхельбеккера и Лорки, вокальные циклы на стихи Цветаевой и Микеланджело, 13-й (1969–1970 гг.), 14-й (1973 г.) и 15-й (1974 г.) струнные квартеты и Симфония № 15, сочинение, отличающееся настроением задумчивости, воспоминаний (1971 г.)» (из сборника Л. Бушуевой «11 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.). «...Весьма часто на нервной почве бьются в истерике, дерутся, обижают слабых. Но благородство материала, из которого сделан Дмитрий

Шостакович, приводит к чуду. Люди настоящие, хотят этого или не хотят, платят судьбе добром за зло. На несчастья обиды и болезни отвечают они работой. И трепанный, издерганный Шостакович, небрежно одетый, с большими очками на правильном небольшом остром носу, подчиняется тому же особому закону, что Моцарт, Бетховен и подобные им. Он работает...» (из сборника Е. Шварца «Позвонки минувших дней», российск. изд., 2008 г.).

Вокалисты

• «Элла Фицджеральд (1917–1996) росла в бедности... Ее отец оставил семью, девочку воспитывал отчим. После смерти матери ее взяла к себе тетя... В 1934 году негритянская девочка-сирота, успевшая уже поработать смотрительницей в борделе, едет в Нью-Йорк. Здесь она записывается на любительский конкурс. Ее природная застенчивость препятствовала желанию стать эстрадной артисткой... Но в 1935 году певица записала с группой Ч. Уэбба свой первый альбом «Любовь и поцелуи», немедленно вошедший в джазовые хит-парады... В 1947 году появилась знаменитая запись Фицджеральд «Как высоко луна» – она продемонстрировала амплитуду голоса певицы. Потом прозвучал знаменитый «Мэкки-Нож» Эллы, оставивший далеко позади и Фрэнка Синатру, и Бобби Дарина... Ее альбомы, записанные в 1950-е годы, останутся лучшим свидетельством самой плодотворной эпохи американской музыки. Элла Фицджеральд совершила настоящее чудо: она скрупулезно воспроизводила тексты, отыскивая в них скрытые сокровища, о которых до нее никто даже и не догадывался... Элла Фицджеральд записала за свою творческую жизнь, продолжавшуюся более пяти десятилетий, 250 музыкальных альбомов и завоевала 13 премий «Грэмми» – высших наград музыкального мира Америки... Если с возрастом голос Эллы Фицджеральд становился лишь глубже и богаче оттенками, то здоровье с годами начало ухудшаться, причем с середины 70-х все более стремительно. В августе 1985 года пришлось прервать концертное турне и срочно лечь в больницу из-за обнаружившейся в легких жидкости. В июле 1986 года ее снова госпитализировали, на этот раз из-за проблем с сердцем; для лечения пришлось прибегнуть к операции. В конце 80-х – начале 90-х годов ее выступления на нью-йоркском джазовом фестивале постоянно становились событием года. Сама идея отдохнуть приводила певицу в ужас, она постоянно жаловалась, что просто не может сидеть дома. В 1989 году у нее в гостях, в ее калифорнийском доме, побывал журналист Леонард Фитер, и на его вопрос, как она выздоравливает, певица ответила: « Сижу дома и скучаю, мне не хватает путешествий, переездов»...» (из сборника Д.Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

«Первого успеха Анна Герман (1936–1982) добилась на Международном фестивале в Сопоте-63, взяв вторую премию. А потом в репертуаре Герман появилась песня «Танцующие Эвридики», которая принесла ей победу на конкурсе в Ополе (Польша). Фотографии молодой певицы заполнили газеты... Жизнь Герман проходила в непрерывных гастролях по всему миру. Польские эмигранты устроили ей восторженный прием в США... На несколько недель Анна выезжала в ГДР и Чехословакию, потом колесила по дорогам Франции и Португалии, десять дней провела в туманном Лондоне. Проворный итальянский импресарио устроил ей концерты в Милане... В знаменитом парижском зале «Олимпия» Герман пела в одном концерте вместе с Далидой... Карьера Герман находилась на взлете (1967 г.), когда случилась трагедия: по дороге из Форли в Милан она попала в страшную автокатастрофу. Сознание вернулось к певице лишь на 12-й день. Врачи считали, что Анна на всю жизнь останется калеккой. Три года она пролежала в гипсе – то одна часть тела, то другая... Каждое утро она получала письма. Неизвестные корреспонденты признавались ей в своей любви и клялись в верности, желали скорейшего выздоровления. Знаменитый путешественник Леонид Телига, пустившийся в кругосветное плавание, написал Анне из Гонконга: «Я не сомневаюсь в том, что это Ваша главная и единственная цель. Вы рождены для искусства так же, как искусство рождено для Вас. Я верю, я надеюсь, я не сомневаюсь, что Вы вернетесь»... И Герман вернула себя к жизни!.. В 1970 году Анна вышла на сцену в Ополе. Ее появление публика встретила овацией. «Человеческую судьбу» она пела на бис три раза... Ей аплодировали артисты, принимавшие участие в концерте. У служебного входа Герман встречала толпа поклонников. При появлении Анны все хором запели здравницу «Сто лят!» У поляков это высшая форма уважения,

благодарности и восхищения. Если можно концерт назвать праздником, то таким праздником стал первый концерт Герман в Москве. Певица вышла на сцену и почувствовала расположение к себе всех собравшихся в Летнем театре сада «Эрмитаж». Анастасия Цветаева писала: «Запела! Половодьем – берега, ты затопила и нетерпение зала, и рукоплесканье, – все...» Когда Герман спела старинный русский романс «Гори, гори, моя звезда», публика разразилась такими аплодисментами, что, казалось, они разрушат зал. Одной из любимейших песен в Советском Союзе становится «Надежда» Добронравова и Пахмутовой... Известнейшие композиторы и поэты почитали за честь писать для нее песни... В 1979 году Герман почувствовала боли в ноге. Несмотря на недомогание она выходила на сцену, пела и при этом улыбалась. Милая, мягкая, сильная Анна Герман. Она умела терпеть... А потом были две операции... Зная, что ее конец близок, она переложила на музыку «Отче наш». И пела молитву уже, очевидно, для себя и про себя. Поклонники надеялись, что и на этот раз их любимица победит болезнь. Но чуда не произошло...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Актеры театра и кино

• «Легендарная актриса и эстрадная певица Марлен Дитрих (1901–1992), начав свой путь к славе в 20 лет, затем 8 лет играла незначительные роли в театре и кино, пока не обрела свою индивидуальность, не развила в достаточной степени актерское мастерство, шлифуя свой талант. Ее театральные дебют состоялся в кабаре, где она танцевала в кордебалете... Она получила солидное музыкальное образование, профессионально играла на скрипке и брала уроки вокала у известного преподавателя. Тем не менее, на протяжении своей театральной карьеры она неоднократно сталкивалась с тем, что ее называли бездарной, видели в ней только привлекательную внешность. В начале ее карьеры лишь отдельные люди чувствовали в ней талант. Несмотря на критическое отношение к ее возможностям, она продолжала развивать свои способности, искала свой стиль, свойственный только ей образ, играла в театре, совершенствуя свое актерское мастерство, и не бросала занятий вокалом. В 1929 году, после выхода на экраны фильма «Женщина, по которой тоскуют», она пережила жестокую депрессию, даже не имея возможности открыто показать свое состояние, поскольку критики дали отрицательные рецензии на этот фильм... Тем не менее, она нашла в себе силы двигаться дальше... В том же 1929 году была главная роль в фильме «Голубой Ангел». Режиссер Джозеф фон Штернберг внутренним чутьем понял, что эта «бездарная королева», как называли актрису после первых фильмов с ее участием, сможет достичь невероятных высот, так как он увидел лицо, обещавшее очень многое... Этот фильм стал поворотной вехой в ее карьере. Он принес ей первый крупный успех. Вскоре последовало предложение от кинокомпании «Парамаунт» сниматься в Голливуде, она подписала контракт, уехала в Америку и стала кинозвездой» (из книги Т. Иванюк «Творчество и личность», Россия, 2006 г.).

• «Известная итальянская киноактриса Софи Лорен (р.1934) рассказывает: «Сколько часов я провела в ожидании перед дверями продюсеров! Но никогда не падала духом, никогда не делала из этого трагедии... Провал на конкурсе красоты? Что ж, терпение. Провал на кинопробах? Опять терпение. В те годы я хотела сниматься в кино, но кинематограф не хотел меня. И я отдала свое лицо для комиксов... Им я обязана и тем, что меня пригласили сниматься для иллюстрированных журналов. Комиксы для меня оказались неплохой школой. Потом пришло время кино...» (из книги Б. Эренгросс «Удивительная наука эстетика!..», СССР, 1974 г.).

От автора. Размышление третье...

Иногда вера в светлую перспективу грядущих веков («из нашего уродства вырастает душа мира» – А. Платонов) достигает накала религиозного фанатизма, или, смягчая определение, экзистенциальной силы проникновения, более характерной для нерационального стиля мышления. Но и чистой логикой все непонятное объяснить невозможно. Вспомним казалось бы несовместимое: художник-творец «работает круглосуточно» – и «продуктивен, как

огнедышащий завод»... В этой каждодневной потребности творческого труда есть отзвук вечного недовольства временем настоящим, неприятие, даже отвержение перспективы «включиться после смерти в вечный космический круговорот в качестве элементов таблицы Менделеева». Но если страх смерти заставляет обывателя верить в загробное продолжение жизни, такой же, как во плоти, то художник-творец свято верит в вечное продолжение духовных начал, руководящих им в отмеренных сроках земного существования. Само системное видение мира, стремление к гармонии и синтезу, отвергает мысль о распаде, разложении на элементы, краткости и фрагментарности чувствования-существования. Художник-творец борется против бессмысленности и бессистемности бытия. Он – бунтарь и послушник одновременно. И здесь нет противоречия: можно отвергать религиозные догматы, стоящие на пути к познанию, но оставаться глубоко верующим в жизнь вечную, осознавая себя «мыслящим тростником» (Б. Паскаль). Да, человек по природе слаб и смертен, но в свободной мысли своей бывает мужественно-вынослив до достижения порога безграничности!

Разумеется, мужество и выносливость ему необходимы. Догматы стоят перед ним даже прежде, чем проявится ненависть «общества большинства». Но, как натура творческая, он остается альтруистом уж в том, что в отмеренных сроках своего земного существования говорит о бессмертии проповедуемых им идей. А ипостась «бунтаря»... Находясь в вечном настоящем, он не хочет, чтобы его «сужало» будущее, которое наверняка наступит уже без него. Даже монумент в его честь может рассматриваться им как достижение *предельно* отпущенного и как окончательное и бесповоротное *окаменение*. Так, Иоганн Гёте (1749–1832), «величайший из немцев» (Ф. Энгельс), подвергал сомнению архивную ценность истории, когда в письме к Ф. Шиллеру от 19 декабря 1798 года утверждал: «Мне во всяком случае ненавистно все, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности».

Против «сужения» своей деятельности (творец и художник может быть только *сущим!*) выступал и естествоиспытатель Александр Гумбольдт (1769–1859). За несколько лет до своей кончины он высказался против идеи ставить его бюст в здании Берлинской академии наук (Пруссия) рядом с бюстом ее основателя – Г. Лейбница. К тому ли он стремился всю свою сознательную сподвижническую жизнь, чтобы в конце ее добиться «неизбежного забронзовения» с положенным рангом заслуг – впереди многих действующих, но *после* отцов-основателей? Он сам, подобно нашему М.В. Ломоносову, уже был «первым и лучшим университетом своего времени»!

По мнению художника-творца, человек выдающийся вообще не нуждается в рекомендациях («человек – это не титул и не орденская лента, человек – это его поступки и побуждения» – Г. Кюрбе, 1870 г.). Когда биограф Артура Шопенгауэра (1788–1860) немец Гвиннер как-то спросил его, где бы он желал быть похороненным, Шопенгауэр отвечал: «Это безразлично; *они* уже сумеют отыскать меня».

Так стоит ли упрекать Фридриха Ницше (1844–1900), в гордыне своей обстоятельно объяснявшего, почему он так мудр, так умен, почему пишет такие хорошие книги и с именем его «некогда будет связываться воспоминание о чем-то огромном» («Ессе Номо. Как становятся самими собою», Германия, 1888 г.). Философ был «самим собою» и прежде, когда безапелляционно, с позиций гениального эгоцентриста, обнажал свою суть: «Конечно, нам нужна история, но мы нуждаемся в ней иначе, чем избалованный и праздный любитель в саду знания... Это значит, что она нужна нам для жизни и деятельности, а не для удобного уклонения от жизни и деятельности... Лишь поскольку история служит жизни, постольку мы сами согласны ей служить» (из эссе «О пользе и вреде истории для жизни», Германия, 1874 г.).

Отметим как явление симптоматичное: не архивная, застывшая история, а «история для жизни». А говоря *мы*, Ф. Ницше, разумеется, имел в виду самого себя: «Я стремился изобразить чувство, которое неоднократно меня мучило; моей мезью ему пусть будет то, что я его теперь предаю гласности» (1874 г.). Ницше признавался, что освобождается от *тяготившего* его чувства, ибо в нетерпении творчества художник-творец желал бы затмить собой весь небосвод!

Можно представить и «обратный ход» мыслей художника-творца, устремленного в прошлое с такой же личной заинтересованностью, как его рачительные заботы о будущем. О прошлом – в интересах грядущей эпохи.

«Когда философ Демонакт (112–176 н. э.) однажды прибыл в Олимпию, элейцы решили

поставить в его честь статую. Демонакт возразил: «Граждане Элеи, ни в коем случае не делайте этого, чтобы не показалось, что вы попрекаете ваших предков за то, что они не поставили статуй ни Сократу, ни Диогену...» (из книги П. Таранова «Сокровищница дерзаний. Мост в неизвестное. Цепочка путеводных огней», Россия, 2000 г.).

Демонакт поучал современников, но метил в потомков. Он предостерегал их не идти по стопам всех временно живущих: не забывать о своих гениях, требующих благодарной и вечной памяти («кто более достоин ее, если не Сократ?»).

Леность и нелюбопытность в осознании прошлого не могут быть оправданы торопливостью в подведении итогов времени уходящего. Пусть придворный историограф как можно скорее уступит место историку-аналитику. Иначе век не будет достоин искусного пера, а «бронзовые истуканы», его заменяющие, никогда не передадут неповторимый дух времени.

Об искажении «блеска надгробного величия», приводящем к искажению «блеска эпохи», писал еще Готфрид Лейбниц (1846–1716), в предисловии к своему «Своду постановлений международного права» (Германия, 1693 г.) предостерегавший: «Нельзя судить о Карле V по сочинениям французских историков, о Людовике XIII и о Ришелье – по немецким и испанским отзывам. Нельзя писать историю по слухам, надо изучать ее в архивах по документам... Иногда простых хронологических сопоставлений достаточно, чтобы опровергнуть всякие небывлицы...»

Разумеется, международные отношения и права, строящиеся на текущем политическом моменте, «так разнообразны, как нравы народов, и так переменчивы, как времена» (Г. Лейбниц). Но догмы и исторические пристрастия – самые, пожалуй, живучие из всех предрассудков и в «живой», и в «архивной» истории. Вот почему французы никогда не поставят памятник Карлу V, а немцы – кардиналу Ришелье. Еще меньше *естественных* прав на признание у деятелей современной эпохи.

«Ставить кому-либо памятник при жизни, – считал Артур Шопенгауэр (1788–1860), – значит объявить, что нет надежды на то, что потомство его не забудет». Но должное художнику-творцу можно воздать *после* его смерти, когда благодарный потомок почувствует свою сопричастность к нему и станет свидетелем по-настоящему экзистенциального процесса «размытия» границ его физической жизни. Художник-творец станет его современником как мудрый наставник из прошлого, ушедший в своем духовном развитии далеко вперед. Загадка его современности не может быть понята до конца, ибо бытие распространяется в даль бесконечную, оставляя место для творческой фантазии, постоянному переосмыслению наследия великих.

• «Учитель Конфуций (ок.551–479 до н. э.) был мудрее всех прочих философов как раз потому, что не рассуждал о возвышенных предметах и находил все нужное для своего совершенствования «рядом с собой». По мнению многих ученых мужей, слова Учителя следовало понимать как бы наоборот, ибо Учитель «говорил о близком и явном, а сам воплощал собой отдаленное и сокровенное». Иными словами, Конфуций был велик не тем, что он успел сказать за свою жизнь, а как раз тем, что он *не* говорил. Такой взгляд на Конфуция позволял по-своему оправдать все личное и частное в судьбе Учителя, ведь он побуждал искать бесконечный смысл каждого его слова и каждого жеста, а точнее было бы сказать – за словом, за жестом... Оказалось, что наследие Конфуция вовсе не мешает, а во многих отношениях даже способствует научно-технической революции в нынешних восточных обществах, входящих в орбиту конфуцианской цивилизации. Достаточно вспомнить поразительные успехи, достигнутые в последние десятилетия Японией, Тайванем, Сингапуром, Южной Кореей. Да и в самом Китае конфуцианство ныне вновь объявлено основной духовной жизни китайского народа. Выяснилось, кроме того, что конфуцианство, уделяющее главное внимание проблеме человеческого общения и общественного согласия, способно резко повысить и творческий потенциал общества, и даже эффективность новейших технологических систем. И мы уже не удивляемся, когда встречаем в журнале статью о японском экономическом чуде, озаглавленную «Капитализм по Конфуцию»...» (из книги В. Малявина «Конфуций», Россия, 1992 г.).

• «Современные обращения к Сократу – это не просто академическая дань уважения к общечеловеческому авторитету античного мыслителя... Каждое время, беседуя с Сократом (469–399 до н. э.), по-своему толкуя и споря о нем, по сути дела, занимается не прошлым, а своей современностью, не чем-то себе чуждым, а собственным делом – самоуяснением. И во

всякой новой встрече «Сократ оказывается не таинственным, а ясным и светлым, не пророком, а общительным человеком» (К. Маркс). Сократовские беседы, легко преодолев сопротивление вот уже двух с половиной тысячелетий, продолжают свое старое колдовство. Они увлекают, очаровывают, озадачивают и заставляют задуматься. А без этого нет ни философии, ни человека» (из книги В. Нерсисянца «Сократ», СССР, 1984 г.).

«Созданное гением «здесь» и «сегодня» уходит в будущее, преодолевая историческое время и пространство, – отмечает современный критик Николай Гончаренко. – Дальнодействие глубоких мыслей и великих художественных образов – одна из прочнейших нитей в преемственности культуры» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Эту связь времен не зорно признать даже художнику-творцу, ставшему главным символом своей эпохи.

За словом и за жестом Конфуция Лев Толстой видел человека «необычайной нравственной силы»; в «сократовском кругу» он различал «религию истинного христианства». Как своих единомышленников он цитировал их в своем «Кругу чтения» (1910 г.). И обладал *всемирной отзывчивостью* ко всем мыслям, стоящим над современностью. До самого конца жизни он испытывал свойственное всем гениям беспокойство души.

Так, летом 1910 года последний секретарь Толстого В.Ф. Булгаков записал в своем дневнике поразительное признание величайшего (казалось бы, нет выше!) классика мировой литературы: «Вот Паскаль умер 200 лет тому назад, а я живу с ним одной душой, – что может быть таинственнее этого? Вот эта мысль, которая меня переворачивает сегодня: «Своя воля никогда не удовлетворяет, хотя бы и исполнились все ее требования. Но стоит только отказаться от нее – от своей воли, и тотчас же испытываешь полное удовлетворение. Живя для своей воли, всегда недоволен; отрекшись от нее, нельзя не быть вполне довольным. Единственная истинная добродетель – это ненависть к себе, потому что всякий человек достоин ненависти своей похотливостью. Ненавидя же себя, человек ищет существо, достойное любви. Но так как мы не можем любить ничего вне нас, то мы вынуждены любить существо, которое было бы в нас, но не было бы нами, и таким существом может быть только одно – всемирное существо. Царство божие в нас; всемирное благо в нас, но оно не мы»... Мне так близка эта мысль, точно она моя!.. Я чувствую, как я в ней сливаюсь душой с Паскалем. Чувствую, что Паскаль жив, не умер, вот он! Так же как Христос... Это знаешь, но иногда это особенно ясно представляешь. И так через эту мысль он соединяется не только со мной, но с тысячами людей, которые ее прочтут. Это – самое глубокое, таинственное и умиляющее...» Мысль о родстве своей души с душой Паскаля продолжала волновать Толстого, и 3 августа (ст. стиль) 1910 года – за полтора месяца до смерти! – он записывает в своем дневнике: «Чудное место Паскаля. Не мог не умиляться до слез, читая его и сознавая свое полное единение с этим, умершим сотни лет тому назад, человеком. Каких еще чудес, когда живешь этим чудом?»

Чудо, явленное писателю на исходе его жизни... Лев Толстой (1828–1910) особенно подчеркивал, что от Блеза Паскаля (1623–1662) его отделяют *двести* лет, но по складу мысли он роднее и ближе ему, чем иные люди, живущие рядом с ним.

Чудо *перевоплощения* волновало и Федора Достоевского (1821–1881), видевшего эту черту неповторимого художественного гения в феномене Пушкина. «Я хотел отметить, – писал он в «Дневнике писателя» за август 1880 года, – его способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного... Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения...» В своей знаменитой Речи о Пушкине (Москва, 8 июня (ст. стиль) 1880 г.) Достоевский, еще до Льва Толстого, говорил о таинстве «слияния душ», способности «воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания...» Толстой умилялся этим перевоплощением до слез и не желал себе никаких еще больших чудес. Достаточно было этого чуда и Достоевскому, в конце своей речи отметившего: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Для Марины Цветаевой (1892–1941) Пушкин не умирал никогда, а тайну вневременного, как утверждала она, явления раскрыть невозможно. Пушкин «перепыхал» всю ее жизнь, не оставляя, без преувеличения, ни на минуту в покое. «С тех пор, да с тех пор, как Пушкина на

моих глаза на картине Наумова – убили, – признавалась она в романтическом эссе «Мой Пушкин» (Париж, 1937 г.), – ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались...» Силой художественной фантазии Марина Цветаева «оживляла» образ Пушкина до физического воплощения «классика своей мечты», – и даже бронзовый Пушкин вызывал в ней сострадание своими бедами, обрушивающимися на действующего художника-творца. «Памятник Пушкина – свидетельствовала она, – был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождем и под снегом, – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и осиленные африканские плечи! – плечами в зарию или в метель, прихожу я или ухожу, убегаю или добегаю, стоит с вечной шляпой в руке, называется «Памятник Пушкина». Памятник Пушкина был цель и предел прогулки: от памятника Пушкина – до памятника Пушкина... Памятник Пушкина был и моя первая пространственная мера: от Никитских Ворот до памятника Пушкина – верста, та самая вечная пушкинская верста, верста «Бесов», верста «Зимней дороги», верста всей пушкинской жизни...» («Мой Пушкин», Франция, 1937 г.).

Живая связь времен – не прерывается! Свои «Бесы» были и у Достоевского. И кто знает, что ждет всех нас на *зимней дороге* будущего? А Достоевский... Он терпеливо дожидается нас где-то там, в 21-м веке, чтобы охранить от падения в бездну, такую привлекательную для *литературного* характера!

Нет, это не религиозный фанатизм, не бессмысленные мечтания. Такова экзистенциальная сила проникновения художника-творца! Его жизнь после смерти нужна прежде всего идущим в ногу со временем, чтоб те имели ориентир («от памятника Пушкина – до памятника Пушкина») и не сбились с пути. Потомки и позаботятся о его жизни вечной, воплощенной, помимо вневременного влияния его прижизненных трудов и мыслей, в деяния рук человеческих – в памятные медали, именные конкурсы, здания, пароходы, самолеты, улицы и города, – или малые планеты, затерянные в бескрайних просторах Вселенной...

Блок информации третий

Жизнь после смерти, или Что останется по воле потомков

Мир науки

«Советская межпланетная каравелла переплыла океан космоса и открыла на Луне новые горные хребты, новые моря, новые кратеры. Человечество было приглашено на торжественные крестины; вновь открытым объектам лунной поверхности открыватели дают имена: «Кратер Ломоносова» – в мраморе и бронзе возникает перед взором монумент «отца русской науки»; «Кратер Циолковского» – вспоминается глуховатый голос, светлые глаза, устремленные в будущее, глаза гениального человека, который предсказал межпланетный полет; «Кратер Жолио-Кюри» – так и видишь добрую улыбку бесстрашного рыцаря мира, героического исследователя атомного ядра...» (В. Орлов «Трактат о вдохновенье, рождающем великие изобретения», СССР, 1964 г.).

Астрономы, ученые-космисты

• «Галилео Галилей (1564–1642) скончался 8 января 1642 года, не дожив 40 дней до 78 лет... Папа римский не позволил поставить ему памятника, и почитателям Галилея пришлось ждать почти 100 лет, когда это наконец было позволено. Первый памятник в церкви Санта-Кроче поставлен был лишь в 1737 году, и только в 19-м веке воздвигнут был, наконец, достойный Галилея памятник во Флоренции...» (из очерка Е. Предтеченского «Г. Галилей, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «Имя Галилео Галилея стало символом перемен, реформ и революций. Не случайно именем этого великого ученого названо несколько

крупных научных проектов. В 1610 году Галилей с помощью телескопа открыл четыре спутника Юпитера – Ио, Европу, Ганимеда и Каллисто. Через 379 лет, в октябре 1989 года, Космическое агентство США (NASA) запустило автоматический космический аппарат с целью достичь орбиты Юпитера. Этот аппарат получил название «Галилео» – в честь пионера астрономических наблюдений... Результаты оказались поразительными. В 1995 году «Галилео» вошел в атмосферу Юпитера и вскоре после этого стал первым в истории искусственным спутником этой планеты... Наконец, в сентябре 2003 года, после 14 лет полета, передав на Землю множество уникальной научной информации, «Галилео» погрузился в плотные слои атмосферы Юпитера и сгорел. Имя великого ученого присвоено не только этому космическому зонду. Так, Европейской глобальной системе навигации (GPS) было дано название «Проект Галилео». К созданию GPS приступили в 2005 году на основе размещенных на околоземных орбитах искусственных спутников, способных устанавливать точное местоположение любого объекта на поверхности Земли...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Галилео Галилей», российск. изд., 2008 г.).

• «В октябре 1604 года на звездном небе произошло необычайное событие, поразившее Галилея и его современников. В небесных глубинах, впервые в истории астрономии, зажглась сверхновая звезда. Это случилось в правой нижней части созвездия Змееносец... Такие звезды не всегда видны с Земли, но сверхновая 1604 года была не только ярче всех звезд, но даже ярче Луны. Первым ее обнаружил немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571–1630), и поэтому звезду называли его именем...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Галилео Галилей», российск. изд., 2008 г.). «В 1808 году в Регенсбурге (Бавария), где умер Иоганн Кеплер, был построен в его честь храм, в котором поставлен был бюст Кеплера из каррарского мрамора. На пьедестале в виде барельефов изображен гений Кеплера, снимающий покрывало с лица Урании, которая подает ему астрономическую трубу, изобретенную, собственно, им, а в другой руке – держит свиток с начерченным на нем эллипсом Марса. Монуменг поставлен в ботаническом саду, «в 70-ти шагах от места, где покоятся кости Кеплера», как сказано в описании монумента. Геффер в своей истории астрономии справедливо замечает, что если бы Кеплер при жизни располагал теми деньгами, каких стоит воздвигнутый ему памятник, то он, может быть, прожил бы еще несколько лет к великой пользе науки...» (из очерка Е. Предтеченского «И. Кеплер, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «...В 1808 году в Регенсбурге поставлен памятник Кеплеру, а в 1870 году – в Вейле» (из «Большой Советской Энциклопедии в 30 т., т.12, СССР, 1973 г.). «Памятная медаль с портретом Иоганна Кеплера была выпущена в 1971 году в СССР в связи с торжественным празднованием 400-летия со дня его рождения» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Спор о природе комет затянулся до начала 18-го века, когда англичанин Эдмунд Галлей (1656–1742) вычислил траектории нескольких комет, появлявшихся на звездном небе в одном и том же месте, но в разные годы, и пришел к выводу, что это одна и та же возвращающаяся комета. На основании своих расчетов Галлей предсказал появление кометы в 1758 году. Хотя сам ученый не дожил до этого времени, его прогноз оказался точным. С тех пор эту комету называют «кометой Галлея» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Галилео Галилей», российск. изд., 2008 г.).

• «Румынский шахматный композитор Вольфганг Паули (1876–1934) был известным астрономом (и математиком. – Е.М.), и его именем была названа комета в 1929 году, открытая им всего в 22 года от роду!» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «На Земле нет памятников Эдвину Хаббл (1889–1953). Никому не известно даже, где он похоронен, такова была воля его жены. Его именем назван кратер на Луне и астероид № 2069. В честь одного из выдающихся астрономов 20-го века Эдвина Хаббла в 1990 году был назван самый мощный телескоп, выведенный на космическую орбиту и значительно расширивший возможности астрономов» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Стоять рядом с Гёте мог бы только один человек – Александр Гумбольдт (1769–1859)», – сказал немецкий филолог Якоб Гримм, когда в 1862 году начали обсуждать план возведения памятника Гёте, Шиллеру и Лессингу перед театром «Шаушпильхаус» в Берлине...

Во Франции в честь «величайшего ученого своего времени» А. Гумбольдта Парижской академией наук вскоре после его кончины была заказана памятная медаль, где он именовался «новым Аристотелем». Имя Гумбольдта увековечено на географической карте мира: в его честь названы горные хребты в Америке и Азии, морское течение у северного побережья Чили и Перу (Corriente Fria de Humboldt), солончак в Неваде, ледник в Гренландии, морские бухты и озера, каналы и реки, города и селения (на североамериканском континенте), минералы, животные и растения...» (из книги Г. Скурлы «Александр Гумбольдт», ГДР, 1955 г.).

• «Открытия, идеи, гипотезы великого ученого-энциклопедиста академика Владимира Вернадского (1863–1945) являются источником вдохновения для огромного количества ученых в России и мире. Невозможно сосчитать, сколько съездов, конференций, совещаний, симпозиумов состоялось за последнее время. Они посвящены не только изучению его гигантского творческого наследия, но и результатам его исследований, уже претворенным на практике. Комиссия по разработке научного наследия В.И. Вернадского, созданная в Академии наук, выполняет громадную работу по подготовке к публикации трудов, публичных выступлений, дневников и писем этого замечательного ученого. Осуществляется 17-томное издание «Библиотеки трудов академика Вернадского», многие книги, статьи, лекции и доклады выпускаются отдельными изданиями. За выдающиеся научные труды в области наук о Земле российским ученым присуждается Золотая медаль имени В.И. Вернадского; за лучшие работы по геохимии, биогеохимии и космохимии учреждена премия имени В.И. Вернадского. Аналогичные премии вручает и Национальная Академия наук Украины. Имя В.И. Вернадского с гордостью носят Институт геохимии и аналитической химии, Мемориальный кабинет-музей, Российская академия естественных наук, Государственный геологический музей РАН, Неправительственный экологический фонд, Национальный университет в Симферополе, украинская научная станция в Антарктиде и другие научные учреждения. В его честь названы вновь открытые минералы вернадскит и вернардит, диатомовая водоросль, кратер на обратной стороне Луны, гора на Курилах и пик в районе Подкаменной Тунгуски, горы и полуостров в Восточной Антарктиде и др. В Москве и Киеве есть проспекты Вернадского, ему установлены памятники, а одна из станций Московского метрополитена даже носит его имя. Мемориальные доски великому ученому установлены в старом здании МГУ (Россия), на здании Академии наук Украины, на университете в Симферополе (Украина). В 1984 году на экраны страны вышел документальный фильм «Закон Вернадского» (режиссер Р. Сергиенко)» (из книги С. Капелуша «Пророк атомного века», Россия, 2007 г.).

• «Академией Наук СССР учреждена (1942 г.) премия имени Сергея Чаплыгина (1869–1942) «за лучшую оригинальную работу по теоретическим исследованиям в области механики». В Москве установлен бюст С.А. Чаплыгину (1961 г.), а на территории Центрального Аэрогидродинамического Института (ЦАГИ) – памятник (1959 г.). Его имя носят улицы в Москве и Новосибирске, аэродинамическая лаборатория ЦАГИ, мемориальный музей-квартира в Москве, кратер на обратной стороне Луны» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 29, СССР, 1978 г.).

• «Заслуги академика Мстислава Келдыша (1911–1978) высоко оценены... Ему установлены памятники в Москве и Риге, памятные доски на зданиях, где он жил (Москва, Воробьевское шоссе) и работал (МГУ и ИПМ). Память о М.В. Келдыше увековечена в названиях институтов (ИПМ и ИЦ), научно-исследовательского судна «Академик Мстислав Келдыш», площади в Москве, кратера на Луне и малой планеты Солнечной системы. Золотую медаль имени М.В. Келдыша вручает Российская академия наук за выдающиеся научные работы в области прикладной математики и механики, а также теоретических исследований по освоению космического пространства... 10 февраля 1981 года в Москве открыт музей М.В. Келдыша. Он расположен на территории Института прикладной математики (ИПМ) РАН и занимает бывший кабинет и приемную ученого...» (из сборника «Келдыш М.В. Творческий портрет по воспоминаниям современников», Россия, 2002 г.).

• «По идее и при непосредственном участии Николая Жуковского (1847–1921) было создано крупнейшее авиационное учебное заведение – Московский авиационный институт (МАИ), а также Военно-воздушная академия, которая теперь носит его имя» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «Жуковского теорема – теорема о подъемной

силе тела, находящегося в потоке жидкости или газа. Была доказана в 1904 году Н. Жуковским; в 1906 году опубликована в его работе «О присоединенных вихрях...» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 3, СССР, 1959 г.). По имени Н.Е. Жуковского назван город в Московской области (1947 г.) на р. Москва.

- «Константин Циолковский (1857–1935) был убежденный домосед. Больших трудов стоило уговорить его даже на поездку в Москву, когда торжественно отмечали его 75-летие (1932 г.) Он и по Калуге не очень-то гулял – ведь так крута эта бегущая от Оки улочка, названная теперь его именем... И не раз в удивлении и благодарности поклонится человечество маленькому домику у Оки, когда скрип пера в калужской светелке откликнется новыми громами Байконура...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.). «В связи со 100-летием со дня рождения Циолковского в 1954 году АН СССР учредила золотую медаль имени К.Э. Циолковского «За выдающиеся работы в области межпланетных сообщений». В Калуге и Москве сооружены памятники ученому; создан мемориальный дом-музей в Калуге; его имя носят Государственный музей истории космонавтики и педагогический институт в Калуге, Московский авиационный технологический институт. Именем Циолковского назван кратер на Луне» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 28, СССР, 1978 г.).

- В честь Сергея Королева (1906/07–1966), Главного конструктора космических кораблей, назван город в Московской области (до 1996 года – Калининград) – центр ракетно-космической промышленности и Центр управления полетами... «В Аллее Космонавтов (Москва, СССР), рядом со знакомыми лицами звездолетчиков – портрет человека с открытым лицом и проникновенным взглядом. Это С.П. Королев...» (из «Детской энциклопедии» в 12 т., т. 9, СССР, 1969 г.).

Ученые: физики, химики

- «Среди математиков и физиков новой истории Исаак Ньютон (1643–1727) занимает такое же отдельное место, как его соотечественник Шекспир среди драматургов... В 1731 году наследники Ньютона воздвигли ему великолепный памятник, украшенный эмблемами его открытий... В честь Ньютона была выбита медаль с надписью, взятой из Вергилия: «Счастлив, познавший причины». В 1755 году в коллегии Троицы, в Кембридже, была поставлена превосходная мраморная статуя Ньютона работы Рубильяка со знаменательной надписью:

«Превосходящий умом человеческий род».

Таково, впрочем, было мнение о Ньютоне и современников, и ближайшего потомства...» (из очерка М. Филиппова «И. Ньютон, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.). «По имени И. Ньютона названа единица измерения силы в абсолютной системе механических единиц. 1 ньютон – сила, сообщающая массе в 1 кг ускорение в 1 м/сек²... Бином Ньютона – название формулы, выражающей любую положительную степень суммы двух слагаемых (бинома, двучлена) через степени этих слагаемых... Ньютон обобщил известную до него формулу на случай дробных и отрицательных показателей...» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 6, СССР, 1959 г.).

- «Главное в Михаиле Ломоносове (1711–1765) – стремление быть полезным Отчизне... Сегодня Московский университет носит имя М.В. Ломоносова. У входов в старое и новое (на Воробьевых горах) здания «храма российского образования» установлены памятники рыцарю российской науки...» (из книги П. Таранова «От Монтеня до В.В.Розанова», Россия, 2001 г.). Именем М.В. Ломоносова названы: город в Ленинградской области (с 1948 г.), литейно-механический и кирпичный заводы, подводный хребет в Северном Ледовитом океане, экваториальное течение в Атлантическом океане, кратер на Луне...

- «Алессандро Вольта (1745–1827) умер 82-летним стариком и был похоронен на старом кладбище, где через несколько лет его семья воздвигла над могилой сооружение, напоминающее небольшой замок, украшенный аллегорическими фигурами и горельефами, а также бюстом Вольты, выполненными известным скульптором Комолли... В 1900 году, когда исполнилось 100 лет со дня великого открытия Алессандро Вольты, в городке Комо в Италии, где он родился, устроена была электрическая выставка, сопровождавшаяся пышными церемониями. На выставке в особом павильоне представлены были любовно собранные

уникальные приборы и личные вещи Вольты...сенаторский меч, некогда подаренный Вольте Наполеоном, и его награды. К выставке выпущен был проспект с фотографиями экспонатов... Еще Вольта вечен в вольте – единице электрического напряжения...» (из книги В. Карцева «Приключения великих уравнений», СССР, 1986 г.).

• «Андре Ампер (1775–1836) стал академиком в 35 лет, но известие о его смерти (1836 г.) не было воспринято современниками слишком драматически... А сейчас есть город Ампер, железнодорожная станция Ампер, научно-исследовательский центр имени Ампера, музей Ампера, «Общество друзей Ампера». Наконец, в международной системе единиц среди четырех главных – метра, килограмма, секунды, ампера – одна единица названа в честь ученого. Мировая слава Ампера началась с того памятного немногим заседания Международного конгресса электриков в 1893 году, когда термин «ампер» был официально введен в нашу речь в качестве одной из основных единиц электротехники – единицы силы электрического тока. Бронзовый Ампер, восседающий сейчас на одной из площадей своего родного города Лиона (Франция), вряд ли похож на настоящего, живого Ампера – тот был человек из плоти и крови, он «скорее был уродлив, чем некрасив, одевался плохо и был явно неряшлив, всегда ходил «на всякий случай» с большим зонтом, был неуклюж и неловок»...» (из книги В. Карцева «Приключения великих уравнений», СССР, 1986 г.).

• «В октябре 1931 года в Вестминстерском аббатстве были открыты мемориальные плиты Майклу Фарадею (1791–1867) и Джеймсу Клерку Максвеллу (1831–1879). Случилось так, что два юбилея почти совпали – открытие Фарадеем закона электромагнитной индукции и рождение Максвелла. Мемориальные плиты Максвелла и Фарадея были заложены в нефе аббатства, за могилами сэра Исаака Ньютона и Вильяма Томсона, лорда Кельвина. Мастер Тринити сэра Дж. Дж. Томсон после торжественного открытия мемориальных плит сказал, что работы Фарадея и Максвелла выстояли наиболее суровое испытание – испытание временем. Каждый год, который проходил со времени их смерти, заставлял нас все более и более ясно понимать важность их вклада в физику... «Язык Ньютона и Максвелла останется языком физиков на все времена», – сказал Нильс Бор на том юбилее. На все времена...Бессмертие...» (из книги В. Карцева «Максвелл», СССР, 1976 г.).

• «Именем Майкла Фарадея (1791–1867) были названы законы, явления, единицы физических величин и т. д. (фарада, фарадей, Фарадея число, Фарадея эффект, цилиндр Фарадея и др.)...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 27, СССР, 1977 г.).

• «Джеймс Клерк Максвелл (1831–1879) – выдающийся английский физик... Созданная им теория электромагнитных явлений названа «теорией Максвелла»... Статистическая закономерность, относящаяся к движению множества частиц (молекул, атомов), получила название «Максвелла закон распределения скоростей»... В честь английского физика установлена единица измерения магнитного потока – «максвелл»...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 50 т., т. 26, СССР, 1954 г.).

• «Петр Лебедев (1866–1912) создал первую в России физическую школу, его именем назван Физический институт АН СССР...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 14, СССР, 1973 г.). Именем П.Н. Лебедева названа одна из улиц Москвы.

• «На могильной плите физика Макса Планка (1858–1947) выбиты только имя и фамилия и численное значение «постоянной Планка»...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов», Россия, 2008 г.). «Германское физическое общество назвало в честь Макса Планка свою высшую награду «медалью Планка», и сам ученый стал первым обладателем этой почетной награды. В честь его 80-летия одна из малых планет была названа Планкианой, а после окончания Второй мировой войны Общество фундаментальных наук кайзера Вильгельма было переименовано в Общество Макса Планка...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Как метко сказал советский ученый П. Капица: «Во всей мировой науке в наши дни не было человека с таким влиянием на естествознание, как Нильс Бор (1885–1962). Из всех теоретических троп тропа Бора была самой значительной»... В честь великого ученого советские ученые назвали 105-й химический элемент «нильсборием» (с 1997 г. – «дубний». – Е.М.)...» (из сборника С. Мусского «100 великих нобелевских лауреатов Россия, 2008 г.).

• «В честь итальянского физика Энрико Ферми (1901–1954) названа внесистемная единица

длины «ферми» равная 10-13 см. Применяется в ядерной физике... Квантовая статистическая физика носит название «Ферми-Дирака статистики»... Там же – «Ферми энергия», «Ферми поверхность», «Ферми-газ»...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т.27, СССР, 1977 г.). «В 1955 году в честь него новый, сотый элемент был назван «фермием»...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

- «Имя Игоря Курчатова (1902/03 – 1960) присвоено Белоярской атомной электростанции. Его имя носит поселок в Курской области, где сооружается Курская атомная электростанция. Академия Наук СССР учредила медаль имени И.В. Курчатова, присуждаемую за выдающиеся работы в области ядерной физики. 104-й элемент периодической системы Менделеева назван «курчатовием»...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 14, СССР, 1973 г.).

- «В истории развития науки известно много крупных открытий. Но немногие из них можно сопоставить с тем, что сделал Дмитрий Менделеев (1834–1907) – один из крупнейших химиков мира. Хотя со времени открытия его закона прошло много лет, никто не может сказать, когда будет до конца понято все содержание знаменитой «таблицы Менделеева»...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «В честь Менделеева за выдающиеся работы по физике и химии учреждены премии Академии наук СССР. Его имя носит Всесоюзное химическое общество, а также ряд высших и средних химических учебных заведений. В память Менделеева в 1907–1934 годах собирались менделеевские съезды по чистой и прикладной химии (7 съездов). С 1952 года в системе Академии наук СССР работает специальная Комиссия по изучению научного наследия и изданию трудов Менделеева» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 50 т., т. 27, СССР, 1954 г.). «...После смерти Менделеева (1907 г.) его имя было присвоено Русскому химическому обществу, и ежегодно 27 января, в день рождения ученого, в Петербурге проходит торжественное заседание, на котором представляют авторов лучших работ по химии и награждают их медалью имени Д.И. Менделеева. Эта награда считается одной из самых престижных в мировой химии...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). Именем Д.И. Менделеева назван действующий вулкан в южной части острова Кунашир (Курильские острова), одна из улиц Москвы.

- «Имя Сергея Лебедева (1874–1934) присвоено ряду научных учреждений (в т.ч. Всесоюзному научно-исследовательскому институту синтетического каучука); Академия Наук СССР учредила премию имени С.В. Лебедева, присуждаемую за выдающиеся исследования в области химии полимеров» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 14, СССР, 1973 г.).

Ученые: математики, статистики

- Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) умер в ноябре 1716 года. Его смерть не была отмечена ни в Берлинской, ни в Английской академии. Его биограф пишет, что он был похоронен как нищий, а не как выдающийся гений Германии. Только спустя много лет в его родном городе Лейпциге была поставлена статуя Лейбница...» (из статьи М. Чирикова «Готфрид Вильгельм Лейбниц», СССР, 1965 г.). «В здании Берлинской академии наук установлен бюст ее основателя – Г. Лейбница...» (из книги Г. Скурлы «Александр Гумбольдт», ГДР, 1955 г.). «...В наши дни Лейбниц и его дело – гордость международной науки и всего прогрессивного человечества. В Германской Демократической Республике его имя, передовые философские и научные идеи вошли в золотой фонд социалистической культуры» (из книги И. Нарского «Готфрид Лейбниц», СССР, 1972 г.).

- «Леонард Эйлер (1707–1783) занимает в математике такое же место, какое принадлежит Вольтеру в литературе... Математик Жан Кондорсе говорит, что «смерть Эйлера (1783 г.) считалась великой общественной потерей даже в той стране, где он умер: Петербургская академия наук облачилась по нему в глубокий траур; мраморный бюст Эйлера всегда будет украшать собой тот зал, в котором происходят академические заседания...» (из очерка Е. Литвиновой «П. Лаплас и Л. Эйлер, их жизнь и научная деятельность». Россия, 1892 г.). «...Российская академия заказала известному скульптору Ж.Д. Рашетту, хорошо знавшему Эйлера, мраморный бюст покойного, а княгиня Дашкова (президент Российской академи

наук. – *Е.М.*) подарила мраморный пьедестал» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). «Великий математик изображен на картине, висящей в зале Российской академии наук: Эйлер опирается на доску, покрытую формулами, подтверждающими его новую теорию движения Луны...» (из очерка Е. Литвиновой «П. Лаплас и Л. Эйлер, их жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

- «В истории науки часто бывает так, что истинное значение научного открытия выясняется не только через много лет после того, как это открытие было сделано, но, что особенно интересно, в результате исследований совсем в другой области знаний. Так произошло и с геометрией, предложенной Николаем Лобачевским (1792–1856), которая сейчас носит его имя...» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.). В 1896 году в Казани (Россия) Н.И. Лобачевскому установлен памятник (скульптор М. Диллон). Имя Лобачевского носит одна из улиц Москвы.

- «Тотчас же после смерти статистика и социолога Адольфа Кетле (1796–1874) его друзьями и почитателями был поднят вопрос о возведении памятника великому бельгийскому мыслителю, которого весь мир считал своим. Мысль эта была встречена повсюду с большим энтузиазмом. В сравнительно очень короткое время нужная сумма была собрана, и выполнение плана было поручено известному скульптору Фрайкину. Местом для памятника была избрана обширная площадь перед зданием Брюссельской академии наук. 11 мая 1880 года состоялась церемония открытия памятника Адольфу Кетле. Присутствовали все ученые общества Брюсселя и множество делегатов различных ученых учреждений провинции и заграницы. Кетле представлен сидящим в просторном кресле. Пальцы левой руки простерты над стоящим возле него глобусом, правая рука спускается над ручкой кресла. Просторное платье широкими складками облегает его высокую, стройную фигуру. Голова приподнята несколько вверх, глубокий взор больших, выразительных глаз устремился вдаль, как бы стараясь проникнуть в тайны Вселенной...» (из очерка Н. Райхесберга «А. Кетле, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1894 г.).

- «Удалось изыскать французские фонды, и осенью 1928 года начал функционировать созданный на эти средства новый институт, которому предстояло проводить исследования в области теории вероятностей, математической и теоретической физики. На торжественной церемонии открытия, на которой председательствовал премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре (брат выдающегося математика. – *Е.М.*), новому научному учреждению было присвоено имя Анри Пуанкаре (1854–1912). Институт имени Анри Пуанкаре!.. Сошел со ступеней большой «корабль науки», которому предстояло нести в будущее самое ценное человеческое достояние – мысль... В юбилейный, 1954 год вышел из печати 9-й том посмертно издававшихся трудов ученого...» (из книги А. Тяпкина и А. Шибанова «Пуанкаре», СССР, 1979 г.).

- «Алан Тьюринг (1912–1954) сыграл очень важную роль в становлении компьютерной науки. Большинство современных программ создается на базе его теорий. В 1966 году была учреждена Премия Тьюринга – своего рода аналог Нобелевской премии для специалистов в сфере информационных технологий» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Джон фон Нейман», российск. изд. 2009 г.). «Журнал «Тайм» записал А. Тьюринга в сотню самых важных людей 20-го века (еще до «тестов Тьюринга» английский программист создал дешифровальную машину «Бомба», с помощью которой удалось взломать самый стойкий вариант шифра нацистской «Энигмы». – *Е.М.*)... В 2002 году, по результатам общенационального опроса Би-би-си, А. Тьюринг попал в сотню самых знаменитых британцев за всю историю, оказавшись на 21-м месте...» (из статьи В. Дегтяревой «Белоснежка по-британски: Прерванный полет гения», Россия, 2009 г.).

Естествоиспытатели, физиологи

- Поистине семь кругов ада прошли те, кто пришел к кругу крообращения. Их было несколько, этих мужественных первопроходцев, которым люди поставили памятники: в Мадриде – Мигелю Сервету (1509 или 1511–1553), в Болонье – Карло Руин, в Пизе – Андреа Чезальпино (1519–1603), в Англии – Уильяму Гарвею (1578–1657) – тому, кто поставил

последнюю точку...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

• «Уильяму Гарвею (1578–1657) довелось при жизни увидеть торжество своих воззрений; заслуги его были признаны ученым миром вообще и его соотечественниками в частности. Он доживал свой век, окруженный славой и почетом... Новое поколение физиологов и анатомов видело в Гарвее своего вождя и патриарха. Поэты – Драйден, Коули – писали в его честь стихи. Лондонская медицинская коллегия поставила в зале заседаний его статую со следующей надписью:

УИЛЬЯМУ ГАРВЕЮ,

Мужу бессмертному, благодаря оставленным им памятникам,

Этот памятник воздвигла Лондонская медицинская коллегия.

Тот, кто открыл движение крови

и исследовал рождение животных,

Заслужил быть увековеченным в статуе.»

(из очерка М. Энгельгардта «У. Гарвей, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Ян Пуркине (1787–1869) – чешский биолог и физиолог, основал в 1839 году первый в мире Физиологический институт во Вроцлаве. Микроскопические исследования Пуркине послужили основой клеточной теории, которую он сформировал в 1837 году... В 1969 году в Чехословакии появилась серебряная монета в 25 крон с профильным изображением Пуркине...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «В 1886 году скульптор А. Опекушин создал памятник знаменитому русскому естествоиспытателю Карлу Бэру (1792–1876) в Дерпте (Россия). Проект этого памятника был удостоен первой премии на всемирном конкурсе, где принимали участие многие скульпторы Европы и Америки. В этом памятнике скульптор мастерски решил одну из труднейших задач монументальной скульптуры – изображение сидящей человеческой фигуры. Старый ученый отдыхает в глубоком кресле, задумавшись и подперев голову рукой. На коленях у него раскрытая книга. Спокойное, внимательное лицо с нависшими бровями и большим красивым лбом – лицо мыслителя – прекрасно своей одухотворенностью. Вся поза очень естественна и правдива...» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

• «Как известно, Роберт Майер (1814–1878) выступил с идеей закона сохранения и превращения энергии (1841 г.), встреченного явно враждебно... Но не так-то легко замолчать новое и, что называется, «закрыть открытие». Со временем оно все прочнее овладевало умами, пополняясь свежими подтверждениями. Р. Майера признают: премия имени Понселе (Франция), медаль Королевского общества (Англия), расщедрилась даже Германия, выделив ему за научные достижения медаль. А когда после смерти ученого англичане взялись собирать деньги на памятник, тут и родному Гейльбрунну стало совестно: решили воздвигнуть постамент и здесь...» (из книги А. Сухотина «Превратности научных идей», СССР, 1991 г.).

• «Герман Гельмгольц (1821–1894) считался в Германии национальным достоянием. Ему удалось стать первым врачом среди ученых и первым ученым среди врачей... В июле 1845 года Гельмгольц сделал составивший эпоху доклад в физическом обществе «О сохранении силы»... Труды Гельмгольца в области физиологии посвящены изучению нервной и мышечной систем... Перед Берлинским университетом, где протекали последние годы жизни великого естествоиспытателя, ему был поставлен мраморный памятник...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «На родине Ивана Сеченова (1829–1905) ему воздвигнут памятник (СССР); его имя присвоено 1-му Московскому медицинскому институту (1955 г.), Институту эволюционной физиологии и биохимии АН СССР (1956 г.); учреждена премия им. Сеченова, присуждаемая АН СССР раз в 3 года советским ученым за выдающиеся исследования по физиологии» (из статьи В. Черниговского и К. Ланге «Сеченов», СССР, 1976 г.).

• «Свою книгу «Солнце, жизнь и хлорофилл» Климент Тимирязев (1843–1920) считал итогом «полувековых попыток ввести строгость мысли и блестящую экспериментацию физики

в изучение самого важного физиологического явления»... Он умер 28 апреля 1920 года, весной, когда распускаются листья на деревьях. Сегодня, гранитный, он стоит в Москве у Никитских ворот и с высокого пьедестала оглядывает новые весны и новые листья на деревьях, те самые простые и загадочные листья, тайне которых он отдал жизнь...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

• «Имя Ивана Павлова (1849–1936) присвоено Институту физиологии АН СССР, 1-му Ленинградскому медицинскому институту, Рязанскому медицинскому институту и др.; АН СССР учреждены: в 1934 году – премия им. И.П. Павлова, присуждаемая за лучшую научную работу в области физиологии, и в 1949 году – золотая медаль его имени – за совокупность работ по развитию учения Павлова» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 19, СССР, 1975 г.).

Классификаторы растительного и животного мира, натуралисты, иммунологи

• «Знаменитый шведский естествоиспытатель Карл фон Линней (1707–1778), автор «Системы природы» и «Философии ботаники», составил наиболее удачную систему классификации растительного и животного мира... С 1965 года на банкнотах Швеции в 50 крон помещается профильное изображение мужчины в камзоле и парике, держащего в правой руке цветок ландыша. Это всемирно известный врач и естествоиспытатель Карл Линней...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.). «В Англии, в память К. Линнея, основано ученое Линнеевское общество, существующее и до сих пор... Библиотека и коллекции Линнея сделались собственностью Общества, носящего имя славного натуралиста Швеции» (из очерка В. Фаусека «К. Линней, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.).

• «В 1909 году в Париже было большое торжество: открывали памятник великому французскому натуралисту Жану Батисту Ламарку (1744–1829) в ознаменование 100-летия со дня выхода в свет его знаменитого сочинения «Философия зоологии» (1809 г.). На одном из барельефов этого памятника изображена трогательная сцена: в кресле сидит больной, ослепший старик – это сам Ламарк, потерявший в старости зрение, рядом с ним стоит его дочь. Девушка утешает отца. Ее слова, обращенные к Ламарку, выбиты на барельефе: «Благодарное потомство будет восхищаться вами, мой отец, оно отомстит за вас»... Слова Корнелии (дочери Ж. Ламарка. – *Е.М.*), запечатленные на памятнике гениальному ученому, оказались пророческими: потомство действительно признало труды Ламарка и к нему пришла заслуженная слава...» (из статьи Б. Райкова «Жан Батист Ламарк», СССР, 1965 г.).

• «Благодаря Чарльзу Дарвину (1809–1882) почти никто из биологов 20-го века не сомневался в том, что мир живой природы развивается эволюционно... Ныне дом Дарвина – национальный музей, открытый широкой публике. Бронзовая статуя Ч. Дарвина установлена в его родном городе Шрусбери...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Чарльз Дарвин», российск. изд., 2008 г.). «В Москве находится Дарвиновский музей (основан в 1905 году проф. А.Ф. Котсом) – государственное культурно-просветительное учреждение по пропаганде дарвинизма... В честь Ч. Дарвина названа гора на юге Чили, в западной части острова Огненная Земля (горная система Анд). Ч.Дарвин посетил Огненную Землю в 1832–1833 гг... В 1945 году в связи с осуществлением плана создания Большой Волги был создан государственный Дарвинский заповедник, общей площадью около 164 тысячи га... (из «Большой Советской Энциклопедии» в 50 т., т. 13, СССР, 1952 г.). «В 1958 году в Лондоне был создан комитет по Галапагосским островам. В 1959 году появился исследовательский центр имени Ч. Дарвина для восстановления биологического равновесия на островах организовавший вывоз оттуда домашних животных... Затем Дарвиновский центр начал проект по сохранению гигантских черепах, численность которых катастрофически сокращалась. В 1976 году этот центр занялся размножением игуан...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Чарльз Дарвин», российск. изд., 2008 г.).

• «Умер Грегор Мендель (1822–1884) 6 января 1884 года настоятелем того монастыря, где вел свои опыты с горохом. Не замеченный современниками, Мендель, тем не менее, нисколько не поколебался в своей правоте... В августинском монастыре на окраине Брно сейчас

поставлена мемориальная доска, а рядом с палисадником воздвигнут прекрасный мраморный памятник Г. Менделю (на нем начертаны его слова: «Мое время еще придет»). Комнаты бывшего монастыря, выходящие окнами в палисадник, где Мендель вел свои опыты, превращены теперь в музей его имени. Здесь собраны рукописи (к сожалению, часть их погибла во время войны), документы, рисунки и портреты, относящиеся к жизни ученого, принадлежавшие ему книги с его пометками на полях, микроскоп и другие инструменты, которыми он пользовался, а также изданные в разных странах книги, посвященные ему и его открытию» (из сборника Д. Самина «100 великих ученых», Россия, 2004 г.).

• «Иван Мичурин (1855–1935) почти безвыездно жил и работал в небольшом уездном городе тогдашней Тамбовской губернии – Козлове. В 1932 году этот город был переименован в Мичуринск» (из статьи П. Генкеля «Иван Владимирович Мичурин», СССР, 1965 г.). «В Мичуринске (до 1932 г. – Козлов) научно-исследовательскую работу в области селекции и генетики плодово-овощных культур ведут Центральная генетическая лаборатория имени И.В. Мичурина (1931 г.), Научно-исследовательский институт плодоводства им. И.В. Мичурина (1931 г.), Мичуринский педагогический институт – высшее учебное заведение в г. Мичуринске, готовящее учителей для средней школы (открыт в 1952 г.)... В Мичуринске – Дом-музей И.В. Мичурина... Город Царево на Юго-Востоке Болгарии в 1950 году переименован в Мичурин – в память выдающегося советского ученого...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 50 т., т. 27, СССР, 1954 г.).

• «Научные достижения доктора Марчелло Мальпиги (1628–1694) огромны. Он был первым ученым, который занимался систематическими и целенаправленными микроскопическими исследованиями... он был пионером в области гистологии, эмбриологии, анатомии, ботаники, даже минералогии... В честь Мальпиги в Болонье (на родине врача. – Е.М.) была выбита медаль, в университете поставлена его статуя...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Эдварду Дженнеру (1749–1823) повезло, он, не в пример другим новаторам, дожил до того времени, – когда его открытие (предохранительные свойства прививания коровьей оспы. – Е.М.) было признано всем научным сообществом. С 1803 года и до конца своих дней Дженнер руководил основанным им обществом оспопрививания в Лондоне, ныне Дженнеровский институт. После смерти ученого, последовавшей 26 января 1823 года, в память о нем была воздвигнута его статуя в Трафальгар-сквере в Лондоне» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Белые халаты на улице Ру так же привычны глазу парижан как скромные блузки продавщиц из универмагов Риволи и вольная пестрота рубашек Монмартра. Белые халаты – живая эмблема улицы Ру, ее слава, напоминание о трудах сегодняшнего дня, воспоминания о ее великом прошлом: на улице Ру в Париже находится Институт Пастера. В стенах этого здания жил и работал великий человек, Луи Пастер (1822–1895), подаривший миру новую науку – микробиологию... Институт Пастера – крупнейший биологический и микробиологический центр Франции. Скромная лаборатория основателя института превратилась в наши дни в ряд современных лабораторных корпусов...» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.). «Пастеровский институт был основан в 1888 году специально для Луи Пастера на средства, собранные по подписке в разных странах, в том числе в России. Пастер успел недолго поработать в новом институте – к тому времени он был уже сильно болен. В подвале института, в склепе, где похоронен Пастер, обозначены на стенах даты всех его работ и открытий. А на куполе к изображению трех традиционных ангелов – Веры, Надежды и Любви – добавлен четвертый – Наука. В мозаичные изображения, украшающие капеллу, вплетены фигуры животных: курицы и петуха в память о борьбе Пастера с куриной холерой, овец, которых Пастер избавил от сибирской язвы...» (из интервью П. Грабара «Я люблю, когда в лаборатории поют и смеются. Это значит, что все идет хорошо», СССР, 1973 г.).

• «Имя Ильи Мечникова (1845–1916) известно во всех странах мира. Его знает не только каждый врач и биолог, но и каждый культурный человек... В нашей стране имя Мечникова пользуется всенародным признанием. Советское правительство учредило золотую медаль и премию имени И.И. Мечникова за лучшие работы по биологии» (из статьи Ю. Миленушкина «Илья Ильич Мечников», СССР, 1966 г.).

• «Николай Гамалея (1859–1949) был одним из основоположников учения об иммунитете... В 1949 году Советское правительство приняло специальное постановление об увековечении памяти почетного академика Н.Ф. Гамалеи. Издается собрание его сочинений, учреждена премия его имени за лучшие работы по микробиологии и иммунитету. Крупнейшему в стране Научно-исследовательскому институту эпидемиологии и микробиологии, где Н.Ф. Гамалея работал много лет, присвоено его имя...» (из статьи Ю. Миленушкина «Николай Федорович Гамалея», СССР, 1966 г.).

Врачи, психотерапевты, психологи

• «Отец медицины» Гиппократ (ок. 460–377 гг. до н. э.) умер в Лариссе (Греция) в 377 году до н. э. на 83 году жизни. После смерти афиняне воздвигли ему железную статую с надписью: «Гиппократу, нашему спасителю и благодетелю». Долгое время его могила была местом паломничества. Легенда гласит, что водившиеся там дикие пчелы давали мед, обладавший целительными свойствами. Платон сравнивал его с Фидием, Аристотелем, называл его великим, а Гален – божественным» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», 2006 г.).

• «В своем «Каноне врачебной науки» Ибн Сина («Авиценна») (980–1037) представил многие болезни, как внутренние, так и кожные, глазные и детские заболевания; подробно описал их симптомы и способы лечения; перечислил целебные средства и дал рецепты составления лекарственных препаратов... Учение Ибн Сины о воздействии психических (аффективных) состояний на глубинные органические процессы еще не знала античность... 28 апреля 1954 года в иранском городе Хамадане был поставлен памятник Авиценне. 29 апреля 1954 года был торжественно открыт новый мавзолей Авиценны» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Парацельс (1493–1541) оказал громадное влияние на медицину своего века, подвергнув критике старые принципы и опровергнув классические авторитеты. Имя Парацельса стало одним из символов медицины. Медаль Парацельса – высшая награда, которую в ГДР мог получить врач» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «По всей вероятности, первым врачом, в честь которого была, выпущена в 1928 году марка за медицинские достижения, был клиницист и патолог Герман Бургав (1668–1738)... «Всей Европы учитель» – так называли его врачи... и на денежном знаке 20 гульденов 1955 года, также выпущенном в Нидерландах, изображен Бургав...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Доктор медицины Герард ван Свитен (1700–1772) скончался 18 июня 1772 года в Шеннбрунском императорском дворце. Эрцгерцогиня Австрийская, королева Венгрии и Чехии, великая герцогиня Тосканская Мария-Терезия выразила желание похоронить его в венской церкви Августинцев, служившей местом погребения героев, и в знак высоких заслуг велела поставить в одном из залов университета его бюст. Второй памятник он воздвиг себе сам, создав непревзойденную Венскую клиническую школу, которая переросла в Лейденскую, и послужила образцом всем другим...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Память о Николае Пирогове (1810–1881) чтут в нашей стране. Имя его носят научные институты, улицы и площади многих городов. Премия имени Н.И. Пирогова присуждается за лучшие труды по хирургии...» (из статьи М. Поповского «Николай Иванович Пирогов», СССР, 1966 г.). «После смерти Н. Пирогова (1881 г.) было основано Общество русских врачей, в память Н.И. Пирогова, регулярно созывавшее Пироговские съезды. Всего было 12 регулярных Пироговских съездов (первый в 1885 г., последний в 1913 г.); три чрезвычайных: в 1905 г. (т. н. холерный), в 1917 г. (после Февральской революции) и в 1919 г.; один внеочередной в связи с войной (1916 г.) и съезд в 1918 г., на котором выявились резкие разногласия членов общества в отношении к Советской власти. На Пироговских съездах собирались по 2–2,5 тысяч делегатов, т. е. на них присутствовал каждый 10-й врач России; на съездах заслушивалось от 100 до 500 докладов. В работе Пироговских съездов участвовали С. Боткин, И. Павлов, Н. Склифосовский, В. Бехтерев, Ф. Эрисман и др. Имя Пирогова носят Ленинградское хирургическое общество, 2-й

Московский и Одесский медицинские институты. В селе Пирогово, (Винницкая обл.), где находится склеп с набальзамированным телом ученого, в 1947 году открыт мемориальный музей-усадьба. В 1897 году в Москве перед зданием хирургической клиники на Б. Царицынской ул. (с 1919 г. – Б.Пироговская ул.) установлен памятник Н.И. Пирогову (скульптор В.О. Шервуд). В Государственной Третьяковской галерее хранится портрет Н. Пирогова кисти И.Е. Репина (1881 г.)» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 19, СССР, 1975 г.).

• «В Ленинграде перед зданием Военно-медицинской академии стоит памятник: на гранитном постаменте фигура пожилого человека в старомодном сюртуке. Человек невысок, но плечист, он слегка расставил ноги, заложил руки за спину, в раздумье склонил на грудь голову с большим мудрым лбом. Когда в 1908 году скульптор В.А. Беклемишев закончил работу над памятником профессору Сергею Боткину (1832–1889), еще живы были многие ученики и соратники замечательного врача и ученого. Они хорошо помнили эту позу, так удачно схваченную скульптором...» (из статьи М. Поповского «Сергей Петрович Боткин», СССР, 1966 г.). «Имя С.П. Боткина присвоено одной из крупнейших больниц в Москве. Открытая им в 1880 году Александровская барачная больница (С.-Петербург) – ныне больница его имени...» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 1, 1958 г.).

• «Николай Склифосовский (1836–1904) – русский хирург... Он инициатор Пироговских съездов врачей (с 1885 г.), учредитель и председатель 1-го съезда российских хирургов (1900 г.). Имя Н.В. Склифосовского присвоено (1923 г.) Московскому институту скорой помощи» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 23, СССР, 1976 г.). «Редкий москвич с ходу вспомнит нынешнее официальное название этого лечебного учреждения – НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского, – но чем там занимаются, и где он примерно расположен, знают все. Потому что в эту больницу не ложатся на обследование или для прохождения курса лечения после обстоятельных консультаций с врачами и в порядке очереди. Туда со всей Москвы машины «скорой помощи» мчат тех, кто попал в аварию, получил травму, чья жизнь в опасности, и спасти ее может только неотложная помощь знаменитых кудесников «Склифа». Созданный на базе Шереметевской больницы, институт стал одной из самых популярных больниц в столице – насколько вообще уместно это прилагательное по отношению к лечебному заведению» (из сборника В. Гакова «Круглые даты 2003 года», Россия, 2003 г.).

• «К началу Первой мировой войны (1914 г.) Николай Бурденко (1876–1946) был уже крупным хирургом... Начиная с 1937 года, Бурденко – главный хирург-консультант Советской армии... Лекции по военно-полевой хирургии, которые читал Н.Н. Бурденко, посещали все отправлявшиеся на фронт хирурги. Имя Н.Н. Бурденко присвоено факультетской хирургической клинике 1-го Московского медицинского института, Институту нейрохирургии Академии медицинских наук, Главному военному госпиталю Вооруженных Сил...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Есть в Одессе, на Пролетарском бульваре, красивое светлое здание. Для тех, кто однажды попал в него, оно навсегда останется памятным. Это Украинский экспериментальный институт глазных болезней имени академика Владимира Филатова (1875–1956). В. Филатов с 1936 года был директором этого института... внес много нового в методику клинического исследования глазных болезней, лечения трахомы, в вопросы патогенеза, диагностики и лечения глаукомы...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

• «Имя Филиппа Пинеля (1745–1826), основоположника общественной, клинической и научной психиатрии во Франции, широко известно, главным образом благодаря его усилиям, изменившим содержание умалишенных и саму ситуацию с домами для душевнобольных. Главная акция Пинеля заключалась в том, что он впервые в истории медицины снял цепи с душевнобольных, превратив тем самым психиатрические заведения из мест тюремного заключения в лечебные учреждения» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.), «Памятник Филиппу Пинелю установлен в Париже (Франция) перед входом в психиатрическую больницу Сальпетриер» (из книги Ю. Александровского «Глазами психиатра», СССР, 1977 г.).

• «Созданная Сергеем Корсаковым (1854–1900) школа русской психиатрии определила пути развития отечественной психиатрии и утвердила ее мировое значение... В 1901 году в память о С.С. Корсакове был основан «Журнал невропатологии и психиатрии», названный его

именем. В 1949 году в Москве воздвигнут памятник Корсакову, а клинике, которой он руководил, присвоено его имя...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Доктор Зигмунд Фрейд (1856–1939) перевел человеческую психологию из области фантастики в область науки. Он самый крупный ясновидец психики... основатель психоанализа, оставивший неизгладимый отпечаток на лице западного мира... После его смерти Шлоссергассе, улица, на которой он родился, была переименована в его честь в улицу Фрейда...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Немногие, наверное, знают, почему Центральному научно-исследовательскому институту судебной психиатрии в Москве присвоено имя русского врача-психиатра Владимира Сербского (1858–1917). Кстати, сам институт возник на базе Центрального приемного покоя, организованного А.Н. Бернштейном, заведовавшим первой психологической лабораторией в Москве при Психиатрической клинике Московского университета. Владимир Сербский был крупнейшим судебным психиатром, одним из наиболее ярких представителей и создателей того направления в русской психиатрии, которое известно под именем московской, или корсаковской психиатрической школы. Он был не только крупнейшим судебным психиатром, он был творцом русской судебной психиатрии как самостоятельной научной дисциплины; впервые в Отечестве начал преподавать курс судебной психиатрии, и в этом его огромная заслуга» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «В Москве, недалеко от Преображенской площади, между рекой Яузой и Потешной улицей, находится одна из крупнейших психиатрических больниц в нашей стране – Московская городская клиническая психиатрическая больница № 4 имени Петра Ганнушкина (1875–1933). Вблизи от Арбатской площади, в Хлебном переулке на доме № 19 установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме с 1919 по 1933 год жил выдающийся советский ученый-психиатр Петр Борисович Ганнушкин, который посвятил свою жизнь борьбе с одним из тяжелых недугов человека – душевным заболеванием». На доске не уместились слова: «...создатель концепции так называемой малой психиатрии, и также один из создателей первой российской школы и социальной психиатрии...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «Канадский патолог Ганс Селье (1907–1982) – почетный доктор многих университетов мира, член международных и национальных научных медицинских обществ. Университет Брно (Чехословакия) учредил медаль имени Селье, присуждаемую за вклад в общую паталогиию и эндокринологию» (из «Большой Советской Энциклопедии», т. 23, 3-е изд., 1976 г.).

- «Петр Лесгафт (1837–1909), выдающийся анатом, антрополог, психолог и педагог, создатель стройной научной системы физического образования в нашей стране, принадлежит к лучшим представителям русской науки... После революции 1917 года на базе созданных и руководимых им курсов воспитательниц и руководительниц физического образования был открыт Государственный институт физического образования, ныне Государственный институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. В 1959 году на территории института был сооружен памятник П.Ф. Лесгафту» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

Инженеры-изобретатели, врачи-изобретатели

- «Недалеко от церкви, где крестили Леонардо да Винчи (1452–1519), расположен средневековый замок, в котором с 1993 года функционирует так называемый «Музей идей Леонардо да Винчи», Значительную часть экспозиции составляют чертежи изобретателя, а также модели, изготовленные по этим чертежам. Среди них – ткацкие станки и деревянный автомобиль. Здесь же хранится первый архитектурный шедевр да Винчи – копия медного шара с купола флорентийского собора Санта Мария дель Фьоре. В музее представлены также изделия других мастеров, иллюстрирующие историю итальянской науки и техники. В целом экспозиция демонстрирует, насколько изобретатель Леонардо опередил своих коллег по цеху... С появлением авиации самая заветная мечта великого флорентийца стала реальностью. В римском аэропорту, носящем имя Леонардо да Винчи, установлена исполинская, уходящая в небо статуя ученого с моделью вертолета в руках...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Леонардо да Винчи», Россия, 2008 г.).

• «Француз Дени Папен (1647–1712) взялся превратить воздушный насос в двигатель... И вот он, двигатель! Огненная машина... В маленьком старинном рыцарском французском городке Блуа – родине Папена – стоит ему памятник, у древнего замка, на вершине красивой лестницы. Папен – на мемориальном пьедестале, бережно прижимая к бронзовому боку свой паровой цилиндр. То был памятник человеку, который *не* изобрел паровой машины... Машина Папена никогда и нигде на практике не работала...» (из книги В. Орлова «Трактат о вдохновенье, рождающем великие изобретения», СССР, 1964 г.).

• «Тот, кому паровая машина в ее теперешнем виде обязана своим появлением на свет и введением в практику обыденной жизни, родился и жил в Шотландии во второй половине 18-го века. Честь называться родиной такого замечательного человека, каким был Джеймс Уатт (1736–1819), принадлежит маленькому, но деятельному городку в устье реки Клайд – Гриноку (Шотландия), в мэрии которого находится памятник ему с надписью: «Родился в Гриноке 1736 г., умер в 1819 г.», – и где существует публичная библиотека его имени» (из очерка А. Каменского «Дж. Уатт, его жизнь и практическая деятельность», Россия, 1891 г.). «На памятнике Джеймсу Уатту написано: «Увеличил власть человека над природой». Так оценили современники деятельность знаменитого английского изобретателя...» (из статьи М. Поступальской «Джеймс Уатт», СССР, 1965 г.).

• «Жозеф Ньепс (1765–1833) не дожил до торжества открытия светописы (фотографии. – Е.М.). Он умер 5 июля 1833 года, 68 лет от роду, и говорят, будто последние часы его были отравлены сознанием того, что он потерял лучшие годы жизни и расточил часть наследства своих детей, не добившись особенно значительных результатов. Но ближайшее потомство по справедливости оценило заслуги одного из творцов светописы, и 22 июня 1885 года ему воздвигнут по международной подписке монумент на его родине, в городе Шалоне (Франция)» (из очерка В. Буринского «Л. Дагер и Ж. Ньепс, их жизни и открытия в связи с историей развития фотографии», Россия, 1893 г.).

• «Луи Жак Дагер (1787–1851) умер 10 июля 1851 года в тот момент, когда фотография вступала на новый путь, открывавший ей бесконечные и богатые перспективы... Французское Общество изящных искусств поставило Дагеру скромный памятник на его могиле на кладбище Пти-Бри-сюр-Марн (Франция); но более достойный его монумент воздвигнут изобретателю впоследствии по международной подписке на его родине, в Кормейле...» (из очерка В. Буринского «Л. Дагер и Ж. Ньепс, их жизнь и открытия в связи с историей развития фотографии», Россия, 1893 г.).

• «Приемник Александра Попова (1859–1906) был удостоен Большой золотой медали на Всемирной выставке 1900 года в Париже. Особым признанием заслуг А. Попова явилось постановление Совета Министров СССР, принятое в 1945 году, которым установлен День радио (7 мая) и учреждена золотая медаль имени А.С. Попова, присуждаемая АН СССР за выдающиеся работы и изобретения в области радио. Имя А.С. Попова носят: Школа связи в Кронштадте, Высшее военно-морское училище в Ленинграде, Одесский электротехнический институт связи, Центральный музей связи, Научно-техническое общество радиотехники, электроники и связи, улица в Ленинграде, где он жил, и многие др.» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 20, СССР, 1975 г.).

• «Томас Альва Эдисон (1847–1931) автор 1099 изобретений, один из создателей электрической лампочки накаливания... Когда Эдисон умер (1931 г.) ему спроектировали памятник – исполинский обелиск-небоскреб. На вершине в честь величайшего изобретателя Эдисона предложили поставить электрическую лампу – большую, как церковный купол, из прозрачного стекла. По ночам она должна была загораться и светить ослепительно, как маяк... Когда американцы выполняют обещание и возведут в его честь обелиск-небоскреб с электрической лампой на вершине, мы с открытым сердцем принесем венок к его подножию...» (из книги В. Орлова. «Трактат о вдохновенье, рождающем великие изобретения», СССР, 1964 г.).

• «Редко случается, что жизнь человеческая так точно, так зримо раскалывалась бы на резко обозначенные доли, как случилось в судьбе Евгения Патона (1870–1953), Героя Социалистического Труда... Сколько мостов построил он? С 1896-го по 1929-й он создал 35 проектов... В 1929 году резкий поворот жизни: увлечение электросваркой. Эти голубые

рукотворные звезды пленили его до конца дней... Институт электросварки имени Е.О. Патона, из-за которого теперь американцы зовут Киев «столицей электросварки», начался с лабораторийки, в которой работали шесть человек. Сколько же молодости, веры в свое дело, природного оптимизма должно было быть у этого большого, сурового с виду седоусого старика, чтобы произошло чудо такого превращения!» (из книги Я. Голованова «Этюды об ученых», СССР, 1976 г.).

- Своей славой Рене Теофиль Леннек (1781–1826) обязан в первую очередь изобретению стетоскопа, что позволило ему провести у пациентов, страдающих заболеваниями сердца и легких, ряд наблюдений, обобщенных в бессмертном труде «О косвенной аускультации, или Трактат о диагностике заболеваний легких и сердца, основанной на новом методе исследования». Этот двухтомный революционный труд был издан в Париже в 1819 году... В 1868 году в Кемпере (Бретань), родном городе доктора Леннека, был открыт памятник, которым земляки почтили заслуги этого великого врача» (из книги А. Ноймайра «Музыканты в зеркале медицины», Австрия, 1995 г.).

- «Дантист Гораций Уэллс (1819–1848) нашел вещество обезболивания, которое тщетно искали все народы земли в течение многих столетий... С декабря 1844 года он продемонстрировал «веселящий газ» – закись азота... На кладбище в Нью-Йорке стоит и теперь памятник с надписью «Гораций Хорас Уэллс, изобретатель анестезии». А на его монументе, воздвигнутом муниципалитетом Гартфорда (США), высечено: «Гораций Уэллс, открывший обезболивание в 1844 году...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

- «В 1847 году доктор Игнац Земмельвейс (1818–1865) предложил ввести в клинику антисептику, метод обеззараживания рук медицинского персонала хлорной водой. Земмельвейс называл убийцами тех акушеров, которые не признавали его метода дезинфекции рук... На пожертвования врачей всего мира 20 сентября 1906 года в Будапеште ему поставили памятник, на котором написали «Спаситель матерей»...» (из сборника М. Шойфета «100 великих врачей», Россия, 2006 г.).

Путешественники, мореходы, исследователи географии Земли, космонавты

- «Хождение за три моря» (1468–1474) Афанасия Никитина (г. рожд. неизв. – 1475) – замечательное географическое произведение 15 в., один из лучших источников по истории средневековой Индии. В 1955 году в г. Калинин на берегу Волги был открыт памятник отважному русскому путешественнику» (из статьи А. Дитмар «За три моря», СССР, 1965 г.). «...В городе Калинин, на берегу Волги ему сооружен памятник (бронза, гранит, 1955 г., скульпторы С.М. Орлов, А.П. Завалов, арх. Г.А. Захаров)» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 17, СССР, 1974 г.).

- «Семен Дежнев (ок.1605–1672 или 1673) – русский мореход, открыл пролив между Азией и Северной Америкой (Берингов пролив). Именем С.И. Дежнева названы крайняя восточная оконечность Азии («мыс Дежнева»), хребет на Чукотке и др. На мысу Дежнева (открыт в 1648 году) установлен в 1956 году памятник-маяк» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 3, СССР, 1959 г.).

- «Исполняя последнюю волю Николая Пржевальского (1839–1888), его похоронили на берегу озера Иссык-Куль, вблизи города, ныне носящего его имя. На могиле Николая Михайловича сооружен красивый памятник: на гранитной скале – бронзовый, распростерший крылья орел. В клюве гордой птицы оливковая ветвь – символ мирных целей научных исследований. У ног орла – карта Азии с маршрутами путешествий Пржевальского...» (из обзора М. Первакова «Географические открытия 19–20 веков. Азия», СССР, 1965 г.). «...Русское Географическое общество открыло подписку на образование капитала и учреждение премии и медали имени Н.М. Пржевальского, на могиле его воздвигнут памятник, город Караколь переименован в Пржевальск» (из очерка М. Энгельгардта «Н.Пржевальский, его жизнь и путешествия», Россия, 1891 г.). «В 1891 году в честь Н. Пржевальского Русское географическое общество учредило серебряную медаль и премию его имени; в 1946 году учреждена золотая медаль имени Н.М. Пржевальского. Именем Пржевальского названы: город,

хребет в системе Кунылуна, ледник на Алтае, др. географические объекты, а также ряд видов животных и растений. Пржевальскому установлены памятники: недалеко от озера Иссык-Куль (у его могилы) и в Ленинграде» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 20, СССР, 1975 г.).

- «В честь географа, статистика и общественного деятеля Петра Семенова-Тян-Шанского (1827–1914) назван ряд географических объектов в Средней и Центральной Азии, на Кавказе, Аляске и Шпицбергене и около 100 новых форм растений и животных. Географическое общество Союза ССР учредило золотую медаль имени П.П. Семенова-Тян-Шанского...» (из статьи Ю. Ефремова «Семенов-Тян-Шанский», СССР, 1976 г.).

- «Петр Кропоткин (1842–1921) – один из деятелей и теоретиков анархизма, географ и путешественник... Именем П.А. Кропоткина названы хребет Патомского нагорья (в северной части Иркутской области), город в Краснодарском крае РСФСР, на правом берегу реки Кубани и т. д.» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 5, СССР, 1959 г.). В честь П.А. Кропоткина названа одна из станций метрополитена г. Москвы.

- «Александр Сибиряков (1849–1893), русский золотопромышленник, исследователь Сибири, внес значительный вклад в дело экономического освоения Сибири. Его именем названы остров в Карском море и ледокол...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т.23, СССР, 1976 г.).

- «Георгий Седов (1877–1914) – русский исследователь Арктики... Именем Г.Я. Седова названы два залива и пик на Новой Земле, ледник и мыс на Земле Франца-Иосифа, остров в Баренцевом море, мыс в Антарктиде и ледокольный пароход «Георгий Седов»...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т.23, СССР, 1976 г.)

- «В целях увековечивания памяти первого летчика-космонавта Юрия Гагарина (1934–1968) Президиум Верховного Совета РСФСР переименовал город Гжатск Смоленской области в город Гагарин и Гжатский район Смоленской области в Гагаринский район (1968 г.). Имя Ю.А. Гагарина присвоено Краснознаменной ордена Кутузова Военно-воздушной академии в Монино. Именем Гагарина назван кратер на обратной стороне Луны. В 1968 году Международная авиационная федерация (ФАИ) учредила золотую медаль имени Ю.А. Гагарина, которой ежегодно награждаются летчики-космонавты, достигшие наивысших результатов в области освоения человеком космического пространства в мирных целях» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 5, СССР, 1971 г.). В Москве Ю.А. Гагарину установлено несколько памятников, в честь него назван проспект и один из районов г. Москвы.

Мир искусства

«Я хочу творить вещи, на которых время напрасно будет точить свои зубы, постараться создать нечто, хотя небольшое, но бессмертное по форме и веществу, – я никогда не был достаточно скромным, чтоб требовать меньшего от себя...» (Ф. Ницше «Падение кумиров, или о том, как можно философствовать с помощью молотка», Германия, 1888 г.). «Великие души подобны горным вершинам... Я не стану утверждать, что любой из нас, обыкновенных смертных, может жить на вершинах. Но пусть хоть раз в году люди совершат туда паломничество. Там обновится дыхание их легких и кровь, что течет в их жилах. Там они почувствуют себя ближе к Вечности. А когда они спустятся в равнину жизни, сердце их будет закалено для новых боев» (Р. Роллан «Жизнь Микеланджело», Франция, 1906 г.). «Ни один философ не является живым, если в нас сегодняшних нет его энергий... Всякая идея, внесенная в сознание, влечет за собой реальные действия...» (Н. Болдырев «Сократов круг», Россия, 1995 г.).

Философы, писатели, поэты

- «Сразу после смерти Конфуция (ок. 551–479 до н. э.) правитель Лу Ай-гун присвоил ему почетное имя Ни-фу, что значит «Отец Ни». Позднее царственные поклонники Учителя жаловали ему все более громкие титулы: «Прежний учитель», «Прежний мудрец», «Учитель Десяти тысяч поколений», «Сиятельный мудрец» и нечто совсем уж замысловатое:

«Сокровенный мудрец», «Просвещенностью блистательный царь»... Обильные жертвы Учителю по самому высокому чину приносились официально от чиновников Срединной империи, и не было в стране крупного города, где не возвышался бы, блистая красным лаком колонн и зеленью черепичной крыши, храм, посвященный Конфуцию... Но чтобы встретиться с Конфуцием, не обязательно отправляться в мир книг и преданий – мир бесплотных идей и летучих фантазий. Еще и сегодня каждый может прийти к порогу дома Конфуция и прикоснуться к вещественным следам жизни древнего мудреца, постоять в тени Учителя. В глубине Китая, среди раскинувшейся за Желтой Рекой бескрайней равнины, расчерченной квадратиками полей, изрезанной неширокими речками и ложбинами, а кое-где дыблящейся цепочками холмов, лежит городок Цюйфу... А в центре города приезжего встречает целая крепостная стена, да такая могучая, такая настоящая до последней трещинки в потемневших от времени кирпичач, какую нынче редко увидишь в Китае. За стеной два знаменитых на весь мир исторических памятника: храм Конфуция и семейная усадьба Кунов – родовое гнездо потомков первого китайского мудреца. Цюйфу – родной город Конфуция. Здесь Конфуций прожил большую часть своей жизни, здесь он похоронен. Идти в гости к Конфуцию – значит возвращаться к истокам трехтысячелетней традиции, погружаясь в толщу ее потаенного символического тела, нарощего за много столетий на наследие Учителя Куна... Но вот и ворота в храм – массивные, каменные, с лихо загнутыми вверх карнизами, украшенными фигурками драконов. Их построили, по китайским понятиям, совсем недавно – в 1730 году и присвоили несколько громоздкое название: «Врата мудреца, соответствовавшего времени»... Сам храм – творение непростое, даже изысканное... Вот павильон, воздвигнутый в честь матери Конфуция, но почему-то не его отца. Есть здания, посвященные жене и сыну Конфуция, его любимым ученикам. Но самое почетное место отведено Дворцу Великого Свершения, перестроенному в последний раз в середине 18-го столетия... Мастерски переданная резчиками игра пластических форм, внутренняя упругость напрягшегося в полете тела создают впечатление необыкновенной глубины рельефа, проникновения во внутреннюю жизнь материала, и этот эффект объемности живой плоти еще более усиливается благодаря округлостям колонн и падающим сбоку лучам солнца... Еще одна достопримечательность Дворца Великого Свершения – собрание выгравированных на каменных плитах сцен из жизни Конфуция. Говорят, они были созданы еще в 7-м веке знаменитым художником У Дао-цзы. Рисунки, числом более сотни, занимают весь огромный зал и нынче упрятаны под стекло. Выполнены они в живой и динамичной манере. Перед нами скетчи, вызванные к жизни по-детски наивным желанием созерцать воочию образы, преподанные в слове. Их назначение – не открывать и удивлять, а подтверждать известное, приготавливать чаемое. Мы оказываемся в мире подлинно жизненной легенды, сказочной были. Картинки добросовестно воспроизводят действительные события, но рисовальщика не интересовала их историческая достоверность. Конфуций носит халаты и пишет кисточками, каких еще не было в его времена, отрастил длинную бороду, будучи 20-ти лет от роду, и т. д. Жизнь величайшего Учителя обозначена здесь пунктиром анекдотических ситуаций, настолько хорошо всем известных, что они выписаны с какой-то произвольной фамильярностью. Не следует видеть в этом вызов или насмешку. Просто жизнь и мудрость Учителя Десяти тысяч поколений слишком глубоко и органично вросла в быт его потомков и преемников...» (из книги В. Малявина «Конфуций», Россия, 1992 г.). «Своим» считают Конфуция и в Японии – в Токио установлен памятник Конфуцию работы Ю. Сейдо.

• «Трагический финал Сократа (469–399 до н. э.) придал всей его жизни, его словам и делам, учению и личности уникальную цельность и завершенность, неувядаемую привлекательность... Вскоре после сократовской казни, сообщает Диоген Лаэртский, афиняне, раскаявшись в содеянном и считая себя введенными злоумышленно в заблуждение, приговорили Мелета (главный обвинитель на судебном процессе против Сократа, Афины, 399 г. до н. э. – Е.М.) к смерти, а остальных обвинителей – к изгнанию. Сократу же была сооружена Лизиппом бронзовая статуя, которая выставлялась в афинском музее Помпейон... Живой Сократ был тягостен и невыносим для современников, но, уйдя из жизни, он возвысился над той суетной игрой страстей и мнений, которой всегда нужны безмолвные кумиры...» (из книги В. Нерсесянца «Сократ», СССР, 1984 г.).

• «Платон (428 или 427–348 или 347 до н. э.) умер в глубокой старости, 80-ти лет от роду, и был похоронен в Керамике, неподалеку от Академии, где еще долго спустя показывали его гробницу... Наши музеи полны его бюстами и масками, но чем ближе мы их изучаем, тем менее мы доверяем им. Ни один из портретов его, дошедших до нас, не вышел из-под резца современника: все они сделаны значительно позднее, и служил ли им моделью какой-нибудь достоверный бюст Платона, или рукою художников водило одно лишь воображение, – у нас нет теперь никакой возможности решить... Существует, однако, один бюст, который принято считать наиболее достоверным, и с него-то сделаны все снимки и слепки, продающиеся в наших магазинах. Платон изображен зрелым мужем, с большою, слегка наклоненной вперед головой, украшенной длинной бородой и густыми, охваченными повязкой волосами. Его лицо с крупными, но чрезвычайно изящными чертами носит задумчивое выражение; его глаза, устремленные куда-то вниз, чуть-чуть прищурены, как бы пристально вглядываясь в несущиеся перед их взором туманные образы, а его чело, полускрытое повязкой, изборождено у переносицы глубокими складками, в которых, так и видно, засела крепкая дума. Весь бюст мог бы служить эмблемою мысли благородной и всеобъемлющей; на нем лежит отпечаток чего-то недостижимо высокого, чуть ли не сверхчеловеческого, и при первом же взгляде на него у вас вырывается восклицание, что именно так должен был выглядеть этот «божественный философ»...» (из очерка Е. Орлова «Платон, его жизнь и философская деятельность», Россия, 1896 г.).

• «Из Афин Аристотель (384–322 до н. э.) уехал в Халкиду, где вскоре и умер (322 г. до н. э.)... Тело Аристотеля было перевезено из Халкиды в Стагиру (на родину Аристотеля. – *Е.М.*), где его сограждане воздвигли ему роскошный мавзолей, носивший его имя; он существовал довольно долгое время, наконец исчез с лица земли, как ни был он прочно построен». (из очерка Е. Литвиновой «Аристотель, его жизнь, научная и философская деятельность», Россия, 1892 г.).

• «На афинской агоре (рыночная площадь и место народных собраний в древнегреческих городах. – *Е.М.*) стояла скульптура философа Хрисиппа (ок. 280–205 до н. э.). Ваятель Эвбулид изобразил философа сидящим с вытянутой рукой, «считающим на пальцах». Хрисипп сидит на простом раскладном стуле в необычайно скромной позе; он погружен в себя. Его мысли отражаются в движении руки. В 163 в городе Солы были выпущены монеты с изображением двух знаменитых людей этой местности. Один из них – Арат, другой – Хрисипп...» (из книги П. Таранова «Сокровищница дерзаний. Мост в неизвестность. Цепочка путеводных огней», Россия, 2000 г.).

• «По-настоящему простор воззрениями немецкого философа и богослова Николая Кузанского (1401–1464) открылся лишь после того, как немецкий исследователь Шарпф в 1862 году издал основные его произведения в немецком переводе и пересказе... В 1960 году в ФРГ основано межнациональное и межконфессиональное «Общество Кузанского». Его председатель доктор Гельмут Гестрих составил интересную иллюстрированную брошюру «Жизнь и труды Николая Кузанского, представленные в его доме-музее». Это одновременно и добротный биографический справочник о Николае, и путеводитель по недавно реставрированному дому, где Николай родился...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «Столетняя годовщина смерти Бенедикта Спинозы (1632–1677) прошла среди полного забвения. Двухсотлетняя была торжественно отпразднована в 1877 году. Спустя несколько лет, в 1880 году, в Гааге на пожертвования, стекавшиеся из различных стран, был открыт памятник Спинозе. «Поздняя почеть, – говорит Куно Фишер, – в которой из всех великих людей мира он менее всех нуждался, потому что он не дорожил славой»...» (из очерка Г. Паперна «Б. Спиноза, его жизнь и философская деятельность», Россия, 1895 г.).

• «Могила Артура Шопенгауэра (1788–1860) украшает простая надгробная плита, оббитая плющом. На этой плите высечены только два слова: *Артур Шопенгауэр* и больше ничего: ни года его рождения, ни года смерти, ни какой-либо иной надписи. Это сделано по специально выраженному им перед смертью желанию, так как он исходил из того убеждения, что все остальное, касающееся его личности и деятельности, предоставляется знать потомству. Когда Гвиннер как-то спросил его, где бы он желал быть похороненным, Шопенгауэр отвечал: «Это

безразлично; *они* уже сумеют отыскать меня». Заметим здесь, впрочем, что в самое последнее время «Frankfurter Zeitung» выступила со статьей, в которой она ратует за открытие подписки на сооружение памятника Шопенгауэру» (из очерка Э. Ватсона «А. Шопенгауэр, его жизнь и научная деятельность», Россия, 1891 г.). «В 1911 году во Франкфурте-на-Майне основано Шопенгауэровское общество» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т.29, СССР, 1978 г.).

• В 1900 году в Копенгагене был открыт памятник датскому философу экзистенциализма Серену Кьеркегору (1813–1855). Бронзовая статуя (скульптор Хассельринсон) установлена в саду Королевской библиотеки – философ изображен сидящим на стуле, с пером в руках и рукописью на коленях; под стулом небрежно раскиданы книги, с авторами которых Кьеркегор когда-то вступал в ожесточенную полемику.

• «Эзоп (6 в. до н. э.) считается родоначальником басни как жанра, а также создателем художественного языка иносказаний – *эзопова языка*, который не утратил своей актуальности с античных времен до наших дней... В Афинах во время правления Деметрия Фалерского (317–307 до н. э.) статуя Эзопа, созданная Лисиппом, была помещена рядом с группой «Семь мудрецов», что свидетельствует о высоком почитании баснописца и два века спустя после его смерти...» (из очерка Л. Калюжной «Эзоп», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.).

• «Овидий (43 до н. э. – 18 г. н. э.) жил и творил в благодатный период римской истории. Родился он в городке Сульмоне, что в 90 милях от Рима. Сегодня в этом городке главная улица называется Корсо Овидио, там есть гимназия его имени и памятник. На цоколе памятника две надписи: «Сульмона – моя родина» и «Меня назовут славой племени пелигнов». Овидий происходил из этого племени. Прошло две тысячи лет, но остатки «виллы» поэта и могилы его предков сохранились...» (из очерка Г. Иванова «Овидий», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.).

• «Слава об Абулькасиме Фирдоуси (ок.940–1020 или 1030), создателе великой поэмы «Шахнаме» («Книга о царях», 994–1010 гг.), быстро разлетелась по всему ираноязычному миру и с тех пор только приумножается. По случаю тысячелетия со дня рождения поэта в 1934 году город Тус был переименован в Фирдоус (Фердоус)» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.).

• «Однажды Омар Хайям (1048–1123) сказал: «Меня похоронят в таком месте, где всегда в дни весеннего равноденствия свежий ветер будет осыпать цветы плодовых ветвей». На кладбище Хайры мудрец был погребен у стены с грушевыми и абрикосовыми деревьями. Мавзолей великого поэта и мыслителя был воздвигнут вскоре после его кончины в 1131 году и ныне является одним из лучших мемориальных комплексов в Иране» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.).

• «Шота Руставели (12 в., гг. рожд. и смерти неизв.) – грузинский поэт, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Имя Руставели присвоено Грузинскому драматическому театру, Театральному институту в Тбилиси, НИИ грузинской литературы, Академии наук Грузинской ССР» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 22, СССР, 1975 г.). Именем Ш.Руставели назван один из центральных проспектов г. Тбилиси. В 1938 году в Тбилиси (Грузинская ССР) установлен памятник Ш.Руставели (скульптор К.М. Мерабишвили).

• «Муслихиддин Саади (1203–1292) похоронен в Ширазе (Иран). Мавзолей, возведенный в 1950-х годах, утопает ныне в розах, напоминая поклонникам поэта о великом «Гулистане». В Иране под редакцией известного филолога Форути в 1941 году издан «Куллият» – Полное собрание сочинений Саади...» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.). «Отражая настроения долгих лет скитаний и борьбы, Саади призывал к мужеству, упорству, труду и, главное, к правде. Потомки благодарны Саади за это. В 1958 году по решению Совета Мира прогрессивное человечество праздновало 700-летие со дня завершения Саади работы над «Гулистаном» (прозаически-поэтический сборник новелл «Цветущий сад», 1258 г. – *Е.М.*)» (из очерка И. Брагинского «Персидская классическая поэзия», СССР, 1968 г.).

• «На стене одного из старинных дворцов Флоренции сохранились фрески (настенная роспись). Внимание всех, кто смотрит на эти фрески, привлекает портрет человека с тонким сумрачным лицом. Углы его губ опущены, рот сжат, глаза устремлены вдаль. Это – портрет гениального итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321). Данте называют последним

поэтом средневековья и первым поэтом эпохи Возрождения» (из очерка С. Львова «Возрождение в Италии», СССР, 1968 г.). «Данте умер в Равенне (Италия) в ночь с 13 на 14 сентября 1321 года. Прах поэта был положен в греческий мраморный саркофаг романо-византийской эпохи в церкви Сан Пьер Маджоре, названной впоследствии церковью Святого Франциска. Чело поэта было увенчано лавровым венком, которого он не получил при жизни. В 1490-х годах венецианский правитель Равенны Бернардо Бембо пригласил знаменитого архитектора Пьетро Ломбардо, который построил ренессансный мавзолей над саркофагом Данте. Он возвышается и поныне...» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.). «В 1965 году в СССР выпущена памятная медаль с суровым профилем создателя великой поэмы «Божественная комедия» (Италия, 1307–1321 гг.). Эта медаль отмечает 700-летие со дня рождения великого Данте Алигьери» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т. 11, СССР, 1968 г.).

- «На утро, 19 июля 1374 года, Франческо Петрарку (1304–1374) нашли бездыханным... В пурпурной мантии, подаренной когда-то королем Сицилии, его положили в дубовый гроб, и внучка Элетта в последний раз надела ему на голову лавровый венок. На погребальную церемонию прибыли герцог Падуанский со всем двором, епископы Падуи, Вероны, Виченцы и Тревизо и весь Падуанский университет. Его похоронили в склепе церкви в Аркуа, а через шесть лет перенесли в мраморную гробницу, построенную на площади перед церковью... И он, Франческо Петрарка, гражданин Рима и знаменитый Поэт, вступил в предел божественного сияния, увенчанный лавром и облаченный в королевский пурпур...» (из статьи О. Дорофеева «Слово о мессере Франческо Петрарке, светском канонике, увенчанном лаврами Поэте, магистре и гражданине Рима», Россия, 1996 г.).

- «Творчество Мухаммеда Физули (1494–1556) оказало влияние на дальнейшее развитие не только азербайджанской, турецкой, но и других литератур народов Ближнего Востока. В 1958 году отмечалось 400-летие со дня смерти Физули, в том же году в Баку (СССР) ему был открыт памятник» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 27, СССР, 1977 г.). В 1959 году г. Карягино (Азербайджанская ССР) переименован в Физули в честь известного азербайджанского поэта.

- «Мигель Сервантес (1547–1616), автор «Дон Кихота», говорил, что его левая рука отказалась служить ему, предоставив правой позаботиться о его славе...будущность сулила ему бессмертие... В 1835 году испанцы поставили на Plaza del Estamento в Мадриде первый памятник Сервантесу – бронзовую статую более, чем в натуральную величину, отлитую в Риме скульптором Сола из Барселоны. До 1835 года память Сервантеса была увековечена выбитой в 1818 году в Париже бронзовой медалью и небольшим медальоном или бюстом, помещенным в 1834 году на средства частного лица над дверью дома по улице de los Francos в Мадриде, где он умер... Около трех столетий отделяют нас от великого испанского гения, но этот длинный промежуток времени не сделал его чуждым нашему веку, и его «золотые речи» не стали для нас «забытыми словами»... Созданный собственным гением, памятник Сервантеса – «Дон Кихот» (Испания, 1505–1515 гг.) – возносится теперь «выше пирамид» и «тверже металлов»: он виден отовсюду всему цивилизованному миру, а будущее сулит ему бессмертие» (из очерка А. Цомакион «М.Сервантес, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.). «Дон Кихот – популярнейший образ мировой литературы, один из немногих, которому ставятся памятники (наиболее известный сооружен в Мадриде, а копия его – дар испанского народа – поставлена в Москве)...» (из сборника Ю. Абрамова и В. Демина «100 великих книг», Россия, 2006 г.).

- «25 апреля 1616 года тело Уильяма Шекспира (1564–1616) было погребено под алтарем стратфордской церкви... Неизвестно когда, но до появления в печати произведений Шекспира (Англия, 1623 г.) семья воздвигла ему памятник с бюстом недалеко от могилы; здесь впервые надписи, латинская и английская, засвидетельствовали гений и славу поэта, – и английские стихи, может быть, написаны Б. Джонсоном...» (из очерка И. Иванова «У. Шекспир, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1896 г.). «Небольшой город Стратфорд-на-Эйвоне в графстве Уорикшир (Англия) примечателен тем, что здесь родился и умер прославленный драматург У. Шекспир... В настоящее время на Хенли-стрит в Стратфорде находится Дом-музей Шекспира с воссозданным интерьером того времени. Здесь расположились обширная библиотека и различные архивы. Дом на Хенли-стрит является штаб-квартирой

нескольких шекспировских организаций. Среди них – фонд «Дом Шекспира», владеющий пятью историческими зданиями, связанными с жизнью драматурга, и Международная Шекспировская ассоциация, пропагандирующая его творчество. На родине Шекспира проводятся научные конференции и культурные фестивали. Главная сцена шекспировских постановок в Великобритании – знаменитый Королевский Шекспировский театр – также находится в Стратфорде-на-Эйвоне... Стену театра «Глобус» (Лондон) украшает мемориальная доска с именем Уильяма Шекспира...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Уильям Шекспир», российск. изд., 2008 г.). В «уголке поэтов» Вестминстерского аббатства стоит памятник У. Шекспиру работы П. Шимекерса (18 в.). В 1887 году в честь У. Шекспира американским скульптором Чайльдсом сооружен т. н. «Американский фонтан» («American Fountain», Стратфорд, Англия). В 1888 году открыт памятник У. Шекспиру перед Шекспировским театром-музеем в Стратфорде (скульптор Р. Гоуэр). В 1903 году памятник У. Шекспиру создал берлинский художник О.Лессинг.

• «Жан-Батист Мольер (1622–1673) занял место в французской Академии наук уже после смерти. В начале XIX века в зале торжественных собраний Института был поставлен бюст великого писателя с надписью:

Для его славы ничего не нужно,
Но для нашей – нужен он»...

(из очерка М. Барро «Ж. Мольер, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.). «...К числу уникальных портретов деятелей французского театра, созданных скульптором Ж. Гудоном, принадлежит посмертный бюст Мольера, исполненный по заказу «Комеди Франсез». С. Морозова пишет: «Гудон добился в нем сходства с существующим живописным портретом Мольера, который он не сумел увидеть в процессе работы, но создал образ – олицетворение французского театра вообще. Голова Мольера, данная в обрамлении длинных, свободно ниспадающих волос, резко повернута, необыкновенно живая поза предполагает немедленное действие или движение. Взгляд пронзительный, рот слегка приоткрыт, как будто в разговоре. Вокруг шеи свободно повязан широкий шарф. Выставленный в здании Королевской библиотеки бюст вызвал восторг критиков, и Гримм писал по его поводу: «Его взгляд (господин Гудон, вероятно, единственный скульптор, умеющий передавать глаза) пронизывает душу»...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия 2002 г.). «Даже лишенный и рукописей, и писем, Мольер покинул однажды землю, в которой остались лежать самоубийцы и мертворожденные дети, и поместился над высохшей чашей фонтана (в Париже, на улице Ришелье, где жил и умер Мольер, установлен Фонтан Мольера. – *Е.М.*). Вот он! Это он – королевский комедиант с бронзовыми бантами на башмаках! И я, которому никогда не суждено его увидеть, посылаю ему свой прощальный привет» (из книги М. Булгакова «Жизнь господина де Мольера», СССР, 1933 г.). «...Театр Французской Комедии, который по праву зовется Домом Мольера, до сих пор сотрясается от раскатов его бессмертного смеха, а рожденные его мыслью, стремлениями и любовью слова вызывают и спустя столетия ответные мысли и чувства, и это самый прекрасный и самый прочный памятник на земле» (из книги В. Мультатули «Мольер», СССР, 1988 г.).

• «30 мая 1778 года Вольтера (1694–1778) не стало. А на следующий день скульптор Ж. Гудон отправился в дом философа и сделал слепки с лица и рук умершего. Работа с натуры и слепки легли в основу целой серии гудоновских портретов философа. В 1781 году Гудон завершил работу над большой мраморной статуей... Размеры статуи сидящего Вольтера значительны. Она установлена на постаменте, отчего фигура несколько возвышается над зрителем, получает выражение величавой царственности. Ощущение величия усиливает спокойный ритм плоскостей и крупных складок плаща, свободно лежащих вокруг тела. Вольтер сидит в кресле, чуть подавшись вперед, положив руки на подлокотники. Голова немного повернута вправо, и туда же направлен взгляд. Откиннутые назад пряди волос придерживает лента, обнажая высокий лоб. Глубокие морщины бороздят старческие щеки, лохматые брови нависают над глазами, ввалился беззубый рот, сморщенная кожа висит большими складками на тонкой ссохшейся шее. Картина старости дана с беспощадной правдой, достигнутой

посредством точной передачи внешних черт. Но убедительность образа – в его одухотворенности. Этот старик смотрит, усмехается, ноздри его длинного носа трепещут, взгляд полон живой мысли, нервные пальцы вцепились в подлокотник, энергичен наклон тела. Кажется, что движение не прервано. Оно сейчас продолжится, напряжение разрешится действием, губы разомкнутся и мысль облечется в слова... Вместо одной скульптор сделал два почти тождественных экземпляра статуи. Один из них был передан мадам Дени, которая преподнесла его театру Комеди Франсез. Второй же экземпляр отправился в Россию...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.). «Вольтер был чрезвычайно популярен в России... После смерти Вольтера Екатерина II выписала в Россию его библиотеку и скульптуру, выполненную Гудоном, которая и поныне находится в Эрмитаже (Петербург, Россия)...» (из сборника Т. Грудкиной «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

«Поместье Вольтера в Ферне сохранено. В наши дни особняк открывает свои двери и для посетителей... В честь знаменитого земляка городок теперь именуется Ферней-Вольтер... В Женеве на улице Делис, названной так по имени здесь же расположенного особняка «Делис» (первого убежища Вольтера, откуда он переехал в Ферне), в 1956 году был открыт музей Вольтера. Экспозиция музея занимает четыре комнаты особняка. Остальное – институт Вольтера. Здесь большинство рукописей Вольтера, его библиотека, многочисленная переписка (15 000 писем)...» (из книги П. Таранова «Философия сорока пяти поколений», Россия, 1999 г.).

• «2 июля 1778 года скоропостижно скончался Жан-Жак Руссо (1712–1778). Был вызван Ж. Гудон, который снял маску с лица умершего писателя. На основе этой маски был сделан терракотовый бюст, который появился в Салоне (Париж) 1779 года. Как пишет Г. Арнасон: «Гудоновская интерпретация, если учесть, что она основана на посмертной маске и что скульптор явно не был лично знаком с портретируемым, замечательна, а в свете того, что известно о личности Руссо, даже поразительна... Это один из его самых важных портретов, живущих интенсивной духовной жизнью. Руссо, который смотрит на нас глубоко посаженными глазами, – человек острого, пронизательного ума, обладающий чувством сардонического юмора» (из книги «Скульптура Гудона», сов. изд., 1982 г.). Портрет Руссо был, вероятно, самым популярным из гудоновских портретов после Вольтера...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.). «Восемь лет прожил Руссо в столице Франции (1770–1778 гг.). Все время он жил в одной и той же тесной квартире (одна комната, которая была и кухней), на улице, которая теперь носит его имя...» (из очерка С.Южакова «Ж.-Ж.Руссо, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1894 г.).

• «В парижском Салоне 1771 года появился один из самых знаменитых бюстов Ж. Гудона – портрет Дени Дидро (1713–1784). Сам философ, знаток и критик искусства отметил необычайное сходство портрета. Дидро портретировали часто, но портрет, исполненный Гудоном, выделяется яркостью и живостью характеристики. С. Морозова пишет: «Бюст свободен от всяких аксессуаров и украшений. Все внимание сконцентрировано на лице. Гудон изобразил философа без парика, к которому тот питал нескрываемую ненависть. Слегка растрепаны волосы, Гудон трактует их легко и свободно, как во всех своих скульптурах. Бюст высоко срезан, голова повернута в три четверти, рот приоткрыт, широко раскрыты глаза, их взгляд живой и непосредственный, схвачено мимолетное выражение лица...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.).

• «В парижском Салоне 1802 года был выставлен портрет философа, выполненный Ж. Гудоном. Это портрет Жана-Лерона Д'Аламбера (1717–1783), одного из выдающихся математиков 18-го века, автора знаменитого «Пролога» и ближайшего соратника Д. Дидро по основанию «Энциклопедии» (1751–1780 гг.). «Несмотря на молчаливость, некоторую застенчивость и замкнутость, Д'Аламбер был блестящим человеком, одним из глубочайших умов своего времени, математиком, физиком и ученым-социологом, – пишет Г. Арнасон в книге «Скульптура Гудона» (сов. изд., 1982 г.). – Можно ли, не зная ничего о нем, определить эти качества по портрету, – сказать невозможно. Тем не менее портрет очень тонок: взгляд затуманен, улыбка несколько принужденная, – это портрет человека, всегда находящегося настороже...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.).

• «Политический, протестующий характер самоубийства Александра Радищева (1749–1802) нагляднее всего раскрывается в его собственных словах: «Потомство за меня отомстит».

Среди памятников великим деятелям прошлого, воздвигнутых после Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.) по указанию В.И.Ленина, первыми в Москве и Петрограде были поставлены памятники автору «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790 г.)...» (из статьи Д. Благого «Классицизм и сентиментализм: А.Радищев», СССР, 1968 г.). «Сочинения А. Радищева оказали огромное влияние на развитие русской революционной мысли и литературы. Влияние его идей сказалось на творчестве Пушкина, декабристов, Герцена и др. В селе Верхнее Аблязово создан музей А.Н. Радищева» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 7, СССР, 1959 г.). Именем А.Н. Радищева названы две улицы Москвы (Верхняя Радищевская и Нижняя Радищевская);

- «Конечно, Иоганн Гёте (1749–1832) составляет вечную гордость и славу Германии, которая чтит своего величайшего поэта и заботливо изучает богатое литературное наследие, оставленное им потомству. Сочинениям его посвящена громадная литература, а в 1885 году учреждено в Веймаре «Гётевское общество», специально занимающееся изучением всего относящегося к жизни и творениям Гёте и состоявшее уже в 1886 году из 2,5 тысяч человек. С 1880 года издается «Гётевский журнал», который перешел во владение «Гётевского общества»; дом Гёте в Веймаре превращен в Гётевский музей...» (из очерка Н. Холодковского «И. В. Гёте, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.).

- «Поэтическое творчество Уильяма Блейка (1757–1827) осталось незамеченным современниками. Он был открыт много позже... Но в Вестминстерском аббатстве, национальном пантеоне Англии, стоит памятник Уильяму Блейку...» (из книги И. Смирновой «Пси-феномен человека: НЛЮ, полтергейст, ясновидение, призраки», Россия, 2004 г.).

- «Роберта Бернса (1759–1796) хоронили с помпой: не только «горе-вояки» – дамфриские волонтеры (в последние годы жизни, 1791–1796 гг., Р.Бернс жил в г. Дамфрис, Шотландия. – *Е.М.*), но и регулярные войска, отгеснив от гроба «простолюдинов», шли церемониальным шагом до кладбища, играли трескучий и бездушный похоронный марш и, конечно, вопреки воле поэта «палили» над его могилой... О том, как росла слава Бернса, говорят 3 000 книг на всех языках мира, собранных о нем в библиотеке Глазго. Поэту поставлено огромное количество памятников – от простого мраморного бюста в нише дамфриского дома до сложных и затейливых башен с барельефами, греческих портиков и статуй причесанных красавцев-пахарей с неизменной мышкой у ног, маргариткой под лемехом плуга и парящей музой в классических покрывалах... Есть многочисленные клубы его имени, которые собираются в мемориальные даты, когда члены клуба едят хаггис, пьют эль и поют «за дружбу старую до дна». Есть издаваемый Ассоциацией этих клубов журнал «Хроника Бернса», где наряду с очень интересными статьями и исследованиями печатаются рекламы, на которых то тень Бернса беседует с джентльменом во фраке и цилиндре на тему о достоинствах виски (чьей маркой является изображение вышеупомянутого джентльмена), то некий банк заявляет, что «наш Робби» был вкладчиком сего почтенного оплота капитализма... Но не рекламами банков и виски и даже не мрамором памятников живет Бернс в народе. Пожалуй, нет в мире поэта, которого бы так знали и так пели – на протяжении двух веков! – в его родной стране. Строки его лучших стихов стали лозунгами, их несут на стягах шотландцы во время всемирных фестивалей – встреч всех людей доброй воли... В 200-летнюю годовщину со дня рождения – 25 января 1959 года – во многих советских школах дети читали стихи Бернса на двух языках, по-русски и по-шотландски. В эти же дни их читали и шотландские школьники, – и, может быть, где-нибудь тоже на двух языках. Так Роберт Бернс, друг своего народа, стал и нашим другом...» (из книги Р. Райт-Ковалевой «Роберт Бернс», СССР, 1965 г.).

- «В 1819 году в России была выпущена памятная медаль к 50-летию со дня рождения Ивана Крылова (1769–1844). Портрет Крылова для медали создал известный художник П. Уткин» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т.11, СССР, 1968 г.). «12 мая 1855 года в Летнем саду (Санкт-Петербург, Россия) состоялось открытие памятника русскому баснописцу И.А. Крылову. Его автор, Петр Клодт, стремился передать свои живые впечатления, увековечить облик человека, которого знал и любил. Клодт хотел вызвать у зрителей ощущение (и это ему блестяще удалось), что Иван Андреевич на мгновение замер, отдыхая под липами. Избегая какой-либо идеализации, он создал правдивый, реалистически точный портретный образ. Поза, в которой изображен Крылов, проста, естественна, даже несколько небрежна, скульптор не

прибегает ни к каким нарочитым декоративно-пластическим эффектам. Он сосредоточил основное внимание на лице, стараясь дать яркую психологическую характеристику поэта. В горельефную композицию на постаменте памятника Клодт включил персонажи наиболее известных крыловский басен» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

- «Доброе полное лицо, высокий лысеющий лоб. Волосы на висках по моде прошлого (19-го. – *Е.М.*) века зачесаны вперед, на щеках узкие бачки... Так выглядит отчеканенный на бронзовой медали профиль известного поэта Василия Жуковского (1783–1852). На лицевой стороне этой первой памятной медали в честь русского писателя есть даты рождения и смерти. А на обороте выбита лира и лавровый венок. Выпущена медаль в год смерти (1852) поэта...» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т. 11, СССР, 1968 г.).

- «В 1933 году в Гренобле (Франция), в квартире, где родился Анри Стендаль (1783–1842), был создан Музей писателя. Поставлено несколько фильмов-экранизаций произведений Стендаля, в том числе «Ванина Вандини» (1922 г.), «Пармская обитель» (1948 г.), «Красное и черное» (1954 г.) и др.» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 24 кн. 1, СССР, 1976 г.).

- «Интернациональная дружба с народами мира и их литературой увековечена в СССР памятными медалями в честь польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855), индийского писателя и философа-гуманиста Рабиндраната Тагора (1861–1941)» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т.11, СССР, 1968 г.).

- «В 1880 году 5 июня Москва праздновала открытие на одном из лучших своих бульваров, на Тверском, памятника гениальному и бессмертному поэту – Александру Пушкину (1799–1837), которым могла бы достойно гордиться каждая страна, и это всенародное литературное торжество, собравшее у ног поэта всю русскую интеллигенцию, бесспорно, занимает одну из лучших страниц русской истории» (из очерка А. Скабичевского «А. Пушкин, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1891 г.). «А. Фет написал сонет на открытие памятника Пушкину в Москве (1880 г.). Прочтем его и удивимся, как много в нем и о нашем времени:

Исполнилось твое пророческое слово,
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласить: ты гений, ты велик!...»

(из очерка Г. Иванова «Афанасий Фет», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.). «В 1880 году в Москве был открыт великолепный памятник А.С. Пушкину (скульптор А. Опекушин). Деньги на памятник собирали по всей России» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т. 11, СССР, 1968 г.). «Опекушин понял, что пробил его час – памятники в России ставили тогда довольно редко... Когда перед многочисленными зрителями предстал бронзовый Пушкин (размером 4,40 метра; сам постамент решено было выполнить из гранита двух цветов: темно-красного и темно-серого), несколько мгновений стояла тишина, а затем восторг, охвативший людей, прорвался с необыкновенной силой. Торжествующее, ликующее «ура» понеслось над площадью. Поэт-гражданин, человек своего времени – таков опекушинский образ Пушкина. Великий поэт предстает перед зрителем без отчуждающего ореола славы, а таким, каким могли его видеть в жизни. Александр Сергеевич в памятнике одухотворен глубоко человеческой простотой и задушевностью, словно заимствованной из самого эмоционального строя поэзии Пушкина... Общему замыслу отвечают высеченные на постаменте слова знаменитого пушкинского стихотворения «Памятник», где главенствует мысль об исполнении писателем своего общественного долга, о служении народу. Пушкин одет в длинный сюртук, поверх которого наброшен широкий плащ. Опекушин, обращаясь к традициям русской и мировой классики, сумел добиться большой пластической выразительности статуи. Движения и поза фигуры отличаются непринужденностью и живостью, не исключаящими, однако, благородной величавости и поэтической возвышенности образа... Складки одежды, вылепленные рукой большого мастера, позволяют сильнее ощутить

светотеневую проработку фигуры, что имеет немаловажное значение при рассмотрении памятника издали. Голова Пушкина с легким наклоном подкупающе выразительна. Благодаря этому найденному нюансу завершился, получив собранность, общий силуэт памятника. Опекушину удалось передать неповторимое пушкинское обаяние. Удачно был выбран и масштаб памятника. Крупный памятник не подавлялся стоящими рядом домами и лучше выделялся» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.).

«В 1899 году, в честь 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, художник М. Скуднов создал памятную медаль...» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т. 11, СССР, 1968 г.). «Творчество Пушкина стало народным достоянием. В Ленинграде в 17 залах Государственного Эрмитажа создан Всесоюзный музей А.С. Пушкина. Последняя квартира Пушкина в Ленинграде (на Набережной р. Мойки, 12) превращена в музей-квартиру А.С. Пушкина. Памятники поэту установлены в Москве на Пушкинской площади – работы А.М. Опекушина (1880 г.); в Ленинграде на площади Искусств – работы М.К. Аникушина (1957 г.) и в др. городах. Село Тригорское с с. Михайловским и Святогорским монастырем объявлено в 1922 году заповедником. Именем А.С. Пушкина названы многие культурные учреждения в СССР» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 7, СССР, 1959 г.). Именем А.С. Пушкина названо бывшее Царское село (под Ленинградом), набережная и площадь г. Москвы, одна из станций Московского метрополитена;

• «В Париже на перекрестке бульваров Распай и Монпарнас высится памятник Оноре Бальзаку (1799–1850). Отлитый в бронзе с гипсовой модели Огюста Родена, он был установлен в юбилейном 1939 году. Трехметровая статуя на полутораметровом пьедестале поражает своей мощью. Откинута голова, величию и горделивостью напоминающая львиную, доминиканская ряса, долгие годы служившая Бальзаку «рабочим» одеянием, в которой скульптор решил представить его миру, чтобы писателя увидели в его «звездный час» – все это делает фигуру устремленной ввысь и придает ей величие...» (из книги Г. Ионкис «Оноре Бальзак», СССР, 1988 г.). «В статуе Бальзака все выражение сконцентрировано на голове. Это действительно окаменевший облик стихии. Пряди волос, дуги бровей, глаза, нос, подбородок – чудовищно громадны, выступают словно отроги скалы. Лицо Бальзака несколько вздернуто. Он словно взирает с высоты на жизнь, весь ушедший внутрь себя, в свои творческие мечты. Это не памятник мелочно-документального порядка. Роден дал осуществление в этой статуе своему представлению о Бальзаке: все подчинено образу героя, служит его выражению...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.). «Памятник был заказан Родену в преддверии 100-летнего бальзаковского юбилея (1897 г.) Он работал над ним как одержимый. Бальзак всегда был для него самым великим, а главное – самым близким писателем... Труд, творчество были главной страстью, которую Роден воспринял как завещание Бальзака. Отвечая своим хулителям, он пишет: «Если истина должна умереть – последующие поколения разломают на куски моего Бальзака. Если истина не подлежит гибели – я вам предсказываю, что моя статуя совершит свой путь... Я, знающий, что жизнь коротка и задача громадна, я оставляю вещи идти своим чередом и продолжаю свою работу...» Это был ответ, достойный Бальзака...» (из книги Г. Ионкис «Оноре Бальзак», СССР, 1988 г.).

• «30-летие Виктора Гюго (1802–1885) Париж отметил всеобщей манифестацией. Около миллиона человек прошли мимо окон его дома, непрерывно скандируя: «Да здравствует Виктор Гюго!». В этом же году (1882) улицу, на которой жил писатель, назвали его именем...» (из сборника Т. Грудкиной «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

• «В 1909 году, в честь 100-летия со дня рождения Николая Гоголя (1809–1852), известный скульптор Н. Андреев отлил памятную медаль... Скульптор Н. Андреев создал и прекрасный памятник писателю. Этот памятник стоит во дворе Московского дома, где умер Гоголь...» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т.11, СССР, 1968 г.). «...Еще летом 1904 года, живя на Украине, Н. Андреев сделал массу зарисовок. В 1906 году вновь отправился туда. Проехал в Миргород, Яновщину, побывал у сестры Гоголя... Перед художником встал образ «отверженного» Гоголя, его душевная драма, быть может, обострившая его сарказм и горечь восприятия мира... При переходе от модели к самому монументу образ претерпевает большие изменения. В окончательном варианте сильнее выявлен трагизм судьбы и творчества гениального писателя... Образ Гоголя правдив и выразителен без преувеличений и

деформаций. Поза, движение, мимика просты и естественны. Форма, в которой воплощен образ, монолитна, силуэт ее выразителен. Замысел всего построения красив и поэтичен. Высокий гранитный постамент с одинокой фигурой писателя опоясывает со всех четырех сторон непрерывный бронзовый рельеф с изображением персонажей из «Ревизора»... Острый взор андреевского Гоголя обращен не только в прошлое, но и в настоящее, в то безумие реакционной вакханалии, какая наступила после подавления революции 1905 года...» (из сборника С. Мусского «100 великих скульпторов», Россия, 2002 г.). «...Памятник, открываемый Гоголю в Москве (1909 г.), овещает, бронзирует мысль о Гоголе, утвердившуюся в душе русского народа. Памятник выражает собою, что Гоголь признан как великий учитель, как великий наставник русского народа: ибо только таким людям, с таким значением, Русь ставит памятники... Все мы учимся по ним. Все с 10 лет, с первого класса русских народных школ, уже воспринимаем в состав души своей нечто из души Пушкина или Гоголя. Это – великое дело. Бронзовые монументы им есть только очень маленькая награда, очень несовершенный дар, какие скромные русские люди, в виде рублей, принесли на могилу этих воистину духовных родителей своих, гигантов-родителей...» (из статьи В. Розанова «Русь и Гоголь», Россия, 1909 г.). «Еще в 1936 году появилось Постановление Совнаркома СССР, требующее создания нового памятника Гоголю, «отражающего подлинный облик великого русского писателя-сатирика». В результате андреевского трагического Гоголя в 1952 году (к столетию со дня смерти писателя) на Арбатской площади (г. Москва) сменил Гоголь-«оптимист» Н. Томского... Всякое новое поколение пытается «отмыть» великого писателя от прошлых «неправильных пониманий»...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Николай Гоголь», российск. изд., 2009 г.).

В 1901 году в Риме (Италия), на доме, в котором Н. Гоголь создавал «Мертвые души» (1841 г.), появилась мемориальная доска. Памятники Н.В. Гоголю установлены: на могиле Гоголя на Новодевичьем кладбище (Москва, 1931 г.); на Малой Конюшенной улице в Санкт-Петербурге; в Великих Сорочинцах (Украина), где писатель появился на свет, и в его родовом имении в Васильевке (ныне село Гоголево, Украина). 1 апреля 2009 года, к 200-летию со дня рождения, ему открыт памятник в Миргороде (Украина). Он установлен у той самой знаменитой «лужи», что описана в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1831 г.).

В Москве работает первый в России гоголевский мемориальный музей – Дом Гоголя на Никитском бульваре. Именем Н.В. Гоголя назван Московский драматический театр, один из центральных бульваров г. Москвы;

- «Мемориальные музеи Михаила Лермонтова (1814–1841) созданы в селе Лермонтово Пензенской области, где прошли детские годы поэта, и в городе Пятигорске, где Лермонтов провел последние месяцы своей жизни» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 14, СССР, 1973). «В 1889 году скульптор А. Опекушин воздвиг в Пятигорске памятник великому русскому поэту. Здесь скульптор стремился отразить не только портретное сходство, но и создать художественный образ поэта таким, каким он его себе представлял, – влюбленным в суровый Кавказ. Глядя на памятник, легко представить, как Лермонтов после долгого блуждания в горах присел отдохнуть на скалу. Склонив голову, он залюбовался белоснежными шапками гор. Его некрасивое лицо прекрасно, потому что оно освещено вдохновением и мыслью» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.).

- «Творчество Ивана Тургенева (1818–1883) оказало влияние на развитие русской, а также зарубежной литературы (Жорж Санд, Г. Мопассан, Дж. Голсуорси и др.). В Орле в 1918 году открыт Государственный литературно-мемориальный музей И.С. Тургенева. Усадьба Спасское-Лутовиново в Орловской области является государственным заповедником» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т.9, СССР, 1960 г.). «Музеи И.С. Тургенева созданы в г. Орле и бывшем имении его матери Спасском-Лутовинове...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 томах, т. 26, СССР, 1977 г.).

- «27 декабря 1877 года (ст. ст.) Николай Некрасов (1821–1877/78) умер. Похоронили его в Петербурге на Новодевичьем кладбище. В 1881 году на его могиле был установлен памятник (скульптор М.А. Чижов)...» (из сборника В. Еремина «100 великих поэтов», Россия, 2006 г.).

«Творчество Н. Некрасова оказало влияние на многих советских поэтов, а также поэтов славянских стран. Память его увековечена организацией (1946 г.) мемориального музея в селе Карабихе (около Ярославля), а также музея-квартиры Н.А. Некрасова в Ленинграде на Литейном проспекте» (из «Малой Советской Энциклопедии в 10 т., т. 6, СССР, 1959 г.).

• «Изгнанный из Советской России Федор Достоевский (1821–1881) с 20-х годов 20-го столетия триумфально шествовал по всему миру. Его переводили на все языки, его издавали огромными тиражами, о нем писали книги... В сентябре 1997 года у Российской государственной библиотеки в Москве открыт памятник Достоевскому (скульптор А. Руковишников, архитекторы М. Посохин и А. Кочевковский)... Ходит в рейсы круизный теплоход «Федор Достоевский» (Россия)...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Федор Достоевский», российск. изд., 2009 г.). 175-летнему юбилею Ф.М. Достоевского были посвящены Международные чтения «Достоевский и современность», прошедшие в 1996 году в Старой Руссе (Россия). Именем Ф.М. Достоевского в Москве названы улица и переулок, одна из станций Московского метрополитена. «В 1928 году в квартире отца писателя, где прошло детство Достоевского (в одном из помещений бывшей Мариинской больницы в Москве) создан Литературно-мемориальный музей Ф.М.Достоевского...» (из Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т.3, СССР, 1959 г.).

• «Когда-то, до 1948 года, эта улица в Москве называлась Малая Ордынка, теперь она носит имя Александра Островского (1823–1886), это при выходе из метро «Новокузнецкая» (Москва, СССР. – Е.М.)... В облике этой улицы угадываются старинные черты: кое-где сохранившиеся двухэтажные и даже одноэтажные дома с мезонинами; пустырь на месте снесенного дома и открытый двор без заборов и ворот, с разросшимися густо тополями и кленами... Летом, в июне-июле, улица словно молодеет от кружащегося в воздухе тополиного пуха, переносящегося от одного дома к другому... Вы попадаете в старый московский дворик, как бы отрезанный от движения и уличной суеты, успокоенно собранный под густыми кронами старых тополей. В середине дворика в окружении скамеек высится бюст А.Н. Островского. Знакомый по фотографиям его последних лет умный, упорный взгляд драматурга как будто вперился в стоящий перед ним в трех десятках шагов дом. Этот дом, в котором 31 марта 1823 года родился будущий великий драматург, недавно отреставрирован и стал теперь музеем А.Н. Островского... Все здесь дышит подлинностью былого» (из книги М. Лобанова ««Александр Островский», СССР, 1989 г.). «В 1929 году в Москве у Малого театра установлен памятник А.Н. Островскому работы скульптора Н.А. Андреева. В принадлежавшей Островскому усадьбе Щельково Костромской области создан Дом-музей его имени» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 6, СССР, 1959 г.).

• «Уже в советское время на бронзовых дисках медалей увековечены классики русской литературы – Михаил Лермонтов (1814–1841), Николай Гоголь (1809–1852), Лев Толстой (1828–1910), Виссарион Белинский (1811–1848), Николай Чернышевский (1828–1889), Александр Герцен (1812–1870), Антон Чехов (1860–1904).

Были выпущены также памятные медали, посвященные выдающимся деятелям литературы народов, населяющих СССР, – Тарасу Шевченко (1814–1861), Шоте Руставели (12 в.), Рудаки (ок. 860–941), Физули (1494–1556), Яну Райнису (1865–1929), Мирзе Ахундову (1812–1878)» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т. 11, СССР, 1968 г.).

• «В Саратове на улице Чернышевского стоит скромный домик. Здесь родился и жил писатель-революционер Николай Чернышевский (1828–1889). Еще в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) в этом доме был создан музей его имени; декрет об открытии музея 25 сентября 1920 года подписал В.И. Ленин...» (из статьи Н. Верховской «Н.Г. Чернышевский», СССР, 1968 г.). «В 1920 году Дом-музей Н.Г.Чернышевского в Саратове был объявлен национальным достоянием. В 1953 году там же Чернышевскому сооружен памятник» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 10, СССР, 1960 г.). Поселок городского типа в Мирнинском районе Якутской АССР, куда Н. Чернышевский был поселен после отбытия каторжных работ в Сибири (р. Вилюй, приток Лены, 1871 г.), носит название «Чернышевский».

• «В Москве находится Государственный музей Льва Толстого (1828–1910); его филиалами являются музей-усадьба Л.Н. Толстого в Москве и дом-музей Л.Н. Толстого на станции «Лев Толстой». В Ясной Поляне (Тульская область) создан государственный

заповедник – музей-усадьба Л.Н. Толстого. Именем Толстого названы район и районный центр в Калужской области. Станция и поселок Астапово носят название «Лев Толстой» (ныне Липецкая область). По постановлению Советского правительства (1928 г.) издано Юбилейное полное собрание сочинений Л. Толстого в 90 томах» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 9, СССР, 1960 г.). «Музеи Л.Н. Толстого: Ясная Поляна – Государственный музей-усадьба в Щекинском районе Тульской области; Государственный музей в Москве (Кропоткинская ул., 11); Музей-усадьба в Москве (дом, в котором Толстой с семьей жил зимой с 1832 по 1901 гг.; Долгохамовнический переулок, ныне улица Льва Толстого, 21); музей на станции «Лев Толстой» (бывшая станция Астапово)» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т.26, СССР, 1977 г.). Еще при жизни Л.Толстого, в 1909 году, были выпущены памятные именные медали работы И. Гинцбурга – облик писателя, выбитый в металле, так хорошо известный по его фотографиям последних лет. В Хамовниках, самом, пожалуй, известном месте Москвы, связанным с его именем, ныне можно выйти на улицу Льва Толстого...

• «Одна из самых престижных ежегодных литературных премий во Франции называется Гонкуровской. Она присуждается с 1903 года литературным сообществом «Академия Гонкуров», первые члены которого были назначены самим Эдмоном Гонкуром (1822–1896) (впоследствии на место умерших членов живые выбирали замену). Премию получали писатели различных литературных течений и довольно разного калибра дарования (из самых известных – Барбюс, Пруст, Мальро), но она была и остается известной пробой литературного качества: кроме верности жизни, отмечаемые ею произведения должны быть хорошо написаны, отвечать взыскательному литературному вкусу. Думается, не случайно длительная литературная традиция связывает эти критерии с именем создателей «артистического письма» братьев Ж. и Э. Гонкур» (из статьи М. Толмачева «Мир Гонкуров», СССР, 1990 г.).

• «Наука со времен июля Верна (1828–1905) ушла далеко вперед, а его книги и герои не стареют. Впрочем, ничего удивительного. Это свидетельствует о том, что Жюль Верну удалось воплотить свою заветную идею: соединить науку с искусством, а настоящее искусство, как мы знаем, – вечно... Когда советская космическая ракета передала на Землю первые фотографии обратной стороны Луны, одному из кратеров, расположенных на той стороне, было присвоено имя «Жюль Верн...» (из очерка Л. Калюжной «Жюль Верн», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.). «Из 108 научных предвидений Верна осуществлены в наше время – 64 – более половины – результат, считающийся редким и для солидного научно-исследовательского центра... Исследователи начинают оценивать поздние романы и все творчество Верна как сложный социально-художественный феномен. В «вернениане» сегодня видят изучение глубинной природы не только Земли, но и психологии человека...» (из очерка З. Кирнозе «Жюль Верн», российск. изд., 2003 г.); 9 мая 1909 года в Амьене (Франция) Жюль Верну был открыт памятник. Выступавшие на этой торжественной церемонии говорили о нем как о «наиболее ученом из беллетристов и лучшем беллетристе среди ученых...».

• «В 1928 году Максим Горький (1868–1936) вернулся на Родину. Встретили его с большим почетом... Начались многочисленные переименования улиц и городов (Нижний Новгород был назван Горьким). 1 декабря 1933 года в «ознаменование 40-летия литературной деятельности» Максима Горького был открыт первый в России Литературный институт, названный его именем...» (из очерка Л. Калюжной «Максим Горький», сборник «100 великих писателей», Россия, 2009 г.). «Первая памятная медаль советского времени изображает А.М. Горького. Ее сделал в 1936 году художник Н. Соколов. На оборотной стороне отчеканены строки из «Песни о Соколе» (1895 г.):

Пускай ты умер!
Но в песне смелых и сильных духом
Всегда ты будешь живым примером
Призывом гордым к Свободе, к Свету.

(из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т. 11, 1968 г.). «По постановлению правительства СССР в 1937 году в Москве создан литературно-мемориальный музей А.М. Горького. Родина писателя г. Нижний Новгород переименован в г. Горький. Его имя присвоено Московскому

Художественному академическому театру, Институту мировой литературы АН СССР и др... В составе РСФСР – Горьковская область... В честь А.М. Горького названа одна из гидроэлектростанций Волжского каскада (в 50 км от г. Горького) и Горьковское водохранилище на р. Волге, образованное в результате постройки Горьковской гидроэлектростанции» (из «Малой Советской Энциклопедии» в 10 т., т. 3, СССР, 1959 г.). «На площади перед Белорусским вокзалом в Москве видна знакомая фигура Максима Горького. Памятник изваян талантливыми скульпторами Иваном Шадром и Верой Мухиной. Алексей Максимович, как бы уставший от долгой прогулки, остановился на ходу, пальто расстегнуто, в руке широкополая шляпа...» (из «Детской Энциклопедии» в 12 т., т.11, СССР, 1968 г.). Именем А.М. Горького в СССР была названа одна из центральных улиц г. Москвы (бывшая Тверская ул.)...

• «Произведения о Севере имели большой успех у читателей, после долгих лет непризнания, мытарств и лишений к Джеку Лондону (1876–1916) приходит, наконец, слава и материальный достаток... В течение всего 20-го века среди зарубежных писателей, издававшихся в России, произведения Лондона прочно занимали 1-е место. В Сибири есть даже озеро, носящее его имя» (из сборника Т. Грудкиной «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

• «Отношение к творчеству Александра Грина (1880–1932) было неоднозначным... При жизни о Грине писали мало и пренебрежительно, его квалифицировали как эпитгона западноевропейской приключенческой литературы... Но после смерти его имя стало знаком всего лучшего, романтического и жизнеутверждающего. Своеобразным символом его жизни стало появление теплохода, названного в его честь. Этот корабль бороздит морские просторы путями, о которых самому Грину доводилось только мечтать...» (из сборника Т. Грудкиной «100 великих мастеров прозы», Россия, 2009 г.).

• «Именем румынского писателя Михая Садовяну (1880–1961) – долголетнего председателя Федерации шахмат Румынии – назвала улица в его родном городе Яссы и в еще нескольких городах Румынии» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «Роман Ярослава Гашека (1883–1923) «Похождения бравого солдата Швейка» (1921–1923 гг.) переведен на 60 языков мира. В СССР роман Гашека издавали многократно. В апреле 1962 года в Москве было создано «Общество друзей Ярослава Гашека». В 1964 году Тверской-Ямской переулок переименовали в улицу Гашека. Улица Гашека есть и в Петербурге, и на Балканской площади, откуда она начинается, в 2003 году был открыт памятник писателю. В 1967 году специальным постановлением Президиума Верховного Совета СССР товарищ Гашек «за особо активное участие в боях за победу Великой Октябрьской социалистической революции» был награжден орденом Боевого Красного Знамени (посмертно). Что это означает? Что разведчики его не забыли?..» (из книги Ю. Безелянского «Знаменитые писатели Запада: 55 портретов», Россия, 2008 г.).

• «Слова И. Сталина, что Владимир Маяковский (1893–1930) «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (ноябрь 1935 г.), произвели мгновенный эффект. Уже 17 декабря 1935 года Триумфальную площадь в Москве переименовали в площадь Маяковского... В Гендриковом переулке был создан музей Маяковского...» (из книги Б. Янгфельдта «Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг», Швеция, 2007 г.). «В апреле 1937 года по решению Правительства СССР в Москве, в доме, где В.В. Маяковский жил в 1926 – 30 гг. (бывший Гендриков переулок, в 1936 году переименован в переулок Маяковского) открыт литературно-мемориальный музей-библиотека В.В. Маяковского... В квартире поэта восстановлены кабинет и столовая; в других комнатах размещена выставка. Музей-библиотека является основным хранилищем печатного, рукописно-документального, изобразительного и мемуарного наследия поэта... В 1941 году на родине поэта, в Грузии, в бывшем селе Багдади (ныне поселок Маяковский), также создан литературно-мемориальный музей В.В. Маяковского... Его имя присвоено (в 1954 году) московскому Театру драмы...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 50 т., т. 26, СССР, 1954 г.). «Сбылись и слова Маяковского, обращенные когда-то к Пушкину: «После смерти нам стоять почти что рядом...» На площади имени Маяковского возвышается на гранитном постаменте громадная фигура. Художник А. Кибальников в 1958 году создал выразительную скульптуру поэта. Маяковский читает стихи. У

памятника часто собирается молодежь» (из «Детской Энциклопедии», в 12 т., т. 11, 1968 г.).

• «Ровесник века, Всеволод Вишневский (1900–1951) прошел через все испытания, выпавшие на долю поколения, а бурлившие в нем страсти, жажда деятельности неизменно выносили его на передний край судьбы. В Ленинграде и Кронштате есть улицы, школы и пионерские дружины, есть корабли, носящие имя В.В. Вишневого. Театры, телевидение, радиовещание и кино постоянно обращаются к творческому наследию писателя...» (из книги В. Хелемендика «Всеволод Вишневский», СССР, 1980 г.).

• «Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944) остается самым часто переводимым французским писателем. По всему миру разбросаны клубы любителей его творчества... Фигурка Маленького принца появилась на хвостовом оперении современных «Миражей». Главный садовник Парижа вывел голубую розу и назвал ее именем писателя. Аэропорт «Лион-Сатолас» был переименован в «Лион-Сент-Экзюпери». Советские астрономы назвали в честь писателя астероид. Изображение Сент-Экзюпери, Маленького принца и удава, проглотившего слона, было помещено на 50-франковой купюре...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Роман Николая Островского (1904–1936) «Как закаляла сталь» (1932–1934 гг.) выдержал более 200 изданий на языках народов СССР, получил широкую известность во многих странах мира, инсценирован для театра и кино. В 1937 году создан дом-музей Н.А.Островского в Сочи, где он жил и лечился, в 1940 году – мемориальный музей в Москве» (из «Малой Советской Энциклопедии в 10 т., т.6, СССР, 1959 г.).

• «В начале мая 2002 года на Арбате, у входа в Плотников переулок (Москва), был открыт памятник Булату Окуджаве (1924–1997). На церемонии открытия присутствовали: супруга экс-президента России Наина Ельцина, мэр Москвы Юрий Лужков, министр культуры России Михаил Швыдкой...» (из книги В. Раззакова «Как уходили кумиры», Россия, 2005 г.).

• «Именем Фазиля Искандера (р.1929), автора повести «Созвездие Козлотура» (СССР, 1966 г.), названа одна из малых планет...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России: Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В конце июня 2002 года в Переделкине, где жил поэт Роберт Рождественский (1932–1994), был открыт памятный знак ему. Знак сделан из розового гранита. Кроме этого в Переделкине появилась улица Рождественского, которая ранее именовалась Трудовым переулком...» (из книги Ф.Раззакова «Как уходили кумиры», Россия, 2005 г.).

• «В отличие от «эстрадных» поэтов, которым часто подкидывали то государственную премию, то еще какую, Николаю Рубцову (1936–1971) даже какой-нибудь областной, типа премии вологодского комсомола, – не давали... Сегодня Рубцов всеми признан. Он классик. На его стихи написаны десятки песен. Ему премий не давали, но после смерти появилась литературная премия имени Рубцова «Звезда полей». Во многих городах России есть рубцовские центры, где проводятся «Рубцовские чтения»... Теперь в Вологде одна из улиц названа именем поэта. Ему поставлен памятник работы скульптора В. Клыкова...» (из очерка Г. Иванова «Николай Рубцов» в сборнике «100 великих писателей», Россия, 2009 г.).

• «24 июня 2003 года на доме № 13 по 1-й Тверской-Ямской в Москве, где Геннадий Шпаликов (1937–1974) жил последние 10 лет своей жизни и где написал сценарии своих фильмов «Застава Ильича», «Я шагаю по Москве», «Я родом из детства», была открыта мемориальная доска. Ленточку разрезал неизменно элегантный Никита Михалков, который в своем вступительном слове сказал: «Могли ли мы представить в 70-е, что будем ставить доску Гене Шпаликову? Разбросанному, беспорядочному, бесшабашному Гене, которого каждый из нас тем не менее всегда ждал в гости, чтобы услышать его веселые байки и новые песни, которые он вечно пел на один и тот же мотив...»...» (из книги Ф. Раззакова «Как уходили кумиры», Россия, 2005 г.).

Художники, графики, скульпторы

• «Андрей Рублев (ок.1370–1430) скончался 29 января 1430 года в Андрониковом монастыре в Москве, который сейчас носит его имя. В 1988 году, году тысячелетия крещения Руси, Русская православная церковь причислила Рублева к лику святых. Он стал первым

художником, который был канонизирован христианской церковью» (из сборника Д. Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «Леонардо да Винчи (1452–1519) называли чародеем, служителем дьявола, итальянским Фаустом и божественным духом. Он опередил свое время на несколько веков вперед... В галерее Уффици во Флоренции (Италия) воздвигнута каменная статуя Леонардо... Выдающиеся достижения в области науки и искусства, как предсказывал Леонардо, поистине стали «трубным гласом своего творца»...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Леонардо да Винчи», российск. изд. 2008 г.).

- «28 марта 1883 года Италия и вся Европа праздновали 400-летний юбилей Рафаэля Санти (1483–1520)... Конечно, наиболее торжественно праздновал этот день Рим. Из Капитолия утром на могилу в Пантеон отправилась огромная процессия с венками, городскими знаменами и музыкой... Могила была буквально засыпана фиалками, не говоря о массе других цветов. В собрании присутствовали король и королева... Герцог Ринальто открыл в этот день знаменитый дворец «Фарнезина», где написана Рафаэлем фреска «Галатее»... В родном его Урбино мы находим надпись на доме, где он родился, и портрет его в городской ратуше. Торвальдсен заплатил дань удивления Рафаэлю, изобразив его в барельефе: Рафаэль, погруженный в какой-то творческий замысел, держит доску для рисунка, Амур поддерживает ее правой рукой, а левой подает Рафаэлю розу и мак; два гения стоят по сторонам, один из них как символ божественного огня держит горящий факел, другой держит пальмовую ветвь и готовится увенчать Рафаэля лаврами... В России этот день (28 марта 1883 г.) был ознаменован торжественными собраниями в Академии художеств и в Эрмитаже. В зале академии был выставлен бюст великого итальянца, украшенный цветами...» (из очерка С. Бриллианта «Рафаэль, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1891 г.).

- «Особенности голландской нации наиболее полно выявились в личности и творчестве Харменса Рембрандта (1606–1669) – величавшего из представителей ее искусства. Все грезы своей могучей фантазии, все образы, созданные его бессмертным гением, он воплотил в форме, близкой, понятной и дорогой для его соотечественников... В 1852 году Голландия наконец вспомнила о своем великом сыне. 27 мая этого года амстердамский бургомистр в присутствии короля Вильгельма III торжественно открыл бронзовый памятник Рембрандту. Впоследствии эта статуя была перенесена на самую большую площадь города, которая в настоящее время называется площадью Рембрандта» (из очерка А. Калининой «Рембрандт, его жизнь и художественная деятельность», Россия, 1894 г.).

- «Заслуги художника Ивана Айвазовского (1817–1900) в живописи были признаны всем миром... Он был избран членом шести академий художеств. При жизни художнику было предложено написать свой автопортрет для Флорентийской картинной галереи, где собраны автопортреты великих живописцев мира. На пьедестале памятника художнику в том городе, где он прожил жизнь, простая и лаконичная надпись: «Феодосия – Айвазовскому»...» (из сборника Т. Кравченко «Русские художники, скульпторы, архитекторы», Россия, 2007 г.). «Согласно воле Айвазовского, его погребли в Феодосии, во дворе церкви Сурб Саргис, где он был крещен и где венчался. Надгробная надпись – высеченные по-древнеармянски слова историка V века Мовсесе Хоренаци – гласит: «Родился смертным, оставил по себе бессмертную память»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «В 1940 году, когда Куоккала уже принадлежала Советскому Союзу (после советско-финской войны 1940 г. – *Е.М.*), там был открыт мемориальный музей Ильи Репина (1844–1930). Мемориальный музей Репина есть также в его родном Чугуеве. В 1958 году в Москве был открыт памятник Репину (скульптор М.Г. Манизер, архитектор И.Е. Рожин)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Имя Василия Сурикова (1848–1916) присвоено Московскому художественному институту, в Красноярске (на родине В.Сурикова. – *Е.М.*) открыт дом-музей Сурикова и сооружен ему памятник (бронза, гранит, 1954 г., скульптор Л.Ю. Эйдлин, архитектор В.Д. Кирхоглани)» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т.25, СССР, 1976 г.).

- «В 1953 году Московский дом художника Виктора Васнецова (1848–1926), построенный

по его эскизу в 1894 году, был превращен в дом-музей. Музей имени братьев Васнецовых был открыт в 1988 году в Кирове» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Современники хорошо знали и высоко ценили творчество Валентина Серова (1865–1911), уже при жизни к нему пришла широкая европейская известность... Посмертная выставка его произведений была организована в 1914 году. На современников она произвела огромное впечатление – как много за сравнительно недолгий срок жизни, всего 46 лет, успел сделать этот великий труженик. В советское время наиболее значительными были персональные выставки произведений В. Серова, устроенные в крупнейших наших музеях – Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее в 1935, 1958–1959 и в 1965 годах. Последняя из них, очень полная и представительная, была посвящена 100-летию со дня его рождения. Литература о жизни и творчестве Серова столь обширна, что дать пусть даже самый краткий ее обзор практически невозможно...» (из книги В. Розенвассера «Валентин Серов», СССР, 1990 г.).

- «В 2007 году в России учреждена ежегодная Премии Василия Кандинского (1866–1944). Главный критерий выбора победителей – то, насколько тот или иной художник своими новейшими работами повлиял на ситуацию в современном российском искусстве...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Еще при жизни имя Анри Матисса (1869–1954) становится всемирно известным... В 1952 году на родине художника (во Франции. – Е.М.) открывается музей Матисса...» (из сборника Д.Самина «100 великих художников», Россия, 2004 г.).

- «По личному распоряжению Франко в Фигерасе (Испания) был создан музей Сальвадора Дали (1904–1989). Диктатор публично заявил, что такой музей необходим как признание заслуг «самого великого здравствующего испанского художника». Музей Дали разместился в здании старого муниципального театра, напротив дома, где родился мэтр... Сальвадор Дали умер 23 января 1989 года. Он сам составил сценарий своих похорон... Отдав указание мажордому натереть воском знаменитые усы, распорядившись забальзамировать свое тело так, чтобы оно сохранялось по крайней мере 30 лет, облаченный в тунику с короной маркиза и вышитым узором в виде двойной спирали ДНК, маркиз де Дали де Пуболь обрел покой в склепе под стеклянным куполом своего музея в Фигерасе, среди окружающих его полотен и предметов...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «15 июля 2003 года президент Российской академии наук Ю. Осипов вручил скульптору Зурабу Церетели (р.1934) свидетельство о присвоении планете 18284 имени Tsereteli...» (из сборника Л.Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

Композиторы, музыканты

- «В 19-м столетии известность великого Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750) как бы вновь воскресла. Имя его прогремело заслуженной славой, и бессмертная музыка наконец получила подобающую оценку. К началу 40-х годов среди германского общества созрела мысль о необходимости увековечить имя гениального музыканта подобающим памятником, и в 1843 году эта идея была приведена в исполнение: задуманный памятник был открыт в Лейпциге, то есть в том городе, службе которому великий композитор посвятил всего больше времени и сил... На торжестве открытия памятника присутствовал родной внук Себастьяна Баха – Вильгельм Фридрих Эрнст Бах... Но не один памятник явился наглядным следствием проснувшегося общественного внимания к богатому творческому наследству, которое оставил миру великий художник. Раз пробудившись, увлечение это продолжало жить в среде германских музыкальных кругов, и через несколько лет после открытия памятника в Лейпциге, в том же городе образовалось особое музыкальное общество, основанное со специальной целью отыскивать, изучать, печатать и распространять произведения великого мастера. Эта ассоциация, открытая в 1850 году и соответственно своим целям усвоившая название «Баховского общества» или «Общества Баха» (Bach-Gesellschaft), проявила немало энергии и в

настоящее время успела уже собрать и издать большую часть сочинений Баха, то есть все, что поныне дошло до нас из творений великого артиста. Деятельность общества продолжается...» (из очерка С. Базунова «И.С. Бах, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1894 г.).

• «Важную роль в сохранении и популяризации творческого наследия Вольфганга Моцарта (1756–1791) играет Международный фонд его имени, находящийся на родине композитора в Зальцбурге. Фонд проводит активную деятельность, включающую собирание и сохранение работ Моцарта и личных вещей композитора, связанных с его памятью строений, создание библиотеки, организацию концертов, фестивалей и лекций, а также исследовательскую деятельность. История фонда восходит корнями к Кафедральной моцартовской ассоциации музыки, основанной в 1841 году в Зальцбурге... Фонд восстановил и открыл для публичного посещения дом, в котором родился Моцарт. Под его эгидой в Зальцбурге ежегодно проводится традиционный моцартовский фестиваль... Таковым оказался фестиваль, состоявшийся в 1842 году. Он был приурочен к открытию памятника композитору. На нем присутствовали оба сына Моцарта, исполнившие произведения своего отца. Аналогичные музыкальные праздники проводились в 1852 (в честь 10-летия со дня открытия памятника), а также в 1856 годах (в честь 100-летия со дня рождения Моцарта)...» (из монографии «100 человек, которые изменили ход истории: Вольфганг Моцарт», российск. изд., 2008 г.).

• «На могиле Людвиг ван Бетховена (1770–1827) был поставлен памятник в виде пирамиды. На этом памятнике изображены солнце и под ним лира; под лирой только одно слово: «Бетховен»...» (из очерка И. Давыдова «Л. ван Бетховен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.).

• «Величайший из русских композиторов Михаил Глинка (1804–1857) отошел в вечность в ночь со 2 на 3 февраля 1857 года... 24 мая 1857 года прах великого русского композитора окончательно успокоился на кладбище Александро-Невского монастыря в Петербурге (Россия). На могиле его тогда же поставили весьма изящный памятник, а в 1885 году в Смоленске на средства, собранные по всенародной подписке, воздвигли другой, изображающий фигуру композитора во весь рост, с краткой, но выразительной надписью на высоком пьедестале: «Глинке – Россия»...» (из очерка С. Базунова «М. Глинка, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «30 октября 1849 года, спустя 13 дней после смерти, Фредерик Шопен (1810–1849) был похоронен на кладбище Пер-Лашез (Париж)... В похоронной процессии приняло участие множество парижан. Во главе шли князь Чарторыйский и Джакомо Мейербер. Рядом с могилами Беллини, Керубини и других выдающихся музыкантов гроб с телом Шопена опустили в землю той страны, которую он так любил и которая стала его второй родиной. Комитет по сооружению памятника Шопену под председательством его друга Эжена Делакруа на другой день после похорон постановил: скульптору Клезинжеру создать достойный мраморный монумент композитору. Этот памятник был торжественно открыт 17 октября 1850 года в первую годовщину смерти Шопена...» (из книги А. Ноймайра «Музыканты и медицина», Австрия, 1995 г.). «...Этот памятник был поставлен над его могилой. На передней стороне его изображена плачущая муза, у ног которой лежит разбитая лира...» (из очерка Л. Давыдовой «Ф.Шопен, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1892 г.).

• «Должное признание, которого Роберт Шуман (1810–1856) так желал достигнуть при жизни, выпало на долю его произведений лишь после его смерти... Среди почитателей Шумана возникла вскоре мысль воздвигнуть памятник на месте его упокоения; но план этот осуществился лишь много лет спустя после его смерти. В 1871 году по инициативе Василевского и Иоахима и с согласия вдовы Шумана в Бонне состоялось музыкальное торжество в память покойного, продолжавшееся три дня и состоявшее в исключительном исполнении произведений Шумана. Благодаря сбору с этого торжества и с других концертов, устроенных с тою же целью в различных городах друзьями покойного, его могила украсилась прекрасным памятником с надписью: «Великому композитору от его друзей и поклонников, 2 мая 1880 года»... Его богато одаренная натура поражает нас своей цельностью, гармоническим соединением душевных и умственных сил, и жизнь его, представляющая собой высокий образец святого служения искусству, идеального отношения к своим братьям, достойна не

только уважения, но и подражания потомства» (из очерка М. Давыдовой «Р. Шуман, его жизнь и музыкальная деятельность», Россия, 1893 г.).

- «Творчество Бедржиха Сметаны (1824–1884) – композитора-патриота, боровшегося за передовые художественные идеалы, определило дальнейшие пути развития чешской музыки. Его именем в Праге названы концертный зал, струнный квартет, музыкальное общество, публикующее полное собрание его сочинений. В Праге имеется (с 1928 г.) музей Сметаны с филиалами в Литомишле и Ябкенице» (из статьи И. Бэлзы «Сметана», СССР, 1976 г.).

- «В 1968 году в деревне Наумове (ныне Куньинского района Псковской области) открыт музей-усадьба Модеста Мусоргского (1839–1881)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «В Москве, в Третьяковской галерее, среди шедевров русской живописи почти целый век экспонируется ставший всемирно известным портрет Петра Чайковского (1840–1893) кисти Н.Д. Кузнецова (1893 г.)... Какое поистине крайнее напряжение воли и титаническая работа необходимы, чтобы оставить потомкам такое огромное художественное наследие...» (из книги Л. Сидельникова «Петр Ильич Чайковский», Россия, 1992 г.). «Как национальный праздник отмечалось столетие со дня рождения Чайковского в 1940 году. Совнарком Союза ССР издал специальное Постановление об ознаменовании этой даты и увековечении памяти композитора: воздвигнуть памятник в Москве; издать полное собрание сочинений; присвоить его имя музыкальному училищу в Воткинске (на родине Чайковского. – Е.М.), музыкальной школе в Клину, только что построенному Концертному залу в Москве; переименовать Новинский бульвар в Москве в улицу Чайковского; учредить стипендии на композиторских факультетах в консерваториях Москвы, Ленинграда, Киева и Тбилиси; выпустить юбилейные марки с изображением композитора. Имя Чайковского с 1940 года стали носить Московская и Киевская консерватории, а затем и Пермский театр оперы и балета. Ежегодно у памятника композитору, перед зданием Московской дважды ордена Ленина государственной консерватории имени П.И. Чайковского, на улице Герцена, 13, проводится торжественное открытие Праздника песни в Москве. Местом активной музыкально-общественной жизни стал Дом-музей П.И. Чайковского в Клину... В подмосковный город стекаются миллионы людей, тянутся их сердца и помыслы. Это дом, любимый народом. В течение только одного года сюда приходят около 200 тысяч человек. В концертном зале, построенном рядом с Домом-музеем, проводятся фестивали музыкального искусства... Начиная с 1958 года, раз в четыре года, в Москве проходит традиционный Международный конкурс музыкантов-исполнителей имени П.И. Чайковского. «Музыкальной весной мира» называют этот праздник искусства...» (из книги Г. Прибегиной «Петр Ильич Чайковский», СССР, 1984 г.). На родине П.И. Чайковского (г. Воткинск Пермской области России), в связи со строительством Воткинской ГЭС, основан новый город (до 1962 года поселок городского типа), названный именем великого композитора.

- «В 1976 году малой планете № 1889, открытой крымскими астрономами, присвоено наименование «Пахмутова» в честь композитора, народной артистки СССР Александры Пахмутовой (р.1929)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «В 2006 году Государственному академическому симфоническому оркестру (Россия) было присвоено имя Евгения Светланова (1928–2002). В честь Светланова назван Большой зал Московского международного Дома музыки, открытый в 2004 году. Имя Е.Ф. Светланова получила малая планета № 4135. С 2004 года проводится международный конкурс дирижеров имени Е.Ф. Светланова. Имя Светланова присвоено самолету Airbus A330 компании «Аэрофлот»...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

Вокалисты: оперные и эстрадные певцы

- «25 марта 2005 года на ДOME артистов Большого театра, в Брюсовом переулке (Москва), была открыта памятная доска Ивану Козловскому (1900–1993). На бронзовой доске изображен бюст певца. Табличка под ним гласит, что Козловский жил в этом доме с 1936 по 1993 годы» (из сборника Л.Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино»,

Россия, 2011 г.).

- «Фамилию Марии Каллас (1923–1977) еще при жизни сделали именем нарицательным – La Callas. Аукционы с ее бриллиантами становятся более громкими событиями, чем премьеры в «Метрополитен-опера». В Марию Каллас переодеваются как трансвеститы для многочисленных клубных шоу, так и известные актрисы – Изабель Юппер, Рита Морено. Франко Дзеффирелли воскресил диву в фильме «Каллас навсегда», в котором главную роль сыграла Фанни Ардан...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «... С 1982 года в Афинах проводится международный конкурс вокалистов имени Каллас. В 1996 году в Париже была поставлена американская пьеса «Посмешище», где известная французская актриса Ф. Ардан сыграла Каллас перед самоубийством. Экранизация различных эпизодов жизни певицы в фильмах «Мелодия Венского леса» и «Онассис» превратила ее жизнь в легенду...» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.).

- «В честь оперной певицы Ирины Архиповой (1925–2010) в 1995 году названа малая планета № 4424...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «24 октября 1981 года была открыта планета, которой дали имя «Образцова» в честь оперной певицы, народной артистки СССР Елены Образцовой (р.1939)...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «В искусстве джаза Луи Армстронг (1901–1971) – своего рода символ. «Армстронг» и «джаз» как бы слились в сознании людей... Теперь один из самых почитаемых памятников в Новом Орлеане (США) – памятник Армстронгу. «Сан-Луи-блюз» воспринимается сегодня как блюз, названный так в честь святого Луи джаза – великого Армстронга...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Эдит Пиаф (1915–1963) называют самой великой эстрадной певицей современности. Весь мир восхищается ею... Именем Пиаф названа одна из площадей Парижа...» (из сборника И. Мусского «100 велики кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Фрэнк Синатра (1915–1998) скончался в ночь с 14 на 15 мая 1998 года в лос-анджелесской больнице... В 2006 году Синатру можно было снова увидеть на сцене в лондонском театре «Палладиум». Его удалось «оживить» благодаря современным технологиям. Синатра появляется в посвященном ему мюзикле на огромных плазменных экранах, которые постоянно перемещаются по сцене. Идея о «виртуальном» мюзикле принадлежит дочери певца – Нэнси...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Элвис Пресли (1935–1977) умер в ночь на 16 августа 1977 года в возрасте 42 лет... Поместье «Грэйсленд» (США) стало местом паломничества поклонников певца. Дирекция поместья разрешила использовать изображение Элвиса на спальнях туфлях, почтовых марках, выпускаемых Гренадой и Сент-Винсентом, а также пробках для графинов...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «...Биографии Элвиса Пресли были посвящены многочисленные книги, а в 1993 году почтовое ведомство США выпустило почтовую марку с его портретом... Смерть Элвиса стимулировала всплеск интереса к его музыке» (из сборника Д. Самина «100 великих вокалистов», Россия, 2004 г.). «...Фанаты могли купить шампунь «Элвис, люби меня нежно», фарфоровую куклу за 2 500 долларов и за 500 долларов часы «дедушки Короля». Напротив «Грэйсленда», на бульваре, названном именем Пресли, продавались значки, открытки, афиши, шейные платки, подушки, на которых вышит портрет «Короля», – продавалось все, вплоть до копий акта о его смерти, его брачного свидетельства, а также невообразимой переписки с ФБР...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Именам певца Иосифа Кобзона (р.1937) названа планета, зарегистрированная в международном каталоге планет под номером 3399...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

- «Певец Хулио Иглесиас (р. 1943) вместе с художником Пабло Пикассо и диктатором Франко признан самым известным испанцем XX столетия. В Париже Иглесиасу установлен прижизненный памятник...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Поклонникам рок-музыканта Джими Хендрикса (1942–1970) удалось сохранить дом, в котором легендарный гитарист провел свое детство. Для этого фанатам пришлось перевезти здание из Сиэтла в городок Рентон. Ветхий коттедж был установлен на парковке для трейлеров напротив кладбища, где похоронен музыкант. Покупка, земельного участка площадью в 3 акра обошлась фонду Хендрикса, основанного поклонниками музыканта и его братом Леоном, в 1,8 миллионов долларов... В 2003 году известные музыканты – Принц, Сантана, Бутси Коллинс, Джордж Клинтон, Джефф Блэк и другие записали альбом, посвященный памяти Хендрикса. Недалеко от Сиэтла был возведен мемориал в честь Джими Хендрикса, который посещают тысячи почитателей творчества музыканта...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «При жизни Фредди Меркьюри (1946–1990) называли «ярчайший», а после смерти – «величайший». Именем Фредди Меркьюри названы две звезды – в созвездии Персея и Кассиопеи. Его песня «Мы – чемпионы» звучит в финале крупнейших соревнований...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «После «Битлз» Элтон Джон (р. 1947) оказался вторым поп-музыкантом, чья восковая фигура появилась в музее мадам Тюссо...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

Артисты балета, театра и кино

• «Пожалуй, никто из великих артистов не получал при жизни такого признания, как балерина Галина Уланова (1909/10–1998)... Ее именем был назван сорт тюльпанов, выведенный в Нидерландах (1965 г.), и выпущена памятная медаль с ее портретом (скульптор Николай Никогосян. – *Е.М.*)...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.). «В 1984 году перед стокгольмским Музеем танца установлена скульптура «живой легенде балета» Улановой (скульптор Елена Янсон-Манизер). Это был первый и единственный памятник русскому человеку за границей, поставленный при жизни. «Почему Уланова?» – спросили журналисты у президента комиссии международного танца ЮНЕСКО Бенгдта Хеггера, на что чиновник ответил: «Галина Уланова – это самая высокая высота в искусстве. Она не просто блестящая балерина – в мире много блестящих. Ее величие в том, что она в наш очень жестокий век, как никто другой, показала нам, как прекрасны простые естественные человеческие чувства – добро, правда, красота». В том же году в Аллее героев ленинградского Парка Победы был установлен бронзовый бюст Улановой (скульптор М. Аникушин).

Имя Галины Улановой присвоено ювелирному алмазу весом 164,7 карата, добытому в марте 1993 года на алмазной трубке «Удачная» в Западной Якутии. Алмаз «Галина Уланова» пополнил коллекцию из более 400 уникальных и знаменитых именных якутских алмазов, являющихся национальным достоянием России. 20 декабря 2004 года для посетителей открылся музей-квартира балерины Галины Улановой. Музей располагается в доме, где жила балерина. Экспозиция музея, состоящая из фотографий, афиш, писем, мемориальных вещей рассказывает о жизни и творчестве Галины Улановой, начиная с ее первых выступлений на сцене и заканчивая последними годами жизни. В музее сейчас 15 тысяч единиц хранения. Сохранилась личная библиотека Улановой. Из 2400 томов – 300 книг с дарственной надписью знаменитых людей...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Марсель Марсо (1923–2007) – величайший мим 20-го века. Его именем названы многие школы актерского и циркового мастерства, в его честь выпущена медаль. Марселя Марсо называют самым популярным французом современности...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В августе 1994 года в Санкт-Петербурге на сцене Александрийского театра состоялся I Международный балетный конкурс «Майя», где Майя Плисецкая (р. 1925) была председателем жюри и сама формировала его состав... В 1994 году Институт теоретической астрономии присвоил имя Плисецкой малой планете № 4626...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «В память о Рудольфе Нуриеве (1938–1993) в Казани (Россия) проходит фестиваль (Нуриев еще при жизни благосклонно согласился на это), который с 1994 года получил официальное название международного имени Нуриева. С середины 1990-х годов фестиваль в Казани получает всемирную известность. Фестиваль классического балета имени Р. Нуриева проводится ежегодно в мае. В период фестиваля на сцене театра выступают лучшие представители балетного искусства России и зарубежных стран» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Дэйвид Гаррик (1727–1779) умер 20 января 1779 года... Тело величайшего артиста Англии решено было похоронить в Вестминстерском аббатстве. В величественной старинной готической церкви встретил его епископ Рочестерский. При снятии тела с катафалка 10 знатнейших лордов Англии поддерживали покров. В самом помещении от входа возвышается на высоком пьедестале бесподобная статуя Шекспира, а «у ее подножия, в награду за любовь к великому поэту, лежит Гаррик, как верная собака у ног своего господина» (Г. Гейне). Один из его друзей воздвиг в Вестминстере небольшой памятник, расположенный довольно далеко от могилы, высоко над головами зрителей. Это – довольно изящный барельеф: Гаррик раздвигает занавес и спускается по лестнице, у подножия которой сидят Комедия и Трагедия... Воспоминанием о Гаррике в Личфильде (на родине артиста в Англии. – Е.М.) служит бюст его, воздвигнутый в знаменитом соборе этого города. Под ним значится, что «Ева-Мария Гаррик поставила этот памятник своему возлюбленному супругу». По обе стороны большого готического окна расположились изображения двух замечательных жителей Личфильда: направо – Гаррик, налево – Джонсон. Над ними веют знамена какого-то военного памятника, а под ними – старые истертые доски, на которых видны прочувственные надписи. Среди потемневших слов находим замечание Джонсона, которое будет всегда памятно: «Его смерть погасила веселость народов и сократила число их безвредных наслаждений...» (из очерка Т. Полнера «Д. Гаррик, его жизнь и сценическая деятельность», Россия, 1891 г.).

• «Франсуа-Жозеф Тальма (1763–1826) тихо ушел из жизни 19 октября 1826 года. Летописец «Комеди Франсез» писал: «Кортеж был величественный: должно быть, треть населения Парижа следовала за гробом, так велики были толпы людей от дома покойного до самого кладбища. Все писатели, художники, несколько депутатов, многие члены Академии и все артисты столичных театров сочли долгом почтить память этого бессмертного трагика и лучшего из людей». Прах Тальма был погребен неподалеку от могил Мольера и Лафонтена. Год спустя, 19 октября 1827 года, останки великого актера перенесены в склеп, построенный на том же кладбище...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Похоронили Михаила Щепкина (1788–1863) в Москве, на Пятницком кладбище. Гроб с прахом великого актера опустили в землю вблизи могилы друга и учителя Грановского. Так он завещал. На памятнике из дикого камня выбита надпись: «Михаилу Семеновичу Щепкину. Артисту и человеку...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.). «Традиции сценического реализма, заложенные М.С. Щепкиным, сыграли большую роль в практике Малого театра (Москва), за которым упрочилось наименование «Дома Щепкина»...» (из «Большой Советской Энциклопедии» в 30 т., т. 29, СССР, 1978 г.).

• «Актер Эрнесто Росси (1827–1896) любил похвастаться свидетельствами своей славы: аудиенциями у королей и президентов, разными знаками монаршей милости, хвалебными рецензиями, лестными отзывами великих людей. Актер гордился тем, что... три театра в Италии были названы его именем...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Отдав 45 лет жизни профессии, которую бабушка назвала «чудовищной», актер Лоренс Оливье (1907–1989) в июле 1947 года стал лордом Оливье Брайтонским... Его именем назван Большой зал лондонского Национального театра...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «Рудольф Валентино (1895–1926) снялся всего в 16-ти фильмах. Но он смог стать яркой, немеркнувшей звездой, на которую с благоговением смотрели во всем мире... Валентино называли «великим любовником эпохи», «красивейшим мужчиной в мире». После внезапной смерти (1926 г.) кинозвезда немого кино стала объектом религиозного культа... В начале 1960-х на родине Валентино в Кастелланата (Италия) был открыт памятник. Почти все мужское население итальянского города объявило себя его двоюродными братьями, а на открытии

многие носили маски, повторявшие черты лица кумира... В 1978 году часть бульвара Ирвинга в Голливуде была названа его именем. К удивительной жизни Валентино часто обращаются в театре и кино. Был создан прекрасный мюзикл «Чао, Руди!», в котором блистал Марчелло Мастороянни... Английский кинорежиссер Кен Рассел снял художественную ленту «Валентино», основанную на фактах биографии актера, правда, вольно трактуемых. В главной роли снялся великий танцовщик Рудольф Нуриев...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «В Советском Союзе Любовь Орлову (1902–1975) боготворили. Она была единственной и неповторимой. Ее любили, как можно любить только дорогого сердцу человека... И вот уже бороздит моря и океаны красавец теплоход «Любовь Орлова». Он был построен и спущен на воду в 1976 году в Югославии и приписан к Дальневосточному морскому пароходству. На теплоходе стараниями капитана Георгия Федоровича Семака и всего экипажа был создан музей народной артистки СССР Любви Орловой. На его стендах – фотографии, документы, кадры из кинофильмов...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «Народный артист СССР Николай Черкасов (1903–1966) скончался 14 сентября 1966 года... 27 июля 1970 года имя Н. Черкасова было присвоено одной из улиц в новом районе Ленинграда, 3 марта 1975 года в некрополе Александровской лавры был открыт памятник работы скульптора М.К. Аникушина» (из книги Ф. Раззакова «Как уходили кумиры», Россия, 2005 г.).

- «Сегодня сделанные с Жаном Габеном (1904–1976) фильмы стали классикой, некоторые считаются шедеврами, их постоянно крутят в синематеках и университетах всего мира. Ежегодно лучшему молодому французскому актеру присуждается премия «Жан Габен». До сих пор зрители называют Габена самым популярным актером Франции...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «13 мая 1997 года, в день 90-летия Кэтрин Хепберн (1907–2003), в крупнейшем городе США сад на площади имени Дага Хаммаршельда, находящийся около ООН, был переименован в «Сад Кэтрин Хепберн». В 1999 году она была признана самой легендарной актрисой американского кино...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «Артист Серго Закариадзе (1909–1971) столь прославился в роли отца солдата, что в Грузии ему поставили памятник, – это был памятник солдату в образе, каким его исполнил артист... Истинный масштаб дарования этого артиста театра и кино раскрылся именно в трагикомической роли крестьянина Махарашвили – героя фильма «Отец солдата» (СССР, 1965 г.). В поисках своего сына-фронтовика он попадает в действующую армию, видит войну собственными глазами... Вкусив до конца горечь войны (смерть сына), он философски осмысливает высокую цену жизни...» (из книги С. Фрейлиха «Теория кино: От Эйзенштейна до Тарковского», Россия, 2008 г.).

- «Юрий Никулин (1921–1997) скончался 21 августа 1997 года. Заголовки газет в тот день гласили: «Манеж опустел», «Умер смех»... Именем Юрия Никулина была названа малая планета. Такого не удаивался ни один цирковой артист в мире!» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

- «В 1992 году имя Нонны Мордюковой (1925–2008) было присвоено одной из малых планет Солнечной галактики. И в том же году составители в Британской энциклопедии «Кто есть кто» включили ее в число лучших актрис XX века!» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

- «С 2003 года Нижегородское театральное училище носит имя Евгения Евстигнеева (1926–1992). Актера, снявшегося более чем в 100 фильмах. И столь же плодотворно игравшего на театральной сцене... Актера, у которого могли быть маленькие, эпизодические роли, но не могло быть незначительных, сыгранных тят-ляп, на скорую руку. Они такие разные, его роли. И все-таки они все сыграны им... На родине, в Нижнем Новгороде, ему поставили памятник. Не монументально-постаментный, а очень простой и человечный. Такой же, каким и был великий актер. Евгений Александрович присел на лавочку, положил плащ на колени, снял шляпу и о чем-то задумался. Должно быть, о сегодняшней своей роли...» (из книги А. Шляхова «Москва на перекрестках судеб. Путеводитель от знаменитостей, которые были провинциалами», Россия, 2010 г.).

• «12 ноября 2002 года на доме № 14 по 3-й Фрунзенской улице, где жил Евгений Леонов (1926–1994), была открыта мемориальная доска. На церемонию открытия пришли близкие актера, художественный руководитель театра «Ленком» Марк Захаров, артисты Олег Янковский, Инна Чурикова и другие. Как сказала вдова актера Ванда Владимировна: «Евгения Павловича нет уже восемь лет, но его душа постоянно с нами...»...» (из сборника Ф. Раззакова «Как уходили кумиры», Россия, 2005 г.). Памятник Е.П. Леонову во всенародно любимой роли Доцента (фильм «Джентельмены удачи», СССР, 1971 г.) открыт в сквере напротив главного входа на киностудию «Мосфильм» (Москва).

• «...Жизнь Джеймса Дина (1931–1955) превратилась в настоящую легенду, стала для американской молодежи романтическим мифом. Колоссальное влияние на умы имели не только его роли, но и стиль поведения, манера одеваться... Более полувека прошло после смерти Джеймса Дина, но его вечно юный облик вдохновляет дизайнеров на создание потрясающих воображение линий мужской одежды. Джеймсу Дину посвящают песни, о нем пишут книги, снимают фильмы. В серии «Легенды Голливуда» почтовое ведомство США выпустило марку с изображением Джеймса Дина...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В 2000 году портрет актрисы Софии Лорен (р.1934), в числе портретов других знаменитостей, был помещен в «капсулу тысячелетия», на память для потомков...» (из сборника И. Мусского «100 великих актеров», Россия, 2008 г.).

• «21 июня 1992 года в Москве, на углу улиц Петровка и Рахмановского переулка открыт памятник Андрею Миронову (1941–1987). В 1993 году одна из малых планет № 3624, которая при взгляде с Земли кажется крошечной звездочкой, получила имя Андрея Миронова...» (из сборника Л. Бушуевой «111 гениев России. Литература, живопись, музыка, театр, кино», Россия, 2011 г.).

• «Сильвестр Сталлоне (р. 1946) – национальный американский герой, миф 1980-х... Сильвестр был назван звездой боевиков тысячелетия... вошел в Книгу рекордов Гиннеса в числе трех самых узнаваемых лиц мира вместе с Рейганом и Горбачевым... Он удостоен уникальной почести: при жизни актеру воздвигли памятник...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Карьера Арнольда Шварценеггера (р.1947) – одна из удивительных историй о небывалом взлете иммигранта в США. «Говорят, что я идеальное воплощение американской мечты. Это верно», – соглашается актер. В 1980-х годах его фильмы собирали миллиарды долларов. Компания «Коламбия пикчерс» заплатила НАСА полмиллиона долларов только за то, чтобы его имя было написано на шести ракетных ускорителях...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «В Брюсселе (Бельгия) установили монумент Жану-Клоду Ван Дамму (р. 1961). Актер с присущей ему скромностью заявил, что не знает, достоин ли он таких почестей» (из еженедельника «Антенна», Россия, ноябрь 2012 г.).

Спортсмены, шахматисты

• «Античные историки свидетельствуют, что в 884 году до нашей эры между Ифитом и Ликургом, правителями эллинских государств Элиды и Спарты, было заключено соглашение о проведении регулярных общегреческих спортивных празднеств в честь бога Зевса. Местом их проведения была избрана Олимпия; город на территории Элиды, в северо-западной части Пелопонесского полуострова, у слияния рек Алфей и Кладей... Так началась долгая эра Олимпийских игр Древней Эллады... Победители Олимпийских игр пользовались исключительным почетом и уважением. В их честь слагали гимны и песни, статуи атлетов устанавливали на площадях их родных городов, высекая на постаментах восторженные надписи. Некоторые из них дошли до наших дней. Вот что, например, было написано на пьедестале одной из «олимпийских» статуй в середине V века до н. э. – «Из знаменитых Микен воздвиг Киниск, одержавший победу в бое кулачном и отца имя носящий». Кроме того, изображения победителей чеканили на монетах...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Прыжки на лыжах с трамплина смело можно назвать национальным спортом Норвегии... Уже в середине 19-го века слухи о загадочных «летающих людях» из Норвегии стали распространяться по всей Европе... В 1860 году лыжники-прыгуны из Телемарка (Норвегия) впервые показали свое искусство в Осло, собрав огромное число зрителей. Однако регистрировать дальность прыжков додумались уже позже, только с 1868 года, и первый «официальный» результат составил 19 метров. Однако утверждают, что в 1866 году лыжник из Телемарка Сандре Нордхейм (1825–1897) совершил прыжок на 30 метров. Так ли это было или нет, однако в честь этого рекорда, выдающегося по тем временам, в Телемарке уже позже был сооружен памятный монумент» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Американский легкоатлет-многоборец Джим Торп (1888–1953) был чемпионом V Олимпийских игр (Стокгольм, 1912 г.)... Теперь поселок, в котором родился Торп, стал уже городом, переименованным в Джимторптаун. На центральной площади стоит плита из красного гранита, на которой высечены слова, сказанные Джиму Торпу после его победы на Олимпиаде королем Швеции Густавом V Адольфом: «Вы величайший атлет мира»...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Финский легкоатлет Ханнес Колемайнен (1889–1966) был чемпионом V (Стокгольм, 1912 г.) и VII (Антверпен, 1920 г.) Олимпийских игр... И в память его побед в Куопио, родном городе великого стайнера, на берегу одного из бесчисленных финских озер стоит теперь бронзовый памятник олимпийскому чемпиону...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.);

• «Финский легкоатлет Пааво Нурми (1897–1973) был чемпионом VII (Антверпен, 1920 г.), VIII (Париж, 1924 г.) и IX (Амстердам, 1928 г.) Олимпийских игр... Туристам, которым теперь доводится бывать в финском городе Турку, экскурсоводы показывают парк, в котором в юности тренировался великий финский бегун Пааво Нурми. Неподалеку от Турку он родился, здесь он решил стать великим бегуном... Пааво Нурми и сегодня – национальная гордость Финляндии. Одна из достопримечательностей Хельсинки – скульптура великого бегуна, установленная еще при его жизни – честь, которой удостоиваются немногие. В 1924 году по заказу финляндского правительства ее изваял известный скульптор В. Ааолтонен. А в музее спорта, который разместился в здании Олимпийского стадиона, один из главных экспонатов – шиповки Пааво Нурми...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Громкую славу лучшего лыжника мира обрел после I зимних Олимпийских игр (Шамони, Франция, 1924 г.) норвежец Турлейф Хауг (1894–1934), рабочий из небольшого городка Драммен (Норвегия)... Жизнь Хауга оказалась короткой – в возрасте 40 лет он умер после внезапно одолевшей его тяжелой болезни. Все его многочисленные спортивные награды хранятся теперь в музее родного города Драммен. Есть в городе и памятник великому лыжнику» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Польский легкоатлет Януш Кусочиньский (1907–1940) был чемпионом X Олимпийских игр (Лос-Анджелес, 1932 г.)... А затем началась Вторая мировая война, и 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу... Работая официантом в варшавском ресторане «Под петухом», Кусочиньский распространял антифашистские листовки. 26 марта 1940 года он был арестован гестапо. А 21 июня того же года вместе с несколькими десятками польских антифашистов его расстреляли в лесу под Варшавой. Золотая олимпийская медаль Януша Кусочиньского теперь хранится в варшавском Музее спорта и туризма. Именем великого спортсмена назван парк в Варшаве и один из стадионов столицы Польши. С 1954 года в Варшаве проводятся международные легкоатлетические соревнования – мемориал Кусочиньского. А в 1975 году была учреждена национальная премия его имени за выдающиеся заслуги в спорте...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «На Олимпийском стадионе в Хельсинки (Финляндия), рядом с которым стоит памятник великому бегуну Пааво Нурми, есть еще одно памятное сооружение – башня высотой в 72,71 метра. Эта цифра соответствует олимпийскому рекорду финского легкоатлета Матти Ярвинена (1909–1985) – на играх X Олимпиады в Лос-Анджелесе (США, 1932 г.) на это расстояние он

метнул копье... Конечно, время не стоит на месте, и в копьеметании появились новые олимпийские чемпионы, да какие!.. Но уникального памятника в честь олимпийской победы в виде башни на стадионе удостоен только один копьеметатель в мире – финн Матти Ярвинен, чемпион игр X Олимпиады в Лос-Анджелесе (США)...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Советский конник Иван Кизимов (р.1928 г.) был чемпионом XIX (Мехико, 1968 г.) и XX (Мюнхен, 1972 г.) Олимпийских игр... В 2003 году, в честь 75-летия двукратного олимпийского чемпиона Ивана Кизимова, Санкт-Петербургскую детско-юношескую школу олимпийского резерва, где тренируются юные всадники, назвали его именем. Здесь он и работал долгие годы, тренируя юных всадников. Очень часто Иван Кизимов бывает в этой школе и теперь...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «Лев Яшин (1929–1990) – (чемпион XVI Олимпийских игр, Мельбурн, 1956 г. – *Е.М.*) – остается единственным игроком сборной СССР, которого знают, помнят и любят в каждом уголке земного шара... Он был признан самым знаменитым советским спортсменом за минувший век. О Яшине пишут книги, снимают фильмы. Символично, что Фонд социальной защищенности спортсменов носит его имя....» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Советская конькобежка Лидия Скобликова (р.1939 г.) была чемпионкой VIII зимних (Скво-Вэлли, 1960 г.) и IX зимних (Инсбрук, 1964 г.) Олимпийских игр... С 1986 года в Челябинске (здесь спортсменка окончила педагогический институт, факультет физического воспитания. – *Е.М.*) стали проводиться ежегодные соревнования на призы Лидии Скобликовой. Именем шестикратной олимпийской чемпионки была названа челябинская детско-юношеская спортивная школа...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «В истории человечества нет ему, великому Пеле (р.1940), трехкратному чемпиону мира по футболу, равного по числу присвоенных званий почетного гражданина городов и стран... Свой юбилейный тысячный гол бразильский нападающий забил 19 ноября 1969 года с пенальти на стадионе «Маракана». Министерство связи Бразилии выпустило по этому поводу специальную почтовую марку – единственную в мире, посвященную индивидуальному достижению футболиста...» (из сборника И. Мусского «100 великих кумиров XX века», Россия, 2007 г.).

• «Советский лыжник Вячеслав Веденин (р.1941) был чемпионом XI зимних Олимпийских игр в Саппоро (Япония), 1972 г... Помнят победы Веденина на зимней Олимпиаде в Саппоро и на его родине в Тульской области – двукратный олимпийский чемпион родился в селе Слобода неподалеку от города Дубна. В последнюю субботу января в этом городе проводятся ежегодные соревнования в его честь – «Лыжня «Веденина»...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «На шоссе, соединяющем Ижевск и Воткинск (Россия), сравнительно недавно появился указатель: «Музей Галины Кулаковой». Открылся он к 60-летию великой лыжницы Галины Кулаковой (р.1942), и расположена музейная экспозиция на втором этаже дома, где живет сама четырехкратная олимпийская чемпионка (победитель XI зимних Олимпийских игр в Саппоро, 1972 г., и XII зимних Олимпийских игр в Инсбруке, 1976 г. – *Е.М.*). Устроить такой необычный музей решило правительство Удмуртии, и с тех пор в поселке Италмас, в доме Галины Кулаковой, побывало немало людей. Собраны в музее, само собой разумеется, многочисленные медали, призы, ценные подарки – кубки, вазы, шкатулки. Хранятся и лыжи, на которых Кулакова выступала на разных соревнованиях. А еще здесь можно увидеть воссозданный уголок деревенского дома, где прошло детство Кулаковой: простой деревянный стол, на котором стоит самовар, лавка рядом со столом, холщовые занавески на окне, часы-ходики с гирькой...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

• «В ноябре 1998 года в Олимпийской деревне (Москва, Россия) можно было увидеть многих прославленных спортсменов, тренеров, известных политиков, депутатов Госдумы и даже бывших членов Политбюро СССР. И не удивительно: в тот день на улице Удальцова в Олимпийской деревне был открыт памятник одному из самых великих спортсменов

современности борцу Ивану Ярыгину (1948–1997)... Пройдут годы, появятся новые великие борцы, но в России всегда будут помнить этого широкого и доброго русского человека, который напоминал сказочного богатыря, олицетворяя собою сильную и свободную Россию...» (из сборника А. Ушакова и Н. Гилевича «Великие спортсмены XX века», Россия, 2003 г.).

- «Финский легкоатлет Лассе Вирен (р. 1949) был чемпионом XX (Мюнхен, 1972 г.) и XXI (Монреаль, 1976 г.) Олимпийских игр... Сейчас четырехкратный олимпийский чемпион Лассе Вирен живет с семьей в своей родной деревне Мюрскюля (Финляндия). Каждую осень здесь проходят массовые забеги, которые носят его имя...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «Советская гимнастка Людмила Турищева (р.1952) была чемпионкой XIX (Мехико, 1968 г.), XX (Мюнхен, 1972 г.) и XXI (Монреаль, 1976 г.) Олимпийских игр... Любители статистики подсчитали, что за годы своей великой карьеры Турищева получала самые разные спортивные награды 137 раз. В ее честь в разных странах выпускались почтовые марки. В числе подарков, которые ее приходилось получать, есть даже инкрустированный именной пистолет – дар пограничников к одному из юбилеев...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «Украинский легкоатлет Сергей Бубка (р.1963) был чемпионом XXIV Олимпийских игр в Сеуле (Южная Корея, 1988 г.)... В Донецке (где С. Бубка жил и тренировался с 1979 года. – *Е.М.*), в самом центре города, стоит прижизненный памятник Сергею Бубке. Очень немногие спортсмены во всем мире удостоились подобной чести...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «Майкл Джордан (р.1963 г.) – выдающийся баскетболист нашего времени. Семь раз он получал титул лучшего игрока НБА(США) за свое виртуозное мастерство на площадке, сокрушающие прорывы обороны соперника и захватывающие дыхание обманные движения. Как о нем пишут американские газеты, он «достиг величайших вершин в баскетболе и вписал ярчайшие страницы в историю Национальной баскетбольной ассоциации» (НБА)... Джордан был очень польщен, когда по случаю 30-летия (1993 г.) в Чикаго ему был установлен памятник – трехметровая бронзовая статуя: Майкл в своем умопомрачительном прыжке. А «Макдоналдс» – беспрецедентный случай – назвал именем Майкла новый гамбургер «Макджордан», приготовленный по особому рецепту... Разбогатев, Джордан открыл в Чикаго собственный ресторан «Майкл Джордан»... В главном зале ресторана, где состоялось открытие, висела огромная картина – Джордан с мячом в прыжке... Фирма «Хейнз» начала выпускать нижнее белье «от Майкла Джордана»...» (из сборника Р. Белоусова «Частная жизнь знаменитостей: Собрание редких случаев, любовных историй, курьезов, слухов», Россия, 1999 г.).

- «Российская лыжница Любовь Егорова, (р.1966) была чемпионкой XVI зимних (Альбервилль, 1992 г.) и XVII зимних (Лиллехаммер, 1994 г.) Олимпийских игр... В конце февраля 2005 года в Северске (Россия), родном городе Егоровой, прошли торжественные проводы великой лыжницы из большого спорта. Они совпали с очередным региональным турниром по лыжным гонкам среди молодых спортсменов на призы, учрежденные Любовью Егоровой... Детско-юношеская спортивная школа Северска теперь носит имя великой олимпийской чемпионки...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «Когда Мэрион Джонс (р.1977), американская легкоатлетка, вскоре после сиднейской Олимпиады (Австралия, 2000 г.) приехала на несколько дней в столицу государства, которая также называется Белиз (на родину ее матери. – *Е.М.*), казалось, ее встречает едва ли не весь народ... Премьер-министр Белиза вручил Мэрион Джонс одну из высших государственных наград. И в довершение всего правительство приняло решение назвать именем олимпийской чемпионки только что отстроенный столичный стадион. Она присутствовала на его открытии, и теперь стадион официально называется Спортивным комплексом имени Мэрион Джонс...» (из сборника В. Малова «100 великих олимпийских чемпионов», Россия, 2006 г.).

- «В одном из районов Утрехта (Голландия) есть целый шахматный квартал с улицей имени Говарда Стаунтона (1810–1874)... Улица Стаунтона есть в бельгийском Лимбурге, и, как ни странно, в Гонконге...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи.

Свидетельства очевидца» Россия, 2008 г.).

- «В Германии в начале 20-х годов 20-го столетия во время финансового кризиса каждая земля выпускала свои денежные знаки, и на многих оказались шахматные мотивы – на одной из ассигнаций есть портрет великого Адольфа Андерсена (1818–1879)...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

- «Первый чемпион мира Вильгельм Стейниц (1836–1900) умер 12 августа 1900 года в Нью-Йорке... Похороны организовал Немецкий клуб журналистов, членом которого состоял Стейниц. Он же установил памятник, на котором было написано: «Здесь покоится в мире Виллиам Стейниц» и даты... 120-летию со дня рождения первого чемпиона мира по шахматам был посвящен международный турнир в Чехословакии («Мемориал Стейница»), прошедший 2 июня–1 июля 1956 года... Марки, посвященные В. Стейницу, выпущены во многих странах мира» (из монографии И. Линдера и В. Линдера «Фильгельм Стейниц: жизнь и игра», Россия, 2005 г.).

- «В России к 150-летию со дня рождения (2000 г.) Михаила Чигорина (1850–1908) выпущена серебряная монета стоимостью 5 рублей... В России улицы великого Михаила Чигорина нет, но в Киеве с 1953 года есть такая улица, и на ней расположена редакция шахматного приложения к спортивной газете...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.). «Его имя носят шахматные клубы, его памяти посвящаются турниры, о нем пишут книги» (из книги Е. Васюкова, А. Наркевича и А. Никитина «Михаил Чигорин», СССР, 1972 г.). «Памяти Чигорина посвящены международные турниры в Петербурге (1909 г.) и в Москве (1947 г.). Мемориалы Чигорина (Сочи, 1961–87 гг.) проводятся Шахматной федерацией РСФСР... В 1983 году Госкомспортом СССР учреждена Медаль имени М. Чигорина. Представляет собой металлический знак желтого цвета, округлой формы. На лицевой стороне рельефное изображение М. Чигорина на фоне шахматной доски. Внизу надпись: «М.И. Чигорин». На оборотной стороне надпись: «Организация и деятельность – залог процветания шахмат. М. Чигорин. Шахматная федерация СССР». Присуждается тренерам за подготовку шахматистов, добившихся на всесоюзных или международных соревнованиях высоких спортивных достижений» (из Энциклопедического словаря «Шахматы», СССР, 1990 г.).

- «В середине 1980-х годов правительство ГДР удовлетворило просьбу средней школы знаменитой шахматной деревни Штребек о присвоении ей имени Эмануила Ласкера (1868–1941). В начале 1990-х годов, по инициативе местного бургомистра Гертруды Клатт, в небольшом селении Тиров земли Бранденбург, где в течение нескольких лет до отъезда из гитлеровской Германии жил в летнее время Ласкер, его именем названа одна из улиц – Emanuel-Lasker Strasse... По инициативе президента земли Бранденбург Карла Хейнца Лангера, начиная с 1998 года – года 130-летия со дня рождения второго чемпиона мира – проводятся традиционные рождественские турниры памяти Ласкера, а сохранившийся дом, где он жил, решено превратить в музей великого шахматиста...» (из книги В. Линдера и И. Линдера «Короли шахматного мира: Жизнь и игра – сквозь призму энциклопедии», Россия, 2001 г.).

- «В Будапеште (Венгрия) есть улица Отто Блаты (1860–1939), известного шахматного композитора и одного из основателей производства трансформаторов...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

- «В городе Сегед (Венгрия), где проживает гроссмейстер Петер Леко, одна из площадей носит имя Гезы Мароци (1870–1951)...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

- «В 1961 году Вена (Австрия) почтила память своего великого сына Карла Шлехтера (1874–1918) площадью его имени...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.). Международные Мемориалы К. Шлехтера проводились в Вене (1923, 1947, 1949, 1959, 1961 гг.) и Буэнос-Айресе (1947 г.).

- «Улица знаменитого специалиста по трансформаторам и гроссмейстера Милана Видмара (1885–1962) – в Любляне, где есть и институт его имени...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

- «Улица югославского гроссмейстера Боры Костица (1887–1963) есть в его родном городе Вршац...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства

очевидца», Россия, 2008 г.).

• «В ознаменование 100-летия со дня рождения Хосе Рауля Капабланки (1888–1942) кубинские кинематографисты создали в творческом содружестве с российскими коллегами художественный фильм «Капабланка», посвященный одному из интереснейших событий в шахматной карьере чемпиона мира – участию в Московском международном турнире 1925 года... Поэму о Капабланке (1959 г.) создал известный кубинский поэт Николай Гильен... Увековечению памяти Х.Р. Капабланки служат также выпуски марок. Один из них, например, в 1951 году был посвящен 30-летию завоевания кубинцем звания чемпиона мира (1921 г.). В 1988 году, к 100-летию со дня рождения Капабланки, в Гаване были отчеканены юбилейные монеты, изготовлены памятные медали, а Министерство связи Кубы выпустило в обращение серию из 6 почтовых марок и 6 почтовых блоков...» (из книги В. Линдера и И. Линдера «Короли шахматного мира: Жизнь и игра – сквозь призму энциклопедии», Россия, 2001 г.). «...В 1988 году на Кубе были изданы две монеты с портретом Капабланки стоимостью в 1 песо...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «Памяти Александра Алехина (1892–1946) посвящены международные турниры: в Москве в 1956, 1971, 1975, 1992, 1996 годах и португальских городах Кашкайш в 1986 году и Эшториле в 1990 году. Во время последнего турнира состоялось торжественное открытие мемориальной доски на фасаде отеля, где прошли последние дни Алехина. А в 1998 году в Эшториле (Португалия) именем Александра Алехина была названа одна из новых улиц города...» (из книги В. Сабурова «Алехин», Россия, 2001 г.). «В один из осенних вечеров 1978 года в московском планетарии в присутствии многих гостей было вручено члену правления Центрального шахматного клуба СССР гроссмейстеру Александру Котову свидетельство о присвоении одной из планет имени Александра Алехина. В нем говорилось: «Ниже приводится текст официального сообщения об утверждении Центром по малым планетам (обсерватория Цинциннати, США) названия малой планеты 1909 АЛЕХИН 1972 RB2, открытой в 1972 году 4 сентября Л. Журавлевой в Крымской астрономической обсерватории. Названа в честь Александра Александровича Алехина, выдающегося русского шахматиста, чемпиона мира 1927–1935 и 1937–1946 годов...» (из книги В. Линдера и И. Линдера «Короли шахматного мира: Жизнь и игра – сквозь призму энциклопедии», Россия, 2001 г.). «..Именем великого Александра Алехина в 1977 году была названа планета, правда, не очень близкая и небольшая в диаметре 10 км, но тем не менее...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.). «В 1981 году на киностудии «Мосфильм» (СССР) были закончены съемки фильма «Белый снег России» – о жизни великого русского шахматиста Александра Алехина...» (из книги В. Линдера и И. Линдера «Короли шахматного мира: Жизнь и игра – сквозь призму энциклопедии», Россия, 2001 г.). «В Москве, на здании № 32 на Пречистинке, установили мемориальную доску, говорящую о том, что здесь, в гимназии Л.И. Поливанова, с 1902 по 1910 год учился чемпион мира по шахматам Александр Алехин...» (из книги Ю. Шабурова «Алехин», Россия, 2001 г.).

• «Роль чемпиона мира Макса Эйве (1901–1981) в мировой и национальной шахматной жизни была исключительно велика. Через 5 лет после кончины Эйве 8 ноября 1986 года в Амстердаме (Нидерланды) в доме на площади, носящей его имя, был открыт «Макс Эйве – Центр»... Часть этого Центра составил мемориальный музей, другую часть – солидная библиотека и научно-просветительские кабинеты, где занимаются одаренные молодые шахматисты, читаются лекции, проводятся семинары... В 1989 году при «Центруме» была создана Международная академия, цель которой – выдвижение шахматных талантов и содействие их становлению» (из книги В. Линдера и И. Линдера «Короли шахматного мира: Жизнь и игра – сквозь призму энциклопедии», Россия, 2001 г.). «В Амстердаме (Нидерланды) в самом центре есть площадь пятого чемпиона мира Макса Эйве, главной достопримечательностью которой являются огромная доска и шахматы, вокруг которых всегда много зрителей... В Утрехте есть площадь Макса Эйве и улицы в честь шахматных фигур и терминов... В Роттердаме недавно появилась Avenue Dr. Max Euwe... Улицы Эйве есть еще в голландских городах Зандвоорт и Росмаллен...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «Памяти Пауля Кереса /1916–1975/ посвящаются традиционные международные турниры в Таллине (Эстония), там же в 1975 году открыт дом Шахмат имени Пауля Кереса. А в год 75-летия Кереса (1991 г.) эстонское правительство (это было впервые в истории шахмат!) выпустило в денежное обращение банкноту с портретом гроссмейстера достоинством в 5 крон...» (из книги В. Линдера «Макс Эйве: жизнь и игра», Россия, 2006 г.). «Следует отметить и площадь Кереса с памятником гроссмейстеру в его родном городе Пярну (Эстония), а также улицу в городе Нарва...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «В Амстердаме (Нидерланды) в самом центре находится мост, названный именем гроссмейстера Яна-Хейна Доннера (1927–1988)... Улица Доннера есть в Гааге...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «Тигран Петросян (1929–1984) – шахматист яркого таланта с оригинальностью и глубиной мышления... международный гроссмейстер (1952 г.), 9-й в истории шахмат чемпион мира (1963–1969 гг.)... Именем Петросяна названы Центральный дом шахматиста Армении в Ереване, шахматный клуб профсоюзов и заочная школа юных шахматистов в Москве... В 1987 году учреждена медаль памяти Петросяна...» (из Энциклопедического словаря «Шахматы», СССР, 1990 г.). «...В армянском городе Апаран есть улица Тиграна Петросяна... Памятник Петросяну открыт в Ереване. Кроме того, в Армении выпущена серебряная монета с портретом Тиграна Петросяна...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.).

• «Памятник Михаилу Талю (1936–1992) открыт в Риге (Латвия)...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.). Мемориалы М.Н. Таля проводились в Москве (Россия) в 1992, 1993, 2006, 2007 гг. и в Риге (Латвия) в 1995 году.

• «В исландском городе Рейкьявик существует улица, названная в честь чемпиона мира Роберта Фишера (1943–2003)...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.). «Р. Фишер – один из немногих шахматистов, кому посвящена песня. Ее в канун матча со Спасским (1972 г.) сочинил и исполнил известный московский бард, поэт и артист Владимир Высоцкий... Матч Р. Фишера с Б. Спасским в Рейкьявике (1972 г.) подсказал знаменитому режиссеру Тиму Райсу (Великобритания) идею создания шахматного мюзикла. Но реализовать эту идею он сумел только 12 лет спустя в содружестве с известными композиторами и певцами ансамбля «АББА» – Бенни Андерсеном и Бьерном Ульвеусом» (из монографии И. Линдера и В. Линдера «Роберт Фишер: жизнь и игра», Россия, 2005 г.). Матчу за мировое первенство по шахматам Б. Спасский – Р.Фишер (Рейкьявик, 1972 г.) посвящено несколько почтовых марок (Исландия, 1972 г., Нигер, 1973 г., Мали, 1973 г., Никарагуа, 1976 г. и др.). В 1992 году в Югославии была выпущена специальная марка в честь «Матча-реванша XX столетия» Р. Фишер – Б. Спасский (Свети-Стефан, Белград, 1992 г.).

• «Удивительно, что в Испании именем Анатолия Карпова (р.1951) названы две площади – одна в Валенсии, другая – в Лас-Пальмасе...» (из книги А. Михальчишина «За кулисами шахматной империи. Свидетельства очевидца», Россия, 2008 г.). «В сентябре 2000 года в поселке Пойковский Нефтеюганского района Ханты-Мансийского округа (Россия) состоялся первый международный турнир имени А.Е. Карпова... Впоследствии турнир стал традиционным, в 2004 году он достиг заоблачной 18-й категории (устанавливается по индивидуальным коэффициентам участников турнира. – Е.М.). Его даже называют «сибирский Линарес»...» (из книги И. Линдера и В. Линдера «Анатолий Карпов: жизнь и игра», Россия, 2006 г.).

От автора. Вместо заключения

Закрадывается, однако, сомнение: а столь же благодарной оставалась бы память о художнике-творце, если б труд его жизни не стал, за давностью лет, частью учебных хрестоматий и не скрыл все те противоречия, которые обличали его создателя как

мечтателя-фантазера с иррациональным укладом мышления?

Парадоксально, но метаморфозы времени *расширяют* границы личности художника-творца, но *сужают* круг дискуссий о нем. В лакированных биографиях все больше тем, «не требующих пояснений», и все меньше вопросов, вызывающих неоднозначные толкования. Так и появляются затейливые барельефы, греческие портики или статуи певцов девственной природы, на которых они изображены «причесанными красавцами-пахарями с неизменной мышкой у ног, маргариткой под лемехом плуга и парящей музой в классических покрывалах» (Р. Райт-Ковалева, 1965 г.). Так *должно* быть, и исподволь биографы-летописцы приучают потомков к «классическому восприятию».

Возьмем в качестве наглядной демонстрации биографию Франческо Петрарки (1304–1374) – классика мировой литературы, отделенного от нас завесой *семи* веков.

СТАДИЯ ПЕРВАЯ:

«Расширение» биографии художника-творца, или Его жизнь после смерти

«Петрарка, как никто до него, создал грандиозный и подробный литературный автопортрет – поэтическую исповедь «Канцоньере» («Книга песен»), книгу диалогов «О презрении к миру», три свода прозаических писем... Петрарка именно *создавал* свой портрет, создавал как художник, искушенный в тайнах ваяния, он шлифовал, он отсекал все на его взгляд лишнее (многие письма, в том числе все на итальянском языке, он попросту сжег), а если и решался предстать перед современниками и потомками обнаженным, то это, по остроумному замечанию Яна Парандовского, была нагота героическая, безукоризненностью и блеском напоминая античные статуи... Да и Вергилий, из четвертой эклоги приносил какие-то знакомые, давно слышанные им слова:

«Сызнава ныне времен зачинается строй величавый...»

Почему-то теперь он и себя, как бы со стороны, видел в этом ослепительном божественном сиянии... Кстати, с той же бестрепетной суровостью ваятелей обходятся с Петраркой и иные исследователи, не понимая, что монументальность не всегда к лицу даже великим, ибо изваянию удобно отвешивать поклоны, перед ним удобно благоговеть, но понять и полюбить можно только живого человека».

СТАДИЯ ВТОРАЯ:

Мифологизация жизни и творчества художника-творца, «сужение» круга дискуссии о нем

«Одолев целую пространную монографию о творческом и жизненном пути великого итальянца, можно, например, так и не выбраться из плена школярского мифа о девственности Петрарки. Можно прочитать статью о нем, в которой автор длинно рассуждает о потребности Петрарки любить и приводит перечень объектов этой любви, куда вошли Лаура, мать поэта, его брат и даже племянник, но не упоминает ни детей, ни внуков (ну не положено Петрарке любить внебрачных детей – пред сим суровым благочестием меркнет даже Блаженный Августин). Вот эти целомудренные маневры биографов вкупе с аскетическими пассажами самого Петрарки, быть может, несколько отдаляют, отстраняют поэта от современного, весьма раскованного читателя, особенно молодого, нагоняя на него зевоту каким-то неизбывным средневековым унынием... Но да будет известно нынешнему школяру, что Франческо Петрарка был разным. В Авиньоне он вел бурный, развеселый образ жизни и был, выражаясь языком современных школяров, весьма стильным молодым человеком. Не щадя ни времени, ни сил, он отдавался заботам о своей внешности, тщательно завивая локоны, трепеща при малейшем ветерке, который мог внести ненужную вольность в этот шедевр парикмахерского искусства, шарахаясь от уличных четвероногих, дабы те, не дай Бог, не забрызгали щегольской наряд. Чем не повеса – в шляпе набекрень, украшенной цветами, перьями и даже колокольчиком. Чем не дамский угодник – в кругу прекрасных донн, с лютней в руках, с изысканной песнью о своем безумии, о своей любви, «которую стыд велел по крайней мере скрывать, раз уж нельзя было ее угасить!» (нужно ли говорить, что этот строгий комментарий Петрарка сделал задним числом и много

позже)... Наконец, самая деликатная сфера. Духовное звание юридически обязывало каноника Петрарку к безбрачию, однако очень долго этой обязанностью он пренебрегал. И имел детей от женщины (или женщин?), имени которой не посчитал нужным назвать нигде и никогда... Отнесемся к этому без ханжества, свойственного иным целомудренным биографам, но и без соприродной ханжеству плотоядной улыбки, обнажающей нечищенные зубы при известии об интимных подробностях или тех минутах жизни художника, когда, «быть может, всех ничтожней он». Отнесемся ко всему с должным пиететом и поймем, что идеал, к которому искренне и страстно стремится поэт, и реалии его жизни – не одно и то же, что любые реалии не замутняют этот идеал, но, напротив, приносят в него истинно человеческое обаяние, многоцветность и многомерность (иначе ведь идеал будет припахивать пылью и воском паноптикума)...» (из очерка О. Дорофеева «Слово о мессере Франческо Петрарке, светском канонике, увенчанном лаврами, Поэте, магистре и гражданине Рима», Россия, 1996 г.).

Времен строй величавый... и вдруг – пыль и воск паноптикума! *Стрела времени* описывает довольно замысловатую кривую – от критического неприятия нового явления к безоговорочному признанию его как классической догмы. Тем самым Время изощренно мстит художнику-творцу за попытку своей «силовой деформации» (концентрированного выражения сути явлений в ходе естественного течения «жизни без событий»), находя возможность деформировать само его творчество, т. е. причину сей деформирующей силы. Оно процеживает его труды и мысли через сито очень мелкого масштаба – и очень многое из сделанного и пережитого им, что, собственно говоря, и составляет *опыт жизни*, остается не востребуемым, непонятым, не оцененным! Это еще одно «непреодолимое противоречие» из разряда вечных, с которым встречается каждое новое поколение художников-творцов как только начинает свою борьбу с «обществом большинства»! Как будто до сих пор не написаны истории народов. Как будто опыт отдельной жизни не слагается в опыт целых поколений («любые достижения – в копилку истории человечества»), к чему, наконец, призывают даже охранительные законы общества/клана/группы, стоящие на страже интересов прагматичного большинства! Так нельзя ли пустить «стрелу времени» по прямой, а иногда, чтобы избежать неминуемого тупика, применить возвратное движение?

«Мысль гения, могучая и всепроникающая, – отмечает Н. Гончаренко, – билась в железной клетке конечного существования, ища выхода. Поэты древней Индии и Греции воспевали Золотой век. Дж. Мильтон создал образ Времени, стремящегося назад к Золотому веку. Поэты очень часто пытались следовать за этим воображаемым бегом в дивную Нирвану. Ученые-реалисты развеяли эту иллюзию, доказав и невозвратимость времени, и отсутствие Золотого века в прошлой истории человечества» (из книги «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Столь же уверенно реалисты «расправляются» и с будущим, утверждая, что оно начинается в границах рационально определенного (предначертанного) настоящего. Все несбыточное, рассказанное в былинах и преданиях, они опровергают охотнее, чем воспринимают новое, непостижимое, несущее внеочередные нерешенные проблемы.

Вера в «вечный круговорот вещей» (И. Гёте), в принцип «вечного возвращения» (Ф. Ницше) или в «Золотой век» (Дж. Мильтон) была осмеяна «обществом большинства» тысячи раз, мечтатели-поэты и фантазеры-ученые были заклеены им как шарлатаны, смутьяны, ниспровергатели основ. Всякий раз их тащили на ареопаг жрецов науки или на алтарь искусства, чтобы принести в жертву или сжечь как неисправимых еретиков. Но почему «мир больше всего наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа», как будто придерживается «иной формы существования и способа торжества таких идей»? – недоумевает писатель-гуманист Чингиз Айтматов (1928–2008). Если все люди – братья, черпающие силы для жизни из единого духовного источника, такой «нигилистический» подход кажется неразумным.

А с другой стороны, почему бы и не применить силу отторжения, чтобы продемонстрировать реальность силы? Почему бы и не отвергнуть «способ торжества очевидных идей», если придерживаться мнения большинства, что «гений – не совсем человек», человек несносный, весь закрытый в себе и к тому же...больной. Так что тут уж, извините, срабатывают силы охранительные. Инородное тело призывает удалить иммунитет...

Можно говорить о жертвенности, предопределенной Роком. Но у рока всегда имеются

конкретные вершители, которые, преследуя художника-творца, хотят убить его Идею. А убив его самого, можно сделать невозможным рождение новых идей. *Они* так думают, стараются реализовать свое дьявольское намерение, иногда действуя с инквизиторским усердием, – и не могут известить своих оппонентов как класс, добиться всеобщего, тотального контроля над мыслью в, казалось бы, монолитном «обществе большинства!». Однако *они* могут рассчитывать на успех своего плана при *определенных условиях* :

- «Думая о жизни великих людей, замечаешь общую для них черту: какие бы судьба ни обрушивала на них жестокие удары, они оставались свободными. Но когда свобода исчезала, наступала смерть...» (из книги М. Буянова «Преждевременный человек», СССР, 1989 г.).

- «Творчество не расцветает в темницах... Творчество убивает не только сама несвобода, но и отсутствие борьбы против нее» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

Именно о свободе творчества («тихой, запретной радости») как главном условии деятельности художника-творца говорил А.С. Пушкин, а позднее цитировавший его Александр Блок. И именно отсутствие ее («убивают думку-то, убивают!» – А. Фадеев, 1956 г.) подводит человека творческого к роковой черте или, уж во всяком случае, усиливает влияние его злосчастной звезды. «Упасть в пропасть» не дает сила таланта, сила Давида, побеждающего несокрушимого Голиафа вопреки всем раскладам всех векторов физического взаимодействия сил:

- «Всякий раз, когда человек противопоставляет объединенным силам Вселенной всего лишь внутреннюю мощь своей веры и бросается в борьбу, кажущуюся бессмысленной по полной ее безнадежности, именно тогда душевное его напряжение творчески передается людям и создает из ничего несметные силы...» (из книги С. Цвейга «Врачевание и психика. Ф. Месмер, М. Бекер-Эдди, З. Фрейд», Германия, 1930 г.).

- «Сильная, негибкая, всегда пульсирующая воля скрепляет и приводит в действие все природные задатки, приобретенные и развитые навыки личности... Зов таланта, призвание гения – непреодолимы. Их сила сокрушает все на своем пути, несмотря на минуты сомнений... Вообще-то гении в Лете не тонут. Они не один раз уходят в забвение, но воскресают вновь и вновь. Кстати, это один из признаков настоящего гения...» (из книги Н. Гончаренко «Гений в искусстве и науке», СССР, 1991 г.).

- «Гений, преодолевая «земное тяготение» окружающей среды, вязкую топь обыденности, прорывается в Неведомое, совершает духовный подвиг, порою сам того не сознавая. Он расширяет пределы человеческих возможностей. Быть может, именно гении оправдывают существование многих поколений людей, безвестно уходящих в небытие. И если не всякому достает сил раскрыть все свои творческие возможности, то каждый имеет возможность приобщиться к творениям гениев, воздать им должное, проникнуться их светлым духом разума, добра и красоты» (из сборника Р. Баландина «100 великих гениев», Россия, 2007 г.).

Не эта ли *внутренняя мощь* создает анти-векторы внешнему взаимодействию сил («преодолевая «земное тяготение» окружающей среды»), что так мешает ученым-реалистам построить рациональную систему всего предметно-сущего, реально существующего? С удовлетворением или без него, но приходится признать и «вечный круговорот вещей», и принцип «вечного возвращения»...

Постскрипtum

«В то время, когда в Союзе писателей (СССР, середина 1950-х гг.) шла суетливая возня вокруг золотых и серебряных медалей (Сталинские премии 1-й и 2-й степеней. – *Е.М.*), по Москве чеканно военной походкой ходил прекрасный поэт Борис Слуцкий (1919–1986), напечатавший только одно стихотворение, да и то в 40-м году. И, как ни странно, он был спокойней и уверенней всех нервничающих кандидатов в лауреаты. Оснований для спокойствия у него как будто не имелось. Несмотря на свои 35 лет, он не был принят в Союз писателей. Он жил тем, что писал маленькие заметки для радио и питался дешевыми консервами и кофе. Квартиры у него не было. Он снимал крошечную комнатку. Его стол был набит горькими, суровыми, иногда по-бодлеровски страшными стихами, перепечатанными на

машинке, которые даже бессмысленно было предлагать в печать. И тем не менее Слуцкий был спокоен. Он всегда был окружен молодыми поэтами и вселял в них уверенность в завтрашнем дне. Однажды, когда я плакался ему в жилетку, что мои лучшие стихи не печатают, Слуцкий молча выдвинул свой стол и показал мне груды лежащих там рукописей. «Я воевал, – сказал он, – и весь прошит пулями. Наш день придет. Нужно только уметь ждать этого дня и кое-что иметь к этому дню в столе. Понял?!» Я понял...» (из воспоминаний Е. Евтушенко «Преждевременная автобиография», ФРГ, 1962 г.).